

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

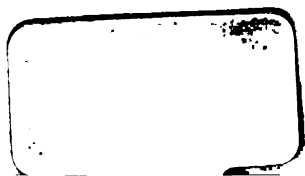
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 2/20/75 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЗАПИСКИ

1865

26 лет.

СЕНТЯБРЬ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

	СТР.
I. Пророчица раскольничья, Устинья Никифорова. (Окончаніе). Ф. Ливанова.....	1
II. Передъ грозой. Романъ изъ американской жизни и нравовъ. Главы XX—XXVII.....	64
III. Путешествіе Вамбери въ Среднюю Азію. <i>Статья первая.</i> Отъ Тегерана чрезъ Турменію до Хивы....	103
IV. Нѣмецкая наука и педагогика въ Россіи въ настоящее время. М. К.....	142
V. Мысли Джона Стюарта Милля о позитивной фило- софіи. Позднѣйшія умозрѣнія Огюста Конта.	156
—————	
VI. Политическая хроника. Временная развязка шлез- виг-голландскаго дѣла.—Ходъ вопроса объ устрой- ствѣ быта православнаго духовенства въ Россіи.....	1
VII. Овозрѣніе специальныхъ журналовъ. Сводъ мнѣній частныхъ лицъ относительно правилъ о тор- говлѣ питьями.— О торговлѣ Персіи въ отношеніи сбыта въ эту страну европейскихъ товаровъ и проч.	14
VIII. Литературная лѣтопись. Русская литература.....	23
IX. Иностранная литература.....	39
X. Новыя иностранныя книги.....	53
XI. Курьезы. Мыслящій реалистъ о Гамлетѣ Шекспира. (Подражаніе г. Писареву).....	55

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Лейпвал, № 38).

11

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СЛХИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою Санктпетербургъ. 29 августа 1865 года.

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ,

УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ).

ОЧЕРКЪ.

(Окончаніе).

— — —
VI.

Съ худой головой не суйся въ чадъ.

Исправникъ на другой же день пріѣхалъ лично на слѣдствіе съ ротой солдатъ и началъ съ того, что пересѣкъ публично 40 человекъ коноводовъ, которые брались за камень и ругались предъ окнами дома, гдѣ производилось, какъ они выражались, *надруганіе надъ ихъ строю*... Раскольники присмирѣли и дали знать объ этомъ заключеннымъ ученикамъ пророчицы, которыхъ когда привели на допросъ, то они смотрѣли уже на насъ совершенно *зотрями* изподлобья, такъ что, кажется, еслибы дали имъ ножъ въ руки, то они исправника перваго положили бы тутъ на мѣстѣ... Исправникъ однако не струсилъ и предъ допросомъ, чтобы показать, что ничего не боится, обругалъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ и вызвался самъ снять съ семи учениковъ пророчицы допросы. Мы, знаете, видя его такую крутость, осмѣлялись-было ему замѣтить, что раскольники, молъ, народъ съ *ідноромъ*, напризные, не то что простой мужикъ православный, и *крутыи* съ ними *обхожденій не любятъ*, но онъ отвѣтилъ намъ, что еслибы управляли ими одни военныя лица—онъ былъ, видите ли, армейскій майоръ—а не *рябчики штатскіе*, то этотъ расколъ давнимъ-давно былъ бы согнутъ въ бараній рогъ и не было бы его духу... Положили бы его на ладонь, да другой прихлопнули, и было бы только мөренько!... И исправникъ тутъ показалъ намъ, какъ бы это было, ударивъ ладонь объ ладонь... Я этакъ переглянулся съ членами

своими и соображалъ: посмотримъ, молъ, чего-то вы достигните, господинъ военный исправникъ!...

— Началь онъ такимъ образомъ допросъ съ перваго изъ учениковъ пророчицы, приказавъ прочимъ всѣмъ вывести на время. Тѣхъ вывели.

«— Что при этомъ молодцѣ найдено? обратился исправникъ ко мнѣ.

«— Вотъ, говорю, посланіе одно и стихи.

«— Подайте, говорить, ихъ сюда.

— Я взялъ со стола, гдѣ напередъ разложено было мною все личное, найденное у учениковъ пророчицы при арестованіи ихъ, и подалъ найденное при допрашиваемомъ.

«— Прочтите, говорить, вслухъ.

— Я взялъ посланіе и сталъ читать.

«Ангелу Саратовской церкви».

«Вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, яко восхитилъ еси священники и левиты отъ дальнихъ странъ, иже жонъ не имуть и безъ жонъ не суть. Умудрися и поберегися града Саратова и властей его, якоже писано есть: «да не вѣсть десница твоя, что творить шуйца твоя» — тако и сотвори, да имуще супостаты книгъ церковныхъ старопечатныхъ въ преисподнихъ земли, не хватились бы за книги новыя, яже у причетницъ наружи. Имѣяи уши слышати да слышати!...

«— Это, «собака», ты-то Ангелъ саратовской церкви? закричалъ исправникъ.

«— Я! отвѣчалъ первый ученикъ.

«— Кто же это тебѣ написалъ такое посланіе?

«— Искупитель, говорить...

«— А гдѣ же онъ находится?

«— Въ Иркутскѣ.

«— Ахъ ты образина дурацкая! вскрикнулъ исправникъ.— Это ты такову нелѣпицу-то и мелешь народу?...

«— Не ругайся, *продажный слуга антихриста*... отвѣчалъ вдругъ дерзко ученикъ пророчицы.— Законъ не приказываетъ *надругаться надъ подсудимымъ*. Я не затѣмъ сюда пришелъ...

— И потомъ вдругъ упорно смолкнулъ и отвернулся.

«— Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать? загорячился исправникъ.— Да знаешь ли ты, что я тебя подъ кнутъ подведу, на вѣки вѣчныя въ каторжныя работы запрочу?...

А тотъ, знаете ли, уперъ глаза въ стѣну, да хоть бы слово на это отвѣтилъ — точно замеръ... Когда такъ, то я, дескать, и говорить-то съ тобой больше не хочу... Мы опять переглянулись между собою и держимъ на умѣ: ловко, молъ, дѣло-то *повель!*...

«— Чтò ты за человѣкъ и откуда родомъ? снова спросилъ исправникъ, крутя свои большіе усы.

— Тотъ молчитъ.

«— Чтò, говоритъ, у тебя языкъ-то отсохъ, что ли?

— Молчитъ.

«— Не хочешь говорить?

— Опять молчаніе...

— Исправникъ, видимъ, вдругъ вспыхнулъ, сконфузился, и желая вѣроятно поправить дѣло, обратился ко мнѣ и сказалъ:

«— Прочтите стихи, найденные при немъ.

— Я взялъ стихи со стола и началъ читать:

Благослови вышній Творецъ
Нашъ: «Христось воскресъ!» воспѣтъ
Искушителя вострѣтъ.
Полно пташечки садѣтъ
Приходитъ время летать
Изъ затворовъ, изъ остроговъ,
Изъ темничныхъ заповровъ...
Караулять, стерегутъ
Христа Бога берегутъ.
Крѣпкіи двери затворили —
Христа Бога заключили,
Будто радость получили.
То не знаютъ іудеи,
И всѣ злые фарисеи
Како чудо претворится?
Крѣпкая дверь отворится,
Тяжелъ камень отвалится,
А нашъ батюшка родной
Воскресеніемъ явится.
Чудеса будетъ творить,
Въ влату трубушку вострубить,
Ого сна вѣрныхъ разбудить,
Погонять его гонцы
Во всѣ стороны концы,
Вудутъ вѣрныхъ вѣстить,
Чтò нашъ батюшка родной
Много съ нами погостить.
Такъ намъ надобно, любезны,
Къ той порѣ себя исправить
Всѣмъ нарядъ божій достать,
Какъ предъ батюшкой бы стать!
Пора, други, украситься,

Чтобъ стыдно намъ лвиться,
 Другъ на друга не вредиться,
 Добрымъ дѣломъ не хвалиться,
 А богатствомъ не гордиться!
 Всѣ въ батюшкѣ ярипадите
 И сердцами воздохните.
 Спѣшитьъ батюшка, катить
 Огъ со страшнымъ судомъ
 Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
 Со небесными дарами
 Со разными со вѣндами:
 Съ знаменами и крестами,
 Со златыми со трубами,
 Съ богатырскими конями.
 Вудеть батюшка дарить,
 По плечамъ ризы кроить
 Къ вѣрнымъ праведнымъ съ наградой
 Со небеснымъ покровомъ...

«— Твой? заговорилъ уже ласковѣе исправникъ съ допрашиваемымъ.

— Тотъ ни слова...

«— Не хочешь говорить, такъ скажи, мы такъ и запишемъ?

— Опять молчаніе...

«— Тьфу! плюнулъ исправникъ прямо въ лицо допрашиваемому. — Это чортъ-знаетъ что такое, хоть кого изъ терпѣнія выведеть!... Уведите, говорить, его и давайте слѣдующаго.

— Перваго ученика, такимъ образомъ, увели и привели другого. Только бывшіе въ сѣняхъ прочіе-то ученики вѣроятю слышали чрезъ дверь допросъ своего собрата, потому что незамедлили послѣдовать той же самой системѣ на допросѣ... Исправникъ спросилъ меня:

«— Что при этомъ найдено при арестованіи?

«— Одно, говорю, посланіе.

«— А стиховъ нѣтъ?

«— Нѣтъ.

«— Ну, прочтите, говорить, посланіе.

— Я зачиталъ:

«Ангелу Симбирской церкви».

«Вѣмъ твою дѣла и трудъ твой, еже творши съ отроки и юноши, соблазняющіи многи монахи и трудницы, яже есть въ Климковской Казанской обители. Отъ нихъ нараждаются дѣтища мнози, отвергаются въ кладязи и псходища водныя искрещенны въ три погруженія, и прелазятъ ограду обительную вшуть-уду и внѣ-уду, а писано есть:

Не входяя дверьми, но прелазая инудѣ, той есть тать и разбойникъ. Сего ради аще не покается, изглажу ихъ изъ сонма вѣрныхъ и предамъ достояніе ихъ иноплеменикамъ, да воздѣлываютъ нивы оныя съ лихвою. Имѣя уши слышати, да слышатъ!»

«— И ты ангелъ? спросилъ исправникъ новоприведеннаго.

— Молчаніе... Исправникъ окончательно былъ, что называется, зарѣзанъ и взбѣсилъ такъ, что инда вскочилъ со стула; однако скоро переломилъ себя и притворно ласково заговорилъ со вторымъ ученикомъ пророчицы.

«— Ты, другъ любезный, скажи намъ: кто ты и откуда?

«— Оттуда!... отвѣчалъ прегрубо второй ученикъ и, въ упоръ отвернувшись къ стѣнѣ, направился къ двери. Физиономія этого ученика была сонная такая, немудрашая, а злости, видимъ, было много...

— Исправникъ, замѣтили мы, сжалъ кулаки, затрясся отъ злости и сквозь зубы, переломивъ себя, выговорилъ:

«— Слѣдующаго давайте!

— Ввели третьяго ученика пророчицы. Смотримъ: мужикъ здоровый такой, лицо необыкновенно глупое, голова нечесаная, волосы рыжіе и глаза навывкатѣ.

«— При этомъ что найдено? спросилъ меня обычно исправникъ.

«— Посланіе, говорю, и двое стиховъ.

«— Прочтите, говоритъ, сперва посланіе, а потомъ и стихи.

— Я сталъ читать:

«Ангелу Московской церкви».

«Вѣдь твоя дѣла и трудъ твой, яже подъялъ если противу гонителей за церковь свою соборную апостольскую единую подъ солнцемъ, и не утрапился еси силъ никоніанскихъ щепотничьихъ; и умножу тебя выходцами, татами, врамольниками и всѣми сборами, пресмыкающимися по землѣ. И сотворю ты вертепомъ разбойниковъ и жилищемъ страннымъ и сонмъ твой раздѣлю на многіе сонмы и водворятся въ тебѣ безпоповщина, искрабовщина, стуковщина и нивн мнозиа зѣло, но трезвися и бодрствуй, да не восхитятъ чуждые богатства твоего, яже суть на мотковщинѣ и объ онъ-полѣ. Имѣя уши слышати, да слышатъ!»

«— Теперь прочтите стихи, сказалъ исправникъ.

— Я зачиталъ одни стихи:

Какъ не бѣлый снѣгъ бѣлѣтся,
 Забѣлѣлся и заалѣлся
 Удалие доброе молодцы.
 Они чистые, непорочные,
 Грѣхамъ тяжкимъ недоточные.
*Они плачутъ, какъ рѣка льется,
 Возрыдаютъ, какъ ключи гремятъ...*
 Посреди ихъ, сударь, Сынъ Божій,
 Онъ речеть, государь, глаголетъ
 Изъ устъ своихъ пречистыхъ.
 «Вы возлюбленные дѣтушки
 И вы чистые, непорочные,
 Грѣхамъ тяжкимъ недоточные!
 Вы о чемъ же такъ слезно плачете
 И вы плачете, какъ рѣка льется,
 Возрыдаете, что ключи гремятъ?»
 Отвѣтъ держать добры молодцы:
 «Государь родимый батюшка!
 Ужь какъ же намъ не плакаться?
*Нами мръ, народъ рыдается,
 Нами, Господомъ, поношается!*
 Проглаголяй имъ сударь батюшка:
 «Вы возлюбленные мои дѣтушки
 И вы чистые, непорочные,
 Грѣхамъ тяжкимъ недоточные!
 Потерните время малое
 Кратку жизнь сію на сырой землѣ.
 Я зато васъ буду жаловать
 Дарить васъ конями богатырскими,
 Еще ризами нетлѣнными
 И вѣнцами семигранными,
 Еще царствіемъ небеснымъ
 И раемъ-то, раемъ блаженнымъ!»
 И аминь Царю Небесному!

«— Это кто тебѣ, любезнѣйшій, писалъ? спросилъ исправникъ.

— Молчаніе.

«— Отчего же ты не хочешь сказать намъ?

— Опять молчаніе.

«— Я вотъ никакъ не могу понять, отчего же тутъ ваши люди-то плачутъ, какъ рѣка льется и рыдаютъ, какъ ключи гремятъ?

«— Отъ вашего брата!... сѣвось зубы отвѣчалъ ученикъ про- рочицы...

«— Да что же мы худаго-то вамъ сдѣлали? Не понимаю.

«— А не понимаешь, такъ тебѣ нечего и растолковывать... отвѣчалъ допрашиваемый и отказался отвѣчать далѣе...

«— Прочтите слѣдующіе его стихи, сказалъ исправникъ.

— Я сталъ читать другіе стихи:

Спаситель, сударь нашъ,
 Пребивай всегда ты въ насъ,
 Ты нашъ батюшка владна
 Свѣтъ Сынъ Божій государь!
 На тебя свѣтъ умоваемъ —
 Не погибнемъ никогда,
 Правда божія твоя
 Сохраняеть насъ всегда.
 Ты *заступникъ*, сударь, нашъ,
 Не оставишь никогда,
 Ты нашъ батюшка *ограда*
 Твоя истина свята
 Пребудеть до конца.
 Ты насъ, батюшка, не оставилъ,
 На путь истинный наставилъ,
 Любовь божью наградилъ,
 Свою милость намъ *явилъ*...
 Мы къ тебѣ свѣтъ *прибѣгаемъ*,
 Тебя въ пѣсняхъ восхваляемъ.
 Какъ у насъ было, братцы,
 Въ большомъ царскомъ кораблѣ
 Пребогатый сидятъ гости
 Иоаннъ, сударь, Предотечъ.
 Его милости много,
 И во всемъ онъ намъ помога:
 Кораблемъ онъ управляетъ,
Отъ враговъ насъ избавляетъ,
 На корабль онъ не *пускаетъ*
Злыхъ лютей зѣрей...
 Своимъ словомъ прогоняетъ
 Божьей властью завсегда.
 Какъ плыветъ нашъ корабль
 По синему по морю,
 Легки вѣтры воставали
 И къ востоку понесли:
 Вы вставайте, братцы,
 И поклоннитесь
 Пребогатому гостю
 Иоанну Предотечу.
 Онъ насъ, батюшка, хранитъ,
 До востока доводитъ.
 Проситъ онъ, нашъ сударь,
 Сына Божьего свѣта
 На семъ нашемъ кораблѣ
 Съ Богомъ, съ батюшкѣмъ *прибыть*
 Спаситель, сударь, нашъ
 Со апостоли гуляеъ,
 Онъ бесѣдовалъ съ нами
 Въ тайныхъ мѣстахъ, государь.
 Призывалъ онъ насъ, владна
 Въ царство божіе свое
 И всѣхъ своихъ людей
 Ко спасенью приводилъ.

Пророчество книгъ
 Во предъ-будущемъ лѣтѣ
 И въ болѣзняхъ исцѣлѣтъ
 Своей волею всегда.
 И владыку сына божья
 Били, мучили его.
 И едины изъ апостоловъ
 Продаша его
 На зло, лютое мученье,
 На распятіе,
 И всѣмъ злымъ врагамъ
 На поруганіе.
 Онъ нашъ батюшка терпѣлъ
 И всѣ страсти принималъ,
 Онъ принявши всѣ страсти,
 На крестѣ онъ былъ распятъ.
 Прослезился государь
 Видя праведныхъ людей,
 Матерь Божія Марія
 Слезно плакала объ немъ.
 Свою волю вознигъ,
 Самъ спасти всѣхъ захотѣлъ.
 И тридневный онъ воскресъ
 И всѣхъ въ радость обратилъ,
 Ужъ онъ адъ разрушилъ,
 Враговъ всѣхъ сократилъ.
 Ты стонай же вѣчный адъ!
 А я пойду въ садъ гулять,
 Прикажусь я, государь,
 Во праведный божій родъ.
 Ужъ вы ой еси! вы дѣти,
 Всѣ вы братца и сестрицы!
 Вы возьмите себя въ разумъ,
 Какъ Сынъ Божій терпѣлъ:
 Онъ страданья принималъ,
 Всѣмъ намъ путь показалъ.

«— Да это чортъ-знаеть, что за ерунда и конца не дожدهшь-ся! закричалъ исправникъ, забывши свою новую роль...

— Ученикъ пророчицы *сверкнулъ глазами* при этихъ словахъ. Священникъ-депутатъ вошелъ тутъ съ нами въ разговоръ и сказаль, что это какъ будто сказаніе изъ священныхъ книгъ объ Иисусѣ Христѣ, только переложенное на мужицкую рѣчь. А впрочемъ, прибавилъ онъ:—можетъ быть, они и еще кого нибудь тутъ разумѣють, объ этомъ лучше можетъ сказать самъ владѣтель стиховъ.

— Исправникъ обратился вслѣдствіе этого къ ученику пророчицы съ вопросомъ:

«— Кто это тутъ, братъ любезный, разумѣется?»

— Тотъ отвернулся отъ исправника и уперъ глаза въ уголь; значить, не терай, дескать, напрасно и словъ...

«— Доканчивайте, доканчивайте! заговорили всѣ, чтобы вывести исправника изъ неловкаго положенія.

— Исправникъ кусалъ отъ злости губы... Я продолжалъ:

Онъ насъ златомъ наградитъ
И складать намъ не велитъ.
И намъ надобно, братцы,
По его слѣду идти,
До царствія бы дойти,
Получить бы намъ, братцы,
Что сказано на землѣ.
Провѣщалъ намъ святой Духъ:
«Вънца славу намъ воздать
За работу, за труды —
И за всѣ его дѣла.
Спаситель, сударь нашъ
Изволитъ пребывать
Въ седьмомъ небѣ на престолѣ,
Отъ престола божьей славы
Самъ изволитъ посылать
Съ седьмого неба владыка
Святого Духа, государь.
Онъ нашъ батюшка катитъ,
Какъ соколъ, сударь, летитъ,
Души наши просвѣщаетъ,
По сердцамъ нашимъ катитъ,
Плоти наши ублажаетъ,
Въ любви жить утверждаетъ.
По округѣ самъ катитъ,
Весь корабликъ просвѣтитъ.
Изъ устъ гласъ испускаетъ,
Свою милость намъ являетъ:
Ужь вы ой еси! удалые,
Всѣ добрые молодцы!
Любовь божью вы имѣйте —
Не погибнете никогда.
Не ходите вы, други,
По разнымъ путямъ,
Не глядите вы, други,
По разнымъ сторонамъ.
Не творите вы, други,
Злаго тяжкого грѣха,
Не прогнѣвайте, други,
Вы небеснаго отца,
Не сроните золотого
Своего злата вънца.
Вы несите его
До послѣдняго конца,
И до самаго, други,
До превышняго Творца.

Татъ, други мои милые,
Успокойте отца!
Во гѣки вѣковъ, аминь.

«— Желаешь отвѣчать что нибудь намъ на вопросы? спросилъ исправникъ.

— Молчаніе.

«— Если нѣтъ, то такъ и скажи?

— Молчаніе...

«— Слѣдующаго! сказалъ исправникъ; засучивая рукава...

— Ввели на мѣсто третьяго четвертаго ученика. Смотримъ— лицо широкое такое, какъ лопата, борода помеломъ, глаза мутные такіе...

«— Прочтите, чтѣ при этомъ найдено при обыскѣ? сказалъ исправникъ.

— Я зачиталъ посланіе:

«Ангелу Крупицкой церкви.

«Вѣмъ твоя дѣла, яко не умѣлъ еси соблюсти дара моего безцѣннаго Иннокентія преподобнаго, его же безбожный комиссаръ *Гамзюковъ* съ никоніанцы восхитилъ изъ пещеры и въ огонь вверже. Но азъ взяхъ его, яко же старозаконнаго пророка *Илію* и вознесохъ на небо въ колесницѣ огненной, съ которой спадшіе вериги святаго, искупленные *у юнителей сребромъ и златомъ*, хранятся въ Спасской гомельской обители. А ты зѣваеши, не скрывай же таланта своего въ землю. Иначе отъять будетъ отъ тебя талантъ и данъ имущему десять талантовъ. Имущему бо дано будетъ и приизбудеть, отъ неимущаго, еже мнится имѣти ему, отыметса отъ него, яко же о семъ въ проложѣ писано есть. Имѣй уши слышати, да слышитъ!

«— Стиховъ при немъ не было?

«— Не было, говорю.

«— Ну-съ, любезнѣйшій, такъ ты ангелъ крупицкой церкви? заговорилъ исправникъ, приступивъ къ ученику подъ носъ.

— Тотъ молчать.

«— Тоже не хочешь отвѣчать?

— Молчаніе.

«— И этоть то же! вскрикнулъ исправникъ, дѣйствительно потерявшій всякое терпѣніе.—Татъ вы дурачить, что ли, вздумали насъ?...

— А самъ, знаете, бадя ангела крупничкой-то церкви прямо въ физиономію кулакомъ да и началъ тузить... Смотришь ми—скованный ученикъ то зеленѣеть, то блѣднѣеть отъ злости, а подѣлать, значить, ничего не можетъ...

«— Да я тебѣ всё челюсти раздроблю, раскаленнымъ желѣзомъ питать буду, за суставы къ перекладу привѣшу и добьюсь того, что развяжѣ твой дурацкій языкъ, кричалъ исправникъ... Я васъ всёхъ въ бараній рогъ согну...

«— *Не тебѣ!*... сѣвось зубы процѣдилъ ангелъ крупничкой церкви...

«— Не мнѣ? А вотъ посмотримъ... Уведите его и *притомовте* для него, что у насъ принято при *сѣдствіяхъ*... сказалъ исправникъ, поколотившій до крови крупничкаго ангела и задыхаясь отъ злости... Теперь слѣдующаго давайте!

— Привели пятого ученика пророчицы. Борода у приведеннаго была клиномъ, волосъ на головѣ мало, на лбу плѣшь.

«— И этотъ небось ангелъ какой-нибудь церкви? обратился ко мнѣ исправникъ.

«— Ангелъ, говорю.

«— Какой церкви?

«— Черниговской.

«— Читайте, что найдено при немъ.

— Я зачиталъ:

«Ангелу Черниговской церкви».

«Вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, его же подъемлеша на *избавленіе трудниковъ* и старцевъ, хотящихъ разрѣшиться отъ суетнаго міра сего и пріять вѣицы мученическіе со отцы святыми брянскими. Сего ради zelo накажутъ богохульники и суетвѣры, поносящіе имя твое губернаторы, исправники и становые и всякая приказная тварь, невѣдущая божественнаго писанія въ соборникѣ, еже глаголется: *блаженны есте, егда поносятъ вамъ и пронесутъ имя ваше, яко зло, сына человеческого ради. Радуйтесь и веселитесь*, яко мзда ваша многа на небесахъ. Того ради дерзай, чадо мое возлюбленное, и *не преставай умножати число мучениковъ*... и святителей на небесахъ. А азъ о тебѣ попевуся на земли и никто ты *не одолѣетъ*, ни въ судахъ стародубскихъ и *кубернскихъ*, ни въ дѣсахъ и борахъ могилевскихъ, гдѣ подвижники твои назирають проѣзжихъ щедотниковъ и надъ

ними *мясичаютъ*... Азъ тебѣ побѣждающемуся дамъ ключи ада, въ немъ же ты спасешься и весь домъ твой. Господу поспѣшествующему и словъ утверждающу послѣдствующими знаменьями. Аминь!»

«— И стихи найдены при немъ? спросилъ исправникъ.

«— Есть, говорю.

«— Прочтите.

— Я читаю:

Свѣтъ нашъ батюшка отецъ
 Испуитель Богъ творецъ!
 Обмылъ кровью дворецъ,
 Городъ Суздаль ты прославилъ,
 Въ тѣлесахъ души поздравилъ.
 Отъ великой отъ досады
 Сидишь, батюшка, въ засадѣ
 За крѣпкими запорами,
 За желѣзными вратами,
 За мудренными замками.
 Ужь вы суздальцы купцы,
 Удайте молодцы,
 Разбивайте крѣпки стѣны,
 Не побили бы васъ стрѣлы?
 О безбожныхъ Іудей!
 Распужали голубей
 По всѣмъ дальнимъ сторонамъ
 И по дикимъ островамъ.
 Умились нашъ государь
 Саваоѣ Богъ въ вышинѣ!
 Отопри крѣпки запоры
 И желѣзные врата,
 Выпусти къ намъ сокола.
 Прилети ты нашъ соколъ:
 Звали къ царю выкликать.
 Полно бѣлому орлу
 Во неволюшкѣ сидѣть,
 Пора ясну соколу
 Во Россію прилетѣть,
 На всѣ разные голоса
 Во всѣ стороны запѣть.
 Какъ страдатель судья нашъ
 Свѣтъ Сынъ Божій государь
 Посреди Ерусалима
 Онъ построилъ свой престолъ.
 Будетъ праведный судья
 Судить правымъ судомъ
 И кого застанетъ въ чемъ —
 Срубить словомъ, какъ мечемъ.
 Испуительскія дѣти!
 Не печальтесь ни о чемъ,
 Онъ вамъ созыншко свѣтилъ

Своимъ свѣтлымъ лучомъ,
 Искупитель свои слезы
 Пролетъ быстрымъ ключомъ,
 Неускнишигъ волеиёмъ,
Безпрестаннымъ страданіемъ
 Смирить явного царя
 И весь его синодъ
 Ужмитъ до сиротъ.
 Превратить явныхъ удѣлъ,
 Собереть своихъ всѣхъ
 Русскихъ бѣлыхъ голубей
 Изъ всѣхъ четырехъ странъ,
Не убоится черныхъ вранъ,
 Построить божій храмъ,
 Сорудить златой престолъ,
 На престолъ на златомъ
 Зацвѣтеть тамъ гора цвѣтъ,
 Засвѣтитъ во всю вселену
 Немерцающій его свѣтъ.
 Неубойтесь отъ амаликовъ
 Въ кораблѣ Спаса владыка!
 Къ вѣрнымъ Божія Матъ
 Спасетъ съ неба благодать,
 Отъ сѣвера заградить,
 Жостки волны приукротить.
 Извольте вы избранные!
 На престолъ отца поздравить.
 Тогда васъ отецъ прославить
 И по явнымъ по церквамъ
 Ему честь будетъ и слава
 Во вѣки вѣковъ!

— Только, скажу вамъ, кончилъ я эти стихи, какъ вдругъ камень полетѣли въ окошки комнаты, гдѣ мы снимали допросы, и одинъ камень свистнулъ прямо мимо ушей исправника, такъ-что чуть-чуть не срѣзалъ его съ ногъ. Мы всѣ, знаете, вскочили съ мѣстъ и остолбенѣли отъ страха; смотримъ только на исправника и выражаемъ глазами: ну, молъ, братъ, выручай насъ те-нерь!... Исправникъ однако нашелся въ своемъ положеніи и, орломъ вылетѣвъ тотчасъ же на улицу, закричалъ:

«— Сюда команду!

— Вся рота въ одно мгновеніе явилась и стала подъ ружье.

«— Положу всѣхъ бунтовщиковъ на мѣсть! командовалъ исправникъ.

— Всѣ присмирѣли...

«— Схватить зачинщиковъ!

— Двѣнадцать человѣкъ взяли и арестовали. Ихъ долго по-

томъ судили за открытое возмущеніе противъ властей—я же съ годъ возился съ ними—и сослали наконецъ въ Сибирь.

«— Ротѣ стоять на мѣстѣ съ заряженными ружьями! скомандоваль снова исправникъ:—и чуть только кто пикнетъ, сважите мнѣ... Сдѣлаю залпъ...

— Видимъ мы: всѣ ни-гугу! потому что же можно сдѣлать съ голыми руками противъ заряженнаго оружія? Исправникъ приободрился, вѣстия въ зало такимъ довольнымъ и сазалъ:

«— Шестого ученика сюда введите! Дѣло дѣломъ, слѣдствие слѣдствиемъ. А самъ посматриваетъ на насъ такъ пристально: каковъ, дескать, я?...

«— Пропагъ, ваше высокородіе! отвѣтилъ посланный.

«— Какъ пропагъ?

«— Немогѣмъ знать...

— Исправникъ такъ и запыхалъ, какъ зарево, отъ конфуза и тотчасъ же исчезъ изъ зала. Мы встали изъ-за стола и покончили засѣданіе. Исчезъ, думаемъ, подсудимый, кого же тутъ допрашивать?... Седьмой безпальный ученикъ у насъ уже былъ допрошенъ прежде. Значить, и засѣдать не для чего!... Видимъ, исправникъ горячится на чемъ свѣтъ стоитъ, точно на полѣ бородинскомъ, а раскольники эти стоятъ какъ статуи, да головами помахивають... Онъ, знаете, то въ тому, то въ другому изъ раскольниковъ обратится съ вопросомъ: куда, дескать, дѣлся шестой ученикъ пророчицы? Не наше, говорятъ, дѣло! Мы-то почему знаемъ?...

«— Не вверхъ же улетѣлъ?

«— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! отозвался одинъ изъ солдатъ.—Я видѣлъ самъ, какъ что-то поднялось черное вверху, да и полетѣло таковò вьскоко...

«— Да это, скотъ, можетъ быть ворона?

«— А можетъ и ворона, спорить не могу!... Только что-то больно великое...

— Мы всѣ захохотали, а исправника-то это бѣситъ пуще... Что же вы думаете, батенька! Такъ вѣдь мы на томъ и съѣхали... Шестой-то ученикъ какъ въ воду канулъ!... Благо еще, что исправникъ-то въ время выбѣжалъ изъ зала, а то пзъ сѣней допросной комнаты, должно полагать, и всѣ ученики-то въ суматохѣ этой пропали бы безъ вѣсти. Вотъ они каковы хваты эти раскольники-то!...

«— Такихъ головорѣзовъ, какъ эти раскольники, поискать по

бѣлому свѣту, заговорилъ съ нами исправникъ, какъ-бы желая оправдать себя и свои неудачи... Они голову снесутъ и не увидишь какъ!... Какъ это вы, г. Лупояровъ, съ ними дѣло-то имѣете? отнесся онъ лично ко мнѣ.

«— Живемъ, говорю, понемножку, гдѣ и спускаемъ имъ кое-что... Не всякое же лыко въ строку ставитъ!... До *этого*, молъ, случая у меня было все благополучно и смирно...

«— Гм!.. До этого, говорить, случая... Чортъ вѣдь васъ знаетъ, какъ вы тутъ мирно-то дѣла-то ведете!...

— Непонравилось, значить, ему это мое слово: укололо, видите ли, его...

«— Я, говорить, завтра же обо всемъ этомъ донесу губернатору и напишу свое мнѣніе объ *искорененіи*... этого *раскола* съ лица земли... Будетъ дурачиться-то имъ, надобно обратить на нихъ *серьезное* вниманіе, иначе это чортъ-знаетъ къ чему поведетъ! Заканчивайте, говорить, здѣсь слѣдствіе своимъ порядкомъ и по окончаніи представьте мнѣ. Я спуску этимъ *собакамъ* не дамъ...

— И такъ, знаете, встревожено онъ распрощался съ нами...

«— А съ вами, скотами, я *найду средства* справиться! сказалъ онъ раскольникамъ, садясь въ экипажъ.

— А тѣ стоять себѣ, да поматываютъ головами, точно деревянные истуканы.

«— Этакіе вѣдь, говорить, *бараны!*...

— Чтò же, вы думаете, эти бараны-то сдѣлали? спросилъ меня Лупояровъ, понюхивая многозначительно табачокъ изъ своей любимой тавлинки.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, отгадайте-ко?

— Трудно, говорю, отгадывать такія вещи.

— Исправникъ-то только выѣхалъ еще изъ села, а ужъ въ городѣ-то домъ его какъ овинъ сгорѣлъ до тла и присутственныхъ мѣстъ какъ не бывало, хоть шаромъ повати... Какъ это они ухитрились въ такое короткое время такое дѣло сдѣлать — Богу одному извѣстно; только думается мнѣ, что, право, это можно сдѣлать только посредствомъ чортовской силы... Исправникъ-то, сказывали намъ потомъ, пріѣхалъ лишь къ угольямъ, а жена, слышь, его и дѣти бѣгали все по улицѣ въ одномъ платьѣ отъ страха и изъ дома не успѣли вытащить ни одного лоскутка... Я призналъ, знаете, этотъ случай къ свѣдѣнію и соображалъ, что

раздражатъ людей—дѣло опасное... Впредь, молъ, другу и не другу наважу обходиться съ людьми *осторожно* и не считать ихъ за барановъ, хотя бы съ виду они и казались баранами... Игрушка-то эта, видите ли батенька, выходитъ *мозаля*, не игра въ жмурки, али въ преферансъ...

Я вполне согласился съ этимъ мнѣніемъ Лупоярова.

— Но вѣдь этимъ дѣло-то, милый человѣкъ, не кончилось, сказалъ Лупояровъ, вытягивая изъ своей тавлинки еще понюшку табачку.—Бѣда бѣду родить, какъ говорятъ справедливо пословица. О сожженіи-то присутственныхъ мѣстъ нужно было доносить губернатору и дать отчетъ въ томъ: какъ, дескать, что и почему? Изъ бумагъ-то присутственныхъ мѣстъ не оказалось ничего вынесеннымъ, а волею божіею всѣ конченныя и неконченныя дѣлопроизводства канули въ вѣчность... Дѣло-то, видите ли, было къ вечеру, въ присутственныхъ мѣстахъ никого не было, одни лишь сторожа спали на нарахъ въ своихъ каморкахъ, а чиновники-то, сказываютъ, зная, что исправника нѣтъ въ городѣ, пожаловали не торопясь на пожаръ-то и съ тросточками, да и помахиваютъ ими, посматривая на пожаръ издали, точно на гуляньѣ...

«— Пускай, говорятъ, горить, меньше дѣла будетъ! Вынесъ, слышь только, секретарь земскаго суда одно дѣло подъ мышкою, и то потому, что оно было исковое и его родственника... Его, говорятъ, спрашивали:

«— Что вы ходили туда же въ присутствіе, опасности подвергались, а вынесли оттуда только одно дѣло? это странно.

«— Не сгорѣтъ же, говорить, мнѣ было тамъ! Пошли бы, да попробовали сами испытать это удовольствіе-то!...

— Слышимъ мы потомъ, что комиссія особая прислана была губернаторомъ для изслѣдованія причинъ пожара... *Жили-жили* тутъ эти члены комисіи, *протдаи-протдаи кормовія* и *суточныя казенныя деньги-то* мѣсяца три, а потомъ и донесли, что пожаръ-де случился, или отъ трубы печной, или отъ воли божіей.

VII.

Боль врача ищетъ.

— У насъ, впрочемъ, въ это время слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Пишемъ это мы, однако, пишемъ, а толку никакого... Кто

такая пророчица, что за люди ся ученики, гдѣ они прежде были и что дѣлали?—ничего этого мы узнать не могли... Жили, такимъ образомъ, жили члены нашей общины въ селѣ *потусту*, *изводи-ли-изводили казенная сutoчния дѣтми*, нѣда одурь вола... Ни позади, ни впереди нѣнакихъ слѣдовъ! Только въ это время безпалый ученикъ пророчицы, видимъ мы, съ каждой недѣлей страдаетъ все болѣе и болѣе... Сначала безпалую руку его разнесло какъ гору отъ извести и всагихъ скверностей, которыми лечила его знахарка, потомъ въ другую руку его удариле, затѣмъ въ ноги вступило, и все хуже, да хуже... Мы уѣднаго доктора къ нему, по обыкновенію, пригласили, лекарство на казенный счетъ выписывали, потому законъ того требуетъ, а я кромѣ того съ своей стороны далъ ему вмѣсто арестантской избы особое помѣщеніе въ своемъ домѣ, гдѣ его ничто не безноконло и гдѣ моя покойная жена вмѣстѣ съ попадѣей, *отря от ея святость*, ухаживали за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ... Я въ святость этихъ хватовъ, какъ и самой пророчицы, уже не вѣрилъ тутъ, а все-таки думаю: отчего же больному человѣку не оказать услугу по силѣ возможности? Если онъ и въ самомъ дѣлѣ преступникъ, то однакоже и человѣкъ въ то же время и притомъ близкій, пожалуй, въ смерти... Въ такихъ случаяхъ и къ самымъ разбойникамъ чувствуется жалость... Такъ и шло, знаете, у страдальца время въ страшныхъ мученіяхъ, такъ что по цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ кричалъ иногда благимъ матомъ, хоть былъ человѣкъ, какъ замѣтно было, и съ характеромъ. Но болѣзнь-то вѣдь не свой братъ, знаете! Наконецъ докторъ ему и намъ объявилъ, что болѣзнь перешла въ антоновъ огонь и черезъ день, много два, его не будетъ на свѣтѣ. Встревожился, видимъ, больной не на шутку, легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и глаза неволью обратились къ небу... Какъ смерть-то, подумаешь, батенька, страшна человѣку?... Вѣрно не шутка!... Къ ночи ему совсѣмъ полегчало и отпустило будто совсѣмъ, но докторъ сказалъ намъ, что это-то и есть предсмертные дни его жизни... Еще однимъ подсудимымъ будетъ меньше, свазали мы. Одинъ убѣжалъ, другой умереть, значитъ, останется, такимъ образомъ, только пять учениковъ на нашихъ рукахъ вмѣсто семи. Авось, сказалъ засѣдатель, если мы ничего не добились своими силами, судьба поможетъ намъ повончить это дѣло тѣмъ, что эти хваты или перепропадаютъ, или перемрутъ!... Тогда составимъ мы великолѣпный протоколъ и напишемъ, что мы ревностными силами и неутомимыми трудами дошли-было наконецъ до исти-

ны, но судьба не дозволила намъ открыть окончательно слѣдовъ преступленія, ибо виновные, неся кару божію, всѣ померли... Шутели мы этакъ, знаете, вечеромъ-то, а ночью, часу въ десятомъ, слышу: больной потребовалъ меня къ себѣ въ комнагу. Я пришелъ и вижу, что онъ сидитъ на кровати, облокотившись руками на столъ.

«— На что, говорю, любезный, я спонадобился тебѣ?

«— Миѣ, говорить, сказали, что я умру чрезъ день, или два...

«— Да, молю, и намъ это сказано.

«— Страшно, говорить, умирать, ваше благородіе. Грѣхи мучать... тяжело на душѣ...

«— Исповѣдайся, молю, у священника.

«— Нельзя, говорить: будутъ проливать эти раскольники изъ рода въ родъ, пронесутъ имя мое изъ конца въ конецъ Россіи...

«— За то, говорю, получишь отъ Бога прощеніе во грѣхахъ, если у тебя ихъ такъ много.

«— Такъ-то такъ, но священникъ исповѣданное ему на духу не долженъ вѣдь отгирывать никому, а я бы хотѣлъ очистить свою совѣсть *предъ людьми*... Быть можетъ, другихъ *предостерегу отъ искушеній*... Я чувствую, что Богъ наказалъ меня самымъ виднымъ образомъ за мои *обманы людей*... за то, что я увеличивалъ ихъ несчастіе своею алчностью къ деньгамъ...

«— И, говорю, что-то тутъ ничего не понимаю.

«— Потому-то я и просилъ ваше благородіе придти ко мнѣ, чтобы вы поняли меня при концѣ жизни...

— А самъ, вижу, сдвинулъ въ груди тяжелый духъ, какъ-будто боченокъ пороку тамъ у него взрывало...

«— Сохраню въ тайнѣ повѣданное мнѣ, сказалъ я...

«— Нѣтъ, въ тайнѣ, говорить, сохранять не нужно, не за тѣмъ я и призвалъ сюда ваше благородіе, а *повѣдайте объ этомъ людямъ*, предъ которыми я *виноватъ* и которыхъ прощеніе хочу я заслужить; авось не получу ли какое-нибудь облегченіе за это въ будущей жизни!... Вы вотъ дали мнѣ мѣсто въ вашемъ домѣ, гдѣ ухаживаютъ за мною какъ за человѣкомъ, а не какъ за преступникомъ, а вѣдь могли бы меня держать какъ умирающую собаку въ хлѣвѣ... Значить, подумалъ я, всѣ люди-то на землѣ есть братья по душѣ, и душа человѣческая заговоритъ свое хоть о разбойникѣ лютомъ, когда видитъ его въ мукахъ и приближающимся къ смерти...

«— Я радъ, говорю, любезный, что въ тебѣ пробудился го

лось совѣсти хотѣ при концѣ твоей жизни... Время еще есть; облегчи твою душу, какъ съумѣешь.

«— Этого-то облегченія я и хочу!... Выслушайте же, говорить, меня и не позорьте безъ числа мою душу, а взгляните безпристрастно, *кто тутъ былъ больше виноватъ: я, или еще кто?*...

«— Даю, говорю, тебѣ слово.

— И ученіе пророчицы началъ свой разговоръ.

VIII.

Исповѣдь.

«— Былъ, говорить, я, ваше благородіе, московскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ Родіоновъ Б...овъ, и жилъ при своемъ отцѣ до смерти его благополучно, грамотѣ былъ обученъ въ училищѣ купеческомъ, къ торговлѣ приноровленъ какъ слѣдуетъ, ѣздилъ съ отцомъ по дѣламъ въ Одессу, Петербургъ, Таганрогъ и Нижній-Новгородъ, людей много видалъ и смыслъ къ торговлѣ возимѣлъ хорошій. Старшій братъ мой, Титъ Родіоновъ, завѣдывалъ дѣлами батюшки въ Москвѣ, а мы съ отцомъ ѣздили по другимъ городамъ. Такъ это все шло у насъ хорошо, только вдругъ батюшка нашъ померъ чрезъ три года послѣ матушки нашей, и я остался семнадцатилѣтнимъ сиротою. Братъ мой въ то время былъ уже женатъ и имѣлъ троякъ дѣтей, потому батюшка, видя мою малолѣтность, поручилъ меня ему до совершеннолѣтняго возраста. «Слушайся, говорить, Ванюшка, старшаго брата своего во всемъ какъ отца, пока самъ не придешь въ полный разумъ; веди жизнь приличную купеческому званію, не носай раздора въ семьѣ нашей, а наче не замарай нашего званія *приказническою ябедою*, отъ которой *блгид* во всю твою жизнь, *какъ отъ яда*... Дойдешь, говорить, до совершеннолѣтняго возраста, тогда получишь свою часть отъ брата въ пятьдесятъ тысячъ рублей; не соблюдеши этихъ моихъ приказовъ—не получишь, я такъ и сыну Титу записалъ, и знай, что мои деньги трудовыя не должны попасть сыну, который будетъ безпутный и поведетъ жизнь, неприличную купеческому званію.» Вижу я, братъ мой пригласилъ изъ гражданской палаты рябого приказнаго, подчивалъ его долго разными винами, и тотъ написалъ на гербовой бумагѣ духовное завѣщаніе, которое съ братомъ они и подали батюшкѣ подписать за нѣсколько часовъ предъ смертію... *Послѣ ужъ* это завѣщаніе

подписали священникъ и знакомые брата. Я по молодости своей этого завѣщанія не читалъ и не интересовался его знать: разъ потому, что зналъ, что отказалъ мнѣ своими собственными устами батюшка; второе—слышалъ, какъ онъ поручалъ меня брату и сказалъ: «я дѣлаю тебя, Титъ, до совершеннѣйшаго Ивана полнымъ распорядителемъ моего имѣнія, которымъ ты распорядишься честно, правдиво и богобоязливо, какъ отецъ родной, какъ мать твоя покойная распорядилась бы, какъ распорядился бы самъ Богъ...» Стали мы, скоронивши батюшку, жить да поживать; только замѣтилъ я, что этотъ рябой приказный безъ просыпу почти сталъ у насъ находиться, о какихъ-то дѣлахъ все по секрету говорить съ братомъ, а на меня такъ косо все посматривать... Вижу я, и братъ мой постоянно сталъ дѣлать напротивъ меня, унижалъ меня къ случаю и безъ случая предъ посторонними, и смѣялся, когда я у прилавка, въ свободное время, сталъ читать книжки, которыя давали мнѣ товарищи мои по училищу. «Умень, говорить, скоро хочеть быть, умнѣ брата знать захотѣлъ сдѣлаться!» Онъ, видите ли, не былъ обученъ въ свое время ничему, потому тогда времена были темныя, ну вѣроятно и неприятно было ему видѣть грамоту въ моихъ рукахъ... Скоро я потомъ пристрастился къ театру и сталъ ходить туда съ такою охотою, что и сказать не могу, особливо когда игралось про *несчастную эту жизнь купеческую*... Какъ, бывало, соберутся къ брату гости пьянствовать, такъ я сейчасъ же и убѣгу въ театръ. Братъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ мнѣ такіа хожденія наотрѣзъ. Я сталъ съ нимъ спорить, онъ расеричался; я не послушался и сказалъ, что, кажется, молъ, братецъ, я воленъ хорошее дѣлать самъ по себѣ, не ребѣнокъ уже? «Это, говорить, неприлично купеческому званію». И пошло у насъ тѣмъ дальше, тѣмъ хуже да хуже, а приказный рябой, замѣчая я, все строчить что-то и въ полицію таскаетъ свидѣтельствовать... Какъ у насъ съ братомъ выйдетъ исторія казая, онъ уже, смотрю, тутъ какъ тутъ, и все съ гербовой бумагой... Я ничего, знаете, въ этомъ не понималъ и соображалъ, что видно, молъ, что нибудь онъ по дѣламъ брата мараетъ. На двадцать-первомъ году я собрался жениться на красавицѣ Олюшиѣ, бѣдной сиротѣ изъ купеческаго званія, которая полюбилась мнѣ такъ, что я часу безъ нея не могъ жить. Отецъ у ней когда-то былъ московскимъ вупцомъ, потомъ разорился и отъ этого несчастія умеръ, такъ что она жила съ матерью-вдовою, и трудами рукъ своихъ на модные магазины питала себя, мать и трехъ малыхъ сестеръ.

Все это въ ней мнѣ особенно нравилось и я подумалъ: возьму, молъ, эту сиротку, осчастливаю ее и все ея горькое семейство своими деньгами, что отказалъ мнѣ батюшка, выдамъ ея сестеръ замужъ за добрыхъ людей и буду жить да поминать добромъ родного своего отца. Только не судила вотъ судьба всему этому сбыться! Братъ запретилъ мнѣ жениться на этой дѣвушкѣ: разъ потому, что она казалась ему образованнѣе его жены, чистой дуры, а другое, что радъ былъ придратъся къ обстоятельству, чтобы идти мнѣ наперекоръ и подставить мнѣ случай оказать ему непослушаніе. Такъ оно и вышло! Я не послушалъ его и сыгралъ свадьбу безъ его воли на деньги, взятыхъ у добрыхъ людей, такъ-какъ всѣ знали, что чрезъ полгода по своему совершеннолѣтію я долженъ буду получить пятьдесятъ тысячъ руб. по духовному завѣщанію своего батюшки. Полгода послѣ этой свадьбы прожплъ я въ домѣ своего брата съ грѣхомъ пополамъ и наконецъ, когда минулъ мнѣ двадцать-первый годъ, попросилъ его выдѣлить мнѣ мою половину по духовному завѣщанію.

«— Поживи-ка съ красавицей да умницей женой своей на иглопочкѣ, отвѣтилъ мнѣ вдругъ братъ на эту просьбу:—а я такъ-какъ неограниченно воленъ выдать и невыдать тебѣ твоей половины, то разсужденіемъ положилъ за лучшее: не дать тебѣ ничего и тѣмъ всѣ счеты съ тобой покончить!...

«— Какъ, говорю, не дать ничего? Такъ неужели ты, единотробный братъ мой, хочешь сдѣлать меня нищимъ?

«— Тамъ, говорить, будь чѣмъ хочешь, не мое дѣло, только со мной больше расчетовъ никакихъ имѣть не долженъ...

«— Да ты, молъ, не шутишь, не пугаешь меня?

«— Не привыкъ, говорить, я шутить, имѣю лѣта не твои.

— Какъ въ чанъ съ варомъ меня опустили, скажу вамъ, ваше благородіе, такъ это больно меня поразило!... Что же это такое? думалъ я: обманъ, застравка какая, аль въ правду такое несчастіе грозитъ мнѣ? А самъ тотчасъ же винулся къ добрымъ людямъ и расказалъ имъ все. Нужно, значить, подать прошеніе по начальству о законномъ выдѣлѣ твоей половины, присовѣтовали мнѣ всѣ, когда братъ твой не хочетъ этого добромъ сдѣлать, и я подалъ прошеніе. Началось у насъ, такимъ образомъ, бумажное дѣло!... Изъ дома отцовскаго я долженъ былъ перебраться ужъ на квартиру. Братъ мой, вижу, приказнаго рябого залучилъ къ себѣ на безвыходное пребываніе и начали они отписываться и доказывать, что я велъ жизнь, по смерти отца своего, непри-

личную купеческому званію: выходилъ изъ послушанія старшаго брата своего, пропадалъ будто до позднихъ ночей по театрамъ, и, чего никогда не бывало, распутнымъ домамъ, въ торговлѣ дѣлалъ опущенія и смыслу къ сему дѣлу не приобрѣлъ, и что наконецъ опорочилъ семейство исковой ябедой, за что-де, по смыслу духовнаго завѣщанія, онъ, какъ полноправный душеприказчикъ и распорядитель, и лишаетъ меня назначенной мнѣ по завѣщанію половины... Что тутъ дѣлать, куда безденежному человѣку кинуться и въ комъ искать помощи?... Толкнулся-было я въ купеческую управу и сиротскій судъ, гдѣ, думаю, нашъ братъ сидитъ, не тронутся ли положеніемъ своего же брата; только слышу отвѣтъ, что это дѣло, говорить, твое, вѣдайся какъ знаешь, а у насъ и безъ того много дѣла по своему купеческому *взаправленію* и *хозяйственности*...

«— Да вѣдь у васъ же, молю, лишній нищій-то будетъ на рукахъ?...

«— Знаемъ, говорятъ, что у насъ, а то у кого же; да мы ужъ привыкли къ нимъ, всѣ паперти вонъ церковныя заставлены ими; что же, метлой, что ли, гонять ихъ съ папертей-то?...

«— Сами видите, ваше благородіе, что мнѣ тутъ было отвѣчать имъ? Ужъ если, подумалъ я, единоутробный братъ дѣлаетъ такія дѣла со мною, то чужіе-то и плюнуть на нашего брата погнѣяться!... Думалъ-думалъ я и рѣшился, скрѣпя сердце, еще разъ пойти къ брату: не взмилуется ли, молю, и не положитъ ли гнѣвъ на милость? Пришелъ я и сталъ у двери этакъ смиренхонько... Вижу, приказныхъ у него набито полно зало, пьянствуютъ съ нимъ за панибрата, обнимаются какъ родные братья и заскалили зубы, какъ волки голодные, увидѣвши меня...

«— Этотъ, говорятъ, судиться-то съ нами вздумалъ?

«— Не судиться, молю, пришелъ я, а вотъ къ брату прибылъ о своихъ дѣлахъ поговорить.

«— Знаемъ, говорятъ, мы эти дѣла-то. Вотъ они!

— И стали они мнѣ тыкать въ глаза разными листами гербовой бумаги съ заявленіями, видите ли, брата моего, во время оно, въ полиціи о поступкахъ моихъ, неприличныхъ будто-бы купеческому званію, къ которымъ, вижу, квартальный надзиратель и приставъ, бывшіе тутъ же въ компаніи у брата, приглядывали всегда свои руки.

«— А купеческому, говорятъ, званію неподобающую жизнь вести умѣлъ?

«— Это, говорю, васъ не касается, я къ брату своему пришелъ; вы-то что тутъ обижаете меня?

«— Это, говорятъ, все равно! Не братъ вѣдь твой дѣла-то дѣлаеть, а мы...

— Смотрю, и братъ мой тутъ же вмѣшался въ нашъ разговоръ и началъ предъ ними унижать меня, какъ только могъ.

«— Что же, говорить, продолжай свой искъ-то, ты началъ? Посмотримъ, чѣмъ кончится!...

«— Не продолжать, говорю, хочу я искъ, а мировой пришелъ просить. Прекратимъ, молю, это дѣло, братецъ, и я отступлюсь отъ двадцати-пяти тысячъ руб. изъ своихъ пятидесяти тысячъ въ твою пользу; выдѣли, молю, мнѣ хоть половину только изъ моей половины.

«— У тебя, говорить, губа-то не дура, а не хочешь ли получить по копейкѣ съ рубля?...

— И самъ захохоталъ благимъ матомъ, а приказные всѣ за-скакали зубами точно въ аду... Можно ли было тутъ, ваше благородіе, вынести человѣку такое положеніе?...

«— Пожалѣй, говорю, братецъ, хоть мою жену, сиротъ, которыхъ я взялъ себѣ на руки вмѣстѣ съ женою; вспомни слова умиравшаго батюшки, который, прощаясь съ землею жизнію, умолялъ тебя распорядиться оставленнымъ имъ добромъ, какъ онъ самъ распорядился бы, какъ родная матушка наша распорядилась бы, какъ самъ Богъ распорядился бы!... Ужели, молю, въ тебѣ нѣтъ души христіанской, ужели сердце нашей матушки родимой въ дѣлахъ ея окаменѣло?...

— А самъ я, знаете, зарыдалъ какъ ребѣнокъ и упалъ даже на скамейку въ передней... Смотрю, и братъ смутился этакъ немного, кулакомъ глаза отеръ... Только приказные эти, смѣтивъ такое состояніе, сейчасъ же взяли его за рукава и утащили въ заднюю комнату, гдѣ, слышу, начали они смѣяться надъ нимъ и дразнить, такъ что минуту черезъ десять, вижу я, братъ мой вышелъ опять ко мнѣ съ колкостями и сталъ потѣшаться надо мною вмѣстѣ съ приказными...

«— Надѣнь-ка, говорить, братъ любезный, лучше ширманку на плеча, а жену свою наряди въ панталоны пѣвицей, да и гуляй по-добру-по-здорову въ Москвѣ подъ окнами—занятіе выгодное: съ голоду не умрешь, зубоскакали приказные.

— Не вытерпѣлъ я тутъ.

«— Эхъ, молю, братецъ, братецъ! съ кѣмъ ты компанію свелъ,

кого въ домъ родительскій пригласилъ, кого въ родное наше купеческое семейство впустилъ? Вѣдь отъ этихъ-то, молъ, волковъ хищныхъ дѣлае вѣва Москва-то *стонета*, да что Москва—*цѣлме города* русской земли! отъ нихъ-то, говорю, *цѣлмя тысячи* добрыхъ людей *пошли* по матушкѣ Россіи съ сумой и на папертяхъ церковныхъ протягиваютъ руки за милостынею...

«— Ч-т-ѳ? зарычали вдругъ привазные эти на меня.

— И кинулись-было они, съ пьяныхъ-то глазъ, на меня бить, но я какъ-то, не помню ужъ, выскользнулъ у нихъ изъ рукъ и кое-какъ добрался до своей квартиры, гдѣ рассказалъ обо всемъ женѣ и ея сиротамъ, которыя залились всѣ рѣками слезъ и подняли такой стонъ въ домѣ, что я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ дома, куда глаза глядятъ... Иду по улицамъ Москвы, а въ глазахъ какія-то рожи скверныя мерещутся, такъ что я глажу, будто люди мелькаютъ предо мной и будто совсѣмъ не люди, а богъ-знаетъ кто!... Въ Москву-рѣку даже хотѣлъ броситься, потому все же, молъ, лучше, чѣмъ жить совсѣмъ *беззащитнымъ* на землѣ сей!... Однако когда подошелъ къ Кремлю, да положилъ три поклона передъ иконою иверской божіей матери и вспомнилъ, какъ бабушка мой, проходя со мной мимо ея не разъ, училъ меня къ ней прибѣгать въ скорбяхъ и печалихъ и въ ней искать всякаго успокоенія, то отъ сердца немного отлегло и я къ вечеру невредимо воротился домой... Дальше судъ да дѣло наши пошли своими чередомъ; добрые люди стали давать мнѣ деньги на тяжбу въ надеждѣ, что не выиграется ли какъ-нибудь мое дѣло; и на содержание, хоть и на скудный кусокъ, давали, такъ что я чрезъ три года тяжбы своей зашелъ наконецъ въ долги тысячи на двѣ рублей сер. На бумагу одну гербовую сколько денегъ извелъ, алчнымъ приказнымъ этимъ сколько передавалъ—и все оказалось попусту... Деньги брата пересилили правду!... Въ какое мѣсто ни придешь, бывало, къ кому изъ этихъ чиновниковъ ни обратишься, они свалятъ только зубы, да табакъ понюхиваютъ, точно статуи какія каменные на пружинахъ, значить—ужъ усобствованы всѣ братомъ по уши!... Объявили мнѣ наконецъ чрезъ три года и рѣшеніе по нашему дѣлу полнымъ отказомъ, съ предоставленіемъ вчинать искать, буде пожелаю, особо отъ сего еще гдѣ нибудь... Значить, короче сказать, неумишаго человѣка зарѣзали навсегда!... Какъ жить, что было дѣлать? Приходилось или опять къ Москвѣ-рѣкѣ идти, или въ лавку дехтярную и мочальную поступить въ приващики, гдѣ давалъ мнѣ мѣсто мой занимавецъ съ тѣмъ, чтобы я зарабатывалъ

у него деньги, даваемые мнѣ въ долгъ. Я, по крѣпкой только вѣрѣ своей и любви къ женѣ своей, воздержался отъвольной смерти и выбралъ послѣднее... Но только не въ моготу была мнѣ эта должность! Вижу, знакомые батюшки моего, а ихъ было чуть не полъ-Москвы, проходя мимо мочальной лавки, указывали на меня пальцемъ. Вотъ, говорятъ, до чего дошелъ сынъ отца, у коего было сто тысячъ капитала!... Съ разспросами и укорами стали постоянно обращаться ко мнѣ, тыкать меня въ глаза, будто моимъ непослушаніемъ старшему брату, женою бѣлоручкою подпревать и *надорвали мое сердце* наконецъ такъ, что я не зналъ, какъ дольше жить на землѣ?... Въ такихъ-то обстоятельствахъ, зная такую мою жизнь, стали ко мнѣ наконецъ и раскольники *подсымать* своихъ людей съ предложеніями поступить въ расколъ и съ *посулою* денегъ какъ на уплату долговъ, такъ и на разживу торговлею... Сказалъ я объ этомъ, стороной такъ, въ шутку, семейнымъ своимъ, но тѣ испугались за вѣру свою такъ, что я сейчасъ же понялъ, что дѣло это надобно, значить, прекратить и не тревожить насильно совѣсть цѣлыхъ пяти человѣкъ... а самъ-таки въ сомнѣніяхъ разныхъ сталъ находиться, только уже про себя... Прошло такъ съ полгода мучительной моей жизни, какъ вдругъ однажды на улицѣ, противъ самыхъ присутственныхъ мѣстъ, взялъ меня за руку старинный пріятель моего отца, Анфиногенъ Назаровъ Г...нъ, и стиснувъ крѣпко-на-крѣпко мою руку, сказалъ:

«— Здравствуй, несчастный человѣкъ! Аль любишься на зданія-то, что по міру тебя пустили?..»

«— Любоваться-то, молъ, не люблюсь, а частенько взглядываю.

«— Зайдемъ-ко, говоритъ, лучше ко мнѣ, да потолкуемъ кое о чемъ, мнѣ давно хотѣлось съ тобой видѣться. Я вѣдь съ батюшкой-то твоимъ покойнымъ хлѣбъ-соль съ одной ложки ѣлъ, торговать съ одного рубля начали. Помнишь, чай, меня?

«— Какъ, говорю, не помнить? Хотъ я маленькій тогда былъ, а помню...

— Пришелъ я въ домъ Анфиногена Назарова: вижу, живеть справно, свой каменный домъ имѣеть, образцовъ въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ полны біоты, семейные въ полномъ довольствѣ живутъ. Сѣли мы съ нимъ въ особой комнатѣ и онъ заговорилъ со мною:

«— Вотъ, говоритъ, хорошій человѣкъ, давно мы *стѣдимъ* за *тобою* и видимъ, что ты погибъ совѣмъ... И я также погибъ-

было назадъ тому тринадцать лѣтъ, но вотъ справился, не хочешь ли и ты справиться?

«— Это, молю, значить, чтобы въ расколѣ-то поступить?»

«— Да, въ него-то! Ты, говорить, можешь бытъ, худо объ немъ думаешь, а выходитъ, что онъ лучше мірскаго-то общества... Ты вотъ теперь ограбленъ и братомъ и приазанными, и никому *нѣтъ дѣла до тебя*, плюнуть на тебя всякому лѣнь, а у насъ этого сдѣлать-то не позволили бы ни брату, никому... Такого брата у насъ съ лица земли бы стерли, и дѣло-то ваше рѣшили бы съобща, міромъ, по всей справедливости божіей и *совѣсти человѣческой*... У насъ обѣднѣть ли какъ человѣкъ, ему всякую помощь сейчасъ оказать: въ солдаты ли отца семейства возьмутъ—у насъ его жену и дѣтей возьмутъ на всякое попеченіе; убьется ли какъ человѣкъ, рану ли получить, такъ что работы лишится—у насъ всякую христіанскую помощь сейчасъ оказать и ему и всему его семейству, такъ что онъ Бога только восхваляетъ за милости людскія... Вотъ и ты сдѣлался несчастнымъ человѣкомъ, и тебѣ мы дадимъ сейчасъ же безвозмездно двѣ тысячи рублей въ уплату твоего долга.

«— Это, говорю, дѣло хорошее, только вѣру-то переимѣнить страшно; отцы и дѣды вѣдь мои были вселенской вѣры; каково батюшка-то мой встрѣтитъ меня на томъ свѣтѣ за эту измѣну?»

«— Вѣра-то вѣдь, говорить, все одна, вѣдь мы не въ бусурманы тебя приглашаемъ. Дважды ли, трижды ли ты будешь проносить «аллилуіа», большимъ или малымъ крестомъ молиться—не въ этомъ дѣло; изъ этого-то мы не стали бы и заводить раскола и терпѣть говеніе отъ правительства, а вотъ что ты принимаешь: у насъ *жить-то лучше!*...

— И рассказалъ онъ мнѣ тутъ всю подноготную раскольниковъ вѣры и раскольниковъ житія и повялъ я, что дѣйствительно у нихъ жизнь-то какъ будто лучше нашей мірской...

«— Ну, что же, рѣшайся, что ли? спросилъ меня потомъ Анфиногенъ Назаровъ.

«— Да вотъ, молю, мимо Кремля-то какъ придется идти, такъ сердце-то какъ бы не перевернулось отъ стыда за измѣну вѣры?... Какъ-бы чего не случилось со мной отъ Бога за эту шутку-то?...

«— Да Кремль-то, говорить, какъ вашъ, такъ и нашъ!... Придетъ время, когда на Руси *всякія гоненія на вѣры прекратятся*.

— Соображалъ-соображалъ я тутъ, да и рѣшился: разъ, что

наболѣло-то у меня на душѣ много и *истерзался я модѣми-то* больно, другое — что и выхода-то изъ своего положенія лучше *не было...*

— Ну, такъ въ добрый часъ, сказалъ мнѣ Анфиногенъ Назаровъ: — *каяться не будешь!*... Приходи ко мнѣ уже вечеромъ, получишь и деньги, и приобщись, по чину, къ стаду избранныхъ...

— Такъ-то вотъ я и сдѣлался, ваше благородіе, раскольниковъ! Они увидѣли, что я человекъ-то грамотный, смысленный, наторѣлый на всякія руки, и стали посылать меня по дѣламъ раскольниковымъ, вмѣстѣ съ «ходаками» ихъ, по разнымъ городамъ, чтобы приучить меня на этой дорогѣ для ихней пользы... Такимъ образомъ мнѣ довелось побывать и въ Крыму, въ Тулѣ, въ Яссахъ, въ Саратовѣ, въ Черновикахъ, въ Черниговѣ и даже въ Ирбитѣ разъ прокатиться. Семейнымъ своимъ я объ измѣнѣ своей вѣры ничего не связывалъ, чтобы не огорчить ихъ и не смутить ихъ совѣсти, а увѣрялъ ихъ всегда, что поступилъ на службу къ богатому купцу по дѣламъ коммерческимъ для разъѣзда по разнымъ городамъ, а чтобы они не узнали какъ въ Москвѣ объ этомъ моемъ обманѣ, то я перевезъ ихъ на жительство въ г. Коломну, гдѣ наналъ имъ приличную квартиру и доставлялъ имъ на содержаніе денегъ рублей по тысячѣ серебромъ въ годъ. Вижу, ожили они совсѣмъ и Бога восхваляли за переѣзду обстоятельство жизни! Такъ прошло года три. Я въ это время ко всему присматривался, все изучалъ, перечиталъ множество всякихъ книгъ раскольниковыхъ, узналъ весь бытъ поповщинской и безпоповщинской сектъ, вѣру молованъ, бѣгуновъ, скопцовъ, хлыстовъ и всякія прочія *смѣшныя ужь до-нельзя* секты... Только, скажу, увидѣлъ я однако, что всѣ-то онѣ имѣютъ основаніе свое *въ недовольствѣ жизнию* и всѣ-то явились законно, только смотря по разуму людей, то-есть тѣмъ глупѣе люди, тѣмъ же и непросвѣщеннѣе, тѣмъ смѣшнѣе явилась у нихъ и вѣра!... На третій годъ я попался въ острогъ въ Н... губерніи и просидѣлъ съ полгода, но во время пересылки для допросовъ бѣжалъ со всѣми прочими раскольниками, которые, разгромивши конвой, разбѣжались по лѣсамъ... Однако, это меня не уняло. Анфиногенъ Назаровъ, выслушавши мой рассказъ объ этомъ, сказалъ, что этого бояться не стоитъ и не слѣдуетъ, а напротивъ нужно *радоваться*, ибо чрезъ это *вѣра очищается* и гонимый уготовляетъ себѣ *самый вѣрный* уже вѣнецъ мученическій на небеси... Еще

черезъ годъ меня заарестовали въ Москвѣ въ молельнѣ у Анфиногена Назарова, этого начотчика и ходака московскаго, вмѣстѣ съ другими, и я съ годъ возился по этому дѣлу по казаматамъ, пока наконецъ раскольники не засыпали всего этого дѣла деньгами и насъ не выпустили всѣхъ на свободу, сказавъ, что поднято было все это дѣло *ошибкою*... Семейные мои всѣхъ этихъ обстоятельствъ опять-таки, скажу вамъ, не знали. Приѣдешь, бывало, къ нимъ, надѣлишь ихъ деньгами, поживешь у нихъ мѣсяць-другой, а потомъ и опять въ путь-дорогу. Наконецъ черезъ два года я втискался уже такъ, что меня сослали въ Сибирь. Дѣло это было при разрушеніи одного скита начальствомъ. Я былъ туда посланъ съ разными бумагами и порученіями, только вдругъ, видимъ мы, молясь такъ мирно Богу и никого не трогая, что въ скитъ вломилась войска съ начальствомъ разнымъ, и ну ломать все... Меня, въ числѣ прочихъ, засадили въ острогъ, гдѣ я стгнивалъ года три, пока тянулось дѣло и наконецъ, по рѣшенію суда, былъ сосланъ въ Восточную Сибирь на работы на пятнадцать лѣтъ. Послѣ всего-то этого я увидѣлъ, какъ этими *раскольниками запружены все остроги* и Сибирь... Цѣлыми тысячами сидятъ они въ казаматахъ, и сами не знаютъ за что, а въ Сибири всякихъ это сектъ накопилось наконецъ столько, что и сказать не можно, особливо на работахъ. Ну, разумѣется, сходяшься, толкуешь часто съ ними, спрашиваешь ихъ обо всемъ, и познаешь человѣка, какъ онъ есть, потому что отъ своего брата онъ не кроется... Спустя годъ я получилъ черезъ вѣрнаго человѣка письмо отъ пріятели, знавшаго объ моей ссылкѣ и державшаго это дѣло въ секретѣ отъ моихъ семейныхъ, что не давши меня четыре года, семейные-то мои совсѣмъ въ нищенство пришли, убивались долго о моей пропажѣ безъ вѣсти, ждали денегъ, и ничего не дождавшись, разбрелись наконецъ, за кускомъ хлѣба, по чужимъ людямъ: жена нанялась въ прачки, сестры ея по бухаркамъ пошли, а одна самая малая съ матерью-старушкою по улицамъ за милостинею ходить... Вѣсть эта такъ поразила меня, что и сказать не могу. Хлѣбъ не шель въ ротъ по цѣлымъ недѣлямъ; отъ тоски, снѣдавшей всю внутренность, не зналъ я, куда дѣваться... Видя меня въ такомъ положеніи, подошелъ тутъ ко мнѣ однажды сосланный арестантъ Иванъ Тимофеевъ и, ударивъ по плечу, сказалъ:

«— Хочешь быть, любезный человѣкъ, на свободѣ?

«— Какъ, молъ, не хотѣть?

«— Ну, такъ и собирайся, говорить, въ путь-дорогу.

«— Да ты, молъ, что шутишь, али дразнишь?

«— Я, говорить, положимъ, что *всю жизнь шучу*... но на этотъ разъ съ тобой говорю вправду. Ты, говорить, мнѣ понравился съ перваго раза. Я вижу, что ты не изъ злодѣевъ, лицо у тебя такое еще человѣческое, доброе и грустишь ты о чемъ-то постоянно, какъ человѣкъ ненашинскій; значить, душа еще у тебя цѣла и *не замерла совѣсть*... Угадалъ я, или нѣтъ?

«— Угадалъ, молъ, братъ!... Только какъ же это ты такой пророкъ?

«— *Пророкъ*, говорить, и есть! Я пророкомъ, говорить, ужъ десять лѣтъ гуляю по матушкѣ-Россіи, да недавно вотъ втискался нечаянно, оплошалъ немного, ну и сослани воть сюда, почесавши спину сто ударами плетей...

— И разсказалъ онъ мнѣ тутъ всю подноготную своей жизни: какъ онъ за вѣру отцовъ своихъ, ни за-што ни про-што, былъ отданъ въ кантонисты, и какъ онъ бѣжалъ наконецъ къ самымъ слѣпымъ братіямъ раскольниковъ—хлыстамъ, среди которыхъ, какъ обученный многимъ наукамъ въ кантонистскихъ училищахъ, повизавши хорошенько ихъ вѣру, былъ ихъ *вожатымъ*... а потомъ, бѣгая отъ преслѣдованія начальства и перебравшись въ другую губернію, выдалъ себя за второго Иисуса Христа.

«— Ну, что, хороша сказка-то? спросилъ меня этотъ мой новый пріятель Иванъ Тимофеевъ-то, разсказавши мнѣ всю эту исторію въ подробности.

«— Да, отвѣчалъ я ему:—хороша.

«— Только это не сказка, а *доподлинная быль*... Все это мало знаетъ Россія-матушка, а это-то нашему брату и *лафа*... Лови, значить, рыбу въ *мутной водѣ*... У меня вотъ, говорить, и нмѣто подошло какъ разъ къ христу скопцовъ Ивану Тимофееву, Ивановъ же Тимофеевымъ зовусь, и въ пророчицы ужъ я сыскалъ себѣ одну сосланную сюда дѣву изъ начотчицъ раскольниковыхъ, Устинью Никифоровну, съ которой мы полгода *любили* ужъ какъ мужъ и жена... и пять дураковъ учениковъ нашелъ изъ сосланныхъ сюда скопцовъ и хлыстовъ, которые такъ глупы, что ужаснувшись моею начитанности и знанію ихъ вѣры, увѣровали въ меня сразу, и признали за христа ихъ Ивана Тимофеевича, въ третій разъ сошедшаго съ неба, а Устинью-то мою я выдалъ имъ смѣло ужъ за пророчицу, съ неба посланную... Всѣ эти дѣла подведены мною какъ нельзя лучше!... Устинья, говорить,

эта, вишь-ты, немного съ придурью и рассказала мнѣ однажды свое путешествіе на небо, которое она во время горячки совершила на своей кровати и за которое ее сослали сюда въ Сибирь, потому что никакъ не могли ее унять болтать народу вздоръ и разувѣрять, что она на небѣ-то вовсе не была. Я смекнулъ это и увидѣлъ, что она хорошей можетъ быть пророчицей, и рассказавъ ей планъ, какъ она освободится изъ Сибири, деньги будетъ наживать, и наконецъ благополучно заживетъ потомъ съ деньгами въ какомъ-нибудь городѣ купчихой... Какъ ни глупа она была, однако вишь смекнула, что вещь-то неплохая, и на все согласилась: и отгадывать и разгадывать всякія вещи и предсказывать и узнавать, гдѣ положу я повраденное... Дѣвка-то встати была грамотная, недаромъ начотчицей корифла... Только вотъ видишь ли, говорить, братъ любезный: одному мнѣ воровать-то трудненько будетъ, нуженъ хоть одинъ еще въ помощь; изъ этихъ учениковъ, которые нужны мнѣ какъ овцы для виду лишь, взять на это нельзя никого, потому больно ужъ *муды*, попадутся скоро; они могутъ только распѣвать стихи, на пророчицу со слезами молиться, да народъ подбивать къ тому же, а ты, говорить, вотъ, какъ я вижу, человекъ-то смышленный, на это дѣло будешь ловокъ и тайну нашу сохранить съумѣешь такъ, чтобы кромѣ насъ троиухъ: меня, тебя и этой Устиньи, никто затѣяннаго дѣла нашего не зналъ... Понялъ?

«— Понялъ, говорю. Только, молю, что-то это *ззорно* ужъ будетъ...

«— За то, говорить, деньги посыплются намъ такъ, что загребай хоть лопатой... Черезъ годъ кинемъ все это и раздѣлимъ деньги на три части. Я заживу съ Устиньей гдѣ-нибудь вупцомъ, а ты въ своей семьѣ пойдешь съ деньгами-то, ну и баста, значить! Тогда все ужъ пошабашимъ!...

«— Какъ же, молю, мы уйдемъ-то отсюда?

«— Это ужъ, говорить, мое дѣло!...

— Подумалъ, подумалъ, говорить я, ваше благородіе, объ этомъ, да и согласился. Осчастливить свое семейство со всѣми сиротами, зажить опять вмѣстѣ съ нимъ въ довольствѣ ужъ, а не въ бѣдности *напущенной*, сдѣлалось для меня заманчивымъ, такъ что я не могъ противъ этого *устоять*... Приду, думаю, въ г. Коломну, скажу своимъ, что ѣздилъ въ Якуту или Турцію по дѣламъ торговымъ, откуда-де и вывезъ кучу денегъ, и заживу ужъ тогда до

конца жизни православнымъ, не шатаясь изъ стороны въ сторону... Да вотъ видите ли, ваше благородіе, Богъ попуталь наконецъ меня и не дозволялъ довести до конца своего плана!... Прощи мы всё сибирскія и четыре внутреннихъ губерній благополучно, а въ вашей вотъ и втискались, и только *чрезъ эти палыи!*... Конечно, тутъ ужъ явная кара божія, потому я вамъ чистосердечно и каюсь, какъ священнику... Вотъ вамъ имена и фамиліи моихъ товарищей, учениковъ пророчицы и самой пророчицы. О всѣхъ справьтесь чрезъ т...ій приказъ о ссыльныхъ, но только умоляю, говорить, ваше благородіе, жалѣйте этихъ раскольниковъ. *Не преслѣдовать ихъ нужно, а плакать объ нихъ и подумать о томъ, какъ бы ихъ было меньше.* Сошлете вы одного въ Сибирь—сто другихъ пойдутъ по той же дорогѣ, жарить ихъ будете на кострѣ—они сами полѣзутъ въ огонь. Въ острогахъ и Сибири вы ихъ не удержите, какъ не удержали вотъ насъ и какъ вотъ предъ вашими же глазами безъ вѣсти пропалъ этотъ коноводъ нашъ Иванъ Тимофеевъ... Человѣкъ этотъ въ огнѣ не сгоритъ, въ водѣ не утонетъ!... Онъ вотъ, конечно, всё деньги-то, нажитыя нами шайкою, съ собою увезъ и одинъ воспользовался ими, но вѣдь на мѣсто этого Ивана Тимофеева явится, нынѣ или завтра, опять такой же, или еще чище, и на мѣсто заключенныхъ нынѣ учениковъ-дураковъ найдутся сотни такихъ же, и *сильной народъ* опять *будетъ сыпать деньгами обманщикамъ*... Устроить, значить, надо человѣка такъ, чтобы онъ и глупъ-то не былъ какъ баранъ, и жить-то ему было бы льготнѣе и просторнѣе... Ну, тогда такихъ, какъ Иванъ Тимофеевъ и какъ мы грѣшные люди, добрые люди сами перевяжутъ веревками и къ начальству представятъ. Я позналъ все это *по опыту* и отерываюсь вамъ въ этомъ только предъ смертію своею. Себя я не защищаю и сотоварищей моихъ тоже, судите ихъ по всей строгости законовъ вмѣстѣ съ пророчицею, потому что народъ обманывать и отъ Бога грѣшно и отъ людей стыдно; но подумайте и о томъ, что же дѣлать, когда лучше жить на землѣ *неприходится?*... Что глупаго казнить за глупость? онъ не виноватъ вѣдь, что глупъ; *сдѣлай его умнѣе, онъ и будетъ умнѣе!*... А то казнять русскаго человѣка за то, что онъ пишетъ стихи цѣлыми возами про новаго Христа, котораго ждетъ изъ Иркутска, потому что потерялъ всякую надежду получить хоть откуда нибудь помощь, распѣваетъ, сбившись ужъ со всякаго толку, псалмы, вотъ хоть напр. такіе, какъ эти. Ну, что въ нихъ вреднаго? прочтите ваше благородіе.

— И больной ученикъ пророчицы тутъ подалъ мнѣ стихи, веле-
тенные аккуратно въ поясъ шерстаной.

«— Вы, говорить, вотъ обыскивали меня, а стиховъ-то этихъ
и не нашли.

Ужъ какъ царь Давидъ по саду гулялъ.

Я люблю, я люблю!

Онъ по саду гулялъ, во свои гусли игралъ.

Я люблю, я люблю!

Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ.

Я люблю, я люблю!

Полно, други, спать, еще есть время востать.

Я люблю, я люблю!

Еще есть время востать, ключевой воды достать.

Я люблю, я люблю!

Я еще люблю Саваою въ небеси.

Я люблю, я люблю!

Я зато его люблю: небо, землю сотворилъ.

Я люблю, я люблю!

Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ.

Я люблю, я люблю!

Солнце, мѣсяцъ утвердилъ, небо звѣздами украсилъ.

Я люблю, люблю!

Небо звѣздами украсилъ, своимъ гласомъ прогласилъ.

Я люблю, я люблю!

Ужъ какъ царь Давидъ по саду гулялъ.

Я люблю, я люблю!

Онъ по саду гулялъ, во свои гусли игралъ.

Я люблю, я люблю!

Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ.

Я люблю, я люблю!

Полно, други, спать, еще есть время востать.

Я люблю, я люблю!

Еще есть время востать, ключевой воды достать.

Я люблю, я люблю!

Я еще люблю хозяина въ дому.

Я люблю, я люблю!

Я за то его люблю: гораздъ пиво варить.

Я люблю, я люблю!

Гораздъ пиво варить, родню божию поить.

Я люблю, я люблю!

Гостей подчивать, вѣрнымъ кланяться.

Я люблю, я люблю!

Вѣрнымъ кланяться, Богомъ славиться.

Я люблю, я люблю!

«— Вѣдь этакихъ, говорить, безвинныхъ и всякихъ другихъ
стиховъ, которые вы отобрали, хотъ напримѣръ у учениковъ про-
рочицы, народъ имѣетъ *цѣлые воза*, учить и распѣваетъ ихъ,
по темнотѣ своей, на разные лады и съ благоговѣнiемъ принима-
етъ ихъ отъ Ивановъ Тимофеевичей и пророчицъ Устинiй Ни-

вифоровнѣ, а учить и поеть ихъ все потому же, что и глупѣ-то и горя-тоски у него много!... Такъ скажите же тамъ, ваше благородіе, али изложите хоть на бумагѣ кому слѣдуетъ, чтобы они пожальми этотъ народъ и научили его тѣмъ другіе стихи, отъ другаго чувства и про другія времена, а не плакать только, извивать, изувѣрствовать и ждать помощи отъ какого-то иркутскаго христа!... Теперь, говорить, я все сказалъ вамъ, чѣмъ хотѣлъ предъ смертію облегчить мою душу... Судите же меня, какъ знаете!...

— Къ утру, батенька, сказалъ Лупоревъ: — больной этотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ антонова огня, разливашагося чрезъ ночь по всему его тѣлу.

IX.

ЗЕРКАЛО НЕВИНОВАТО, КОГДА ЛИЦО КРИВО.

— Какъ указалъ этотъ умершій ученикъ пророчицы, продолжалъ Лупоревъ:—имена и фамиліи всей своей шайки, такъ мы на другой же день дѣлаю почту бумагъ отправили за справками въ т...ій приказъ о ссмыльных и въ мѣсто, откуда удрали бѣглецы, чтобы въ наискорѣйшемъ времени доставили намъ свѣдѣнія о всѣхъ пойманныхъ лядцахъ, при чемъ и примѣты ихъ описали, прибавивъ, конечно, что одинъ изъ нихъ, главный коноводъ, къ несчастію, убѣжалъ ужъ опять, а другой волею божіею умеръ. Между тѣмъ приступили и къ распоряженію о похоронахъ умершаго, беспалаго ученика пророчицы. Тутъ родился у насъ споръ, какъ его хоронить: начальству ли слѣдуетъ предать его землѣ, какъ подсудимаго арестанта, и при томъ православнаго, такъ-какъ въ сущности, на основаніи его собственнаго признанія, нельзя было и считать его раскольниковомъ, али отдать тѣло его въ распоряженіе раскольниковъ, которые бы похоронили его, какъ знаютъ. Собрались мы всѣ въ засѣданіе и стали разсуждать объ этомъ. Я, знаете, держалъ на умѣ, что надобно непремѣнно отдать тѣло ученика этимъ раскольникамъ; пусть что хотять, то и дѣлаютъ съ нимъ, меньше будетъ волненія и ропота, иначе вѣдь они выруютъ же его тайно, и похоронятъ по своему съ честію и благоговѣніемъ, но вижу: священникъ съ засѣдателемъ горячатся на чемъ свѣтъ стоитъ, и встаютъ противъ этого, потому и не подавалъ своего голоса. Еще заподозрять, думаю, въ потворствѣ раскольникамъ, пу ихъ! Такимъ

образомъ, и рѣшено было, батенька, похоронить тѣло умершаго, какъ арестанта, о чемъ мы послали тотчасъ же донесеніе и исправнику, испрашивая и его голоса, что вотъ, молю, какъ мы рѣшили, какъ вы съ своей стороны приважете? Исправникъ въ этотъ же день отвѣтилъ формально, что должно похоронить мошенника непременно какъ арестанта, и что объ этомъ излишне было и спрашивать его, устыдилъ даже этакъ насъ немного!... Раскольники тотчасъ же провѣдали объ этомъ и депутацію ко мнѣ съ деньгами отравили. Явилось человѣкъ 30, отраженныхъ ходатайствовать о выдачѣ имъ тѣла ученика пророчицы.

— Зачѣмъ, молю, любезные, пожаловали?

— Да вотъ, говорятъ, пришли просить *нестинное тѣло* ученика пророчицы...

— Этого-то, молю, плута, второму пальцы-то отрубили на воровствѣ?

— И самъ раскохотался предъ ними.

— Эхъ! говорятъ, ваше благородіе. Грѣшно надругаться надъ вѣрою людей, какая она ни есть!... Зачѣмъ вамъ тревожить кости умершаго ужъ человѣка, котораго мы чтили и будемъ чтить?

— И пошли, и пошли, знаете, все въ этомъ тонѣ... А я, выслушавши ихъ, съ своей стороны отвѣчаю имъ:

— Эхъ, молю, вы любезнѣйшіе дураки, дураки! Смѣшно же и видѣть-то васъ просящими тѣло преступника, надувавшего васъ на чемъ свѣтъ стоитъ... Вѣдь онъ, молю, наяснѣйшимъ образомъ уличенъ въ воровствѣ, при которомъ ему и пальцы отрубили. Вотъ не хотите ли, говорю, послушать, что на счетъ этого слѣдствіемъ-то открыто?

— И я прочелъ имъ тутъ вслухъ по дѣлу всю исторію отрубленія пальцевъ покойному.

— Выдумка, выдумка, клевета, обманъ! закричали всѣ.—Это, говорятъ, судьи сами сочинили, и больше ничего!.. Насъ этимъ не проведешь.

— И пошли, и пошли...

— Да почему же, молю, вы подозрѣваете, что мы будемъ обманывать васъ? Что, говорю, мы мошенники, что ли, какіе, и потеряли всякое довѣріе у людей?...

— Гдѣ же? говорятъ. Конечно... да, можемъ ли мы это сказать, но такъ ужъ оно вѣками заведено... Кто же, и когда на насъ не *сочинялъ доносовъ*, не клеветалъ и не обманывалъ, а потомъ и не обиралъ насъ же?... Такъ ужъ свѣтъ держится этимъ

испоковѣву... Вотъ отцы и дѣды наши объ этомъ намъ сказывали, и мы тоже все видимъ!...

— Ишь, думаю, каналы, куда вѣдь метнули! Сейчасъ же да и спичку въ носъ... А самому неловко, такъ, знаете, стало...

«— Ужь если, молю, на то пошло, и вы не имѣете намъ ни въ чемъ вѣрн, такъ вотъ не хотите ли, говорю, послушать, кто былъ этотъ умершій ученикъ пророчицы.

— И я рассказалъ имъ тутъ все признаніе покойнаго предъ смертію.

«— Э! сказки, говорятъ, какія ваше благородіе сочинять изволите!... Чтò мы ребятишки, что ли, что вы хотите намъ глаза отвести такими баснями? Слава-богу, люди взрослые, кажется, вотъ ужъ сѣдые волоса у многихъ на головѣ...

— Я, знаете, такъ и всныхнулъ отъ такихъ рѣчей. Вишь вѣдь, думаю, озлобленные люди за кого нашего брата принимаютъ!... Меньше чѣмъ послѣднему мошеннику вѣрн имѣютъ... Вышелъ даже тутъ изъ себя, скажу вамъ, батенька, и цыкнулъ на нихъ такъ, что у другихъ и душа бы въ пятки должна уйти, а они, каналы, прехладнокровно отвѣчаютъ мнѣ:

«— Да не извольте, говорятъ, такъ горячиться-то, а вотъ лучше примите наше ублаженьице-то, да и порѣшите съ нами!... Наши прислали вотъ вамъ пятьсотъ рубликовъ...

— А сами и деньги кладутъ прехладнокровно на столъ...

«— Ахъ, молю, вы дураки, дураки! Да вы ужъ рѣшительно считаете меня за мазурика какаго-то, который на каждомъ шагу за грошь можетъ себя продать?...

— И приустилъ ужъ тутъ я на нихъ такъ, что у нихъ только пятки загремѣли. А самъ въ сердцахъ-то сейчасъ же распорядился чрезъ своихъ архангеловъ, чтобы они глядѣли въ оба за пріѣхавшими въ село раскольниками, и тотчасъ же дали бы мнѣ знать, если они вздумаютъ тайно вырыть изъ могилы тѣло похороненнаго ученика пророчицы. Только что же, вы думаете, батенька, случилось? отнесся ко мнѣ Лупояровъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Вѣдь они взяли-таки свое! Дня чрезъ три этакъ, послѣ похоронъ десятскими безпалаго ученика пророчицы, вдругъ въ полночь прибѣгаетъ въ мой домъ десятскій, и проситъ разбудить меня, сказывая, что самое экстренное дѣло случилось.

«— Чтò такое, пожаръ, чтò ли? спросилъ я его съ просоньевъ.

«— Нѣтъ, говорить, не пожаръ, а вотъ раскольники-то вы-

рыли тѣло умершаго арестанта, и хоронятъ его на своемъ кладбищѣ съ фонарями и пѣснями духовными...

«— Какъ, молъ, такъ?

«— Не могу, говорить, знать.

«— Кто же разрѣшилъ имъ?

«— И того не знаю.

— Я одѣваюсь, знаете, сейчасъ же и, впопыхахъ, бѣгу съ десятскими и сотскими на кладбище раскольничье, отстоявшее отъ села версты на двѣ. Вижу: велий плачь и вой творится на этомъ кладбищѣ!... Ладномъ несетъ по полю за цѣлую версту, курильницъ зажжено пропасть, мужики глаза свои все къ небу поднимаютъ, бабы въ бѣлыхъ какихъ-то покрывалахъ на головѣ разливаются рѣкой, даже ребятяшки и дѣвчонки малые, и тѣ благимъ матомъ воютъ, фонарей съ сотню зажжено, бѣлые саваны мелькаютъ на живыхъ людяхъ. Чтѣ за зрѣлище, думаю? Инда дрожь меня прохватила!... Вбѣгаю въ средину толпы и вижу, что они ужъ и могилку засыпаютъ землицею, и все горстками, знаете ли, кидютъ на нее землю изъ благоговѣнія, значить; лопатами-то, видите ли, они сочат, значить, за неприличное зарывать *святныя кости*...

«— Какъ, спрашиваю ходаковъ ихъ, осмѣлились вы это сдѣлать? Да знаете-ли, молъ, что васъ за это всѣхъ въ Сибирь упекутъ?

«— Имѣемъ-съ, отвѣчаютъ, соизволеніе свыше...

«— Отъ кого?

«— Свыше, говорятъ, свыше, ваше благородіе, свыше!...

— Чтѣ за чортъ? думаю.—Да отъ кого же, молъ? Я долженъ, какъ становой, знать это доподлинно.

«— Отъ самаго, говорятъ, исправника...

«— Только, говорю, отъ него одного?

«— Нѣтъ, вотъ и засѣдатель и другіе изъявили согласіе на это...

«— Т-с-ъ!... говорю.

— И отвелъ, батенька, ихъ поскорѣе въ сторону немного, чтобы не слышали ничего десятскіе и сотскіе эти.

«— Правда ли, говорю, это? Не вздоръ ли? Если вздоръ, такъ за такіа дѣла-то, знаете ли, я завтра же васъ всѣхъ перекую въ кандалы...

«— Ужели же, говорятъ, мы такъ съ дуру будемъ дѣлать такіа дѣла?

— И стали они рассказывать тутъ мнѣ по порядку, что за тысячу рубл. сер. исправникъ сказалъ мнѣ, что хотя не дастъ формальнаго позволенія на ихъ просьбу, но будетъ молчать объ этомъ, что засѣдатель взялъ съ нихъ четыре сотни руб., и обѣщаль не тревожиться по этому дѣлу.

«— Вотъ вѣдь мы и вамъ давали, ваше благородіе, пятьсотъ руб., добавили расказчики: — да вы не умѣли взять!...

— Вотъ какъ дѣло-то сдѣлалось, сообразилъ я!... Значитъ, всѣ довольны, только я въ дуракахъ...

«— Да не врите ли, молю, спросилъ я еще разъ расказчиковъ?

«— Мы, говорятъ, никогда не время! Это и вѣра наша за-прещаетъ намъ...

— Я, зная, что этотъ народъ дѣйствительно правдивый, такъ-что что ужъ скажетъ, бывало, то какъ топоромъ отрубить, и будетъ свято, сталъ соображать тотчасъ же, какъ тутъ выдти изъ воды сухимъ?...

«— Да вѣдь и я, молю, потомъ, повидѣвшись съ исправникомъ и другими, изъявилъ свое согласіе на это дѣло, только вотъ вы опять-то ко мнѣ не пожаловали.

«— А когда, говорятъ, изъявилъ согласіе, такъ мы отъ своихъ словъ и дѣйствій не отречемся, и въ обидѣ тебя противъ другихъ не оставимъ...

— И вынувши пятьсотъ руб., завязанныхъ въ бумажѣ, подали ихъ мнѣ.

«— Вотъ, говорятъ, и не развернуты еще:—какъ приносили тогда вашему благородію, такъ и остались еще цѣлыми...

— Этакимъ-то манеромъ, батенька мой, улыбаясь сказалъ Лупяровъ:—дѣло это у насъ и покончилось согласно и благополучно...

— Не плохо, отвѣчалъ я.

— На другой день, свидѣвшись съ засѣдателемъ и священникомъ, мы взглянули другъ другу въ глаза, прочли этакъ одинъ у другого въ душѣ, что знаемъ, молю, что сотворено каждымъ изъ насъ... но ни словомъ объ этомъ не заикнулись... Только стороной этакъ, когда однажды зашло дѣло о перенесеніи мощей раба божія безпалаго ученика пророчицы на раскольничье кладбище, я сказалъ: — извѣстно, молю, дурять люди глупые и неразумные.

«— Да, отвѣчали мнѣ, дурять... Слѣпой народъ!...

«— То-то, мошь, слѣпой! И пусть ихъ, мошь, дурять, какъ знаютъ...

«— Пусть дурять, какъ знаютъ!...

— А съ исправникомъ мы никогда и рѣчи заводить объ этомъ дѣлѣ не осмѣливались...

Х.

Ученики пророчицы.

— Недѣль чрезъ десять послѣ этого, осенью уже, когда мы и утокъ всѣхъ перестрѣляли, и бекасовъ перемолотили, и озера всѣ перетоптали отъ нечего дѣлать, пришелъ отвѣтъ изъ сибирскихъ губерній съ описаніемъ лицъ, нами пойманныхъ. Отвѣта этого мы не чаяли дожидаться: разъ потому, что наѣхавшіе въ село, гдѣ былъ мой станъ и гдѣ производилось это слѣдствіе о пророчицѣ, раскольники бунтовали жителей этого села такъ, что къ осени до триста душъ, слышу, *ушли* преблагополучно *съ раскола*; другое — потому, что каждую минуту мы опасались, какъ бы эти раскольники не взломали, бунтомъ, арестантскую избу и не освободили заключенныхъ... Правда, изъ села мы не выпускали роту солдатъ, но вѣдь и ротѣ можетъ достаться, когда цѣлый народъ пойдетъ на дыбы... Кромѣ того, видимъ мы, что эти раскольники, что ни день, то опасныя новости какія-нибудь затѣваютъ. Въ лѣтніе мѣсяцы этого года случилась засуха, слышимъ — они трубятъ что есть мочи, что эта засуха произошла вслѣдствіе заключенія пророчицы, и въ одну ночь, видимъ, они разложили въ полѣ, за селомъ, живые огни, вытертые изъ дерева, и съ криками и воплями, въ бѣлыхъ рубахахъ, перепрыгивали чрезъ него; умерла въ селѣ одна баба скоростижно, слышимъ — они бунтуютъ, что моръ на землѣ явился *вслѣдствіе ювенія* начальствомъ пророчицы и учениковъ ея; описалъ одинъ мужикъ въ самый сильный жаръ холодною колодезною водою — намъ доносить, что всѣ раскольники ходятъ по улицамъ и гвалтомъ кричатъ, что начальство — гонители ихъ святыхъ — отравляетъ, наконецъ, колодцы, чтобы избавиться отъ раскольниковъ... ну, просто бѣда да и только! Опасность на каждомъ шагу!... Наконецъ, когда пришло формальное извѣстіе о всей этой забранной намп шайкѣ ворюшекъ, я переврестился отъ радости. Слава богу! думаю: теперь можно, значить, все вывести наружу, показать этимъ дуракамъ подлинныя формальныя бумаги, прислан-

ныя изъ сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ, и дѣло должно, вѣрится, уладится само сабою. Читаемъ мы, батенька, эти бумаги и находимъ слѣдующее:

— Объ убѣждавшемъ арестантѣ Иванѣ Тимофеевѣ извѣщали, что онъ перебивалъ во всякихъ сектахъ, сидѣлъ въ 6-ти острогахъ, но что его не держали ни кандалы, ни запоры острожные... Происходить изъ кантонистовъ, куда отданъ былъ за вѣру отцовъ своихъ... Объ ангелѣ саратовской церкви написали, что это не ангель, а мошенникъ Климиъ Лукьяновъ, происходящій изъ православныхъ мужиковъ Тамбовской губерніи села Л...сго, гдѣ убѣждалъ отъ рекрутчины, въ которую считалъ себя почему-то неправильно отданнымъ за другое будто семейство по подкупу мнородовъ, о чемъ и подавалъ жалобу по начальству, но не дождавшись рѣшенія своего дѣла, кончавшагося не въ его пользу, убѣждалъ къ скопцамъ, которые и оскопили его, а при забраніи сорока скопцовъ, величавшихъ себя сорока братцами, сосланъ въ Сибирь на поселеніе, съ употребленіемъ на временныя работы, при статейномъ спискѣ за № 8369. Объ ангелѣ Симбирской церкви тоже извѣщали, что это не ангель, а бродяга и изувѣръ Сидорка Коконовъ, *проклимающій* все русское начальство за то, что въ 1851 году становой высѣкъ его не на шутку за неплатежъ податей, отъ которыхъ онъ отговаривался голоднымъ годомъ, и продалъ съ торга его скоть... Бросивъ семейство свое, онъ, ожесточившись, убѣждалъ въ лѣсъ, но былъ пойманъ и наказанъ за бродяжество ста ударами розогъ. Въ 1855 г. онъ ушелъ въ хлѣсты, въ сію вѣру переманилъ семейство свое и всю родню, за какое соvrращеніе съ вѣры, болѣе чѣмъ 20 душъ, и сосланъ былъ въ Сибирь. Характера мстительнаго, 42 лѣтъ. Объ ангелѣ Московской церкви было написано, что это тоже не ангель, а дуракъ набитый Трифонъ Манухинъ, который, за неграмотностію, лѣнью и нѣяствомъ, не могъ пропитать своего большого семейства, и землю свою оставлялъ необработанною, по какому случаю былъ сманенъ въ алмазтовую вѣру раскольниками, которые и дали ему денегъ на поддержаніе его семейства, но, по донесенію мѣстнаго священника, онъ былъ взятъ и, подъ карауломъ, препровожденъ въ губернскій городъ П... на увѣщаніе консисторіи, гдѣ проживши у протопопа на работахъ дворника и дровосѣка впродолженіе года, убѣждалъ, наконецъ, совсѣмъ изъ губерніи, покинувъ жену и семь человекъ дѣтей... Изъ отзыва протопопа, у коего онъ находился на увѣщаніи, прописаннаго въ дѣлѣ, видно,

что крестьянинъ Трифонъ Манухинъ былъ такъ глухъ, что не умѣлъ даже пересчитать на рукахъ пальцы... Присланъ въ Сибирь при статейномъ спискѣ за № 4248. Объ ангелѣ Круцицкой церкви извѣщалось, что и это не ангелъ, а горькій пьяница Иванъ Голупузовъ, уроженецъ С...ской губерніи, села Тенькова, который съ какого-то *благинного*, по его словамъ, *вѣра* плѣть во семь лѣтъ безъ просипу, такъ-что, наконецъ, ему на яву стали грезиться видѣнія разныя, что замѣтивши малакане села П...ла, перетянули его въ свою мистическую вѣру, которую онъ, по ревности своей, и началъ разносить по селамъ и деревнямъ, за что, какъ совратитель, и былъ скоро взятъ въ острогъ, изъ ко-его въ 1852 г. убѣжалъ и пребывалъ въ сектѣ скауновъ въ Петербургской губерніи, Петергофскаго уѣзда. Въ 185... г. присланъ въ Сибирь при статейномъ спискѣ за № 5846. Былъ неграмотный, но въ острогахъ и во время пребыванія въ малаканской сектѣ, обучался чтенію и письму. Ангелъ Черниговской церкви оказался, по увѣдомленію, барскій человекъ Орловской губерніи, Оома Родіоновъ, убѣжавшій изъ-подъ плети барской конюшни и скитавшійся въ лѣсахъ дотогѣ, пока не обращенъ былъ въ расколыничью секту тюкальщичевъ. Что же касается до пророчицы, то о ней извѣщалось, что это казенная крестьянка Костромской губерніи, села В...лого, Устинья Никифорова—женщина бойкая, грамотная и смышленная, убѣжавшая отъ кнута пьянаго свекра своего, Луна Сидорова Тичинина въ п...кій расколыничій скитъ, бросивъ мужа своего и четырехъ малыхъ дѣтей... При разореніи сего скита начальствомъ, какъ начотчица, упорная и опасная сектантка, она и выслана была въ Сибирь на поселеніе, вмѣстѣ съ другими 60 сектантами Костромской губерніи.

— Прочитавши такое описаніе *сезмихъ модѣй расколыничевъ*, ми всѣ хохотали, батенька, до упаду. Ну, молъ, вотъ такъ сонмъ пророковъ и учителей!... Есть кому вѣрить и новламаться! Показалъ я эти увѣдомленія покойной своей женѣ и говорю:

«— Посмотри-ка, молъ, матушка, что вышутъ о твоей пророчицѣ-то съ учениками? Вотъ оно правда-то, такъ правда, что вдовѣ бабій долготъ, да умъ коротокъ...

— И я, знаете, прочиталъ ей описаніе пророчицы и ея учениковъ. Вижу: моя баба вривнула языковъ и повраженѣла...

«— Что, молъ, не хочешь ли съ матушкой попадѣй-то еще съѣздить къ костромской пророчицѣ Устинѣ Никифоровнѣ-то за пророчествомъ? Вѣдь она недавно съ неба *веротилась*?...

«— Не смѣйся, говорить, горохъ надъ бобами. Ты вотъ и мужчина, да еще *станорода*, а самъ *первый* вообрѣлъ въ ея *святость*, и насъ только сбиль съ толку...

— Вывернулась вѣдь баба-то!

XI.

Умираетъ щука — зубы остаются.

— Отвергнуши, такимъ образомъ, всю сущность дѣла о пророчицѣ, продолжалъ Дуновровъ:—мы, батенька мой, покончили уже скоро съ нею и ея учениками. Судъ приговорилъ ихъ всѣхъ къ наказанію тѣлесному и осмѣлъ въ самны отдаленныя губервіи Восточной Сибири, съ заключеніемъ тамъ впродолженіе восьми лѣтъ. Мѣсяца чрезъ два послѣ этого, когда мнѣ довелось быть по дѣламъ въ домѣ исправника, гдѣ случались засѣдатель, судья и другіе, онъ потиралъ руки отъ удовольствія, что удалось такъ ловко распутать дѣло о пророчицѣ, и увечь шайку плутовъ въ сибирскіе сѣнга на врай свѣта...

«— Ужь оттуда, говорить, не высочать милше дружек: шайны!.. Вотъ этакъ-то съ ними канальями надобно всегда управлять!.. А то предписанія шлютъ о ваянкѣ-то *уважанія* по совѣсти, да *жиралъ кротости*... Вездѣ, говорить, заграничей, *въ дѣла совѣсти правительство не смѣшивается*, и предоставляет это увѣщанію только духовенства. Какъ же?... Тамъ вотъ, чай, пророчицы съ учениками-то не ходятъ шайками по государству, и воровствомъ не занимаются... Да-съ, не такъ ли?

«— Ладно, говорить, ладно! шайны вашими устами, да медъ пить...

«— Вотъ, говорить, я написалъ, по этому случаю, проектъ объ *уничтоженіи* раскола въ Россіи, и посылаю его начальству: вустъ-на враслушить!... Только темерь это еще шокуда секретъ...

«— Показите, моль, покажите! стали ли приставать къ исправнику.

«— Э! чего, говорить, захотѣли! Вотъ когда напечатають его въ циркулярахъ министра, да во всѣхъ журналахъ и газетахъ, тогда можете прочесть его даромъ...

«— Скоро ли, моль, еще это будетъ, а нимъ бы темерь любобитно было познакомиться съ нимъ! Вѣдь дѣло-то, говорить, общее, въ видахъ общей государственной службы, понаучите насъ уму-разуму...

— Исправникъ согласился.

«— Ну такъ, говорить, и бить! Вотъ этотъ проектъ — слушайте.

— И онъ сталъ намъ читать, а мы слушать.

«— Во время многолѣтней службы своей и неуспѣшныхъ трудовъ на пользу отечества, прослуживъ шесть лѣтъ во флотѣ, пять лѣтъ въ арміи и семь лѣтъ исправникомъ, я наконецъ убѣдился, что раскольниковъ непремѣнно слѣдуетъ уничтожить, для чего и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства слѣдующій мой проектъ, какъ результатъ ревностнаго, неуспѣшнаго и добросовѣстнаго наученія мною раскола и вообще *духа и характера* народа русскаго... Я не напрашиваюсь этимъ на награду, на крестъ Анны, наприимѣръ (Станислава съ бантомъ уже имѣю), или еще какой орденъ — нѣтъ! а исполняю только свой долгъ по силѣ. Начальство мудрое само умѣетъ оцѣнивать труды служащихъ... Итакъ, для уничтоженія раскола русскаго, по моему мнѣнію, нужно...

«— Позвольте, позвольте! прервалъ судья. — Вы видите, что не награды вамъ нужно, а сами намекаете въ бумагѣ своей на Анну. Это бросится, пожалуй, въ глаза начальству...

«— Ну, ужъ не ваше дѣло учить меня, отвѣтилъ исправникъ.

— Конечно, но все же неловко; отчего же не предостеречь?

«— Я васъ не предостерегаю, заговорилъ исправникъ:—страшная флотская горячка была — когда вы въ своихъ бумагахъ начальству настойчиво напрашиваетесь на представленіе васъ къ титулярному совѣтнику за отличіе... Всѣ бумаги ваши только этимъ всегда и наполнены, вмѣсто дѣла...

«— Когда же это было?

«— Я знаю, когда! отвѣтилъ исправникъ:—неудобно ли, укажу?... И вошла у нихъ тутъ вдругъ потѣха, такъ что исправникъ и проекта своего намъ не сталъ читать, а гостей своихъ разогналъ по случаю ссоры съ судьей... Я, впрочемъ, на прощанье, еще разъ осмѣлился спросить исправника:

«— Какъ же, молъ, ваше высочайшее благоудолье, проекта-то мы, значить, и не слыхали? Вы, говорю, хоть бы мнѣ одному пожаловали въ руки для прочтенія вашъ проектъ-то, вѣдь я какъ непосредственный исполнитель?

«— Всѣ, говоритъ, вы еще рыломъ не вышли, чтобы знать и читать мои проекты...

— Я, конечно, по подчиненности своей, долженъ былъ при та-

комъ словѣ его замолчать, и такъ дѣло это у насъ и забылось. Только чрезъ полгода этакъ, однажды, вдругъ сазываютъ мнѣ, что со мной желаетъ видѣться одинъ раскольникъ изъ «ходаковъ». Что, думаю, за надобность такая во мнѣ случилась? Иду. Что же вы думаете, батенька, кого я увидѣлъ? спросилъ меня Луполровъ, смѣясь.

«— Кого? говорю.

«— Да коновода, Ивана-то Тимофеева, что невидимкою скрылся отъ насъ при допросѣ пророчицы... — Я сейчасъ же велѣлъ десятскому оставить насъ однихъ. А самъ думаю: должно быть, большія новости какія сообщить мнѣ захочетъ... И такъ смѣло пришелъ!... А впрочемъ, онъ, конечно, увѣренъ былъ, что я ловить его не стану...

«— Ну что, молъ, любезнѣйшій «пройди-свѣтъ», зачѣмъ пожаловалъ?

«— Да вотъ, говорить, грамоту поручили мнѣ раскольники передать господину исправнику и вашему благородію. А прежде всего, говорить, условимся съ вашимъ благородіемъ, что вы меня ловить не будете. Мы знаемъ тебя, какъ смирнаго чело-вѣка, потому я и явился къ тебѣ смѣло...

«— Помилуй, говорю, я всегда себѣ вѣренъ...

«— То-то! говорить. А то вѣдь извѣстно вашему благородію, что въ противномъ случаѣ, краснѣй пѣтухъ пройдетъ по всему уѣзду...

«— Полно, говорю, полно вздоръ-то говорить! Не о томъ у насъ рѣчь; а ты говори о дѣлѣ-то, по которому пожаловалъ.

«— Да вотъ, говорить, прочтите-ка проектъ господина исправника, посланный начальству. Наши раскольники написали на него отвѣтъ, поручили передать все это вамъ, и поговорить съ вашимъ благородіемъ о томъ, что если господинъ исправникъ будетъ еще писать такіе проекты, а главное, не выдѣтъ въ отставку вродолженіе мѣсяца, то я покажу суду во второй разъ, и тогда ужъ ему худо будетъ! Не за свое онъ дѣло смѣлся; надо ему мѣсто перемѣнить...

— Я беру изъ рукъ посланнаго листъ бумаги, читаю его, и вижу, что галиматья страшная названа проектомъ, и отвѣтъ противъ каждаго пункта полууставомъ написаны, да такъ ловко, что я хочотаъ потомъ дѣлаю ночь!... У меня этотъ листъ дѣлъ еще и теперь, сазалъ Луполровъ: — не хотите ли, батенька, полюбопытствовать? Въ вѣмодѣ, вѣжета, гдѣ-то валяется.

— Сдѣлайте, говорю, милость! Лупоуровъ вышелъ изъ гостиной въ свой кабинетъ и, чрезъ шесть минутъ, принесъ мнѣ бумагу, довольно испачканную.

— Вотъ, говорить, батенька, прочтите-ка.

Я прочелъ. Лупоуровъ потомъ продолжалъ:

«— Кто же, другъ любезный, вручилъ тебѣ эту грамотку-то? Ужь не самъ ли ты это смастерилъ?»

«— Гдѣ, говорить, намъ! это не по нашей части... Наше дѣло вотъ — разносить ее по разнымъ городамъ и селамъ Россіи, да вотъ вамъ и господину исправнику — вручить писаніе съ надписью, значить!... Ну, а гдѣ нужно, и пѣтушка тоже краснаго подпустить!... А самъ, вижу, казалья прикинулъ при этомъ глазомъ...»

«— Да какъ же, молъ, ваша братія ухитрилась достать-то этотъ проектъ? Исправникъ сказывалъ намъ, что держитъ его въ секретѣ, даже намъ не показывалъ, когда мы просили его объ этомъ.»

«— Какъ же, говорить, въ секретѣ? только *не на этомъ счетѣ*...»

«— Однако же, говорю?»

«— Да Иванъ-то, говорить, Федоровъ на что же?...»

«— Это, молъ, писарь-то исправника?...»

«— Да, онъ-то! говорить. Онъ, слышь, другой домикъ ужъ недавно купилъ въ городѣ, а жалованья-то, какъ вашему благородію, чай, безъизвѣстно, получаетъ всего сто-двадцать рублей ассигнаціями въ годъ... Такъ тутъ рассуждайте, значить, какъ знаете...»

«— Такъ вотъ, молъ, кто вамъ угрожаетъ! Будемъ знать теперь...»

«— Напрасно, говорить, будете думать, что раскольники только чрезъ писарей становихъ знаютъ всѣ дѣла начальства, касающіеся ихъ. У нихъ Иванъ Федоровъ-то *есть* и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ каждой канцеляріи палатской и губернаторской по губерніямъ... Вездѣ, гдѣ еще только начерно пишутъ что-нибудь, а раскольники ужъ на другой же день все это читаютъ и смѣются... Вѣдь голь пережатая вездѣ сидитъ, изъ-а рубля всякій продастъ отца родного, нетолько что бумаженку какую-нибудь. Ну, а время того, и почти-то всё въ рукавъ выщипъ... Десяти верстъ еще не отъѣдетъ почта-то отъ мѣста своего, а раскольники наготы съ надписью «секретно» перечитываютъ ужъ, и концы снимаютъ для себя... Вѣдь кучера-то и почтальоны *наизъ-братъ мужики*,

своей за своего скорѣе стнеть; ну, разумѣется, и деньги тутъ тоже много значать!... Потому-то вотъ и рассказываютъ, что въ кучера-то почтовые, въ раскольничьихъ губерніяхъ, идутъ многіе служить безъ жалованья совсѣмъ, а жалованье свое смотрителямъ отдаютъ, лишь бы опредѣляли только. Выгода, значить, есть!...

«— Да ты, говорю, любезнѣйшій «всесвѣтній прейдоха», въ какихъ же чинахъ состоишь теперь у раскольниковъ? Недавно вѣдь ты, кажется, былъ ученикомъ пророчицы, или чуть-ли не самимъ Христомъ ихнимъ?

«— Былъ, говорить, да сплылъ! То ремесло надоѣло, да и опасностей много бываетъ. Я теперь разсудилъ записаться лучше въ «ходатаи» раскол.ничьи: по Россіи ѣзжу, вѣсти разныя развожу, особыя порученія разныя исправляю — и купеческимъ гостемъ въ г. Козловѣ по *своимъ*, значить, *документамъ*, состою...

«— И думаешь, молъ, что никогда не попадешься въ руки начальству?

«— За чтѣ? говорить. Купцовъ никто трогать не смѣетъ...

«— Ну, а если, молъ, случится втискаться гдѣ не по купеческому совсѣмъ дѣлу?

«— Я, говорить, вообще застраховашь!...

«— Въ какомъ же, молъ, обществѣ: въ московскомъ, али петербургскомъ?

«— Во всѣхъ, говорить, всероссійскихъ!...

«— По какимъ же, молъ, порученіямъ ты теперь ѣздишь, господнигъ *чиновникъ особыхъ порученій* при раскольникахъ?

«— По разнымъ, говорить. Вотъ вамъ ведали завезти грамотку, везу въ нѣкоторые города также еще посланіе одного *большаго* и уважаемаго всѣми, великаго наставника еодосіанскаго.

«— Нельзя ли, говорю, мнѣ полюбопытствовать?

«— Извольте, говорить! Мы васъ знаемъ, ну и довѣріе имѣть можемъ къ вашей особѣ за всяко время...

— И вынуть изъ кожаной сумки, привѣшенной къ шеѣ, подъ рубахою, листъ бумаги, онъ далъ мнѣ, батенька, прочесть это посланіе. Читаю. На листѣ полууставомъ написано;

«Любезнымъ моимъ благопріятелямъ и душеспасительнаго пути желателямъ, и православныя вѣры взыскаателямъ, желаю я вамъ о Господѣ радоваться, и души спасти и помпловати!

«Вратія моя любезная, хошу вамъ рещи словеса душеполезная, како міръ насъ прельщаетъ, и по спасенному пути не допускаетъ,

и пространнимъ житіемъ утѣшасть, и како смерть внезапно восхищаетъ, а своего прихода никому не возвѣщаетъ. Зрите въ божественномъ писаніи: волно обмануль, и волно въ вѣчную муку поинуль, воистину міръ предъшасть, и сладкимъ растлѣннымъ житіемъ утѣшасть, но токо на малое время льстятъ, а во вѣки мучить. О, любезная моя братія и сестры! помислите, какой есть Богъ сотворенный рай, прекрасный, предивный и уму человѣчю непостижимый, и какое есть царство небесное, его же и ангели жаждутъ зрѣть; такожде и о вѣчныхъ мукахъ размыслите и устрашитесь, какой есть адъ пренеподный, и какаа тма кромѣшная, и несвѣтлая, и какой есть тартаръ преглубочайшій, его же и самъ сатана трепещеть и ужасается, огонь неугасимый, мразъ нестерпимый, червь неуспивающій, геенна мрачная, беси надъ муками немилосердїи. Братія моя, сія слышащи, поищемъ путь спасенія, да избавимся такового мученія. Нужно есть царствіе небесное, и нужницы восхищаютъ его. Яра зима, но сладка весна. Други мои любезные, что не размыслите о себѣ полезное, како хотите безъ святаго крещенія получить первородному грѣху очищеніе. И какъ безъ знаменія печати христовой на страшномъ судѣ явитесь, и немуще на лицахъ своихъ начертанія христіанскаго, и како Христось будетъ познавать не прїемшихъ печати святаго крещенія и знаменія. Други мои любезные! внимайте разумно, какъ владыко всещедрый Господь нашъ Іисусъ Христось непрестанно зоветъ, и умиленнымъ гласомъ вопіеть: покаятесь, приближьбоса царство небесное, вридите ко мнѣ, любимое мое созданіе, градите ко мнѣ, дѣти моя отъ міра избраннїя, градите ко мнѣ, любезная моя тварь, градите ко мнѣ, вожденное мое созданіе: азъ всему міру творецъ, и всѣмъ сиротамъ отецъ; идите ко мнѣ, азъ упокою васъ, и всѣмъ богатствомъ награжу васъ, истиннымъ разумомъ одарю васъ. Вѣруете ли въ мя, яко отецъ вамъ буду, и вѣчно съ вами пребуду. Аще повѣруете во мя, и получите святое крещеніе, тогда и получите всѣхъ очищеніе, тогда и будущими благами въ наслѣдники васъ вчню. Яко и дщери мнѣ любезныя, будете и неѣсты мои преврасныя. Вѣруете ли, яко и царицами васъ устрою, и въ моемъ царствїи служити вамъ ангеламъ повелю. Токмо вѣруйте несумненно. Васъ ради съ небесъ сндохъ, и собою образъ вамъ покажахъ, о семъ и во евангелїи возгласихъ: аще кто переродится отъ воды и духа, неимать внити въ царствіе божїе; аще не крестится, той не воскреснетъ, и Давидъ гласить: не воскреснутъ

нечестивіи на судъ. Азъ же требовалъ очищенія, а далъ образъ себѣю крещенія, и васъ ради поруганія пріялъ, и кровъ проліахъ; помяните мое страданіе, помяните безчисленныя мои язвы; аа выи азъ сподохъ отъ всея славы своея въ толикое безчестіе, изъяти васъ отъ волка хищнаго діавола; милость моя жеветь васъ во вся дни живота вашего; почто лѣнитесь, почто дремлите, почто тяжемъ сномъ уснуете, како не познаете творца твари? Чтѣ сотворихъ вамъ вредное, или чтѣмъ васъ не одарихъ? Васъ ради сотворихъ небо и землю, солнце и луну; небо украсихъ звѣздами и зарями, а землю вслѣдними лѣпотами; море проліахъ, рѣки пропустихъ, сады участкахъ, и всѣмъ обилствомъ наградихъ. Како не познаете такового творца и милосерднаго отца? Или хотите на какія добродѣтели уловать, безъ крещенія пребывать? И я вамъ глаголю: вразумитесь, послушайте: прійдите въ чувство и Госнодь рѣче: азъ вашъ творецъ, а по благодати буду во вѣки отецъ. Како зміи прельсти Евву лукавствомъ своимъ, тако и разуми ваша истабѣютъ отъ простоты, еже о Христѣ Иисусѣ зміи пошептахъ Еввѣ: аще съѣши яблоко, Богъ будещи. Не солгалъ-ли, не обманулъ-ли, не обважилъ-ли, и колико тысячи лѣтъ во адѣ содержалъ. Возрите и книжъ разумныма очима во всемъ божественномъ писаніи, кто отъ святыхъ положилъ запрещеніе пріинять святое крещеніе. И кто бы доказалъ отъ писанія, что безъ крещенія получилъ бы очищеніе. И паки глаголетъ: о, возлюбленное мое созданіе, аще не пріимете святаго крещенія, тогда узрите страшное прещеніе, казню васъ смертію незапною. Не допущу васъ умилостивить меня своимъ поканіемъ: презрѣвшія мое величество и невѣровавшіе мнѣ. И аще глаголю: созданіе мое драгое, воспримите разумѣніе благое, умилитесь, раскайтесь, послушайте, умилосердитесь, просвѣтитесь: и сія и симъ подобная завѣщанія. Други мои любезныя, размышлите о себѣ полезное, послушайте со вниманіемъ божественное писаніе и поученія, да избѣгнете вѣчнаго мученія! Или вамъ не умреть будетъ? или вы на тлѣнное богатство надѣтаете? нѣтъ, други мои любезныя: вси земныя вещи не полезныя и душевредныя, вся ненадежна, вся Богу нелюбезна, вся яко прахъ пролетаетъ, и яко дымъ исчезаетъ. Человѣкъ на земли живеть, яко трава ростеть, а слава человѣча яко цвѣтъ цвѣтеть; утромъ процвѣтаетъ, а въ вечеръ отпадаетъ. Прійдетъ смерть и все разрушитъ; помыслите и разумѣйте, отъ Адама и до сего время, сколько было всякаго племя, сколько царей и сильныхъ богатырей? но никого смерть не убоя-

жась, яко тать подъ жизнь ихъ подиралась. И сколько сильнѣи не надѣялись на тщетную силу, но и тѣхъ поплѣвила смерть въ темную могилу. Тако и мы время отлагаемъ, и на другое гѣто оставляемъ, и паче грѣхъ себѣ собираемъ, и Богу досаждаемъ и умремъ не готовы, како стерпимъ вѣчныя муки? нинѣ малыя муки, и блохи накусанія не терпимъ; ей молю васъ, устрашимся внезапныя смерти: прибѣгнемъ ко Господу со слезами, яко онъ отецъ милосерднѣи и судія всѣмъ; внимайте, и свою волю оставляйте, како Христось любезно зоветъ, и непрестанно вопіетъ: любезное мое созданіе, оставите тѣлесныя страсти, воспримите небесная, сего слушайте истиннаго ученія, да избавитесь вѣчнаго мученія. Не взирайте на суетное прельщеніе, не отлагайте нимаго святое крещеніе: и будете невѣсты мои прекрасныя. Чады мои драгія, принесите дары благія: вѣру, надежду, любовь; отложите лѣньность, воспримите ревность, грядите во слѣдъ мене и обрадуйте себе, егда приидите ко мнѣ и узрите славу мою и мое царствіе неизрѣченное, его же ангелы желаютъ проникнути. Приидите братія, покупайте, дондеже торжество стоитъ, нинѣ продается духовное лекарство, безо мзды получайте небесное царство. И аще кто пребудеть твердо въ православную вѣру вѣрять, тогда отверзетъ ему Христось райскія двери!»

«— Ну, чтѣ же, молъ, хорошо понимаешь, чтѣ тутъ написано? я, говорю, тутъ ровно ничего не понимаю: чепуха какаа-то намарана! И *стоитъ* ли, молъ, *развозитъ* такую галиматью, съ *опасностью* притомъ еще большою по Россіи?

«— Зачѣмъ, говорятъ, мнѣ *понимать*-то? Это не по нашей части! На то есть «набольшіе» разныя вездѣ, которые этимъ дѣломъ занимаются, а нашъ братъ долженъ исполнять только то, къ чему приставленъ... За то и деньги платять! Получилъ, значить, что, исполнилъ — и дѣло съ концомъ!... Въ Москвѣ и Петербургѣ раскольниковъ рубять, а въ города и села щетки лѣтять...

«— Какъ же, молъ, это, братъ, однако? Чиновнику особыхъ порученій стыдненько же непонимать ничего въ дѣлѣ, которое онъ исполняетъ...

«— А развѣ, говорятъ, ваши чиновники особыхъ порученій, напримѣръ, понимаютъ тоже что-нибудь въ своемъ дѣлѣ? Служить-служить иной въ гусарахъ, аль уланахъ, надоѣсть, али промотается—ну, и идетъ въ чиновники особыхъ порученій, да еще выполняетъ разныя порученія: по вѣроисповѣданіямъ разнымъ,

али расколу... Деньги, значить, плататся; ну, и служить люди какъ у васъ, такъ и у насъ — все едино!

— Каковъ, думаю, хватъ! Мужикъ вѣдь шельма, и родился мужикомъ, а вишь каку штуку загнулъ? Смекаетъ, значить, дѣла-то и остеръ на словахъ!... И я скорѣе переимѣнилъ съ нимъ разговоръ.

«— Ну, а что, молю, о пророчицѣ-то Устиньѣ Никифоровнѣ-то и твоихъ собратіяхъ-ученикахъ ея ничего не слыхалъ: какъ и гдѣ они теперь поживаютъ?»

«— Не знаю, говорить! Только вѣдь, ваше благородіе, этихъ пророчицъ, христовъ и пророковъ разныхъ вмѣсто Устиньи Никифоровны и ея учениковъ *народилось новыхъ тьма-тьмуца*... Мнѣ вотъ въ пять мѣсяцевъ только попалось ихъ штукъ до сорока въ разныхъ губерніяхъ. Идутъ вездѣ и ѣдутъ, ползутъ и лѣзутъ, и вездѣ-то всѣ *чествуются* и *ублажаются*, какъ чествовали и ублажали, помните, и насъ съ Устиньей Никифоровой?... *Шука умираетъ*, значить, *а зубы остаются*...

«— Ну, а что, молю, если я этого чиновника-то особыхъ порученій, то-есть Ивана Тимофеева-то, задержу, да въ острогъ въ кандалахъ отправлю?... А самъ знаете, въ шутку такъ, взявъ его сейчасъ же за воротъ. Смотрю: онъ вдругъ хватъ себя за бока и изъ-подъ поддѣвки купеческой мгновенно вынулъ два, отличной заграничной работы, шестиствольныхъ пистолета. «Напрасно, говорить, будете беспокоиться!... Мы тоже безъ топора за поясомъ по большимъ дорогамъ-то не ѣздимъ. На двѣнадцать, говорить, человекъ имѣемъ запасецъ въ двѣнадцать грѣцкихъ орѣховъ»...

— А самъ вдругъ вспыхнулъ и переимѣнился въ лицѣ...

«— Шучу, шучу, молю, другъ любезный! Успокойся!...

— А самъ, скажу вамъ, батенька, струсиль не на шутку. Чтò, думаю, если онъ, бестія, за одну эту штуку только да влѣпнеть мнѣ нѣсколько этихъ орѣховъ-то въ лобъ? Ни за что вѣдь ни про что сложишь свою буйную головушку!... Однако, вижу, онъ нѣсколько успокоился и говорить:

«— Прощайте, сударь, ваше благородіе! Передайте же грамотку-то господину исправнику и скажите ему, что если послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ не выбудетъ изъ своей должности, и не перестанетъ писать глухихъ проектовъ своихъ, то будетъ ему худо!...

«— Ладно, говорю, ладно!

«— Не поминайте, говорить, меня лихомъ, и чтò я сказала вамъ, тò держите про себя подале... А окромъ того шуточки,
Т. СЛXII. — Отд. I.

что изволили нынѣ отпалить вотъ, впредь, предостерегаю васъ, не шутите. Неровень часъ, можете и худо получить!...

— Иванъ Тимофеевъ, вернувшись на коблучкахъ козловыхъ купеческихъ сапогъ своихъ, бойко вышелъ изъ моей комнаты.

— Опасный шельма-народъ, подумалъ я. Огонь да и только, того и гледи, что опалить тебя всего!...

— Правда, правда... говорю, Антою Лаврентьичъ.

— Мудрено, батенька, съ нимъ бороться, тѣмъ болѣе, что насъ грѣшныкъ рабовъ божіихъ становыхъ-то не богъ-знаестъ какъ много, а вѣдь этакихъ-то хватовъ *что не шагъ—то цѣлая стая бродитъ*...

ХП.

Что посвѣшь, то и живишь.

— Дня чрезъ два я отправился, батенька мой, въ городъ къ исправнику и рассказалъ ему исторію моего разговора съ Иваномъ Тимофеевымъ, показавъ также и проектъ-то его, возвращенный съ *надписью*... Повзраснѣлъ, вижу, мой исправникъ, какъ на пожарѣ, прочитавъ отвѣты раскольничья, а главное—былъ особенно пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, какъ, дескать, это онъ къ нимъ въ руки-то попалъ?...

«— Да ты, говорить, любезнѣйшій, не самъ ли это написалъ?

«— Помилуйте, молю, ваше высочорodie! Вы, я думаю, можете знать лучше меня: ваше ли это сочиненіе, или мое?

«— Мое-то, говорить, конечно мое, но отвѣты-то кто сочинилъ?

«— И опять-таки, молю, не я! Еслибы, говорю, я ихъ сочинилъ, тогда зачѣмъ же бы было привонить мнѣ ихъ вамъ?

«— Гм!... Тагъ неужели, говорить, эти скоты, бараны глупые могутъ такъ дѣла свои обдѣлывать? Бумаги воруютъ у всѣхъ изъ-подъ носа, ошлетаютъ начальство, и почту и чиновниковъ всякихъ—это чортъ-знаестъ что такое, наконецъ!... А главное, говорить, и отвѣты такіе могутъ писать?...

— Онъ, видите ли, значить, увѣрился, что отвѣты-то были умнѣе его проекта.

«— Вотъ могутъ, значить! говорю.

«— Удивительно, говорить, удивительно!...

«— Ничего, молю, тутъ и удивительнаго-то нѣтъ! Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ человѣкъ всегда *ухитряется*, какъ нигто.

Нужда *остритъ* разумъ... Сами, молъ, знаете. А другая пословица говорить еще лучше: что сума, да тюрьма дадутъ ума... Нужда свачеть, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поеть... А главное-то, молъ, дѣло въ томъ, надобно вамъ сказать, что всѣ дѣла-то ихъ, особенно удивляющія васъ и могущія впредь удивлять всякаго, дѣлаются вѣдь только *избранными* изъ нихъ, конкъ на тысячу придется одинъ, или и того меньше, но за то ужъ эти избранные *не намъ съ вами чета*; ну, а прочіе идутъ за ними какъ стадо глухихъ овецъ за пастухомъ, или какъ слѣпой за навою... Вы вотъ перваго-то, молъ, обстоятельства не знали еще, должно быть, такъ оно все это и кажется вамъ удивительнымъ?...

«— Не зналъ, говорить, не зналъ и вѣрить не хотѣлъ!...

«— Ну, такъ вотъ теперь, молъ, увѣрьтесь! А на счетъ угрозъ-то, говорю, скажу вамъ, что лучше бы было, еслибы вы послушались ихъ требованія... Неровенъ вѣдь часъ, знаете сами, чего можно ожидать отъ жесточенныхъ людей! Семейство свое только можете погубить напрасно и предъ Богомъ въ отвѣтъ, пожалуй, за него будете. Вижу—исправникъ задумался не на шутку и началъ кусать ногти на пальцахъ.

«— Да, это правда, говорить, правда!...

«— Я, молъ, говорю вамъ отъ души, по совѣсти, по многолѣтнему опыту и наблюденію надъ этимъ народомъ...

«— Ладно, говорить, ладно! я перейду на службу въ другую губернію и завтра же поѣду хлопотать объ этомъ въ губернской городъ. Только, говорить, прошу васъ объ этомъ никому ни слова, какъ будто бы вы и проекта моего не видали, и отвѣтовъ этихъ не читали и угрозъ никакихъ не слыхали и о причинахъ перехода моего ничего не знаете. Понимаете? Я прошу васъ, любезнѣйшій, сохранить все это въ тайнѣ, хоть по крайней мѣрѣ до того времени, пока я уѣду отсюда совсѣмъ; неловко, знаете, немного, согласитесь?... Конечно, бояться тутъ, собственно говоря, мнѣ нечего, дѣло мое правое, долгъ службы того требовалъ дѣлать, но все-таки, знаете, лучше, когда люди вообще меньше знаютъ о другомъ, чѣмъ слѣдовало бы!... Не такъ ли?

«— Всесовершеннѣйшая, молъ, правда!...

«— Ну, такъ пожалуйста! говорить. Я надѣюсь.

— И, грозный нѣкогда, исправникъ нашъ пожалъ мнѣ вѣрно руку.

— Недѣли чрезъ три онъ дѣйствительно переѣхалъ на службу

въ другую губернію, въ которой не было уже ни одного раскольника...

— Послѣ того, собравшись какъ-то вмѣстѣ, мы долго хохотали надъ проектомъ исправника и всей этой исторіей. Вѣдь выдумалъ же, молъ, такую небыллицу въ лицахъ, что курамъ на смѣхъ!... Не выдавши ничего и *не зная совѣсть народа* русскаго, а раскольниковъ и того *меньше*, сѣлъ за столъ въ кабинетѣ своемъ да и настрочилъ проектъ, ну и вышла чепуха! Нѣтъ, молъ, онъ послужилъ бы прежде вотъ хоть въ становыхъ бы, напримѣръ, годиковъ пятнадцать, да переглядѣлъ этого народу тысячъ пять въ годъ, тогда другіе бы проекты-то сталъ писать...

«— Что же, въ самомъ дѣлѣ у васъ уменьшается этихъ пророковъ и апостоловъ раскольниковыхъ? спросили меня, батенька, всѣ.

«— Какъ же, молъ, держите помы-то шире! съ каждымъ днемъ увеличиваются впятеро...

«— Что вы? говорить. Да отъ чего же это?

«— Да вотъ, молъ, должно быть оттого, что въ проектѣ-то своемъ господанъ исправникъ рекомендуетъ *увеличить число исправниковъ!* Ну, разумѣется, когда увеличивается число исправниковъ, такъ какъ же отставать этимъ раскольникамъ-то и *не увеличивать, въ свою очередь*, пророковъ и апостоловъ своихъ? Долгъ платежомъ красенъ!... Хохотали мы долго-таки на этотъ счетъ...

— А раскольники эти дѣйствительно, скажу вамъ, батенька, какъ на смѣхъ проекту исправника, съ каждымъ днемъ все прибываютъ и *прибываютъ*... Видишь этакъ, напримѣръ, село иное въ православіи будто находится, ну и сердце, знаете, радуется: наши, молъ, пока! Только чрезъ недѣлю вдругъ слышишь, что все это *ухнуло въ расколъ*... Вся эта слѣпая, неумытая, надорванная, голая, оборванная и по уши завязнувшая въ грязи масса ухаеетъ и ухаеетъ въ этотъ расколъ въ два-три дня какихънибудь при появленіи какогонибудь Сидорки, или Карпушки съ козлиной бородой, назвавагося христомъ и пришедшимъ-де изъ Иркутска *спасти народъ отъ его сквернаго житія* и провести прямою дорогою въ золотыя ворота райа... Только и слышишь и видишь, бывало, что они встрѣчаютъ и провожаютъ то христа, то пророка, то мученика съ мученицей, то учениковъ божіихъ, съ неба свалившихся... Ревутъ вѣдь, воютъ, каноны и пѣсни какіе-то распѣваютъ день и ночь, ладаномъ мѣръ окуриваютъ и валятъ-валятъ со *слѣпа-то* въ какую угодно яму, подставлен-

ную имъ всякимъ, лишь бы только не начальствомъ... Любую сказку имъ сплести, самую дивную вещь имъ проповѣдуй, только бы во всемъ этомъ была *надежда* на то, что новое царство настанетъ для нихъ, новоею жизнью они заживутъ и они съ руками и ногами этого человѣка захватятъ себѣ и будутъ предъ нимъ курильницы возжигать и каноны ему пѣть... Наголо вѣдь невѣжество, куда ни кинь глазомъ; на тысячу человѣкъ едва одинъ грамотный есть и то съ грѣхомъ пополамъ, а ужъ о вѣрѣ-то православной и помину нѣтъ!... Вездѣ каковъ попъ, таковъ и приходъ!... Да, худо, батенька, съ такимъ народомъ — пропащiе люди совсѣмъ!... Ну, оно послѣдствiя-то вотъ и высказываются сами собою. *Что, значить, послалъ, то и жни*, пословица-то недаромъ говоритса!...

XIII.

За ужиномъ и послѣ ужина.

— Ужинать ужъ пора гостю! сказала вошедшая въ гостиную дѣва, дочь хозяина. Двѣнадцать часовъ ночи. Столъ накрытъ въ залѣ.

— Да, пора, пора, батенька, дѣйствительно, отвѣтилъ Лупояровъ.—Я заболтался такъ, что и забылъ, что соловья-то баснями-то не кормятъ!..

— Помилуйте, говорю! Я такъ былъ радъ послушать вашихъ *практическихъ рѣчей*, что забылъ и думать о всякихъ ужинахъ. Въ книжкахъ, молю, вѣдь всего этого не вычитаешь!...

— Да, конечно, говорить, въ книжкахъ почему-то объ этомъ не пишутъ. А напрасно! *Больше бы знали и народъ-то русский*, и его характеръ, и его желанiя... А то *ноеть-ноеть* этотъ *народъ*, а его и *слушать-то* никто не *хочетъ*. Ной, дескать, вой и стонай про себя, а мы будемъ только проекты разные въ кабинетахъ писать. Лишь бы наши уши не драли... Милости-съ просимъ къ столу!

Я всталъ и послѣдовалъ за Лупояровымъ въ залу.

За ужиномъ сидѣла съ нами дочь Лупоярова и прерывала всякій начатый нами на старую тему разговоръ, такъ-что Лупояровъ наконецъ пересталъ говорить и погрузился въ самое аппетитное уписыванiе поросенка, индюшки, суна съ жирной курицей, сдобныхъ кулебякъ и прочаго... Щebetала всякую чепуху одна старая дѣва, которую никто не слушалъ...

— «Да» думалъ я, послѣдовавъ примѣру Лупоярова, и взявшись за ложку: «Лупояровъ этотъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, рационалистъ, хоть и большой взяточникъ!... Онъ понималъ и понимаетъ дѣйствительность, какъ она есть, на дѣло смотреть прямо—вотъ выстроилъ себѣ домъ, купилъ земли вдоволь, накопилъ деньги, ладилъ съ начальствомъ всякимъ и народу былъ любезнѣе другихъ, хоть и обиралъ его кругомъ... Словомъ—сталъ ближе другихъ къ людямъ и обществу, и хоть вовсе никакимъ наукамъ не учился, однако былъ умнѣ исправника своего, написавшаго дурацкіе проекты и сдѣлавшаго народу болѣе зла, чѣмъ Лупояровъ. Лупояровъ хоть и обиралъ народъ — кто же его не обиралъ и не обираетъ—но зато дѣла не пакостилъ, не портилъ его, какъ говорится, а все потому, что здравый смыслъ человѣческій имѣлъ большой... Онъ возвышался даже до проницательной точки зрѣнія на окружающее его!... Онъ много видалъ, много зналъ и отъ него многому можно было поучиться, особливо писателямъ проектовъ, въ родѣ вышереченнаго исправника!... Лупоярова, какъ видно изъ разсказа его, занимали вопросы административные и государственные, которые онъ рѣшалъ, съ помощію одного здраваго смысла, просто, ясно и практично... Его здравый смыслъ, какъ вѣроятно изъ разсказа его замѣтилъ читатель, охотно подтрунивалъ надъ сухопарными умами окружавшихъ его администраторовъ, вѣроятно большею частію нѣмецкихъ, и всѣми ихъ распоряженіями, которыя ему, волей-неволей, приходилось исполнять по службѣ. Благодаря исключительности своего положенія среди народа, онъ узналъ скоро этотъ народъ и сразу понялъ и осмыслилъ свое положеніе — и охотно говорилъ, конечно, не со всякимъ, о своемъ прошломъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотить, жорновомъ, какъ говорится, не вымелешь!... «Да-съ, да нѣтъ-съ, да не знаю...» обыкновенно только и говорить на разспросы любознательнаго какой нибудь паршивый чиновничиска, взяточникъ, всю свою жизнь строчившій ябеды на народъ свой... натравливавшій постоянно правительство на этотъ народъ и этотъ же народъ обиравшій по призванію, сон амоге; Лупояровъ же обиралъ народъ потому только, что зналъ, что этимъ обираемъ поправлялъ и упрощалъ дѣло...

— Что же вы все молчите? отнеслась вдругъ ко мнѣ дочь Лупоярова, почему-то думавшая, что я въ это время слушалъ ея болтовню.

— Извините, молю, великодушно, недослушалъ послѣдней вашей рѣчи. Повторите, пожалуйста.

Дѣва начала снова свое щебетаніе о какомъ-то глупомъ французскомъ романѣ, который недавно прочла, и гдѣ какой-то сумасшедшій дуракъ-богачъ, съ жиру должно быть, все влюблялся во всѣхъ, а оставленные имъ жертвы, должно быть, дуры такіе же, все изнывали о немъ.

«Вотъ ты бы» думалъ я: «послушала лучше побольше рассказовъ своего отца о 10,000,000 твоихъ собратій, твоихъ соотечественниковъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ и нищетѣ, и добытыхъ въ добавокъ досужею рукою—тогда бы забыла и думать о дуракахъ и дурахъ, которыхъ тебѣ описываютъ надосугѣ такіе же болтуны, какъ ты сама». И я снова погрузился въ размышленіе о слышанномъ отъ Лупоарова, уткнувъ носъ въ миску супа.

Послѣ ужина, Лупоаровъ своею собственною рукою поправилъ огонь въ лампадѣхъ предъ большимъ кіотомъ со множествомъ образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ.

— Что это, молю, у васъ въ домѣ-то точно церковный нечюность?

— Нельзя, говорить, батенька! Старость труслива, сами знаете.

— Что же, молю, эти лампадки-то день и ночь горять у васъ передъ кіотомъ-то вашимъ?

— Неугасимыя, батенька, неугасимыя, отвѣтилъ Лупоаровъ, и перекрестился два раза передъ лампадкою. — Какъ вышелъ въ отставку, такъ и завелъ; нельзя: всѣ вѣдь мы въ грѣхахъ жили и живемъ.

— Конечно, молю, особливо становые-то.

— Спокойной ночи, милый человѣкъ. И Лупоаровъ, указавъ мнѣ мягко приготовленную постель на диванѣ, вышелъ въ свою спальню, гдѣ пищали уже экономкины дѣти...

Ночью я долго не могъ уснуть: то корова подойдетъ въ окно и шумно задышетъ, то собаки дворными примутся почему-то лаять на корову. Свинья откуда-то вдругъ взялась и прошла разъ пять мимо оконъ, хрюкая съ достоинствомъ; лошадь гдѣ-то вблизи жевала сѣно и все фыркала. Главная же, впрочемъ, причина бессонницы моей было глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня сильнымъ и длиннымъ рассказомъ Лупоарова. «Эка, какъ *мнѣ* жизнь-то русскаго мужика сложилась», думалъ я. И дивный рядъ историческихъ событій, и горькихъ хитросплетеній потянулся въ головѣ моей, воскресая въ памяти. И сталъ я думать додумыв-

ваться... Да какое, впрочемъ, дѣло читателю, о чемъ я сталъ думать, и продумалъ до утра?...

На другой день я покинулъ гостепріимный покровъ Антона Лаврентьича Лупоярова.

Прошло три года послѣ свиданія моего съ Лупояровымъ, и одиннадцать лѣтъ послѣ явленія пророчицы въ С. губерніи въ 1854 году. Довольно перемѣнъ произошло на лицѣ русской земли въ эти одиннадцать лѣтъ. Случилось такъ, что въ началѣ іюня нынѣшняго 1865 года, мнѣ лежалъ путь черезъ село «Красный Яръ», о которомъ наговорилъ мнѣ столько въ 1862 году Лупояровъ и которое назадъ 15 лѣтъ, то-есть во времена владычества Лупояровыхъ съ братіей, скованное по рукамъ и ногамъ *рабствомъ*, полнымъ *гражданскимъ безправіемъ* и *посальными невольничествами*, представляло такую *обильную почву* для раскола. Подъѣзжаю къ селу. Оно было раскинуто по обоямъ берегамъ большого проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная старыми, въ громадныя размѣры разросшимися ветлами, замыкала этотъ прудъ. Почти въ уровень съ нею видѣлась крыша мельницы-кручатки, съ большими галереями и новыми колесами. Крестьянскіе дома, построенные вдоль обояхъ береговъ пруда, казалось, переглядывались черезъ широкую водяную гладь новенькими стеклами своихъ небольшихъ оконъ. Надъ прудомъ тянулся старинный садъ, унравшійся концомъ своимъ въ высокую гору, возвышающуюся надъ селеніемъ. Липы тянулись по немъ аллеями, группировались сплошными кучами; столѣтнія сосны, съ громадными иглами, темные дубы съ блѣдно-толстыми стволами и рослые ясени высоко поднимали тамъ и самъ свои одинокія верхушки. Густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ большого деревяннаго барскаго дома, обращеннаго въ сельское училище. Предъ самымъ домомъ, величавшимся всѣми затѣями прежняго барства: и террасами, и башнями, и полубашнями, плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда *водограи* утки, бѣлые и сѣрые гуси. Въ полугорѣ видѣлась сельская деревянная церковь съ жестяными, почернѣвшими крестами, полинялою зеленою крышею и высокою, немного погнувшеюся, коло-

кольею. Въ срединѣ села, предъ прудомъ, строилась новая, большая, каменная церковь. Мѣстоположеніе села было хорошо. Мой ямщикъ, шагомъ проѣхавъ по плотинѣ, остановился на берегу. Сельскій курчавый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полу-сгнившей корягѣ. Ямщикъ оклинулъ его.

— Вамъ на взъѣзжій дворъ? возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ полавка.

— На взъѣзжій.

— А вотъ ступай прямо, на дворъ, въ училище.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ воды серебристаго окуня.

Мы въѣхали. Вхожу въ комнату, назначенную для пріѣзжающихъ. Чисто, просторно и пріятно. Явился старшина съ бронзовою медалью на цѣпи черезъ шею. Лицо смущенное, открытое и безъ видимаго подобострастія. Я сказалъ о себѣ. Разговорились о томъ о сѣмъ и я узналъ, что на этотъ разъ былъ въ селѣ и мировой посредникъ. Пришелъ сельскій учитель, нѣкто Лемеховъ, онъ же и волостной писарь, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета, неокончившій курса по случаю студенческихъ исторій и въ деревнѣ готовившійся потомъ держать экзаменъ на степень кандидата. Подавъ руку старшинѣ и отребомендовавшись мнѣ какъ гостю, онъ повелъ разговоръ о своей дѣятельности среди освобожденныхъ крестьянъ. Лицо его постоянно оживлялось, глаза блестяи видимымъ довольствомъ. Время потекло необыкновенно оживленно. На часахъ пробило десять. Раздался звонокъ и сторожъ училищный, старикъ лѣтъ 60, сталъ мѣрно отсчитывать удары въ колокольчикъ, висѣвшій на столбѣ близъ входа въ училище. Запестрѣли толпы мальчиковъ и дѣвочекъ сельскихъ, съ книжками въ рукахъ собиравшихся въ школу. День былъ ясный и солнце не огнистое и раскаленное, какъ во время знойной засухи, но свѣтлое и привѣтливо-лучезарное, мирно выплывало изъ-подъ узкой и длинной жиденькой тучки. Тучка загустѣла и верхній тонкій край растапугаго облака засверкалъ змѣйками. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи и весело и величаво поднималось могучее свѣтло. Мальчики зажимали глаза книжками, сонливо щурясь и косясь на яркіе лучи солнца.

Въ пыли и дорожномъ походномъ костюмѣ, скоро вошелъ къ намъ въ комнату и мировой посредникъ, пріѣхавшій изъ полей съ помощникомъ старшины. Разговоръ пошелъ о поляхъ, застѣвахъ и общественныхъ десятинахъ, посѣянныхъ дружными рука-

ми крестьянъ на строящуюся въ селѣ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости церковь, заложенную рукамъ *свободныхъ крестьянъ* въ честь Богоматери «утѣшенія всѣхъ скорбящихъ».

Мировой посредникъ, происходившій изъ бѣдныхъ людей, былъ, какъ потомъ я узналъ, любимъ крестьянами и получалъ отъ нихъ нѣсколько искреннихъ адресовъ въ 19-е февраля—день, столь знаменитый для крестьянъ. Лемеховъ же до того былъ преданъ дѣлу *обученія* крестьянъ и устройству *правильной* новой *сельской администрации*, что вмѣсто двухъ лѣтъ, которые хотѣлъ провести въ своихъ *свободно-избранныхъ* должностяхъ—сельскаго учителя и волостнаго писаря—жилъ въ селѣ «Красномъ Яру» уже четыре года. Село было его родиною. Онъ оказался послѣ мнѣхъ разспросовъ сыномъ мѣстнаго фельдшера, нѣкогда обучаемаго баринѣмъ изъ крестьянъ своихъ, и случайно попавшимъ въ мѣстную гимназію, а потомъ отправленнымъ добрыми людьми, за отличные успѣхъ, въ университетъ на казенный счетъ.

Покончивши чай, мы отправились вмѣстѣ въ училище.

— Это бывшій *барскій домъ*, говорилъ дорогою Лемеховъ:—*любовище тѣни, тупости, деспотизма и разврата...*

— Какъ же, говорю, преобразился онъ въ училище-то?

— При моемъ и посредника содѣйствіи, объяснилъ Лемеховъ:— общество купило его, вотъ уже четыре года назадъ тому, за даромъ почти, у вдовы мѣстнаго помѣщика Хабарова—сосланнаго въ Сибирь за засѣченіе до смерти одного крестьянина—которая постриглась теперь въ иверскомъ женскомъ монастырѣ.

Домъ былъ, какъ я увидѣлъ, нѣсколько передѣланъ и приспособленъ въ училищу. Его недавно выгравешенныя стѣны бѣгли привѣтливо и стекла большихъ раскрытыхъ оконъ ярко блестѣли на солнцѣ. Изъ оконъ этихъ неслись на улицу легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ и дѣтскаго смѣха. Весь домъ кипѣлъ жизнью и переливался дѣтскими веселиемъ чрезъ край. На встрѣчу намъ попадались крестьянки-матери, приведшія дѣтей своихъ въ школу и возвращавшіяся съ довольными лицами домой. Лемеховъ и посредникъ привѣтливо съ ними кланялись. Меня охватывало какое-то доселѣ еще *неизъданное* чувство удовольствія и сердце сильно застучало въ груди, при видѣ *новой жизни на могилахъ мертвецовъ...*

При входѣ нашемъ въ довольно большое, оковъ въ 6 или 8 зало, мальчиши, числомъ до 50, дружно зашѣли входную для учи-

теля молитву. Лемеховъ спросилъ урокъ перваго ученика, по фамилии Колкова. Мальчикъ всталъ и зазвенѣлъ какъ колоколъ. Прочіе наострили уши и не мигали глазами.

Колковъ былъ стройный мальчуганъ, съ красивыми, немного крупными, чертами лица. Онъ принадлежалъ, по всеѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ. На немъ была пестрая ситцевая рубаша; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечахъ. Мальчикъ прочиталъ урокъ не запнувшись и съ видимымъ самодовольствомъ сѣлъ, не дождавшисъ похвалы учителя.

— Въ гимназію, а потомъ въ университетъ его готовлю, какъ-то торжественно проговорилъ Лемеховъ. Потомъ вполголоса прибавилъ:—это сынъ одного изъ бывшихъ *начотчиковъ раскольниковыхъ*, теперь уже *равнодушнаго* къ расколу.

Мы осмотрѣли зало, подпираемое 4-мя колонами и украшенное хорами, съ фигурными перилами, на которыхъ вѣроятно играла въ былыя времена, у хозяина, *безпутнаго расточителя крестьянскаго добра*, во время обѣда музика.

Здѣсь столъ былъ яствъ

проговорилъ мнѣ на ухо, и очень выразительно Лемеховъ.

Осмотрѣвъ мужское отдѣленіе, гдѣ остался заниматься съ мальчиками помощникъ учителя изъ крестьянскихъ мальчиковъ, мы перешли въ женское. Оно занимало двѣ довольно большія комнаты, соединенныя въ одно зало по выломкѣ стѣны. Здѣсь уже шли занятія. Дѣвочки, числомъ до 30, встали и поклонились намъ. Изъ-за учительскаго стола приподнялась и учительница, лѣтъ 22, одѣтая вся въ черное. Оказалось, что это была дочь бывшаго помѣщика Хабарова, искалеченная нечаянно пьянымъ отцомъ своимъ въ дѣтствѣ, и обречшая нынѣ себя, *за грѣхи отцовъ своихъ*, на воспитаніе дѣтей *бывшихъ своихъ* крѣпостныхъ крестьянъ. Большой горбъ, некрасиво выставившійся на спинѣ ея, вывихнутыя руки и нагнувшаяся въ правую сторону голова, возбуждали къ ней съ перваго раза состраданіе. Черты лица ея были довольно правильны, а лицо поразительно бѣло и нѣжно. Сначала она конфузилась, потомъ оправдалась и спросила урокъ двухъ дѣвочекъ, которыя отвѣчали весело, бойко и довольно толково.

Здѣсь пршествъ раздавались книги

шепнулъ опять Лемеховъ и какъ-то ѣдко улыбнулся.

Осмотрѣвъ училище, мы вышли въ садъ и прошлись по аллеямъ. Отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ и травою. Деревья блестя листвами на солнцѣ и всюду распространяли пріятный запахъ. Осмотрѣвши затѣмъ волостное правленіе, еберегательную крестьянскую кассу, сельскія: аптеку, больницу и наконецъ библиотеку, гдѣ насъ принялъ библиотечарь, выучившійся уже паренъ, въ плисовой крестьянской поддѣвкѣ съ бронзовыми пуговицами и причесаннй покрестьянски въ скобку. Встриживая волосами, онъ бойко рапортовалъ посреднику о числѣ книгъ, какъ находящихся въ библиотекѣ, такъ и розданныхъ для чтенія по селу.

— На какія же суммы, спросилъ я старшину:—вы содержите эту библиотечу?

— У насъ уже три года, отвѣтилъ старшина:—по предложенію учителя нашего и посредника, общими дружными силами, сѣють по 10 десятинъ хлѣба на эти заведенія.

— Послѣднія двѣ десятины, замѣтилъ Лемеховъ:—дѣти, подь мимъ надзоромъ, убирають даже собственными руками.

— Новость еще *невиданная* у насъ *въ Россіи*, отозвался я.

— Пора, не безъ ироніи проговорилъ Лемеховъ:—1000 лѣтъ ходили *въ потемкахъ*, спали и *дурили*...

Старшина глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Въ этомъ флигелѣ жилъ 20 лѣтъ управляющій полягъ, добавилъ Лемеховъ:—грабилъ и сѣгъ людей безпощадно. Въ контрасть этому, тяжелому для крестьянъ по воспоминаніямъ логовищу, я нарочито обратилъ его въ библиотеку.

— Гдѣ же, говорю, этотъ полягъ теперь?

— На награбленныя въ Россіи съ крестьянъ деньги, отвѣтилъ Лемеховъ:—онъ содержалъ въ своей ойчизнѣ полгода банды и былъ, наконецъ, повѣшенъ; жена же его, за пособничество по участіе въ заговорѣ, сослана навсегда въ Сибирь.

По другую сторону дома, близъ сада, въ лѣсу, уединенно и почти забыто, стоялъ фамильный склепъ древняго рода Хабаровыхъ, гдѣ покоились дѣды и прадѣды многихъ поколѣній, *безполезно* прожившихъ на землѣ. Чугунные памятники безмолвно и угрюмо покоились на осунувшихся и мѣстами провалившихся могилахъ *отжившихъ* поколѣній. На многія тяжелыя и грустныя думы наводили эти памятники.

Надгробные здѣсь воють лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

.....

договорилъ Державинскій стихъ Лемеховъ.

Въ 2 часа раздался звонокъ, возбѣщавшій окончаніе занятій. Все засуетилось. Дѣти съ шумомъ разсыпались по улицѣ и саду. Съ громкимъ смѣхомъ и врикомъ запрыгала и заиграла вся эта молодая стая людей, надъ головою которой пронеслась послѣдняя тяжелая и удушливая буря рабства, изумительнаго повальнаго невѣжества и *безпримѣрной реміозной слепоты*, но никого изъ нея не задѣла. Дружный хохотъ раздавался въ саду, нѣкогда назначенномъ только для ассамблей сошедшаго съ лица земли безтолково прожившаго рода.

«Вотъ среди этихъ ужъ людей» подумалъ я: «пророчица Устинья Нивифоровна *жить уже не должны*».

Вдали, въ склепѣ боярскомъ, на могилѣ отца своего, сидѣла *послѣдняя въ родѣ* и задумчиво глядѣла на всю эту картину и свой нѣкогда садъ и домъ. Около нея одиноко закукукала кукушка...

— А что, много еще осталось раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я Лемехова въ разговорѣ за вечернимъ чаемъ.

— Половина еще села, но и тѣ, какъ *случайно повалие* по ожесточенію въ *расколъ*, теперь уже *близки ко многимъ перемѣнамъ*. Пршедшій годъ они послали уже адресъ къ государю съ благодарностію за освобожденіе ихъ отъ рабства и съ выраженіемъ готовности стать въ полки его добровольно на защиту русской земли отъ поляковъ, а прежде, какъ вамъ я думаю извѣстно, они не признавали по вѣрѣ своей вѣдь ни царя, ни рекрутчины.

— Ну, а другая-то, говорю, половина села какъ себя чувствуетъ?

— Чувствуетъ себя хорошо. Вотъ посылаетъ дѣтей своихъ въ школу, выпросила себѣ, на мѣсто куда негодававшася, новаго пона у нашего архіерея, который посвятилъ имъ его *изъ ихъ же брата*, любить посредника и меня, только становыхъ и исправниковъ, по старой памяти, все еще и доселѣ *не жалуется*. Впрочемъ, мы ихъ уже *оберегаемъ* отъ этихъ лицъ всѣми силами и шалить не даемъ...

Къ вечеру, въ сумерки, покончивъ дѣла свои, я собрался изъ «Краснаго Яра», простившись съ Лемеховымъ, старшиною и крестьянами.

Ямщикъ мой тронулся изъ воротъ «взвѣзжаго дома» и мы поѣхали вдоль улицъ. Въ селѣ слышались вечернія пѣсни сельскихъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, игравшихъ во многихъ мѣстахъ на улицѣ. Эхо пѣсенъ, раздававшихся тамъ и самъ по ули-

памъ, звонко переливалось въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. На площади, близъ широкаго пруда, предъ самымъ училищемъ, нѣкогда *грознымъ* барскимъ домомъ, мимо коего съ *содраманіемъ* и *трепетомъ* проходили и старецъ и дитя, развелся большой хороводъ, среди котораго, лихо подбоченясь, гулялъ

Суженый, ряженый...
Добрый молодецъ дѣтинуша —

и дѣлалъ подъ козырекъ

Красной дѣвицѣ
Разлюбуйтѣ душѣ...

Хоръ дружно заливался пѣсней:

Вдоль-да по рѣчкѣ,
Вдоль по широкой
Спзый селезень плыветь,
Вдоль-да по улицѣ,
Вдоль по Красноярской
Добрый молодецъ идетъ...

Группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, небрежно раскидавшись по травѣ вокругъ хоровода, окаямляли площадь и прудъ. Вдоль заборовъ и у воротъ сидѣли и стояли *отцы*—нѣкогда, въ самыя тажвія для нихъ времена, считавшіе за грѣхъ не только пѣть мірскія пѣсни, но и появляться на улицѣ, гдѣ по ихъ мнѣнію, царилъ антихристъ и слуги его—и смотрѣли *на дѣтей*...

Вечернее чистое небо, торжественно и необъятно, высоко стояло надъ селомъ со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Въ воздухѣ не шелокнетъ. Лишь пзрѣдва въ пруду, съ внезапной звучностію, всплеснетъ большая рыба и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной вѣтра. Въ поляхъ, вдали за прудомъ, у отдыхавшихъ пахарей, заблестѣли огоньки.

Ямщикъ тронулъ лошадей и мы выѣхали изъ села.

— Эхъ вы соколики! вскрикнулъ на возлахъ молодой паренъ, въ красной рубахѣ и шляпѣ, украшенной лентами.—Шевелись, молодцы! Говори!...

Какъ серебро зазвенѣлъ колокольчикъ и тройка гнѣдыхъ взвилась и вытянулась въ струнку. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля потянулись за полями, кусты одинъ за другимъ словно изъ земли выросли и исчезли. Широкой сельскій прудъ быстро

убѣгалъ отъ насъ. Стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцавъ при потухавшей зарѣ, слабо обозначали зеркальную поверхность пруда. Гора съ садомъ и училищемъ, на которой я такъ недавно находился, чернѣя вдали, отдѣлялась отъ синеватой, воздушной пустоты и будто тонула въ темно-серебристомъ пруду. Легкая пыль узкимъ желобомъ поднималась и неслась по дорогѣ и далеко разносилась дружный топотъ лошадей, изрѣдка встряхивавшихъ своими косматыми головами.

Я еще разъ оглянулся на село. Глазамъ не хотѣлось оторваться отъ видѣннаго. Жалко было расстаться съ отрадными, *съ первымъ разъ* еще въ жизни моей *видѣнными на Руси картинами* родной земли, и въ то же время такъ пріятно было на душѣ при мысли, что минуетъ понемногу наконецъ и для этого села *былое недавнее*, тяжелое и, сравнительно, мрачное для Руси время!...

Авось, подумалъ я, при помощи религіозной и гражданской *свободы, лучшихъ гражданскихъ формъ, прощенья и новизны* лучшихъ дѣятелей, русскій народъ, рано или поздно, сольется наконецъ въ одну *«русскую семью»*, не будетъ называть Антихристомъ и слугами его *совершенно враждебный ему элементъ...* съ которымъ онъ *дѣйствительно ничего не имѣлъ общаго...* и, кто знаетъ, быть можетъ, рано или поздно, и самое слово *«русскій расколъ»*, который случайно явился въ народѣ русскомъ, сдѣлается достояніемъ только исторіи?!... Какъ близко это время—сказать опредѣлительно конечно трудно, но желать и сподѣшествовать *скорѣйшему приближенію* онаго заставляетъ насъ *заслуженная любовь къ народу, пострадавшему цѣлыми вѣками* право на это наше чувство, и наконецъ даже самая *честь Россіи...*

Свѣту, свѣту скорѣе больше намъ, гражданскихъ правъ и свободъ совѣсти—вотъ въ чемъ наше спасеніе! ..

ФЕДОРЪ ЛИВАНОВЪ.

С.-Петербургъ.
20-го іюля 1865 года.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

— — —
XX.

Мистеръ Стаггерсъ сидѣлъ въ своей небольшой, но уютной конторѣ. Каковы бы ни были достоинства и недостатки Элайаса Стаггерса, какъ бы смутны ни были его понятія о томъ, что *мое* и *твое* — онъ былъ образцомъ порядочнаго, приличнаго человѣка во всемъ, что касается манеры, одежды и всего обуржуающаго его. Его квартира поражала чрезвычайнымъ порядкомъ и опрятностью; нигдѣ не видно было ни одной пылинки. Конторки, стулья, ковры, все сіяло; на полу не валялось ни одного клочка бумаги, на столѣ всѣ перья и бумаги были прибраны. Самый взыскательный человѣкъ не могъ бы найти въ его комнатахъ ни малѣйшаго недостатка, развѣ только было слишкомъ много плевальницъ, но и то извинялось тѣмъ классомъ общества, къ которому принадлежало большинство посѣтителей его конторы.

Мистеръ Джемсъ Кэрвудъ не успѣлъ еще войти въ комнату, какъ въ дверяхъ повстрѣчался съ мистеромъ Джобомъ Гейденсокеромъ. Этотъ важный государственный человѣкъ приходилъ къ Стаггерсу чтобъ заключить маленькій заемъ въ виду предстоящихъ выборовъ. Послѣ долгаго сопротивленія, Элайасъ наконецъ согласился дать требуемыя деньги; впрочемъ, надо отдать справедливость почтенному Джобу: при заключеніи подобныхъ сдѣлокъ онъ выказывалъ всегда рѣдкую щедрость и только дѣлался скрягой, когда приходила минута уплаты.

Дѣло, за которымъ пришелъ Кэрвудъ, было самое простое и онъ уже не первый разъ обращался къ маелеру съ подобнымъ дѣломъ: ему нужно было продать небольшой вексель Мартина Дангерфильда.

— Э, мистеръ Кэрвудъ, нынче только одна тысячка, сказалъ Стаггерсъ: — очень радъ вамъ служить хоть одной, хоть

десятью тысячами. Старикъ-то вѣдь всегда этого стоитъ. Садитесь, пожалуйста, мы въ одну минуту устроимъ это дѣльце.

Съ этими словами Стаггерсъ вышелъ изъ своего кабинета въ общую комнату конторы и приказалъ прикащику написать чеку и принести ему для подписи.

— Говорать, что молодой мистеръ Дангерфильдъ женится на мисъ Вернонъ, правда-ли это? спросилъ онъ, возвращаясь и усаживаясь рядомъ съ Кэрвудомъ.

— Да, я тоже слышалъ.

— У ней будетъ громадное состояніе. Сколько вы считаете денегъ у старика Вернона?

Кэрвудъ отвѣчалъ, что онъ никогда не считалъ.

— Во всякомъ случаѣ, это отличная партія для обоихъ, хотя я, по правдѣ сказать, очень сожалѣю, что эта свадьба устроилась.

Кэрвудъ наострилъ уши и поспѣшно спросилъ, что имѣетъ Стаггерсъ противъ этого брака?

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ маклеръ: — что нашъ юный другъ Ван-Донгъ — знаете, блестящій франтъ, съ которымъ мы на дняхъ были въ оперѣ — дѣлалъ предложеніе мисъ Вернонъ и получилъ отказъ. Онъ такой молодецъ, что я бы желалъ ему всякаго успѣха, вотъ и все.

— Ван-Донги очень богаты, не правда-ли?

— Да, у генерала, я поручусь, есть милльончикъ; во всякомъ случаѣ, его сынъ почище партія, чѣмъ Стивенъ Дангерфильдъ.

— Дангерфильды тоже имѣютъ, кажется, хорошее состояніе? сказалъ Кэрвудъ: — Пріютъ — отличное помѣстье.

— Конечно, у нихъ порядочное состояніе, отвѣчалъ маклеръ: — но вѣдь вопросъ въ томъ, заложено-ли оно или нѣтъ? Не правда-ли?

— А вы развѣ знаете что нибудь?

— Нѣтъ, я ничего не знаю, но если оно дѣйствительно заложено, прибавилъ Стаггерсъ, пристально смотря на своего собесѣдника: — то я знаю, что можно продать закладную за хорошія деньги.

Кэрвудъ на минуту задумался. Мы уже говорили, что онъ не въ первый разъ имѣлъ дѣло съ Стаггерсомъ. Дѣйствительно, они знали другъ друга давно и потому имъ довольно было нѣсколькихъ словъ, чтобъ понять въ чемъ дѣло. Послѣ минутнаго молчанія, Кэрвудъ первый заговорилъ:

— Такъ вы не очень-то долюбиваете Стивена Дангерфильда?

— Нѣтъ, я этого не говорилъ, отвѣчалъ Стаггерсъ осторожно: — и во всякомъ случаѣ никогда этого не скажу другу его отца, а можетъ быть, и его самого. Очень естественно, что мы ско-

рѣе желаетъ добра нашимъ друзьямъ, чѣмъ чужимъ. Я долженъ при этомъ сознаться, что вообще не очень жалую нашихъ большихъ землевладѣльцевъ, но впрочемъ я человекъ безъ предубѣжденій. Для меня всѣ люди равны. Вотъ Госсамеръ такъ имѣетъ причину точить зубы на Стивена Дангерфильда, и вѣроятно онъ его порядочно ненавидитъ.

— Оливеръ Вернонъ мало цѣнитъ деньги, сказалъ Кэрквудъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой: — но онъ очень высоко цѣнить честное имя и поземельную собственность. Я полагаю, что онъ скорѣе бы отдалъ за свою дочь человека, семейство котораго владѣло бы съясками вѣковъ землею, на которой обитало, чѣмъ за лавочника, имѣющаго въ десять разъ большее состояніе.

— На деньги все можно купить, отвѣчалъ Элайасъ Стаггерсъ торжественно: — и всякій человекъ имѣетъ свою цѣну: одинъ стоитъ больше, другой меньше, а Госсамеръ Ван-Донкъ, я полагаю, въ этомъ отношеніи можетъ постоять за себя.

Въ эту минуту приказчикъ подалъ ему чеку; онъ подписалъ ее и вручилъ Кэрквуду, который, поблагодаривъ, положилъ ее въ карманъ.

— Закладныя на недвижимую собственность теперь въ цѣнѣ, не правда-ли? спросилъ Кэрквудъ, поглядывая на часы.

— Это всегда хорошій товаръ, отвѣчалъ Стаггерсъ: — конечно, если ужъ не слишкомъ дорожатся имъ. А сколько, вы говорили, тамъ земли?

— Гдѣ тамъ?

— У Дангерфильдовъ, въ Дангерфильдскомъ Пріютѣ?

— Акровь, я думаю, триста.

— А старикъ-то очень плохъ и старъ, не правда-ли?

— Да, его здоровье очень разстроено.

— А Стивенъ не играетъ въ карты, не кутитъ?

— Нѣтъ; хотя я и мало знаю, что онъ дѣлаетъ, но въ этомъ увѣренъ.

— Ну, такъ-какъ вы реализируете часть состоянія мистера Дангерфильда...

— Я ничего подобнаго не дѣлаю.

— Ахъ, извините, пожалуйста, но я думалъ, видя столько его векселей...

— Эти векселя просто даны мнѣ въ уплату долга.

— Ага! я теперь понимаю. Повѣрьте, мистеръ Кэрквудъ, что я нисколько не думалъ васъ подвергать какому-нибудь допросу. Я придерживаюсь того правила, что не спрашивай, если не хочешь чтобъ тебѣ лгали. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что если

вы будете имѣть какое-нибудь дѣльце по этой части, то меня не обойдете.

— Благодарствуйте, я не забуду. Теперь же прощайте, мнѣ пора на биржу.

Оба эти достопочтенные джентльмена имѣли тайную, сокровенную цѣль въ сношеніяхъ между собою; но Кэрвудъ имѣлъ то преимущество, что онъ видѣлъ и понималъ, чего добивается маклеръ, тогда какъ тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ его планахъ. Хитрый интригантъ тотчасъ смекнулъ, какую пользу можно извлечь изъ этого дѣльца, доставивъ случай отвергнутому поклоннику отомстить своему счастливому сопернику. Въ одну минуту въ его головѣ составилъ планъ дѣйствія; ему слѣдовало прежде всего побудить наконецъ старика Дангерфильда подписать закладную, потомъ продать ее Госсамеру Ван-Донку и въ то же время уговорить отца мисъ Вернонъ отказать Стивену. Кэрвудъ зналъ очень хорошо всѣ слабыя стороны этого проекта, но не его интересъ былъ выставлять ихъ наружу. Если онъ могъ извлечь какую пользу изъ Стаггера и черезъ послѣдняго изъ молодого Ван-Донка, то ему было мало нужды, что́ станетъ съ ними или съ ихъ предпріятіями. На основаніи всего этого, онъ сказалъ лишь столько, сколько было необходимо, чтобъ заставить маклера быть всегда въ готовности приложить руку къ выгодной интригѣ, но ни мало не окомпрометировалъ себя и оставилъ себѣ возможность во всякое время бросить это дѣло, если того потребуетъ только его безопасность или личный интересъ. Его прямая цѣль во всемъ этомъ была поставить себя въ такое положеніе, чтобъ быть въ состояніи при малѣйшей необходимости бросить все и бѣжать съ возможно большою суммой денегъ.

XXI.

Какъ только Верноны уѣхали назадъ въ Уплэндъ, Элинора, оставшаяся погостить у своей тѣтки, мистрисъ Мэберли, тотчасъ, не теряя времени, приступила къ исполненію того плана, который уже такъ давно созрѣлъ въ ея головѣ. Прежде всего она очень осторожно открылась во всемъ тѣткѣ. Эта, хотя и простая, но добрая, почтенная женщина, узнавъ о намѣреніи племянницы покинуть домъ, въ которомъ такъ долго была счастлива, и разспросивъ подробно о причинахъ, заставлявшихъ ее такъ поступить, не могла не признать, несмотря на все свое сожалѣніе, что рѣшимость Элиноры была въ высшей степени благородная и что при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя было иначе

сдѣлать. Конечно, она тотчасъ предложила ей пріютъ у себя въ домѣ, на что Элинора всегда и разсчитывала; но мужественная дѣвушка рѣшилась сдѣлаться не только независимой отъ Вернона, но и отъ всѣхъ другихъ, не только избавить Грэсъ отъ своего присутствія, компрометирующаго ее въ глазахъ свѣта, но создать непроходимую пропасть между нею и собою, которую никогда нельзя будетъ перешагнуть. Въ этой послѣдней рѣшимости ее особенно увѣрила увѣренность, что Стивенъ Дангерфильдъ, будущій мужъ Грэсъ, былъ страшно гордый, надменный человѣкъ, рабски преданный всѣмъ свѣтскимъ приличіямъ—мнѣніе, которое, какъ мы знаемъ, далеко не было справедливо.

Элинора рѣшилась сдѣлаться актрисой. Она чувствовала какое-то непонятное призваніе къ театру и вмѣстѣ съ тѣмъ полагала, что это—единственное средство доставить себѣ независимое положеніе. Конечно, добрая тѣтка ужаснулась, услыхавъ объ этой части проекта, и долго старалась ее отговорить, приводя всѣ тѣ извѣстные, избитые доводы о безнравственности театральнаго поприща, которые еще до сихъ поръ раздѣляются большинствомъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ.

Элинора упорно стояла на своемъ, доказывая, что въ поприщѣ актрисы нѣтъ ничего унижательнаго, что напротивъ оно требуетъ много честнаго, разумнаго труда. «Что намъ за дѣло, что узкіе умы презираютъ и осуждаютъ дѣятельность актрисы, кончала она всегда подобныя разговоры: — дураки и изуверы осуждаютъ все, чего они не въ состояніи понять».

Видя однако, что рѣшимость Элиноры ничѣмъ не поколеблеть, добрая мистрисъ Мэберли пришла къ тому заключенію, что лучше помочь молодой дѣвушкѣ и предостеречь отъ могущихъ случиться опасностей, тѣмъ перечить ей и тѣмъ совершенно отъ себя оттолкнуть. На этомъ основаніи она согласилась, чтобъ Элинора сперва сдѣлала пробу, и еще такимъ образомъ, чтобы при неудачѣ всѣ приличія могли быть спасены и она была бы въ состояніи снова воротиться въ порядочное общество, нимало себя не окомпрометировавъ въ глазахъ свѣта. Для достиженія этой цѣли, она написала къ одному пріятелю отца Элиноры, мистеру Грайндеру, который былъ облагодѣтельствованъ когда-то покойнымъ Грэзбрукомъ, и потому, думала добрая женщина, вѣроятно будетъ радъ случаю оказать услугу дочери своего стариннаго благодѣтеля. Этотъ почтенный господинъ на своемъ вѣку перепробовалъ, кажется, всѣхъ возможныхъ карьеръ, онъ началъ съ того, что продавалъ по улицамъ спички, потомъ составилъ себѣ капиталецъ, пошелъ въ разносчики и наконецъ завелъ кабачокъ на одной изъ почтовыхъ дорогъ близъ Бостона. Черезъ нѣсколько лѣтъ

железныя дороги уничтожили почти совсѣмъ его доходы, и онъ сдѣлался директоромъ странствующей труппы актеровъ, представлявшей по провинціальнымъ городкамъ и мѣстечкамъ, въ то время, очень модныя *общественныя и нравственныя драмы*, то есть различныя сцены, въ которыхъ выказывалось зло пьянства, игры, рабства и т. д. Съ теченіемъ времени онъ такъ разбогатѣлъ, что теперь уже содержалъ настоящую драматическую труппу въ городѣ П... недалеко отъ Нью-Йорка. Въ настоящую минуту онъ находился въ Нью-Йоркѣ для найма актеровъ, и потому тотчасъ явился въ мистрисъ Мэберли.

Почтенный Исайя Грайндеръ былъ длинный, худой яжеи съ хитрымъ, умнымъ лицомъ и глазами, постоянно полными слезъ, но не отъ чрезмѣрной чувствительности, а отъ хроническаго недуга. Онъ сначала слушалъ мистрисъ Мэберли не очень любезно, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, боясь, что юная леди будетъ сразу претендовать на первыя роли и огромное содержаніе; но вида, что, напротивъ, Элинора согласна начать свою карьеру съ послѣдней ступени, тотчасъ перемѣнилъ свой тонъ, и очень добродушно воскликнулъ:

— Много теперь поступаетъ на сцену образованныхъ, молодыхъ дѣвушекъ, мистрисъ Мэберли, но бѣда въ томъ, что всѣ онѣ ожидаютъ вдругъ сдѣлаться Рашелями. Желаніе вашей племянницы изучить основательно ремесло, за которое она берется— въ высшей степени похвально; и я съ большимъ удовольствіемъ, особливо въ память всего, что сдѣлалъ для меня ея добрый отецъ, помогу ей выступить на славное поприще, избранное ею. Я не хочу хвастаться, чтобъ я самъ былъ въ состояніи многому ее научить, хотя знаю кое-что въ этомъ отношеніи, но у меня лучшій въ Америкѣ режиссеръ, онъ знаетъ все до тонкости, и игралъ во время оно на ковентгарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ; онъ даже носилъ знамя передъ великимъ Джономъ Кэмбелемъ, когда тотъ игралъ роль короля Іоанна.

Итакъ, послѣ недолгихъ переговоровъ, было рѣшено, что мистрисъ Мэберли поѣдетъ тотчасъ съ Элинорою въ городокъ П., гдѣ въ самомъ скоромъ времени, молодая дѣвушка начнетъ свои дебюты на сценѣ тамошняго *Лицея*. Что касается до условій ангажемента, то Грайндеръ просилъ ничего теперь не рѣшать, а отложить до перваго представленія, когда степень ея успѣха послужитъ лучшимъ основаніемъ для переговоровъ. Элинора на все согласилась, а мистрисъ Мэберли была очень довольна, что дѣло такъ устроилось. Если уже пускаться на такое смѣлое предпріятіе, то, по ея мнѣнію, было гораздо лучше сдѣлать пробу въ скромномъ провинціальномъ городѣ, гдѣ никто никогда не

узнаетъ въ мисъ Эленъ Грей—такъ назвала себя молодая дѣвушка—гордую, великосѣтскую красавицу Элинору Грѣзбрукъ.

Кромѣ того, надо сознаться, что мистрисъ Мэберли была убѣждена, что появленіе Элинору въ *Лицевъ* гораздо менѣе ностыдно для ея семейства, чѣмъ еслибъ она вышла на подмостки *Театра*. Этотъ странный предрасудокъ раздѣляется большинствомъ американцевъ, которые предпочитаютъ названія: «Садъ», «Лицей», «Музей», «Атены», «Академія» и сотни тому подобныхъ, неавистному для нихъ слову — *Театръ*. Мистеръ Грайндеръ въ этомъ отношеніи вполне сочувствовалъ мистрисъ Мэберли.

— Наши соотечественники, замѣтилъ онъ: — не любятъ говорить, что они собираются, или ѣздили въ театръ. Нѣкоторые считаютъ театръ безбожнымъ, а другіе — просто неприличнымъ. Ко мнѣ же, самые набожные люди приходятъ смотрѣть тѣ самыя пьесы, которыя даются на всѣхъ театрахъ — приходятъ только потому, что я называлъ свое заведеніе Лицеумъ. Нынѣче, сударыня, самое лучшее средство нажить деньги — это потворствовать предрасудкамъ толпы. Вонъ въ Б... мистеръ Скримпаль, одинъ изъ самыхъ низкихъ мошенниковъ въ штатахъ, нѣчто среднее между жидомъ и янки, нажилъ себѣ огромное состояніе только тѣмъ, что называлъ свой театръ *Атенеумъ*. Взойдите туда во время любого представленія — вся зала полна такими почтенными джентльменами, которые вполне увѣрены, что пойдя они въ *театръ*, то на томъ свѣтѣ прямо попадутъ въ адъ, а на земь подорвутъ къ себѣ всякій кредитъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что Скримпаль — самый безсовѣстный, низкій человѣкъ, прижимающій до-нельзя своихъ несчастныхъ актѣровъ, судьба которыхъ не лучше судьбы негровъ; но онъ называетъ свою лавочку *Атенеумъ* и ходитъ всякое воскресенье въ церковь — слѣдовательно, пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, мистрисъ Мэберли съ Элинорой отправилась въ П., гдѣ Грайндеръ уже приготовилъ имъ маленькую квартиру. Тутъ, впродолженіе двухъ недѣль, молодая дѣвушка ревностно готовилась къ своему первому дебюту. На первый разъ, она должна была видти въ роль Маріи — въ *Школѣ скандала*, Шеридана, и хотя такая скромная, незначительная роль вовсе не нравилась Элинорѣ, но она согласилась ее исполнить, понимая очень хорошо, что прежде, чѣмъ взяться за настоящія роли, требующія разумнаго изученія и творчества, она должна усвоить себѣ такъ-называемую механику игры. Она ясно видѣла, что хотя всѣ актѣры и актрисы лицейской труппы, вообще очень неблистательной, были выше ея по практическому знанію сцены, они далеко уступали ей въ

образованіи, въ художественномъ развитіи и въ утонченности манеръ. Поэтому она и рѣшилась сначала очень скромно научиться механической части своего искусства, а потомъ уже, на болѣе широкомъ полѣ, выказать всѣ достоинства, которыя она въ себѣ чувствовала.

Наконецъ, насталъ великій день; театръ былъ полонъ; весь городъ сбѣжался, сгараая отъ любопытства увидать ту «велико-свѣтскую красавицу», которая, по словамъ мѣстныхъ газетъ, «могла бы сразу схватить діадему трагической музы, но по врожденной скромности и рѣдкому благоразумію, предпочла явиться во второстепенной роли передъ извѣстной своимъ критическимъ вкусомъ публикой П...». Благодаря такимъ рекламамъ и своей красотѣ, скорѣй чѣмъ своему таланту, котораго въ сущности она не могла и выказать въ такой роли — Элинора имѣла блестящій успѣхъ.

Результатомъ этого счастливаго перваго шага въ избранной ею карьерѣ было предложеніе, сдѣланное Грайндеромъ на другой же день — ангажементъ Элиноръ на предстоящій сезонъ, на амплу «безгласныхъ ролей», съ платою десяти долларовъ въ недѣлю, и одинъ бенефисъ. По его словамъ, эти условія были самыми блестящими для новичка. Элинора согласилась на все, хотя и была совершенно иного мнѣнія, и жаждала играть совершенно иные роли; но она рѣшилась, во что бы то ни стало, продолжать, и добиться осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній. Такимъ образомъ, въ тотъ же день, она сдѣлалась дѣйствительнымъ офиціальнымъ членомъ «Промышленной компаніи» П-аго Лицея.

XXII.

Прошла уже половина зимы, а Элинора все еще съ удивительной энергіей и терпѣніемъ трудилась надъ предназначанной себѣ задачей. Она сначала не хотѣла давать о себѣ никакого извѣстія Вернонамъ, пока не будетъ въ состояніи основательно судить о степени успѣха своей смѣлой попытки; но мистрисъ Мэберли уговорила ее написать Оливеру Вернону, ибо иначе, она была увѣрена, онъ станетъ очень беспокоиться, и можетъ совершенно превратно понять ея исчезновеніе.

Въ своемъ отвѣтѣ Вернонъ очень сожалѣлъ, что она вступила на такой скользкій путь, и нѣжно упрекалъ ей, зачѣмъ она не открыла ему свои намѣренія, а такъ долго таилась; теперь же, когда дѣло уже было сдѣлано, онъ, конечно, видѣлъ необходимость продолжать, и довести смѣлую попытку до какого-нибудь

рѣшительнаго результата. Поэтому было рѣшено, что онъ и Грэй будуть вести съ Элинорой постоянную переписку, и что въ случаѣ, если въ довольно продолжительное время, ея планъ не увѣнчается такимъ успѣхомъ, который оправдывалъ бы дальнѣйшее его исполненіе, то она воротится назадъ въ Упландсъ. Планъ Элиноры, въ которомъ Грайндеръ вызвался ей помочь, состоялъ въ томъ, чтобы послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ практикы на сценѣ, добиться дебюта на столичномъ театрѣ. Этотъ планъ особливо поощрала мистрисъ Мэберли, такъ-какъ она полагала, что подобный шагъ приведетъ дѣло къ быстрой развязкѣ. Почтенная женщина, хотя и была увѣрена, что ея племянница обладала всевозможными талантами, но не надѣялась, чтобы въ теперешнюю эпоху испорченнаго вкуса въ драматическомъ искусствѣ, какъ и во всемъ другомъ, Элинора имѣла громадный успѣхъ какъ актриса, а она очень хорошо знала, что только громкая слава могла удовлетворить честолюбивую ея натуру. Поэтому-то она и желала, чтобы вопросъ этотъ рѣшенъ былъ какъ можно скорѣе.

Мы впоследствии увидимъ, права ли была или нѣтъ мистрисъ Мэберли; теперь же скажемъ только, что Элинора, дѣйствительно, имѣла много качествъ, которыя обыкновенно считаютъ хорошими условіями для успѣха на сценѣ. Оставляя въ сторонѣ физическія преимущества лица, фигуры и голоса, она отличалась въ высшей степени самообладаніемъ, рѣдкимъ тактомъ, отличной памятью. Но съ другой стороны, ея натура была слишкомъ положительна, чтобы легко преобразиться въ искусственную форму, и хотя она была одушевлена искренней любовью къ искусству и вполне понимала его, но въ ней было слишкомъ много гордости и самоуваженія, чтобы достигнуть того *abandon*, который такъ нравится толпѣ.

— Все, чего вамъ недостаетъ, мисъ Грэй, часто говорилъ ей Грайндеръ:—это поддать пару. Публика любитъ сильныя ощущенія; очень хорошо, конечно, принимать художественныя позы для ложъ, но прежде надо крикомъ и бѣснованіемъ возбудить восторгъ партера и райка. Вотъ, что беретъ! Чѣмъ вы болѣе дѣлаете шума, тѣмъ лучше. Публика принимаетъ это за искреннее вдохновеніе.

— Все вадоръ, мисъ Грэй, замѣчалъ ей наединѣ мистеръ Редклифъ, лучший актеръ труппы:—эти люди ничего не смыслятъ въ игрѣ. Вамъ бы слѣдовало отправиться въ Англію, и поучиться сезона два на первоклассномъ лондонскомъ театрѣ. Даже и тогда по вашему возвращеніи сказали бы, что ваша игра афектирована

и вы говорите «англійскимъ акцентомъ», потому что вы не гнусли бы въ носъ.

— Однако, актеры составляютъ себѣ славу и состояніе въ Америкѣ, отвѣчала Элинора, съ нѣкоторымъ отчаяніемъ.

— О, да, но не часто, возражалъ Рэдклифъ, съ горечью: — у кого легкія какъ у быка, и кто умѣетъ ими пользоваться, тотъ, конечно, достигнетъ и того и другого. Вотъ еще блестящій успѣхъ неминуемо ждетъ всякаго, кто умѣетъ плясать гигъ, ловко пѣть комическія пѣсенки, или ломаться пауцемъ. Но жестоко тотъ ошибается, кто полагаетъ необходимымъ для достиженія успѣха на сценѣ образованіе и хорошія манеры. Бываютъ, конечно, исключенія, добиваются славы и дѣйствительно достойные люди, но какую цѣну имѣетъ успѣхъ, когда онъ такъ легко достигается самыми постыдными средствами?

— Быть можетъ, публика здѣсь не очень образованная.

— Повѣрьте, въ маленькихъ городкахъ она не хуже большинства столицъ. Главное-то дѣло заключается въ томъ, что лучшая часть общества теперь положительно перестала посѣщать театръ.

Рэдклифъ часто имѣлъ подобные разговоры съ Элинорой, и оказывалъ ей много пользы своими совѣтами въ ея изученіи механики игры. Мисгеръ Вильямъ Рэдклифъ, какъ мы уже сказали, первый актеръ въ труппѣ, былъ больной, изнуренный старикъ лѣтъ за шестьдесятъ. Его блѣдное, исхудалое лицо было очень красиво въ абрисѣ, а нѣжныя руки ясно говорили объ аристократическомъ происхожденіи; вообще онъ во многомъ, въ манерахъ и опрятности, походилъ на настоящаго джентльмена, что еще ярче выказывалось при сравненіи его съ другими актерами. При первомъ появленіи Элиноры, онъ тотчасъ узналъ по ея обращенію, что она изъ порядочнаго общества, и потому сталъ обходиться съ нею съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Потомъ, интересуясь ею все болѣе и болѣе, онъ еще ближе съ ней познакомился.

Она также оказывала большое участіе старику, частью изъ состраданія, частью въ память отца, ибо она не могла не вспоминать съ ужасомъ объ отцѣ всякій разъ, когда видала Рэдклифа пьянымъ, а онъ очень былъ преданъ чаргѣ, извиняя это своимъ разстроеннымъ здоровьемъ.

— Я, бывало, вилъ, чтобъ забыть горе, мисъ Грэй, говорилъ онъ Элинорѣ: — а теперь, хотя и прежняя причина не исчезла, я вѣю, чтобъ поддержать свои слабыя силы, иначе я никогда не могъ бы исполнить своей обязанности.

Желая чѣмъ нибудь воздать старику за ту пользу, которую онъ ей приносилъ своими совѣтами и уроками, Элинора пред-

ложила ему перебраться въ комнату, отдававшуюся надъ ними, потому что, въ такомъ случаѣ, онъ всегда могъ пользоваться для занятій ихъ теплою, уютной гостиной. Рэдклиффъ съ благодарностью принялъ это предложеніе, тѣмъ болѣе, что теперь могъ серьезно заниматься съ Элинорой.

Чѣмъ ближе молодая дѣвушка узнавала старика, тѣмъ болѣе убѣждалась, что онъ былъ рожденъ для чегонибудь лучшаго, чѣмъ прозябать въ провинціальной труппѣ актеровъ. Однажды она взяла смѣлость ему это замѣтить.

— Ваша правда, мисъ Грэй, отвѣчалъ Рэдклиффъ, грустно понуривъ голову: — я видалъ лучшіе дни, и пошелъ на театръ не по желанію, а по необходимости. Я, конечно, ни мало не желаю оскорблять актеровъ; ихъ дѣятельность, по крайней-мѣрѣ теоретически, такъ же благородна, какъ всѣ другія. Но я никогда не воображалъ, что придется зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ образомъ. Я поступилъ на сцену почти старикомъ, мнѣ было уже тогда подъ пятьдесятъ лѣтъ.

Элинора замолчала, и Рэдклиффъ, казалось, вовсе не желалъ продолжать своей исповѣди, а только замѣтилъ, что онъ въ юности отличался на домашнихъ театрахъ, и потому рѣшившись пойти въ актеры, когда явилась неожиданная необходимость трудами наживать себѣ кусокъ хлѣба.

Вильямъ Рэдклиффъ былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его судьба; его характеръ, его недостатки были прямымъ слѣдствіемъ странныхъ обстоятельствъ его жизни. Чтò могло бы изъ него выйти, еслибъ жизнь его иначе сложилась—можно было только догадываться по нѣкоторымъ проблескамъ врожденныхъ хорошихъ качествъ. Въ юности своей онъ былъ невольной жертвою двухъ самыхъ развращающихъ элементовъ — права первородства и неблагоразумнаго баловства родителей. Онъ дожилъ до старости, прежде чѣмъ созналъ весь вредъ, сдѣланный ему этими двумя могущественными врагами; но тогда уже было поздно: зло, ему казалось, слишкомъ глубоко въ немъ вкоренилось. Ребенкомъ онъ позволялъ наказывать другихъ за свои шалости, а сдѣлавшись человѣкомъ, сталъ всякими безчестными путями взваливать свои преступленія на невинныхъ людей. Это извращеніе всѣхъ нравственныхъ понятій было главной его чертой впродолженіе всей жизни; онъ и теперь постоянно ропталъ на судьбу, доведшую его до такого униженія, тогда-какъ это было лишь плодомъ посягавшихъ на нѣбеса. Провидѣніе было виновато, а не онъ въ томъ грустномъ фактѣ, что онъ сходилъ въ могилу несчастнымъ, обезпеченнымъ человѣкомъ. Онъ не хотѣлъ признать справедливость судьбы, которая, даровавъ ему при рожденіи всѣ блага

земныя, отягла у него подъ-конецъ жизни всё эти преимущества, которыя онъ считалъ неотъемлемой своей собственностью.

Люди и обстановка, окружавшія его въ послѣдніе годы, только укрѣпили въ немъ еще болѣе его увѣренность, что самый узкій эгоизмъ руководитъ всѣми людьми. Всѣ мелкія ссоры и презрѣнная зависть другъ къ другу, вѣчно царствующія въ театральномъ мірѣ, убѣдили его окончательно, что жизнь не что иное, какъ борьба, въ которой каждый человѣкъ стремится какъ можно болѣе нанести вреда другимъ, и доставить себѣ какъ можно болѣе благъ. Съ подобными-то идеями въ головѣ познакомился Вильямъ Рэдклиффъ съ Элинорю. Трудно было вообразить себѣ болѣе поразительный контрастъ, какъ между этимъ рабомъ слѣплого случая и необходимости, и молодой дѣвушкой, добровольно принесшей себя въ жертву чувству долга. Неудивительно, что онъ сталъ смотрѣть на Элинору какъ на какое-то рѣдкое чудо. Мистрисъ Мэберли разсказала ему всю исторію своей племянницы, скрывая только старательно ея настоящее имя, и несчастный старикъ невольно краснѣлъ, сравнивая себя съ этой мужественной дѣвушкой, полной честолюбивыхъ мечтаній, которая готова была позабыть все, и остаться на самой послѣдней ступени презрѣннаго ремесла, лучше чѣмъ неисполнить то, что она считала, справедливо или несправедливо, своимъ долгомъ. Неужели, спрашивалъ онъ себя въ подобныя минуты: мнѣ суждено на старости лѣтъ впервые научиться великой идеи человѣческаго долга, изъ примѣра простой, неопытной дѣвочки?

Еще болѣе удивленія къ Элинорѣ сталъ онъ чувствовать, когда вскорѣ тяжелая болѣзнь заставила его на долгое время лечь въ постель, и молодая дѣвушка съ своей теткой ухаживали за нимъ, какъ за роднымъ, отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы доставить ему все, что нужно. Уже эти-то попеченія безкорыстны, размышлялъ онъ въ скучные часы выздоравливанія — ибо чего они могутъ отъ меня ожидать, какую пользу могу я имъ принести?

Такимъ образомъ, медленно, мало по малу блестящіе лучи новаго, невѣдомаго свѣта стали освѣщать мракъ, царствовавшій доселѣ въ душѣ Рэдклиффа. Нѣжное, оживляющее вліяніе добрыхъ женщинъ постепенно раскрывало ему глаза, онъ началъ понимать и уважать добро, справедливость, истину, до сей поры оставшіяся ему невѣдомыми. Постоянное стремленіе ихъ обѣихъ къ исполненію своего долга, сначала возбуждившее въ немъ только праздное любопытство, теперь снискало его полное уваженіе. Перемена, происшедшая въ немъ, ясно доказывалась во всемъ его обращеніи. Прежде онъ отличался въ разговорѣ цинизмомъ

и злыми выходками; теперь же стал выказывать замѣчательное смиреніе и человеколюбіе, такъ-что, гдѣ прежде видѣлъ эгоизмъ и себялюбивый расчетъ, теперь старался открыть хорошее, благородное побужденіе. Онъ сталъ акуратнѣе и совѣстливѣе исполнять свои обязанности, и съ замѣчательной силой воли переламывалъ свою страсть къ водкѣ. Его здоровье было дѣйствительно очень разстроено; но онъ уже не ропталъ на свою болѣзнь, и переносилъ всѣ страданія съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Элинора часто рассказывала ему о своемъ опекунѣ, не называя его, конечно, по имени, и о томъ добрѣ, которое онъ дѣлалъ всѣмъ окружающимъ его.

— Ахъ, еслибъ я могъ передъ смертью хоть кому-нибудь сдѣлать добро, произнесъ, однажды, Рэдклифъ.

— Я часто слышала отъ моего опекуна, что желая искренно дѣлать добро, мы непременно найдемъ счастливый случай.

— Я боюсь, что для меня уже поздно, промолвилъ Рэдклифъ, тяжело вздыхая.

Когда старикъ совсѣмъ оправился отъ болѣзни, но все еще былъ слабъ, мистеръ Грайндеръ, который иногда удивлялъ людей человеколюбивыми выходками, предложилъ ему для поправленія здоровья поѣхать въ Нью-Йоркъ, и въ то же время хлопотать о дебютѣ Элиноры на одномъ изъ столичныхъ театровъ, такъ-какъ зима уже приходила къ концу, а ей хотѣлось непременно явиться передъ нью-йоркской публикой весной. Рэдклифъ взялся съ радостью за это порученіе, хотя вполне сознавалъ всѣ трудности подобнаго дѣла.

Какъ онъ предполагалъ, такъ и вышло: ему стоило огромнаго труда уговорить мистера Баджера, его добраго пріятеля и одного изъ самыхъ образованныхъ театральныхъ директоровъ въ Нью-Йоркѣ — ангажировать мисъ Грей хоть на нѣсколько представлений. Наконецъ, послѣ искреннихъ увѣреній Рэдклифа въ томъ, что мисъ Грей не была неопытной дебютанткой, но знала хорошо сцену и, главное, была очень образованная и развитая свѣтская дама, мистеръ Баджеръ согласился дать ей дебютъ, но вознагражденіе назначилъ самое незначительное. А чтобъ не уничтожить новую дебютантку сразу невыгоднымъ сравненіемъ съ любимицами публики, было порѣшено явиться ей въ совершенно новой драмѣ, которая должна была появиться на сценѣ въ самомъ скоромъ времени. Поэтому Рэдклифъ, покончивъ съ директоромъ, въ тотъ же день поспѣшнѣе уѣхать обратно въ П. Впрочемъ, и кромѣ этого была еще причина, побудившая его тотчасъ покинуть Нью-Йоркъ. Выхода изъ конторы театра, онъ встрѣтилъ женщину, которую немедленно узналъ, несмотря на то, что прошло мно-

го лѣтъ съ тѣхъ поръ, что онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Онъ боялся, чтобы и она его не узнала, ибо въ этомъ случаѣ не только была причина ему бѣжать изъ Нью Йорка, но и изъ самой Америки. Всю ночь онъ думалъ и обсуждалъ, какъ лучше поступить; благодѣтельная переменѣна, происшедшая въ его характерѣ, принесла тутъ первые свои плоды, и онъ рѣшился остаться въ П., и ожидать тамъ спокойно, что бы ни случилось.

Черезъ нѣсколько дней мистрисъ Мэберли и Элинора перебрались въ Нью-Йоркъ, и молодая дѣвушка посвятила всѣ немногіе дни, оставшіеся до ея дебюта, изученію своей роли, приготовленіямъ туалета и репетиціямъ. Послѣднія особливо затрудняли и изнуряли ее. На ея долю выпало выносить на своихъ плечахъ почти всю пьесу, а ея предъидущая дѣятельность была плохой подготовкой для такого труднаго и отвѣтственнаго положенія. Впрочемъ, директоръ очень хлопоталъ, чтобы она не очень уставала, расчитывая, по правдѣ сказать, болѣе на ея юность и красоту, чѣмъ на драматическія способности. Онъ слишкомъ привыкъ къ подобнымъ дебютамъ любительницъ, которые всегда кончались тѣмъ, что послѣ одного, а много двухъ представленій, смѣлыя дебютантки пропадали, и, оскорбленные равнодушіемъ публики, или вовсе бросали театръ или уѣзжали въ провинцію, искать не столь взыскательныхъ зрителей.

Элинора не имѣла ни малѣйшаго понятія обо всемъ этомъ и нисколько не подозрѣвала, съ какимъ сожалѣніемъ смотрѣли на нее новыя ея товарищи, столичные актеры и актрисы, считавшіе себя звѣздами первой величины. Для бѣдной Элиноры будущее казалось блестящимъ рядомъ побѣдъ, конечно одержанныхъ послѣ усиленныхъ трудовъ, но болѣе легкихъ для нея, чѣмъ для другихъ, благодаря ея утонченному образованію и манерамъ.

Наконецъ, наступилъ вечеръ, котораго молодая дѣвушка ждала съ тѣмъ сердечнымъ трепетомъ, съ какимъ ожидаютъ полководцы генеральнаго сраженія, долженствующаго рѣшить судьбу дѣлой войны, цѣлаго государства. Громадныя афиши на одномъ изъ лучшихъ нью-йоркскихъ театровъ, на Бродвей, торжественно гласили:

«Блестящій дебютъ миссъ Элены Грей, прелестной дщери Америки, принесшей въ жертву богатство и роскошь на алтарь искусства и смиренно преклонившейся передъ трагической музой. Торжественное признаніе *юности, красоты и гения* полнымъ съ низу до верха театромъ—полнымъ представителями ума, моды и образованія нашей великой столицы».

Однако, несмотря на все это, несмотря на свою красоту, Элинора потерпѣла поражение. Мы, какъ вѣрные лѣтописцы, не мо-

жемъ скрыть этого факта, да впрочемъ и не имѣли на то ни малѣйшаго желанія, ибо мы вполнѣ убѣждены, что она потерпѣла поражение, потому только, что слишкомъ хорошо заслуживала успѣха и побѣды. Объяснимъ этотъ кажущійся парадоксъ.

Не всякій и умный человѣкъ можетъ прямо указать на рациональную причину всѣхъ своихъ сочувствій и антипатій, но даже самые глуше научаются опытомъ привлекать къ себѣ сочувствіе и уменьшать непріязнь окружающихъ, именно стараясь въ своихъ дѣйствіяхъ, рѣчахъ и жизни, возвыситься или унизиться до умственного и нравственного уровня тѣхъ, чье вниманіе они хотятъ заслужить. Въ нашемъ отечествѣ послѣдній способъ чаще въ ходу. Политическій дѣятель, собирающій голоса на выборахъ, пасторъ, старающійся сдѣлать впечатлѣніе на толпу, журнальный борзописецъ, стремящійся къ популярности—всѣ и каждый будутъ одинаково поддѣлываться и стараться стать на точку зрѣнія тѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Это политично, можетъ быть (хотя все-таки это политика узкая, годная лишь для настоящей минуты), но не честно, если политическій дѣятель, пасторъ и журналистъ выше умственного уровня толпы. Ихъ обязанность—возвышаться толпу, а не унижаться до нея. Иначе они будутъ измѣнять себѣ, своей совѣсти, своему долгу къ обществу. Вотъ этого-то Элинора не умѣла и не хотѣла сдѣлать.

Своимъ умомъ и понятіями она была неизмѣримо выше большинства своихъ зрителей, и потому естественно не снискала ихъ сочувствія. Ея игра, несмотря на замѣтную неопытность къ сценѣ, отличалась обдуманностью, тактомъ и глубиной пониманіемъ самыхъ мельчайшихъ оттѣнковъ роли; все это стоило ей много мысли, труда и изученія, по конечно не имѣло никакой цѣны въ глазахъ толпы. Съ другой же стороны, она не могла въ данную минуту блеснуть тѣми грубыми, неестественными эффектами, которые такъ любитъ толпа. Еслибъ она явилась обруженная громкой славой великой актрисы, то эти особенности ея игры были бы сочтены за проблески генія; теперь же ихъ приписали недостатку таланта и попросту глупости. При этомъ надо сознаться, что Элинора даже не хотѣла усилить свою дѣцію и прибѣгнуть къ нѣкоторымъ другимъ преувеличеніямъ, совершенно необходимымъ и потому извинительнымъ въ большомъ театрѣ. Рэдклифъ всѣми силами старался уговорить ее хоть въ этой бездѣлицѣ поддаться господствующему вкусу толпы, но Элинора, боясь, что старый актеръ все же отчасти потворствовалъ модѣ, не согласилась ни за что нарушить законы художества.

Въ тѣ дни, когда ложи руководили райкомъ, а не обратно,

какъ въ наше время уаадва драматическаго искусства, попытка Элиноры увѣнчалась бы успѣхомъ. Но она увидѣла съ ужасомъ, что мы все измѣнили. Когда главный актеръ, мистеръ Гольфортъ, приходя въ какое-то бѣшенство, неестественно махалъ руками и длго кричалъ, вся публика приходила въ немстовный восторгъ. Бѣдная дѣвушка, видя это, стала отчаяваться: она чувствовала невозможность идти противъ всѣхъ своихъ убѣжденій, и подобнымъ низкимъ путемъ снискать одобреніе толпы.

Немногіе зрители, дѣйствительно понимающіе искусство, опѣнили вполнѣ достоинство ея игры; ея красота снискала всеобщее удивленіе; но этого было недостаточно, и общій приговоръ публики залеймилъ ея попытку. Снисходительные говорили о «*succés d'estime*»; болѣе строгіе критики кричали, что она взялась не за свое дѣло и никогда не будетъ хорошей актрисой; журналисты ушли изъ театра послѣ третьяго акта; актеры, игравшіе съ ней, хихикали, говоря другъ другу на ухо—*ходу нѣтъ*, а директоръ тотчасъ же отправилъ депешу въ какимъ-то знаменитымъ актѣрамъ, приглашая ихъ пріѣхать недѣлей раньше, чѣмъ было условлено. Во время представленія, изъ нѣкоторыхъ ложъ раздавались рукоплесканія, немного поощравшія бѣдную дѣвушку; но когда опустилась зававъсь, оглушающіе вызовы главнаго актѣра, въ общемъ шумѣ которыхъ пропали незамѣченными два-три крика — *мисъ Грей*, ясно доказали ей направленіе большинства публики.

На другой день газеты подняли страшный шумъ противъ директора, осмѣливавшагося дать такую важную роль неопытной, глупой дѣвчонкѣ, когда было столько отличныхъ актрисъ, нуждавшихся въ ангажементѣ; шумъ этотъ былъ похороннымъ звономъ свѣтлыхъ надеждъ бѣдной Элиноры. Самъ директоръ испугался своей неудачи, и явившись въ мистрисъ Мэберли, въ очень учтивыхъ выраженіяхъ предложилъ объявить въ афишахъ о внезапномъ нездоровьѣ мисъ Грей и такимъ образомъ прекратить дальнѣйшіе ея дебюты. Элинора съ благодарностью согласилась, ибо у ней никогда не хватило бы храбрости выступить снова на рововыя подмостки, видѣвша ея пораженіе. Сказавъ два-три слова утѣшенія и посовѣтовавъ ей еще попрагнговаться на провинціальнй сценѣ, директоръ очень любезно раскланялся и удалился.

Теперь пришла очередь Баджера; онъ выказалъ много сочувствія къ молодой дѣвушкѣ, увѣщевалъ ее не отчаяваться, ибо съ перваго раза даже Кинъ не одержалъ побѣды, и приглашалъ еще на одинъ сезонъ въ П., гдѣ она могла бы пріобрѣсти болѣе опытности и знанія сцены; онъ предлагалъ даже увеличить ей жалованье, зная очень хорошо, что благодаря своей красотѣ она была любими-

цей его публики. Мистрисъ Мэберн сначала сопротивлялась этому плану, ибо она надѣялась, что попытка Элиноры на столичной сценѣ приведетъ дѣло къ окончательной развязкѣ; но Элинора и слышать не хотѣла о возвращеніи къ Вернонамъ, особливо тотчасъ послѣ своего пораженія; точно такъ же она не желала и быть обузой своей тѣтѣ. Кромѣ необходимости наживать себѣ хлѣбъ, она еще думала, что возвратясь въ П., она могла быть полезной Рэдклифу; это соображеніе имѣло свою силу и въ глазахъ тѣтки, которая съ другой стороны утѣшала себя, что чѣмъ ближе ея племянница узнаетъ театральнй міръ, тѣмъ скорѣе она въ немъ разочаруется.

Итакъ Элинора смиренно возвратилась въ П., совершенно разочарованная въ своихъ идеяхъ славы и богатства; но ея убѣжденія, ея преданность долгу нимало не поколебались отъ роковой неудачи. Сердце ея болѣзненно сжалось при мысли о контрастѣ унылой дѣйствительности съ своими розовыми мечтами. Она однако сдѣлала рѣшительный шагъ и не должна отступать. Если послѣ еще полугодоваго испытанія ей рѣшительно не повезетъ на сценѣ, она пойдетъ въ гувернантки или учительницы музыки, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ ни отъ кого въ зависимости. Съ подобными мыслями принялась она снова за свою прежнюю трудолюбивую жизнь въ П., въ которой, увы, надѣялась никогда не возвращаться.

XXIII.

Грѣсъ Вернонъ къ Элинорѣ Грѣзврукъ.

Упландсъ. 8-го апр. 185...

«Милая Нелли, ты уже болѣе шести мѣсяцевъ вдали отъ насъ, и мы все сильнѣе и сильнѣе скучаемъ по тебѣ. Я же болѣе всѣхъ грущу, что тебя здѣсь нѣтъ, чтобъ вмѣстѣ со мною радоваться прелестной веснѣ, которой мы уже три года не встрѣчали въ Упландсѣ, гдѣ, право, безъ тебя въ половину не такъ весело и пріятно.

«Ты сдержала свое слово и напишешь намъ всю правду о людяхъ и обстановѣ, тебя окружающихъ. Какъ должно быть тяжело тебѣ, такой гордачкѣ, выносить постоянное столкновеніе съ мелкими страстишками низкихъ людей. И хотя ты увѣряешь, что твой странный пріятель мистеръ Рэдклифъ служитъ тебѣ большимъ утѣшеніемъ, но легко понять, какъ недостаточно общество одного подобнаго человѣка посреди цѣлой массы непріятныхъ, отвратительныхъ людей. Я, право, не понимаю, какъ такой унылый и образованный человѣкъ, какъ твой мистеръ Рэдклифъ, попалъ

въ подобную компанію и остается въ ней? Мнѣ сдается, что онъ вѣрно въ молодости сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе или проступокъ, который изгналъ его изъ общества ему равныхъ людей; но во всякомъ случаѣ, кто бы онъ ни былъ и что бы онъ ни сдѣлалъ, я его очень люблю за его попеченія о тебѣ.

«Стивенъ все еще путешествуетъ; онъ долго былъ на югѣ вмѣстѣ съ мистеромъ Эліотомъ и посѣтилъ тамъ Кутберта Бойтона. Знаешь ли, милая... Впрочемъ, ты сама должна знать лучше другихъ то, что касается лично тебя самой. Тотъ страшный человекъ, котораго Эліотъ сравнивалъ съ *Лью*, я хочу сказать мистеръ Кэрвудъ, все еще живетъ въ Пріютѣ, и Дэвидъ Гринвудъ говоритъ, что старикъ Дангерфильдъ очень боленъ и долго не проживетъ. Я очень желала навѣстить его, но папà не позволилъ, говоря, что не слѣдуетъ этого дѣлать, по крайней-мѣрѣ теперь. Я не знаю, что это все значитъ, но повременамъ мнѣ становится страшно, и я боюсь, чтобы не случилось какого нибудь несчастія. Тѣтя Мерси увѣряетъ, что въ Пріютѣ появились домовые, и Кэрвудъ съ старикомъ Дангерфильдомъ имѣютъ съ ними дѣло; ты знаешь, какъ она суевѣрна.

«Наша милая Али очень выросла и все спрашиваетъ, скоро ли воротится сестричка Нелли. Она перестала дичиться, какъ прежде, и хорошветъ съ каждымъ днемъ. Папà до того ее любитъ, что, право, мнѣ иногда завидно; а онъ увѣряетъ, что когда ты пріѣдешь, то помиришь насъ, сосредоточивъ на себѣ всю его любовь.

«Ну, голубушка, прости меня, но мнѣ кажется, твоя дивная попытка уже довольно долго продолжается; и папà, право, страшно груститъ по тебѣ. Онъ, кажется, очень постарѣлъ въ это время, несмотря на свою всегдашнюю веселость и здоровую жизнь; онъ считаетъ долгомъ на дняхъ снова вступить въ избирательную борьбу и съ грустью говорить о своемъ уединеніи послѣ того, какъ я уѣду изъ дому, а это будетъ ранней осенью, такъ по крайней-мѣрѣ надѣется Стивенъ. Я полагаю, что мы обязаны окружить папà счастьемъ и покоемъ, и потому ты, конечно, дѣлала бы здѣсь болѣе добра, чѣмъ тамъ, гдѣ ты теперь. Я вполне увѣрена, что ты не можешь не сдатьъся передъ такимъ доводомъ.

«Правда, папà согласился на твою искреннюю просьбу не мѣшать тебѣ исполнить свой планъ, и всегда говоритъ, что человекъ съ такимъ характеромъ, какъ твой, надо дать полную свободу дѣйствія; если онъ и не успѣетъ ни въ чемъ, то все же изъ его дѣйствій произойдетъ какое-нибудь добро. Но теперь, милая, ты, кажется, достаточно испытала свой планъ и можешь основательно оцѣнить, что ожидаетъ тебя въ будущемъ. Потому воротись, голубушка, домой, гдѣ вскорѣ ты будешь совершенно не-

обходима; воротись и обрадуй всѣхъ любящихъ тебя друзей, а болѣе всѣхъ твою преданную

«Гресь.

«P.S. Стивенъ, который знаетъ только о твоёмъ отсутствіи, но не о причинѣ онаго, пишетъ, что ты необходимо должна воротиться къ сентябрю, а зачѣмъ — ты сама знаешь.

«Г. В.

МАРТИНЪ ДАНГЕРФИЛЬДЪ КЪ СТИВЕНУ.

Дангерфильдскій пріютъ. 10-го апр. 185...

«Твое послѣднее письмо, сынъ мой, меня очень озаботило. Я очень сожалѣю, какъ за тебя такъ и за себя, что ты такъ долго скрывалъ отъ меня предметъ твоего сообщенія. Все то, что ты говоришь о моихъ дѣйствіяхъ, которыя я считалъ необходимыми, быть можетъ и справедливо; но теперь я не могу объ этомъ разсуждать. Никто изъ насъ не въ состояніи поручиться, что въ здѣшней жизни онъ не будетъ принужденъ обстоятельствами играть роль, которая привлечетъ на него осужденіе всего свѣта, тогда-какъ всякое оправданіе ему невозможно. Рѣдко молодые люди понимаютъ чувство милосердія, только твоя мать была исключеніемъ.

«Что касается до главнаго предмета, изложеннаго въ твоёмъ письмѣ, то тебѣ необходимо тотчасъ воротиться, ибо намъ нужно лично переговорить. Побори свои предразсудки хоть на столько, чтобъ пріѣхать. Человѣкъ, на котораго ты намекаешь, впродолженіе всей зимы жилъ то здѣсь, то въ Нью-Йоркѣ. Онъ теперь здѣсь, но, безъ сомнѣнія, исполнить мое желаніе и уѣдетъ во времени твоего посѣщенія. Одному небу извѣстно, какъ я пекся о твоей будущности и до сихъ поръ мнѣ это удавалось. Ты поймешь мои слова внослѣдствіи. Я слишкомъ слабъ и боленъ, чтобъ писать болѣе — ты долженъ пріѣхать домой и какъ можно скорѣе, хоть на самое короткое время.

«Христось съ тобою.

«М. Дангерфильдъ».

РОБЕРТЪ ЭЛІОТЪ КЪ ОЛИВЕРУ ВЕРНОНУ.

Монгомери (Алабама). 15-го апр. 185...

«Многоуважаемый мистеръ Вернонъ, это — послѣднее письмо, которое я вамъ пишу передъ отъѣздомъ на сѣверъ, гдѣ я почту себѣ за счастье воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ снова посѣтить Упландсъ. Я намѣревался остаться на югѣ гораздо долѣе, но какъ Стивенъ очень естественно торопится домой, а я не хочу разставаться съ нимъ, то мы назначили

другъ другу свиданіе въ Чарльстонѣ двадцатаго, и оттуда отправимся прямо въ Нью-Йоркъ. Я оставилъ плантацію Бойнтонъ только два дня тому назадъ, и съ тѣмъ бѣльшимъ огорченіемъ, что Кутбертъ очень убитъ духомъ. Какъ вы предполагали, онъ страшно влюбленъ въ мисъ Грѣзбрукъ и не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые скоро забываютъ и привязываются къ новымъ лицамъ. Не навязываясь на откровенность, я, однако, узналъ отъ него, что онъ приписываетъ отказъ мисъ Грѣзбрукъ чисто-личнымъ причинамъ, въ чемъ, конечно, ни я, ни вы съ нимъ не согласимся. Я питаю насчетъ этого совершенно иное мнѣніе, второе, я увѣренъ, вы раздѣляете; но признаться сказать, если мое мнѣніе справедливо, то мало надежды на счастливый исходъ этого затруднительнаго дѣла.

«Вы спрашиваете меня насчетъ того, перемѣнилъ ли я свои убѣжденія касательно вопроса о рабствѣ; я долженъ вамъ прямо отвѣчать, что болѣе близкое знакомство съ *домашнимъ учрежденіемъ* ни мало не сдѣлало меня его партизаномъ. По справедливости я долженъ сознаться, что то, что *я видѣлъ* относительно обхожденія съ неграми, меня очень пріятно удивило: съ ними гораздо лучше обходятся и они, кажется, живутъ гораздо счастливѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но вѣдь глупо было бы ожидать, чтобъ рабовладѣльцы послѣ всего, что писано противъ нихъ, показали иностранцу мрачную сторону картины.

«Что касается сѣверной прессы, то здѣсь положительно всеобщими любимцами считаются *Н.-И. Глашатай* и ему подобные; ихъ постоянныя проповѣди объ «амальгамациа», какъ о неминувомъ результатѣ освобожденія негровъ, точно такъ же какъ предсказанія конечнаго упадка свободнаго труда на Сѣверѣ, здѣсь пользуются самымъ полнымъ сочувствіемъ. Однако, судя по огромному количеству вреоловъ, квартироновъ и т. д., которыхъ я видѣлъ на каждомъ шагѣ, эта «амальгамациа», должно быть, не предотвращается рабствомъ, да и всякій мыслящій человекъ долженъ согласиться, что даровавъ право свободной воли обѣимъ расамъ, вы конечно предотвратили бы множество случаевъ грубаго насилія. Что же касается вопроса о свободномъ трудѣ бѣлыхъ на Сѣверѣ, то вѣдь извѣстный аргументъ всѣхъ южанъ, что бѣлые не могутъ исполнить ту работу, которую легко дѣлаютъ негры, долженъ быть столько же справедливъ, на основаніи всѣхъ фізіологическихъ законовъ, и обратно — то-есть что негры не въ состояніи соперничать съ бѣлыми въ работѣ, производимой на Сѣверѣ.

«Я слышалъ много разсужденій между плантаторами объ относительныхъ правахъ національнаго правительства и правахъ отдѣль-

ных штатовъ, и конечно совершенно излишне прибавлять, что очень рѣдко они отдають преимущество первымъ. Если плантаторы въ этомъ правы—что, я знаю, вы отвергаете—то задача сводится къ простому разрѣшенію вопроса—рабство зло, или нѣтъ. Если и я совершенно убѣжденъ въ томъ, что рабство дѣйствительно зло, то, мнѣ кажется, всякое разсужденіе о конституціонной формѣ теряетъ свое значеніе. Въ подобныхъ вопросахъ должна быть апелляція къ высшему судилищу — къ судилищу совѣсти и справедливости. Наша англійская конституція не написана перомъ и чернилами, какъ ваша; но еслибъ у насъ и было иначе, то, конечно, ни одинъ англичанинъ въ наше время не согласился бы быть связаннымъ по рукамъ и ногамъ какимъ-нибудь параграфомъ старыхъ законовъ, которымъ, напрямѣръ, предъ обявляли бы насъ поощрять въ какомъ-нибудь особомъ графствѣ коноврадство. Безъ всякаго сомнѣнія, если ваша великая страна должна прійти къ той высокой степени благоденствія и счастья, которыхъ вы съ такой увѣренностью ожидаете, то она должна рано или поздно уничтожить у себя то, что весь образованный міръ считаетъ дикимъ варварствомъ, а большинство его—мрачнымъ преступленіемъ. Никакое государство не можетъ составлять исключеніе изъ общаго правила, признаннаго по какому бы ни было нравственному вопросу, всѣмъ образованнымъ міромъ, и въ то же время идти въ уровень съ современнымъ прогрессомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Подобное государство необходимо должно, и въ очень скорое время, придти въ совершенный упадокъ и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи.

«Несмотря, однако, на все сказанное, и вполне признавая превосходство идеи свободы надъ идеей рабства, я совершенно убѣжденъ, что для пользы обѣихъ расъ введеніе системы постепеннаго улучшенія быта негровъ и ихъ освобожденія, ограниченаго строгими законами о праздношатающихся, было бы гораздо благоразумнѣе, чѣмъ всякое неожиданное, мгновенное освобожденіе всей черной расы. Последняя мѣра можетъ быть только оправдана въ случаѣ необходимости, какъ средство національной самозащиты, во всякомъ же другомъ случаѣ, конечно, было бы разумнѣе вознаградить рабовладѣльцевъ.

«Войнтонъ, котораго нѣжное обращеніе съ неграми составляетъ разительный контрастъ съ тѣми картинами, которыя рисуютъ намъ аболуціонисты, почти что далъ намъ слово прійхать вскорѣ за нами на Сѣверъ. Я надѣюсь, что его отношенія къ мисъ Грѣзбругъ прояснятся, такъ-какъ я увѣренъ, что они созданы другъ для друга и живя вмѣстѣ будутъ какъ нельзя болѣе счастливы.

«Съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью, остаюсь искренно
вамъ преданный

«Робертъ Эліотъ».

М. Г. въ Джемсу Кэрвуду.

Нью-Йоркъ. 26-го апр. 185. .

«Вы не обратили никакого вниманія на мои предыдущія письма, но лучше и благоразумнѣе было бы для васъ не дѣлать того же съ этимъ письмомъ. Я желаю васъ видѣть и тотчасъ же. Если я не получу никакого отъ васъ извѣстія въ продолженіе недѣли, то заставлю васъ жестоко раскаться въ этомъ.

«М. Г.»

Джемсъ Кэрвудъ къ Элайасу Стагерсу.

Пріютъ. 26-го апр. 185...

«Милостивный государь,

«Я буду на этой недѣли въ Нью-Йоркъ и желалъ бы увидѣться съ вами и мистеромъ Ван-Донкомъ для окончательнаго рѣшенія дѣла, о которомъ вы пишете. Покуда же вы можете его успокоить извѣстіемъ, что *свадьба, которой онъ боится, никогда не произойдетъ.*

«Вашъ покорный слуга

«Джемсъ Кэрвудъ».

XXIV.

Мистеръ Кэрвудъ провелъ зиму чрезвычайно пріятно, то-есть половину времени пилъ, а остальную ничего не дѣлалъ, предаваясь лѣни и отдыху. Однако, посреди всего этого онъ никогда не забывалъ той цѣли, которую преслѣдовалъ съ такимъ упорствомъ. Немного людей спали бы такъ спокойно, какъ онъ, на краю огнедышащаго кратера, изъ котораго огненный потокъ могъ всякую минуту его поглотить. Но онъ вымѣривъ съ крайней точностью отношеніе, существовавшее между опасностями, грозившими ему, и силой тѣхъ орудій, которыми онъ думалъ ихъ поборотъ. Онъ зналъ, что надменная семейная гордость Мартина Дангерфильда и его слабое, разстроенное здоровье дѣйствовали въ его пользу, а рѣдкая доброта Оливера Вернона, готовая принести самыя тяжелыя жертвы, чтобъ спасти только отъ страданій любимаго человѣка, служила ему щитомъ противъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій съ этой стороны. Скупость, которая мало-помалу замѣнила въ немъ его прежнія дикія страсти, побужда-

да его, пользуясь всѣми представляющимися случаями, набрать какъ можно болѣе денегъ, до главнаго удара, обѣщавшаго обезпечить его на всю жизнь и послѣ котораго онъ долженъ былъ тотчасъ бѣжать. Чтобъ привести въ исполненіе этотъ планъ, ему необходимо было найти человѣка, который въ данную минуту могъ бы представить большую сумму денегъ, не обращая особеннаго вниманія на обезпеченіе. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Госсамера Ван-Донка, и съ помощью мистера Стагерса Кэрквудъ всю зиму подготавливалъ эту богатую почву дать золотой плодъ, который онъ ожидалъ отъ нея. Такимъ образомъ онъ считалъ себя хорошо вооруженнымъ противъ всѣхъ случайностей. Если удастся уговорить старика Дангерфильда подписать законную закладную, то хорошо; если же нѣтъ, то Кэрквудъ рѣшился все же, хотя и другими средствами, собрать предполагаемую жатву.

Постоянно увеличивавшееся нездоровье старика наполняло радостью сердце Кэрквуда, ибо какъ ни была велика его сила надъ нимъ, но все же чѣмъ онъ станетъ слабѣе, тѣмъ легче будетъ съ нимъ справиться. Иногда между ними бывали жестокія стычки, даже при старыхъ, преданныхъ слугахъ, которые, качая головами, желали скорѣйшаго возвращенія Стивена, ибо несмотря на щедрость Кэрквуда, они подозрѣвали, что его продолжительное присутствіе въ Пріютѣ не обѣщало ничего хорошаго. Нѣкоторые изъ нихъ шептались объ этомъ съ Дэвидомъ Гринвудомъ или съ кѣмъ другимъ изъ вернонской прислуги, но эти разговоры были очень рѣдки и отличались сдержанностью, обыкновенно существующей между старыми слугами, когда ихъ господа не находятся въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Повременамъ Кэрквудъ ѣздилъ въ Нью-Йоркъ, и тогда онъ предавался вполнѣ тѣмъ удовольствіямъ, къ которымъ такъ пристрастился еще въ юности. Онъ отыскивалъ дорогу въ старинный, давно знакомый ему притонъ разврата, и тамъ съ какимъ-нибудь старымъ пріателемъ распивалъ бутылку за бутылкою, потомъ пробирался въ знаменитый игорный домъ Г. и тамъ игралъ всю ночь, но уже не съ прежнимъ легкомысленнымъ азартомъ, а хладнокровно, расчетливо, и довольствуясь коть скромнымъ выигрышемъ, ибо даже въ подобныя минуты онъ никогда не забывалъ, что ему дорога каждая копейка, которая увеличиваетъ его казну.

Чѣмъ болѣе увеличивалась эта казна изъ всевозможныхъ источниковъ, тѣмъ громче заговорила въ немъ жажда всякаго скупого найти вѣрное, сохранное мѣсто для своихъ сокровищъ. Никакой городской банкъ не годился для этого, ибо въ случаѣ

мгновеннаго бѣгства, эти деньги нельзя было бы тотчасъ вырывать. Комната, занимаемая имъ въ Приютѣ, была далеко небезопасна, такъ-какъ при первой опасности ее могутъ обыскать. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ и соображеній, онъ нашелъ мѣсто вполнѣ сохранные, откуда онъ могъ достать свои сокровища во всякое время и безъ вѣдома кого бы то ни было. Въ Нью-Йоркѣ существовала для него опасность совершенно особаго рода — съ этой стороны онъ могъ ожидать ежеминутно удара, который могъ сразу лишить его всѣхъ съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ денегъ; къ тому же письмо, недавно полученное, возбуждало въ немъ самыя серьезныя опасенія. Кромѣ того и Стивенъ возвращался домой, слѣдовательно, могли всегда возникнуть новыя столкновенія. Ему необходимо было обезпечить себя отъ всякаго риска, и потому онъ заказалъ небольшой, но крѣпкій ящикъ, необоявшийся сырости, и выбравъ, какъ мы уже сказали, сохранный уголокъ, передалъ свое сокровище землѣ. Съ обычной своей предусмотрительностью онъ, прежде чѣмъ зарыть деньги, разбѣнялъ ихъ на билеты лондонскаго и другихъ европейскихъ банковъ, такъ что онъ могъ во всякую минуту, схвативъ свою шкатулку, бѣжать изъ Америки.

XXV.

Въ роскошной комнатѣ одного изъ клубовъ, въ пятой улицѣ, сидѣло трое джентльменовъ, развалившись въ различныхъ, своеобразныхъ позахъ на мягкой покойной мѣбели. Они только-что пообѣдали; передъ ними стоялъ столикъ, уставленный бутылками и вазами съ фруктами.

— Ясно, сказалъ мистеръ Джемсъ Кэрвудъ: — что такъ-какъ всѣ мы трое играемъ въ одну игру, то намъ должно согласиться въ ходахъ.

— Въ этомъ не представится никакого затрудненія, отвѣчалъ Элайасъ Стагерсъ:—во всякомъ случаѣ, это афера отличная и у генерала много денегъ. Одного слова съ моей стороны будетъ довольно, чтобъ онъ согласился на покупку закладной.

— Да, промолвилъ Госсамеръ Ван-Донкъ:—но я, право, не вижу, какимъ образомъ покупае закладной можетъ имѣть вліяніе на сердечныя дѣла.

— Мой юный другъ! воскликнулъ Кэрвудъ: — многое намъ кажется непонятнымъ и невѣроятнымъ, пока оно не исполнится. Какъ въ житейскихъ, такъ и въ сердечныхъ дѣлахъ, мы должны главнымъ образомъ обращать вниманіе на совпаденіе случайностей. Старикъ Верновъ не обращаетъ никакого вниманія на

деньги, но очень уважает поземельную собственность. Дангерфильдскій Пріютъ—лучшее помѣстье во всемъ околоткѣ, и потому онъ съ удовольствіемъ отдаетъ свою дочь замужъ за наследника теперешняго его владѣльца. Измѣните положеніе: пускай Стивенъ Дангерфильдъ потеряетъ всякую надежду на богатое наследство и оно перейдетъ въ руки другого привлекательнаго молодого человѣка, тогда очень естественно, что старикъ Вернонъ съ такимъ же удовольствіемъ отдастъ свою дочь за этого привлекательнаго молодого человѣка.

— Да, отвѣчалъ Госсамеръ и потомъ поспѣшилъ прибавить, какъ-бы полагая, что сомнѣніе въ выгодности всякаго проекта доказывало его опытность въ коммерческихъ сдѣлкахъ:—однако, по какой причинѣ вы стали бы помогать одному привлекательному человѣку болѣе, чѣмъ другому?

— Въ этомъ-то именно и дѣло: я желаю быть съ вами совершенно откровеннымъ. Конечно, мнѣ рѣшительно все равно, въ чьи руки попадетъ Пріютъ, благо бы я только выручилъ деньги, данныя мною подъ его залогъ. Но вѣдь человѣкъ руководствуется не одними только финансовыми соображеніями; вотъ вы, напримѣръ, готовы на многое, чтобъ добиться счастливаго результата своей любви. Я же, съ своей стороны, для васъ все равно по какимъ причинамъ, очень недолюбливаю вашего соперника; потому и готовъ съ большимъ удовольствіемъ помочь вамъ одержать надъ нимъ побѣду.

— Она, говорятъ, очень любитъ Стивена Дангерфильда, сказалъ Госсамеръ, глотнувъ шампанскаго:—вы, кажется, ни одинъ ни другой, не думаете о томъ, какъ побѣдить это затрудненіе.

— Вотъ видите, Госси, отвѣчалъ Стагерсъ, закуривая новую сигару:—мы съ полковникомъ Кэрвудомъ пожили на свѣтѣ болѣе вашего и смотримъ на эти вещи съ философской точки зрѣнія. Вы говорите, что она любитъ Стивена, такъ что жъ такое? Очень естественно, что дѣвушка ея лѣтъ влюбилась въ красиваго, умнаго, молодого человѣка, которой еще владѣетъ отличнымъ имѣніемъ. Но представься другой такой же молодой человѣкъ, она еще больше полюбитъ его, ибо всѣ любятъ разнообразіе. Когда же новый поклонникъ богаче стараго, то нечего и разсуждать—его побѣда несомнѣнна.

— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ Кэрвудъ:—вы ничѣмъ не рискуете и всегда останетесь въ выигрышѣ. Старикъ долго не проживетъ, да и въ противномъ случаѣ завладѣю можно представить къ уплатѣ во всякое время. Наконецъ, что бы ни случилось, молодой Дангерфильдъ никогда не женится на мисъ Вернонъ.

— Но увѣрены ли вы въ этомъ?

— Такъ увѣренъ, что если пройдетъ мѣсяць и вы не узнаете о разрывѣ между нами, то я готовъ отказаться въ вашу пользу отъ половины моихъ правъ на Дангерфильдскій Пріютъ.

— Но отчего же разстроится эта свадьба? во всякомъ случаѣ стчего бы это могло быть даже прежде, чѣмъ узнать о существованіи закладной, которая, по вашимъ словамъ, должна быть хранима въ тайнѣ до известнаго времени?

— На этотъ вопросъ я не могу вамъ отвѣчать.

— Не будьте же, Госси, уже чрезчуръ любопытны; вы знаете пословицу: не спрашивай, если не хочешь услышать лжи. И какое вамъ дѣло до всего остальнаго, если молодая дѣвушка и имѣніе будутъ ваши.

— Правда, никакого; только вы понимаете, что очень естественно, если это меня беспокоитъ. Вѣдь послѣ всего, старикъ Вернонъ, можетъ быть, не захочетъ имѣть меня своимъ зятемъ просто по несогласію въ политическихъ убѣжденіяхъ.

— Вадоръ; какое можетъ быть для васъ различіе въ политическихъ убѣжденіяхъ? Вы еще ни разу не выступали на политическую арену. Впрочемъ, вы можете перемѣнить свои убѣжденія на то время, пока будете женихомъ, а послѣ свадьбы снова воротитесь къ старымъ. Вѣдь мы живемъ въ свободной странѣ, не правда ли?

— Я бы это и могъ сдѣлать, но генераль...

— А вы думаете, онъ цѣнитъ одну партію болѣе другой? Да онъ ихъ всѣ въ грошъ не ставитъ. Онъ стоитъ за ту партію, которая имѣетъ болѣе голосовъ. Мы здѣсь люди знакомые и потому сознаюсь, что я поступаю точно такимъ же образомъ,

— Соглашаться съ большинствомъ доказываетъ благородство человѣка, торжественно провознесъ Кэрвудъ:—и вполне соответствуетъ духу нашихъ учрежденій.

— Такъ-такъ, согласился Элайасъ Стагерсъ:— я всегда въ пользу того, чего хочетъ большинство, если только я могу отъ этого что-нибудь выиграть, конечно, за исключеніемъ проклятыхъ аболіціонистовъ. Я ихъ ненавижу.

— Однимъ словомъ, мистеръ Ван-Донгъ, сказалъ Кэрвудъ, возвращаясь къ главному предмету разговора:— я не думаю, чтобы одно изъ названныхъ вами затрудненій имѣло какую-нибудь дѣйствительную силу.

— Она—преlestное созданіе, произнесъ Стагерсъ, разогрѣваясь отъ вина и съ восторгомъ устремляя глаза на потолокъ:— она была самой хорошенькой дѣвушкой на *Ассиріи*, а это много сказать. Віолета и Церлина вѣдь важны красавицы, но она ихъ за поясъ затветъ, какая ножка, какая талія! А помѣстье будетъ имѣть какое! Оно навѣрно стоитъ тысячъ пятьдесятъ.

И въ подобномъ духѣ онъ продолжалъ долго еще распространяться о прелестяхъ Грэсъ и матеріальныхъ выгодахъ Упландса, котораго она была единственной наслѣдницей. Кэрвудъ между тѣмъ замѣчалъ внезапно блеснувшій огонь въ глазахъ Госсамера съ тѣмъ чувствомъ радости, которое ощущаетъ удащій, когда рыба проглотитъ крючокъ. Что же касается до почтеннаго Элайаса, то онъ имѣлъ нѣкотораго рода уважительную причину описывать въ такихъ розовыхъ краскахъ всѣ выгоды предлагаемой сдѣлки, ибо Кэрвудъ общалъ ему, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, порядочную сумму за комисію.

— Во всякомъ случаѣ, мистеръ Ван-Донкъ, произнесъ Кэрвудъ вставая, когда Стагерсъ окончилъ свои днeirамбы красотѣ и богатству Грэсъ:—я не тороплюсь. Я могу еще передумать и, пожалуй, промѣню закладную на хорошій домъ въ этой улицѣ. Въ Нью-Йоркѣ съ каждымъ годомъ все становится веселѣе. Мой пріятель М., спеціальннй маклеръ по дѣламъ этого рода, говорилъ мнѣ еще сегодня объ одномъ господинѣ, который очень желалъ подобной мѣны. Домъ у него отличный, великолѣпно меблированный, а самъ онъ уѣзжаетъ въ Европу. Прощайте, господа. Съ вами-то, Стагерсъ, мы скоро увидимся.

— Но, мистеръ Кэрвудъ, воскликнулъ съ испугомъ Госсамеръ:—вы ничего не порѣшите, не давъ намъ знать?

— Конечно. Я подожду дня три—довольно? Ну, хорошо. Только, пожалуйста, не говорите объ этомъ дѣлѣ никому. Я желаю какъ можно болѣе оградить моего стараго друга Дангерфицда отъ всего, чтѣ могло бы неприятно затронуть его чувства.

— Непремѣнно, я вполне васъ понимаю. Гораздо лучше не трезвонить объ этомъ дѣлѣ. И... и знаете, мистеръ Кэрвудъ, я думаю, что мы съ Стагерсомъ устроимъ вамъ это дѣльце, то-есть если вы согласны.

— О, сдѣлайте одолженіе, и думайте только о своей выгодѣ, хотя, конечно, я буду очень радъ, если мы сойдемся. Стагерсъ знаетъ мои условія. Еще разъ прощайте.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, бросивъ значительный взглядъ на маклера.

— Дѣльце устроено, пробормоталъ онъ сивозъ зубы, сойдя съ лѣстницы, и очутившись на безмолвной улицѣ: — нечего болѣе хлопотать, все пойдетъ какъ по маслу: теперь очередь Мэри.

XXVI.

Пройдя всю пятую улицу, этотъ центръ великосвѣтскаго, моднаго Нью-Йорка, Кэрвудъ повернулъ на западъ, и перекосивъ

черезъ вашингтонскій свѣрь, углубился въ одну изъ улицъ, параллельныхъ Бродвею. Чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ улица становилась грязнѣе, и наконецъ, взявъ направо въ узенькій переулокъ, онъ подошелъ къ длинному ряду нивеньякъ, развалившихся домиковъ. Передъ однимъ изъ нихъ онъ остановился, и посмотрѣвъ во всѣ стороны, словно боясь или стыдась, чтобъ его ктонибудь не увидѣлъ, поспѣшно вошелъ въ полуотворенную дверь. Съ большимъ трудомъ и съ полусдержанными проклятіями, взобрался Кэриудъ на высокую лѣстницу, и пройдя длинный коридоръ, остановился у двери на самомъ его концѣ. Тутъ онъ съ минутой постоялъ, прислушиваясь; но внутри все было тихо, не слышно даже человѣческаго голоса; очень довольный повидимому этимъ открытіемъ, онъ постучалъ три раза въ дверь, и получивъ позволеніе, вошелъ въ комнату.

Это была очень небольшая комната, тускло освѣщенная однимъ огаркомъ. Съ одной стороны было два окошка, съ другой дверь въ маленькій чуланчикъ, служившій вѣрно спальней. Мебели было очень мало и то половина изломанная; въ углу стояла большая печка, служившая вмѣсто ялты. Несмотря на очевидную нищету, все въ комнатѣ было такъ чисто и опрятно, что ясно указывало на присутствіе женщины.

У окна дѣйствительно сидѣла женщина лѣтъ сорока-пяти, которая была бы до сихъ поръ поразительной красоты, еслибъ лицо ея не было искажено преждевременными морщинами, ясно говорившими роковую повѣсть порочной, несчастной жизни. Всѣ черты ея были правильныя, греческія, волосы темно-каштановые съ едва замѣтной просѣдью, а глаза горѣли какъ уголья. Широкий лобъ доказывалъ ея необыкновенный умъ, а подбородокъ — упорную рѣшимость; но ротъ, хотя и красивый, обнаруживалъ замѣтную слабость; губы были слишкомъ толсты, а носъ очень грубоватъ. Платье на ней было темнаго цвѣта и самой дешевой, даже нищенской матеріи, но она принадлежала къ тому роду женщинамъ, на одежду которыхъ мы никогда не обращаемъ вниманіе.

При мерцающемъ свѣтѣ салнаго огарка, она читала какой-то старый романъ; но услыжавъ стукъ въ дверь, поспѣшно встала, выказывая при этомъ свой необыкновенно высокой ростъ.

— Такъ вы нашли наконецъ нужнымъ послушаться моего зова, Джемсъ Кэриудъ, сказала она:—не совсѣмъ безопасно было бы вызывать меня на бой, не правда ли?

— Вы все ниже и ниже падаете, отвѣчалъ онъ, окидывая глазами комнату:—если вамъ нужны деньги...

Она махнула рукой съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія.

— Если я отказываюсь брать деньги отъ своего собственнаго ребёнка, то конечно не возьму ихъ отъ такого человѣка, какъ вы.

— Чего жъ вы отъ меня хотите?

— Погодите, узнаете; впрочемъ, я васъ не задержу долго. Еще много время до полуночи, а вѣдь прежде нельзя играть, пить и т. д.

— Говорите полюбезиѣе, Мэри; если вы имѣете до меня какую-нибудь просьбу, то лучше не выражаться такъ грубо.

— Просьбу! Чтобъ я имѣла просьбу къ вамъ? Давно ужъ этого, кажется, не бывало. Развѣ мое послѣднее письмо походило на просьбу? Нѣтъ, Джемсъ Кэривудъ, я выписывала васъ не для того, чтобъ просить о чемънибудь, а чтобъ привязывать.

— Кто вамъ далъ мой адресъ?

— Я не нахожу нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ; скажу только, что мой глазъ вѣчно слѣдитъ за вами, и вы напрасно бы старались скрыться отъ него. Миѣ теперь не о чемъ болѣе думать, и это меня забавляетъ. Кромѣ того я намѣрена мѣшать вамъ дѣлать зло.

— Зачѣмъ же вы за мной послали? съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Кэривудъ: — говорите прямо.

— По вѣсколькимъ причинамъ. Главнымъ же образомъ вотъ для чего, сказала она, бросая ему свернутую бумагу.

Кэривудъ развернулъ и увидѣлъ афишу, возвѣщавшую о первомъ дебютѣ мисъ Элены Грэй, на бродвейскомъ театрѣ.

— Что это такое, и какое миѣ до этого дѣло? спросилъ онъ, съ гнѣвомъ.

— Большое. Знаете, кто эта мисъ Элена Грэй?

— Нѣтъ, и откуда миѣ знать?

— Такъ я вамъ скажу. Это—Элинора, моя родная дочь.

— Почему вы знаете? Развѣ она была здѣсь, развѣ вы ее видѣли?

— Нѣтъ. Вѣдь было уговорено, что мы съ нею никогда не увидимся. Я всегда держу свое слово, Джемсъ, несмотря на все, что дѣлаю. Ктому же я не желаю заразить ее своимъ обществомъ или примѣромъ.

— Вы этого не желали, однако, въ отношеніи къ другой вашей дочери, сказалъ Кэривудъ, съ иронической улыбкой.

— Алабама еще ребёнокъ, воскликнула съ неожиданной живостью Мери Грѣзбрукъ: — я бы ей не могла сдѣлать никакого вреда, а тяжело, очень тяжело жить одной одиношенькой.

Потомъ она вдругъ прибавила съ неожиданнымъ азартомъ:

— Подлецъ ты, однако, что укралъ ее у меня! Даже диніе звѣри, и тѣ имѣютъ право уничтожить своихъ дѣтеншней.

— Ну, объ этомъ толковать нечего, это дѣло рѣшенное. Вы просили, чтобъ я взглянулъ на это, прибавилъ онъ, указывая на афишку: — я и взглянулъ. Вы говорите, что эта актриса ваша дочь — хорошо. Но мнѣ-то какое дѣло до всего этого?

— Очень большое. Она писала мнѣ о своемъ намѣреніи, но скрыла причину, побудившую ее на такой смѣлнй шагъ. Я подозрѣвала, зная ее хорошо, что вѣроятно ею руководило чувство независимости, или что-нибудь подобное. Поэтому я написала въ Оливеру Вернону, и отъ него узнала все, что было между вами. Вы опять принялись за старое — дѣлать фальшивые документы.

— Такъ вы посылали за мною для того, чтобъ это сказать?

— Да, и еще кое-что. Какія вы подлости ни дѣлали въ послѣднее время, вы знаете, что я вамъ никогда ни въ чемъ не мѣшала. Я не говорила ни слова, пока вы не касались ни меня, ни моихъ. Теперь дѣло иное.

— Мое право на тѣ деньги, на которыя вы намекаете, совершенно законное, и вполне признано Оливеромъ Вернономъ, послѣ самаго внимательнаго рассмотрѣнія.

— Я ничего объ этомъ не знаю, да и знать не хочу. Что же касается до того, чтобъ ваше требованіе было справедливо и законно, то вы очень хорошо знаете, что все это ваша работка и одинъ подлогъ.

— Я не хочу съ вами браниться. Довольно того, что моего права никто не можетъ оспорить, и вамъ было бы трудно...

— Воротивъ ограбленное и наказать грабителя, вы хотите сказать; первое, быть можетъ, и правда; но что касается втораго, то подумайте, Джемсъ, хорошенько, неужели мнѣ было бы очень трудно васъ наказать?

— Да что же, наконецъ, вамъ нужно? спросилъ Кэриуудъ съ безпокойствомъ, ворочаясь въ креслѣ: — если нѣсколько сотенъ...

Мэри Грэзбрукъ какъ-то странно, дико расхохоталась.

— Я вамъ говорю разъ навсегда, что ни у кого изъ васъ не возьму денегъ. Еслибъ я нуждалась въ кускѣ хлѣба, то, быть можетъ, взяла бы милостыню у честнаго человѣка:—но уже, конечно, не у васъ.

— На кой же чортъ вы меня звали? воскликнулъ онъ, очень грубо.

— На кой чортъ? Да развѣ вы думаете, что я буду стоять сложа руки и молча смотрѣть, какъ у моего роднаго ребѣнка отнять все, что онъ имѣетъ, и еще кто отниметъ? — тотъ самый злодѣй, который погубилъ жизнь матери, и покрылъ позоромъ ее имя. Клянусь небомъ, преступленіе, должно быть, ста-

до у васъ второй природой, если вы можете такъ хладнокровно спрашивать, зачѣмъ я васъ призвала! Да очень просто — для того, чтобъ приказать вамъ простыми, ясными словами возвратить моему ребѣнку то, что вы безсовѣстнымъ образомъ у нея похитили.

— А положимъ, что я откажусь исполнить ваше приказаніе, произнесъ Кэрквудъ съ разстановкой:—отложивъ въ сторону всѣ мои возраженія на форму вашихъ словъ, положили, что я просто отъязвляюсь имъ повиноваться—тогда что?

— Тогда я откладываю возвращеніе награбленнаго до тѣхъ-поръ, пока я не наказала грабителя.

— Вы думаете меня запугать угрозами?

— Нимало, я намѣрена дѣйствовать.

— Ну, какъ же, напримѣръ?

— А вотъ какъ. Я составлю коротенькую записку, нѣчто въ родѣ сборника моихъ личныхъ воспоминаній и анекдотовъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ, въ томъ числѣ помѣщу и нѣкоторые изъ вашихъ любопытныхъ подвиговъ и приключеній. Чтеніе этой записки будетъ очень занимательно и полезно всѣмъ, кто имѣлъ съ вами дѣла въ послѣднее время, и потому я намѣрена имъ всѣмъ разослать по копіи.

— Вы это сдѣлаете?

— Сдѣлаю, и кромѣ того, будетъ одна лишняя копія, которая, однако, первая доставится прокурору...

— Хорошо; теперь выслушайте меня, сказалъ онъ, подходя къ ней поближе, и на лицѣ его показалось то дикое выраженіе, которое исказило его въ ту минуту, когда Стивенъ Дангерфильдъ приснулъ ему виномъ въ лицо: — что бы за человѣкъ я ни былъ, Мэри Грэзбрукъ, но маху не дамъ, когда дѣло идетъ о мести или предупрежденіи грозящей опасности. Выдайте меня, если хотите, но я клянусь, вы заплатите за это своей жизнью.

— Ба! да кто же изъ насъ имѣетъ болѣе причинъ бояться? И какъ вы думаете, я много обращаю на васъ вниманіе? Нимало, и ни на секунду не сверну съ пути, по которому рѣшилась идти. Придумайте другую тактику, эта не подѣйствуетъ на меня.

Онъ взглянулъ почти съ прежнимъ своимъ восторгомъ на ея глаза, сіявшіе рѣшимостью.

— Отчего вы хотите теперь дѣлать мнѣ вредъ, Мэри? Вы прежде никогда объ этомъ не думали.

— Потому что вы были отецъ моего ребѣнка; то, что вы сдѣлали теперь, заставитъ меня все забыть.

— Ея не слѣдовало покидать Верноновъ; она бѣжала отъ нихъ чисто по глупой гордости.

— Вы не въ состояніи объяснить этотъ поступокъ иначе, какъ недостойнымъ побужденіемъ. Но это не идетъ въ дѣлу. Я знаю только одно, что не хочу, чтобъ она вела жизнь общественной паріи, благодаря тому, что вы отняли у ней все, на что она имѣла самое законное право. Кромѣ этого, я требую, чтобы вы дали мнѣ рѣшительный отвѣтъ, прежде чѣмъ выйдете изъ этой комнаты.

— Вы удержите меня силою? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Если вы уйдете не давъ отвѣта, отвѣчала она, очень хладнокровно: — то я приму это за отказъ — и начну дѣйствовать, какъ вамъ говорила.

Кэрвудъ на минуту задумался. Онъ хорошо зналъ женщину, съ которой имѣлъ дѣло; зналъ, что она имѣетъ довольно силы и твердости сдѣлать то, чѣмъ угрожаетъ, а быть можетъ, и еще гораздо больше. Къ тому же его дѣла приходили къ критическому кризису, и слѣдовательно ему надо было не терять ни минуты, и не создавать себѣ новыхъ затрудненій.

— Выслушайте меня, Мэри, сказалъ онъ, наконецъ: — вы совершенно ошибаетесь въ своихъ подозрѣніяхъ, но я объ этомъ не хочу говорить. Сумма притомъ уже не богъ-вѣсть какая, и повѣрьте, я желаю добра вашей дочери, но я помѣстилъ всѣ свои деньги въ спекуляціи, и не могу ихъ сразу вынуть изъ оборота.

— Спекуляціи-то на игорномъ столѣ вѣрно?

— Вздоръ, настоящія торговны спекуляціи.

— Ну, такъ что же вы предлагаете?

— Я вамъ дамъ вексель на эту сумму, то-есть двѣнадцать тысячъ долеровъ, съ обязательствомъ уплатить черезъ три мѣсяца.

— А какая у меня будетъ гарантія, что вы дѣйствительно заплатите?

— Вы тогда будете имѣть тѣ же средства, что и теперь, заставить меня. Къ тому же, вѣдь мое состояніе гораздо болѣе, и вы можете истребовать съ меня деньги законнымъ порядкомъ.

Теперь пришла очередь Мэри Грэмбрукъ задуматься.

Она видѣла, что въ этой борьбѣ съ Кэрвудомъ преимущество на ея сторонѣ, и потому не хотѣла выпустить его изъ рукъ, не извлеки изъ него наибольшей для себя пользы. Съ другой стороны Кэрвудъ былъ опасный, отчаянный человѣкъ, готовый въ чужу на все.

— Хорошо, я согласна взять вексель, сказала она, наконецъ: — только, чтобъ онъ былъ вполне законный, и находился въ моихъ рукахъ завтра къ двѣнадцати часамъ.

— По рукамъ.

— Только смотрите, никакихъ увертокъ. Я знаю всё ваши старны продѣлки, Джемсъ.

— Нѣтъ, честное слово.

И дѣйствительно, Кэрвудъ на этотъ разъ былъ чистосердеченъ. Скандаль въ настоящую минуту могъ разорить весь его планъ. Ему ничего не стоило дать вексель, а черезъ три мѣсяца онъ, по всей вѣроятности, будетъ уже далеко. Поэтому онъ легко согласился на предложенное перемиріе съ своимъ врагомъ, и на другой день вексель былъ врученъ Мэри Грэвбрукъ, какъ она требовала, къ двѣнадцати часамъ. Она не упустила изъ вида возможность бѣгства Кэрвуда, для избѣжанія уплаты; но она имѣла хорошія причины полагать, что онъ игралъ въ болѣе крупную игру, которую добровольно онъ никогда не оставилъ бы. Кромѣ того, она много полагалась еще на добавочную гарантію, которую обѣщала ей система зоркаго, неотступнаго наблюденія за каждымъ его шагомъ. Она была увѣрена, что онъ не могъ никакимъ образомъ ускользнуть отъ нея незамѣтно. И потому первый признакъ, доказывавшій, что онъ собирается бѣжать, послужилъ бы сигналомъ грянуть на него тому удару, который она изъ довольно сомнительной осторожности согласилась отложить на время.

XXVII.

Было первое мая, но не свѣтлое, теплое, улыбающееся, какимъ мы его себѣ всегда представляемъ, а бурное, холодное, мрачное. Однако люди, живущіе вблизи моря или большой рѣки, умѣютъ находить прелесть въ каждомъ измѣненіи температуры, и потому не отъ рева вѣтра, гудѣвшаго въ изворотахъ и закоулкахъ стариннаго зданія, не отъ холода и мрака было грустно и тяжело на сердцѣ Стивена Дангерфильда.

Онъ прибылъ въ Пріютъ наканунѣ, и конечно, даже сыновній долгъ не могъ удержать его, чтобъ прежде всего не полетѣть въ Упландсъ. Намъ нечего описывать счастливое свиданіе двухъ любящихъ сердець. Мало думали они въ эти блаженные минуты о деньгахъ или о какихъ другихъ преградахъ къ достиженію счастья. И въ доброй улыбкѣ Вернона также не было ничего подозрительнаго; старикъ хотя и считалъ необходимымъ въ нашемъ практическомъ свѣтѣ обращать вниманіе на документы и деньги, но вполне былъ согласенъ съ тѣмъ, что мужъ красавицы долженъ быть «красавецъ, а не золота мѣшокъ». И такъ Стивенъ, веселый, счастливый воротился въ Пріютъ. Кэрвуда тамъ не было, и потому онъ надѣялся на свободѣ, безъ всякаго посторонняго надзо-

ра объясниться съ отцомъ. Однако, въ этотъ вечеръ ему не удалось его увидѣть: старикъ нехорошо себя чувствовалъ и ушелъ уже спать. Поэтому они увидѣлись только на другое утро; Стивенъ тотчасъ замѣтилъ, что отецъ, несмотря на свое теплое, дружеское обхожденіе, былъ видимо смущенъ. Впервые теперь блеснула въ головѣ молодого человѣка мысль, что страшная тайна, тяготившая такъ долго отца, не оставляла ли какой преграды къ его женитьбѣ на Грэсъ. Во все время завтрака, старикъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на этотъ бракъ и только попросилъ сына прійти къ нему вечеромъ въ бібліотеку. Днемъ Стивенъ снова отправился въ Упландсъ, и снова влюбленные лепетали другъ другу слова любви, но въ чашѣ блаженства была уже для Стивена капля яда: онъ страшился, чтобъ какой-нибудь грозный ударъ не разрушилъ ихъ счастья.

Наступилъ вечеръ; отецъ и сынъ сидѣли другъ противъ друга въ старинной бібліотекѣ, тускло освѣщенной двумя восковыми свѣчами. Они пристально смотрѣли другъ на друга, какъ всегда дѣлаютъ близкіе люди, послѣ долгой разлуки. Старикъ очень опустился въ послѣднее время; цвѣтъ лица его изъ блѣднаго сдѣлался сѣрымъ, пепельнымъ, нѣсколько сѣдыхъ волосъ едва прикрывали его плѣшивую голову, а глаза еще болѣе ввалились. Что же касается до Стивена, то путешествіе сдѣлало ему много добра, такъ по крайней-мѣрѣ показалось отцу его и Грэсъ.

Погода продолжала бушевать, вѣтеръ ревѣлъ между деревьями, окружавшими домъ, и мрачныя, черныя тучи, застилали небо.

— Ты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе мужаешь, Стивенъ, сказалъ слабымъ голосомъ Мартинъ Дангерфильдъ: — ты гораздо болѣе походишь на своего дѣда, чѣмъ на меня. Мнѣ не удастся дожить до его лѣтъ, сынъ мой; впрочемъ, я и не вель такой жизни, которая увѣнчивается счастливой старостью. Я недостоинъ ея.

— Пустяки, батюшка, возразилъ Стивенъ, стараясь его успокоить: — вы гораздо бодрѣ многихъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ; вамъ только слѣдуетъ побольше выходить на воздухъ, вы слишкомъ много сидите въ заперти.

— Тутъ есть доля правды, но это еще не все. Твой дѣдъ семидесяти лѣтъ ѣздилъ верхомъ, но за то

Не разжигалъ онъ въ юности
Замъ земли своей крови.

— Ты видишь, я еще могу цитировать Шекспира. Но вѣдь для того, чтобъ жить долго и счастливо, мало быть на воздухѣ и вести умѣренную жизнь. Для этого необходима, Стивенъ, чистая совѣсть. Твой дѣдъ имѣлъ ее, а отецъ не имѣетъ.

— Кто посмѣетъ это сказать? Кромѣ васъ, никто въ свѣтѣ. Кто можетъ сказать дурное слово о Дангерфильдѣ?

— Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на восклицаніе сына:— еще десять, и я дожилъ бы до лѣтъ твоего дѣда, но я никогда ихъ не достигну. Если мнѣ когда-нибудь ласкать своихъ внуковъ, то тебѣ надо поторопиться.

Стивенъ съ безпокойствомъ повернулся на стулѣ.

— Имя Дангерфильдовъ не должно умереть, Стивенъ; я не желалъ бы спокойно въ могилѣ, Стивенъ, еслибъ не былъ въ этомъ увѣренъ. Общай мнѣ, сынъ мой, общай, что нашъ родъ не вымретъ.

— На сколько это отъ меня зависитъ, то я сдѣлаю все, что могу, съ улыбкой произнесъ Стивенъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что ты, пожалуй, не захочешь.

— Я знаю только одинъ путь исполнить ваше желаніе, и, кажется, уже выразилъ всю свою готовность вступить на него.

— Я боюсь, что ты не вступишь на него. Мы всѣ, Дангерфильды, такіе упрямые.

— Вы вѣроятно не забыли моего письма и зачѣмъ вы меня потребовали? воскликнулъ Стивенъ въ изумленіи, начиная подзрѣвать, не рехнулся ли старикъ.

— Я все помню, Стивенъ, все. Дорого бы я далъ, чтобъ у меня отнялась память, но это вѣрно часть наказанія.

Съ этими словами онъ сталъ гладить по головѣ сына, какъ маленькаго ребенка.

— Я помню, продолжалъ онъ:— какъ твоя мать, умирая, умоляла меня сдѣлать твою жизнь счастливою; я общалъ ей. И теперь... о, сынъ мой... Стивенъ... дитя мое... бѣдное дитя мое.

И старикъ залился слезами. Слезы старика пѣютъ въ себѣ нѣчто торжественное, роковое, и Стивенъ смотрѣлъ на отца съ какимъ-то страшнымъ трепетомъ.

— Батюшка! Батюшка! Что это! воскликнулъ онъ:— скажите мнѣ, своему единственному сыну, что васъ такъ убиваетъ!

— Ты не повѣришь, что я все же любилъ тебя и желалъ тебѣ счастья, промолвилъ старикъ, всхлипывая.

— Умоляю васъ, успокойтесь! Можетъ быть, васъ разстроиваетъ говорить... такъ отложимъ...

— Нѣтъ, лучше я сразу скажу и сдѣлаю то, чего нельзя избѣгнуть.

Онъ остановился, словно чтобъ собраться съ силами, и потомъ продолжалъ монотонно, точно повторяя затверженный урокъ:— я тебѣ написалъ чтобы ты пріѣзжалъ, ибо нельзя было написать

то, что я долженъ тебѣ сказать. Ты бы не помялъ, перетолковалъ бы по своему.

— Продолжайте, батюшка, я слушаю.

— Вонервыхъ, сважи мнѣ, ты очень любишь мисъ Вернонъ?

— Богѣ своей жизни.

Старикъ задрогнулъ и застоналъ. Черезъ секунду онъ поспѣшно продолжалъ, стараясь скрыть свои страданія:

— Люди твоихъ лѣтъ часто влюбляются. Ты вѣдь не ребенокъ и хорошенькое личико не можетъ тебѣ свести съ ума. Конечно, найдется другая женщина, которую ты еще сильнѣе или по крайней-мѣрѣ такъ же сильно полюбишь?

— Никогда.

— Не говори такъ положительно, Стивенъ. Часто случаются вещи, которыхъ мы не можемъ предвидѣть и судьба наша не отъ насъ зависитъ.

— Батюшка, ради-бога, что вы хотите этимъ сказать?

— То, что... рано или поздно, но надо тебѣ сказать — что эта свадьба невозможна.

— Чтѣ?

— Твоя свадьба съ... мисъ... Вернонъ невозможна.

— Отчего?

— Ты не можешь на ней жениться.

— Не могу жениться?

— Никогда.

Стивенъ помолчалъ съ минуту, словно чтобъ вполне сознать настоящій смыслъ словъ отца, и потомъ воскликнулъ:

— Скажите, отчего я не могу жениться на мисъ Вернонъ?

— Сказать этого я не могу.

— Не могу, или не хочу?

— И то и другое. Впрочемъ, и одного было бы достаточно.

— Это опять работка подлеца Кэргвуда?

— Онъ ничего не знаетъ, по крайней-мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно, и не въ его власти измѣнить это дѣло, эту необходимость.

— Необходимость нарушить—мое слово?

— Да.

Наступило молчаніе. Стивенъ всталъ, и подойдя къ отцу, сказалъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ:

— Вы говорите, сэръ, что вашъ родъ отличается упрямствомъ, но вѣдь и я—Дангерфильдъ. Вы отказываетесь подкрѣпить уважительными причинами безумное запрещеніе, которое отравитъ всю мою жизнь, и еще жизнь той, которая мнѣ дороже своей. Хорошо — такъ знайте, что я васъ не слушаюсь.

— Ты не смѣешь.

— Отчего?

Старикъ тихо всталъ, и пошелъ медленными, нерѣшительными шагами въ старинной дубовой конторгѣ. Вынувъ изъ кармана ключъ, онъ отперъ ее и изъ потаеннаго ящика досталъ небольшой пакетъ.

— Я скажу тебѣ отчего, но прежде прочти это, произнесъ онъ, подавая сыну пакетъ.

Молодой человѣкъ, почти механически, прочелъ надпись на пакетѣ:

«Открыть моему сыну послѣ моей смерти.»

«Мартинъ Дангерфильдъ».

— Я надѣялся, продолжалъ старикъ едва слышнымъ голосомъ: — что никогда не буду принужденъ говорить тебѣ о содержаніи этого пакета. Сульбѣ, или лучше провидѣнію, было угодно иначе. Я не намѣренъ теперь открывать тебѣ тайну, которую ты во всякомъ случаѣ скорѣ узнаешь; но я показываю тебѣ этотъ пакетъ, чтобъ ты скорѣ мнѣ повѣрилъ. Стивенъ Дангерфильдъ, клянусь честью, памятью твоей матери и Богомъ, которому скорѣ отдамъ отчетъ въ своей жизни — что еслибъ ты зналъ то, что заключается въ этомъ конвертѣ, то самъ бы призналъ всю невозможность этого брака! Вѣришь ты мнѣ теперь?

— Отчего же вы не хотите открыть мнѣ эту тайну, чтобы я самъ могъ судить?

— Дитя мое! воскликнулъ старикъ: — неужели ты хотѣлъ бы отравить послѣдніе дни моей жизни? Неужели ты не вѣришь моему слову—слову Дангерфильда?

— Мы судимъ различно, сэръ, объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ. То, что вамъ кажется неприступной преградой, можетъ по моему быть бездѣлицей.

— Увы! еслибъ была хоть малѣйшая возможность сомнѣвія, то я оставилъ бы тебя въ этой сладкой надеждѣ. Но въ подобномъ дѣлѣ не можетъ быть различныхъ мнѣній, никто не можетъ воротить *прошедшаго*.

— Но его можно заглядить, поспѣшно воскликнулъ Стивенъ: — зачѣмъ тѣни прошедшаго проступка или, быть можетъ, ошибки отравлять настоящее?

— Ребѣнокъ, грустно произнесъ старикъ: — ты не знаешь, что есть кое-что, чего нельзя заглядить, нельзя забыть, и послѣдствій котораго нельзя избѣгнуть — ибо искупленіе невозможно.

— Нѣтъ такого дѣла на свѣтѣ, возразилъ Стивенъ: — это только бредни древнихъ. Раскаяніе искупляетъ всякое преступленіе.

— Дай-божь, отвѣчалъ старикъ:—но это уже касается только человѣка и его Творца. А я говорилъ о земныхъ законахъ и обычаяхъ.

— Еще одно слово, сказалъ Стивенъ, видя, что отецъ соби-рался снова спрятать пакетъ:—Кэрвудъ знаетъ тайну, скрытую въ этомъ пакетѣ?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Стивенъ, но повто-рю тебѣ — его знаніе, или незнаніе этой тайны не можетъ имѣть никакого вліянія на ея послѣдствія для тебя и твоихъ.

Съ этими словами онъ заперъ конторку, и воротился къ сво-ему кресла.

— Выслушай меня, сынъ мой, я знаю твой характеръ; знаю, что ты можешь рѣшиться идти противъ моей воли, считая эту преграду маловажною. Но къ чему это приведетъ? Въ самую по-слѣдную минуту, я буду принужденъ открыто вступиться, и ты все же откажешься отъ этого брака, только наше древнее, бла-городное имя покроется безчестьемъ и позоромъ.

— Вы, кажется, забываете, что съ моей стороны будетъ без-честно нарушить свое слово безъ уважительной причины, а только такъ изъ капризу.

— Я это нимало не забылъ, но изъ двухъ золъ это мень-шее, или лучше одно возможное, а другое — положительно не-мыслимо. Помни, что еслибъ ты съ самаго начала открылся мнѣ въ своихъ намѣреніяхъ, то я бы предупредилъ тебя не давать своего слова.

— Я подумаю, произнесъ Стивенъ, чувствуя, словно все это происходило во снѣ, и ему надо было освѣжиться на чистомъ воздухѣ.

— Да, подумай, и помни, что я не требую никакихъ обѣща-ній, не даю никакихъ приказаній. Я только говорю тебѣ исти-ну, и прошу тебя вѣрить моему честному слову. Одному Богу извѣстно, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ все это сложилось иначе; съ какой радостью я благословилъ бы тебя жениться на той, которую избрало твое сердце. Единственное желаніе, еще остав-шееся въ моемъ сердцѣ, это — видѣть у моихъ ногъ маленькаго Дангерфильда. Подумай, какъ тяжело мнѣ идти противъ твоего желанія!

— Но вы, можетъ быть, заблуждаетесь, промолвилъ Стивенъ.

— Нѣтъ, не надѣйся на это. Жестоко было бы, съ моей сто-

роны, позволить тебѣ надѣяться. Еслибъ я умеръ, не предупредивъ тебя, ты провлялъ бы за это мою память.

Онъ остановился, и позвонилъ слугу.

— Я не могу болѣе говорить, прибавилъ онъ:—я слабъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опускаюсь. Тебѣ недолго ждать. Бѣдный, бѣдный Стивенъ! Тяжело... я знаю, какъ тебѣ тяжело, но ты молодецъ и... у тебя чистая совѣсть. Прощай... Христось съ тобою.

Подойдя къ сыну, онъ поцаловалъ его въ лобъ, но Стивенъ не отвѣчалъ на этотъ поцалуй, и долго послѣ того, что старикъ вышелъ изъ комнаты и слуга погасилъ свѣчи, онъ сидѣлъ недвижимо на томъ же мѣстѣ, погруженный въ мрачное отчаяніе.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВАМБЕРИ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ

Статья первая.

REISE IN MITTELASIEN von Teheran durch die Turkmanische Wüste an der Ostküste des Kaspischen Meeres nach Chiwa, Bochara und Samarkand im Jahre 1863 ausgeführt von Hermann Vámbéry. — Deutsche Originalausgabe. Leipzig. Brockhaus. 1865.

— — —
Отъ Тегерана чрезъ Турманию до Хивы.

Венгерець Вамбери, уроженецъ пресбургскаго комитата, занимающійся сравнительною филологіею, посланъ былъ венгерскою академіею наукъ въ Пештъ въ Среднюю Азію для изслѣдованій сродства венгерскаго языка съ финскими и татарскими. Онъ отправился въ Константинополь, гдѣ пробывъ нѣсколько лѣтъ среди турокъ и часто посѣщая мусульманскія школы и библіотеки, вскорѣ сдѣлался не только истиннымъ туркомъ, но и получилъ даже титулъ эфенди^{*}, подъ видомъ котораго и рѣшился пуститься далѣе на Востокъ въ страны, въ которыхъ *слушать* считается—безстыдствомъ, *спрашивать*—преступленіемъ, а что либо *записывать*—смертнымъ грѣхомъ. Но, несмотря на это, Вамбери, одѣтый въ жалкія лохмотья, лишенный необходимыхъ средствъ пропитанія и въ постоянной опасности подвергнуться мучительной смерти, помимо всѣхъ своихъ филологическихъ изысканій, сдѣлалъ въ высшей степени любопытное описаніе этихъ малоизвѣстныхъ странствъ Средней Азіи, составленное имъ въ концѣ 1864 года, подъ влияніемъ еще свѣжести впечатлѣній всего видѣннаго и слышаннаго, съ которымъ мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей, въ ожиданіи появленія болѣе подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія тѣхъ же самыхъ странъ, обѣщаннаго Вамбери въ предисловіи своемъ къ вышеназванному нами сочиненію.

* Эфенди—почетный турецкій титулъ, даваемый государственнымъ и гражданскимъ сановникамъ, а также лицамъ, пользующимся милостію султана.

Изъ Константинополя Вамбери отправился чрезъ Таврисъ въ Тегеранъ. Медленно подвигаясь на тяжело-навьюченномъ ослѣ, посреди пустынной равнины, подъ палашими лучами солнца, онъ горько разочаровался въ вѣрности увлекательныхъ описаній Персіи, сдѣланныхъ Саади и Гафизомъ, а также Викторомъ Гюго (въ *Orientales*) и Томасомъ Муромъ. Попытка обратить дневное путешествіе въ ночное оказалась неудобною въ томъ отношеніи, что прожладная ночь сильно располагаетъ ко сну, къ чему весьма много способствуетъ также медленное движеніе осла, такъ что необходимо очень бѣшко держаться или привязать себя, въ избѣжаніе опасности, упавъ съ сѣдла, разбить себѣ голову объ острѣе камни, покрывающіе дорогу. Привычный къ подобной ѣздѣ, сынъ Востока спитъ совершенно покойно на какомъ бы то ни было животномъ, положивъ ему на шею свою голову, а длинными ногами своими едва не касаясь земли. Наконецъ, послѣ страшной толкотни у городскихъ воротъ, среди всякаго рода вычухныхъ животныхъ и оглушительныхъ криковъ «хабердаръ» (берегись), при явной опасности быть ежеминутно раздавленнымъ, въѣхалъ Вамбери въ столицу Персіи и достигъ мѣста жительства турецкаго посольства, гдѣ, въ силу разнаго рода рекомендательныхъ писемъ, и былъ принятъ весьма ласково и радушно. Отдохнувъ дней десятокъ, онъ намѣревался отправиться далѣе, но этому воспрепятствовала возгорѣвшаяся въ то время въ Гератѣ война между Дост-Могометомъ и султаномъ Ахмет-Ханомъ, которая, прекращая на Востокѣ рѣшительно всякія средства сообщенія, удерживала даже персовъ пуститься въ дорогу, а тѣмъ болѣе европейца, черты лица котораго ясно отличаясь отъ прочихъ среди всей этой дикой азіатской природы, рѣзко бросаются въ глаза даже въ мирное время, и неизбежно должны возбуждать въ недовѣрчивыхъ мусульманахъ подозрѣніе къ нему во время войны; принявъ его за шпіона, афганы немедленно бы его казнили. Поэтому Вамбери принужденъ былъ пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ Персіи, впродолженіе которыхъ посѣтилъ онъ Испагань и Ширасъ, осмотрѣлъ древніе памятники иранской культуры, и только въ январѣ 1863 года сталъ снова собираться въ дальнее свое путешествіе. Турецкое посольство въ Тегеранѣ имѣетъ обыкновеніе раздавать незначительныя пособія всѣмъ *хаджи* и *дервишамъ**, проходящимъ ежегодно въ немаломъ числѣ изъ Бухары, Хивы и Хоканда чрезъ Персію въ Тур-

* Дервиши (или поарабски *факиръ*) составляютъ въ мусульманскихъ странахъ особый, довольно многочисленный классъ людей, во многомъ весьма схожихъ съ духовными орденами, и притомъ нищенствующими, земель христіанскихъ; названіе же *хаджи*, то-есть странникъ, придается мусульманамъ, совершающимъ путешествіе ко гробу Магомета въ Мекку.

цію; это пособіе составляетъ въ Персіи истинное благодѣяніе для этихъ суннитскихъ нищихъ, которымъ персы, шейты, не оказываютъ ни малѣйшей помощи. Встрѣчаясь ежедневно съ этими странниками въ домѣ турецкаго посольства, гдѣ онъ и жилъ, Вамбери разспрашивалъ ихъ обо всемъ, относящемся до ихъ родины, весьма охотно и долго бесѣдовалъ и разсуждалъ съ ними, такъ что вскорѣ во всѣхъ караван-сараяхъ, посѣщаемыхъ дервишами, распространилась молва, что Хайдар-Эфенди (турецкій посолъ въ Персію) имѣетъ доброе сердце, а Решид-Эфенди (подъ этимъ именемъ жилъ Вамбери въ Персію) обращается съ дервишами какъ съ братьями и, весьма вѣроятно, принадлежитъ тайно самъ также къ числу дервишей.

Поэтому неудивительно, что вскорѣ дервиши стали являться сперва въ Вамбери, а потомъ уже посланнику. Такъ 20-го марта являются къ нему четыре дервиша съ просьбою представить ихъ турецкому посланнику, которому они хотѣли жаловаться на персовъ, взявшихъ съ нихъ неправильно при Гамаданѣ сунитскую подать, отрицательную уже какъ султаномъ, такъ и шахомъ, и просить его содѣйствія къ тому, чтобы суниты могли впредь безпрепятственно посѣщать святныя мѣста. Вамбери при этомъ очень долго разговаривалъ съ ними о предстоящемъ возвратномъ пути ихъ на родину; дервиши ему очень понравились, и онъ рѣшился спросить ихъ, не возьмутъ ли они его съ собою. Какъ мѣстные жители, дервиши могли служить Вамбери лучшими и полезнѣйшими руководителями въ путешествіи; къ тому же не только въ народѣ считаютъ его за настоящаго дервиша, но и смотрятъ какъ на такового также при турецкомъ посольствѣ. Но какъ выразить имъ такое желаніе, какой выставить предлогъ для новаго путешествія? Житель Востока не только самъ не ощущаетъ жажды знанія, но и сомнѣвается въ ея существованіи въ другихъ; поэтому излишне было бы говорить имъ о какихъ либо научныхъ цѣляхъ путешествія. Дервиши не только нашли бы въ высшей степени смѣшнымъ, что такая отвлеченная цѣль можетъ воодушевить эфенди къ перенесенію всѣхъ трудностей и опасностей путешествія, но сочли бы это все подозрительнымъ. Вамбери прибѣгнулъ къ обману, сказавъ имъ, что давно уже горитъ скрытымъ, пламеннымъ желаніемъ увидѣть Туркестанъ, эту единственную до сего времени, непорочную колыбель мусульманской добродѣтели, и посѣтить всѣхъ святыхъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ. Это желаніе привлекло его изъ Турціи (Румъ поперсидски) въ Персію, гдѣ онъ уже съ годъ выжидаетъ благоприятнаго случая къ осуществленію своей задушевной мысли, и благодаритъ Всемогущаго, что онъ послалъ наконецъ ему спутниковъ, съ которыми онъ вполне увѣренъ

достичь цѣли своей жизни, какъ скоро они согласится взять его съ собою.

«Мы не только готовы быть твоимъ путникомъ, но даже и сами покорными слугами—отвѣчалъ одинъ изъ дервишей, по имени Хаджи Вилазъ (хаджи изъ китайской Тартаріи) въ неизмѣрно высокомъ бѣломъ турбанѣ, съ живыми, огненными глазами и въ новой зеленой наиздгѣ (тжубѣ), прикрывавшей старыя его лохмотья; но знаешь ли ты, что пути сообщенія въ Туркестанѣ далеко не представляютъ той безопасности и тѣхъ удобствъ, какія встрѣчаемъ мы въ Персіи или Турціи. Мы по цѣлымъ недѣлямъ не видимъ на пути своемъ не только что хлѣба или жижица, но даже и капли воды, и постоянно находимся въ страхѣ быть убитыми или взятыми въ плѣнъ и проданными, или же погибнуть въ одной изъ степныхъ кятелей, которыя засыпаютъ нескотъ цѣлые караваны. Подумай хорошенько обо всемъ этомъ, эфенди, ты можешь раскаяться современемъ, когда будетъ уже поздно, въ своей отвагѣ; мы же не желаемъ быть виновниками твоего несчастья. Не забудь еще и того, что наши соотечественники далеко отстали отъ насъ въ опытности и знаніи свѣта, и не взвѣвая на свое гостепримство, смотрятъ на каждаго иностранца весьма подозрительно. Да и къ тому же, какъ же ты вернешься обратно на свою родину одинъ, безъ насъ?»

«Эти слова произвели на меня сильное впечатлѣніе, но не колебали моей рѣшимости, говоритъ Вамбери.—Я устранилъ безпокойства моихъ спутниковъ, рассказавъ имъ о сдѣланныхъ уже мною путешествіяхъ и о моемъ отвращеніи къ неудобствамъ брениной мірской жизни и особенно къ европейскому платью, которое ношу только по обязанности (ex officio). Я знаю хорошо странническій характеръ здѣшной земной жизни, въ которой мы оставаемся лишь на самое короткое время, чтобы немедленно уступить мѣсто другимъ, и смѣюсь надъ современными мусульманами, которые не только думаютъ о завтрашнемъ днѣ, но и за десятковъ лѣтъ впередъ. Возьмите меня съ собою, друзья мои; я хочу рѣшительно бѣжать изъ здѣшняго вертепа заблужденій, которыя меня совершенно уже утомили.

«Дервиши не возражали болѣе, приняли меня въ число своихъ спутниковъ, и мы не только дружно обнялись, но и поцаловались, что, конечно, показывало уже немалую съ моей стороны отвагу придти въ такое близкое соприкосновеніе съ ихъ тѣломъ и одеждою, издававшими всевозможный отвратительный запахъ.

«Немалое сопротивленіе предстояло мнѣ преодолѣть со стороны моего друга, турецкаго посла Хайдар-Эфенди. Называя меня сумасшедшимъ, онъ представлялъ мнѣ всѣ опасности предприни-

нашего путешествія, и указывалъ печальный исходъ большей части моихъ предшественниковъ; но видя мою непреклонность, поручилъ меня особенному покровительству дервишей, сказавъ, что они отвѣтять за малѣйшее со мною несчастье, и взявъ съ нихъ клятву въ преданности и вѣрности мнѣ, что, какъ увидитъ читатель, они и сдержали въ самомъ строгомъ смыслѣ—далъ каждому изъ моихъ спутниковъ, числомъ 25, по 12 дукатовъ, что было вполнѣ щедримъ подаркомъ для людей, которые не требовали другого комфорта въ мирѣ, какъ кусокъ хлѣба и немного воды.

Черезъ восемь дней мы должны были отправиться. Я просилъ Хаджи Вилала по возможности подробнѣе посовѣтовать мнѣ, что долженъ я сдѣлать, чтобы какъ можно болѣе походить на моихъ спутниковъ и ничѣмъ отъ нихъ не отличаться, во избѣжаніе даже всякаго малѣйшаго къ себѣ подозрѣнія. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обрѣчь голову, покинуть турецко-европейскій костюмъ, и нарядившись въ бухарскій костюмъ, по возможности не брать съ собою никакого бѣлья, платья и тому подобныхъ предметовъ роскоши. Послѣдовавъ вполнѣ его совѣту, я не былъ обремененъ багажемъ и былъ готовъ пуститься въ отдаленное странствованіе гораздо ранѣе назначеннаго къ тому срока.

Чтобы поговорить о планѣ нашего путешествія, я посѣтилъ моихъ спутниковъ, занимавшихъ въ караван-сараѣ двѣ крошечныя комнаты, переполненныя грязью, вонью и признаками бѣдности, жалкими рубищами и лохмотьями. Принявъ меня ласково, они подвергли меня истинной пыткѣ, заставивъ выпить огромную чашу зеленоватаго чая, безъ сахара, и были столь любезны, что едва не заставили выпить еще и другую. Послѣ различныхъ лобзаній, сѣли мы въ кружокъ и приступили къ дѣлу. Передъ нами были четыре пути въ Туркестанъ, а именно: 1) чрезъ Астрахань, Оренбургъ и Бухару; 2) чрезъ Мешедъ, Гератъ и Бухару; 3) чрезъ Мешедъ, Мервъ и Бухару; 4) чрезъ туркменскую степь, Хиву и Бухару. Первые два были очень дороги и къ тому же крайне небезопасны по случаю войны въ Гератѣ; остальные два были также опасны, ибо вели чрезъ ту же степь, обитаемую въ разныхъ ея частяхъ тѣми же туркменцами, но только различныхъ племенъ. Путь чрезъ Мешедъ и Мервъ былъ короче, но шелъ чрезъ земли текковъ, самого свирѣпаго и хищнаго туркменскаго племени, которые никого не щадятъ и готовы продать въ рабство самого великаго пророка, еслибы онъ только попался имъ въ руки.

На другомъ пути встрѣчались іому-туркмены, гостепріимный и честный народъ, но также и степь, въ сорокъ переходовъ, безъ малѣйшаго источника прѣсной воды. По мнѣнію спутниковъ, избравъ былъ сей послѣдній путь, або лучше бороться съ злобою

стихій, чѣмъ со злобою людей; къ тому же Богъ милостивъ и не покинетъ вѣрныхъ его сыновъ. Послѣ такого рѣшенія, Хаджи Билалъ прочелъ молитву, продолженіе которой мы всѣ стояли держа руки къверху; по окончаніи же оной, взявшись за бороду, произнесли всѣ слово «аминъ» и положили на другой день рано утромъ выступить въ походъ. «Я пошелъ домой — говорить Вамбери — и дѣлне два дня эти провелъ въ сильной внутренней борьбѣ. Я еще разъ окинулъ взоромъ всѣ опасности, предстоящія и угрожающія мнѣ въ путешествіи, а также и всѣ плоды онаго. Я хотѣлъ найти причины и доводы, которые могли бы оправдать таковой рѣшительный съ моей стороны шагъ, но подобно пьяному я былъ не въ состояніи мыслить. Тщетно старались обратить мое вниманіе на скрытую хитрость и коварство моихъ спутниковъ, напрасно думали устрашить меня несчастною участію Конолли, Стюарта и Муркрофта и весьма даже недавнимъ бѣдствіемъ Бловидля, который, попавъ въ руки туркменовъ, былъ выкупленъ изъ этого рабства за 10,000 дукатовъ—все это казалось мнѣ дѣломъ случая и не могло меня устрашить. Я безпокоился только объ одномъ, именно о томъ, хватить ли у меня достаточно физическихъ силъ, чтобы выдержать всѣ тягости новаго климата и вообще полной перемѣны образа жизни, при чуждой мнѣ пищѣ, при постоянномъ пребываніи на открытомъ воздухѣ и сырой землѣ, при худой и недостаточной одеждѣ, и буду ли я въ состояніи постоянно и много ходить съ моею хромою ногою. Это послѣднее обстоятельство собственно и составляло то, что единственно можно назвать въ моемъ путешествіи смѣлымъ рискомъ.»

Издлишне говорить, кто остался побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Простившись со всѣми пріятелями, Вамбери повѣрилъ тайну своего путешествія только двоимъ — кому — Вамбери не говоритъ, и въ то время какъ всѣ думали, что онъ направился въ Мешедъ, онъ пробирается чрезъ Астерабадъ къ Каспійскому морю.

28-го марта рано утромъ всѣ были на сборномъ пунктѣ. Болѣе достаточные, нанавъ мула или осла до персидской границы, устраивали себѣ нѣчто въ родѣ сѣдла; другіе, нуждою обреченные идти пѣшкомъ, надѣвали *чаруки* (очень удобная обувь для пѣшехода) и нетерпѣливо размахивали палками изъ священнаго дерева финиковой пальмы. При этомъ я замѣтилъ, что тѣ несчастныя лохмотья, въ которыхъ я видѣлъ своихъ спутниковъ въ Тегеранѣ, составляли ихъ праздничный, парадный костюмъ; теперь же они всѣ были въ дорожномъ, состоявшемъ изъ еще болѣе жалкихъ лохмотьевъ, повязанныхъ у пояса веревкою. Мой костюмъ, казавшійся мнѣ вчера вполне нищенскимъ, представился мнѣ истинно роскошнымъ теперь сравнительно съ одѣяніемъ

спутниковъ, которые быстрыми шагами подвигались впередъ на сѣверо-востокъ отъ Тегерана по направленію къ мѣстечку Сарн. Черезъ часъ ходьбы мы были у подошвы горнаго ущелья, съ которой можно въ послѣдній разъ еще видѣть равнину Тегерана. Я не могъ не обернуться, и долженъ признаться, что городъ, сдѣлавшій на меня такое непріятное впечатлѣніе при въздѣ, казался мнѣ теперь очаровательнымъ. Окунувъ взоромъ мѣстность, покрытую самую роскошною растительностію и освѣщенную лучами восходящаго солнца, я простился съ послѣдними слѣдами нашей европейской цивилизаціи, еще разъ вредъ тѣмъ, какъ направился на встрѣчу крайнему варварству и невѣжеству. Я былъ сильно растроганъ, но чтобы по возможности скрыть мое волненіе отъ пытливыхъ взоровъ моихъ спутниковъ, я прищипнулъ осла и быстро двинулся въ ущелье, при входѣ въ которое были уже для меня написаны страшныя слова Данте: «*Lo-sciate ogni speranza*». Спутники мои, уроженцы различныхъ странъ внутренней Азіи, подобно всѣмъ пилигримамъ, произносили изрѣченія изъ корана, пѣли гимны (телькины) и извиняли мое въ этомъ безучастіе тѣмъ только, что по ихъ свѣдѣніямъ османы (руми) не такъ строго религіозно воспитаны, какъ обитатели Туркестана, и выражали надежду, что болѣе продолжительное пребываніе въ ихъ обществѣ воодушевитъ къ тому же и меня. Они довольно быстро поднимались по склонамъ отроговъ Эльбрусскаго хребта, проводя время почти въ непрерывныхъ разсказахъ о различнаго рода приключеніяхъ, бывшихъ съ ними въ теченіе продолжительныхъ странствованій ихъ, или въ пѣніи пѣсенъ, нѣсколько сходныхъ по напѣву съ венгерскими. Даи-богъ только выбраться намъ поскорѣе изъ земли шивтскихъ язычниковъ, а тамъ уже, говорили они, какъ-бы утѣшая меня, у сунтскихъ туркменовъ, нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ, мы уже очень порядочно устроимся; и при этомъ сейчасъ же рисовали мнѣ предстоящія картины средне-азиатской жизни. Дни стояли жаркіе, но по утрамъ было такъ холодно, особенно въ горахъ, что я не могъ въ моемъ крайне-легкомъ костюмѣ сидѣть на ослѣ и слѣзалъ, чтобы согрѣться движеніемъ, уступалъ его обыкновенно Билалу, съ которымъ очень сошелся, получая отъ него за это его палку. Идя пѣшкомъ, я нерѣдко подтягивалъ во все горло припѣвъ: Алла! я Алла! что необычайно радовало моихъ спутниковъ, которые говорили: Хаджи Решидъ—настоящій дервишъ; изъ него можно все сдѣлать.

Послѣ четырехъ дней достигли мы города Фируску, лежащаго у подошвы горы, на вершинѣ которой видны развалины старой крѣпости; тутъ провинція Арак-Адшеми граничитъ съ Мозен-

дараномъ. Направившись отсюда совершенно къ сѣверу, мы въ три или четыре часа ходьбы достигли високаго горнаго хребта, который, образуя собственно Мазендаранъ, тянется до самаго Каспійскаго моря. Видя вокругъ себя роскошную растительность и притомъ дремучіе, первобытные лѣса, не вѣривъ, что находишься въ Персіи. Не вдаваясь въ описаніе красотъ Мазендарана, сдѣланное уже талантливыми повѣствователями, какъ Фразеръ, Конолли и Бурнсъ, скажу только, что я видѣлъ эту страну въ самую привлекательную и выгодную для нея эпоху, именно весною, и очаровательный видъ ея разсѣлъ не только мою собственную тоску, но произвелъ немалое впечатлѣніе и на монахъ спутниковъ, которые сожалѣли только, что этотъ земной рай (дженнетъ) находится въ рукахъ шитовъ язычниковъ, замѣтивъ при этомъ, что всѣ прекрасныя страны міра сего находятся во власти невѣрныхъ, подтверждая этимъ нарѣчіе Магомета, что здѣшній міръ — тюрьма правовѣрныхъ и рай — невѣрныхъ. Мы шли по дорогѣ, проложенной лѣсомъ шахомъ Аббасомъ II и во многихъ мѣстахъ теперь совершенно разрушенной, а для ночлега остановились въ мѣстечкѣ Хефтевъ, среди прекраснаго буковаго лѣса. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ пошли искать воды для чая, но вдругъ прибѣжали чрезвычайно испуганные, рассказывая, что видѣли у источника большихъ, страшныхъ звѣрей. Мы думали, что это львы, но пойдя къ названному мѣсту, съ довольно плохимъ оружіемъ въ рукахъ, увидали двухъ тигровъ, которые повременамъ показывались изъ лѣсу. Въ этомъ мѣстѣ очень много хищныхъ звѣрей, какъ это мнѣ говорили мѣстные жители, но они рѣдко нападаютъ на людей. Всего болѣе тревожила насъ ночью шакалы, которые, хотя и бѣгутъ отъ палки, но приходили въ такомъ множествѣ, что мы едва успѣвали ихъ отгонять, опасаясь очень, что они утащутъ наши мѣшки съ хлѣбомъ или даже башмаки. На другой день дошли мы до Сари, главнаго города Мазендарана, производящаго значительную торговлю. Проходя по базару этого послѣдняго персидскаго города, мы были осыпаны всякаго рода ругательствами и проклятіями, и хотя мы со своей стороны отвѣчали жителямъ тѣмъ же, но воздержались отъ дальнѣйшихъ угрозъ палками, опасаясь быть окончательно побитыми многочисленною толпою персіянъ, бывшихъ на площади. Въ этомъ городѣ, покрытомъ апельсинными и лимонными деревьями, мы отдыхали два дня, а потомъ нанявъ лошадей для дальнѣйшаго нашего странствованія въ теченіе сутокъ по болотамъ и топямъ, гдѣ невозможно идти уже пѣшкомъ, направились къ берегамъ Каспійскаго моря, чрезъ Каратель, и къ вечеру, послѣ весьма утомительнаго перехода, достигли этой пер-

вей сунитской колоніи. Нур-Ула, очень достопочтенный афганъ, съ которымъ я еще познакомился въ Сари, непремѣнно хотѣлъ помѣстить меня у себя, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Билагомъ, съ которымъ я не хотѣлъ разстаться. Причина къ такому вниманію скрывалась, какъ я узналъ впоследствии, въ томъ, что Нур-Ула, узнавъ о моихъ отношеніяхъ къ начальству въ Тегеранѣ, намѣревался получить отъ меня за гостепрѣимство рекомендательное письмо, которое я ему и далъ конечно. Едва лишь мы вошли въ комнату, какъ она наполнилась толпою посѣтителей, которые, тѣсняясь у стѣнъ, осматривали меня съ ногъ до головы, сообщали другъ другу свои обо мнѣ замѣчанія и совершенно громко выражали свои предположенія о цѣли и свойствахъ моего путешествія. Это не дерзавшъ, замѣчала большая часть изъ нихъ: онъ всего менѣе на такового походить, ибо несмотря на видѣнную бѣдность его одежды, нельзя не замѣтить отличія его отъ другихъ по цвѣту лица его, выраженію и чертамъ. Какъ говорили намъ хаджи, онъ родственникъ посланника и отправленъ въ Тегеранъ отъ нашего султана (при этомъ словъ всѣ встали). Богъ-знаетъ, зачѣмъ посланъ человекъ такого важнаго происхожденія къ туркменамъ въ Хиву и Бухару.

Я былъ немало пораженъ такою смѣлою огрovenностію этихъ людей, которые съ перваго же раза хотѣли обнаружить мое притворство. Но я продолжалъ разыгрывать свою роль, сидѣлъ спокойно въ глубокомъ, благочестивомъ размышленіи, и дѣлалъ видъ, какъ будто ничего не слышу. Видя мое нежеланіе принимать малѣйшее участіе въ разговорѣ, они обратились къ Хаджи Биладу, который имъ сказалъ, что я былъ точно эфенди и чиновникомъ великаго султана, но что по особому божественному внушенію отказался отъ коварнаго свѣта и посвятилъ себя *сіаретамъ*, то-есть хожденію на поклоненіе къ могиламъ святыхъ. Многіе покачали при этомъ головою, но не имѣли права болѣе касаться этого вопроса, потому что истинный правовѣрный мусульманинъ не смѣетъ сомнѣваться, какъ скоро онъ слышитъ рассказъ про *имамъ*, то-есть о божественномъ вдохновеніи или внушеніи; если даже рассказчикъ и слушатель одинаково вполне убѣждены оба во лжи повѣствованія, тѣмъ не менѣе они должны выразить свое глубокое удивленіе возгласами: «машаллахъ, машаллахъ!»

Но тѣмъ не менѣе сцена эта дала мнѣ ясно почувствовать, что несмотря на мое пребываніе еще въ предѣлахъ персидскихъ владѣній, я достигъ уже границъ средней Азіи, ибо слышалъ отъ весьма небольшого числа сунитовъ, впервые мною встрѣчаемыхъ, такіе недовѣрчивые разспросы, которыхъ не предлагали мнѣ ни разу во всей Персіи; по этому образчику я могъ составить себѣ до-

волью ясное понятіе о той пріятной будущности, которая ожидала меня въ центрѣ этихъ народовъ.

Послѣ двухчасоваго разговора любопытные разошлись; мы напились чаю и хотѣли идти спать, какъ вдругъ является бо мнѣ въ турменскомъ одѣяніи человекъ, котораго я принялъ за одного изъ членовъ дома, и начинаетъ вполне откровенно рассказывать, что онъ уже лѣтъ пятнадцать ѣздитъ по разнымъ торговымъ дѣламъ въ Хиву, и хотя самъ уроженецъ Кандагара, но очень хорошо знаетъ турменовъ, эзбеговъ и бухарцевъ и съ большимъ бы удовольствіемъ совершилъ путешествіе со мною вмѣстѣ, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ моимъ другомъ. Замятивъ ему, что по корану всѣ правовѣрные—друзья и братья, я поблагодарилъ его очень за предложеніе, сказавъ, что очень доволенъ своими спутниками, съ которыми довольно давно уже странствую. Онъ хотѣлъ еще долѣе говорить объ этомъ, но увидавъ, что я засыпаю, оставилъ меня въ покоѣ. На другой день я узналъ отъ хозяина, что этотъ человекъ очень подозрительный, котораго должно по возможности избѣгать; къ тому же онъ употребляетъ опиумъ. Нур-Улла посовѣтовалъ намъ запастись тутъ провіантомъ — мукой и рисомъ или хлѣбомъ мѣсяца на два, по крайней-мѣрѣ до самой Хивы, потому что сами туркменцы покупаютъ здѣсь необходимые для себя припасы. Предоставивъ это дѣло Билалу, я отправился на находящійся среди селенія такъ называемый *черный холмъ* (кара-тепе, откуда и происходитъ названіе самаго селенія), на одной сторонѣ котораго поселены персы, а на другой — азіятскій завоеватель Надир-Шахъ основалъ афганскую колонію. Пользу этой колоніи, цѣль основанія которой рѣшительно неизвѣстна, я замѣтилъ даже во время моего кратковременнаго въ ней пребыванія. Афганцы служатъ единственными для персовъ посредниками въ сношеніяхъ ихъ съ турменами и способныютъ освобожденію изъ рабства немалого числа персовъ, которые безъ нихъ томились бы въ плѣну у туркменцевъ безъ всякой надежды на освобожденіе. Съ вершины холма видѣлось если не самое Каспійское море, то заливъ, образующій далеко выдающуюся при Ашурѣ земляною косую, извѣстный подъ именемъ Мертваго моря. Видъ этого моря мало удовлетворилъ меня, а напротивъ возбудилъ только желаніе какъ можно скорѣе увидѣть восточные его берега. Я вернулся скорѣе домой, чтобы узнать, на сколько подвинулись приготовленія къ дальнѣйшему нашему переѣзду на туркменскій берегъ, и былъ немало смущенъ слѣдующимъ извѣстіемъ. Хозяинъ афганскаго судна, представляющій провіантъ русскимъ судамъ, хотѣлъ насъ перевезти въ Ашуръ, откуда уже туркменцы доставили бы насъ

въ Гёмюштень (на восточномъ берегу Каспійскаго моря); но узнавъ отъ кого-то, что я—тайный агентъ султана, отказался меня везти, опасаясь лишиться чрезъ это сношеній съ русскими и получаемыхъ отъ этого выгодъ. Спутники мои однако не хотѣли безъ меня ѣхать, и намъ пришлось ждать болѣе благоприятнаго для переѣзда случая, который вскорѣ и представился. Въ тотъ же вечеръ узнали мы, что одинъ туркменецъ, отправляющійся на своемъ суднѣ въ Гёмюштень, готовъ перевезти насъ всѣхъ и совершенно даромъ по особой набожности и человеколюбію. Мы его очень благодарили за это, и хотѣли уже идти по домамъ, какъ отозвавъ меня въ сторону, онъ весьма таинственно рассказывалъ мнѣ, что съ давнихъ поръ питаетъ страстную хотя и несчастную любовь къ одной дѣвушкѣ, его соплеменницѣ, и что теперь одинъ еврей, великій колдунъ, пребывающій въ Каратенѣ, обѣщавъ ему изготовить самый дѣйствительный талисманъ (любовный амулетъ — нуша), какъ скоро онъ принесетъ ему капель тридцать розоваго масла изъ Мекки, необходимаго для написанія нѣкоторыхъ магическихъ словъ. Зная, что всѣ хаджи приносить съ собою изъ священнаго города такое масло, онъ убѣдительно просилъ меня одолжить ему необходимое количество капель. Я не столько удивился суевѣрію этого сына степей, сколько довѣрію его къ словамъ невѣрнаго — еврея, и такъ-какъ мои спутники имѣли дѣйствительно при себѣ розовое масло, то я поспѣшилъ удовлетворить его просьбѣ.

На другой день утромъ были мы на берегу моря. Каждый изъ насъ сверхъ своей котомки имѣлъ на себѣ мѣшокъ муки, такъ-что прошло немало времени, какъ челнъ изъ выдолбленнаго дерева (теймилъ) перевезъ насъ всѣхъ на одномачтовое судно съ двумя парусамъ (кезобой), которое по причинѣ береговыхъ отмелей стояло на разстояніи англійской мили отъ берега. Судно это по своимъ размѣрамъ было наибольшее изъ употребляемыхъ туркменцами, которые для своихъ быстрыхъ переѣздовъ при набѣгахъ и грабежахъ употребляютъ суда меньшаго размѣра — каюкъ—съ однимъ только парусомъ; другія системы судостроенія, кромѣ трехъ вышеназванныхъ, туркменцамъ неизвѣстны.

На нашемъ суднѣ, привезшемъ къ персидскому берегу шерсть, смолу и соль съ острова Черекентъ, не было крытой палубы и никакого различія въ мѣстахъ; всякій садился вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, гдѣ ему угодно около борта, одинъ возлѣ другого, такъ чтобы оставить свободный проходъ посерединѣ. Положеніе наше, напоминающее сельдей въ боченкѣ, не было одно изъ самыхъ удобныхъ, особенно ночью, когда, подъ вліяніемъ сна, каждый раскачивался то въ ту, то въ другую сторону и нерѣдко

приходилось по цѣлымъ часамъ не только испытывать пріятныя звуки храпѣвшихъ на всякій ладъ дервишей, но выносить спокойно на своихъ плечахъ тяжесть двухъ навалившихся сосѣдей; разбудить спящаго дервиша считается великимъ грѣхомъ.

Благопріятный попутный вѣтеръ быстро гналъ насъ, 10-го апрѣля 1863 года, къ длинной косѣ, къ которой мы и надѣялись пристать вечеромъ, въ мѣстечкѣ Ашура, но наступившій штель заставилъ насъ остановиться на якорѣ недалеко отъ берега. На суднѣ развели огонь, чтобы варить чай, чѣмъ каждый изъ насъ могъ поочереднъ заняться. Припрятавъ въ карманѣ нѣсколько кусочковъ сахара, я угостилъ имъ моего друга Билала и его пріемыша, Хаджи-Сали, котораго онъ прикомандировалъ ко мнѣ подъ видомъ исполненія разныхъ услугъ, собственно для того, чтобы избавиться отъ его содержанія въ пути. При этомъ пошли разные рассказы о подвигахъ и хищническихъ грабежахъ турменцевъ, ихъ удалствѣ и пр. и пр. которые продолжались далеко за полночь и немало способствовали усиленію моихъ снотниковъ. На другой день мы медленно подвигались впередъ и только къ вечеру прибыли въ Ашуръ. Это—крайній пунктъ русскихъ владѣній на Каспійскомъ морѣ, принадлежащій имъ около 25 лѣтъ или, правильнѣе сказать, съ тѣхъ поръ, какъ посредствомъ пароходства они нагнали страхъ на турменцевъ и положили значительный предѣлъ ихъ смѣлымъ разбоямъ (аламанахъ). Прежде турменцы вполне господствовали на морѣ, и даже самое названіе Ашуръ, то-есть *напротивъ*, обнаруживаетъ турменское происхожденіе этого мѣста, которое не было ими обитаемо, но служило станціею при ихъ частныхъ и безнаказанныхъ разбояхъ. Число домовъ въ немъ незначительно и всѣ они расположены по восточной оконечности косы, но европейская система ихъ постройки и также церковь православная произвели на меня впечатлѣніе весьма пріятное. Военные пароходы живо напомнили мнѣ европейскую жизнь, въ особенности когда я увидѣлъ подъ вечеръ одинъ изъ нихъ идущій изъ Геса — пристани и складочнаго мѣста города Астрабада. Русское правительство содержать тутъ два большихъ и одинъ маленькій, военные парохода, безъ содѣйствія и защиты которыхъ не только жившіе здѣсь русскіе, но даже царскія суда, идущія изъ Астрахани, не были бы въ безопасности отъ нападений турменцевъ. Пока купеческое судно держится въ открытомъ морѣ, оно въ безопасности отъ хищниковъ, но за то рѣдко отваживается оно подходить къ берегу безъ сопровожденія военнаго парохода, который провожаетъ его обыкновенно и на обратномъ пути. Здѣшнее русское начальство всѣми силами и не безъ значительныхъ издержекъ ста-

рается положить конецъ грабежамъ туркменцевъ, которые значительно уменьшились, хотя и нѣтъ возможности до сего времени водворить тутъ полную безопасность, такъ-что повременамъ попадаютъ въ плѣнъ туркменцамъ не только персы, но даже и русскіе матросы. Русскія суда день и ночь крейсируютъ близъ туркменскихъ береговъ, и всякое туркменское судно, желающее совершить плаваніе съ восточнаго берега на южный персидскій, должно имѣть особый билетъ, который и выдается на годъ, съ платою 8, 10 и 15 дукатовъ; билетъ этотъ всякій разъ предъявляется въ Ашурѣ, при чемъ судно осматривается, съ тѣмъ чтобы узнать не содержитъ ли оно въ себѣ плѣнныхъ, оружія, или другой какой либо контрабанды. Этимъ путемъ приведены въ извѣстность и внесены въ списки бблшая часть торговыхъ туркменскихъ судовъ; неизвѣстныя же суда, неимѣющія билетовъ, пробираются обыкновенно тайкомъ, разными путями, и при встрѣчѣ съ русскими крейсерами захватываются ими или топятся пушечными выстрѣлами. Наряду съ этими военными мѣрами приняты были для прекращенія морскихъ разбоевъ и дипломатическія, которыя состоятъ въ томъ, что стараются привлечь на свою сторону нѣкоторыя изъ племенъ туркменскихъ и вывѣдывать отъ нихъ о намѣреніяхъ своихъ соплеменниковъ.

Нашъ судохозяинъ имѣлъ также установленный для плаванія билетъ, и мы не могли продолжать наше плаваніе, не подвергнувшись осмотру, который, по случаю наступившей ночи, былъ отложенъ до слѣдующаго утра, а потому и стали на якорь невдалекѣ отъ берега. Мои спутники очень сожалѣли, что не могли отправиться къ Хидр-Хану, извѣстному покровителю всѣхъ дервишей и каджи, чему, впрочемъ, я немало обрадовался, ибо очень боялся, что при такомъ свиданіи, въ которомъ я также долженъ былъ участвовать, Хидр-Ханъ легко могъ вознмѣть сомнѣніе въ дѣйствительности присвоеннаго мною сана. Мысль быть узаннымъ безпокоила меня немало въ отношеніи предстоящаго осмотра нашего судна русскими, которые, признавъ во мнѣ европейца, стали бы мнѣ отсовѣтывать осуществленіе задуманнаго мною путешествія; въ тому же совершенно случайная и невинная оговорка могла бы легко обнаружить мое инкогнито и туркменцамъ, которые не замедлили бы запросить богъ-знаетъ какую великую сумму за освобожденіе меня, подобно Бловвилю, изъ весьма тягостнаго плѣна и рабства.

Но осмотръ русскими прошелъ совершенно благополучно; офицеры говорили между собою о дервишахъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ, какъ я это слышалъ: «Smotrite kakoi bieloi etot hadschi», что, безъ сомнѣнія, относилось до меня. Вскорѣ послѣ этого ми

продолжали нашъ путь. Я вздохнулъ совершенно спокойно; конецъ моимъ опасеніямъ миновалъ вполнѣ. Дорогою мы издали замѣтили на горизонтѣ бѣлую точку, и нашъ хозяинъ тревожно слѣдилъ за нею взоромъ, пока она не исчезла съ горизонта. Это была, какъ я узналъ впоследствии, одна изъ разбойническихъ лодокъ. Тогда онъ выставилъ всѣ паруса и мы быстро понеслись къ турменскому берегу и вскорѣ пристали къ нему, въ разстояніи полуторы англійской мили отъ устья рѣки Гѣргенъ, по обѣимъ сторонамъ которой находился лагерь Гѣмюштенъ, напоминавшій собою издали множество колоссальныхъ ульевъ или небольшихъ стоговъ сѣна, тѣсно поставленныхъ одинъ возлѣ другого.

По мелководію мы не могли подойти къ берегу, а должны были ждать, пока нашъ судохозяинъ досталъ нѣсколько самыхъ маленькихъ челноковъ, съ помощію которыхъ мы и высадились на берегъ. Мы были теперь въ Средней Азіи, у турменцевъ.

При отъѣздѣ нашемъ изъ Ашура, Нур-Улла поручилъ нашему судохозяину предоставить меня особенной благосклонности Хандшана, одного изъ главныхъ турменскихъ начальниковъ, котораго я и засталъ за молитвою. Окончивъ оную, онъ обнялъ меня и благодарилъ за честь посѣщенія; то же самое сдѣлалъ онъ и въ отношеніи моего друга, и мы отправились всѣ вмѣстѣ въ его палатку, куда въ самомъ непродолжительномъ времени собралась самая пестрая толпа зрителей, жаждавшихъ посмотрѣть на вновь прибывшихъ дervашей, и посредствомъ объятій, сдѣлаться, какъ это утверждаютъ муллы, причастными божественной молитвы и всѣхъ плодовъ сподвижничества настоящихъ хаджи. Эта первая и совершенно новая для меня картина средне-азиатской жизни до того меня поразила и изумила, что я не зналъ, на что обратить свое вниманіе — на оригинальныя ли войлочные палатки, или на женщинъ, одѣтыхъ въ длинныхъ красныхъ рубашкахъ, или же прежде всего удовлетворить множество всякаго рода рукъ, протянутыхъ ко мнѣ за благословеніемъ. Всѣ, безъ различія возраста и пола, безъ различія по племенамъ и семействамъ, горѣли нетерпѣніемъ воснудься до хаджи, на которомъ находилась еще священная пыль Мекки и Медины, и я былъ немало удивленъ, когда весьма красивыя женщины и даже дѣвушки наперерывъ старались меня обнять. Совершенно уstraшенныя отъ этого религіозно-гостепріимнаго выраженія уваженія, достигли мы палатки священника (обер-ишанъ), гдѣ и собрался весь нашъ незначительный караванъ. Приступили теперь къ размѣщенію вновь прибывшихъ гостей. Рвеніе, выказанное при этомъ въ желаніи угостить насъ, бѣдныхъ скитальцевъ, чрезвычайно

меня удивило; несмотря на то, что я очень много слышалъ уже о гостепріимствѣ кочевыхъ народовъ, я не воображалъ себѣ никогда, чтобы оно могло доходить до такой степени. Женщины начали уже изъ-за этого между собою ссориться и браниться, но Хандшанъ возстановилъ порядокъ и спокойствіе, распредѣливъ гостей по усмотрѣнію, причѣмъ меня и Билала взялъ онъ къ себѣ. Онъ жилъ на самомъ концѣ селенія, расположеннаго по берегу рѣки Гѣргенъ, которая, вытекавъ изъ горы Курдистана, проходитъ большею частію по землямъ, занимаемымъ турменскимъ племенемъ іомутовъ, довольно мелка и узка въ своемъ теченіи и только невдалекѣ отъ Гемюштена становится глубокою и широкою, имѣя притомъ до крайности болотистые берега. Недалеко отъ впаденія ея въ море, обиліе заключающихся въ ней всякаго рода рыбъ становится баснословнымъ; вода отъ этого портится и лѣтомъ негодится для питья; умывшись во время моего пребыванія тутъ два раза, я ощущалъ весьма сильный и непріятный рыбный запахъ. Пройдя весь лагерь, мы только къ вечеру достигли нашей палатки въ пріятной надеждѣ наконецъ отдохнуть; но не тутъ-то было. Лишь только мы заняли совершенно отдѣльно для насъ отведенную палатку по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета, то-есть обойдя ее кругомъ два раза и плюнувъ во всѣ углы, какъ толпа посѣтителей нахлынула въ нее и разными учтивыми вопросами до того утомляла насъ далеко за полночь, что даже и самъ Билаль, этотъ истинный житель Востока, сталъ терять всякое терпѣніе. Наконецъ 12-лѣтній сынъ Хандшана принесъ намъ ужинъ, состоявшій изъ кислаго молока и вареной рыбы, а цѣлный персіанинъ, закованный въ тяжелыя цѣпи, притащилъ всякаго рода посуды; мы же не замедлили съ волчьимъ аппетитомъ уничтожить ужинъ въ присутствіи гостепріимныхъ хозяевъ, которые, сидя немного поодаль, смотрѣли на насъ съ истиннымъ умилениемъ. Послѣ ужина совершили молитву и наконецъ легли спать.

Утромъ 13-го апрѣля, проснулся я послѣ пріятнаго сна; въ первый разъ въ моей жизни въ турменской палаткѣ, которая здѣсь у іомутовъ называется *тиатма*, а въ прочихъ мѣстахъ *амадиа*. Новизна всего окружающаго восхищала меня, и радость моя повидимому не имѣла предѣловъ. Билаль замѣтилъ это, и вызвалъ меня на прогулку, во время которой сказалъ, что теперь пора уже оставить малѣйшіе признаки моего званія и сана эфенди, и душою и тѣломъ сдѣлаться дервишемъ. «Ты, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, сказалъ онъ мнѣ, что не только я, но и всѣ прочіе наши спутники, безъ различія возраста, благословляютъ людей (раздаютъ благословленіе — *фатъа*), и ты также долженъ

это дѣлать. Здѣсь люди будутъ требовать точнаго исполненія этого правила, которое въ Турціи не соблюдается, и потому кажется весьма страннымъ и подозрительнымъ, какъ скоро человекъ, выдающій себя за дервиша, не выполняетъ въ точности всѣхъ его обязанностей. Порядокъ благословенія, и произносимыя при этомъ слова ты знаешь; сдѣлай набожное лицо, и начни раздавать благословленіе (фатъя), а также и священное дыханіе (нефесь), когда тебя призовутъ въ больному. Не забудь только, при каждомъ подобномъ случаѣ, протягивать тотчасъ руку, потому что всѣ люди, зная очень хорошо, что дервиши живутъ подобными благочестивыми занятіями, всегда при этомъ что-нибудь даютъ имъ.» Слыхавъ когда-то о путешественникѣ, который, очутившись въ странѣ кривыхъ (одноглазыхъ), держалъ свой глазъ постоянно закрытымъ, я поблагодарилъ Билала за наставленіе, котораго рѣшился держаться въ точности, ибо узналъ отъ него, что туркменцы считаютъ меня за посланнаго отъ султана въ Хиву и Бухару, для противодѣйствія тамъ русскимъ агентамъ, въ неосновательности чего ему стоило немало труда ихъ разувѣрить.

Дорогою мы осмотрѣли палатки, которыя встрѣчаются постоянно одной и той же формы во всей средней Азій, отъ береговъ Каспійскаго моря до крайнихъ предѣловъ Китая. Она состоитъ собственно изъ трехъ частей: 1) *деревянной остова*, изъ различныхъ кольевъ и жердей, разставляемыхъ въ надлежащемъ видѣ женщинами, которыя во время перекочевокъ убираютъ, складываютъ оныя на верблюдовъ, а сами идутъ пѣшкомъ. Поверхъ колевъ натягивается 2) *войлокъ*, по цвѣту котораго и палатки бываютъ двоякія: а) черныя-кара-ой, то-есть почернѣвшія отъ времени и б) ак-ой-бѣлыя, называемыя такъ по снѣжно-бѣлому цвѣту той стороны войлока, которая обращена во внутрь палатки; онѣ разбиваются только для новобрачныхъ, или особенно уважаемыхъ гостей; 3) внутреннее убранство, степенью и богатствомъ котораго собственно и отличаются палатки бѣднаго и богатаго, имѣющія всѣ одну и ту же внѣшнюю форму невысокаго цилиндра, съ полушарнымъ верхомъ (крышею), въ срединѣ котораго сдѣлано отверстіе для дыма. Лѣтомъ, въ такой палаткѣ прохладно, а зимою — тепло; въ тому же, она представляетъ безопасное убѣжище отъ урагановъ и степныхъ мятелей. Прикрѣпивъ къ землѣ свою палатку, накрестъ положенными по ней веревками, туркменецъ спитъ спокойно, презирая непогоду.

По возвращеніи домой, хозяинъ представилъ насъ, по принятому обычаю у туркменцевъ, своей женѣ, а также родителямъ, родственникамъ и близкимъ знакомымъ, и сообщилъ намъ, что

всякаго гостя считаютъ у нихъ самымъ дорогимъ и любимымъ членомъ семейства, и что мы слѣпо и безболзвенно можемъ ходить не только среди турменцевъ — одного съ нимъ колѣна, но и среди цѣлаго племени іомутовъ. При этомъ, кстати замѣтимъ, что турмана или турмены, какъ они сами себя называютъ, занимая обширную, пустую равнину отъ береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей и рѣки Оксуса на югъ, до городовъ Бельха, Герата и Астрабада, въ которой можно по цѣлымъ недѣлямъ не встрѣтить дерева, ни капли воды, и совершенно беззащитно подвергаться лѣтню нестерпимой жарѣ, а зимою — сильному морозу и снѣгу, который, точно такъ же какъ и песою этихъ пустынь, засыпаютъ цѣлые караваны — никогда не представляли собою въ исторіи нѣчто самостоятельное цѣлое — одну соединенную націю, но всегда являлись раздѣленными на отдѣльныя племена (*халкъ*), которыя въ свою очередь дѣлятся опять на колѣна или орды (*тайфе*), а сія послѣднія — на роды или кланы (*тире*); число же колѣнъ и родовъ въ племени очень различно. Племена эти, занимая среди этой равнины извѣстную мѣстность, въ предѣлахъ которой каждое и кочуетъ, отличаются другъ отъ друга не только нравами и занятіями, но также и количественнымъ своимъ составомъ, размѣръ котораго опредѣляется числомъ палатокъ, причемъ на каждую среднимъ числомъ можно полагать по *пяти* душъ. Общее число палатокъ всѣхъ племенъ турменскихъ доходить до 196,500, что представляетъ собою народонаселеніе въ 982,500 душъ — и притомъ, какъ минимумъ, ибо всѣ статистическія свѣдѣнія и соображенія турменцевъ, говоритъ авторъ, уменьшилъ я на цѣлую треть. Это общее число турменцевъ распределено очень неравномѣрно между извѣстными въ настоящее время девятью племенами: чаударъ, ерсари, алиемъ, кара, салоръ, сарикъ, текке, гѣклы и іомуты, изъ числа коихъ Вамбери удалось познакомиться поближе и непосредственно только съ тремя послѣдними. Текке, самое могущественное изъ турменскихъ племенъ, насчитывая до 6,000 палатокъ, дѣлится на двѣ отрасли, и принадлежатъ къ самымъ дикимъ и хищнымъ, что обуславливается крайне незначительнымъ количествомъ удобной для воздѣлыванія земли, находящейся въ предѣлахъ его владѣній. По природѣ мѣстности обреченные на разбой, они составляютъ собою истинный бичъ божій для окрестностей Герата и сѣверо-восточныхъ частей Персіи. Противоположное имъ представляютъ собою *гѣклы*, числомъ 12,000 палатокъ, принадлежащіе къ самымъ мирнымъ и наиболее цивилизованнымъ между турменами; они занимаются очень охотно земледѣіемъ, имѣя въ своемъ владѣніи прекрасныя, исторически-знаменитыя мѣста древняго Гурга, и большая часть

изъ нихъ признають надъ собою господство персидскаго шаха. Иомуты, занимающіе восточные берега и даже нѣкоторые острова Каспійскаго моря, числомъ 4,000 палатокъ, называются перѣдко и гѣргень-іомуты, по имени одной изъ ихъ главныхъ стоянокъ въ пустынѣ, расположенныхъ по преимуществу невдалекѣ отъ морскаго берега, и даже на самомъ островѣ Черекентъ, отдѣленномъ отъ материка весьма незначительнымъ проливомъ. Иомуты по преимуществу занимаются торговлею, признають себя подданными персидскаго шаха, и платять ему ежегодную дань въ 1,000 дукатовъ, при чемъ персы нисколько впрочемъ не виѣшиваются въ ихъ домашнія, внутреннія дѣла и отношенія. Очувтившись среди этого племени, Вамбери принужденъ былъ прожить съ ними болѣе двухъ недѣль въ ожиданіи каравана, отправляющагося въ Хиву, что дало ему возможность близко ознакомиться не только съ діалектомъ, но также съ нравами, обычаями, хозяйствомъ, общественнымъ устройствомъ и даже съ политическими отношеніями туркменскихъ племенъ. Мы считаемъ нелишнимъ теперь же сообщить нѣкоторыя объ этихъ предметахъ свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы дать нашимъ читателямъ болѣе ясное понятіе о той средѣ, въ которой находился Вамбери.

Во время своего пребыванія среди туркменовъ, онъ не замѣтилъ ни одного, который бы хотѣлъ повелѣвать, а также ни одного, который бы хотѣлъ и повиноваться. Туркмены сами говорить о себѣ: «мы народъ безъ головы, и не желаемъ имѣть таковую; мы всѣ равны, и каждый изъ насъ царь.» Во всѣхъ политическихъ учрежденіяхъ прочихъ кочевыхъ народовъ, всегда можно отыскать признаки, хотя и весьма слабые, какого-либо правленія и власти, какъ напримѣръ въ лицѣ шейха — у арабовъ, аксакале — у турокъ, риш-сефида — у персовъ; только у однихъ туркменовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда чего-либо подобнаго. Племена ихъ имѣютъ, правда, каждое своего *аксакале*, но онъ пользуется только нѣкоторымъ почетомъ до извѣстной степени; его любятъ и терпятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обнаруживаетъ своего господства и превосходства какими-либо приказаніями или высокоуміемъ. Какъ же могутъ жить вмѣстѣ, не уничтожая другъ друга, эти коварные и закоснѣлые разбойники, суровость и жестокость которыхъ дѣйствительно безпредѣльны? Рѣшительно непонятно, неправда ли? Но изумленіе читателя возрастеть еще болѣе, если мы скажемъ, что несмотря на всю кажущуюся анархію и всю дикость этихъ племенъ, мы встрѣчаемъ между ними, пока они не объявили другъ другу открытой вражды, гораздо менѣе убійствъ и разбоевъ, менѣе несправедливостей и безнравственностей, нежели между прочими народами Азіи, въ

основаніи общественныхъ отношеній которыхъ лежитъ мусульманская цивилизація. Причина этого заключается въ томъ, что туркмены признають господство древнаго, могущественнаго и нерѣдко даже деспотически-жестоваго *короля, невидимаго ими*, но очень хорошо извѣстнаго подъ именемъ *дебъ*, то-есть обычай, нравы. Они самымъ строжайшимъ образомъ исполняютъ все то, что повелѣваетъ *дебъ*, и воздерживаются отъ того, что онъ запрещаетъ. Наряду съ этимъ, можно поставить еще и религію, хотя принесенная изъ Бухаріи, она далеко не имѣетъ того вліянія, которое ей приписываютъ. Замѣчательно, что *дебъ* впродолженіе восьмидѣловой борьбы своей съ религіею подвергся весьма малымъ измѣненіямъ, какъ это видимъ изъ того, что много обычаевъ, строго запрещенныхъ исламомъ, до сего времени существуютъ среди туркменовъ, которые, подобно всѣмъ прочимъ кочевымъ народамъ средней Азіи, принявъ мусульманство, измѣнили лишь *одну типичную форму* прежней своей религіи. Въ сущности же, современный кочевникъ все такой же, каковъ онъ былъ и за 2,000 лѣтъ назадъ, относительно внутреннихъ своихъ убѣжденій, которыя измѣняются тогда лишь, какъ скоро онъ перестанетъ быть кочевникомъ. *Дебъ* дозволяетъ разбой, и для удовлетворенія этой, какъ-бы врожденной наклонности, туркменъ нападаетъ на всѣхъ одинаково: и на персовъ-шіитовъ, и на жителей, принадлежащихъ къ сунитамъ въ Афганистанѣ, Хивѣ, даже Бухарѣ, такъ что большинство невольниковъ въ средней Азіи — суниты. Вѣроисповѣданіе не имѣетъ никакого на туркмена вліянія при грабежѣ и разбоѣ.

Аксакале служатъ представителями, но отнюдь не уполномоченными послами племенъ при внѣшнихъ сношеніяхъ ихъ съ сосѣдними государствами; безсиліе ихъ очевидно изъ того, что несмотря на значительныя суммы, потраченныя сосѣднею Персіею для привлеченія ихъ на свою сторону, съ цѣлію чрезъ это прекратить и самыя разбойническіе набѣги племенъ, разбои послѣднихъ все продолжаютъ. Бѣльшимъ уваженіемъ и значеніемъ пользуются муллы, не столько въ силу собственно мусульманскаго, сколько въ силу общаго религіознаго, а потому и таинственнаго ихъ значенія и положенія, что внушаетъ суевѣрнымъ номадамъ особенный страхъ и уваженіе къ нимъ. Получая свое образованіе въ Хивѣ и Бухарѣ, муллы вообще очень хитрые и вкрадчивые люди, которые подъ видомъ святости и благочестія не забываютъ и собственныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Тѣсная взаимная связь всѣхъ отдѣльныхъ частей и лицъ, принадлежащихъ къ племени, составляетъ главную основу обществен-

наго ихъ быта. Всякій туркменъ знаетъ, къ какому роду и колѣну онъ принадлежитъ, и гордится могуществомъ и числительностью оныхъ, вида въ нихъ единственныхъ своихъ защитниковъ; въ случаѣ обиды отдѣльнаго лица, требуетъ удовлетворенія и мести все племя.

Между собою племена находятся въ старой непримиримой враждѣ, что весьма выгодно для Персїи, провинціи которой—Мазендаранъ, Хорасанъ и Сигистанъ подвержены постояннымъ въ настоящее время, и притомъ безнаказаннымъ набѣгамъ лишь отдѣльных племенъ. Общее нашествіе племенъ положило бы конецъ персидскому государству, но нѣтъ никакой возможности заставить ихъ заключить союзъ между собою, хотя бы и съ цѣлю грабежа. На русскія владѣнія іомуты нападать опасаются, познакомившись съ силою русскаго оружія въ Ашурѣ, и молва о какомъ-то *адскомъ оружіи*, употребляемомъ русскими, распространилась и между другими племенами, хотя собственно говоря, подъ этимъ словомъ должно разумѣть дисциплину русскихъ войскъ, которой кочевники не въ состояніи противиться.

Типъ своего татарскаго происхожденія туркмены сохранили въ особенной чистотѣ тамъ, гдѣ они по возможности не имѣютъ сношеній съ иранскими племенами, что особенно поразительно въ отношеніи гѣлковъ, текковъ и іомутовъ, среди которыхъ чисто-татарскія фizioномїи встрѣчаются лишь у тѣхъ родовъ и колѣнъ, которые всего менѣе дѣлаютъ набѣговъ на персидскія земли, а потому и всего менѣе имѣютъ невольниковъ и невольницъ ино-племеннаго происхожденія. Впрочемъ, среди всѣхъ кочевыхъ обитателей средней Азїи, весьма легко отличить туркмена, по его смѣлому, пронизательному взгляду, а также гордой, воинственной осанкѣ. Одежда у него общая съ хивинцами, только съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ персидскихъ украшеній. Главную роль играетъ красная, шелковая рубашка, которую, вопреки запрещеніямъ корана, носятъ одинаково мужчины и женщины, съ тѣмъ только отличіемъ, что рубашки послѣднихъ несравненно длиннѣе. Поверхъ нея надѣвается тшпанъ, родъ халата нашего, употребляемый также и въ Хивѣ; для войны или разбоя надѣвается болѣе короткій халатъ въ видѣ кафтана. Женщины же накладываютъ на плеча, сверхъ рубашки, родъ доломана (гусарскаго ментига), который долженъ быть немного короче косы, заплетенной лентою. Кромиъ того, при праздничномъ одѣваніи, онѣ опоясываются шалью, два конца которой висятъ спереди; и очень любить надѣвать тяжелые, серебряные браслеты, ожерелья, серьги, и кольца на пальцы и на носъ, а также сумки для амулетовъ; эти сумки висятъ съ правой и лѣвой стороны пояса, и сопро-

вождаютъ малѣйшее движеніе необычайнымъ брапанемъ, которое до того нравится туркменамъ, что онъ обвививаетъ или непримѣнно свою жену и лошадь, а за неимѣніемъ таковыхъ — плѣннаго персіянина, въ этомъ послѣднемъ случаѣ уже — тяжелыми цѣпями, но безъ брапанья онъ обойтись не можетъ. Сверхъ того, красные или желтые сапоги съ высокими каблуками, составляютъ принадлежность турменскаго костюма, а также и мѣховая шапка на головѣ, болѣе легкая и изящная, чѣмъ высокая, уродливая шапка персіянь. Главные вопросы турменской жизни составляютъ аламанъ, то-есть составленіе общества (партіи) для разбоя и грабежа, и тшапао, то-есть самое нападеніе.

Турмень во всякое время готовъ сѣсть вооруженный на коня, какъ скоро получить приглашеніе участвовать въ выгодномъ для него разбоѣ. Планъ подобнаго предпріятія содержится всегда въ тайнѣ, даже отъ ближайшихъ родственниковъ, и послѣ того, какъ выбранъ уже предводитель (сердарь), и мула далъ благословеніе (фатъя), каждый участвующій, съ наступленіемъ вечера, пробирается отдѣльно, различными путями къ заранѣе назначенному сборному пункту. Нападеніе самое дѣлается на жилое мѣсто въ глубокую полночь, а на караванъ или непріятельскій отрядъ — при восходѣ солнца, при чемъ обыкновенно турмены съ разныхъ сторонъ выдаютъ въ атаку, но не болѣе двухъ или трехъ разъ, согласно старинной ихъ поговоркѣ: «пробуй два раза, а на третій — поѣзжай назадъ.» Дерутся они смѣло и храбро, часто нападаютъ на значительно ихъ превосходящія силы персіянь, такъ что нерѣдко одинъ турмень беретъ въ плѣнъ четырехъ и даже пять персіянь, которые повидимому и до сего времени находятся подъ вліяніемъ паническаго страха, вселеннаго еще прежними нашествіями сѣверныхъ татаръ. Но павшій въ бою долженъ считаться счастливымъ, потому что положеніе взятаго въ плѣнъ крайне незавидно. Турмень связываетъ ему руки, и сажаетъ съ собою на лошадь, при чемъ связываетъ ему и ноги подъ животомъ лошади, или привязываетъ просто къ хвосту лошади, или просто гонитъ его какъ скотину предъ собою, почему обратное шествіе туркменовъ продолжается иногда по цѣлымъ недѣлямъ.

Всѣ плоды нападенія, всю добычу вообще—плѣнныхъ, животныхъ, утварь и пр., дѣлятъ по числу разбойниковъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи, и сверхъ того отдѣляютъ особенную часть для дополнительныхъ придачъ. Разбойники по очереди осматриваютъ назначенныя имъ части, заявляютъ, довольны ли они или нѣтъ. Такъ при мнѣ одинъ изъ нихъ, осмотрѣвъ зубы назначенной ему персіянки, заявилъ свое неудовольствіе. Началь-

нигъ взялъ тогда изъ особенной части молодого осла, поставилъ его подлѣ бѣдной невольницы, и съобща опредѣлилъ общую стоимость обоихъ живыхъ существъ. Такой прибавкой туркменъ остался вполне доволенъ. Я былъ, конечно, въ высшей степени возмущенъ подобнымъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ, которое тѣмъ не менѣе нерѣдко вызывало и улыбку своимъ до крайности смѣшнымъ и страннымъ сопоставленіемъ различныхъ предметовъ и существъ.

Главное оружіе туркменовъ въ подобныхъ набѣгахъ—безспорно его конь, дѣйствительно чудное животное, которое онъ и любить болѣе нежели жену, дѣтей, и даже самого себя. Любопытно смотрѣть, какъ онъ съ нимъ няньчится, какъ роскошно украшаетъ его сѣдло, узду и т. д., такъ-что сидя въ бѣдномъ своемъ одѣяніи на великолѣпномъ конѣ, туркменецъ представляетъ собою довольно оригинальную картину. Дѣйствительно кони эти, происхожденія арабскаго, вполне заслуживаютъ подобнаго обращенія, ибо все, что говорятъ объ ихъ быстротѣ, сметливости и привязанности, нисколько не преувеличено.

Прибыль, извлекаемая туркменами изъ ихъ позорнаго промысла похищать для продажи людей, далеко не вознаграждаетъ опасностей, сопряженныхъ съ подобнымъ занятіемъ, какъ это видно изъ того уже, что эти сыны степей пребываютъ большею частію въ первоначальной бѣдности. Они добываютъ чрезъ это очень мало денегъ, въ которыхъ весьма мало и нуждаются, впрочемъ вслѣдствіе въ высшей степени простого образа своей жизни. Я видѣлъ много туркменовъ, которые, несмотря на свое благосостояніе, все пытались сушеною рыбою и лакомились хлѣбомъ разъ только въ недѣлю, точно такъ же, какъ и самые бѣдные, для которыхъ хлѣбъ по своей дороговизнѣ недоступенъ.

Въ домашнемъ быту, у семейнаго очага туркменецъ представляетъ собою совершеннѣйшую лѣнь; заниматься какимъ либо домашнимъ трудомъ составляетъ, по его понятіямъ, величайшій стыдъ для мужчины. Онъ смотритъ только за своею лошадью, и покончивъ съ нею, отправляется на разговоры къ сосѣду, или присоединяется къ одному изъ туркменовъ, собравшихся около палатокъ, гдѣ идутъ толки о политикѣ, новыхъ набѣгахъ и грабежахъ или о лошадяхъ, при чемъ неизбѣжный тшилимиъ, родъ персидской трубы, переходитъ изъ рукъ въ руки. Только по вечерамъ, и особенно зимою, охотно слушаютъ они сказки или рассказы, при чемъ величайшимъ удовольствіемъ считается появленіе бахши (трубадура), который на своей дутарѣ (двухструнной гитарѣ) распѣваетъ стихи Кероглу, Аманмоллаха и почти обожаемаго національнаго поэта, изъ племени гѣбловъ, Мах-

дулекули, умершаго лѣтъ 80 тому назадъ. Стихотворенія послѣднаго представляютъ немалый интересъ не только тѣмъ, что служатъ образчикомъ чистаго туркменскаго нарѣчія, но и по рѣдкому способу изложенія содержанія, посвященнаго наставленіямъ объ обращеніи съ лошадьми, съ оружіемъ, правиламъ для грабежей и разбоевъ и т. д. Пѣсни подобнаго рода производятъ весьма сильнѣе впечатлѣніе на молодыхъ слушателей, и воодушевляють ихъ къ подвигамъ отцовъ и дѣдовъ. И это неудивительно: все воспитаніе туркменской молодежи чрезвычайно способствуетъ такому настроенію духа. Изъ числа тысячи, едва одинъ учится читать и писать, тогда какъ лошадь, оружіе, битва, набѣги, разбой представляютъ собою единственные предметы, занимающіе воображеніе молодежи.

Впрочемъ, между туркменами встрѣчаются нѣкоторые обычаи, неизвѣстные прочимъ кочевымъ народамъ Средней Азіи, какъ, напримѣръ, свадебный обрядъ, по которому невѣста, окутанная съ ногъ до головы въ вуаль, должна состояться въ скачкѣ верхомъ на лошади съ своимъ нареченнымъ, причемъ нерѣдко случается, что эти современныя амазонки первыя достигаютъ цѣли. Иногда при такомъ бѣгѣ невѣста держитъ на колѣнахъ заколотую овцу или козу, и преслѣдуемая женихомъ и прочею молодежью, должна на всемъ скаку разными изворотами избѣгать того, чтобы кто либо не выхватилъ у ней овцу. Этотъ обрядъ называется кѣгбери (зеленый волкъ, въ переводѣ). Дня чрезъ два или четыре послѣ свадьбы, новобрачныхъ разлучаютъ, и только по прошествіи года они начинаютъ жить вмѣстѣ.

При утратѣ любимаго члена семейства, туркмены носятъ трауръ, состоящій въ томъ, что въ палаткѣ умершаго, въ продолженіе дѣлаго года, въ часъ его смерти, ежедневно особые плакальщики поютъ плачевныя гимны, въ чемъ участвуютъ и всѣ присутствующіе члены семейства, продолжающіе, впрочемъ, совершенно спокойно всѣ свои обычныя занятія. Нельзя не засмѣяться при видѣ туркменовъ, занятыхъ при самыхъ страшныхъ, горестныхъ крикахъ чисткою оружія, вуреніемъ трубы или даже просто ѣдоу. Знакомые и пріатели умершаго должны также принимать въ этомъ по возможности участіе. Заслужившему прозваніе *батаръ*—храбрый—насыпають надъ могилою холмъ, для котораго каждый хорошій туркмень долженъ принести, по крайней-мѣрѣ, семь лопатъ земли, чрезъ что, конечно, холмы эти нерѣдко достигаютъ футовъ 20—30 вышины, при 60 въ окружности. Въ обширной пустынѣ холмы эти еще болѣе выдаются въ глаза, и каждый туркменецъ знаетъ имя и подвиги скрываемыхъ холмами храбрыхъ.

По существующему еще преданію, всѣ турмены родомъ изъ Мангишлака (или, какъ въ старину его звали, Минги-шлакъ, то-есть тысяча зимнихъ стоянокъ), который и считается родиною всѣхъ турменскихъ племенъ, даже и вѣршедскихъ въ Персію; всѣ святые предки ихъ похоронены въ этомъ мѣстѣ и его окрестностяхъ, посѣтить которыхъ составляетъ особенное благополучіе. Мѣѣ разсказывали, что еще не далѣе какъ 150 лѣтъ тому назадъ, они не имѣли никакой другой одежды, кромѣ сдѣланной изъ вожи барановъ, лошадей или дѣвкихъ ословъ; теперь же все это исчезло и единственнымъ воспоминаніемъ прежняго національнаго ихъ костюма осталась мѣховая шапка. Когда они покинули общую родину—въ точности неизвѣстно. Нѣкоторые племена турменцевъ занимали уже восточную часть степи на лѣвую сторону Оксуса во время завоеванія аравитянъ; другія же поселились въ новой своей родинѣ, намъ современной, только во времена Чингис-хана и Тимура, и то постепенно, отдѣльными частями, такъ-что это переселеніе и въ настоящее время не вполне закончено. Въ средніе вѣка турменская конница служила въ войскахъ хивинскихъ, бухарскихъ и даже персидскихъ; храбрость ихъ, особенно стремительность атаки приобрѣли историческую славу. Они много способствовали завоеванію сѣверной части Персіи, и даже ея заселенію, причѣмъ много утратили своей національности, конечно. Последнее общее нашествіе турменовъ было въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда съ помощью ихъ и афгановъ Надир-ханъ пробудилъ отъ летаргіи всю Азію, а Ага-Мегметъ-Ханъ основалъ свою династію.

Чтобы дать понятіе о политической важности этихъ кочевниковъ, достаточно бросить взглядъ на карту Средней Азіи; они составляютъ какъ-бы южную пограничную стражу всей азіатской возвышенности или Туркестана, какъ они ее называютъ, и принадлежатъ безспорно къ самымъ воинственнымъ и дикимъ, послѣ кипчаконъ, народамъ Средней Азіи; за ними живутъ въ различныхъ городахъ Хивы, Бухары и Хованда, слабѣе и изнѣженные народы, которые находились бы, безъ сомнѣнія, теперь въ совершенно другомъ положеніи, нежели они намъ представляются, еслибы турмены не составляли собою твердаго для нихъ оплота, и какъ-бы неодолимой стѣны. Цивилизація въ обширномъ значеніи слова, повидимому, преимущественно проникаетъ съ юга на сѣверъ, но можетъ ли проникнуть хоть малѣйшая ея искра въ Среднюю Азію, пока турмены угрожаютъ тысячами опасностей не только каждому каравану, но и всякому путешественнику, которому едва-ли удастся при всемъ его желаніи даже, собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ племенахъ и зани-

извѣстныхъ или мѣстахъ. Во время пребыванія моего среди ихъ, мнѣ удалось собрать всѣ вышесообщенныя свѣдѣнія только путемъ внимательнаго прислушиванія къ ихъ политическимъ разговорамъ, которымъ они предаются по цѣлымъ часамъ, при глубокомъ съ моей стороны молчаніи и притворномъ погруженіи кагъ-бы въ тупую задумчивость надъ розовымъ вѣнкомъ. Спросить о чемъ либо, значить испортить все дѣло; обнаружить любопытство, значить, вселить въ этихъ народахъ подозрѣніе; никто бы не могъ пенять, что взаимныя отношенія различныхъ племенъ и ихъ простыя житейскія дѣла могутъ интересовать кого бы то ни было вообще, и въ особенности дервиша, который долженъ думать единственно о Богѣ и предметахъ религіозныхъ. Первые дни моего пребыванія въ Гемюштенѣ посѣщала я родственниковъ и знакомыхъ моего хозяина Хандшана, и раздавалъ благословенія больнымъ, писалъ талисманы, причемъ мнѣ всегда давали въ подарокъ небольшой войлочный коврикъ или сушеную рыбу, и тому подобныя бездѣлицы. Я въ короткое время приобрѣлъ извѣстность отличнаго дервиша, такъ-что пересталъ беспокоиться о томъ, что повременамъ находились такіе упрямые политики, которые не переставали сомнѣваться въ дѣйствительности моего сана; подъ этою личиною дервиша я могъ теперь вполне спокойно странствовать. Я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми изъ самыхъ главныхъ туркменскихъ ученыхъ, которые благодарили провидѣніе, что имъ удалось встрѣтить мусульманина изъ Турціи, этого истиннаго источника вѣры, и на замѣчаніе о слишкомъ свѣтломъ цвѣтѣ моей кожи, говорили, что «я истинный свѣтъ ислама». Собственно я помогалъ имъ понимать нѣкоторые мѣста изъ объясненій къ корану, написанныхъ на турецко-османскомъ нарѣчій. При постройкѣ мечети изъ кирпича, взятаго изъ древнихъ греческихъ развалинъ въ Гемюштенѣ, имѣя, какъ самому опытному и испытанному дервишу, поручили назначить мѣсто для алтаря. Постройку этой мечети можно объяснить лишь принадлежностью охоты къ цивилизаціи; до сего времени не было въ этомъ мѣстѣ мечети, но нѣкоторые набожные туркмены дали ~~ею~~ обѣтъ доставить нѣсколько сотъ прекрасныхъ квадратныхъ кирпичей изъ развалинъ укрѣпленія, построеннаго еще Александромъ Македонскимъ, и приступили къ постройкѣ мечети, не заложивъ даже надлежащаго фундамента.

Пользуясь свободнымъ временемъ въ ожиданіи удобнаго случая къ дальнѣйшему моему путешествію, я отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ туркменскихъ ученыхъ, Кизиль-Ахондомъ, осмотрѣть развалины стѣны, построенной Александромъ Македонскимъ противъ набѣговъ степныхъ народовъ, въ то время даже вселявшихъ

ужась. Дорога къ ней шла по большимъ, топичь болотамъ, образуемымъ разливами рѣки Гѣргенъ, и наполненнымъ дикими свиньями. Стѣна повидимому шла съ запада на востокъ, отъ самыхъ береговъ Каспійскаго моря, и мѣстами очень хорошо видна и теперь еще, несмотря на то, что бѣльшая часть стѣны, а также и возвышающіеся на ней чрезъ каждыя тысячу шаговъ отдѣльныя башни находятся въ совершенномъ разрушеніи. До сего времени еще свѣтло-красныя кирпичи такъ крѣпко держатся цементомъ, что скорѣе ломаются пополамъ, нежели отдѣляются одинъ отъ другого. Вообще мѣстность эта должна представляться весьма любопытною въ археологическомъ отношеніи, потому что содержитъ въ себѣ не только много остатковъ греческаго государства, но и множество памятниковъ иранской культуры; къ тому же о важности и значеніи Гѣргена, какъ называютъ въ настоящее время развалины древняго Шехри-Джорджана, упоминаютъ многіе изъ арабскихъ историковъ.

Спутникъ мой, конечно, очень удивлялся, что стѣна, построенная *джинами*, то-есть невидимыми духами, гениями, по приказанію великаго македонскаго завоевателя, можетъ въ такой степени интересоваться меня. Онъ самъ собственно ѣхалъ по нѣкоторымъ спорнымъ, судебнымъ дѣламъ, и съ тѣмъ, чтобы навѣстить своихъ трехъ женъ и дѣтей, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, и осмотрѣть ихъ хозяйство. Мнѣ было довольно трудно узнать это и взять въ толкъ, потому что его вездѣ встрѣчали и принимали одинаково радушно и гостеприимно.

Мулла, какъ по преимуществу и звали Кизиль-Ахонда, считается полнымъ хозяиномъ во всякой пазаткѣ туркменцевъ, даже и враждующихъ между собою племенъ, и осыпается не только почестями, но и подарками.

По возвращеніи въ Гемюштень узналъ я, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, получившій извѣстность своимъ леченіемъ, еще болѣе прославился, открывъ сдѣланную у одного хаджа покражу. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ поисковъ, дервишъ объявилъ, что онъ сейчасъ же предастъ вора проклятію, если онъ не возвратитъ покраденное, и чрезъ 24 часа явился кающійся преступникъ, который кромѣ покинутыхъ предметовъ, возвращенныхъ имъ сполна, принесъ еще значительный подарокъ для примиренія. Мы, конечно, сообщаемъ этотъ фактъ для свѣдѣнія читателей, насколько не намѣреваясь подобный способъ открытія воровъ предлагать въ руководство нашей европейской полиціи; ей онъ будетъ совершенно бесполезенъ.

Спутники мои, несмотря на все гостеприимство туркменцевъ, ужасно тяготились своимъ здѣсь пребываніемъ, объясняя это

тѣмъ, что нѣтъ возможности смотрѣть на то жестокое обращеніе, которому подвергаются несчастные персидскіе узники. Со страданіе монахъ китайско-татарскихъ спутниковъ, въ роднѣхъ вторыхъ торгъ людьми непавѣстенъ, и проклятія, которыя они произнесли въ своемъ негодованіи на безчеловѣчность разбойниковъ-туркменцевъ, могутъ лучше всего дать понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергаются плѣнные.

Исторгнутое отъ родины и семейства, въ жалкихъ лохмотьяхъ, приривающихся лишь нѣкоторыя части тѣла, въ тяжелыхъ оковахъ, причиняющихъ по тяжести своей язвы и нестерпимую боль при малѣйшемъ движеніи, проводить они цѣлыя недѣли плѣна при самой отвратительной пищѣ. Для отстраненія возможности побѣга надѣвають имъ на ночь *карабур*—железныи ошейникъ, который цѣпью привѣшенъ къ большому котлу, издающему страшный звонъ при малѣйшемъ движеніи. Страданія эти превращаются лишь выкупомъ или продажою въ Хиву и Бухару. Я никакъ не могъ привыкнуть къ брацанью невольничьихъ цѣпей, раздающемуся въ палаткѣ почти каждаго туркменца, и самъ долженъ былъ обходиться грубо съ этими несчастными, потому что малѣйшее съ моей стороны выраженіе сожалѣнія къ нимъ возбудило бы подозрѣніе и ко мнѣ самому. Во все время моего пребыванія въ Гѣмюштентѣ, не проходило ночи, чтобы раздающіеся со стороны моря выстрѣлы не возвѣстили о приходѣ лодки съ новою добычею. Однажды утромъ, я отправился, чтобы просить у героевъ причитающейся дервишамъ десятой части добычи, собственно же чтобы видѣть несчастныхъ персовъ въ первыя минуты ихъ бѣдствія, и сердце мое облилось кровью при этомъ потрясающемъ зрѣлищѣ. Такимъ образомъ я медленно свивался съ самыми поразительными противоположностями пороковъ и добродѣтелей, жестокости и челоуѣколюбія, утонченнаго плутовства и самой щепетильной честности, которыя встрѣчаются вездѣ на Востокѣ, а въ особенности въ Средней Азіи, и по преимуществу тамъ, гдѣ исламъ, этотъ убійственный ядъ всякой общественной жизни, разсѣялъ сѣмена своей ложной цивилизаціи. Вліяніе на людей религіи и исторіи дѣйствительно поразительно. Нѣсколько часовъ пути отдѣляютъ страну эту отъ Персіи, а тѣмъ не менѣе нравы, обычаи и образъ мысли туркменновъ и персіанъ до крайности различествуютъ. Нельзя не смѣяться, когда тѣ же самыя безчеловѣчныя туркмены дѣлали только что не ежеминутно особенный обѣдъ для гостей-лилахъ, съ религиозною цѣлью, при которомъ мы всѣ должны были находиться. Приглашенія къ нимъ повторялись по нѣскольку разъ въ день, и если я иногда отказывалъ, то приглашавшій насилу выталки-

Т. СЛXII. — Отг. I.

валь меня изъ моей палатки сильными толчками въ бока, согласно правилу туркменскаго этикета, что «тѣмъ сильнѣе толчки, тѣмъ сердечнѣе приглашеніе». Предъ палаткою разстлали войлоки или ковры у болѣе богатыхъ, приглашенные сѣдлись въ нѣсколько вкруговъ и предъ каждою группою ставили большія деревянныя, наполненныя кушаньями, чаши, въ которыя каждый и залѣзалъ собственными руками, безъ всякаго пособія какой-либо другой посуды. Не вдаваясь въ способы приготовленія кушаньевъ, не касаясь ихъ качествъ и вкуса — замѣчу только, что мясо лошадей и верблюдовъ составляетъ обыкновенную пищу туркменовъ, хотя они ѣдятъ также и другихъ разныхъ животныхъ. Пробытъ, вопреки желанію нашему, болѣе трехъ недѣль въ Гѣмюштентѣ, мы едва могли, наконецъ, приступить къ приготовленіямъ въ дальнѣйшее наше путешествіе; гостепріимный Хандшанъ рѣшительно не хотѣлъ отпускать насъ. Намъ удалось нанять для себя и всей своей полкажи, то-есть муки и воды, нѣсколько верблюдовъ у одного хивинскаго туркменца, который, совершая свое ежегодное путешествіе, отправлялся съ товарами въ Хиву и велъ также порожнихъ верблюдовъ, которые и соглашался дать намъ за два дуката съ каждаго до Хивы; воду же и муку нашу рѣшался везти даромъ. Припрятанныя мною деньги давали мнѣ возможность нанять для себя одного отдѣльнаго верблюда, но Билаль отсвѣтывалъ мнѣ это сдѣлать, говоря, что бѣдная и внушающая состраданіе внѣшность служить лучшимъ предохранительнымъ средствомъ среди кочевниковъ, жадность которыхъ возбуждается малѣйшимъ признакомъ довольства и комфорта, и обращаетъ ихъ изъ лучшихъ друзей въ хищныхъ враговъ.

Поэтому, нанявъ верблюда съобща съ Билаломъ и другимъ, я просилъ только, чтобы позволили перекинуть ему черезъ спину для сидѣнья двѣ большія плетенныя корзины, ибо постоянная ѣзда днемъ и ночью верхомъ на узкомъ, деревянномъ сѣдлѣ, и притомъ еще вдвоемъ, до крайности меня бы утомила.

Боясь скорого наступленія жаровъ и не желая понапрасно терять время, я хотѣлъ, какъ можно скорѣе, отправиться въ путь, но это зависѣло, къ сожалѣнію, отъ керван-баши ханскаго (то-есть начальника каравана) *, который, прибывъ сюда изъ Хивы за буйволицами для хана, находился въ главѣ нашего каравана. «Ты напрасно торопишься — говорилъ Билаль — ты останешься

* Лица эти назначаются для каждаго каравана особыя, самими ханомъ и обладаютъ основательными и подробными свѣдѣніями въ отношеніи предстоящаго пути. Собственно говоря, каждый отдѣльный путь имѣетъ своего керван-баши.

на берегахъ Гѣргена до тѣхъ поръ, пока само провидѣніе (назвѣтъ) назначитъ тебѣ другой источникъ питья; когда же это послѣдуетъ — никому неизвѣстно». Читатель можетъ судить, какое впечатлѣніе производилъ подобный восточный отвѣтъ на основательно нетерпѣливаго человѣка, который боится за свою жизнь, вслѣдствіе постоянно возникавшихъ сомнѣній въ дѣйствительности присвоеннаго имъ званія; но дѣлать было нечего, и я покорился судьбѣ.

Ночью карачи (разбойники) опять захватили измѣнническимъ образомъ пять персіанъ, чего не одобрили даже прочіе туркменцы, хотя нѣтолько не рѣшались выдать плѣнныхъ, несмотря на требованіе объ этомъ правительства персидскаго и даже русскаго гарнизона въ Ашурѣ, а, напротивъ, готовились съ оружіемъ въ рукахъ противиться такому, вполне законному требованію. При всеобщемъ вооруженіи, сунули въ руки и мнѣ ружье, поставивъ меня чрезъ это въ крайне-затруднительное положеніе — я рѣшительно не зналъ, въ кого мнѣ стрѣлять. Къ счастью, дѣло уладилось безъ оружія, дипломатически, именно такъ, что туркмены дали заложниковъ впредь подобныхъ разбоевъ не дѣлать, заключенные же пять персіанъ тѣмъ не менѣе остались въ плѣну. Изъ нихъ одинъ богатый былъ выкупленъ за большую сумму, а разслабленный совсѣмъ, нестойвшій даже и 4-хъ дукатовъ по оцѣнкѣ, былъ добровольно отпущенъ туркменами; остальные трое, наиболѣе цѣнные и здоровые, отправлены закованные въ Этрекъ — мучительное мѣсто заключенія плѣнныхъ.

Дня чрезъ два въ полдень, отправились мы, наконецъ, изъ Гѣмюштена, сопровождаемые съ частью, по обычаю кочевниковъ, нашими хозяиномъ и его друзьями. Несмотря на наши просьбы, они въ точности выполнили этотъ обычай туркменскаго гостепріимства, во избѣжаніе всякихъ, съ нашей стороны, жалобъ и претензій. Я съ грустью простился съ добродушнымъ хозяиномъ, который безъ всякихъ корыстолюбивыхъ цѣлей нѣтолько оказывать полное все время гостепріимство мнѣ и пятерымъ изъ моихъ спутниковъ, но и снабдилъ насъ всѣмъ необходимымъ на дорогу. Мнѣ было жаль расстаться съ такимъ благороднымъ человекомъ, не имѣя другой возможности чѣмъ либо отблагодарить за его расположеніе, какъ только вводя его въ заблужденіе относительно моей личности.

Наша дорога шла теперь на Этрекъ (откуда и долженъ былъ выступить весь караванъ), склоняясь все болѣе на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго моря. Мы проходили прекрасными, покрытыми роскошною растительностію, степями, богатство которыхъ пропадаетъ даромъ, потому что туркменцы, обитающіе эти мѣста,

скотоводствомъ не занимаются. Какое множество селеній могло бы процвѣтать въ этихъ мѣстахъ, щедро снабженныхъ водою, и оживить дѣятельною своею жизнью эту мертвую тишину, которая въ настоящее время прерывается лишь неприятными звуками двѣхъ свиней, водящихся во множествѣ въ этихъ влажныхъ мѣстахъ. Внезапное появленіе ихъ часто пугало нашихъ животныхъ до того, что они судорожно кидались въ сторону, причѣмъ я однажды и упалъ вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ на землю какъ разъ на пару молодыхъ свинокъ, и едва не простался съ жизнью подъ кликами разсвирепѣвшей ихъ матери, еслибы только молодой туркменецъ не прогналъ ее своимъ копьемъ. Такое избавленіе считалось великимъ счастьемъ, потому что, по понятіямъ мусульманъ, смерть, причиненная дикою свиньею даже самому набожному изъ ихъ единоумѣрцевъ, дѣлаетъ его несчастнымъ и столь грѣшнымъ, что даже пребываніе въ огнѣ чистилица, впродолженіе *пятисотъ лѣтъ*, не въ состояніи его очистить.

Мѣстность понемногу подымается въ гору, скрывая постепенно вдали горныя вершины, находящіяся на персидской границѣ; изрѣдка лишь видѣлись отдѣльныя группы палатокъ, по близости которыхъ паслись верблюды; въ одной изъ нихъ назначенъ былъ нашъ ночлегъ, потому что верблюды, сильно навьюченные, слишкомъ устали, чтобы дойти до Этрека въ одинъ переходъ. Хозяинъ палатки, самъ по себѣ старый и недостаточный туркменецъ, былъ внѣ себя отъ удовольствія, что Богъ послалъ ему гостей и, несмотря на наше сопротивленіе, закололъ для насъ единственную, принадлежащую ему козу, и отдалъ даже шкуру ея одному изъ нашихъ спутниковъ, сдѣлавъ изъ нея мѣхъ для воды. При этомъ онъ плакалъ отъ радости.

Но между тѣмъ этому же доброму туркмену переданъ былъ нами одинъ плѣнный персіанинъ, на томъ основаніи, что онъ лучше всѣхъ умѣлъ вывѣдывать отъ плѣнныхъ, имѣютъ ли они достаточно средствъ чтобы быть выкупленными своими родственниками, или уже до того бѣдны, что не представляя надежды на выкупъ, должны быть проданы въ Хиву. Хитрый персіанинъ даже и въ своемъ несчастіи до крайности скрытенъ, а потому и подвергается разнымъ истязаніямъ, пока своими жалобными серенадами не побудитъ своихъ внести за него наиболѣе высокій выкупъ. Это всего выгодише туркменамъ, тогда-какъ продажа плѣнныхъ хивянкамъ одинаково невыгодна для обѣихъ сторонъ. Хищникъ получаетъ за плѣннаго одну лишь существующую продажную на невольниковъ цѣну, а несчастный персіанинъ угоняется за тысячи верстъ отъ родины, которую едва-ли уже уви-

лечь. Приведенный нами персіянинъ сейчасъ же былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и назначенъ на работу. Я былъ внѣ себя отъ подобной жестокости.

Вотъ впечатлѣнія, поочередно производимыя на путешественника гостепримствомъ и добродѣтелями, а также пороками и варварствомъ этихъ кочевыхъ народовъ, неразлучно сопровождающими первыхъ. Осыпанный благодареніями и подарками, возвращаясь домой, я хотѣлъ однажды письменно расхвалить ихъ, какъ вдругъ вышеупомянутый персіянинъ, увидавъ меня одного, слезно просилъ дать ему нѣсколько воды, потому что онъ уже два дня получаетъ вмѣсто хлѣба высушенную, соленую рыбу, и хотя цѣлый день работаетъ на солнцѣ въ огородѣ, не получаетъ ни капли воды. Я удовлетворилъ просьбѣ этого несчастнаго, который терпѣть отъ всѣхъ въ домѣ, а болѣе всего отъ второй жены хозяина, своей соотечественницы, прежней персидской невольницы, поступавшей такъ съ цѣлью показать рвеніе и преданность новому отечеству.

Уже въ Гемюштенѣ возмущали меня подобныя сцены; теперь же я долженъ былъ сознаться, что мѣсто это — центръ гуманности и цивилизаціи въ сравненіи съ другими. Палатка и ея обитатели опротивѣли мнѣ и я охотно желалъ быть въ степи, среди природы, одинаково величественной и страшной. Мы ждали съ нетерпѣніемъ извѣстія о прибытіи керван-баши, который долженъ былъ рѣшить, какою дорогою изъ трехъ направимся мы въ Хиву. Выборъ этотъ обуславливается отношеніемъ племенъ, кочующихъ въ степи, а также числительностію самаго каравана. Къ нашему счастью, мы дня чрезъ два получили извѣстіе, что онъ прибылъ въ Этрекъ, куда мы и поспѣшили чрезъ пески, занимаемые крайне хищнымъ племенемъ кемъ, и вскорѣ переправились въ бродъ чрезъ эту рѣку, вода которой имѣла сильно соленый вкусъ, что показывало близость ея высыханія на лѣто. Вокругъ холма, съ котораго открывалась отличная панорама на синѣющее вдали Каспійское Море съ одной стороны, а съ другой — на необозримую степь, со стоящими на ней изрѣдка палатками, похожими издали на воровныя кучи, стояли постояннымъ лагеремъ нѣкоторые туркмены, представляя собою послѣдній форпостъ великой степи. Пользуясь сномъ моихъ спутниковъ, я написалъ два письма на тщательно припрятанной мною бумагѣ въ ватѣ моего халата, а также вѣ коранѣ, одно — пріятелю Хандшану а другое — въ турецкое посольство въ Тегеранъ, поручилъ доставленіе ихъ по принадлежности нашимъ проводникамъ, отправлявшимся обратно, и пошелъ въ начальнику каравана, который привялъ меня очень сурово.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнить того купца, потребляющаго опиумъ, который предлагалъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Уроженецъ Кандагара, онъ, какъ я узналъ теперь, имѣлъ случай перѣдко видѣть европейцевъ по занятии этой страны англичанами, и съ перваго же взгляда узнавъ во мнѣ европейца, принялъ за одного изъ тайныхъ эмиссаровъ, которые странствуютъ всегда съ немалыми деньгами. Онъ надѣялся постепенно перебрать эти деньги и у меня, угрожая мнѣ повременамъ намѣреніемъ открыть мое истинное званіе и происхожденіе. Раздраженный уорнымъ моимъ отказомъ на его неоднократныя предложенія совершить путешествіе вмѣстѣ, онъ сообщилъ всѣ свои обо мнѣ предположенія нашему керван-баши, который повидимому и раздѣлялъ его взгляды, несмотря на всѣ наши разузнанія.

Часа чрезъ два послѣ нашего свиданія, керван-баши приказалъ наполнить тщательно дни на три мѣхи водою, замѣтивъ при этомъ, что въ степи важная капля воды—жизнь, а потому и мѣхъ съ водою, этотъ источникъ жизни, должно беречь пуще своего глаза. Мы скоро навьючили весь караванъ, состоявшій изъ 80 верблюдовъ и около 40 лицъ всякаго рода, въ числѣ коней были 26 безоружныхъ дервишей и хаджи; остальные же состояли изъ довольно порядочно вооруженныхъ туркменовъ-юмутовъ. Усѣвшися какъ слѣдуетъ, мы простылись съ туркменами, доставившими насъ до этого пункта, и направились теперь, 13-го мая 1863 года, прямо на сѣверъ, предоставивъ себя вполнѣ, по чисто-восточному обычаю, всѣмъ случайностямъ судьбы. Безъ всякихъ видимыхъ указаній нашего пути, руководясь днемъ—солнцемъ, а ночью—полярною звѣздою, тянулись мы вереницею по песчаному грунту, который скоро смѣнялся твердымъ глинистымъ, такъ что мѣрные шаги отдаленныхъ верблюдовъ въ тишинѣ ночной слышались совершенно отчетливо. Пройдя цѣлый день и ночь, мы остановились незадолго предъ разсвѣтомъ, кормили верблюдовъ, а сами завтракали еще очень роскошно, потому что имѣли чюка достаточно воды, чтобы запить тяжелый, прѣсный хлѣбъ, составлявшій единственное наше блюдо. При этомъ узналъ я, что керван-баши затрудняется взять меня съ собою въ Хиву, находя подозрительнымъ мое званіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ взялъ съ собою въ Хиву французскаго агента, который дорогою снялъ самую подробную ситуацію степи, чрезъ что ханъ хивинскій до крайности разсердился, приказалъ казнить двухъ лицъ, сообщавшихъ свѣдѣнія французу, самъ керван-баши спасъ свою жизнь лишь клятвеннымъ увѣреніемъ быть на будущее время осторожнѣе. Но послѣ долгихъ убѣжденій не оставлялъ меня посреди степи, онъ согласился взять меня съ условіемъ—подвергнуть предварительно тщательному

обиску, съ тѣмъ чтобы узнать, не имѣю ли я, подобно французу, какихъ либо рисунковъ или барандашей, а также взять съ меня клятвенное обѣщаніе не записывать ничего о горахъ, колодезяхъ и дорогахъ; въ противномъ случаѣ меня оставить немедленно среди степи.

Я весьма энергично протестовалъ противъ этого, рѣзко выражалъ негодованіе противъ такого оскорбительнаго для меня подозрѣнія, и немало смутилъ керван-баши, который былъ собственно очень честный и добрый человекъ, но азіяецъ, желавшій не столько изъ злобы, сколько изъ особенной склонности къ тайственному открытѣ во мнѣ скрытаго иностранца, несмотря на то, что не разъ удивлялся моему знакомству съ восточными духовными книгами и познаніямъ въ религіозныхъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе дальнѣйшаго подозрѣнія, я не могъ дѣлать мнѣхъ замѣтокъ, а тѣмъ болѣе спрашивать о названіяхъ различныхъ мѣстъ. Въ степи, какъ бы она ни была велика, каждый оазисъ, мѣстечко, холмъ, колодезь, долина и т. д. имѣютъ свое особое названіе, такъ что получивъ точныя свѣдѣнія, я могъ бы нанести на карту каждое отдѣльное урочище Средней Азіи, но теперь могу только сообщать лишь самыя скудныя о ней свѣдѣнія, собранныя путемъ самыхъ разнообразныхъ и хитрыхъ съ моей стороны уловокъ.

Дорогою мы отыскивали холмъ, въ которомъ зарытъ былъ хивинецъ, братъ одного изъ нашихъ спутниковъ, павшій въ битвѣ съ разбойниками, желавшими ограбить караванъ и взять въ плѣнъ очень богатаго персидскаго купца, который, переодѣтый, пробираясь въ Хиву по своимъ дѣламъ. Несмотря на требованія разбойниковъ выдать имъ только этого персіянина, хивинцы отказали имъ, вступили въ неровный бой, причемъ и былъ убитъ этотъ хивинецъ, умирая поручившій нашему спутнику охраненіе персіянина, который и былъ доставленъ въ цѣлости въ Астрабадъ. Послѣ немалыхъ поисковъ, мы наконецъ отыскали холмъ, открыли полуистлѣвшій трупъ и съ разными молитвами переложили въ особый, взятый съ собою гробъ и повезли въ Хиву. Желая навестать потерянное при этомъ время, мы рѣшили — идти всю ночь, въ продолженіе которой всѣ, а также и нашъ керван-баши задремали, но вдругъ были пробуждены крикомъ — мы заблудились. Всѣ обратились ко мнѣ за моимъ компасомъ. При тускломъ свѣтѣ тлѣющей губки мы увидѣли, что смотрѣвшій, вмѣсто керван-баши, за направленіемъ каравана принялъ немного на востокъ, въ то время какъ небо было покрыто тучами, но пока еще немного уклонились отъ настоящаго пути и вскорѣ достигли установленнаго привала, гдѣ набрали себѣ множество дикой желтой рѣпы, особенно вкусной и сладкой. Собственно говоря

мы не знали, по какой именно дорогѣ изъ трехъ идемъ мы въ Хиву; эта таинственность особенно необходима здѣсь, гдѣ можно ожидать ежеминутнаго нападенія.

Убыль воды въ мѣлахъ заставляла по возможности скорѣе придти къ одному изъ источниковъ, къ которымъ доступъ возможенъ только лишь при мирныхъ отношеніяхъ съ кочующими около нихъ іомутами изъ Атабая.

Къ счастью нашему, роды и колѣна, кочевавшіе тогда тутъ, были въ дружбѣ съ хивинцами, и мы могли совершенно спокойно запастись водою и налюбоваться развалинами, повидимому такого же происхожденія, какъ и осмотрѣнная мною въ Гѣмштентѣ. Они извѣстны подъ именемъ Мешед-Мисриянъ, состоятъ изъ отдѣльных колоній, также стѣны въ 6—8 футовъ вышины, довольно хорошо сохранившагося четырехугольнаго укрѣпленія и двухъ круглыхъ башенъ. Повидимому, это была крѣпость, къ которой принадлежалъ и великолѣпный водопроводъ, доставлявшій воду съ разстоянія почти въ 150 англійскихъ миль.

Тутъ же были совершены равныя торговыя сдѣлки съ кочевниками и нашимъ караваномъ, и притомъ въ кредитъ. Позванный для написанія заемнаго письма, я немало удивился, что письмо это отдается должнику, исходя отъ того турменскаго правила, что росписка или письмо должны напоминать турменцу объ его долговыхъ обязательствахъ.

Отъ этого мѣста до Хивы намъ оставалось еще 14 дней пути, продолженіе которыхъ мы не должны встрѣтить ни души, ни прѣсной воды, а только четыре ключа съ горько-соленою водою. Это заставило насъ крайне бережливо обходиться даже съ водою, взятою изъ колодца, при развалинахъ, которая была очень грязна и мутна, а отъ постоянного качанія на верблюдахъ и потерю чрезъ испаренія, стала совсѣмъ грязью, отвратительною на вкусъ. Дорога была крайне однообразна, а препровожденіе времени совершенно правильно. Мы ежедневно останавливались три раза часа по два, именно: предъ восходомъ солнца — причемъ и пекли хлѣбъ на цѣлый день, въ полдень — чтобы дать какъ нибудь вздохнуть животнымъ и людямъ отъ невыносимой жары, и предъ закатомъ солнца — чтобы подкрѣпить себя тощимъ ужиномъ, состоящимъ изъ хлѣба и воды. Земля, крѣпкая глина, изрѣдка была покрыта скудными растеніями и представляла собою сухую, обнаженную поверхность, отъ жара растреснувшуюся въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Подходя къ Малому Балвану, мы ночью снова сблѣсь съ дороги и чуть было не погибли въ находящихся тутъ въ значительномъ количествѣ соляныхъ болотахъ, которыхъ нѣтъ возможности отличить отъ твердой земли,

потому что вся поверхность одинаково покрыта солянымъ палетомъ въ палецъ толщини. Мы немало разстоянія прошли по одному изъ такихъ болотъ, какъ вдругъ верблюды, чувствуя подъ ногами колебаніе, ни за что не хотѣли болѣе идти впередъ. Мы всѣ оскочили и ужаснулись своего положенія; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, и мы всѣ были бы поглощены вѣроломною поверхностью. Нашъ кербан-баши, проснувшись, приказалъ всѣмъ стоять на мѣстѣ, среди почти невыносимаго запаха соды, не двигаясь, до самаго разсвѣта, когда съ немалыми затрудненіями намъ удалось повернуть верблюдовъ и продолжать настоящій путь въ Балкану, котораго вскорѣ мы и достигли. Мяновавъ этотъ голый, бесплодный хребетъ въ 2—3,000 футовъ вышины, обильный, по рассказамъ туркменовъ, минералами, мы вскорѣ достигли предгорій Большого Балкана, который, простираясь съ сѣвера на югъ, придаетъ немало красоты этой странѣ, ужасающей своею страшною безжизненностію и тишиною. Къ тому же глазъ боязливо озирается кругомъ въ страхъ замѣтить гдѣ-либо посторонняго человѣка, котораго въ степи должно всегда встрѣчать съ оружіемъ въ рукахъ. На этомъ основаніи розданы были между нами сабли, копыя и даже два ружья съ фитилями, а кербан-баши приказалъ ежедневно за молитвою просить Бога о безопасности, по возможности избѣгать днемъ и ночью всякаго шума или разговора и отсюда не разводить огня ночью.

Съ подобными предосторожностями дошли мы, наконецъ, до такъ-называемаго древняго русла Оксуса, безводной лощины съ довольно крутымъ спускомъ и подъемомъ, причемъ слѣды тропинокъ отъ предшествовавшихъ годовъ были снова совершенно занесены пескомъ.

Мы съ трудомъ перешли это мѣсто; верблюды наши скользили и падали въ рыхломъ пескѣ и мелкихъ камняхъ, причемъ оказалось вполнѣ неудобство принятаго обычая привязывать верблюда веревкою, продѣтою черезъ его ноздри къ хвосту предъ нимъ вдушаго верблюда. Какъ скоро одинъ изъ нихъ остановится или упадетъ въ этой общей вереницѣ, то его тянуть насилью другіе, пока, причиняя страшную ему боль, не лопнетъ веревка, или онъ не встанетъ.

По мѣрѣ того, какъ Балканъ терялся изъ виду, величіе необозримой степи становилось все колосальнѣе и ужаснѣе. Я прежде полагалъ, что величіе степи производитъ на насъ впечатлѣніе въ томъ только случаѣ, когда наше воображеніе придаетъ картинамъ извѣстную опредѣленность и колоритъ; но это ошибочно. Не воображеніе, какъ ложно утверждаютъ, но сама природа вос-

пламеняет наше воодушевление. Я не раз пытался выснить себѣ неопредѣленные цвѣта и колоритъ степи тѣмъ, что воображалъ себѣ города и дѣятельную жизнь въблизи, но тщетно; не-обозримые песчаные холмы, страшная мертвая тишина, желто-красный цвѣтъ восходящаго и заходящаго солнца ясно свидѣтельствовали мнѣ о моемъ пребываніи съ пустынѣ, быть можетъ, величайшей на всемъ земномъ шарѣ.

Изрѣдка попадались намъ ключи соленой и вонючей воды, которую тѣмъ не менѣ пили мои спутники съ небольшою жадностью, чѣмъ наши животныя, несмотря на мои совѣты воздержаться, во избѣжаніе мучительныхъ послѣдствій происходящей отъ этого еще большей жажды.

Мы остановились разъ у одного холма, отличающагося отъ прочихъ по своей величинѣ, на которомъ стояли двѣ такія же корзины, какъ тѣ, въ которыхъ мы сидѣли. Мнѣ сказали, что путешественники, сидѣвшіе въ нихъ, погибли въ степи и что каждое мѣсто, которое когда либо служило человѣку мѣстомъ отдохновенія, пользуется особеннымъ уваженіемъ турменовъ, а разрушить его считается грѣхомъ. Странный предрасудокъ! Продавать людей и опустошать земли считается добродѣтелью въ этихъ мѣстахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ *корзина* пользуется уваженіемъ, потому что въ ней *сидѣлъ* человѣкъ. Степь и ея жители дѣйствительно представляютъ много страннаго и поразительнаго, и читатель изумится еще болѣе, узнавъ о томъ, что случилось съ нами вечеромъ. Отправившись отыскивать дождевой воды, мы сдѣлали не болѣе 40 шаговъ, какъ вдругъ сопровождавшіе насъ турменцы, обративъ вниманіе на нѣкоторые слѣды, сказали, что тутъ скрывается человѣкъ. Мы зажгли фитили и руководясь слѣдомъ, дошли до входа въ пещеру, въ которую смѣло вошли, убѣжденные все болѣе и болѣе, что напали на слѣдъ человѣка. Мы дѣйствительно наконецъ и увидѣли таковаго, вполнѣ одичалаго, съ длинными волосами и бородою, въ одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, который, также очень изумленный нашимъ появленіемъ, кинулся на насъ съ копьемъ въ рукѣ.

Съ жаднымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ я на всю эту сцену, впродолженіе которой сопровождавшій насъ керван-баши сохранялъ, по обычаю Востока, невозмутимое спокойствіе. Увидѣвъ дикаря, онъ опустил свое оружіе, и сказавъ тихо «амонбаль» (миръ съ вами), удалился изъ страшнаго мѣста. «Это—обреченная жертва кровной мести, сказалъ онъ мнѣ:—избѣгая оной, этотъ несчастный уже нѣсколько лѣтъ бродитъ зимою и лѣтомъ въ пустынѣ; онъ не можетъ и не смѣетъ видѣть людей».

Нелишнее замѣтить, что кровная месть допускается въ здѣш-

нихъ мѣстахъ и религіею, и я былъ разъ свидѣтелемъ, какъ сынъ застрѣлилъ своего вочима въ присутствіи матери (то-есть жены убитаго) потому что, какъ оказалось, онъ принималъ участіе въ убійствѣ его отца (то-есть перваго мужа его матери), *восемь мѣтъ* назадъ. Присутствовавшіе поздравляли сына съ успѣшнымъ исполненіемъ благочестиваго подвига и въ то же время утѣшали его мать.

Эта встрѣча утѣшила насъ хотя нѣсколько въ тщетныхъ поискахъ нашихъ за дождевою водою, и мы ужасались мысли, что сегодня вечеромъ выпьемъ послѣднія капли хранившейся еще у насъ грязи. Многихъ подозрѣвали, что они припрятали себѣ воду; но въ степи, гдѣ всякое покушеніе на мѣхъ съ водою считается покушеніемъ на жизнь, сочли бы сумасшедшимъ того, кто захотѣлъ бы получить отъ другого въ займы или въ подарокъ немного воды. Дневной жаръ былъ невыносимъ, всѣ лежали недвижимо, истомленные до крайности, но слова «вода, вода», произвели магическое дѣйствіе, особенно когда увидали, что дѣйствительно керван-баши раздастъ каждому по ставнѣ чистой, прѣсной воды. Онъ разсказалъ, что съ давнихъ лѣтъ имѣетъ привычку, во время слѣдованія въ степи, содержать въ тайнѣ отъ всѣхъ порядочное количество хорошей воды, чтобы раздавать ее въ то время, когда въ ней всѣ наиболѣе нуждаются. Это великій, благодѣтельный поступокъ (севобъ) и притомъ весьма богопріятный, ибо одно туркменское изреченіе гласитъ, что «капля воды, данная въ степи томящемуся жаждою, влечетъ за собою отпущеніе грѣховъ, совершенныхъ въ продолженіе ста лѣтъ». Опредѣлять степень этого благодѣланія одинаково невозможно, какъ и описать самое наслажденіе, доставляемое глоткомъ прѣсной воды. Я думалъ, что утолилъ жажду по крайней мѣрѣ дня на три, но неосновательность этого предположенія скоро обнаружилась. Жаръ, особенно въ полдень, становился поистинѣ невыносимымъ; солнечные лучи нагрѣвали песокъ на футъ глубиною до того, что даже самый дикій азіатецъ, обыкновенно презирающій всякаго рода обувь, подвигивалъ себѣ кусокъ какой нибудь кожи на подобіе сандалій. Немудрено, что мы всѣ вскорѣ опять томились жаждою, которая увеличилась соблюденіемъ религіозной обязанности въ Кариман-Ата, извѣстное мѣсто поклоненія среднеазіатскихъ паллигримовъ. Пѣшкомъ прошли мы до самой вершины холма, гдѣ повисла прахъ какаго-то святаго, и истомленные жаждою и жаромъ завывали, какъ бѣснующіеся, разные гимны (телькинны и стихи изъ Корана), причемъ я мысленно проклиналъ святаго, подвергнувшаго меня такой пыткѣ. Кругомъ видѣлись нѣсколько могилъ, безмолвно свидѣтельствовавшія о

несчастливыхъ путешественникахъ, сдѣлавшихся жертвою стнхій или разбойниковъ,

Подъ покровительствомъ святаго находились нѣсколько володцевъ, видъ которыхъ насъ очень обрадовалъ; но вообразите же наше разочарованіе, когда вода, холодная какъ ледъ, была до того солоня, горька и вонюча, что мы, при всей нашей жадѣ, не могли проглотить и капли ея. Мы стали впервые беспокоиться о нашей участи, но наступившая вскорѣ гроза положила конецъ нашему мученію. Всѣ ожили, и радость наша была неопи- санная, когда мы подошли къ небольшому озеру, образовавшемуся на глинистомъ грунтѣ отъ дождевой воды. Къ тому же мы миновали уже опасныя мѣста степи и достигли наконецъ столь ожидаемой нами глубокой лощины, на противоположной сторонѣ которой находится возвышенность *Кафланкиръ* (поле тигровъ), принадлежащая уже къ хивинскому ханству. Лощина эта, по преданію туркменцевъ, составляла нѣкогда также русло Оксуса, который омывалъ съ двухъ сторонъ Кафланкиръ, рѣзко отличающійся и теперь еще отъ остальной степи свойствами почвы, а также богатствомъ царствъ животнаго и растительнаго. Встрѣчая тутъ огромныя стада газелей и дикихъ ословъ, лишь нрѣдка до сего времени попадавшихся намъ на глаза, мы достигли значительнаго озера въ 12 англійскихъ миль въ окрестности, на берегахъ котораго мы и остановились на шесть часовъ, чтобы каждый изъ насъ могъ совершить *тусла*, то-есть полное омовеніе тѣла, повелѣваемое въ особенныхъ случаяхъ религіею; къ тому же 28 мая какъ разъ былъ одинъ изъ самыхъ главныхъ мусульманскихъ праздниковъ, эйди-курбанъ. Всѣ мои спутники иябли въ своихъ котомкахъ чистую рубашку, которой у меня, однако, не было; я отказался принять предлагаемую мнѣ Бидаломъ въ томъ предположеніи, что чѣмъ бѣднѣе и жалостнѣе моя наружность, тѣмъ значительнѣе моя безопасность. Я разразился смѣхомъ, увидавъ въ зеркалѣ мое лицо, покрытое слоемъ пыли и песку толщиной въ палецъ, который отчасти защищалъ лицо отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Впрочемъ, всѣ мои спутники были въ такомъ же видѣ въ силу *тсіеммуна*, по которому дозволяется пророкомъ въ мѣстахъ безводныхъ совершать ежедневное умовеніе не водою, а пескомъ и пылью.

Пустившись далѣе, мы повстрѣчали нѣсколько весьма набожныхъ эзбеговъ, также кочевниковъ, которые весьма щедро вознаграждали насъ хлѣбомъ и мясомъ за благословеніе, прошли мимо развалинъ покинутаго укрѣпленія Ханабать, и вскорѣ достигли селенія эзбеговъ *Ахль*, гдѣ кончается уже совсѣмъ степь, лежащая между Гѣмюштенемъ и Хивою. Жители были очень

добрые люди, встрѣчали насъ съ радушіемъ и гостепрѣимствомъ. Во время нашего двухдневнаго тутъ пребыванія, меня всего болѣе удивляло то отвращеніе, которое имѣютъ полудивилизованные, полуосѣдлые туркмены ко всему, что составляетъ хозяйство и правленіе. Хотя они уже нѣсколько столѣтій живутъ по осѣдству съ эзбегами, но тѣмъ не менѣе ненавидятъ ихъ нравы и обычаи, избѣгаютъ всякаго съ ними сообщенія и считаютъ родственнаго имъ по языку и происхожденію эзбега такимъ же для себя чужимъ, какъ и готтентота.

Миновавъ Газавать и отдохнувъ немного на равнинѣ предъ Шейхлар-Калесси, гдѣ мучили насъ и животныхъ самыя свирѣпыя и большіе комары, какихъ когда либо я видѣлъ, мы скоро приблизились къ столицѣ ханства, которая, подъ вліяніемъ роскошной природы полной весны, повазалась намъ весьма привлекательною. Я полагалъ, что это должно объяснять отчасти тѣмъ, что Хива представляетъ полный контрастъ съ степью, ужасающій образъ которой до сего времени мелькалъ предъ моими глазами. Но и въ настоящее время, послѣ того, какъ я посѣтилъ многія очаровательныя мѣста Европы, долженъ сказать, что окрестности Хивы, покрытыя небольшими дворами (собственно хавли означаетъ палатку, конюшню, амбаръ и прочія хозяйственныя постройки, принадлежащія къ хозяйству эзбега-селянина), осѣненными тополами, до сего времени кажутся мнѣ очень привлекательными. Самый городъ, возвышающійся среди садовъ, производить издали благопріятное впечатлѣніе. Замѣчательно, что узкая полоса великой степи доходить отъ Мерва на разстояніе получаса ходьбы отъ Хивы, чтобы такимъ образомъ еще разъ выказать самую поразительную противоположность между жизнью и смертью. Но мы вскорѣ имѣли случай еще разъ повѣрить на дѣлѣ справедливость поговорки: наружность обманчива.

НѢМЕЦКАЯ НАУКА И ПЕДАГОГИКА ВЪ РОССИИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Посвящается памяти Ломоносова.

Говорятъ, будто открытыя въ послѣднее время данныя доказываютъ, что во враждѣ Ломоносова съ нѣмецкими членами академіи наукъ нельзя видѣть національнаго антагонизма, что все дѣло происходило частію изъ неустройства академіи въ то время, частію изъ особенностей характера Ломоносова, извѣстнаго своею вспыльчивостью и раздражительностью. Мы охотно вѣримъ этому; мы даже съ удовольствіемъ убѣдимся въ томъ, что человѣкъ такого ума, какъ Ломоносовъ, въ своей враждѣ съ товарищами по академіи, не основывался на причинѣ, недостаточность которой не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Еслибы Ломоносовъ безъ всякаго разбору дѣлалъ вражду вездѣ и во всемъ своимъ товарищамъ нѣмцамъ, это не было бы достойно его: на это стало бы всякаго; для этого не нужно было бы того ума, которымъ обладалъ Ломоносовъ. Даже отъ Ломоносова трудно было бы ожидать этого: онъ самъ былъ ученикомъ нѣмцевъ, и имѣя большое уваженіе къ наукѣ, не могъ враждебно относиться къ представителямъ этой самой науки. Напротивъ, гдѣ онъ видѣлъ дѣйствительную науку и дѣйствительнаго ученаго, тамъ было его полное сочувствіе; извѣстно, въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ былъ онъ съ Рихманомъ, и какое участіе принималъ послѣ его смерти въ судьбѣ его семейства.

Но тѣмъ не менѣе фактъ существуетъ: Ломоносовъ былъ во враждѣ съ нѣмцами, своими товарищами по академіи, онъ осуждалъ ихъ дѣйствія, онъ старался противодействовать имъ и въ наукѣ, и вообще въ дѣлахъ, касавшихся академіи.—Такъ откуда же шла эта вражда, если она не имѣла источникомъ народный антагонизмъ? Принимать, согласно съ академикомъ Гротомъ, что вражда происходила только изъ неустройства академіи и раздра-

жительности Ломоносова, нельзя. Раздражительность безъ причины обнаружиться не можетъ; а нестройство академіи не было достаточною причиною для того, чтобы Ломоносовъ сталъ во вражду съ членами ея, нѣмцами; въ нестройствѣхъ не они были виноваты; а ужъ Ломоносовъ-то могъ сообразить это. Очевидно, причина тутъ была другая, и мы безъ труда откроемъ ее, если немного присмотримся къ личности Ломоносова. Ломоносовъ любилъ, и мало связать—почитать, а боготворилъ науку; а не любилъ онъ невѣжество и бездарность; онъ не любилъ ихъ вездѣ, гдѣ ни встрѣчалъ, между русскими и между нѣмцами; такъ не любилъ онъ, между прочимъ, Сумарокова. Еще не любилъ Ломоносовъ всякаго рода интриги и неправды; самъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени прямой и благородный; впродолженіе всей своей жизни онъ всегда прямо шелъ къ своей цѣли, и очевидно другіе пути достиженія цѣлей не могли ему нравиться. А цѣль его тоже имѣла особый характеръ, далеко не общій ни въ его время, ни послѣ. Онъ былъ патриотъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова; Россія была его божествомъ, которому онъ поклонялся и служилъ, и служба его состояла въ томъ, что онъ сообразно съ своею подготовкою стремился всѣми возможными способами содѣйствовать распространенію образованія въ Россіи; самъ онъ былъ и поэтъ, и ораторъ, и ученый въ тѣсномъ значеніи слова, и притомъ по разнымъ отраслямъ наукъ: онъ былъ и физикъ, и химикъ, и историкъ, и филологъ, и металлургъ. Очевидно людей, подобныхъ Ломоносову, такихъ, которымъ онъ могъ бы сочувствовать по единству цѣлей, по сходству правилъ, много быть не могло въ его время, даже между товарищами его по академіи, которые притомъ, вслѣдствіе своего происхожденія, не могли имѣть ничего общаго съ нимъ въ чувствѣ безконечной преданности Россіи. И безъ сомнѣнія, въ то время, какъ Ломоносовъ всѣми своими помыслами принадлежалъ боготворимой имъ родинѣ, товарищи его, правда, тоже работали, но работали изъ-за хлѣба, какъ истинные Brodtgelehrte; странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, предположить внезапное возникновеніе любви къ Россіи у людей, которые на разныхъ условіяхъ пріѣзжали въ Россію, пріѣзжали и уѣзжали, если находили, что условія не такъ выгодны, какъ казались имъ прежде. Несомнѣнно, что люди эти относились къ Россіи и къ русскимъ свысока; чтò въ ней было хорошаго, этого они не видѣли, а на недостатки ея указывали ежеминутно пальцами. Очевидно, патриотическое чувство Ломоносова должно было страдать, и къ такимъ людямъ у него ничего не могло быть, кромѣ антипатіи. Съ другой стороны нравственное его чувство страдало отъ интригъ

и неправдѣ, господствовавшихъ въ то время въ академіи, и все-таки эти интриги были направлены противъ русскихъ. Нѣмцы въ то время больше даже нежели теперь считали призваніе образовывать Россію принадлежащимъ исключительно себѣ, и вотъ поднялись они на единственнаго независимаго русскаго, возвысившаго голосъ въ защиту правъ своей народности. Средства не были разбираемы; противники Ломоносова не отступали ни передъ чѣмъ, чтобы удалить его изъ академіи, а ученые мужи, товарищи его, даже не всегда по чувству своего превосходства, а иногда прямо по желанію увеличить свое содержаніе, присоединяли свои голоса къ тѣмъ, которые требовали его изгнанія. Какъ ко всему этому могъ относиться Ломоносовъ? И потомъ всѣ ли товарищи Ломоносова были, по крайней-мѣрѣ, достойными представителями науки, чтобы, по крайней-мѣрѣ, эту сторону могъ уважать въ нихъ Ломоносовъ? Къ сожалѣнію, этого онъ тоже не видѣлъ; а видѣлъ онъ то, чего переварить не могъ. Онъ видѣлъ, напри-мѣр, что нѣмцы разработывали русскія древности, филологію, исторію, не зная ни слова порусски.

Правда, эти самыя нѣмцы оказали безспорныя услуги русской исторіи, но Ломоносовъ не безъ основанія разсуждалъ, что если бы на ихъ мѣстѣ были люди, хорошо знающіе русскій языкъ и русскую литературу, то услуги эти были бы значительнѣе, и были бы полезнѣе для Россіи, потому что, въ такомъ случаѣ, свои сочиненія они писали бы порусски, а не по-нѣмецки. И отдавая справедливость ученымъ нѣмцамъ, занимавшимся русскими древностями, все-таки нельзя не сознаться, что заслуги ихъ были преувеличены, и въ послѣднее время послѣдніе труды уже чисторусскихъ ученыхъ доказываютъ это несомнѣнно, доказывая въ то же время, что ученые труды русскихъ того времени, такихъ, однако, которыхъ нѣмцы называли невѣждами, какъ Татищевъ, оказываются далеко не такъ маловажными, какъ думали о нихъ нѣмцы. Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что разработка древностей какого бы то ни было народа гораздо удобнѣе для людей, принадлежащихъ къ этому самому народу, нежели иностранцамъ; потому что древности очень часто находятъ себѣ объясненіе въ незначительныхъ фактахъ позднѣйшей жизни, въ нравахъ, обычаяхъ, словахъ, поговоркахъ, пѣсняхъ и т. п. И все это, конечно, знакомѣе человѣку, взрослому въ средѣ самаго народа, нежели изучавшему его только по книгамъ. Такимъ образомъ, антагонизмъ Ломоносова съ товарищами по академіи нѣмцами намъ совершенно понятенъ. Онъ не происходилъ изъ національной вражды, но тѣмъ не менѣе онъ происходилъ изъ глубокаго патріотическаго чувства; онъ былъ усиленъ непоколе-

ближю прамотою Ломоносова и его безконечнымъ уваженіемъ къ наукѣ, служенія которой только изъ-за хлѣба онъ не могъ уважать.

Что Ломоносовъ былъ правъ въ своемъ противодѣйствіи нѣмцамъ, что основанія его противодѣйствія были справедливы, это все болѣе и болѣе сознается русскими по мѣрѣ пробужденія національнаго чувства. Вслѣдствіе этого сознанія, космополитизмъ, бывшій еще такъ недавно въ модѣ, все больше и больше теряетъ у насъ своихъ партизановъ. Но поработавъ чуждому началу впродолженіе цѣлыхъ полутора столѣтій, нельзя вдругъ освободиться отъ него: чуждое начало слишкомъ укоренилось на нашей почвѣ...

Но чтò же дѣлается теперь? Мы обратимъ вниманіе на одну сторону общественной дѣятельности, въ которой нѣмцы до сихъ поръ съ особеннымъ усердіемъ стараются удержать за собою пальму превосходства передъ русскими, въ которой даже русскіе, по крайней-мѣрѣ изъ нѣкоторыхъ классовъ общества, отдають имъ эту пальму. Мы говоримъ о педагогикѣ, частію какъ наукѣ, частію какъ практическомъ воспитаніи юношества. Извѣстно, что у насъ до сихъ поръ кто желаетъ дать блестящее воспитаніе дѣтямъ, тотъ поручаетъ ихъ французу, а кто желаетъ дать серьезное воспитаніе, тотъ отдаетъ ихъ нѣмцу. Нѣмецкая педагогика имѣетъ очень высокую репутацію; литература ея очень обширна, и нѣмцамъ, мало-мальски близкимъ къ этому дѣлу, знакома. Но мы не станемъ здѣсь входить въ разборъ достоинствъ нѣмецкой педагогики; посмотримъ только, на сколько нѣмецкая педагогика проявляетъ себя на дѣлѣ, въ практическомъ воспитаніи и обученіи дѣтей. Разумѣется, мы не будемъ разсматривать воспитаніе дѣтей у нѣмцевъ въ Германіи—*до тѣхъ намъ дѣла тѣхъ: намъ интересно знать, какъ ведутъ дѣло воспитанія тѣ тѣмцы, которые со средствами, добытыми въ Германіи, или по крайней-мѣрѣ не въ Россіи и не среди русскихъ, предлагаютъ свои услуги намъ, русскимъ, для воспитанія и обученія нашего юношества.*

Надѣемся, что стремленіе нѣмецкой педагогикѣ захватить въ свои руки направленіе современнаго русскаго воспитанія не можетъ подлежать сомнѣнію; просимъ обратить вниманіе только на то, что единственный педагогическій органъ, имѣвшій дѣйствительно значительный успѣхъ у насъ, «Учитель», издается нѣмцами; что всѣ его реформаторскія идеи относительно воспитанія заимствуются изъ нѣмецкихъ источниковъ; что объ особенныхъ потребностяхъ русскаго воспитанія въ немъ и рѣчи нѣтъ и быть не можетъ; что вообще въ отношеніи къ германской наукѣ и педагогикѣ «Учитель» относится съ самымъ крайнимъ подобо-

страстіемъ, а стремленіе русской мысли стать хоть въ скольконибудь независимое положеніе относительно ея, преслѣдуетъ весьма энергически, какъ это обнаружилось въ исторіи съ нѣкоторыми молодыми людьми, посланными отъ министерства народнаго просвѣщенія за границу.

Итакъ, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ право сказать, что нѣмецкій элементъ является у насъ съ космополитическими претензіями; но и тутъ еще нужно сдѣлать оговорку. Космополитизмъ нѣмецкой педагогики относится только къ ея приложенію и распространенію, то-есть нѣмцы думаютъ, что ихъ наука и педагогика должны господствовать вездѣ; но происхожденіе ея не космополитическое; извѣстно, что нѣмцы совсѣмъ не обращаютъ вниманія на все, что дѣлается по этой части у другихъ народовъ; имъ дѣла нѣтъ до системъ воспитанія и образованія, господствующихъ, напримѣръ, въ Англіи и во Франціи; ихъ педагогика по происхожденію только нѣмецкая.

Мы, русскіе, давно уже попали подъ неотразимое вліяніе нѣмцевъ въ дѣлѣ нашего общественнаго образованія; наши университеты и гимназіи устроены совершенно по образцу нѣмецкихъ, и намъ никогда и въ голову не приходило заняться вопросомъ о томъ, вполне ли пригодна для насъ такая система общественнаго образованія. Напротивъ, когда мы были недовольны успѣхами его, мы тотчасъ же опять обращались къ нѣмцамъ, присматривались внимательнѣе къ нѣмецкимъ школамъ, и старались замѣтить, въ чемъ наши школы разошлись съ ними, и дѣлали новое усиліе, чтобы больше походить на нѣмцевъ.

Вслѣдствіе этого-то нашего свойства, нѣмецкая наука и педагогика до сихъ поръ предъявляютъ свои притязанія на господство у насъ. И пусть бы еще это была дѣйствительная наука—нѣтъ, насъ просвѣщаетъ та нѣмецкая наука, которая въ Германіи себѣ мѣста не находитъ, которая, какъ истинная Brodtwissenschaft, ищетъ не истины и просвѣщенія, а съ крохами, упавшими со стола истинной науки, ищетъ себѣ самой пріюта и хлѣба, теперь, какъ и во время Ломоносова, которая утилизируетъ особеннымъ образомъ—эти недостаточныя крохи. Но именно это крохи жалкія и недостаточныя, а не что-нибудь другое, и притомъ, крохи перенесенныя съ другой почвы и изъ другого климата, которыхъ и производительность не можетъ быть болѣе той, которой достягали наши агрономы-прогрессисты, недумавшіе объ усовершенствованіи своей собственной культуры, а безъ дальнихъ разсужденій переносившіе на русскую почву, въ русскій климатъ и въ русскія соціальныя условія то, что испытано совершенно при другихъ отношеніяхъ.

Но результаты образованія труднѣе уловить, нежели результаты агрикультуры. Тамъ одинъ-два неурожая, одно-два банкротства, способны отрезвить какое угодно пламенное поклоненіе передъ иностранными способами сельскаго хозяйства. Въ дѣлѣ образованія, подобная очевидность существуетъ не для всѣхъ. Нашъ постоянный умственный неурожай, полное умственное банкротство именно въ средѣ тѣхъ людей, которые мыслятъ и дѣйствуютъ по ученію самыхъ новѣйшихъ заграничныхъ книжекъ, до сихъ поръ еще не убѣдили вліятельныхъ людей въ томъ, что намъ недостаетъ не подражанія иностранцамъ, не охоты и умѣнья переносить къ себѣ ихъ взгляды на общественное дѣло и устройство, а серьезности, основательности и самобытности, уваженія въ самимъ себѣ, вниманія къ своимъ потребностямъ, въ устройствѣ своего собственнаго дѣла.

Между тѣмъ, и кромѣ этого умственнаго неурожая, есть указанія, по которымъ можно судить, что намъ пора самостоятельно и самимъ лично приняться за дѣло, оставивши въ сторонѣ руководство и содѣйствіе нѣмцевъ, у насъ проживающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, давно пора замѣтить, что нѣмецкая наука и педагогика, бесспорно имѣя свои достоинства въ Германіи, на нашей почвѣ оказываются безплодными. Въ Германіи во всякое время и теперь есть сотни ученыхъ, оказавшихъ важныя услуги по той или другой отрасли наукъ, пріобрѣтшихъ почтенныя имена въ исторіи наукъ; а у насъ есть сотни нѣмецкихъ именъ, числящихся въ спискахъ должностныхъ лицъ, по разнымъ отраслямъ управленія и преимущественно занимающихся нашимъ образованіемъ, и между этими сотнями слишкомъ ограниченно число именъ, имѣющихъ какое-нибудь значеніе въ наукѣ. Правда, между ними найдется довольно людей, снабженныхъ учеными титулами; но даже и ученый титулъ нашихъ германскихъ цивилизаторовъ не гарантируетъ не только ихъ учености, но и сколько-нибудь серьезнаго образованія. Онъ даетъ имъ значительный вѣсъ, довѣріе со стороны людей, неблизкихъ къ сферѣ науки; и наши цивилизаторы хорошо понимаютъ это. Они любятъ впереди всего поставить свой ученый титулъ, и прикрытые имъ, предъявляютъ свои претензіи. Мы займемся однимъ подобнымъ случаемъ, который можетъ показаться кому нибудь не довольно важнымъ, не довольно говорящимъ; но въ самомъ дѣлѣ, онъ не таковъ. Несмотря на свою видимую незначительность, онъ говоритъ очень много. Дѣло вотъ въ чемъ: мы уже связали, что французы и нѣмцы пользуются у насъ репутаціею особенно искусныхъ педагоговъ; французы для блестящаго воспитанія, нѣмцы — для серьезнаго. О блестящемъ воспитаніи мы не говоримъ: кто

дорожить имъ, тотъ пусть и ищетъ его, гдѣ хочетъ. Но серьезное воспитаніе есть дѣло весьма почтенное и необходимое; и было бы весьма жалко, еслибы люди, одушевленные здравыми стремленіями, по незнакомству съ дѣломъ, могли впасть въ ошибки и теперь и въ будущее время, какъ это зачастую бывало до сихъ поръ. Монополія серьезнаго воспитанія до сихъ поръ принадлежала у насъ нѣмцамъ; извѣстно, что въ Петербургѣ существуютъ двѣ весьма извѣстныя школы, въ которыхъ преподаваніе идетъ на нѣмецкомъ языкѣ, которыя предназначены для нѣмецкихъ дѣтей, но которыя привлекаютъ къ себѣ много и русскихъ, именно вслѣдствіе своей серьезности. Потомъ, какъ только дозволено правительствомъ учрежденіе частныхъ гимназій, сейчасъ же въ Петербургѣ образовались двѣ такія гимназіи, подъ руководствомъ нѣмцевъ; вромѣ того всегда было нѣсколько очень извѣстныхъ пансіоновъ мужскихъ, не говоря уже о женскихъ, которые пользовались тою же репутаціею серьезности и основательности. Трудно рѣшить, на сколько, въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ школахъ нѣмецкая педагогика серьезна; результаты воспитанія, какъ мы уже сказали, уловить не такъ-то легко. Конечно, при большей открытости нашихъ учебныхъ заведеній, при доступности ихъ постороннимъ наблюдателямъ, интересующимся дѣломъ общественнаго образованія, это было бы возможно. Но, какъ всѣмъ извѣстно, у насъ учебныя заведенія, будучи очень либеральны во многихъ отношеніяхъ, довольно ревниво берегутъ тайны своей внутренней жизни, и въ то время, какъ наши педагоги-наблюдатели, путешествуя по Западной Европѣ, имѣютъ передъ собою открытыя двери всѣхъ учебныхъ заведеній, наши собственные учебныя заведенія остаются для нихъ закрытыми. Случай наблюдать педагогику и науку ихъ представляется только одинъ: когда публикѣ дѣлаются извѣстны черезъ печать подробности организаціи ихъ, или когда печатаются учебники и руководства, употребляемые въ нихъ, и притомъ такіе учебники, которые не навязаны имъ со стороны, а имѣютъ самое происхожденіе въ стѣнахъ извѣстнаго учебнаго заведенія, приготовлены для удовлетворенія потребностей заведенія, и обнаруживаютъ въ себѣ состояніе, какъ науки, такъ и педагогики ихъ. Такой именно случай представляется въ изданіи учебника географіи г. докторомъ Видеманомъ, директоромъ частной гимназіи въ С.-Петербургѣ. Изданіе учебника само по себѣ представляетъ фактъ не особенно значительный въ литературѣ. Но мы можемъ засвидѣтельствовать, что учебникъ г. Видемана встрѣченъ былъ всеобщимъ вниманіемъ педагоговъ, именно вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Извѣстно, что г. Видеманъ, дирижируя въ на-

стоящее время частную гимназію, прежде этого долгое время былъ директоромъ одной изъ двухъ нѣмецкихъ школъ Петербурга, именно анненской, и во время своего управленія ею приобрѣлъ репутацію чрезвычайно искуснаго и ученаго педагога; потому онъ — человѣкъ ученый, докторъ, не медицины, разумѣется, а вѣроятно философіи; что онъ, докторъ — это значитъ даже на оберткѣ учебника; а людей съ такими высокими учеными титулами у насъ, особенно между русскими, весьма мало. Все это и было причиною особеннаго вниманія къ книгѣ г. Видемана со стороны педагоговъ, которые, кромѣ желанія приобрести хорошій учебникъ, надѣялись еще подсмотрѣть въ ней методу извѣстнаго педагога, его приемы въ преподаваніи науки и въ развитіи учащихся.

Но, скажемъ это сразу, безъ длиннаго предисловія, педагоги обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. То, что они нашли въ учебникѣ, составленномъ г. Видеманомъ, не только не удовлетворило ихъ ожиданіямъ, но и представило имъ въ какомъ-то новомъ, странномъ свѣтѣ нѣмецкую педагогику въ Россіи, разочаровало ихъ относительно ея вполнѣ. Дѣло въ томъ, что учебникъ г. Видемана не только никуда не годится, но и обнаруживаетъ многое особенное, что мы и изложимъ дальше.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какія качества долженъ имѣть хорошій учебникъ; вопросъ объ этомъ рѣшается такъ опредѣленно и съ такою очевидностью, что мы только выскажемъ наши положенія, не доказывая ихъ. Хорошій учебникъ прежде всего долженъ содержать въ себѣ чистое ученіе науки, то-есть онъ долженъ излагать дѣйствительныя данныя науки, въ соотвѣтственной обстоятельствамъ полнотѣ; вслѣдствіе этого данныя науки самому автору должны быть хорошо знакомы, вслѣдствіе чего ошибокъ въ учебникѣ быть не можетъ; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ характеръ учебника. Потому учебникъ долженъ быть изложенъ безукоризненно въ литературномъ отношеніи, то-есть строго-логически, яснымъ и опредѣленнымъ языкомъ. Наконецъ учебникъ долженъ и по изложенію и по расположенію быть приспособленъ къ развитію учащихся, вслѣдствіе чего литературныя требованія отъ него дѣлаются еще строже. Таковъ ли учебникъ, составленный докторомъ Видеманомъ? Удовлетворяетъ ли онъ изложеннымъ выше условіямъ? Это мы и постараемся кратко разсмотрѣть.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ ученіемъ г. Видемана о математической географіи. Данныя изъ математической географіи, особенно элементарныя, до такой степени всѣмъ извѣстны, что правильное изложеніе ихъ не представляетъ ни малѣйшаго за-

трудненія. Между тѣмъ и въ этомъ дѣлѣ г. Видеманъ, не говоря объ изложеніи съ внѣшней стороны, котораго мы коснемся потомъ, не избѣгъ ошибокъ въ самомъ содержаніи, въ той простой сферѣ понятій, которая хорошо знакома даже не лучшимъ ученикамъ среднихъ классовъ гимназій. Напримѣръ, сколько меридіановъ можно провести на картѣ земли? Г. Видеманъ отвѣчаетъ: «всѣхъ меридіановъ принимается 360, по одному на каждый градусъ экватора». Нѣтъ, возразить ученикъ гимназій, всѣхъ меридіановъ принимается безчисленное множество, по одному для каждой точки земной поверхности, лежащей подъ одною широтою. Возраженіе столь сильное, что г. Видеманъ не будетъ въ состояніи отвѣтить на него ни одного слова. Или еще вопросъ: почему экваторъ называется экваторомъ или равноденственною линіею? «Потому, отвѣчаетъ г. Видеманъ, что онъ раздѣляетъ землю на два *ровныхъ* полушарія». Нѣтъ, возразить гимназистъ: экваторъ называется экваторомъ или равноденственною линіею потому, что когда солнце вступаетъ на экваторъ, то по всей землѣ день бываетъ равенъ ночи, а не потому, что онъ дѣлитъ землю на два равныхъ полушарія; на два полушарія, которыя притомъ не могутъ быть неровны между собою, дѣлятъ землю и всѣ меридіаны, если принимать меридіанъ за цѣлую окружность круга, или всѣ меридіаны съ ихъ дополненіями, если принимать меридіанъ за половину окружности круга; но меридіаны не называются равноденственными линіями и не могутъ называться. И опять г. Видеману нечего отвѣчать своему возражателю. Еще г. Видеманъ утверждаетъ, будто востокъ есть часть неба, «въ которой солнце 9-го марта и 11-го сентября кажется намъ восходящимъ надъ землею.» Опять неправда: востокъ есть часть горизонта, а не часть неба. Частью неба, въ которой солнце восходитъ 9-го марта, будетъ какое-нибудь созвѣздіе, напримѣръ, созвѣздіе Рака, а частью неба, въ которой солнце восходитъ 11-го сентября, будетъ противоположное созвѣздіе на небесной сферѣ, слѣдовательно, созвѣздіе Козерога; но ни то ни другое не можетъ быть названо востокомъ относительно даннаго мѣста; назвать ихъ такъ было бы абсурдомъ. Дѣло въ томъ, что востокъ для каждой точки земной поверхности имѣетъ совершенно опредѣленное положеніе; между тѣмъ какъ по опредѣленію г. Видемана, она переходитъ на небесной сферѣ на 180 градусовъ. Все это составляетъ вещи слишкомъ простыя и извѣстныя, чтобы на нихъ слѣдовало долго останавливаться; а между тѣмъ г. Видеману онѣ неизвѣстны или извѣстны въ превратномъ видѣ, и такъ занесены имъ въ учебникъ. И притомъ это не единственныя ошибки относительно одной математической географіи, которая и всего-то занимаетъ въ учебникѣ пять страницъ.

Дальше слѣдуетъ физическая географія, и въ ней новыя курьезы: напримѣръ, г. Видеманъ увѣряетъ, будто изъ всѣхъ озеръ только одно — Каспійское Море содержитъ соленую воду, будто суша снабжается водою посредствомъ озеръ, прудовъ, источниковъ, ручьевъ и рѣкъ, какъ большихъ такъ и малыхъ, будто бѣлая часть рѣкъ, какъ большихъ такъ и малыхъ, своими устьями вливаются въ моря, будто низменною (?) почвою называется *весьма жирная* почва, лежащая при водѣ, будто поверхность страны, походящая на поверхность тихо стоящаго моря, называется сплошною, будто полуострова Ковинъ и Кольскій находятся въ Бѣломъ Морѣ, будто Балеарскіе острова лежатъ къ югу отъ Испаніи, будто Сѣверная Двина образуется слияніемъ Сухоны, Юга и Вычегды, будто озеро Меларъ есть рѣка, и т. д. Вообще этотъ отдѣлъ учебника переполненъ ошибками самыми грубыми.

Въ политической географіи есть вещи тоже весьма любопытныя, особенно въ географіи Россіи. Такъ г. Видеманъ утверждаетъ, что Вологда есть главное складочное мѣсто товаровъ, отправляемыхъ изъ Новгорода въ Сѣверную Азію, будто Олонецкая губернія принадлежитъ не къ бассейну Балтійскаго Моря, а къ бассейну Ледовитаго Моря, будто западныя великорусскія губерніи, напримѣръ Смоленская, занимаются исключительно обработкою льна, пеньки и т. п., будто Моршанскъ находится не въ Тамбовской, а въ Пензенской губерніи, и наконецъ, что Симферополь, признаваемый г. Видеманомъ за главный, то-есть за губернский городъ въ губерніи Таврической, несмотря на то, находится въ губерніи Екатеринославской. Впрочемъ, относительно этого факта слѣдуетъ сдѣлать оговорку: въ этомъ случаѣ ошибка г. Видемана произошла очевидно не отъ незнанія предмета, о которомъ онъ говоритъ, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, а отъ незнанія свойствъ, не только русской, но и вообще человѣческой рѣчи. Г. Видеманъ выразился такимъ образомъ: «въ Екатеринославской губерніи, кромѣ главнаго (то-есть губернскаго, главный городъ порусски значитъ столица) города того имени, достойны замѣчанія: важный портовый городъ Ростовъ и главный городъ Таврической губерніи Симферополь». Изъ этой фразы очевидно, что Симферополь въ одно и то же время находится и въ Екатеринославской и въ Таврической губерніяхъ. Въ какое положеніе поставить такая фраза ученика, хоть сколько-нибудь мыслящаго, а не затверживающаго слова безъ смысла? А это фраза не единственная въ своемъ родѣ въ учебникѣ г. Видемана. И какой будетъ результатъ всего этого ученія? Юность есть такое время, съ которымъ надобно по преимуществу обходиться осторожно, слѣдовательно, что вы подаете ему для чтенія или изученія, позаботьтесь, впервыхъ, чтобы логика у васъ не пострадала, чтобы ученикъ не при-

учился въ фразамъ въ родѣ приведенной выше, чтобы его собственное мышленіе не выходило на такую дорогу, которая пова привела его только къ тому, что Симферополь находится въ двухъ губерніяхъ, а потомъ приучивши его къ такой логикѣ, приведетъ къ массѣ подобныхъ же курьозныхъ же положеній изъ области философіи, религіи, нравственности и политики. А такой результатъ будетъ уже немаловаженъ. Потомъ позаботьтесь о томъ, чтобы данныя, сообщаемыя вами ученикамъ, были дѣйствительными данными науки, а не продуктами незнанія; все, что воспринимается юношествомъ въ его возрастѣ, утверждается крѣпко въ его головѣ, и пойдетъ съ нимъ во всю дорогу его жизни. Такъ съ какой же стати снабжать его на эту дорогу, вмѣсто капитала, добытаго наукою, фальшивою монетою, въ фабрикаціи которой если участвовало чтонибудь, то не наука и не добросовѣстность. Да еще не обойдется эта фальшивая монета безъ неприятностей для обладаемыхъ ея. Въ то время, какъ жизнь потребуетъ отъ него дѣятельности такой, которая безъ науки не можетъ сдѣлать одного шагу, онъ съ фальшивыми данными ложной науки окажется несостоятельнымъ, беспомощнымъ, и долженъ будетъ, если только у него хватитъ энергіи, переучиваться элементамъ въ то время, когда ему слѣдовало бы изучать чтонибудь болѣе далекое въ наукѣ или уже работать, а если энергіи не окажется, то человекъ опустится, махнетъ рукою на все, и вотъ передъ нами новая, неудавшаяся жизнь, одна изъ тѣхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, мы имѣли очень много до сихъ поръ. А кто будетъ въ этомъ виноватъ? Конечно, не тотъ, кто учился, а тотъ кто училъ. Намъ могутъ замѣтить, что дѣлать такіе выводы изъ плохо составленнаго учебника географіи, будетъ слишкомъ смѣло. Нѣтъ, совсѣмъ не смѣло. Г. Видеманъ, вслѣдъ за учебникомъ географіи, надалѣ уже учебникъ исторіи, который тоже не лишенъ курьозовъ, и къ наукѣ относится такъ же, какъ учебникъ географіи, о которомъ идетъ рѣчь; а потомъ г. Видеманъ самъ же на учебникѣ географіи публикуетъ, что онъ директоръ частной гимназіи. Директоры частныхъ гимназій не назначаются у насъ нигдѣмъ, а сами задумываютъ предпріятіе, и только испрашиваютъ позволеніе, въ которомъ нѣтъ причины отказать человеку, имѣющему докторскій дипломъ.

А это уже даетъ всему вопросу особое значеніе.

Но между тѣмъ обратите вниманіе на претензіи г. Видемана, высказанныя имъ въ предисловіи. «Въ основаніе своего сочиненія — говоритъ онъ — я принялъ новѣйшія и лучшія сочиненія по географіи Кладена и Даниэля, заимствовавъ изъ нихъ только самое необходимое и самое легкое». Разумѣется, кто еще не пе-

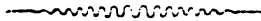
ресталь вѣрить печатному слову, тотъ повѣрить г. Видеману; но мы рѣшительно отказываемся допустить, чтобы Клѣдень и Даніэль были виноваты въ тѣхъ вурьозахъ, которыми переполнена книга г. Видемана. Да и что кому за дѣло въ томъ, откуда вы берете матеріалъ для учебника; берите его откуда хотите, только берите дѣйствительныя данныя науки, а не абсурды, и притомъ излагайте ихъ такъ, чтобы они дѣйствительно годились для учениковъ. Вѣроятно, на основаніи этихъ двухъ авторитетовъ, г. Видеманъ и надѣется, что книжка его «не будетъ бесполезна для русскихъ училищъ». Разумѣется, здѣсь только скромность выраженія; надежды г. Видемана стремятся гораздо дальше; онъ настолько увѣренъ въ необходимости своей книги для русскихъ училищъ, что разсчитываетъ уже «на слѣдующія изданія ея», не просто второе изданіе, а рядъ слѣдующихъ изданій. Это любопытно. Конечно, если г. Видеманъ думаетъ, что нѣтъ лучшихъ руководствъ, какъ говоритъ онъ въ томъ же предисловіи, если онъ дѣйствительно посредствомъ своего учебника разсчитываетъ «ознакомить русское юношество съ его обширнымъ отечествомъ, такъ сказать, освоить его съ нимъ», то надежда его на слѣдующія изданія небезосновательна. Но смѣемъ увѣрить его, что русская педагогическая литература давно, едва-ли еще не со времени Ломоносова имѣетъ не только лучшія руководства географіи, но, говоря строго по совѣсти, мы не знаемъ ни одного учебника, ни изъ старыхъ ни изъ новыхъ, который былъ бы до такой степени негоденъ для учащихся. Что же касается до разсчета г. Видемана освоивать наше юношество съ его обширнымъ отечествомъ, оно также заслуживаетъ большаго вниманія. Онъ прямо говоритъ, что въ русскомъ учебникѣ Россія должна стоять на первомъ планѣ. «По этой причинѣ—говоритъ онъ—мы, какъ вообще не можемъ удовлетвориться руководствами, составленными для германскихъ школъ, такъ въ особенности географическими, въ которыхъ перечисляются, напримѣръ, безъ исключенія, всѣ рѣки и рѣчки Германіи, но пропускаются весьма важныя рѣки Россіи». Отсюда вы видите, что г. Видеманъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями относительно ознакомленія русскаго юношества съ его обширнымъ отечествомъ. Но на дѣлѣ выходитъ не то; правда, у него географія Россіи мложена все-таки подробнѣе географіи Германіи. Но посмотрите, какъ пробивается его предилекція въ пользу именно той же Германіи, въ самой географіи Россіи и при томъ на томъ предметѣ, на который г. Видеманъ обратилъ повидимому особенное вниманіе, именно въ перечисленія рѣкъ. Въ то время, какъ въ своемъ стремленіи знакомить русское юношество съ его обширнымъ оте-

чествомъ, г. Видеманъ пропускаетъ въ собственной Россіи такія рѣки, какъ Клязьма, Мокша, Угра, Сеймъ, Великая, Чусовая, Свіага, которыя имѣютъ важность въ географіи Россіи и по величинѣ и по своему историческому, равно какъ и промышленному значенію—въ той же Россіи, но въ нѣмецкомъ углу ея, онъ не безъ подробностей учитъ своихъ воспитанниковъ, что есть лифляндская Аа, говоритъ, куда и въ какомъ мѣстѣ она впадаетъ, потомъ говоритъ, что есть и курляндская Аа, которая «образуема» слияніемъ рѣкъ Мусса и Мемель. Разумѣется, при этомъ не пропущены ни Пернау, ни Виндава, такъ-что русское юношество будетъ знать ничтожнѣйшія рѣчки въ остзейскомъ краѣ, и не будетъ знать важныхъ рѣкъ въ Россіи, именно произойдетъ то, чего какъ будто избѣгаетъ г. Видеманъ. Или посмотримъ на политическое описаніе Западной Европы. Въ немъ одна Германія занимаетъ мѣсто ровно вполтора раза больше, нежели вся остальная Европа, включая сюда Францію, Англію, Италію, короче, всѣ нѣмецкія государства Западной Европы. Чтò же изъ этого слѣдуетъ: для русскаго или не для русскаго юношества писана эта книга? Несомнѣнно, что для русскаго, но съ тою особенною цѣлью, чтобы русское юношество, осваиваясь съ своимъ обширнымъ отечествомъ, въ то же время осваивалось и съ германскимъ отечествомъ съ особеннымъ вниманіемъ. А это-то намъ и не нужно, и эта попытка г. Видемана и доказываетъ, что трудно нѣмцу отрѣшиться отъ своего германства, и что для русскихъ онъ всегда будетъ педагогомъ въ родѣ того орла, которому левъ отдалъ своего сына на воспитаніе, и котораго научилъ молодого льва вить птичьи гнѣзда. И на это есть причина не случайная, а существенная и постоянная, всегда дѣйствующая. Басня о молодомъ львѣ, отданномъ въ ученіе орлу, имѣетъ смыслъ, зависящій не отъ обстоятельствъ, а лежащій въ самой природѣ вещей. Національность въ воспитаніи имѣетъ такіа же права на существованіе, какъ и самая живая національность, какъ народъ. Потому что воспитаніе и вообще образованіе имѣютъ цѣлью, во первыхъ, приготовить человѣка дѣйствовать въ извѣстномъ обществѣ, среди извѣстной національности; во вторыхъ, въ немъ самою однп свойства искоренить, другія развить и укрѣпить. Но всякая національность отличается отъ другихъ своею системою, какъ умственныхъ такъ и нравственныхъ воззрѣній, привычками, укоренившимися въ средѣ ея извѣстными нравственными недостатками и достоинствами. Отсюда вытекаетъ разница въ подробностяхъ педагогическихъ цѣлей при воспитаніи субъектовъ, принадлежащихъ къ тому или другому народу; то-есть воспитаніе и образованіе не могутъ имѣть космополитическаго ха-

рагтера, а должны сообразоваться съ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ народа. И вотъ въ этомъ случаѣ оказывается вполне правъ Ломоносовъ. Въ самомъ дѣлѣ, самый ученый человѣкъ, не зная среды, на которую онъ долженъ дѣйствовать, не достигнетъ предполагаемой цѣли. Самый ученый генераль не будетъ имѣть успѣха съ войскомъ, котораго онъ не знаетъ. Россія имѣла довольно ученыхъ генераловъ, но всѣ они позабыты. А имя Суворова или Руманцева такъ долго будетъ сохраняться, какъ долго простоятъ само государство. А весь секретъ этихъ генераловъ состоялъ только въ знаніи природы русскаго человѣка.

То же самое и въ педагогикѣ; успѣхъ можетъ быть полнымъ только тогда, когда знаніе дѣла соединено съ знаніемъ среды. Онъ будетъ гораздо менѣе вѣроятенъ, когда есть знаніе дѣла безъ знанія среды. Его совсѣмъ не будетъ, когда не будетъ ни знанія среды, ни знанія дѣла. И въ этомъ послѣднемъ положеніи находятся большая часть нашихъ цивилизаторовъ-иностранцевъ. Въ томъ же заключается причина, признанныхъ нами самими, недостатковъ нашего образованія.

М. К.

МЫСЛИ ДЖОНА-СТЮАРТА МИЛЛЯ О ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ. ПОЗДНѢЙШІЯ УМОЗРѢНІЯ ОГЮСТА КОНТА.

Въ первой статьѣ своей о позитивной философіи Милль сказалъ, что онъ поговорить о послѣднихъ сочиненіяхъ Конта; но мы никакъ не ожидали, чтобы онъ такъ скоро сдержалъ брошенное мимоходомъ слово. Послѣдняя книжка «Westminster Review» начинается его критикою позднѣйшихъ умозрѣній французскаго философа. Огюсть Контъ, при самомъ началѣ литературнаго поприща, принялъ за правило не читать ничего, кромѣ древнихъ и новыхъ поэтовъ. Это воздержаніе считалъ онъ лучшимъ средствомъ для сохраненія умственнаго здоровья, и называлъ его мозговой гигиеною («hygiène cérébrale»). Сосредоточенность мысли на одномъ главномъ предметѣ необходима для всякаго специалиста; она составляетъ одно изъ главныхъ условій успѣха. Но знакомство съ мнѣніями другихъ ученыхъ о томъ предметѣ, изученію котораго мы исключительно посвятили себя, расширяетъ сферу нашей умственной дѣятельности, наводитъ насъ на новыя мысли, обнаруживаетъ наши собственныя ошибки, сообщаетъ намъ вновь открытые факты — слѣдовательно, отвергая все это и довѣря единственно своимъ собственнымъ силамъ, Контъ долженъ былъ необходимо проиграть при такомъ методѣ умозрѣнія. Избранный имъ аскетическій способъ умственной работы возможенъ только для людей чрезвычайно самоувѣренныхъ. Что касается Конта, то едва-ли существовалъ другой мыслитель, который бы такъ непоколебимо вѣрилъ въ могущество своего ума и непогрѣзительность своихъ взглядовъ. Его самоувѣренность была колоссальна, и чѣмъ страннѣе становились его мысли, тѣмъ болѣе росла она. Контъ оттолкнулъ отъ себя и Литре, и Блиньера, когда поколебались они идти съ нимъ въ туманную даль, куда стремился онъ, и той дорогою, по которой хотѣлъ онъ вести ихъ. Только докторъ Ро-

бине, неостанавливавшийся ни передъ какимъ сумасбродствомъ своего учителя, остался вѣренъ ему. Нельзя пропустить безъ вниманія одного обстоятельства въ жизни французскаго философа, на которое часто ссылается онъ, какъ на причину предполагаемаго имъ превосходства своихъ позднѣйшихъ умозрѣній сравнительно съ ихъ первымъ періодомъ. Онъ называетъ этотъ переворотъ нравственнымъ возрожденіемъ, совершившимся въ немъ вслѣдствіе ангельскаго вліянія и несравненной страсти («une angélique influence et une insompragable passion privée»). Контъ влюбился въ Клотильду де-Во. Эта чистая, платоническая страсть измѣнила весь взглядъ его на жизнь. Клотильда умерла, и онъ, находясь подъ вліяніемъ чувства любви, создалъ себѣ кумиръ, который назвалъ «Grand Etre». Подъ этимъ «великимъ существомъ» онъ разумѣлъ идею человѣчества, собирательное понятіе, въ объемъ котораго включены имъ всѣ бывшіе, существующіе и будущіе люди. Онъ полагалъ, что мы ничѣмъ не можемъ такъ угодить высшему провидѣнію, котораго не отвергалъ онъ, какъ безпредѣльной любовью къ «Grand Etre» и всевозможными усиліями приносить ему реальную пользу. Нельзя сказать, чтобы такое идолопоклонство не было безкорыстно; но дѣло въ томъ, что въ изобрѣтеніи Конта нѣтъ оригинальнаго творчества. Онъ переложилъ только — если можно такъ выразиться — догматы и обряды христіанской религіи на другой тонъ. Онъ такъ рабски подражалъ данному образцу, въ его католической формѣ, что у него есть и заповѣди, и молитвы, и нѣчто въ родѣ крестнаго знаменія, и праздники, и даже папа въ видѣ «верховнаго жреца». Но, разумѣется, все это переложено на другой ладъ. Ему были нужны Богъ, вѣра, религія, безъ нихъ не могъ обойтись онъ; но такъ-какъ главная задача всей его философіи заключалась въ радикальномъ преобразованіи общества, то какъ же оставить что-нибудь старое? Ни отрицать голословно, ни разрушать, не создавая, не хотѣлъ онъ, а потому гдѣ недоставало у него изобрѣтенія, онъ только искажалъ существующее, думая, что творить нѣчто совершенно новое. Отличительныя черты католическаго символа вѣры ясно отражаются въ догматахъ выдуманной имъ религіи. Напримѣръ, въ его «великомъ существѣ», состоящемъ изъ трехъ единицъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго человѣчества; послѣдняя единица, хотя и не непосредственно, но все-таки *рождается* отъ первой, а великому жрецу, какъ папѣ, приписывается *непогрѣшительность*. Непростительно, конечно, глумиться надъ заблужденіями такого ума; но Милль говорить правду, что нельзя удержаться отъ улыбки, читая доведенный до малѣйшихъ подробностей планъ этой всеобъемлющей реформы. Еслибы Контъ взду-

малъ пародировать христіанскую религію, онъ былъ бы жаловъ, онъ возбуждалъ бы презрѣніе въ своимъ попыткамъ. Но надобно замѣтить, что во всѣхъ сочиненіяхъ этого человѣка нѣтъ ни одной строчки, которая доказывала бы способность его не только шутить, но даже понимать шутку. Весь долготѣній процессъ умозрѣній Конта сопровождался невозмутимой серьезностью. Оттого-то неожиданная наивность его принимаетъ порою особенно странный характеръ. Но пойдемъ впередъ за кригикомъ.

Коллективная идея человечества, съ которой соединяются понятія о неизвѣстности былаго и безпредѣльной отдаленности будущаго, не имѣя ни начала, ни конца, вызываетъ мысль о безконечномъ. Исторію прошлой, хотя не слишкомъ отдаленной отъ насъ, жизни человеческого рода мы знаемъ лучше настоящей его исторіи. Но бывшее прошло невозвратно; служить ему не можемъ мы, но любить его ничто не мѣшаетъ намъ. Для очень многихъ изъ насъ въ прошедшемъ остались тѣ, кого любили мы, кому обязаны своимъ счастіемъ, и много сокрыто въ немъ полезныхъ для насъ тружениковъ. Контъ справедливо говоритъ, что величайшіе изъ современныхъ умовъ живутъ по мыслямъ болѣе въ связи съ великими покойниками, нежели съ живыми людьми. Почитая умершихъ, которые оказали услуги человечеству, мы должны сознавать, что трудимся также и для нихъ, продолжая ихъ дѣло. Благородная сила этой возвышенной мысли можетъ получить полную дѣйствительность, когда мы, согласно Конту, подъ словами «великое существо», «человѣчество», будемъ разумѣть, въ отношеніи къ былому, только тѣхъ людей, которые полезно для другихъ прожили вѣкъ свой, и даже не однихъ людей, но и животныхъ, оказавшихъ услуги человечеству. Эта мысль была осмѣяна. Но въ любви Конта къ животнымъ, въ его требованіи, чтобы человѣкъ обходился съ низшими существами ласково и дружелюбно, просвѣчиваетъ тонкая черта характера.

Такъ-какъ нравственная дисциплина заключается въ развитіи возможнаго отвращенія отъ всякаго поступка, несомвѣстнаго съ общимъ благомъ, то Огюсть Контъ требуетъ, чтобы мы отказывались отъ всѣхъ личныхъ удовольствій, которыя не обусловливаются физической необходимостью. Его главный догматъ — жить для другихъ («vivre pour autrui»). Все воспитаніе и вся нравственная дисциплина должны быть направлены къ развитію въ людяхъ *альтруизма* (его слово) на счетъ эгоизма. Даже умственные завѣтїя должны подчиняться господству социальныхъ чувствъ надъ разумомъ («du coeur sur l'esprit»). Личные расчеты («calculs personnels») онъ отвергаетъ совершенно. Самый излишекъ въ пищѣ, если не требуетъ его сохраненіе здоровья и поддержаніе физи-

чeskих силъ, признаеть онъ безнравственнымъ—словомъ, каждый вопросъ разсматривается имъ съ нравственной точки зрѣнія, и никакой причины кромѣ нравственности не допускается. Эта черта его философіи объясняется особеннымъ складомъ французскаго ума — крайнимъ стремленіемъ къ единству и систематизаціи. Обращаясь постоянно къ своему опредѣленію вѣры, Контъ доказываетъ, что единство всѣхъ элементовъ нашей жизни не можетъ быть состоятельно при господствѣ личныхъ склонностей, которыя влекутъ насъ въ разныя стороны, что гармонія возможна только въ то время, когда мы подчиняемся общественнымъ чувствамъ, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать однохарактерно при помощи общей системы убѣжденій. Контъ требуетъ, чтобы мы признавали порокомъ всякую заботу человѣка о своихъ личныхъ интересахъ и — что особенно странно — считаетъ свою доктрину аксіомою. Человѣчество представляется ему чѣмъ-то въ родѣ гарнизона, заключеннаго въ осажденной вѣрѣпости, гдѣ всѣ солдаты должны исполнять съ буквальной точностью приказанія, направленныя къ одной главной цѣли. Но развѣ въ этомъ состоитъ идеальное совершенство человѣческой жизни? Контъ не хочетъ видѣть никакихъ невозможностей. По его мнѣнію, истинное счастье зависитъ единственно отъ развитія сердечныхъ привязанностей. Онъ самъ въ продолженіе дѣлаго года былъ счастливъ своей любовью къ Клотильдѣ, и этотъ опытъ повелъ его къ окончательному рѣшенію вопроса о человѣческомъ счастьи. Для него недостаточно правила: не дѣлать зла и никому не препятствовать въ достиженіи тѣхъ личныхъ благъ, которыя для другихъ не вредны. Онъ — и конечно безсознательно — заимствовалъ правило изъ презираемаго имъ протестантизма. Какъ самый рьяный кальвинистъ, онъ требуетъ, чтобы всѣ вѣрующіе были святыми, и осуждаетъ ихъ (по своему), если не достигнуть они святости. Милль, не признавая личныхъ расчетовъ безусловно безнравственнымъ дѣломъ, соглашается однакоже, что мы должны соблюдать главныя гигиеническія правила не только въ видахъ себялюбія, но и потому, что не заботясь о своемъ здоровьѣ, мы лишаемся способности оказывать ближнимъ тѣ услуги, которыхъ имѣютъ они право требовать отъ насъ. Ему нравится также мысль Конта, который говоритъ, что каждый человѣкъ, живущій полезнымъ трудомъ, долженъ смотрѣть на себя, какъ на общественнаго дѣятеля, и на вознагражденіе за свой трудъ, отъ кого бы ни получалось оно, какъ на средство, выдаваемое ему обществомъ для продолженія работы и пополненія того, что было истрачено во время ея процесса. Мысль Конта заключается въ томъ собственно, что полезный для другихъ трудъ есть самъ по себѣ

доброе дѣло, и мы должны желать его для него собственно, а не вслѣдствіе надежды на вознагражденіе, которое во всякомъ случаѣ должно быть соразмѣрно съ выгодами другихъ, тоже работающихъ членовъ общества.

Религіозные обряды — такъ-какъ религія не можетъ же обойтись безъ нихъ — раздѣлены у Конта на частныя или домашнія и общественныя. Къ послѣднимъ относятся народныя церемоніи и праздники, а къ первымъ — молитвы, но безъ прошенія. Онѣ должны обращаться не къ «великому существу», въ честь котораго совершаются публичныя торжества, но къ живымъ или умершимъ *женщинамъ*, которыя особенно дороги для насъ. Женщины, говоритъ Контъ, принадлежатъ къ любящему полу («*sexes aimants*»), представляютъ лучшую сторону человѣчества, которая должна регулировать всю жизнь. Предметами личнаго обожанія могутъ быть мать, жена и дочь, которыя, представляя прошедшее, настоящее и будущее, вызываютъ къ дѣйствию три социальныя чувства: уваженіе, привязанность и доброту. Мы должны признавать ихъ своими геніями-хранителями («*les vrais anges-gardiens*»), хотя бы и скоронили ихъ. Если же у кого нѣтъ и не было ни жены, ни дочери, или когда недостойны онѣ обожанія, въ такомъ случаѣ дозволяется избрать для поклоненія особенный типъ женскаго совершенства, хотя бы изъ всеобщей исторіи. Молитва должна непремѣнно относиться къ идеѣ этихъ женщинъ и состоятъ изъ двухъ частей: воспоминанія и изліянія чувствъ. Первое требуетъ усилій памяти и воображенія для возможно-яснаго воссозданія женскаго образа. Эта цѣль допускаетъ искусственныя средства, ведущія къ галюцинаціи, лишь бы не были они вредны для умственныхъ способностей. Когда дорогій образъ возникнетъ передъ нами, вслѣдъ затѣмъ должно начаться изліяніе чувствъ. Всякому предоставляется право сочинять свои собственныя молитвы, но съ условіемъ, чтобы онѣ не были безмолвны. Въ нихъ можно вводить строфы изъ лучшихъ поэтовъ, соотвѣтствующія чувствамъ молящагося, если, разумѣется, онѣ сами собою придутъ на память. Мильтъ замѣчаетъ, что этой шалостью занимался французскій философъ, мечтавъ о своей Клотильдѣ, и потомъ вмѣнилъ ее въ обязанность всѣмъ прозелитамъ своей вѣры. Молиться предписываетъ Контъ каждый день по два часа, раздѣленные на три неравныя части. Первую молитву должно совершать возставши отъ сна, и непремѣнно съ колѣнопреклоненіемъ; вторую, кратчайшую — во время дневныхъ занятій, и третью — отходя ко сну. Немедленно по окончаніи послѣдней надобно лечь спать, для того, чтобы и во снѣ мерещился образъ женщины и продолжались тѣ чувства, съ которыми сомнѣвали мы

глаза. Общественное богослужение состоит из восьмидесяти-четырёх ежегодных праздниковъ, раздѣленныхъ такимъ образомъ, что на каждую недѣлю приходится по крайней-мѣрѣ по одному изъ нихъ. Эти празднества учреждены Контомъ въ честь «великаго существа» и тѣхъ событій, которыми ознаменованъ прогрессъ цивилизаціи человѣчества.

Въ позитивной религіи девять таинствъ, соединенныхъ съ главнѣйшими событіями нашей жизни: съ рожденіемъ, воспитаніемъ, бракомъ, выборомъ професіи и т. д. Смерть принадлежитъ, конечно, къ числу ихъ. Контъ называетъ ее преобразованиемъ, переходомъ изъ объективнаго существованія въ субъективное, или жизнь въ воспоминаніи живущаго человѣчества. Черезъ семь лѣтъ послѣ смерти совершается послѣднее таинство — публичный судъ надъ умершимъ. Впрочемъ, каждому предоставлено право уклониться отъ него, заявивъ во время жизни, что онъ не желаетъ подвергнуться этому суду. Если же судимый окажется достойнымъ уваженія человѣкомъ, онъ торжественно воплощается въ «великое существо», и его останки переносятся съ городского кладбища въ религиозное мѣсто погребенія, въ священную рошу, которая должна окружать каждый храмъ человѣчества («dans le bois sacré qui doit entourer chaque temple de l'Humanité»). Понятно, что Контъ, не объявляя себя новѣйшимъ Магометомъ, получающимъ откровенія свыше, не могъ сулить послѣдователямъ своей религіи вѣчнаго блаженства. Ему, какъ позитивному философу, нельзя было нетолько распоряжаться будущей жизнью, но даже говорить о ней, а потому онъ и воспользовался средствомъ, находившимся въ его распоряженіи, то-есть оказаніемъ почестей праху усопшихъ и сопричисленіемъ ихъ къ янгу своего «Grand Etre». Это краткое извлеченіе, говоритъ Милль, далеко не сообщаетъ полнаго понятія о мелочныхъ подробностяхъ предписаній Конта, которыя даютъ чрезвычайно забавный характеръ всей его религіи. Но если французскій мыслитель и уважалъ Мольера, то единственно за его умъ. Юмора и остроумія онъ не понималъ рѣшительно. Потому-то въ сочиненіяхъ Конта есть такіе мѣста, смѣшная сторона которыхъ совершенно ускользала отъ его собственнаго вниманія. Напримѣръ, онъ устанавливаетъ формы молитвы, примѣняемыя къ непредвидимымъ, случайнымъ обстоятельствамъ. Съ этой цѣлью Контъ рекомендуетъ повтореніе основной формулы позитивизма, именно: любовь къ принципу, порядокъ для основанія и прогрессъ для цѣли («l'amour pour principe, l'ordre pour base et le progrès pour but»). Онъ даже совѣтуетъ замѣнять эту формулу «попеременнымъ потроги-

ваніемъ главныхъ органовъ, которые мозговая теорія назначаетъ для своихъ трехъ элементовъ».

Установивъ религіозные обряды, Контъ учреждаетъ сословіе жрецовъ, которыхъ признаетъ онъ опорой всей соціальной и политической системы. Обязанности ихъ обнаруживаются яснѣ въ полной картинѣ созданнаго Контомъ общества. Необходимость духовной власти, совершенно отдѣленной отъ свѣтскаго правительства, составляетъ существенное правило его политической задачи, и только одну эту власть противопоставляетъ онъ деспотизму гражданскихъ правителей. Контъ глубоко презиралъ парламентныя и представительныя учрежденія. Лудовикъ-Наполеонъ стоялъ высоко въ его мнѣніи именно за то, что ему удалось уничтожить представительное правленіе. На выборъ высшихъ низшими онъ смотрѣлъ съ неодолимымъ отвращеніемъ. Ответственные дѣятели должны, по его мнѣнію, сами назначать преемниковъ себѣ, съ одобренія своихъ начальниковъ, если только есть у нихъ начальники. Но рядомъ съ свѣтской властью, онъ ставитъ другой авторитетъ, имѣющій право не приказывать, но только увѣщевать и совѣтовать. Вообще французы признаютъ типомъ общества семью и семейныя отношенія. Здѣсь кроется начало раздѣленія двухъ властей. Духовную или нравственную и религіозную власть въ семьѣ представляютъ женщины. Позитивная семья состоитъ изъ супружеской четы, ея дѣтей и родственниковъ мужа, пока живъ онъ. Все управленіе хозяйственной частью лежитъ на мужчинѣ. Обязанность женщины заключается въ исправленіи мужа путемъ любви и ласки, и въ воспитаніи дѣтей до ихъ четырнадцатилѣтняго возраста. Женщина не должна работать въ продолженіе всей своей жизни. Средства въ существованію обязанъ доставлять ей мужъ или родственникъ; если же нѣтъ ихъ, то государство. Контъ лишилъ женщинъ не только общественной власти, но даже собственности. Приданое выгнано изъ употребленія, для того, чтобы въ брачныхъ союзахъ корыстныя соображенія не принимали никакого участія. Для развода допущена только одна причина. Замѣчательно, что этотъ злѣйшій врагъ развода считаетъ его законнымъ дѣломъ въ такомъ случаѣ, который по законамъ Англіи и другихъ государствъ, упрекнаемыхъ имъ въ цѣлостивѣ расторгенію браковъ, не признается достаточной для этого причиною. Она заключается въ приговорѣ судомъ жены или мужа къ постыдному наказанію, соединенному съ лишеніемъ гражданскихъ правъ. Кажется, Конту можно было понять неудовлетворительность этой причины, потому что отъ нея зависѣло несчастье Клотильды; но онъ не поддавался чувству сожалѣнія. Не очень важныя даже наказанія даютъ право

на развод невинной стороной, но без разрѣшенія вступить во второй бракъ, отвергаемый позитивной религіею. Впрочемъ, не законъ осуждаетъ вторичные браки, а нравственность; потому при заключеніи брачныхъ союзовъ, дается обѣтъ вѣчнаго вдовства («*veuvage éternel*»). Однобрачіе необходимо, по мнѣнію Конта, какъ для полнаго сліянія двухъ существъ, которое составляетъ самую суть брака, такъ и для посмертнаго обожанія умершаго члена четы, продолжающаго жить «субъестивно». Духовная власть въ семьѣ принадлежитъ матери мужа, а хозяйственная — отцу его, который, доживъ до 63 лѣтъ, передаетъ ее сыну, оставя за собою только совѣщательный голосъ.

Женская власть, имѣя преимущественно нравственный характеръ, нуждается въ поддержкѣ и руководствѣ умственной, интеллектуальной власти, принадлежащей жрецамъ, которые получаютъ жалованье изъ государственныхъ доходовъ. Подобно женщинамъ, всѣ члены этого сословія лишены права на обогащеніе и на свѣтскую власть. Ни за какіе труды свои не должны они принимать вещественнаго вознагражденія, и жить какими-либо доходами, кромѣ маленькаго жалованья. Контъ признаетъ это условіе необходимымъ для полнаго безкорыстія ихъ совѣтовъ. Они должны быть такъ же бѣдны, какъ народная масса, для того чтобы пользоваться ея довѣренностью. Но такъ-какъ человѣкъ можетъ не понять своего призванія, то имъ дозволена перемежна карьера до 35 лѣтъ. Жрецамъ ввѣряется теоретическое образованіе молодыхъ людей, и практическая медицина, потому что докторомъ можетъ быть только тотъ, кто изучилъ и понимаетъ всего человѣка, то-есть его нравственную и физическую природу. Контъ глубоко презиралъ существующую расу медиковъ, и называлъ ихъ коновалами. Докторъ Робини говоритъ, что въ послѣдніе годы своей жизни, французскій философъ увлекся чрезвычайно дикимъ взглядомъ на медицину, и признавалъ причиною всѣхъ болѣзней—разстройство мозговаго единства («*de l'unité cérebrale*»). Дальнѣйшія дѣйствія жрецовъ имѣютъ преимущественно нравственный характеръ, въ числу которыхъ принадлежитъ обязанность склонять богатыхъ и сильныхъ людей — быть добрыми въ отношеніи къ слабымъ и бѣднымъ. Если же совѣты не подѣйствуютъ, то виновный отдается или на судъ общественнаго мнѣнія, которое, какъ полагалъ Контъ, можетъ довести богача до такого изолированнаго положенія, что ему придется работать на себя собственными руками. Любимой мыслью Конта былъ «рыцарскій орденъ», составленный изъ самыхъ великодушныхъ богачей, добровольно посвятившихъ себя, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, на защиту слабыхъ и угнетенныхъ. Онъ былъ убѣжденъ,

что въ настоящее время люди страдают не столько отъ угнетенія ихъ личной свободы, сколько отъ бѣдности, а потому и думалъ, что бузатъ можно замѣнить теперь золотомъ. Впрочемъ, спеціальныя занятія почти всѣхъ его капиталистовъ состоятъ въ управленіи народнымъ трудомъ, для чего обязаны они получить надлежащее образованіе. Капиталистъ, ни подъ какимъ видомъ, не долженъ считать себя безусловнымъ владѣтелемъ своего богатства. Онъ нисколько не уполномоченъ расточать его на удовольствіе своихъ личныхъ склонностей, непригодныхъ для пользы человѣчества, равно какъ не имѣетъ и нравственнаго права присвоивать себѣ весь чистый доходъ съ оборотнаго капитала. Если прибыль превышаетъ сумму, необходимую для его разумныхъ потребностей, то онъ долженъ употребить излишекъ или на улучшение производства, или на матеріальныя и умственныя нужды рабочихъ. Мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, капиталистовъ средней руки, и вообще такъ-называемаго средняго сословія, Контъ не допускаетъ въ свою фантастическую республику. Ее должны населять только богачи и пролетаріи. Хотя заработная плата есть полюбовное дѣло, однакоже она опредѣляется не рыночной цѣною, но раздѣленіемъ продукта пропорціонально нуждамъ рабочихъ и капиталиста. Собственность работника должна ограничиваться домомъ, состоящимъ изъ семи комнатъ, снабженныхъ всею домашней утварью. Воспитаніе и медицинскія пособія получаетъ онъ даромъ. Плата за трудъ его должна быть двухъ родовъ: постоянная и соотвѣтствующая производительности труда. Первая — 100 франкамъ и выдается каждый мѣсяцъ, состоящій изъ 28 дней. Цѣна поштучной работы должна быть такъ раздѣлена, чтобы рабочій получалъ среднимъ числомъ по 7 фр. за каждый день. Капиталисты имѣютъ неограниченное право передать свое имѣніе кому заблагоразсудятъ, только не дробя его. Хотя предполагается, что они будутъ назначать наслѣдниками преимущественно сыновей своихъ, однакоже послѣдніе не имѣютъ нравственнаго права на это наслѣдство. Контъ поддерживаетъ мысль, что отецъ обязанъ только дать сыну воспитаніе, и помочь ему въ выборѣ выгоднѣйшаго занятія. Далѣе говорится объ усыновленіи чужихъ дѣтей, не только за неимѣніемъ собственныхъ, но и по другимъ причинамъ. Наконецъ, Контъ рассуждаетъ о включеніи прислуги въ члены семейства. Вся политическая власть сосредоточивается въ рукахъ капиталистовъ. Для большей удобности управлять государственными дѣлами, французскій философъ раздѣляетъ существующія націи на маленькія республики, непревосходящія объемомъ Бельгіи, или Португаліи. Алжирію онъ возвращаетъ арабамъ, Корсику — ея народонаселенію, остальную

же Францію — дѣлится на семнадцать республикъ, соотвѣтственно числу главныхъ ея городовъ. Контъ думаетъ, что все это произойдетъ дѣйствительно въ текущемъ столѣтїи, и что Парижъ сдѣлается религиозной метрополїею всего міра. Ирландія, Шотландія и Вэльсъ должны отпасть отъ Англіи, которая въ свою очередь отдѣлится отъ теперешнихъ британскихъ колоній. Каждую изъ этихъ республикъ будутъ управлять три банкира: одинъ — ея вѣдшими сношеніями, другой — внутренними дѣлами, третій — финансами. Они пользуются диктаторскою властью, и избираются не народомъ, но своими предшественниками. Самовластіе ихъ ограничивается только полной свободою слова, безконтрольностью прессы, ассоціаціями и духовнымъ вліаніемъ жрецовъ.

Милль приходитъ въ ужасъ при мысли о полной, безусловной и нераздѣльной власти верховнаго жреца надъ жрецами всего человѣчества, и, разсматривая придуманный Контомъ способъ дѣйствія этого деспота, удивляется чудовищному заблужденію французскаго мыслителя. Контъ признавалъ, что умъ долженъ быть вполне подчиненъ чувствамъ, то-есть что наша умственная, равно какъ и всякая другая дѣятельность должна быть направлена исключительно къ общей пользѣ. Находясь подъ вліаніемъ этого убѣжденія, онъ организовалъ стройную систему полнѣйшаго угнетенія свободной мысли. Ни законъ, ни запрещенія не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ, и жрецамъ не дается никакой привилегіи. Всякій можетъ заниматься любой наукою, сочинять и издавать книги, если найдутся читатели, или давать частныя уроки, если кто пожелаетъ пользоваться ими. Но Контъ полагаетъ, что какъ скоро къ сословію жрецовъ будетъ принадлежать вся высшая интеллигенція народа, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя окажутся неспособными къ исполненію жреческихъ обязанностей по своему нравственному характеру, и которымъ, какъ мы увидимъ, назначается особенное занятіе, тогда конкуренція съ жрецами на поприщѣ народнаго образованія будетъ рѣшительно невозможна. А такъ-какъ они находятся въ полнѣйшей зависимости отъ верховнаго жреца, то слѣдовательно человѣчество, принявши позитивную вѣру, должно будетъ вращаться только въ той средѣ умственной дѣятельности, которую одобритъ этотъ деспотъ. Въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, Контъ особенно налегаетъ на мысль, что впродолженіе приготовительныхъ движеній человѣческой мысли, кончившихся съ появленіемъ теорїи позитивизма, свободное развитіе нашихъ разностороннихъ силъ было необходимо. Но теперь, когда явился позитивизмъ, ихъ надо уже сдерживать, потому что въ настоящее время должно страшиться не недостатка, не слабости, но злоупотребленій ума.

Онъ думаетъ, что умъ, какъ самый тревожный элементъ изъ всѣхъ силъ нашей природы, болѣе нуждается въ дисциплинѣ, нежели самые эгоистичные инстинкты человѣка. Начиная со времени древней Греціи, умъ во все продолженіе исторической жизни человѣчества — систематически возставалъ противъ сердца. Метифизики и литераторы, пособивъ низверженію древней религіи и общественнаго порядка, смотрять непріязненно на всякую новую систему ихъ. Они желаютъ продлить существующій скептицизмъ и умственную анархію, которые даютъ возможность имъ занимать высшія мѣста въ обществѣ безъ серьезнаго теоретическаго образованія. Ученый классъ едва-ли не хуже еще. Занятый своими мелкими спеціальностями, онъ презрительно холоденъ къ нравственнымъ и политическимъ интересамъ человѣчества, и заботится только о приобрѣтеніи легкой извѣстности. Французскіе ученые занимаются пустяками, неприносящими никакой реальной пользы обществу. Духовная власть должна положить конецъ этимъ вздорнымъ занятіямъ.

Милль говоритъ, что въ мысляхъ Конта о реальной пользѣ есть своя доля правды; но кто осмѣлится утверждать положительно, чтобы въ умозрѣніяхъ, развиваемыхъ систематически и направленныхъ къ объясненію того, *что дѣйствительно доступно разуму*, не было никакой пользы? Никому неизвѣстно, что именно въ мірѣ такого знанія должно быть полезно, и чему суждено не принести никакой пользы. Можно только сказать, что такіа-то свѣдѣнія, особенно въ настоящее время, полезнѣе другихъ. Какъ часто случалось, что званія, непредвѣщавшія при началѣ своего развитія ничего особенно важнаго, были причиною чрезвычайно полезныхъ практическихъ результатовъ. Могли ли математики александрійской школы, занимаясь изслѣдованіемъ свойствъ эллипсиса, предвидѣть, что почти черезъ двѣ тысячи лѣтъ, ихъ соображенія объяснятъ солнечную систему, и еще немного позднѣе, дадутъ возможность морскимъ судамъ совершать кругосвѣтныя путешествія? Развѣ въ послѣдніе два-три года изслѣдованія физическаго состава солнца, которыя Контъ называлъ совершенно бесполезнымъ, не повели къ открытію новыхъ металловъ, оказывающихъ теперь реальную пользу? И какъ немного было такихъ открытій, которыя прямо указывали бы, къ чему наиболѣе пригодны они, а между тѣмъ сколько практической пользы извлечено изъ нихъ впоследствии! Могъ ли быть изобрѣтенъ компасъ усиліями, обращенными непосредственно къ усовершенствованію судостроительства? Удалось ли бы намъ достигнуть устройства электрическаго телеграфа однѣми заботами о возможно-быстромъ сообщеніи, еслибы Франклинъ не отождествилъ электричества съ мол-

нию, а Амперъ — съ магнитизмомъ? Самые повидмому незначительные археологическіе и геологическіе факты бросаютъ иногда свѣтъ на древнюю исторію человѣчества, презирать которую мнѣе всѣхъ способенъ Контъ, потому что вся его социальная философія основана на исторіи. Онъ вооружается противъ тонкостей астрономіи и говоритъ, что она могла бы ограничиться изученіемъ движеній и взаимнодѣйствій луны, земли и солнца. Вообще ему хотѣлось бы посократить всѣ науки. Очень часто повторяетъ онъ, что ни одна изъ отвлеченныхъ наукъ не должна идти далѣе того, что необходимо для основныхъ началъ слѣдующей, ближайшей къ ней науки, и требуетъ, чтобы все остальное имѣло эпизодическій характеръ, ограничиваясь положительными вопросами искусствъ, промышленности и, по мѣрѣ надобности, религіи. Заниматься развитіемъ и обработкою наукъ, Контъ не позволяетъ никому, за исключеніемъ уволенныхъ кандидатовъ жреческой профессіи, которые оказались неспособными къ ней по своему характеру, или нравственнымъ недостаткамъ, но вслѣдствіе своихъ теоретическихъ способностей признаны достойными примкнуть къ сословію жрецовъ въ видѣ ихъ «пенсіонеровъ».

Хотя Контъ населяетъ свои фантастическія республики поголовно образованными людьми, однакоже онъ чрезвычайно боится серьезнаго образованія народныхъ массъ. Потому-то, сокративъ по возможности учебный курсъ, онъ предписываетъ жрецамъ — заставлять воспитанниковъ учиться въ долбяшку, и какъ можно болѣе подавлять въ нихъ пытлиность ума. Ученикъ не смѣетъ требовать доказательствъ, а учитель предлагать ихъ. Доказательствомъ научныхъ истинъ долженъ быть безусловный авторитетъ жрецовъ. Требованіе поясненій означало бы «недовѣренность, если не вражду, къ сословію преподавателей», и было бы признакомъ возстанія противъ преданій человѣческой расы. Какъ скоро французскій философъ ступилъ на почву преданія, въ умѣ его явились чрезвычайно дикія мысли. Онъ говоритъ, что живые люди должны все болѣе и болѣе подчиняться авторитету мертвыхъ, что вмѣстѣ съ прогрессомъ цивилизаціи, сумма нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ постоянно уменьшается, и что потому должны мы усвоить убѣжденія предшествовавшихъ поколѣній, не искаяя ихъ своимъ собственнымъ умничаньемъ. Контъ видитъ, что умъ, при современномъ «анархическомъ» его состояніи, не хочетъ подписать отреченія отъ самого себя, и называетъ эту благородную гордость человѣческаго сознанія «возмущеніемъ живыхъ противъ мертвыхъ». Вотъ до чего могла дойти позитивная философія! Но это не все еще. Онъ убѣжденъ, что для ученыхъ позитивистовъ, довольно по всѣмъ отраслямъ знанія

одной сотни печатных томовъ, всѣ же прочія книги совѣтуетъ онъ сжечь, какъ ни къ чему негодныя вещи. Поэтическія произведенія, кромѣ образцовыхъ, обрекаются той же участи. Этотъ варварскій проектъ не можетъ, конечно, не вызывать осмѣянія. Руководствуясь тѣмъ же началомъ, Контъ находитъ разумнымъ дѣломъ уничтоженіе всѣхъ животныхъ и растений, которыя бесполезны человѣку. Какъ будто при дальнѣйшемъ развитіи знанія, самое, повидимому ничтожное растеніе не можетъ принести намъ большой пользы! Когда мы вспомнимъ, что соединенныя силы всего человѣчества не могутъ воспроизвести выродившихся видовъ, что однажды истребленная раса никогда уже не возраждается, то намъ остается только благодарить судьбу, что ни одинъ изъ бывшихъ правителей народовъ не дѣлалъ того, что совѣтуетъ дѣлать этотъ великій преобразователь. Людской родъ никогда еще не находился подъ управленіемъ философа, который предполагалъ бы, что онъ все знаетъ, и что книга человѣческой мудрости должна быть закрыта съ той минуты, какъ самъ онъ возвелъ себя въ достоинство главы всѣхъ народовъ.

Контъ до такой степени былъ увѣренъ въ проницательности своего взгляда и въ практической вѣрности своихъ соображеній, что онъ опредѣлялъ даже срокъ, въ который должны положительно осуществиться его грезы. Позитивизмъ — говоритъ онъ — охватитъ и окончательно преобразуетъ Западную Европу и Сѣверную Америку въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ, раздѣленныхъ на три неравные періода. По окончаніи семи лѣтъ, управленіе народнымъ образованіемъ Франціи будетъ предоставлено ему, Конту. Разумѣется, какъ творецъ и организаторъ позитивнаго правленія и позитивной религіи, онъ не сомнѣвался въ правахъ своихъ на титулъ верховнаго жреца — у него не было даже соперника. Въ слѣдующія пять лѣтъ, императоръ Наполеонъ или его преемникъ передастъ свою власть временному триумвирату, составленному изъ трехъ знаменитыхъ пролетаріевъ позитивной вѣры. Хотя бѣдныхъ людей считалъ онъ неспособными къ постоянному управленію народомъ, однакоже думалъ, что они — лучшіе агенты для переходнаго состоянія, потому что у нихъ нѣтъ предразсудковъ, замедляющихъ реформы. Эти правители употребятъ остальной періодъ, то-есть двадцать-одинъ годъ, на приготовленіе общества къ окончательному устройству. Раздѣливъ Францію на семнадцать республикъ, и установивъ духовную власть, они передадутъ бразды гражданскаго правленія каждой республикѣ тремъ банкирамъ. Еслибы Контъ — по его собственнымъ словамъ — могъ прожить не менѣе Фонтенеля или даже Вольтера, онъ видѣлъ бы это преобразование общественнаго по-

рядва своими собственными глазами. Но его уже нѣтъ. Онъ умеръ, не оставя ни одного ученика, который могъ бы замѣнить его. У позитивистовъ есть своя колегія и свой начальник, но у человечества нѣтъ уже верховнаго жреца.

Четыре тома «Позитивной политики» Конта заняты пересмотромъ и передѣлкою историческихъ и теоретическихъ тѣмъ, вошедшихъ въ его прежнія сочиненія. Здѣсь употребилъ онъ субъективный синтезъ, который состоитъ въ очисткѣ науки отъ всего, что считалъ бесполезнымъ авторъ, и въ представленіи теоретическихъ изслѣдованій, какъ рѣшеній практической проблемы. Контъ не могъ, конечно, достигнуть вполне своей цѣли, потому что научныя истины тѣснѣе соединены другъ съ другомъ, нежели съ нашими потребностями. Въ этомъ обзорѣни французскаго мыслителя своихъ прежнихъ трудовъ есть много интереснаго. Недовольный органологіею Галля, онъ построилъ а priori новую систему френологіи, размѣстивъ органы умственныхъ, нравственныхъ и животныхъ силъ такимъ образомъ, что тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе другъ къ другу, находятся непременно рядомъ. Замѣчательно однакожь, что Контъ, предоставляя повѣрку своей гипотезы анатомическимъ изслѣдованіямъ, принялъ ее за истину, подтвержденную уже ими. Все, что писалъ онъ потомъ о головномъ мозгѣ, проникнуто у него положительной увѣренностью въ точности своихъ догадокъ. Къ числу шести основныхъ наукъ своей прежней классификаціи прибавилъ онъ впоследствии седьмую подъ именемъ «Нравственности», помѣстивъ ее на самую верхнюю ступеньку составленной имъ лѣстницы, вслѣдъ за «Соціологіею». Философія всеобщей исторіи значительно измѣнена имъ, но эти поправки только испортили ее. Миллю нравится особенно глава о римлянахъ, которыхъ уважалъ Контъ за то, что они были болѣе практичнымъ, нежели теоретическимъ народомъ, и цѣлые вѣка трудились дружно, повинаясь соціальному чувству. Юлія Цезаря признаетъ онъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ характеровъ и величайшимъ практическимъ благодѣтелемъ человечества. Милль не совсѣмъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Философію математическихъ наукъ, богатую глубокими мыслями, Контъ обезобразилъ впоследствии очень дикимъ взглядомъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ нимъ, что еслибы у науки отняли сухость («sécheresse») и согласовали ее съ чувствомъ, то это было бы превосходное дѣло. Но Контъ зашелъ уже слишкомъ далеко. Ссылаясь на то, что нельзя доказать отсутствіе чувствованій и воли въ неодушевленныхъ предметахъ, онъ желаетъ, чтобъ мы воображали ихъ сознающими, что дѣлаютъ съ ними, и надѣется, что современемъ будетъ открыта въ

нихъ даже мыслящая способность, которой въ настоящее время не замѣчаемъ мы. Наша планета, думаетъ Контъ, была до появленія человѣка разумнымъ существомъ и совершала свои физико-химическія отправления согласно съ цѣлью улучшенія астрономическаго порядка. Вѣроятно, поверхность ея, вслѣдствіе ея же собственныхъ усилій, сдѣлалась менѣе эксцентричною и болѣе удобною для той жизни, которая теперь развита на ней. Когда совершился окончательно этотъ фактъ, она передала свои внутреннія способности — чувства и умъ, животнымъ и растениямъ, которыя явились на ней. Сперва Контъ называлъ эту мысль просто своею мечтой, но потомъ принялъ ее за несомнѣнную истину. Нетолько физикъ, даже математическимъ наукамъ даетъ онъ сантиментальный характеръ. Пространство, подъ именемъ великой среды («grand milieu»), обращено у него въ предметъ обожанія, какъ символъ судьбы. Мы должны, такъ учить онъ, воображать, что судьба занимаетъ опредѣленное мѣсто, которое есть пространство, обладающее чувствомъ, но лишенное дѣятельности или разума. Вслѣдствіе этого мы обязаны думать, что всѣ наши мысли и отвлеченныя понятія вмѣщаются въ свободномъ пространствѣ, и что геометрическія фигуры, цифры и алгебраическіе знаки пишутся въ немъ, а не на доскѣ, или бумагѣ. Контъ прибавляетъ, что мы должны стараться представлять ихъ мысленно зелеными на бѣломъ фонѣ. Числамъ онъ приписываетъ «нравственныя и разумныя свойства», называя три первыхъ изъ нихъ священными («nombres sacrés»). Единица есть типъ всякаго синтеза, два — всякой комбинаціи, три — всякой прогрессіи. Цифра 7 пользуется его особеннымъ уваженіемъ. Онъ совѣтуетъ принять ее въ основаніе всѣхъ исчисленій и бросить десятичную систему. Передъ числомъ 13 Контъ благоговѣетъ. Эти странныя мысли повели его къ установленію еще болѣе странныхъ правилъ, которыя приложилъ онъ къ своимъ собственнымъ сочиненіямъ. Замѣтивъ растянutosть и нестройность въ нѣкоторыхъ частяхъ ихъ, онъ рѣшился исправить эти недостатки и принялъ въ руководство слѣдующій методъ. Ни одно сужденіе не должно занимать болѣе двухъ строкъ его рукописи, равняющихся пяти печатнымъ строкамъ. Ни въ одномъ параграфѣ не должно быть больше семи сужденій и т. д. Онъ очень доволенъ, что эти правила затрудняютъ писателей, потому что при такомъ условіи сочинять книги будутъ только высшіе умы. Въ своемъ «Субъективномъ синтезѣ» Контъ предлагаетъ «планъ для всѣхъ серьезныхъ сочиненій», по которому каждый томъ долженъ состоять изъ семи главъ, каждая глава должна раздѣляться на три части» и т. д. Эти правила, говоритъ онъ, приближаютъ прозу къ поэзіи... Пра-

вильно-построенная поэма состоитъ изъ тринадцати пѣсенъ, подраздѣленныхъ на части, отдѣлы и группы, подобно моимъ главамъ». Недовольный этими вздорными тонкостями, онъ принялъ за правило начинать параграфы такими буквами, которыя, будучи сложены, составляютъ слова, имѣющія «синтетическое или симпатическое значеніе», и намекаютъ на главную мысль главы. Англійскіе журналы очень хвалили первые произведенія Конта, но упорно молчали о позднѣйшихъ трудахъ его. Не понимая настоящей причины ихъ молчанія, Контъ объяснялъ его «заговоромъ», составленнымъ противъ него. Но Милль говоритъ, что читатели поймутъ теперь безмолвіе англійской критики. Оно объясняется страшнымъ упадкомъ этого могучаго ума, который возбуждалъ прежде удивленіе.

Намъ остается указать на источники, изъ которыхъ заимствованы Миллемъ подробныя свѣдѣнія о позитивной философіи. Вотъ они :

1) COURS DE PHILOSOPHIE POSITIVE, *par* Auguste Comte, *répétiteur d'analyse transcendante et de mécanique rationnelle à l'école polytechnique, et examinateur des candidats qui se destinent à cette école. 2-me édition, augmentée d'une préface, par* E. Littré, *et d'une table alphabétique des matières.* (Курсъ позитивной философіи Огюста Конта, дополненный предисловіемъ Э. Литре). 1864.

2) AUGUSTE COMTE ET LA PHILOSOPHIE POSITIVE, *par* E. Littré. (Огюстъ Контъ и позитивная философія, Э. Литтре). 1863.

3) SYSTÈME DE POLITIQUE POSITIVE, OU TRAITÉ DE SOCIOLOGIE, INSTITUANT LA RÉLIGION DE L'HUMANITÉ, *par* Auguste Comte. 4 vols. 8-vo. (Система позитивной политики, или трактатъ о социологіи, опредѣляющій религію человѣчества, О. Конта). 1851—1854.

4) CATÉCHISME POSITIVISTE, OU SOMMAIRE EXPOSITION DE LA RELIGION UNIVERSELLE, EN ONZE ENTREVUELS SYSTÉMATIQUES ENTRE UNE FEMME ET UN PRÊTRE DE L'HUMANITÉ, *par* Aug. Comte. (Позитивный катихизисъ, или краткое изложеніе всеобщей религіи, въ одиннадцати разговорахъ между женщиною и жрецомъ человѣчества, Ог. Конта). 1852.

5) APPEL AUX CONSERVATEURS, *par* Aug. Comte. (Воззваніе къ консерваторамъ, Ог. Конта). 1855.

6) SYNTHÈSE SUBJECTIVE, OU SYSTÈME UNIVERSEL DES CONCEPTIONS PROPRES A L'ÉTAT NORMAL DE L'HUMANITÉ, *par* Aug. Comte. (Субъективный синтезъ, или общая система по-

нѣтій, свойственныхъ нормальному состоянію человѣчества, Ог. Конта). 1856.

7) EXPOSITION ABRÉGÉE ET POPULAIRE DE LA PHILOSOPHIE ET DE LA RELIGION POSITIVES, *par* Celestin de Blignières, *ancien élève de l'École Polytechnique*. (Краткое и популярное изложеніе позитивной философіи и религіи, Селестена де-Блиньеръ, прежняго ученика политехнической школы). 1857.

8) NOTICE SUR L'OEUVRE ET SUR LA VIE D'AUGUSTE COMTE, *par* le Docteur Robinet, *son Médecin, et l'un de ses trois Exécuteurs Testamentaires*. (Извѣстія объ ученыхъ трудахъ и жизни Огюста Конта, соч. доктора Робинне, его медика и одного изъ тринадцати его душеприказчиковъ). 1860.

Первая статья Мидля относится почти исключительно къ двумъ книгамъ, которыя поставили мы въ началѣ этого каталога. Во второй статьѣ хотя и коснулся онъ всѣхъ главныхъ вопросовъ позитивизма, однакоже останавливался преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя положительно опредѣляютъ отличительный характеръ этого ученія. Оцѣнка мелочныхъ подробностей не могла, конечно, войти въ его краткій очеркъ. Притомъ же она была бы лишнею, потому что Англія знакома уже съ произведеніями Конта по журнальнымъ статьямъ и переводамъ г. Конгрева и доктора Бриджеса.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ВРЕМЕННАЯ РАЗВЯЗКА ШЛЕЗВИГ-ГОЛШТИНСКОГО ВОПРОСА. — ХОДЪ ДѢЛА ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ВѢТА ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ РОССІИ.

Извѣстія, доставляемыя европейской журналистикѣ изъ Вѣны о гастейнскихъ переговорахъ, придавали этимъ переговорамъ большое значеніе. Въ Вѣнѣ полагали, что результатомъ ихъ будетъ соглашеніе двухъ великихъ германскихъ державъ насчетъ окончательнаго устройства судьбы приэльбскихъ герцогствъ; что проектъ рѣшенія по этому вопросу будетъ представленъ ими союзному сейму; что вмѣстѣ съ этимъ проектомъ будутъ предложены на усмотрѣніе сейма вопросы о новой организаціи военныхъ силъ Германскаго Союза, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ проектъ преобразованія союзной конституціи. Къ этому прибавляли, что въ Гастейнѣ условятся насчетъ новаго конгресса нѣмецкихъ государей, который предполагается созвать въ Берлинѣ.

Въ виду этихъ свѣдѣній, германскіе патріоты возлагали большія надежды на гастейнскіе переговоры, предполагая, что шлезвиг-голштинскій вопросъ рѣшится въ духѣ національно-нѣмецкаго вопроса, и не будетъ частной сдѣлки между двумя германскими правительствами, непопользующимися въ Германіи популярностью. Между тѣмъ франкфуртскій сеймъ, хотя и очень плохой, но все же пока единственный представитель нѣмецкой націи, былъ совершенно отстраненъ отъ обсуждения этого вопроса, порѣшеннаго предварительно барономъ Бисмаркомъ и графомъ Блуме, и окончательно королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ. Такимъ образомъ шлезвиг-голштинскій вопросъ, получившій въ началѣ значеніе національнаго дѣла, оконченъ теперь, какъ вопросъ, касавшійся только кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго. Нѣмецкимъ патріотамъ остается нынѣ довольствоваться заявленіемъ газеты «General-Correspondenz», официальнаго органа австрійска-

го правительства, о томъ, что въ будущемъ по шлезвиг-голландскому вопросу не будутъ нарушены права Германскаго Союза. Но пока наступитъ это будущее, Прусія и Австрія успѣютъ окончательно утвердить за собою ихъ военную добычу. Самый характеръ ихъ взаимной сдѣлки, какъ-то условія объ устройствѣ военной пристани, канала, желѣзныхъ дорогъ показываютъ, что договаривавшіяся въ Гастейнѣ и Зальцбургѣ стороны смотрятъ на доставшіяся имъ территоріи, какъ на собственность, поступившую не во временное ихъ пользованіе, но въ постоянное владѣніе. Но что, по нашему мнѣнію, должно быть всего прискорбнѣе и всего обиднѣе для нѣмецкихъ націоналистовъ, такъ это — продажа Австріей Прусіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лауэнбургскихъ нѣмцевъ, и притомъ по цѣнѣ весьма невысокой, круглымъ числомъ около 500 талеровъ за душу!

Основные пункты гастейн-зальцбургскаго договора заключаются въ слѣдующемъ:

Австрія и Прусія, убѣдившись, что установленное доннѣ совмѣстное владѣніе въ приэльбскихъ герцогствахъ, ведетъ къ неудобствамъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаютъ добродушію между ихъ правительствами, рѣшили не пользоваться впредь сообща правами, принадлежащими имъ по вѣнскому трактату, и раздѣлить пользованіе герцогствами географически. Вслѣдствіе этого, къ королю прусскому переходитъ пользованіе герцогствомъ шлезвигскимъ, а къ императору австрійскому — герцогствомъ голландскимъ. Съ своей стороны императоръ австрійскій предоставилъ права свои на герцогство лауэнбургское королю прусскому, за что королевское правительство обязуется уплатить императорскому правительству 2,500,000 датскихъ талеровъ, спустя четыре недѣли послѣ ратификаціи договора. Очевидно, что Прусіи незахѣмъ было бы входить въ такую сдѣлку, еслибъ она считала установившійся нынѣ порядокъ въ герцогствахъ временною мѣрою. Кильская гавань обѣщана для будущаго германскаго флота, но въ то же время Прусіи предоставлено право устроить для защиты входа въ эту гавань необходимыя укрѣпленія и основать на голландскомъ берегу морскія учрежденія, соотвѣтствующія назначенію военной гавани. Очень понятно, что обо всемъ этомъ не стоило бы заботиться прусскому правительству, еслибы оно признавало себя только временнымъ распорядителемъ въ герцогствахъ. То же надобно замѣтить и о предоставленномъ Прусіи правѣ — провести каналъ изъ Сѣвернаго моря въ Балтійское.

Вывѣшивая въ подробностяхъ выгоды гастейн-зальцбургскаго трактата, нельзя не видѣть, что перевѣсъ ихъ остается на сторонѣ Прусіи. Она приобрѣла въ полное владѣніе герцогство лауэнбургское и Шлезвигъ, непринадлежавшій Германіи, такъ что вслѣдствіе этого она ставится въ болѣе независимыя отношенія къ Германскому Союзу, нежели Австрія, получившая Голландію. Кроме того, Голландія досталась Австріи безъ Киля, самаго важнаго приморскаго пункта, который будетъ занятъ прусскимъ фло-

томъ въ ожиданіи германскаго. Приобрѣтеніе Австріи утрачиваетъ свою цѣнность и потому еще, что Реденбургъ будетъ занятъ смѣшаннымъ гарнизономъ, а по Голштиніи пойдетъ каналъ, который будетъ владѣть Прусія, точно такъ же, какъ будетъ она владѣть желѣзными дорогами и телеграфами, проходящими черезъ Голштинію. Короче, пруссаки будутъ полными хозяевами въ ново-приобрѣтенныхъ владѣніяхъ австрійскаго императора. Австрія рѣшительно проиграла все свое значеніе въ шлезвиг-голштинскомъ дѣлѣ. Она допустила Прусію выгнать изъ Голштиніи союзныя войска; она подавала во Франкфуртѣ голосъ въ пользу герцога аугустенбургскаго, но принуждена была отказаться отъ кандидатуры принца въ угоду Прусіи; она протестовала противъ образа дѣйствій Прусіи въ Голштиніи, но протестъ ея не имѣлъ никакой силы.

Судя по отзывамъ французскихъ газетъ, надобно заключить, что настоящая развязка шлезвиг-голштинскаго вопроса произвела во Франціи сильное впечатлѣніе. Самовольное распоряженіе Австріи и Прусіи судьбою приэльбскихъ герцогствъ французская журналистика называетъ образцомъ политическаго цинизма; она поставляетъ на видъ то обстоятельство, что Прусія и Австрія начали войну съ Даніей за тѣмъ, чтобы упрочить взаимную связь герцогствъ, и что между тѣмъ теперь онѣ дѣлятъ ихъ между собою, какъ военную добычу, не обращая вниманія на желаніе тамошняго населенія, и тѣмъ самымъ выражаютъ полное неуваженіе къ политикѣ Франціи, признающей право національностей располагать своею судьбою...

Еслибы вопросъ о церковномъ благоустройствѣ строго отдѣлялся отъ другихъ общественныхъ вопросовъ, то свѣтская журналистика не имѣла бы надобности касаться этого предмета. Между тѣмъ, всюду, а у насъ, въ Россіи, по преимуществу, церковное благоустройство соединено неразрывно не только съ нравственными, но и экономическими интересами всего народа. Православная наша церковь, пользуясь въ отношеніи догматическомъ полною самостоятельностью, сливается, по своему іерархическому устройству и по средствамъ, обращеннымъ на содержаніе духовенства, весьма тѣсно съ условіями нашего государственнаго и экономическаго быта. Духовенство образуетъ у насъ одно изъ государственныхъ сословій и, при водворяющемся нынѣ порядкѣ, оно является въ ряду сословій, представляющихъ земство. Основными источниками для содержанія духовенства служатъ: часть государственныхъ доходовъ, часть земскихъ сборовъ и наконецъ добровольныя даванія мірянъ. Въ свою очередь, наше духовенство, кромѣ исполненія церковныхъ обязанностей, всюду возлагаемыхъ на лицъ духовнаго чина, несетъ на себѣ еще особенныя обязанности, такъ-какъ ему

ввѣрено веденіе основныхъ гражданскихъ актовъ о рожденіи, бракъ и смерти. Кромѣ того, оно въ значительной степени участвуетъ въ первоначальномъ образованіи народа.

Разсматриваемое какъ отдѣльное сословіе, православное духовенство оказывается весьма многочисленнымъ. Въ Европейской Россіи принадлежать къ этому сословію 266,172 мужского и 290,174 женскаго пола, всего 356,346 душъ. Въ виду такого численнаго перевѣса въ этомъ сословіи женскаго пола надъ мужскимъ, надобно придти къ тому заключенію, что духовенство, какъ особое сословіе, достигло такой огромной цифры не потому, что у насъ встрѣчается надобность въ такомъ числѣ священно и церковно-служителей, но потому, что лица духовнаго званія поставлены, въ отношеніи ихъ семейнаго быта, въ особня условия, содѣйствующія увеличенію числа лицъ этого званія. Обязательные и раніе браки священниковъ и дьяконовъ и преемственность какъ ихъ, такъ причетническихъ мѣстъ, вслѣдствіе браковъ ихъ дочерей, содѣйствовали къ размноженію этого сословія до той значительной цифры, которую мы привели выше. Вслѣдствіе этого, у насъ предстаетъ для государства забота объ устройствѣ быта не только лицъ, принадлежащихъ къ церкви по роду исполняемыхъ ими обязанностей, но и семействъ, происходящихъ отъ этихъ лицъ. У насъ духовное званіе не есть только званіе личное, но и наслѣдственное.

По епархіямъ численность духовенства не соразмѣряется съ численностію паствы. Такъ, напримѣръ, въ Вятской епархіи считается 2,028,529 православныхъ, между тѣмъ какъ число лицъ духовнаго званія въ этой епархіи простирается только до 7,426 мужского и 7,203 женскаго пола душъ; тогда какъ, напримѣръ, въ Ярославской епархіи на 975,897 жителей обоаго пола православнаго исповѣданія, приходится 7,216 мужского и 8,613 женскаго пола лицъ, принадлежащихъ къ православному духовенству. Въ виду этихъ и другихъ подобныхъ цифръ, едва-ли можно согласиться съ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ въ «Статистическихъ Таблицахъ Россійской Имперіи», что духовенство въ своемъ числительномъ развитіи находится въ прямомъ соотношеніи съ мѣстными условиями края, что вездѣ, гдѣ населеніе живетъ разсѣянно на большомъ пространствѣ, цифра его больше, и наоборотъ. Мы полагаемъ, что относительно численности православнаго духовенства по топографическому его распредѣленію нельзя сдѣлать никакого общаго вывода, и что это зависѣло отъ разныхъ случайностей, прослѣдить которыя нѣтъ никакой возможности. Вообще же можно сказать, что несоразмѣрное распредѣленіе числа духовенства по епархіямъ съ числомъ паствы въ значительной степени препятствуетъ къ установленію общихъ мѣръ по вопросу объ устройствѣ быта православнаго духовенства, такъ-какъ основнымъ источникомъ для этого должны служить тѣ денежныя средства, которыя получаютъ съ мѣстныхъ прихожанъ.

Особымъ послѣдствіемъ этого вопроса оказывается нынѣ разви-

тіе у насъ духовной публицистики. Кромѣ нѣкоторыхъ журналовъ, какъ напримѣръ «Православное Обзорѣніе» и «Духовный Вѣстникъ», посвященныхъ интересамъ духовенства, начавшія выходить, два года тому назадъ, въ разныхъ губернскихъ городахъ «Епархіальныя Вѣдомости» весьма усердно разрабатываютъ вопросъ о способахъ обезпеченія духовенства, а отчасти о томъ, какое значеніе это сословіе должно имѣть среди образованнаго общества и народа. Въ духовныхъ изданіяхъ по нѣкоторымъ изъ относящихся къ духовенству вопросамъ, происходитъ даже ожесточенная полемика. Образецъ такой полемики встрѣчается въ «Современномъ Листкѣ» и «Духовномъ Вѣстникѣ». Особенно сильный споръ идетъ по вопросу о выборномъ началѣ среди духовенства. Здѣсь является борьба между противниками и приверженцами какъ стараго, такъ и новаго порядка. Вообще можно сказать, что въ настоящее время наша духовная журналистика должна обращать на себя вниманіе свѣтскихъ публицистовъ, разумѣется, относительно тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ социальный, а не догматическій характеръ. Мы воспользуемся выходящими у насъ духовными періодическими изданіями для того, чтобъ представить настоящее положеніе вопроса объ устройствѣ быта православнаго духовенства въ Россіи.

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», касаясь этого вопроса, говорятъ: «Кто не знаетъ, что теперь, въ большинствѣ городскихъ приходовъ, отношенія между духовенствомъ и прихожанами самыя странныя? Названія «отецъ» и «батюшка», которыми обыкновенно жалуютъ прихожане своихъ священниковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ, пожалуй, показаться и ироніей. Вообще нравственная связь духовенства съ ихъ приходами весьма слаба. Теперь духовный отецъ сближается съ своими духовными дѣтьми только въ церкви, да при совершеніи требъ, но и при всѣхъ этихъ сближеніяхъ обычная, матеріальная связь мѣшаетъ искренно-нравственному сближенію. Кому неизвѣстно, что звонъ монеты весьма не гармонируетъ съ возвышенными религіозными чувствами? Мы не вѣримъ — говорить о Троицкій — въ скрѣпленіе нравственнаго союза между пастыремъ и пасомыми, путемъ частныхъ матеріальныхъ вознагражденій со стороны послѣднихъ.»

«Калужскія Епархіальныя Вѣдомости» говорятъ, что всѣ сословія до того остаются равнодушными къ духовенству, что, кажется, будто общество считаетъ духовенство сословіемъ ненужнымъ для себя, или необходимо-обязаннымъ — изъ милости — служить обществу.

«Современный Листокъ» — изданіе, посвященное интересамъ духовенства, упоминая о виѣшнихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся представители этого сословія на церковной службѣ, замѣчаетъ, что обстоятельства эти поставили священника въ такое положеніе, что онъ посреди своихъ прихожанъ лишенъ характера общественнаго дѣятеля, и дѣйствуетъ скорѣе какъ частное лицо, имѣющее дѣло только съ частными лицами, съ которыми встрѣчается при отправленіи своихъ обязанностей, и при другихъ обы-

денныхъ случаевъ. Въ полномъ же собраніи своихъ прихожанъ, онъ бываетъ только въ церкви во время богослуженія, гдѣ можетъ бесѣдовать съ ними только словомъ проповѣдническаго назиданія.

Между тѣмъ общество, поставляя въ извѣстныхъ условія бытъ духовенства, располагаетъ матеріальной его обстановкой, имѣющей конечно немало и нравственнаго вліянія на взаимныя отношенія прихожанъ къ духовнымъ ихъ пастырямъ. Касаясь этихъ отношеній, «Орловскія Епархіальныя Вѣдомости» замѣчаютъ, что при обращеніи епархіальныхъ комитетовъ къ городскимъ и сельскимъ прихожанамъ съ предложеніемъ содѣйствовать улучшенію быта духовенства, отношенія нашего общества къ духовенству оказались совсѣмъ не такими, чтобъ можно было ожидать успѣха дѣла. Искони привыкнувъ видѣть духовныхъ, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, общество, по словамъ вѣдомостей, не таясь считать настоящее ихъ положеніе нормальнымъ, и желаніе ихъ видти изъ этого состоянія кажется ему небольшое, какъ излишнимъ притязаніемъ.

Какъ ни прискорбны могутъ казаться эти заявленія лицамъ духовнаго званія, но мы считаемъ подобныя отголоски, идущіе изъ среды самого духовенства, добрымъ предвѣстіемъ. Они показываютъ, что духовенство поняло свое настоящее положеніе и заявляетъ о томъ съ цѣлью поставить себя въ иныя, лучшія отношенія къ своей паствѣ. Оно сознало, что при настоящемъ порядкѣ вещей, то-есть при системѣ добротнаго своего содержанія, оно поставлено въ зависимость отъ каждаго отдѣльнаго прихожанина, а чрезъ отдѣльныхъ прихожанъ и отъ всего приходскаго общества. Духовенство, извѣдавъ на опытъ всю тяжесть этого порядка и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, заявляетъ теперь почти единогласно, за весьма малымъ исключеніемъ, желаніе пользоваться, въ замѣнъ добротной платы за неотложныя требы и другія статьи добротнаго дохода, жалованьемъ отъ казны. Вообще оно сильно возстаетъ противъ такъ-называемаго имъ «грошеподаянія», которое служитъ теперь главнымъ способомъ его содержанія. Слѣдя за официальными и частными извѣстіями о ходѣ вопроса по обезпеченію духовенства, можно сказать, что такое желаніе выразилось какъ-бы инстинктивно на всемъ пространствѣ имперіи безъ всякихъ совѣщаній. На этомъ желаніи сошлись во всѣхъ мѣстахъ, въ одно и то же время, лица, разрозненныя огромными пространствами и неимѣвшія между собою никакихъ устныхъ или письменныхъ сообщеній. Указывая на этотъ знаменательный фактъ, «Духовный Вѣстникъ» замѣчаетъ, что нѣтъ ни одной статьи ни въ духовной, ни въ свѣтской литературѣ, посвященной быту духовенства, въ которой не выставилась бы мрачная и безотрадная сторона пресловутой добротности. Достаточно, говорить упомянутый журналъ, хотя поверхностно слѣдить за ходомъ дѣла по улучшенію быта духовенства, чтобъ имѣть понятіе о всѣхъ невыгодахъ преобладанія, въ содержаніи духовенства, добротнаго характера.

Нельзя не сказать, что въ прежнія времена нѣгѣшній источникъ содержанія духовенства черезъ добротныя подаванія могъ быть вполне удовлетворителенъ. Тогда духовные интересы были господствующими во всемъ христіанскомъ обществѣ, а духовенство пользовалось болѣшимъ почетомъ и безусловнымъ довѣріемъ народа; кромѣ того, церковно-служители, избираемые прежде не по происхожденію, не составляли отдѣльнаго сословія, и люди духовнаго чина не были беспомощны и бѣдны. Притомъ сами служители церкви не имѣли столько обиходныхъ потребностей жизни, сколько встрѣчается нынѣ.

Особенно неудобной оказывается система добротнаго содержанія въ примѣненіи къ сельскому духовенству. При этой системѣ всѣ средства физическаго существованія духовенства находятся въ рукахъ необразованныхъ и неразвитыхъ прихожанъ, и эти обстоятельства заставляютъ сельское духовенство дѣйствовать въ отношеніи своей наставы особымъ способомъ.

«Чтобъ найти себѣ выходъ изъ беспомощнаго состоянія— говорить «Духовный Вѣстникъ» — сельское духовенство естественно обратилось къ народу со стороны его благотворительности, которая, встать, есть особый видъ добротства. И вотъ появились сборы хлѣбомъ, яйцами, шерстью, сметаной, масломъ, льномъ и вообще всеми произведеніями мѣстнаго труда. Духовенство столько же, сколько и прочіе нищія, не избавлено, для возбужденія въ отношеніи къ себѣ народной благотворительности, отъ ходьбы по приходскимъ домамъ, и отъ личной просьбы о подаваніи. Изобрѣтательная нужда—продолжаетъ «Духовный Вѣстникъ» — нашла способы усовершенствовать для себя систему нищенства. Чтобъ поощрить щедрость подаванія при сборахъ, сельское духовенство прибѣгло, за немѣніемъ болѣе благородныхъ, но безуспѣшныхъ къ тому средствъ, къ попойкамъ, къ потачкамъ, къ поклонамъ, къ мольбамъ, къ лестн и т. п. Кромѣ того, духовенство, подъ вліяніемъ своихъ вещественныхъ вопіющихъ нуждъ, измыслило особый способъ собирать по приходскимъ домамъ гривнами, подъ благовиднымъ предлогомъ служенія молебновъ, славленія, хожденія со святою водою, съ постною молитвою и т. п.»

Здѣсь, конечно, начинается для духовенства нравственное разрушеніе, но этимъ оно не оканчивается. Плата за требы только носить названіе добротной, но въ сущности она обязательная. Во всѣхъ сельскихъ приходахъ существуетъ родъ таксы за исполненіе требъ, и такса эта не удерживается постоянно на однихъ и тѣхъ же цифрахъ, но очень часто возрастаетъ въ отягощеніе прихожанъ. Духовные наши публицисты, говоря съ полною откровенностію о настоящемъ положеніи духовенства, указываютъ на то, что для неисправныхъ или свуныхъ плательщиковъ причты медлятъ исполненіемъ требъ, недомки вписываютъ въ домовныя тетради—но которымъ и взмываютъ ихъ съ лихвою, коль скоро недомкику представится надобность совершить какую-либо требу, въ особенности бракъ. При согласіи причты съ прихожаниномъ, случившаго-

ся въ его домѣ покойника хоронять ранѣе трехъ дней послѣ смерти, допускають вырывать могилу менѣе трехъ аршинъ глубины, скрываютъ отъ полиціи скоропостижно-умершихъ, даютъ младенцамъ любыя имена по выбору родителей, совершаютъ браки не совсѣмъ законныя. Между тѣмъ, тамъ, гдѣ возникаютъ несогласія по поводу малаго платежа за исполненіе церковныхъ требъ, является длинный рядъ самыхъ мелочныхъ придирокъ.

Вообще бѣдность и необезпеченный бытъ духовенства влекутъ за собою нравственную его порчу. Вникая въ причины бѣдности, надобно сказать, что она происходитъ отъ большого излишка духовенства и несоразмѣрной его накопленности въ разныхъ мѣстахъ, а это въ свою очередь происходитъ отъ замкнутости и сословнаго свойства духовной корпораціи. Нетолько чтецы и пѣвцы, которые дѣйствительно необходимы для церкви, и которые, однако, могли бы быть замѣнены мірянами, но и звонари и даже сторожа въ духовныхъ правленіяхъ, консисторіяхъ, семинаріяхъ, и тому подобныя люди со всѣми своими семействами включены почти всюду въ составъ духовной корпораціи.

Бѣдность духовенства, по замѣчанію нѣкоторыхъ, происходитъ и оттого, что достояніе церквей и ихъ служителей раздѣлены юридически, такъ-что часто при богатыхъ церквахъ состоитъ весьма бѣдное духовенство. Не отвергая этой причины, мы думаемъ, однако, что едва-ли возможно, въ этомъ случаѣ, установить другой порядокъ, такъ-какъ самая принадлежность достоянія отдѣльно церкви, и отдѣльно ея служителямъ, обуславливается, прежде всего, первоначально отдачею его или въ пользу церкви, или въ пользу причта. Указываютъ также и на то — и указываютъ небезосновательно — что бѣдность приходсваго духовенства не достигала бы такихъ поразительныхъ крайностей, еслибы не было такого рѣзкаго раздѣленія въ экономическомъ отношеніи между бѣднымъ и монашествующимъ духовенствомъ, административно-соединенныхъ въ епархіальномъ управленіи.

Изъ всего сказаннаго нами должно вывести то заключеніе, что для улучшенія быта духовенства, и для нравственнаго его возвышенія необходимо произвести коренное измѣненіе въ способахъ его содержанія, устранивъ изъ числа ихъ добродѣтелию подаванія. Посмотримъ же теперь, къ чему пришли относительно этого вопроса, какъ официальные его судьи, такъ и духовныя публицисты, занимавшіеся его разработкой.

Въ официальной средѣ этимъ вопросомъ занимаются высочайше утвержденное присутствіе по улучшенію быта православнаго духовенства и образованные въ епархіяхъ мѣстные комитеты. Окончательныя результаты ихъ занятій еще неизвѣстны, но тѣмъ не менѣе приняты уже нѣкоторыя мѣры, клонящіяся къ предположенной цѣли. Такъ, теперь въ ходу дѣло о записи за причтами, гдѣ къ этому представляется возможность и надобность, различныхъ арендныхъ статей, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ. Дѣло это, по замѣчанію «Кіевскихъ Епархіаль-

ных Вѣдомостей», двигается небыстро, съ одной стороны по причинѣ несочувствія къ духовенству чиновнаго люда вообще, а съ другой—потому, что съ производствомъ этого дѣла неизбежны многія бумажныя формальности. Впрочемъ, очевидно, что эта мѣра поможетъ только нѣкоторымъ причтамъ, но не всему духовенству, и потому, конечно, она не можетъ считаться общою мѣрою къ обезпеченію всего духовенства. Кромѣ того, теперь открыты новыя учрежденія, извѣстныя подъ именемъ приходскихъ попечительствъ. Основная мысль и цѣль ихъ—приблизить къ церковному дѣлу приходскія общества и заинтересовать ихъ въ немъ. Попечительства являются однако добровольнымъ, а не обязательнымъ для прихожанъ учрежденіемъ. До настоящаго времени хозяйственными дѣлами по каждой приходской церкви завѣдывали собственно два лица: священникъ и староста церковный, но обязанности ихъ относились только къ благоустройству церкви, о содержаніи же мѣстнаго причта, о благоустройствѣ школы, о мѣстной благотворительности не было прилагаемо со стороны прихожанъ правильныхъ и постоянныхъ заботъ. Во всемъ этомъ прихожане принимали только отдаленное и случайное участіе. Главнымъ образомъ хлопоты о дѣлахъ этого рода лежали на приходскомъ священникѣ. Съ одной стороны сложность такихъ хлопотъ, а съ другой удовлетворительное ихъ исполненіе требуютъ вовсе не одного лица, а нѣсколькихъ, и при томъ избранныхъ отъ прихода, почему составъ попечительствъ заставляетъ надѣяться, что эти учрежденія могутъ выполнять то, чего именно недоставало доселѣ въ кругу нашего церковнаго управленія.

На попечительства возлагаются также старанія объ обезпеченіи мѣстнаго приходскаго духовенства. Слышится однако, что сельскіе прихожане неохотно соглашаются учредить у себя попечительства изъ опасенія, что тогда на нихъ ляжетъ вся забота по содержанію духовенства. Въ «Духѣ христіанина» приводится разсказъ священника о томъ, что его прихожане не хотѣли и слушать положеніе о попечительствахъ послѣ пятаго пункта, въ которомъ говорится о содержаніи духовенства. Они сочли это положеніе выдумкой самого же духовенства, желающаго свалить все на мірскую шею. Нельзя сказать, чтобы открытіе попечительствъ шло успѣшно, хотя нѣкоторые мѣстности, какъ напримѣръ полтавская епархія, и представляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе изъ общаго факта. Вообще едва-ли духовенство собственно по вопросу объ обезпеченіи его быта можетъ ожидать существенной для себя пользы отъ приходскихъ попечительствъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, учрежденія этого рода и не останутся безъ добраго вліянія на многія дѣла, относящіяся къ церковному управленію.

Люди духовнаго чина, какъ кажется, очень хорошо понимаютъ, что отъ попечительствъ имъ нельзя ожидать улучшенія своего быта, и потому въ духовной нашей публицистикѣ высказывается настоятельное желаніе объ отгнѣбѣ платы за требы и о назначеніи духовенству жалованья отъ казны. Само собою однако разумѣется, что

состояніе государственныхъ финансовъ не дозволить правительству исполнить такое желаніе, хотя бы оно съ своей стороны и находило его вполне основательнымъ и правильнымъ. Можно сказать, что въ то время, когда правительство занято изысканіемъ способовъ возвысить размѣры содержанія духовенства, само духовенство заботится не столько о возвышеніи размѣровъ своего содержанія, сколько объ улучшеніи способовъ полученія своихъ доходовъ, хотя бы въ настоящихъ ихъ размѣрахъ. Въ такомъ смыслѣ высказывается бѣлая часть духовныхъ публицистовъ, взглянувшихъ вѣрно на положеніе духовенства и понявшихъ, что увеличеніе его содержанія на счетъ казны представляетъ положительную невозможность, а увеличеніе на счетъ прихожанъ возбудитъ еще большее нерасположеніе въ народѣ къ духовенству, обременяющему его новыми поборами. Главное желаніе духовенства состоитъ въ томъ, чтобы какъ городское, такъ и сельское населеніе было обложено подушною податью въ пользу духовенства, но такъ, чтобы эта подать равнялась добротной денежной платѣ за требы и цѣнной стоимости добротныхъ подаваній при сборахъ, производимыхъ духовенствомъ. По толкованію духовныхъ публицистовъ, поддерживающихъ и развивающихъ эту мысль, здѣсь имѣется въ виду не увеличеніе размѣровъ содержанія, но только большая обезпеченность и бѣлая правильность полученія тѣхъ же самыхъ доходовъ, а также большее облегченіе для народа и въ то же время бѣлая независимость духовенства отъ своихъ прихожанъ.

Нельзя не согласиться, что еслибы возможно было достигнуть уравнианія жалованья съ добротными источниками содержанія духовенства, то такая мѣра была бы вполне справедлива въ юридическомъ смыслѣ. Въ сущности, духовенство, служа народу, получало бы отъ него то же количество вознагражденія, какое оно получало и прежде, но только въ измѣненномъ, болѣе правильномъ и равномерномъ видѣ. Жалованье духовенству изъ указаннаго источника доставило бы значительное облегченіе и самому народу. Очень понятно, что непрерывное подушное оплачиваніе требъ имѣло бы всѣ свойства взаимнаго застрахованія, при которомъ каждое лицо, какъ нуждающееся, такъ и ненуждающееся въ требахъ, вносить за нихъ одинаковую подать и частныя, періодическія нужды исправляются общими силами.

Мы не возражаемъ нисколько противъ такой мѣры къ обезпеченію духовенства въ ея принципѣ, но думаемъ только, что на практикѣ невозможно достигнуть предполагаемаго уравнианія между подушнымъ сборомъ въ пользу духовенства и добротными подаваніями. Такъ, напримѣръ, лица, предлагающія упомянутый способъ, желаютъ, чтобы существующіе сборы хлѣбомъ и другими произведеніями народнаго труда были оцѣнены среднимъ числомъ, и переложены на деньги, вошли въ составъ подушной повинности. Но при такой системѣ должны будутъ, какъ мы полагаемъ, измѣниться основныя условія въ экономическомъ быту нашего крестьянства. Для крестьянина существуетъ большая разница между пла-

тежемъ денегъ и выдачею имѣющимъ у него въ запасѣ произведеніями его труда, причеиъ чистыя деньги представляютъ для него большую цѣнность, нежели произведенія его хозяйства, хотя бы и установили между тѣми и другими равномѣрную официальную оцѣнку. Кроме того, есть вообще большое различіе между обязательной платой и добротнымъ подаемъемъ.

Полученіе духовенствомъ жалованья имѣетъ противъ себя и другое еще возраженіе. Нѣкоторые ожидаютъ отъ этой мѣры появленія въ духовенствѣ духа чиновничества, но такое возраженіе едва-ли можетъ имѣть какое либо значеніе, такъ-какъ, принявъ его въ расчетъ, пришлось бы оставить духовенство въ настоящихъ его отношеніяхъ къ прихожанамъ, которыя, говоря по правдѣ, насколько не лучше.

Что же касается проектируемой подушной подати въ пользу духовенства, то изъ расчетовъ, приводимыхъ въ «Духовномъ Вѣстникѣ» о. Красовскимъ — однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ духовныхъ публицистовъ — оказывается, что круглымъ числомъ на каждую мужскую душу придется около 55 копеекъ въ годъ, а ежегодную стоимость сборовъ онъ полагаетъ на каждую мужскую душу въ 25 коп., такъ-что въ общей сложности сборъ съ мужской души будетъ равняться 80 копейкамъ.

Этимъ, впрочемъ, не оканчиваются всѣ сборы. О. Красовскій составляетъ на видъ молебны, совершаемыя духовенствомъ по приходскимъ домамъ въ пасху, въ храмовые праздники, славленіе, рожденіе со святою водою и т. п. безъ зову и приглашенія самихъ прихожанъ. Онъ говоритъ, что по цѣли своей эти дѣйствія духовенства принадлежатъ къ категоріи сборовъ, и что они дѣйствительно суть сборы деньгами, по способу же провведенія они относятся къ категоріи требъ добровольныхъ.

«По нашему мнѣнію—продолжаетъ о. Красовскій—эти денежные сборы, обременяющіе въ благовидную форму священнослуженія, тѣмъ болѣе должны подлежать упраздненію. Эти дѣйствія уже достаточно осуждаются за одну ихъ предосудительную цѣль. А сколько униженія для духовенства въ этой ходьбѣ!... Сколько соблазна!... Внутри избъ накладываются крючки на двери, ворота запираются засовами, хозяева прячутся, челядь разбѣгается; а духовенство между тѣмъ, состоящее изъ священника въ ризахъ и съ престомъ, дьякона въ облаченіи и причетниковъ, большею частью на этотъ разъ подгулявшихъ, торится около домовъ, толкается, врывается, шумитъ, ругается; иногда среди священнаго гнѣна слышны поклоны, и нерѣдко бывають между причетниками и взаимныя потасовки. Неужели это—священная треба, надобность въ которой выражается всегда зовами или приглашеніемъ? Это скорѣе воцунство, нежели богослуженіе».

Не одобряя весьма основательно подобныя явленія, о. Красовскій говоритъ, что въ виду улучшенія быта духовенства надобно уничтожить обычай ходить съ молебнами по домамъ, какъ обычай обременительный для всѣхъ и даже вредный, а плату, приобретае-

мую этимъ способомъ, удержать какъ мѣру для удовлетворенія вѣщующихъ нуждъ духовенства, и включить ее въ составъ повинности, что составитъ прибавки по 20 копеекъ съ мужской души къ указанной прежде цифрѣ. Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ почтеннаго публициста о неумѣстности описаннаго имъ обычая, а слѣдовательно и съ мнѣніемъ его о необходимости уничтожить этотъ обычай, мы не можемъ однако согласиться съ предложеніемъ объ обращеніи сбора въ денежную раскладку. Къ этому нѣтъ ни юридическаго, ни нравственнаго повода, во первыхъ, потому, что исполненіе подобныхъ требъ нисколько необязательно для христіанъ въ догматическомъ смыслѣ, и во вторыхъ, потому, что такого рода налогъ на прихожанъ истекалъ бы изъ сбора, установленнаго духовенствомъ противъ ихъ желанія.

Вообще намъ кажется, что если, по соглашенію духовныхъ властей съ земскими учрежденіями, о способахъ содержанія духовенства на счетъ прихожанъ будетъ введенъ иной, болѣе правильный порядокъ въ видѣ взиманія съ нихъ съ этою цѣлью подушной подати, то, за отсутствіемъ всякой платы духовенству за исполненіе неотложныхъ требъ, нужно будетъ принять иное основаніе для раскладки этой подати. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть принято въ основаніе не подушная раскладка, но имущественный цензъ. Въ прежнее время, при несуществованіи земскихъ учрежденій, невозможно было прибѣгнуть въ подобному способу раскладки общественныхъ повинностей, но въ настоящее время къ этому представляются всѣ удобства.

Встрѣчается, впрочемъ, и другой проектъ относительно составленія капитала для содержанія духовенства. Такъ въ «Православномъ Обзорѣніи» предполагается изъ всѣхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи духовенства какой либо епархіи, составить общій капиталъ съ тѣмъ, чтобъ раздѣлять его между городскимъ и сельскимъ духовенствомъ. При этомъ проектѣ имѣется въ виду уравнительность способа содержанія духовенства обоихъ разрядовъ, къ чему представляется то удобство, что городское духовенство имѣетъ больше денежныхъ доходовъ, а у сельскаго находятя въ распоряженіи церковныя земли. Конечно, въ смыслѣ уравниенія содержанія какъ городского, такъ и сельскаго духовенства, этотъ проектъ можетъ имѣть примѣненіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, но главная его выгода заключается въ томъ, что средства духовенства не увеличатся, между тѣмъ какъ оно и въ городахъ, конечно, не безъ нѣкоторыхъ исключеній, требуетъ точно также поддержки, какъ и въ селахъ.

По поводу этого предложенія, въ духовной нашей журналистикѣ возникла въ своемъ родѣ полемика между представителями городского и сельскаго духовенства. Первые хотятъ составить епархіальный капиталъ почти всецѣлю взятый изъ тѣхъ средствъ содержанія, которыя предоставлены сельскому духовенству, и только ничтожную часть — сборъ съ купцовъ, мѣщанъ, чиновниковъ и мастеровыхъ, отдѣляютъ отъ средствъ городского духовенства. Другіе же нахо-

дать крайне невыгоднымъ для сельскаго духовенства слить поземельные доходы въ общій епархіальный капиталъ, такъ-какъ эти доходы составляютъ собственность, исключительно принадлежащую сельскому духовенству.

При составленіи этихъ соображеній останавливаются прежде всего на церковныхъ земляхъ и угодьяхъ, и обѣ стороны приводятъ голословные расчеты о тѣхъ доходахъ, которые могутъ быть получаемы по этой статьѣ. Надобно однако замѣтить, что такъ-какъ церковныя земли не приведены еще до сихъ поръ въ положительную извѣстность, то едва-ли можно рѣшать подобный вопросъ хотя бы съ приблизительною вѣрностію. Обстоятельство это возбуждаетъ въ духовной публицистикѣ неведущую ни къ чему и нелишнюю раздражительности полемику. Мы полагаемъ, что для рѣшенія вопроса о церковныхъ земляхъ необходимо прежде всего произвести подробную ихъ люстрацію и затѣмъ уже приступить къ соображенію о способахъ пользованія получаемыми съ нихъ доходами. Надобно однако замѣтить, что настоящее время представляетъ весьма неудобную пору для рѣшенія вопросовъ о поземельной собственности, такъ что едва-ли можно при этомъ условіи рассчитывать на вѣрный съ нея доходъ и капитализировать его въ пользу духовенства.

При вопросѣ объ устройствѣ быта православнаго нашего духовенства, важно, по тѣмъ причинамъ, на которыя мы указали, не только обезпеченіе самихъ священно и церковно-служителей, но и ихъ многочисленныхъ семействъ, а также и возможность производить пенсіи тѣмъ изъ лицъ духовнаго чина, которые, по преклонной старости или болѣзнямъ, не могутъ исполнять долге своихъ обязанностей. По предложенію епархіальныхъ начальствъ, духовенство совѣщалось по благочиніямъ, о средствахъ къ составленію пенсіоннаго капитала. Нельзя сказать, чтобъ составленіе такого капитала изъ собственныхъ средствъ духовенства было встрѣчено привѣтливо представителями этого сословія.

Нашлись, впрочемъ, охотники жертвовать значительнымъ количествомъ процентовъ съ получаемаго ими жалованья или съ имѣющихся у нихъ доходовъ. Вообще же духовная журналистика приводитъ ту мысль, что самую правильную и самую безобидную для всѣхъ мѣрою опредѣленія количества обязательнаго въ пенсіонный капиталъ взноса должно быть получаемое жалованье, по количеству котораго слѣдуетъ опредѣлить и количество процентовъ для взноса, а для служащихъ сверхъ штата, назначить взносъ по количеству получаемыхъ ими доходовъ. Полагаютъ, что нельзя назначить болѣе 3%, потому что изъ получаемаго духовенствомъ жалованья и безъ того дѣлается казенный вычетъ въ 2%. Пенсіонный капиталъ можетъ быть увеличиваемъ извѣстными процентами съ кошелековаго сбора. Предлагаютъ также ввести дисциплинарное взысканіе съ духовенства въ видѣ денежныхъ штрафовъ съ тѣмъ, чтобъ штрафы эти обращались въ пенсіонный капиталъ и замѣнили существующія нынѣ среди духовенства неумѣстныя наказанія,

какъ, на примѣръ, стояніе по нѣсколько часовъ сряду на колѣняхъ или земные поклоны, число которыхъ доходить иногда до нѣсколькихъ сотенъ. Объ увеличеніи пенсіоннаго капитала необходимо приложить всевозможныя заботы. Настоящее положеніе сиротствующихъ семействъ духовнаго сословія чрезвычайно тягостно. Хотя и существуютъ уже издавна попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, но находящіяся въ распоряженіи этихъ попечительствъ средства такъ ничтожны, что высшій размѣръ ежегодно выдаваемого пособія цѣлому, иногда весьма многочисленному семейству, простирается только до 12 рублей и ограничивается обыкновенно двумя или тремя рублями въ годъ.

Изъ всего сказаннаго нами о ходѣ вопроса по устройству быта православнаго духовенства, можно заключить, что вопросъ этотъ, выходя изъ круга вопросовъ, относящихся исключительно къ церковному благоустройству, имѣетъ весьма важное социальное и экономическое значеніе и, слѣдовательно, не долженъ ускользать отъ вниманія свѣтской публицистики.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Сводъ мнѣній частныхъ лицъ относительно правилъ о торговлѣ питьями. — Распространяющееся въ народѣ пьянство, какъ известно, возбуждало необходимость пересмотра правилъ о торговлѣ питьями, который и порученъ особой комисіи, учрежденной при департаментѣ неогладныхъ сборовъ. Для всесторонняго обсужденія предмета, комисія принимала заявленія и частныхъ лицъ о лучшемъ устройствѣ торговли виномъ. Заявленія эти, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, поступили почти изъ всѣхъ губерній; общее число ихъ простирается до 119. Если видѣть въ этомъ фактѣ признакъ превращающагося равнодушія нашего общества къ общественнымъ дѣламъ, то это едва-ли не будетъ ошибкой: мы думаемъ, что мнѣнія частныхъ лицъ о торговлѣ виномъ, подраздѣленные на категоріи въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ» (№ 7), выражаютъ собою борьбу двухъ многочисленныхъ промышленныхъ партій: бывшихъ откупщиковъ и всего огромнаго ихъ причта, отъ главноуправлявшихъ откупамъ до сидѣльцевъ кабаковъ — съ одной стороны, и содержателей складовъ и всѣхъ начавшихъ промышленя торговлей виномъ при новой системѣ — съ другой. Акцзная система имѣетъ за собою, между прочимъ, и такихъ защитниковъ, которые желали бы ввести въ нее и нѣкоторую дозу торговой монополіи; большинство торговцевъ, довольствующихся малымъ, естественно, опасается за всякое стѣсненіе свободы въ торговлѣ виномъ; откупщики же не перестаютъ домогаться такихъ измѣненій, которыя свободу этой торговли дѣ-

дали бы только номинальной, а въ дѣйствительности возможна бы была почти прежняя, хотя и тайная, монополія.

Въ большинствѣ мнѣній, заявленныхъ мнѣ комисіи, какъ нельзя болѣе выражаются тенденціи всѣхъ этихъ партій; мнѣній же безпристрастныхъ весьма мало.

Относительно степени распространенія пьянства въ Россіи выражено три мнѣнія: болѣшая часть лицъ (преимущественно изъ великороссійскихъ губерній) находятъ, что пьянство усилилось въ народѣ до громадныхъ размѣровъ со времени введенія въ дѣйствіе акцизной системы, въ доказательство чего и указываютъ на всеобщее увеличеніе потребленія вина и повсемѣстное размноженіе питейныхъ заведеній. Другая же, меньшая, часть лицъ утверждаетъ, что съ уничтоженіемъ откуповъ и пониженіемъ цѣны на вино, увеличилась только масса людей, имѣющихъ возможность употреблять крѣпкіе напитки; собственно же *пьянство* осталось то же самое, какое было и прежде, но теперь оно сдѣлалось лишь болѣе замѣтнымъ, такъ-какъ при многочисленности питейныхъ заведеній пьяные встрѣчаются чаще, и послѣдствія пьянства не скрываются болѣе полиціей, какъ бывало при откупахъ, когда опивавшіеся причислялись къ умершимъ скоропостижно. Что же касается повсюду-слышныхъ жалобъ на увеличеніе пьянства въ Россіи, то, по мнѣнію лицъ, доказывающихъ, что пьянство остается прежнее, жалобы эти объясняются тѣмъ, что откупщики и масса лицъ, заинтересованныхъ въ откупахъ, распространяютъ молву о пьянствѣ съ особеннымъ усердіемъ и удовольствіемъ, находя въ этомъ поддержку со стороны полиціи, которая неприязненно отнеслась къ питейной реформѣ, и со стороны помѣщиковъ, недовольныхъ тѣмъ, что въ ихъ имѣніяхъ отрываются на общественныхъ земляхъ штофныя лавки, безъ ихъ согласія, составлявшаго для нихъ особую статью дохода. Наконецъ, третья категория лицъ, состоящая по большей части изъ жителей западныхъ губерній, заявляетъ, что со введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава о питеяхъ, пьянство въ западномъ краѣ не только не увеличилось, но напротивъ съ каждымъ годомъ уменьшается; въ доказательство чего приводятъ увеличеніе производства пива и жалобы виноторговцевъ на уменьшеніе посѣтителей питейныхъ заведеній, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ бросаютъ уже питейную торговлю, какъ неприносящую выгодъ. То же мнѣніе высказываютъ и нѣкоторые лица и великороссійскихъ, а также малороссійскихъ губерній, замѣчая при этомъ, что хотя пьянство въ Россіи и существуетъ, но что оно уже слишкомъ преувеличено, на самомъ же дѣлѣ потребленіе вина у насъ (не болѣе $\frac{3}{4}$ ведра въ годъ на человѣка) сравнительно съ другими государствами, даже незначительно; если же пьянство въ русскомъ народѣ и бросается въ глаза, то это происходитъ оттого, что русскій человекъ, по своей широкой и откровенной натурѣ, не любитъ что либо дѣлать втихомолу, заявляя всѣмъ и каждому, что гуляетъ на весь міръ.

Изъ этихъ мнѣній видно, что самое пьянство, какъ фактъ, подвергается сильному сомнѣнiю, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ опровергающихъ существованiе факта, по нашему мнѣнiю, много правды и прямоты, тогда какъ со стороны утверждающихъ нельзя не заподозрить тенденцiй откупщиковъ и ихъ многочисленной партiи изъ всѣхъ слоевъ общества. Нѣтъ сомнѣнiя, что при дешевизнѣ питей и при развитiи довольства въ высшихъ классахъ, число потребителей крѣпкихъ напитковъ увеличилось, и если предположить для примѣра, что на тысячу пьющихъ приходилось всегда и нынѣ приходится по пяти пьяницъ, то слѣдовательно при двухъ тысячахъ потребителей, ихъ будетъ десять и т. д., такимъ образомъ, число пьяницъ дѣйствительно увеличилось, но пьянство, какъ порокъ, какъ слабость, по нашему мнѣнiю, остается въ прежнемъ размѣрѣ. Поэтому, увеличенiе числа вострѣчающихся пьяныхъ, даже увеличенiе числа опивающихся, пропорционально увеличенiю потребителей, еще не составляютъ никакого доказательства усиленiя пьянства. Считалась ли бы увеличившеюся, напримѣръ, смертность въ государствѣ, еслибы при удвоившемся народонаселенiи увеличилось тоже вдвое и число умирающихъ?

Весьма жаль, что такой важный экономическiй и финансовый вопросъ, какъ торговля питьями, обсужденный теперь правительствомъ, не можетъ быть изслѣдованъ статистически; поватно, что въ виду комисiи нѣтъ ни числа потребителей, ни числа слушаемыхъ пьянства, ни числа опившихся—однимъ словомъ, никакихъ цифръ, которыя выражали бы собою хоть сколько-нибудь ту народную слабость, противъ которой комисiя должна изобрѣсти средства и способы. При этомъ естественно, всякая мѣра, какъ бы она ни была остроумна, не можетъ имѣть твердаго основанiя, потому что и самое существованiе пьянства, какъ мы уже замѣтили, передъ комисiей является нерѣшеннымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ; между тѣмъ всякое малѣйшее измѣненiе въ существующемъ нынѣ порядкѣ торговли питьями, должно прежде всего отразиться на государственномъ доходѣ, а достигнуть ли подобное измѣненiе дѣли исправленiя народной нравственности, это—вопросъ, отрицательное разрѣшенiе котораго едва-ли сомнительно.

Пользуемся случаемъ заявить и наше мнѣнiе по настоящему предмету: акцизная система введена въ дѣйствiе только два съ половиной года; въ столь короткiй перiодъ времени, всѣ послѣдствiя ея обнаруживаются еще не могли, особенно между сельскимъ населенiемъ, удаленнымъ отъ городовъ, и потому мало доступнымъ для наблюдений; съ началомъ акцизной системы, совпадало полное освобожденiе дворовыхъ людей и прекращенiе всѣхъ обязательныхъ отношенiй, посредствомъ выкупной операцiи, между помѣщиками и крестьянами, число которыхъ, считая западныя губернiи, превышаетъ уже нынѣ половину всего бывшаго крѣпостнаго населенiя; и вообще 19-е февраля предоставило всѣмъ

23 милліонамъ бывшихъ крѣпостныхъ людей такое положеніе, при которомъ даже и отбывающій издѣльную повинность крѣстьянинъ не лишень возможности располагать своимъ трудомъ, и слѣдовательно, пріобрѣтать деньги; все это не могло не увеличить числа потребителей крѣпкихъ напитковъ, и слѣдовательно, число видимыхъ признаковъ пьянства; но это, какъ мы уже замѣтили, вовсе не выражаетъ усиленіе самого порока, и не измѣняетъ отношенія между числомъ пьяницъ и общимъ числомъ потребителей. Разсматривая пьянство какъ явленіе физиологическое, необходимо замѣтить, что обыкновенно напиваются до-пьяна при двухъ различныхъ условіяхъ: при желаніи быть пьянымъ, и при излишнемъ довѣрїи къ своимъ физическимъ силамъ, непривычкѣ къ вину, незнаніи его крѣпости — однимъ словомъ, при излишнемъ употребленіи вина, помимо желанія напиться, то-есть при непривычкѣ къ мѣрѣ, до которой оно безвредно для пьющаго, по неопытности, по неосторожности; опивающіеся, конечно, принадлежать къ этимъ послѣднимъ категоріямъ; извѣстно, что записные пьяницы никогда не опиваются, пьютъ осторожно, не выпивая сразу большаго количества вина; напротивъ, начинающіе пить долго не привыкнувъ къ мѣрѣ, и часто опиваются. Чѣмъ болѣе будетъ въ странѣ потребителей, тѣмъ должны быть чаще случаи опьяненія начинающихъ пить, и даже случаи смерти — вслѣдствіе крайней неопытности въ дѣлѣ пьянства; но всѣ эти явленія можно ли назвать усиливающимся пьянствомъ? Мы думаемъ, что нельзя — такъ же какъ нельзя назвать пьяницей юношу, который, пробуя въ первый разъ въ жизни вкусный, сладкій и ароматный ликеръ, выпьетъ его цѣлый стаканъ, не зная, что этотъ ликеръ есть чистый спиртъ. Между тѣмъ, для всякаго поверхностнаго наблюдателя видимые имъ болѣе или менѣе частые случаи опьяненія по неопытности, представляются усиливающимся пьянствомъ. Еслибы при слѣдствіяхъ объ опившихся вѣдѣно было въ обязанность приводить въ извѣстность, давно ли предался умершій пьянству, былъ ли пьяницей, или опился только по неосторожности или неопытности, то эти повидимому незначительныя обстоятельства могли бы разъяснить весьма серьезный вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для прекращенія зла, которыя, конечно, необходимо будетъ искать не въ репрессивныхъ мѣрахъ по торговлѣ виномъ, а въ чемъ-либо другомъ. Эти изслѣдованія были бы притомъ единственнымъ источникомъ статистики пьянства, и источникомъ не безполезнымъ. Что же касается до настоящихъ матеріаловъ для разрѣшенія вопроса о пьянствѣ, то едва-ли они могутъ заслуживать какого-либо вниманія, если еще только есть хоть какіе-нибудь матеріалы. Въ два съ половиной года нельзя было сдѣлать наблюдений; впрочемъ, извѣстно, что наблюдений этихъ вовсе и не дѣлано; такимъ образомъ, ни правительство, ни общество не въ состояніи опредѣлять, чтѣ слѣдуетъ считать пьянствомъ нормальнымъ для страны, при извѣстныхъ физическихъ и социальныхъ ея условіяхъ,

и что считать пьянствомъ, вызывающимъ репрессивныя мѣры. Опредѣлить наглядно степени этого явленія: нормальную и ненормальную — невозможно, особенно, если принять въ соображеніе, что въ эти 2½ года не могли еще привыкнуть къ должной умѣренности въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ весьма многіе изъ потребителей, начавшихъ пить вино только со введенія акцизной системы, сдѣлавшей этотъ напитокъ наиболѣе доступнымъ, чѣмъ это было при откупахъ. Быть можетъ, черезъ 10 или 20 лѣтъ современное пьянство будетъ считаться образцовой умѣренностью, если статистика убѣдитъ, что, напримѣръ, въ Петербургѣ при его населеніи, образѣ его жизни и всѣхъ другихъ окружающихъ условіяхъ, 500 пьяныхъ въ день, а въ годъ до 200,000—явленіе весьма нормальное, неизбежное и невызывающее никакихъ стѣсняющихъ мѣръ по торговлѣ виномъ; или наоборотъ — настоящіе размѣры пьянства будутъ считаться ужасающими. Въ томъ и другомъ случаѣ, взглядъ опредѣлится съ помощію статистики пьянства, которой теперь нѣтъ и въ зародышѣ, потому что цифра опившихся, повторяемъ, не выражаетъ степени пьянства, а другихъ цифръ никакихъ нѣтъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, нельзя не признать и самаго вопроса о мѣрахъ противъ пьянства преждевременнымъ. Мы думаемъ, что комисія сдѣлала бы больше пользы, еслибы прежде всего изыскала такой статистическій методъ, съ помощію котораго можно бы было наблюдать за развитіемъ потребленія въ народѣ крѣпкихъ напитковъ, и опредѣлять нормальныя и ненормальныя явленія пьянства. Для изысканія этого метода, а также для составленія плана и опредѣленія цѣли наблюдений, нужно и много находчивости, и остроумія, и знакомства съ народной жизнью, почему подобный трудъ комисіи можно бы предположить априорическимъ заключеніемъ о мѣрахъ противъ пьянства.

Познакомивъ читателя съ мнѣніями о томъ, есть ли въ Россіи пьянство, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о совѣтахъ, предлагаемыхъ означенными 119 лицами противъ пьянства, и о причинахъ его распространенія.

Причинами пьянства выставляются большею частію: а) чрезмѣрная (?) дешевизна вина, которая будто бы происходитъ отъ перекура, потому что богатые и искусные заводчики, пользуясь излишкомъ выкуренаго на ихъ заводахъ вина, понижаютъ на него цѣны до размѣровъ, разорительныхъ для другихъ (то-есть неискусныхъ) заводчиковъ; б) повсемѣстное увеличеніе заведеній для продажи питей и возникающая вслѣдствіе сего чрезмѣрная конкуренція, возбуждающая торговцевъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, какъ-то: къ разбавѣнью вина водою, къ продажѣ въ долгъ, подъ залогъ вещей и проч.; в) недостаточность надзора за продажей питей, то-есть *малочисленность* акцизныхъ чиновниковъ; и г) въ нравственныхъ недостаткахъ народа, то-есть въ неразвитости, грубости нравовъ, также въ немнѣннн общественныхъ развлеченій и въ безвыходномъ (?) положеніи нашего ра-

бочаго, который только въ одной водѣ находитъ для себя отдыхъ и отраду.

Согласно съ указанными причинами предлагаются и мѣры противъ пьянства, то-есть возвышеніе цѣнъ на водку и ограниченіе числа питейныхъ заведеній для каждаго города и селенія; увеличеніе числа чиновниковъ для наблюденія за торговлей виномъ, возвышеніе акциза, и много другихъ подобныхъ мѣръ, изъ которыхъ каждая можетъ отчасти воскресить прежній откупъ, или сдѣлаться бесплодной и недостигающей своей цѣли.

По всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени сдѣлается извѣстнымъ и трудъ комисіи, пересматривающей правила о торговлѣ питеями; мы не думаемъ, чтобы она малодушно уступила общественной болтовнѣ, возникшей въ откупныхъ салонахъ и кабинетахъ, и разрѣшилась какими-либо стѣсняющими мѣрами; не можетъ быть, чтобы комисія не охранила настоящей системы отъ сплетенъ и навѣтовъ, неизмѣющихся никакой достойной опоры, и, главное, отъ изобрѣтенія мѣръ, уничтожающихъ свободу торговли виномъ.

О торговлѣ Персіи въ отношеніи свята въ эту страну европейскимъ товаровъ.—Непосредственное сосѣдство Россіи съ Персіей служить причиной особаго интереса излагаемыхъ въ этой статьѣ данныхъ, собранныхъ австрійцемъ Гастейгеромъ и изданныхъ имъ въ Австріи съ цѣлью указать на издѣлія, которыя могутъ быть сбываемы европейскими промышленниками въ Персію. «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ» (№ 7) печатаетъ эту статью съ цѣлью обратить на указанія Гастейгера вниманіе русскаго торговаго класса.

Несмотря на близкое сосѣдство, Россія доставляетъ въ Персію не особенно много товаровъ изъ своихъ собственныхъ произведеній, именно: полосовое желѣзо, желѣзныя издѣлія и орудія, гвозди, винты, посуду, замки, подковы, шалнеры, мѣдь, свинецъ не въ дѣлѣ и въ издѣліяхъ, обыкновенное стекло, фарфоръ и мелочные товары: бумагу, мѣха, чай, сахаръ, стеариновыя свѣчи, сукно, сигары, спиртъ и ликеры — все это грубаго вкуса и дурнаго качества; но такъ-какъ требованіе очень велико, а издержки провоза по дорогамъ, идущимъ до самой границы, сравнительно незначительныя, то отправители получаютъ хорошіе барыши. Оливки покупаются въ Персію, плохо рафинируются въ Россіи, масло же снова привозится въ Персію и продается тамъ очень дорого. Промежуточными мѣстами для русской торговли служатъ: Тифлисъ, въ 30 дняхъ пути, и Рештъ (персидскій), въ 8 дняхъ пути отъ Тегерана.

Съ странами, лежащими на Востокѣ, какъ, напримѣръ, съ Китаемъ и т. п., Персія до сихъ поръ еще не начинала торговли, вслѣдствіе отдаленности большихъ пустынныхъ пространствъ и страха дикихъ племенъ; между тѣмъ Англія отправляетъ свои собственныя и ост-индскія произведенія изъ Бушира (у Персид-

скаго Залива), на багдадскій рынокъ и чрезъ Ширазъ и Испанганъ—на тегеранскій. Но такъ-какъ дорога изъ Бушира (40—45 дней) до Шираза (1 мѣсяць) и изъ Испагани (15 дней) въ Тегеранъ трудна, опасна и длинна, то Англія посылаетъ свои товары обыкновеннымъ караваннымъ путемъ изъ Трапезунда чрезъ Эрзерумъ и Хой въ Тавризмъ, рѣже чрезъ Россію (Поти, Мазанъ, Тифлисъ, Тавризмъ). Такимъ образомъ, Тавризмъ есть складочное мѣсто товаровъ всѣхъ странъ, а его магазины и базары снабжаютъ Тегеранъ, Испанганъ и даже Ширазъ, чрезъ вторыя и третья руки, въ случаѣ непробытія товаровъ изъ Европы или истощенія ихъ запасовъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Англія посылаетъ свои желѣзные и стальные издѣлія, оружіе, сахаръ, чай, кофе, сукно, стекло и большой выборъ ситцевъ и миткаля; товары эти пользуются общимъ одобреніемъ и легко находятъ покупателей. Кромѣ Англіи, съ Персіей ведетъ торговлю Франція, Швейцарія, Бельгія и Прусія. Австрійскія же произведенія не пользуются извѣстностію въ Персію.

Авторъ указаннаго нами сочиненія сдѣлалъ свое изслѣдованіе о торговлѣ въ Персіи европейскими произведеніями преимущественно съ цѣлью возбудить своихъ соотечественниковъ, австрійцевъ, къ торговлѣ съ этой страной; при чемъ, кромѣ подробнаго обзора нуждъ Персіи, онъ указываетъ и на условія, при которыхъ торговля съ ней можетъ сопровождаться успѣхомъ. Сочиненіе г. Гастэйгера сообщено австрійской торговой палатой австрійскимъ промышленникамъ и торговцамъ, съ прибавленіемъ, что палата готова съ удовольствіемъ оказать съ своей стороны всякое содѣйствіе устройствомъ корреспонденціи каждому предпринимателю, который пожелалъ бы открыть торговыя сношенія съ этой страной. Русскій консулъ въ Вѣнѣ доставилъ брошюру г. Гастэйгера департаменту торговли, для напечатанія ея въ «Сборникѣ».

Сколько грустныхъ мыслей возбуждаетъ въ русскомъ человѣкѣ приведенное нами изслѣдованіе о торговлѣ съ Персіей! Тѣ же произведенія, которыми торгуетъ съ Персіей Россія, привозятся Англіей и отбиваютъ у насъ первенство въ этой торговлѣ, несмотря на то, что мы самые ближайшіе сосѣди съ Персіей и имѣемъ правильныя сообщенія нашихъ балтійскихъ портовъ съ персидскими портами на Каспійскомъ морѣ, торговля съ Персіей нѣсколько не находится исключительно въ нашихъ рукахъ, но даже представляется вовсе ускользающей изъ нашихъ рукъ, потому что, если Прусія, Бельгія, Франція и Австрія находятъ возможнымъ соперничать съ нами на персидскихъ рынкахъ въ торговлѣ тѣми же товарами, которыми мы торгуемъ съ Персіей, то весьма естественно ожидать, что современемъ у насъ вовсе отнимется эта торговля, если мы какимъ-нибудь чудомъ не переродимся. Повторяемъ, грустно до безконечности вѣтъ, что мы не успѣли ничего сдѣлать и при такихъ условіяхъ, выгоднѣе которыхъ едва-ли можно найти еще между какими-ли-

бо другими странами, кромѣ Россіи и Персіи. Цивилизація персіянъ несравненно ниже русской, восточный характеръ и политическій строй Персіи не допускають и возможности какой либо конкуренціи со стороны персіянъ въ производствѣ и торговлѣ тѣми предметами торговли, въ которыхъ они нуждаются; и мы, ближайшіе сосѣди, великая нація, торгующая со всѣми странами свѣта, не могли до сихъ поръ завладѣть торговлей съ Персіей. Вотъ что говоритъ г. Гастэйгеръ: «Пристрастіе къ иностраннымъ товарамъ въ Персіи постоянно увеличивается, и хотя политическое состояніе нельзя назвать цвѣтущимъ, тѣмъ не менѣе благосостояніе, роскошь и пышность остаются нетронутыми, и если еще вспомнить при этомъ, что изъ Хивы, Бухары и Герата все чаще и чаще пріѣзжаютъ купцы за европейскими товарами для своей родины, то навѣрное можно рассчитывать на великую будущность для европейской торговли съ Персіей, которая особенно благоприятна для австрійской промышленности, благопріятствуемой водными путями, пронизывающими до самаго центра монархіи.» По всему видно, что Гастэйгеръ вовсе и не обращаетъ вниманіе на Россію какъ на самаго важнаго по географическимъ условіямъ конкурента всѣхъ европейскихъ державъ въ торговлѣ съ Персіей; онъ прямо указываетъ Европѣ, что въ Персію можно перешагнуть черезъ Россію. Какъ ни прискорбно подобное мнѣніе австрійца о нашемъ отечествѣ, но оно справедливо, и намъ ничего болѣе не остается, какъ бросить рѣзкое слово укормизны нашему купечеству, которое, имѣя у себя подъ бокомъ богатый *отиний* рынокъ для товаровъ отечественныхъ и заграничныхъ, не могло до сихъ поръ завладѣть этимъ рынкомъ и расшприть черезъ то постоянно суживающіеся предѣлы нашей ви́шней торговли.

Хлопокъ, его настоящее и будущее. — («Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по Министерству Финансовъ» № 7). Это—многостороннее изслѣдованіе о производствѣ и потребленіи хлопка со времени основанія плантацій на югѣ Америки и высылки оттуда хлопка въ Европу въ началѣ нашего вѣка, а также въ настоящее время и въ будущемъ. Между прочимъ, въ этой статьѣ есть весьма любопытныя цифры о числѣ потребителей хлопка на земномъ шарѣ, по государствамъ. Нью-йоркскій професоръ Шемъ вычислилъ, что на всемъ земномъ шарѣ, исключительно потребляющихъ хлопковъ—695.596,483; употребляющихъ его отчасти—519.656,253, и вовсе неупотребляющихъ—69.678,545, въ томъ числѣ до 50-ти миліоновъ жителей Африки, считающихъ излишнею всякую одежду; остальные же изъ числа неупотребляющихъ хлопка, обитая въ ледовитыхъ странахъ, одѣваются въ звѣринныя шкуры. Хлопокъ, въ выраженію южно-американскихъ плантаторовъ—царь міра; выраженіе это вполне вѣрно, если вспомнить, что народы, съ первыми же признаками цивилизаціи и при первыхъ международныхъ сношеніяхъ, дѣлаются потребителями этого продукта. Россія, по выводамъ Шема, представляетъ слѣдующія цифры: упо

требляющихъ отчасти—65.569,391 и вовсе неупотребляющихъ—250,000; исключительно же употребляющихъ хлопекъ вовсе нѣтъ.

Русская торговля внутри Китая. — Въ «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли» № 5, помѣщены замѣтки по этому предмету, сообщенныя г. Ивановымъ, основателемъ русскаго торговаго дома въ Китаѣ (вмѣстѣ съ гг. Окуловымъ и Томаковымъ), арендующаго съ 1863 г. чайныя плантаціи, съ которыхъ чай выставлены были на послѣдней московской выставкѣ. Въ этихъ краткихъ замѣткахъ содержатся данныя, заслуживающія вниманія по своему значенію и достовѣрности. Г. Ивановъ говоритъ, что пока русскіе производили съ Китаемъ торговлю только въ Кахтѣ, не имѣя права проникнуть съ своими товарами внутрь Китая, до тѣхъ поръ они не знали ни народнаго быта китайцевъ, ни ихъ потребностей, не знали даже дѣйствительной цѣнности чая на мѣстахъ сбора и приготовленія, ни качества и цѣны тѣхъ товаровъ, которыми снабжался южный Китай со стороны европейцевъ; теперь же, благодаря дипломатическимъ сношеніямъ нашего правительства и китайскимъ, всѣ эти затрудненія устранены и привели русскихъ купцовъ въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ въ слѣдующимъ результатамъ:

Торгующее на Кахтѣ купечество, отправивъ съ первымъ караваномъ изъ Кахты товары всѣхъ возможныхъ сортовъ и наименованій, успѣло чрезъ своихъ агентовъ проникнуть изъ Тяньзяна даже во внутреннія и отдаленныя отъ нашей границы провинціи, распродать тамъ свои товары, узнавъ и дѣйствительную ихъ цѣнность и степень потребленія, убѣдившись въ то же время, что главнымъ пунктомъ сухопутной торговли нашей съ Китаемъ долженъ быть городъ Калчинъ, съ открытіемъ котораго устранятся всѣ встрѣчаемыя теперь по сбыту нашихъ товаровъ затрудненія.

Члены означеннаго торговаго дома, закуная чай на мѣстѣ и желая дознать дѣло на опытѣ, чтобы выйдти изъ зависимости китайцевъ окончательно, заарендовали пять фабрикъ, стали выдѣлывать чай сами, при помощи, разумѣется, китайскихъ работниковъ; чай эти оказались отличнаго достоинства и приняты въ Россіи превосходно и обошлись дешевле покупки ихъ отъ китайцевъ, чѣмъ и положено важное основаніе къ распространенію непосредственной торговли нашей съ Китаемъ.

Русскіе купцы, продавая въ южномъ Китаѣ русскіе товары, доставленные чрезъ Кахту и кругомъ свѣта, убѣдились на опытѣ, что такіе же товары суконныя и шерстяныя, доставленные европейцами, не выдерживаютъ соперничества съ нашими какъ болѣе матеріальными и вовсе недорогими по качеству ихъ. Кроме этого открылось другое, весьма важное обстоятельство: европейцы давно начали сбывать въ Китай самыя дешевыя шерстяныя издѣлія, какъ, на примѣръ, одѣяла, и до того распространили ихъ въ Китаѣ, что ежегодный сбытъ ихъ простирается

болѣе чѣмъ на 5.000.000 рублей; между тѣмъ по доставленнымъ изъ Китая чрезъ Кяхту и изъ Англій образцамъ, рассмотрѣннымъ московскими фабрикантами, оказывается, что главная масса этихъ товаровъ выдѣлывается изъ русской донской шерсти и даже грубаго низшаго сорта. Подобные же товары завозаны теперь въ Москвѣ для сбыта въ Китай. Вообще въ сѣверномъ и западномъ Китаѣ возникаютъ требованія на всѣ наши товары, и по словамъ г. Иванова, есть надежда на сильное распространеніе нашей торговли съ Китаемъ.

Въ замѣткахъ г. Иванова, кромѣ описаній торговыхъ китайскихъ пунктовъ, читатель-специалистъ найдетъ подробные реестры цѣнамъ разныхъ европейскихъ товаровъ на китайскомъ рынкѣ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Объ отношеніяхъ Россіи въ средне-азиатскимъ владѣніямъ и объ устройствѣ Киргизской степи В. Долинскаго. С.-Петербургъ. 1865 г.

Въ числѣ многихъ неизбѣжныхъ условій для осуществленія въ дѣйствительности идеи государства, заключается, какъ извѣстно, также и то, чтобы находилось извѣстное, независимое количество земли — государственная территория, съ болѣе или менѣе многочисленнымъ на немъ населеніемъ. Какъ должна быть велика по пространству государственная территория, какъ велико число жителей, къ государству принадлежащихъ, и при какихъ размѣрахъ пространства и числа жителей государство развивается наиболѣе правильно, процвѣтаетъ и преуспѣваетъ — вотъ вопросы, хотя и занимавшіе публицистовъ разныхъ странъ со временъ самаго Платона до нашихъ дней, но еще положительно до сего времени неразрѣшенные. Точныхъ размѣровъ тому и другому не опредѣлено, хотя всѣ согласны въ томъ, что въ государствѣ, слишкомъ обширномъ по пространству, области, находящіяся на окраинахъ, слѣдовательно отдаленныя отъ центра государственной власти, находятся обыкновенно въ неудовлетворительномъ положеніи (какъ это было въ Римской имперіи, о положеніи отдаленныхъ провинцій которой даютъ понятіе многія изъ рѣчей Цицерона); что пространства, непобѣжденные еще усовершенствованными и быстрыми средствами сообщенія, скрываютъ многое отъ глазъ верховной власти въ государствѣ, замедляютъ исполненіе общихъ правительственныхъ мѣръ, распоряженій за-

коновъ и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ всѣ признають справедливымъ и то, что при постоянномъ расширеніи своемъ государство по необходимости должно включатьъ въ число своихъ гражданъ различные народы, отличающіеся другъ отъ друга рѣзко не только по племенному своему происхожденію, нравамъ, религіи, языку, обычаямъ и т. д., но и стоящіе на весьма различныхъ степеняхъ гражданскаго и умственнаго образованія, что, конечно, не только значительно замедляетъ развитіе и усовершенствованіе самого государственнаго строя, общаго для всѣхъ племенъ, но порождая различные взгляды, интересы, стремленія и средства для ихъ существованія, можетъ легко служить препятствіемъ къ тѣсному и полнѣйшему единенію составныхъ частей государства. Сверхъ того присоединеніе къ государству какимъ бы то ни было образомъ странъ весьма отдаленныхъ, нерѣдко пустынныхъ и безлюдныхъ и весьма часто почти вовсе незаселенныхъ, влечетъ за собою различные расходы, нерѣдко немаловажные, неизбежно сопряженные съ обладаніемъ страной, не предоставляя въ то же время новыхъ источниковъ доходовъ, вполне достаточныхъ для покрытія произтекающихъ отъ новыхъ завоеваній расходовъ.

Считая, безъ сомнѣнія, подобныя взгляды вообще правильными, г. Долинскій, въ лежащей предъ нами брошюрѣ: «Объ отношеніяхъ Россіи къ средне-азиатскимъ владѣніямъ и объ устройствѣ Киргизской степи», высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Необъятное пространство Россійской имперіи при сравнительно незначительномъ населеніи, разединяя народныя силы, очевидно представляется самымъ упорнымъ противникомъ внутренняго развитія и преуспѣянія.

Но тѣмъ не менѣе занятіе русскими войсками со стороны западной Сибири — коканской вѣрности Ауеліета, и со стороны оренбургскаго края — города Туркестана, составляетъ, по мнѣнію г. Долинскаго, еще одно событіе, весьма знаменательное по тѣмъ благотворнымъ послѣдствіямъ, какихъ слѣдуетъ отъ него ожидать. Не говоря о нравственной обязанности Россіи вывести подвластныя ей разнородныя племена изъ полудикаго состоянія и развитъ у нихъ гражданственность, интересы самой торговли какъ русской такъ и цѣлой Европы, по кратчайшему пути къ центру Азіи, требуютъ твердой власти на границахъ средне-азиатскихъ государствъ, враждебныхъ всякой цивилизаціи. Географическое положеніе Россіи и политическое состояніе сосѣднихъ съ нею въ Азіи народовъ таково, что нельзя отказаться ни отъ пади земель, принадлежащихъ государству, по праву или добровольнаго подданства или по прежнимъ трактатамъ». Затѣмъ г. Долинскій рассказываетъ вкратцѣ, что еще въ 1700 году, Хива предлагала Россіи принять ее къ себѣ въ подданство, вслѣдствіе чего и назначены были тогда же экспедиція а) подполковника Бухольца — отъ береговъ Малаго Иртыша въ Малую Бухарію и б) лейб-гвардіи капитан-поручика князя Бековича-Черкаскаго — отъ Каспійскаго мо-

ря въ *Хисю*. Первая экспедиція, какъ извѣстно, положила начало распространенію русскаго владычества на всемъ протяженіи западной границы Китая до Коканскаго ханства; вторая же погибла, не принеся никакой пользы. Смертью Петра-Великаго остановилось надолго самое движеніе русскихъ къ предѣламъ Средней Азии по кратчайшему пути—съ береговъ Каспійскаго моря. Наша торговля, а за нею и политическія сношенія съ средне-азиатскими владѣніями стали увеличиваться лишь со временъ подданства киргизовъ Малой орды въ 1730 году и постепенной организаціи оренбургскаго края, начавшейся въ 1732 году, устройствомъ линіи Закамской, а потомъ и Уральской. Разумныя и энергичныя распоряженія первыхъ организаторовъ этого края, статскаго совѣтника Кириллова и тайнаго совѣтника Николаева, имѣли столь успѣшныя послѣдствія, что уже Екатерина II въ послѣдніе годы своего царствованія признавала возможнымъ распространить на киргизовъ дѣйствіе учрежденія, изданнаго для управленія губерній. Рядъ военныхъ укрѣпленій, воздвигаемыхъ въ киргизской степи со стороны оренбургской линіи, прекращалъ тамъ грабежи киргизовъ, упрочивалъ торговлю и сношенія Россіи съ средне-азиатскими владѣніями. Въ 1848 г. оренбургскій генерал-губернаторъ Обручевъ подвинулся до самой бухарской границы, устроилъ при впаденіи Сыр-Дарьи въ Аральское море укрѣпленіе Раимское (Казала) и водворилъ тамъ русскія поселенія; въ 1853 году занята коканская крѣпость Акмечетъ (форть Перовскій), чрезъ что получили мы во владѣніе упомянутую рѣку — Сыр-Дарью, на протяженіи около *пятисотъ* верстъ; въ 1861 году занято еще около ста пятидесяти верстъ границы съ Коканскимъ ханствомъ вверхъ все по той же рѣкѣ до укрѣпленія Друнска, находящагося уже на западномъ склонѣ хребта Кара-Тау. Въ то же время одновременно подвигалась и сибирская пограничная линія отъ Семипалатинска все къ югу, чрезъ укрѣпленія Копаль, Вѣрное, Кастевъ, Пишпекъ, до восточнаго склона того же хребта Кара-Тау. Между крайними укрѣпленіями обѣихъ означенныхъ пограничныхъ линій, оставалось небольшое пространство въ *восемьсотъ* верстъ, незанятое нами, но населенное по склонамъ Каратаускаго хребта (который, какъ извѣстно, тянется по правой сторонѣ Сыр-Дарьи, параллельно ея теченію) русскими киргизами, подвергавшимися безпрестаннымъ нападеніямъ со стороны коканцевъ. Край этотъ, по словамъ г. Долинскаго, не принадлежитъ собственно ни коканцамъ, ни бухарцамъ, а составлялъ всѣмъ независимую *Киргизскую* область, между Каратаускимъ хребтомъ и правымъ берегомъ Сыр-Дарьи (стр. 7), столицей которой былъ г. Туркеставъ, отнятый въ 1723 году у киргизовъ джунгорями. Эта область, называвшаяся Ташкентскою, по имени другого важнаго города Ташкента, служила въ послѣднее время постоянною цѣлю грабежа со стороны коканцевъ и бухарцевъ; жители ея страдали отъ ихъ набѣговъ, а также деспотизма и корыстолюбія своихъ повелителей. Значительная часть этой обла-

сти принадлежала къ Россіи занятіемъ въ 1864 году * пространства Зачуйскаго края, по лѣвому берегу рѣки Чу, впадающей въ озеро Сауман-Куль; чрезъ это передовая линія Зачуйскаго края соединена съ сыр-дарьинскою и изъ всего пограничнаго съ средне-азіатскими владѣніями пространства отъ Аральскаго моря до озера Иссык-Куль образована одна область *Туркестанская*, для управленія которою центральнымъ пунктомъ назначена крѣпость *Чемкентъ*; границы же этой области слѣдующія: съ сѣверо-востока—хребетъ Кара-Кумъ, голодная степь и рѣка Чу, а съ юго-запада—низовье рѣки Сыр-Дарьи и границы Кованскаго ханства. Для окончательнаго же соединенія пограничной сыр-дарьинской линіи съ сибирскою, дошедшею, какъ выше сказано, до Пишпека, этой послѣдней дано было изъ крайняго поименованнаго нами пункта направленіе на западъ, параллельное Боролдайскимъ горамъ, простирающимся между озерами Иссык-Кулемъ и г. Чемкентомъ, который собственно лежитъ у подошвы означенныхъ горъ. Сибирская пограничная линія, получивъ такимъ образомъ совершенно западное направленіе, прошла чрезъ мѣстечко Меркена, Ауеліету и Азретъ въ Чемкентъ, служащимъ нашимъ крайнимъ передовымъ, въ настоящее время, пунктомъ, на границѣ Кованскаго ханства. Городъ этотъ, судя по масштабу приложенной г. Долинскимъ карты, находится въ разстояніи около 150 верстъ отъ самаго г. Ташкента и около 200 верстъ отъ г. *Кокана*, лежащаго уже по лѣвую сторону рѣки Сыр-Дарьи.

Послѣ всего вышесказаннаго, г. Долинскій замѣчаетъ, что занятіе Ауеліеты и соединеніе нашихъ пограничныхъ линій (сибирской и сыр-дарьинской), кромѣ естественной необходимости обезопасить собственныя владѣнія отъ вторженія полудикихъ хищниковъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что подвинувшись на сотню верстъ вверхъ по Сыр-Дарьи за хребетъ Кара-тау, мы имѣемъ теперь въ своемъ владѣніи самый богатый въ мірѣ край по климату, почвѣ и руднымъ богатствамъ. Прежде же со стороны оренбургскаго края мы занимали самую неблагоприятную мѣстность на протяженіи 600 верстъ по Сыр-Дарьѣ, неплодную, песчаную и совершенно безлѣсную, которая, однако, замѣтимъ мы, оставшаяся тѣмъ не менѣе таковою же, служитъ немаловажнымъ препятствіемъ для сообщенія съ областью, вновьпріобрѣтенною нами для торговыхъ нашихъ интересовъ—съ областью съ неистощимыми естественными богатствами, съ населеніемъ около миллиона душъ, съ рѣкою Сыр-Дарьею, судоходною до самой ея вершины (то есть истоковъ) и т. д. (стр. 10). Край этотъ по возможности нужно устроить, и г. Долинскій предлагаетъ въ-которыхъ къ тому мѣры, какъ, напримѣръ: 1) учредить на границѣ средне-азіатскихъ владѣній отдѣльное управленіе, независимое ни отъ Омска, ни отъ Оренбурга. Разстоянія нашихъ новыхъ сред-

* Смотри «Военный Сборникъ». 1866 годъ № 3, стр. 59 русскаго военнаго обозрѣнія.

не-азиатскихъ владѣній на 1,500 верстѣ и болѣе отъ названныхъ нами выше двухъ городовъ вполнѣ объясняютъ причины, заставившія г. Долинскаго сдѣлать подобное предложеніе, которое, по нашему мнѣнію, будетъ осуществлено учрежденіемъ отдѣльнаго туркестанскаго управленія, независимаго отъ оренбургскаго генерал-губернатора; 2) озаботиться о ближайшемъ и удобнѣйшемъ почтовомъ и торговомъ сообщеніи этихъ странъ съ центромъ государства. Взявъ начальнымъ пунктомъ онаго станцію Березовскую, въ 75 верстахъ отъ города Троица по дорогѣ въ Сибирь, г. Долинскій находитъ всего удобнѣе провести прямую линію на Туркестанъ по самымъ плодороднымъ мѣстамъ киргизской степи сабирскаго вѣдомства, по рѣкамъ Тоболу, Тургаямъ, Каракагирь и Сарысь. По мнѣнію г. Долинскаго, сообщеніе на Оренбургъ неудобно, ибо путь пройдетъ по безлюдной мѣстности, неимѣющей строительныхъ матеріаловъ, что не привлечетъ осѣдлыхъ поселенцевъ, безъ которыхъ невозможны ни почтовая станція, ни постоянныя двора; существующее же съ давнихъ временъ почтовое сообщеніе чрезъ Омскъ на Семипалатинскъ до Усть-Вухаринской станицы, а оттуда до крѣпости Актавской, хотя и пролегаетъ по мѣстности съ роскошною природою, представляющей полную возможность для почтовыхъ и торговыхъ сообщеній и поселеній, но самый Омскъ слишкомъ отдаленъ на востокъ отъ прямого направленія къ центру государства, тогда какъ въ Троицкѣ, почти по прямому направленію къ Казани и Нижнему, торговые обороты, при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, не уступаютъ оренбургскимъ: одного чая привозятъ до 10 тысячъ пудовъ, появляются киргизы съ тащентскими товарами на своихъ арбахъ (телегахъ), бухарцы—съ хлопкомъ и т. д. Но изъ донесенія командующаго войсками въ Западной Сибири, въ Туркестанской области отъ 8-го іюня 1865 года (см. «Сиб. Вѣд.» № 157) узнаемъ, что учрежденъ почтовый трактъ отъ укрѣпленія Вѣрное (Семипалатинской области) въ укрѣпленіе Токшанъ—153 $\frac{1}{2}$ вер., укрѣпленіе Мерке—168 вер., укрѣпленіе Ауеліета—137 вер.; оттуда въ крѣпость Чемкентъ—162 $\frac{1}{4}$ вер., далѣе въ городъ Туркестанъ—146 вер. и укрѣпленіе Джулекъ (на Сыр-Дарьѣ)—178 верстъ*. Такимъ образомъ отъ Чемкента насчитывается 720 $\frac{3}{4}$ вер. (а отъ Ауеліета—568 $\frac{1}{2}$ вер.) только до укрѣпленія Вѣрнаго, отстоящаго, какъ извѣстно, на 998 вер. отъ Семипалатинска, отъ котораго считаютъ 4,032 $\frac{1}{2}$ вер. до С.-Петербурга; ит-

* Очевидно, что столь значительныя разстоянія между вновь учрежденными станціями дѣлаютъ невозможными такую же ѣзду на почтовыхъ, какалъ существуетъ на прочихъ трактахъ государства. Тутъ необходимо ѣздить на долгихъ, то-есть останавливаться и кормить по нѣскольку разъ во время самаго переѣзда отъ одной станціи до другой, которыя, какъ мы предполагаемъ, представляютъ собою пункты расположенія небольшихъ отрядовъ войскъ и болѣе или менѣе безопасное убѣжище отъ нападений дикихъ хищниковъ. Весьма можно бытъ думать, что въ означенныхъ пунктахъ только и существуютъ человѣческія жилища, единственныя пока въ этихъ степныхъ пространствахъ.

го отъ столицы до Чимента, одного крайняго пункта—5,650³/₄ верстъ.

Для образованія въ скорѣйшемъ времени по предполагаемой дорогѣ поселеній, г. Долинскій находитъ необходимымъ наръзать семейные участки земли со всѣми возможными угодьями (если таковыя только окажутся), предоставлять эти участки въ собственность желающимъ поселиться, какъ киргизамъ, такъ и русскимъ семействамъ. Онъ смѣло пророческуетъ новымъ поселеніямъ блестящую будущность, принявъ во вниманіе «давнишнее желаніе многихъ киргизъ *обзаводиться орьдлостію*, въ чемъ до сихъ поръ они встрѣчали значительныя препятствія со стороны администраціи и даже положительное запрещеніе, и предположивъ возможность для *русскихъ* также селиться въ киргизской степи, что также *до сихъ поръ не дозволялось*» (стр. 14). Конечно, для успѣха колонизаціи киргизскихъ степей необходимо отмѣнить подобныя запрещенія и отстранить препятствія къ оной со стороны администраціи; не зная въ чемъ они именно состоятъ, какъ образовались и чѣмъ поддерживаются, мы очень сожалѣемъ, что г. Долинскій не высказался подробнѣе и обстоятельнѣе; это бы придало еще большую занимательность его брошюрѣ, которая тѣмъ не менѣе представляетъ много любопытнаго. Она хотя нѣсколько знакомитъ насъ съ положеніемъ нашихъ собственныхъ же дѣлъ въ необъятныхъ пустынныхъ пространствахъ Средней Азіи, въ которыхъ намъ предстоитъ вдохнуть жизнь правильнымъ гражданскимъ устройствамъ, развить цивилизацію и матеріальное довольство въ полудикихъ обитателяхъ, и сдѣлать эти страны проводниками торговли русской и континентальной Европы въ самое сердце Азіи. Но подобное положеніе дѣлъ нашихъ въ Средней Азіи неоднократно вселяло опасенія англійской журналистикѣ. Создавъ въ своемъ воображеніи желѣзныя дороги отъ Саратова чрезъ Оренбургъ къ Аральскому Морю, и плавающие по немъ панцирные корабли, она приписываетъ русскимъ намѣреніе направиться въ восточную Индію, съ тѣмъ чтобы сокрушить владычество англичанъ, основанное въ этой странѣ усліями Клейфа и Гастингса. Полное невѣжество иностранной публики нѣтолько относительно внутренняго положенія нашего государства, но даже и географическаго, можетъ служить ⁰объясненіемъ, почему столь нелѣпныя бредни встрѣчаются ей съ столь сильнымъ довѣріемъ, что даже въ ежегодномъ засѣданіи королевскаго геологическаго общества въ Лондонѣ, предсѣдатель оного, знаменитый сэръ Родерикъ Мурчисонъ счелъ нужнымъ пуститься въ опроверженіе подобныхъ нелѣпостей. Ему въ особенности желательно, какъ онъ самъ говоритъ (см. «Русск. Инвал.» № 184), убѣдить его соотечественниковъ оставить ту *нелѣпную идею*, будто бы русскіе, принявъ за операціонный базисъ эту самую *безплодную и безлюдную страну*, могутъ питать какія либо цѣли противъ англійской Индіи. Простое указаніе фактовъ и громадности разстоянія, отдѣляющаго всю эту новую линію русской границы отъ ближайшаго пункта англійской Индіи или да-

же отъ Кашемира, нашего даннива, способно было бы уничтожить всѣ эти опасенія. Еслибы найдено было средство, возможность котораго я отрицаю, вслѣдствіе моего знакомства съ киргизскими степями, двинуть большую армію черезъ *пустыни Окса къ той части Китая*, съ которою русскіе поддерживали въ теченіе долгаго времени торговли сношенія, то все-таки можно положительно утверждать, что подобное вторженіе въ англійскую Индію *есть чистѣйшая химера*. Нетолько всѣ части новой русской границы отдѣлены отъ Кашемира пространствомъ въ 400 миль (то-есть около 800 верстъ), но сверхъ того на этомъ пути встрѣчаются высочія, покрытыя вѣчными, непроходимыми снѣгами горы Тянь-Шань, которыя, соединяясь съ дѣбиями Мустагъ и Каракорумъ, образуютъ восточную часть горъ гималайскихъ.» Эти отроги, раскинувшіеся на протяженіе въ ширину 500 — 800 верстъ, дѣлаютъ, и по мнѣнію Долинскаго, невозможнымъ столкновеніе въ Средней Азій войскъ русскихъ и англійскихъ. Помимо этихъ чисто-географическихъ соображеній, мы можемъ замѣтить, что господство англичанъ въ Индіи обезпечиваютъ еще болѣе соображенія нравственныя, что интересы Россіи требуютъ не столько расширенія границъ путемъ завоеваній и увеличенія ея и безъ того обширной территоріи, сколько устройства и упроченія оной путемъ цивилизаціи въ обширномъ значеніи этого слова. Только завоеваній въ области гражданственности, скажемъ мы словами г. Долинскаго, требующихъ не военныхъ силъ, а доблестей гражданскихъ (и еще многого—прибавимъ мы), желаемъ и ожидаемъ мы въ настоящее время.

Нашъ разборъ означенной брошюры былъ уже вполнѣ составленъ и отдана въ печать, какъ изъ «Русск. Ивалъ» отъ 18-го іюля узнали мы, что въ ночь съ 15-го на 16-е іюня Ташкентъ взятъ штурмомъ генерал-майоромъ Черняевымъ, при чемъ взято много значковъ, 16 знаменъ и 60 орудій. Изъ объясненія этого блистательнаго военнаго дѣла мы узнаемъ, что по взятіи нашими войсками Чемкента, главнымъ опорнымъ пунктомъ кованцевъ для вторженія въ наши владѣнія сдѣлался Ташкентъ, городъ многолюдный и торговый, откуда они и пытались дѣлать нападенія на принадлежавшій намъ городъ Туркестанъ; присутствіе же въ Ташкентѣ правителя кованцевъ Садиба-Кенисарина, непримиримаго врага Россіи, дѣлало небезопасными наши границы. Мирные жители Ташкента, желая избавиться отъ хищническаго гарнизона, неоднократно обращались съ просьбою о помощи къ генералу Черняеву, который полагая, что они сами безъ содѣйствія русскихъ войскъ могутъ освободиться отъ кованцевъ, до сего не начиналъ военныя дѣйствія. Узнавъ наконецъ, что жители Ташкента хотятъ призвать на помощь бухарскаго эмира, присоединеніе къ владѣніямъ котораго города Ташкента не могло быть допущено нами, гене-

рал-майоръ Черняевъ счелъ нужнымъ сдѣлать рѣшительный шагъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. Ташкентъ взять, но войска наши—говорить «Рус. Инвал.»—*могутъ оставаться въ немъ только некоторое время, пока будетъ грозить городу опасность для его независимаго отъ Кована существованія. Давъ независимость городу, населеніе котораго отличается промышленностью и торговлей, дѣло Россіи, неуждающееся въ присоединеніи этого города къ своимъ владѣніямъ, будетъ отнынѣ заключаться въ заботахъ объ охраненіи спокойствія и въ обезпеченіи своихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіей.* Ташкентъ, какъ извѣстно, лежитъ на нашей сторонѣ горъ, отдѣляющихъ Кованъ отъ Туркестанской области, считается однимъ изъ первоклассныхъ городовъ Средней Азіи и имѣеть, если не ошибаеся, около 80,000 жителей, занимающихъ преимущественно торговлей.

1) Популярный курсъ физической географіи. М. Ф. Мори, автора *Физической географіи моря, и дру.* съ двумя картами вѣтровъ и морскихъ теченій. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Бакста. 1865 г.

2) Руководство къ физической географіи. М. Ф. Мори. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ. Въ типографіи Морскаго Министерства. 1865 г.

Матье-Фонтанъ Мори, уроженецъ штата Виргиніи, извѣстный составленными имъ картами вѣтровъ и теченій (Vind and Current Charts), имѣвшими огромное вліяніе на судоходство вообще, знавомъ уже нашей публикѣ по своему курсу физической географіи моря—the physical Geography, переведенному на русскій языкъ Толстопятовымъ въ 1861 году, что и слагаетъ съ насъ обязанность говорить о тѣхъ обширныхъ научныхъ познаніяхъ, которыми въ этой сферѣ человѣческаго знанія обладалъ Мори, къ сожалѣнію, весьма недавно похищенный смертію. Въ настоящее время мы имѣемъ предъ собою два перевода другаго сочиненія того же автора, появившіеся хотя и одновременно, но подъ различными названіями, нами вышеприведенными. Изъ предисловія автора къ второму изъ этихъ двухъ переводовъ узнаемъ, что означенное сочиненіе написано имъ по порученію его императорскаго высочества генерал-адмирала, для изученія физической географіи готовящимся къ морской службѣ сыномъ его высочества, также и русскимъ юношествомъ. Этимъ объясняется отчасти и нѣкоторая односторонность самаго сочиненія г. Мори, который имѣлъ въ виду не полный курсъ физической географіи, а то, что преимущественно необходимо знать морскому офицеру, а потому и описывалъ подробнѣе тѣ явленія, которыя наиболѣе для него интересны. Въ первомъ же переводѣ, изданномъ г. Бакстомъ, ничего подобнаго не встрѣчается, а только сдѣлано весьма полезное замѣчаніе, что въ означенномъ сочиненіи Мори, температура воздуха показана по термометру Фаренгейта, и указанъ

простой способъ, какъ перевести температуру, показанную этимъ термометромъ, на ту, которую показывалъ бы термометръ Реомюра, преимущественно употребляемый у насъ въ Россіи. Не найдя, мѣ сожалѣнію, въ Петербургѣ экземпляровъ означенныхъ сочиненій на англійскомъ языкѣ, мы не можемъ сказать, перевели ли гг. издатели одно и то же англійское сочиненіе Мори, но только подъ различными названіями, или они пользовались при своихъ переводахъ двумя различными сочиненіями о физической географіи того же автора. Но рѣшеніе этого вопроса не представляетъ никакой практической важности для читателя, особенно, если онъ согласится послѣдовать нашему совѣту: не приобретать и не читать оба перевода, а избѣгая подобной излишней роскоши, удовольствоваться прочтеніемъ одного изъ нихъ — котораго же изъ двухъ, рѣшительно все равно; оба они одинаково удовлетворительны по слогу и изданію, и заключаютъ въ себѣ одно и то же содержаніе, что мы и утверждаемъ по тщательномъ прочтеніи обоихъ, вновь появившихся переводовъ Мори. Каждый изъ означенныхъ переводовъ снабженъ тѣми же двумя картами — вѣтровъ и морскихъ теченій — имѣеть то же почти число страницъ одинаковаго формата, и тѣ же 9 главъ, содержаніе которыхъ состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ. Замѣтивъ, что поверхность, занимаемая водою, почти втрое болѣе суши на земномъ шарѣ, Мори дѣлаетъ опредѣленіе физической географіи, которая, по его мнѣнію, рассматриваетъ землю въ ея естественномъ видѣ, безъ всякаго отношенія къ чертамъ, зависящимъ отъ человѣка (что составляетъ собственно предметъ политической географіи), и изучаетъ распредѣленіе растений и животныхъ на поверхности земли, явленія на морѣ и въ воздухѣ, какъ-то вѣтра и теченія, рассматриваетъ климатъ, горы, равнины и рѣки, распредѣленіе суши и воды на земной поверхности и т. д. Послѣ этого, онъ въ довольно краткихъ, хотя и вполне ясныхъ главахъ, говоритъ: о водѣ и ея вліяніи на климатъ (глава 2); объ атмосферѣ, ея кругообращеніи, направленіи вѣтровъ и тѣхъ основныхъ началахъ, по которымъ составлена карта вѣтровъ, и открыто правило, что вѣтеръ всегда дуетъ оттуда, гдѣ барометръ стоитъ высоко, туда, гдѣ онъ стоитъ низко (глава 3); о лучеиспусканіи и теплопроводности, о климатѣ странъ, о томъ, что дожди приносятся вѣтрами, дующими со стороны моря, а засуха бываетъ тогда, когда они дуютъ съ суши (глава 4), о движеніи въ атмосферѣ, и о господствующемъ направленіи вѣтра въ морѣ въ какой угодно паралели широты; о мусонахъ (глава 5); объ океанѣ, значеніи морей, морскихъ теченій и гольфстремѣ (глава 6), о солнечной теплотѣ, какъ источникѣ всякаго движенія на землѣ (гл. 7). Въ заключеніе, сдѣлавъ обзоръ физическихъ дѣятелей (глава 8), Мори рассматриваетъ землю, какъ мы ее наблюдаемъ, говоритъ о географическихъ предѣлахъ растений и животныхъ, о жизни насѣкомыхъ на тропикахъ, и пользѣ ихъ для растительности, касается вліяній климата и мѣстности на

человѣка, замѣчая, что по мѣрѣ приближенія его къ среднимъ широтамъ, онъ разнообразитъ свои занятія, и развиваетъ свою дѣятельность. При этомъ Мори говоритъ объ эмигрантахъ, о значеніи маиса и хлопка въ отношеніи къ поселеніямъ, которыя въ распространеніи своемъ также слѣдовали законамъ физической географіи, выводитъ положеніе, что потомки полярныхъ жителей, достигая болѣе умѣренныхъ климатовъ при переходѣ къ югу, научаются на опытѣ все менѣе и менѣе обращаться за средствами къ жизни къ морю, и все болѣе и болѣе къ землѣ; экваторіальныя же выходы на своемъ пути къ сѣверу, встрѣчая все менѣе и менѣе благопріятный климатъ, прибѣгаютъ вновь къ охотѣ, рыбной ловлѣ и т. д. Указавъ на кроющіеся въ этомъ примѣрѣ элементы и условія, которые физико-географъ предписалъ бы самой обширной торговлѣ, а именно: разнообразіе въ произведеніяхъ, и разнообразіе въ занятіяхъ при многостороннихъ нуждахъ, дѣйствительныхъ и воображаемыхъ, Мори говоритъ о вліяніи морей на торговлю, объ открытіи пути около Мысы Доброй Надежды и т. д. Вообще, глава эта придаетъ очень большую занимательность всему сочиненію г. Мори; переводъ котораго на русскій языкъ составляетъ вліеніе столь же полезное, какъ и пріятное въ сферѣ нашей переводной литературы.

Очерки животной жизни. Сочиненіе Льюиса. *Перевесъ съ англійскаго Рачинскій.* Москва. Изданіе Глазунова. 1865 г. Цѣна 1 руб.

«И не должны мы ребячески презирать изученіе низшихъ животныхъ, ибо во всякомъ созданіи природы есть нѣчто *дивное*... и если кто-либо считаетъ презрительнымъ изученіе низшихъ животныхъ, онъ долженъ презирать и изученіе собственной своей природы». Вотъ эпиграфъ новаго, весьма интереснаго сочиненія, авторъ котораго, Льюисъ, не только знакомъ уже нашей публикѣ, но и пользуется большимъ уваженіемъ за такія произведенія, какъ жизнь Гёте, физиологія обыденной жизни и т. д. Лежащее предъ нами въ русскомъ переводѣ новое сочиненіе Льюиса содержитъ въ себѣ, помѣщавшіеся разновременно въ «*Cornhill Magazine*», различные физиологическіе очерки, которые онъ намѣревался продолжать и коснуться въ нихъ животной жизни въ садахъ, лѣсахъ, въ морѣ; но измѣнивъ свое первоначальное намѣреніе, Льюисъ рѣшился издать отдѣльною книжкою очерки животной жизни, только лишь въ прѣсныхъ водахъ. «Человѣкъ есть достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества, воскликнетъ читатель, и я не стану — говорить Льюисъ — увѣрять, какъ то готовы сдѣлать нѣкоторые фанатики-натуралисты, что достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества *есть клѣточка*; но соглашаясь съ вами, что высшая задача для человѣка есть знаніе человѣка, я хотѣлъ бы убѣдить васъ, что рядомъ съ нею есть и другія задачи, и что ихъ разрѣшеніемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Ничто не можетъ быть безразсуднѣе, какъ ограничивать

кругъ ученыхъ изслѣдованій, прилагая къ нимъ мѣрку непосредственной пользы. Всѣ истины связаны между собою, и какъ бы далекою отъ ежедневныхъ нашихъ потребностей ни казалась какая-нибудь частная истина, время придетъ, когда она окажется цѣнною».

«Я не могу представить себѣ, чтобы какое-нибудь серьезное изслѣдованіе осталось безъ пользы для человѣчества; и я знаю, что великая тайна жизни не будетъ разгадана, пока мы не будемъ знакомы съ ея простѣйшими формами. Человѣкъ самъ недостаточно извѣданъ потому, что недостаточно извѣданы общіе законы жизни, которая бьетъ ключомъ изъ всѣхъ поръ природы; каждая смерть — рожденіе, каждая могила — колыбель. И объ этомъ всемъ мы знаемъ такъ мало, такъ бесконечно мало! Вокругъ насъ, надъ нами, подъ нами разыгрывается великая таинственная драма творенія, и мы даже не потрудимся быть ея зрителями! Жизнь вездѣ! Самая почва, на которой мы стоимъ — произведеніе жизни; погибшія животныя и растенія участвовали въ постройкѣ этой твердой коры нашей планеты. Булыжникъ, скрипящій подъ нашими колесами, и известнякъ — сростокъ безчисленныхъ скелетовъ. Апеннины и Кордильеры и мѣловые утесы Англій — суть мавзолей погибшихъ, невидимыхъ поколѣній. Милльоны лѣтъ тому назадъ, эти нѣжные зодчіе слагали тонкія скорлупки, служащія имъ жилищемъ, и изъ остатковъ этихъ жилищъ мы строимъ свои Партеоны и Лувры. Такъ движется широкій круговоротъ жизни. Поколѣніе смѣняется поколѣніемъ; настоящее дѣлается матеріаломъ будущаго, какъ прошедшее служило матеріаломъ настоящему. Жизнь каждой эпохи — зачатокъ жизни высшей».

Обозрѣвъ такимъ образомъ воздухъ, землю и воду, и нашедши вездѣ избытокъ жизненныхъ формъ, видимыхъ и невидимыхъ, Льюисъ отправляется, такъ-сказать, на экскурсію по разнымъ прудамъ и рѣкамъ, разсматриваетъ лягушку, опалину (*oralina galathea*), комара, полипа, моллюсковъ, коловратовъ и т. д. Предоставляя читателямъ познакомиться самимъ, непосредственно изъ сочиненія Льюиса, съ собираемыми имъ весьма любопытными и очень ясно и просто-изложенными описаніями и наблюденіями этихъ низшихъ животныхъ, мы можемъ сказать, что по поводу этихъ болѣе или менѣе спеціальныхъ, и не всѣхъ одинаково интересующихъ свѣдѣній, Льюисъ говоритъ часто о предметахъ общезанимательныхъ. Такъ, напримѣръ, говоря объ апусѣ — этой амазонкѣ между раками, обходящейся безъ самцовъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ ея природѣ — Льюисъ дѣлаетъ замѣчаніе, что не одинъ апусъ представляетъ намъ интересный фактъ отсутствія самцовъ, но что во многихъ семействахъ животнаго царства, нашъ (мужской) полъ играетъ лишь жалкую роль. По поводу коловратовъ (*gatorata*), онъ говоритъ очень подробно о такъ-называемомъ оживленіи животныхъ, возбуждавшемъ горячіе споры во французской академіи. По опытамъ и наблюденіямъ Спаланцани и Дойбера, коловратки сухія какъ пыль, переносимыя подобно пыли каждымъ вѣтеркомъ, оживали постоянно при погруженіи ихъ въ воду.

Брали мохъ съ коловоротками, помѣщали подъ воздушный насосъ вмѣстѣ съ сосудами, наполненными сѣрною кислотою, которая должна была поглотить всякій слѣдъ влаги. Продержавъ такимъ образомъ мохъ цѣлу недѣлю, его помѣщали въ печь съ температурою 300° по Фаренгейту — и это все не мѣшало коловороткамъ оживать, какъ только погружали ихъ въ воду. Но болѣе тщательныя и подробныя изслѣдованія Говарре показали, что всякій разъ, какъ животныя были совершенно отдѣлены отъ грязи, они погибали; что хотя нѣкоторыя коловоротки и оживали, другія постоянно погибали — обстоятельство, что оживаютъ лишь нѣкоторыя, заставляетъ предполагать, что эти-то именно и не были высушены. Почему все чудо оживанія коловоротокъ сводится на слѣдующее: если вода, въ которой они живутъ, испортится, то жизнь пріостанавливается въ животномъ, но не прекращается вполне, пока вода *самаго животнаго* защищена отъ испаренія.

Сказавъ, что подъ словомъ «органъ» биологи разумѣютъ часть тѣла, обособленную для совершенія опредѣленнаго отправленія, и что весь процессъ организаціи есть не что иное, какъ такое обособленіе частей для спеціальныхъ цѣлей—Льюисъ говоритъ о вѣрности великаго закона животной жизни, открытаго Гёте и фон-Бэрромъ, и заключающагося въ томъ, что развитіе всегда ведетъ отъ общаго къ частному, отъ простаго — къ сложному, отъ однороднаго — къ разнородному, и это происходитъ чрезъ постепенный рядъ обособленій. Конечно, Льюисъ послѣ этого не могъ пройти молчаніемъ и вопроса о распредѣленіи животныхъ формъ, о классификаціи и т. д.; онъ говоритъ о заслугахъ Ланнея и Кювье въ этомъ отношеніи и касается вопроса, возбуждающаго въ настоящее время всеобщее вниманіе—вопроса о происхожденіи вида. Мы считаемъ нелишнимъ представить читателямъ «Отгч. Записокъ», знакомымъ уже съ этимъ вопросомъ по сочиненію Чарльза Дарвина, краткое извлеченіе изъ всего выказаннаго по этому поводу Льюисомъ, что покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и занимательность лежащаго предъ нами новаго его сочиненія.

Споры о постоянствѣ или измѣнчивости вида, безъ предварительнаго точнаго опредѣленія того, что мы разумѣемъ подъ *видомъ*, не приведутъ къ поучительному результату. Зоологъ на вопросъ: что такое видъ, можетъ дать лишь очень неопредѣленный отвѣтъ; поэтому, даже самыя искусныя зоологи постоянно расходятся на счетъ видовыхъ признаковъ. Причина этой неопредѣленности заключается въ томъ, что *видъ*, какъ предметъ, не существуетъ; природа производитъ *особи*, которыхъ мы уже группируемъ по степени сходства въ классы, порядки, роды, виды—эти слова выражаютъ отвлеченныя понятія, а не опредѣленную, конкретную дѣйствительность, *одни лишь отношенія между степенями сходства*. Поэтому и вопросъ о постоянствѣ или измѣнчивости сводится на вопросъ: можетъ ли измѣняться сходство между близкими другъ къ другу животными? Ни одинъ зоологъ

не станет оспаривать измѣняемости животныхъ формъ; особи измѣняются — какъ всѣмъ извѣстно; нужно разрѣшить затѣмъ вопросъ, въ какой степени измѣняются животныя формы? Этотъ вопросъ разрѣшался двоякимъ образомъ: 1) одна школа, имѣющая на своей сторонѣ большинство полномѣсныхъ авторитетовъ, утверждаетъ, что измѣненія ограничиваются тѣми неважными признаками, которые характеризуютъ отдѣльныя разности одного вида, то-есть что каждый видъ съ самаго начала былъ тѣмъ, что онъ теперь, и чѣмъ останется пока будетъ существовать; 2) другая — въ томъ числѣ Дарвинъ, утверждаетъ, что измѣняемость не имѣетъ границъ, что всѣ животныя формы могли возникнуть изъ послѣдовательныхъ измѣненій непогихъ типовъ, или даже одного типа, что всѣ виды представляютъ развѣтвленія одной первоначальной породы. Льюисъ замѣчаетъ, что оба мнѣнія имѣютъ характеръ *ипотетическій*, что нельзя привести положительныхъ доказательствъ ни въ пользу одного, ни въ пользу другого. Притязанія каждой изъ этихъ гипотезъ не могутъ простираться далѣе, какъ на бѣольшую гармонию съ общими аналогіями; ни одна изъ нихъ не можетъ имѣть притязанія на характеръ *непреложной истины*. Вопросъ о происхожденіи вида, въ настоящее время не можетъ быть разрѣшенъ положительно; изъ двухъ гипотезъ — теорія развитія, повидимому, гораздо лучше согласуется со всѣми нашими знаніями; но она все-таки *неболѣе какъ гипотеза*, и вѣроятно, навѣки останется гипотезою. Всякая гипотеза, какъ бы ни была она необходима для того, чтобы хоть куда сгруппировать факты и связать ихъ какимъ-нибудь объясненіемъ, все-таки не болѣе, какъ *догадка* и можетъ быть безконечно-далека отъ истины. Люди предпочитаютъ даже бессмысленную догадку всякому пробѣлу; они скорѣе захотятъ держаться ложнаго мнѣнія, чѣмъ никакого; и лишь при высшемъ философскомъ развитіи, они приобрѣтаютъ способность воздерживаться отъ всякаго мнѣнія, при отсутствіи достаточныхъ данныхъ. Исторія же каковой бы то ни было науки показываетъ — какъ легко слагаются и принимаются гипотезы.

Весьма любопытныя очерки животной жизни, Льюисъ заключаетъ разсказомъ о молодыхъ годахъ ученой дѣятельности знаменитаго Кьюве, чтобы показать — какъ онъ самъ говоритъ — что ничто прочное и важное не можетъ быть достигнуто безъ полной преданности дѣлу. Ничто не понимается иначе, какъ въ потѣ лица. То, что называютъ вдохновеніемъ, не соиздаеть великихъ твореній, а только озаряетъ ихъ яркимъ сіяніемъ. Да и самое вдохновеніе, обыкновенно, возникаетъ отъ напряженнаго умственнаго труда. Въ дѣлѣ науки, постоянный и разумный трудъ необходимъ даже для самаго скромнаго успѣха.

Трудъ не все, но безъ него и геній ничто!

Подтвержденіе этого же самаго взгляда можно найти, какъ извѣстно, и у другого англійскаго мыслителя, Карлейля, который говоритъ, что геній — прежде всего, необыкновенная способность къ труду.

Опроверженіе на выдуманную жизнь Иисуса Христа, сочиненіе Эрнеста Ренана. *Съ тройственной точки зрѣнія библейской экзегетики, исторической критики и философіи, составленное абатомъ Гэтэ (что нынѣ православный священникъ, отецъ Владиміръ). Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. Части I-я и II. 1865 года. Цѣна каждой части 60 копеекъ.*

Извѣстно, какъ много шума надѣлала во всей Европѣ, и какъ быстро раскупалась книга Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», чему, конечно, немало способствовала извѣстность автора въ ученomorphic мѣрѣ, его званіе академика и профессора нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ, долговременное пребываніе его въ Палестинѣ, въ качествѣ начальнига ученой комисіи, а также тонкая, изворотливая діалектика и щеголеватая игривость слога, которыми обладаетъ авторъ, а болѣе необычайная странность въ христіанскомъ мѣрѣ — отверженіе авторомъ божественности Иисуса Христа. Поэтому становится вполне понятнымъ, что сочиненіе это могло дѣйствовать очень обаятельно особенно на такихъ читателей, которые или слишкомъ мало подготовлены исторически или религиозно для самостоятельной оцѣнки такой книги, или просто, имѣютъ привычку вѣрить всему печатному на слово, не давая себѣ труда пробѣрять читаннаго.

Въ отношеніи означеннаго сочиненія Ренана, такимъ пособіемъ служить критическія статьи аббата Гэтэ на эту книгу, помѣщенные въ «*Union chrétienne*» за 1863—64 годы, переводъ которыхъ, печатавшійся сперва въ «*Духъ Христіанина*» за 1863—64 годы, появляется нынѣ также отдѣльно подъ редакціею г. Тимковскаго. Абатъ Гэтэ (*Guettée*), принадлежавшій въ числу ученичѣйшихъ католическихъ духовныхъ лицъ и извѣстный также своею Исторіею іезуитовъ, принялъ на себя трудъ доказать несостоятельность ученія Ренана, неправильность его заключеній и предположеній, противорѣчія противъ логики, невѣрности указаній и ссылокъ, извращеніе историческихъ фактовъ и т. д., и доказывая все это, преслѣдуя — какъ онъ самъ выражается — г-на Ренана по пятамъ (стр. 104), съвозъ всѣ главы выдуманной жизни Иисуса, начиная съ самаго введенія и даже заглавія. Благодаря множеству приводимыхъ имъ выписокъ изъ сочиненія Ренана, можно въ одно и то же время ознакомиться вполне какъ съ основными воззрѣніями автора, такъ и сужденіями о нихъ критика. Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку:

Евангелія суть отчасти тѣ же легенды — это очевидно изъ того, что они полны чудесъ и сверхъестественнаго (Ренанъ, стр. XV). Это *изъ того что* по истинѣ неподражаемо, возражаетъ Гэтэ (стр. 7). Значитъ изъ того, что факты евангельскіе отличаются характеромъ сверхъестественности, слѣдуетъ, по г. Ренану, что они *баснословны*, и что исторія не должна обращать на нихъ вниманія. Ренанъ *самовольно* рѣшаетъ, что сверхъестественное невозможно, и что чутъ только *фактъ* оказывается

чудеснымъ, его надо считать басней или легендой. Однако, г. Ренанъ провозглашаетъ, что онъ не считаетъ чудесъ невозможными (стр. II). А если они возможны, такъ зачѣмъ же отвергать *заранѣе* фактъ потому только, что онъ чудесенъ? Авторъ, очевидно, противорѣчитъ самому себѣ. Какъ можетъ онъ допускать возможность чуда, и въ то же время говорить: такой-то фактъ долженъ быть причисленъ къ баснямъ потому, что онъ чудесенъ? (стр. 8) Или другой примѣръ: Чтеніе евангелій достаточно убѣждаетъ, что ихъ редакторы хотя составили себѣ въ головѣ очень вѣрный планъ жизни Иисуса, руководились однако хронологическими данными, не слишкомъ строгими. Папій, впрочемъ, прямо объ этомъ говоритъ (Ренанъ стр. LVII). Опять текстъ Папія! восклицаетъ Гэтэ на стр. 101. Авторъ этотъ говоритъ ли по крайней-мѣрѣ *хоть слово* о томъ, что ему приписывается г. Ренанъ? *Ни одною*. Мы буквально выписали его слова, чего не осмѣлился сдѣлать г. Ренанъ.—Каково возраженіе? прямое обличеніе во лжи...

У Ренана на стр. 18: «Иисусъ названъ человѣкомъ несравненнымъ, которому всемірное сознание присвоило званіе Сына Божія, и по справедливости!» Это уже слишкомъ много чести отъ г. Ренана, говоритъ Гэтэ на стр. 121. Ренанъ ошибается, утверждая, что всемірное сознание присвоило Иисусу званіе Сына Божія, и ошибается по тремъ простымъ причинамъ. Первая причина та, что сознание большинства человѣчества отказываетъ ему въ такомъ прозваніи. Развѣ ни во что считать евреевъ, магометанъ, многобожниковъ? Вторая та, что всѣ исповѣдующіе Иисуса Сыномъ Божиимъ, не берутся присвоивать ему это званіе, которое и безъ того ему принадлежить, и котораго никто не имѣетъ права раздавать по своему усмотрѣнію. Третья та, что всѣ эти милостивцы, подобные Ренану, такъ великодушно присвоивающіе это званіе Иисусу, въ сущности присвоиваютъ ему *одно пустое слово*, а не *званіе*, которое имѣло бы какое-либо значеніе, такъ-какъ они не вѣруютъ въ божественность Иисуса Христа. Еще одно мѣсто. «Онъ (Христосъ) былъ простой селянинъ, ничего не видавшій, кромѣ своей деревни, и считавшій передворами всѣхъ, кого видѣлъ хорошо одѣтыми. Выходить, Иисусъ былъ человѣкъ безъ всякихъ свѣдѣній, даже самыхъ обиходныхъ. Потому-то и притчи его наполнены всякой небывальщиной, чуть только дѣло коснется царей и вельможъ (Ренанъ стр. 39). Эта послѣдняя черта, по словамъ Ренана, подтверждается евангелиемъ. Онъ ссылается на св. Маттея, г. XXII, ст. 2 и слѣд., гдѣ излагается великолѣпная притча о «человѣкѣ-царѣ, устроившемъ паръ по случаю свадьбы своего сына». Притча ли эта заключаетъ въ себѣ небывальщину, или г. Ренанъ не умѣетъ ее понять? спрашиваетъ Гэтэ (стр. 145). Когда ему благоугодно будетъ снизойти до разбирательства подробностей этой притчи, мы ее объяснимъ ему, и покажемъ, что еслибы онъ лучше былъ знакомъ съ Востокомъ, относительно котораго онъ, воображаетъ себѣ, будто из-

училъ всю подноготную, то мнимыя небывальщины исчезли бы предъ свѣтомъ науки.

Ни одно изъ положеній, заключающихся въ III главѣ мнимои жизни Иисуса — «воспитаніе Иисуса», *не доказано*; всѣ противорѣчатъ евангелію, замѣчаетъ абатъ Гэтэ на стр. 147.

«Нельзя быть — говорить (на стр. 55) Ренанъ — на горѣ Назаретской, и не ощущать въ себѣ какого-то тревожнаго раздумья о своей судьбѣ; Иисусъ часто тамъ сживалъ, безъ сомнѣнія, не озабочиваясь замогильными выгодами добродѣтели; онъ думалъ только о своемъ дѣлѣ, о своемъ народѣ, о человѣчествѣ.» Значить, Иисусъ не вѣрилъ въ безсмертіе души — замѣчаетъ Гэтэ — не училъ, что добродѣтели получить награду, а пороки — наказаніе въ будущей жизни! Право, надо имѣть порядочную долю наглости, чтобы смѣть такъ завираться, когда евангеліе на лицо, и миллионы христіанъ его читаютъ. Пришлось бы переписывать всѣ четыре евангелія, еслибы мы вздумали приводить всѣ тексты, гдѣ Иисусъ прямо проповѣдуетъ, или полагаетъ уже принятымъ ученіе о будущихъ наградахъ добродѣтели (стр. 159—54).—Мы же, съ своей стороны, замѣтимъ, что абатъ Гэтэ могъ бы очень хорошо спросить г. Ренана, какими неопровержимыми историческими доказательствами подтверждается то, что Иисусъ, безъ сомнѣнія, часто сживалъ на горѣ Назаретской, и *думалъ только* о своемъ дѣлѣ? Отвѣтъ на это не лишень бы былъ занимательности.

По мнѣнію Гэтэ, Ренанъ уворяетъ Иисуса въ томъ, что онъ училъ нравственности слишкомъ совершенной. «Рай—говоритъ Ренанъ (стр. 81) — былъ бы перенесенъ на землю, еслибы идеи молодого учителя не переходили далеко за уровень посредственной добродѣтели, выше котораго нельзя было до сихъ поръ поднять родъ человѣческій.» Но, глубокомысленный философъ — возражаетъ на это Гэтэ — вы, значить, видите въ человѣческомъ родѣ только личности совершенно тождественныя относительно нравственныхъ и умственныхъ способностей. Никогда еще не удавалось подобрать изъ рода человѣческаго коллекцію существъ, достойныхъ засѣдать въ академіи надписей и изящной литературы, между г-ми Ренанъ и Литрэ, на примѣръ; слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что такіе *гении* не существуютъ въ родѣ человѣческомъ? Въ этомъ занимательномъ разрядѣ усовершенствованныхъ животныхъ бывали даже личности еще болѣе замѣчательныя: Платонъ, Аристотель, св. Августинъ, Декартъ, Боссуэтъ, кажется намъ, переходили *за* уровень посредственнаго ума, выше котораго нельзя было до сихъ поръ поднять родъ человѣческій, и переходили единственно силою своихъ естественныхъ способностей. При вѣоторомъ вниманіи, нашъ противникъ сѣумѣлъ бы распознать личности нравственныя, на столько же превосходящія другихъ людей по добродѣтели, на сколько вышепоименованные мужи превосходили ихъ по уму. Церковь называетъ такихъ людей святыми, и они вполне того заслуживаютъ... стр. (181—82).

Познакомивъ такимъ образомъ читателей съ полемическимъ приемомъ г. Гэтэ, съ родомъ и степенью силы опроверженій, приводимыхъ имъ противъ положеній и взглядовъ г. Ренана, мы считаемъ нелишнимъ сказать, что вновь вышедшая вторая часть опроверженія Гэтэ оканчивается только разборомъ пятой главы сочиненія Ренана, которая разсматриваетъ: первые афоризмы Инсуса, понятіе его о Богѣ-Отцѣ и религіи очищенной, и—первые учения его.

Мы не замедлимъ сообщить своевременно и о послѣдующихъ частяхъ этого сочиненія Гэтэ, весьма любопытнаго, какъ объ этомъ могутъ судить читатели по вышеприведеннымъ изъ него выпискамъ.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исходъ изъ западныхъ государствъ, виконта Бѣри *.

Эта книга очень богата любопытными фактами. Особенно занимательны тѣ страницы ея, гдѣ сравнивается судьба испанскихъ, французскихъ и англійскихъ колоній. Французамъ голословно приписывается національная неспособность къ колонизаціи; такъ же точно успѣхи англичанъ, когда не умѣютъ открыть настоящей причины ихъ, объясняются просто англо-саксонскимъ характеромъ. Но лордъ Бѣри говоритъ, что французы обнаружили въ этомъ дѣлѣ рѣшительное превосходство передъ англичанами, и «Saturday Review» согласенъ съ нимъ. Они умѣли ужиться съ американскими индійцами, чего никакъ не могли достигнуть англійскіе переселенцы. Французы открыли Ниагару, большія озера и спускались внизъ по Миссисипи, въ то время, когда англичане не выступали за границы узкой полосы земли, протянутой вдоль Атлантики. Прежде нежели Канадою овладѣла Англія, французскіе колонисты занимали рядъ постовъ, соединявшій Луизиану съ Аладією. Названія притоковъ Миссисипи и деревень, расположенныхъ по берегамъ этихъ рѣкъ, доказываютъ ихъ предприимчивость. Сверхъ того въ числѣ губернаторовъ французскихъ колоній были очень замѣчательные администраторы.

«Въ нашемъ характерѣ—говоритъ авторъ—нѣтъ той пылкости, которая влечетъ людей впередъ во имя идеи, порою даже просто изъ любви къ опасности, въ которой есть своего рода поэзія, нисколько нечуждая благородной гуманности. Дикость пустыни нисколько непривлекательна для насъ. При равныхъ условіяхъ французскіе и англійскіе колонисты одинаково трудолюбивы и промышленны, но въ характерѣ первыхъ больше внутреннихъ ресурсовъ, они лучше умѣютъ защитить себя отъ непредвидѣн-

* THE EXODUS OF THE WESTERN NATIONS. By Viscount Bury. 1865.

ныхъ случайностей». Отчего же англичане успѣли тамъ, гдѣ со-
сѣди ихъ потерпѣли полную неудачу? Этотъ вопросъ объясняет-
ся многими обстоятельствами, и между прочимъ быстрѣйшимъ
увеличеніемъ народонаселенія Британіи, которое позволяло под-
крѣплять матеріальную силу англійскихъ колоній постояннымъ
притокомъ въ нихъ новыхъ переселенцевъ. Самый недостатокъ
уступчивости, гибкости характера способствовалъ успѣхамъ ан-
гличанъ. Французы, покинувъ родину, остаются слишкомъ вѣрны
обычаямъ, которые существовали тамъ въ ихъ время, и пере-
даютъ пристрастіе къ рухнувшей старинѣ своимъ дѣтямъ. Те-
перь французская Канада болѣе самой Франціи похожа на Фран-
цію прошлаго вѣка. Въ ней до сихъ поръ удерживается еще
феодалная система. Колонисты раздѣлены на партіи, и каждая
изъ нихъ имѣетъ своего *seigneur'a*, которые при устройствѣ сель
руководствуются стратегическими соображеніями. Канадцы не
оставляютъ старинной системы сельскаго хозяйства и находятся
подъ контролемъ католическаго духовенства. Въ былое время
даже мисіонеры употреблялись французскимъ правительствомъ
для военныхъ дѣлей, и многіе изъ этихъ проповѣдниковъ слова
божія приобрѣли громкую извѣстность партизановъ. Но самая
рѣзкая противоположность между французскими и англійскими
колонистами заключается въ ихъ отношеніи къ родной странѣ.
Французъ остается вротокъ и покорень, какъ бы ни тяготили его
подати и рекрутская повинность; онъ женится по приказанію
своего господина и вообще какъ-то не любитъ независимости,
если не находится подъ властью иноплеменной съ нимъ націи.
Англійскій колонистъ, напротивъ, начинаетъ ронять, когда по-
требуютъ съ него лишнюю копейку на военные расходы, хотя
бы этой войны и требовали его личные интересы. Всѣ исчислен-
ныя здѣсь качества французовъ доказываютъ, что этотъ народъ
способенъ какъ нельзя больше къ колонизаціи, если подъ сло-
вомъ «колонія» разумѣть страну, подвластную метрополи, кото-
рая въ критическихъ обстоятельствахъ, напримѣръ, при нападе-
ніи на колонистовъ очень сильнаго врага, должна защищать ихъ.
Въ противномъ случаѣ, когда колонія можетъ жить своей соб-
ственной жизнью, не нуждаясь въ помощи родной страны, она
становится уже независимою націей. Въ характерѣ англичанъ
нѣтъ французской гибкости, и такъ-какъ онъ болѣе упругъ,
индивидуаленъ, то имъ и удалось создать независимыя націи
тамъ, гдѣ французы не пошли далѣе колоній, которыхъ Франція
не могла даже удержатъ за собою, и гдѣ испанцы сгнили, какъ
недозрѣлый плодъ. Г. Вѣри распространяется о причинахъ от-
дѣленія Соединенныхъ Штатовъ отъ Англій, но подробности
этого событія такъ извѣстны, что мы не станемъ повторять ихъ.
Извѣстно также, что англичане предвидать будущую независи-
мость своихъ теперешнихъ колоній и такъ повидимому привык-
ли къ этой мысли, что она не имѣетъ для нихъ ничего стран-
наго. Канада почти уже самостоятельное государство; въ другихъ

колоніяхъ, по мѣрѣ того, какъ сознаютъ онѣ свои силы, проявляется также стремленіе освободиться по возможности отъ вліянія метрополія. Придетъ пора, и всѣ онѣ обратятся въ независимыя государства, но, отдѣлясь отъ Англіи мирнымъ образомъ, онѣ не будутъ, конечно, чувствовать къ ней той антипатіи, которою отличаются Соединенные Штаты.

Южные генералы; кто они, и что они сдѣлали *.

Сѣверо-американская распря отличается особеннымъ характеромъ, котораго напрасно стали бы искать въ другихъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнахъ, не исключая даже времени Наполеона I. Всѣ важнѣйшія событія этого междоусобія неразрывно связаны съ именами предводителей обѣихъ армій. Вѣроятно, при мысли о знаменитомъ походѣ сѣверянъ въ Георгію и Каролипу всякій вспомнитъ генерала Шермана. Никто не отдѣлитъ имени Гранта отъ паденія Висксбурга, или Мак-Клелана отъ несчастій при Чикагоминн. Еще тѣснѣе эта связь между именами южныхъ генераловъ и подвигами сепаратистовъ. О нихъ-то исключительно и говорится въ названной выше книгѣ. Здѣсь нѣтъ собственно исторіи американской войны; авторъ описываетъ отдѣльныя дѣйствія предводителей южанъ, не касаясь общаго плана войны. Только въ біографіи генерала Ли находится довольно пространныя глава, которую можно назвать отрывкомъ военной исторіи. Въ это сочиненіе вошли рассказы, извѣстія и анекдоты, заимствованные изъ американскихъ газетъ и путевыхъ записокъ туристовъ, посѣтившихъ южные штаты въ продолженіе междоусобія. Такъ-какъ факты выбраны авторомъ старательно и добросовѣстно, то, за недостаткомъ лучшихъ источниковъ, книга его находитъ много читателей. Почти всѣ главные предводители южанъ воспитывались въ уэст-пойнтской военной академіи, но многіе изъ нихъ, прослуживъ недолго въ рядахъ армій, сдѣлались адвокатами, инженерами, чиновниками при управленіяхъ желѣзными дорогами и т. д. Южане вообще предпочитали эту академію другимъ учебнымъ заведеніямъ и отдавали въ нее дѣтей своихъ, нисколько не намѣреваясь даже сдѣлать изъ нихъ будущихъ воиновъ. Сложная система образованія позволяла молодымъ людямъ подготовиться здѣсь и не къ военной службѣ. Однакоже, замѣчательнѣйшіе изъ сепаратистскихъ генераловъ, Ли и оба Джонстона, были подполковниками армій, а Джексонъ — профессоромъ военныхъ наукъ. Генералъ Полькъ, пробывъ недолго въ дѣйствительной службѣ, превратился въ пастора и былъ возведенъ въ санъ епископа. Когда вспыхнуло междоусобіе, онъ прекратилъ проповѣди и поспѣшилъ на поле битвы, обѣщаясь возвратиться къ паствѣ немедленно по окончаніи войны, какъ

* SOUTHERN GENERALS; Who they are, and What they have done. 1865.

человѣкъ, который «спѣшитъ всѣми средствами спасти свой домъ отъ гибели во время пожара, и потомъ снова принимается за обычныя занятія». Многие изъ южанъ: Ли, Джексонъ, Лонгстритъ, Брагъ, Эуэлъ и Джозефъ Джонстонъ приобрѣли извѣстность въ мексиканскую войну. Слѣдовательно, начальниками сепаратистовъ при самомъ началѣ возстанія были опытные офицеры, тогда какъ въ некоторые изъ главныхъ предводителей сѣверянъ никогда прежде не видывали регулярной арміи, и многие ни разу не были въ огнѣ. На Сѣверѣ военная карьера не пользуется особеннымъ уваженіемъ. Тамъ наиболѣе даровитая молодежь готовитъ себя въ другимъ, выгоднѣйшимъ занятіямъ. Сѣверные офицеры назначались демократическимъ правительствомъ изъ среды мирныхъ гражданъ, въ которыхъ видѣло оно людей особенно заинтересованныхъ въ поддержаніи федеральной власти. Линкольнъ думалъ, что онъ можетъ положиться скорѣе на нихъ, нежели на военныхъ, личные интересы которыхъ мало были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Вообще федеральное правительство не ожидало продолжительной войны и думало, что полководцевъ такъ легко создать, какъ армію изъ волонтеровъ. Напротивъ, Джеферсонъ Дэвисъ, будучи самъ опытнымъ воиномъ, предвидѣлъ гигантскіе размѣры этой распри и понималъ, что невоенные люди неспособны командовать войскомъ. Казалось бы, что отъ начальниковъ южанъ менѣе можно было ожидать измѣны законному правительству, нежели отъ людей другихъ категорій. Они воспитывались въ академіи Соединенныхъ Штатовъ, служили подъ федеральнымъ знаменемъ, признавали надъ собою власть президента, не одобряли распадѣнія Союза и съ ужасомъ смотрѣли на междоусобную войну. Однакоже, какъ скоро отдѣлился Югъ, всѣ они вышли въ отставку и, повинувъ рады федеральной арміи, предложили услуги свои пнсургентамъ. Хорошо только, что ни одинъ изъ нихъ не пытался передать своихъ убѣжденій вѣрноположенной имъ командѣ. Къ числу рѣзкихъ противоположностей этой войны относится слѣдующій фактъ. Въ рядахъ сепаратистовъ было очень много отличныхъ стрѣлковъ, а между тѣмъ никто почти изъ сѣверныхъ генераловъ не былъ убитъ, или даже раненъ — Лионъ и Кирней составляютъ исключеніе. Напротивъ, очень немногимъ изъ предводителей южанъ удалось спастись отъ ранъ и пережить эту борьбу. Ихъ генералы: Сидней Джонстонъ, Цоликоферъ, Мак-Колохъ, Джексонъ, Стюартъ и Полькъ пали на полѣ сраженія, а Джозефъ Джонстонъ, Лонгстритъ, Эуэлъ, Гэмптонъ, Гудъ и другіе были ранены. Надобно полагать, что сепаратисты требовали отъ своихъ начальниковъ примѣра неустрашимости и шли въ бой только вслѣдъ за ними. Одинъ изъ ихъ начальниковъ сказалъ: «Каждый атомъ влияния должно было купить каплею своей крови». Даже самъ главнокомандующій, генералъ Ли, такъ безпечно подвергалъ себя личной опасности, что вызвалъ общій протестъ со стороны своихъ сослуживцевъ. Дѣло дошло до того, что предводителямъ южанъ былъ отданъ фор-

мальный приказъ братъ примѣръ съ федеральныхъ генераловъ. Хотя здѣсь и выразилась колкость соперничества, однакоже этотъ совѣтъ явился слишкомъ поздно. Смерть Джонстона въ битвѣ при Шейло спасла федералистовъ отъ гибели и дала совершенно другой оборотъ войнѣ на западѣ. Въ сраженіи при Джетисборгѣ сѣверяне одержали побѣду съ такимъ пожертвованіями, что еслибы, кажется, Джексонъ не палъ при Ченселорсвилѣ, то генералъ Ли, имѣя въ немъ надежнаго помощника, не былъ бы разбитъ, и тогда судьба Юга могла бы совершенно измѣниться. Окончательный успѣхъ федералистовъ объясняютъ крайнимъ истощеніемъ южныхъ штатовъ. Но этотъ фактъ отгадали вовремя только два человѣка — Грантъ и Шерманъ. Геніальная отважность послѣдняго, соединенная съ непоколебимой твердостью Гранта, покончили это страшное дѣло. Въ американской войнѣ все объясняется личнымъ характеромъ предводителей. Когда южане дрались подъ начальствомъ Ли, Джексона, Лонгстрита, или Джонстона, побѣда почти всегда оставалась за ними, если только на противной сторонѣ не было рѣшительнаго превосходства средствъ и силъ. Но какъ скоро начальство надъ ними переходило въ другія руки—они или терпѣли неудачу, или выигрывали сраженіе съ такими потерями, что самую побѣду ихъ можно было назвать пораженіемъ. Ли съ пятидесятысячнымъ корпусомъ разбиваетъ вдвое сильнѣйшаго непрітеля, тогда какъ генералъ Брагъ, при лучшихъ условіяхъ, не одерживаетъ ни одной рѣшительной побѣды и даже не умѣетъ воспользоваться выгодами, которыя доставилъ ему Лонгстритъ, находившійся подъ его начальствомъ. Эти личные достоинства предводителей, эта тѣсная связь между индивидуальнымъ характеромъ вождей и судьбою вѣранныхъ имъ армій даютъ особенный интересъ американской распрѣ. Ни одна изъ войнъ, продолжавшихся четыре года, не создала такъ много военныхъ авторитетовъ, имена которыхъ извѣстны теперь даже дѣтямъ. Больше число знаменитостей принадлежитъ, безспорно, Югу; изъ сѣверныхъ генераловъ отличились немногіе, и, рѣшится, впереди всѣхъ стоятъ Грантъ и Шерманъ. Нетолько Мак-Клеанъ, Мидъ, или Борсейдъ, но вѣроятно ни одинъ изъ знаменитѣйшихъ предводителей южанъ не сдѣлалъ бы того, что совершили эти два, совершенно противоположные характера, дѣйствуя единодушно.

Лондонъ для тѣхъ, кто не бывалъ въ немъ, Ант. Ронделе *.

Французская литература богата путешествіями по Англии, но, къ сожалѣнію, очень немногія изъ нихъ могутъ похвалиться вѣрнымъ изображеніемъ общественнаго быта и семейной жизни ан-

* Londres pour ceux qui n'y vont pas, par M. Antoine Rondelet. 1864.

гличанъ. Національныя предубѣжденія и недостатки элементарныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для безпристрастной оцѣнки видимыхъ фактовъ, не позволяли путешественникамъ судить правильно о той средѣ, въ которую переносились они съ береговъ своей родины. Токвиль и Гизо составляютъ исключенія. Взглядъ ихъ на Англію вѣренъ, потому что они явились въ эту страну, будучи уже отлично подготовлены къ правильному разумнѣю ея характеристическихъ особенностей. Хотя книга г. Гонделе вышла еще въ прошломъ году, но англійскіе журналы только теперь отозвались о ней, и такъ-какъ они совѣтуютъ своимъ читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ иностранцами объ Англіи, то мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь ихъ собственный отзывъ. Г. Ронделе, профессоръ философіи, посѣтилъ Лондонъ во время послѣдней международной выставки. Рекомендательныя письма открыли ему доступъ въ замкнутый вообще для туристовъ домашній кругъ англійской жизни, и онъ успѣлъ довольно внимательно приглядѣться къ ней. Книга его написана легко, приятно, въ ней нѣтъ ни цинизма, ни предубѣжденій, но есть однакоже нѣсколько промаховъ, которые и замѣчены англійской критикою. Напримѣръ, онъ былъ приглашенъ на обѣдъ. Хозяйка дома раздала по цвѣтку всѣмъ гостямъ, при входѣ ихъ въ столовую. Авторъ вывелъ отсюда заключеніе, что это общій обычай въ Англіи, тогда какъ тутъ не было никакого обычая, но просто дамская любезность. Незнаніе англійскаго языка повело его также къ забавнымъ предположеніямъ. Онъ обѣдалъ одинъ разъ въ гостиницѣ «Велингтонъ». Человѣкъ, подававшій кушанья, предлагалъ ему взять больше семги, но Ронделе, съѣвши небольшой кусокъ ея, потребовалъ бифстекса. Этотъ отказъ—говоритъ онъ—привелъ въ отчаяніе содержателя гостиницы, который самъ началъ пробовать семгу, желая убѣдиться, свѣжа ли она, нѣтъ ли въ ней какихъ недостатковъ. И вотъ, въ умѣ автора, котораго просто не поняли, возникло убѣжденіе, что если англичанинъ спроситъ рыбы, то онъ и ѣстъ за столомъ одну только рыбу, не мѣшая се съ говядиной, или бараниной. Впрочемъ, это не такъ еще забавно, какъ неудача, постигшая двухъ его пріятелей. Они, проголодавшись, зашли въ мнимый ресторанъ и велѣли подать завтракъ. Ихъ попросили подождать, и черезъ нѣсколько минутъ, вмѣсто завтрака, подали двѣ фотографическія карточки съ ихъ портретами. Ронделе заходилъ изъ любопытства въ лондонскіе трактиры второй и третьей руки, и былъ удивленъ хорошимъ качествомъ приготовляемой тамъ пищи. Во Франціи—говоритъ онъ—порядочному человѣку нельзя отважиться пообѣдать въ такихъ мѣстахъ безъ опасенія, что его богъ-знаетъ чѣмъ накормятъ. Тамъ блузникъ требуетъ разносоловъ за 7 коп. сер.—ну, его и кормятъ дохлой ковиной подъ соусами. Въ главѣ «Soirées du grand monde», авторъ описываетъ великолѣпный обѣдъ, данный лордомъ Грен-

вляемъ. На немъ присутствовало самое блестящее общество; и почти всѣ аристократы разговаривали между собою пофранцузски. Ронделе, думавшій, что его родной языкъ пользуется такой странной привилегіею только въ Россіи, былъ чрезвычайно изумленъ своимъ открытіемъ. Любопытно описаніе англійскихъ тостовъ. «Когда — говоритъ авторъ — придетъ время прокричать шесть разъ ура въ честь королевы, *tost-master* подаетъ знакъ, и всѣ встаютъ, наливаютъ до краевъ бокалы, и выпиваютъ ихъ съ легкимъ наклоненіемъ головы, повертывая ея, и описывая взоромъ полукругъ. Потомъ каждый, вытянувъ рубу во всю длину, подымаетъ бокалъ направо. Лишь только *tost-master* скомандуетъ, взмахнувъ небольшою бѣлою палочкой, всѣ присутствующіе начинаютъ подражать его возгласамъ и движеніямъ. Послѣднія производятъ слѣдующимъ порядкомъ. Каждый, возгласивъ ура, быстро опускаетъ бокалъ до уровня своихъ глазъ, проводитъ имъ линію противъ лица и подымаетъ его опять слѣва, какъ можно выше. При второмъ ура, рука снова опускается до уровня лѣваго глаза, бокаломъ проводится въ воздухѣ обратная черта на высотѣ бровей, и онъ опять подымается съ возможной энергіею на всю длину руки. Когда выкрикиваются ура, *tost-master* громко считаетъ ихъ: разъ, два и т. д. Послѣ шести возгласовъ, если относятся они къ очень важному лицу, напримѣръ, къ англійской королевѣ, обычай требуетъ, по крайней мѣрѣ, одного дополнительнаго ура, которое продолжается нѣсколько секундъ, и въ это время бокалы поднимаются одинъ противъ другого... Хорошій тонъ требуетъ, чтобы на большихъ обѣдахъ, въ промежуткѣ между двухъ спичей, произносились краткія рѣчи, обращенныя къ небольшому числу ближайшихъ къ оратору слушателей, при чемъ значительно понижается голосъ. Если же кто хочетъ выпить за здоровье одного изъ гостей, то наполненный стаканъ, бокалъ или рюмка подымается съ поклономъ до головы, и когда вино будетъ выпито, поклонъ повторяется. Желаніе быть особенно вѣжливымъ, встаютъ со стула». Ронделе удивляется свободѣ, которою пользуются въ Англии женщины. Онѣ могутъ прогуливаться, принимать гостей, идти въ театръ и т. д., не имѣя надобности въ покровительствѣ мужчины. Вообще англичанки отличаются такимъ присутствіемъ ума и такъ свободно держатъ себя, что французженки должны въ этомъ отношеніи уступить имъ первенство. Молодыя дѣвушки, какъ замѣтилъ авторъ, ведутъ себя очень скромно только въ присутствіи старшихъ родственниковъ; но какъ скоро прекращается этотъ надзоръ, особенно во время вечерняго чаю, въ пять часовъ пополуночи, онѣ становятся слѣшкомъ уже вольны съ мужчинами. Ронделе думаетъ, что имъ вскружили голову романы, и что каждая изъ нихъ мечтаетъ о замужствѣ по взаимной любви. Предоставленная имъ свобода въ обществѣ бываетъ часто причиною заблужденій и несчастныхъ браковъ. Англичане не отвергаютъ вѣрности этого замѣчанія.

Происхожденіе и преобразованіе человѣка и другихъ существъ, II. Тремо*.

Тремо прибавилъ новую теорію къ тѣмъ, которыми переполнены уже естественныя науки. Онъ формулировалъ свои мнѣнія въ аксіомы, замѣчательныя преимущественно по ихъ безотчетно-отрицательному характеру. Всѣ онѣ основаны на слѣдующей мысли: «Совершенство животныхъ и человѣка пропорціонально степени химической выработки почвы, на которой живутъ они; почва же вообще тѣмъ больше выработана, чѣмъ новѣе она въ геологическомъ отношеніи». Но хотя во всѣхъ трехъ царствахъ природы замѣчается постепенный прогрессъ, согласный съ измѣненіями земной поверхности, однакоже объяснять исключительно, или даже преимущественно качествами почвы совершенствованіе человѣческаго рода, кажется, болѣе нежели неосновательно. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ суждено находиться въ такой рабской зависимости отъ земли, то, стало быть, незачѣмъ и стараться выдти изъ той колеи цивилизаціи и умственного развитія, въ которую попали мы цѣлыми массами по невѣдѣнію и неосторожности своихъ предковъ. Намъ остается одно изъ двухъ: или переселиться на лучшій грунтъ, или сидѣть у моря и ждать погоды, то-есть дожидаться пока преобразуется почва, на которой живемъ мы. Но такъ-какъ переселеніе народовъ вышло изъ моды и обуславливается теперь только экономическими расчетами или крайней необходимостью, а метаморфоза внѣшнихъ слоевъ земли измѣряется тысячами, то поневоля придется махнуть рукою и отказаться отъ всякой надежды на возможность быстрого прогресса. Положимъ, что новый всемірный потопъ могъ бы ускорить процессъ преобразованія почвы; но вѣдь онъ долженъ разрушить все, что сдѣлано цивилизаціею, долженъ необходимо низвести людей, которымъ удалось бы спастись отъ него на горахъ, или вообще на возвышенныхъ террасахъ, незалитыхъ водою, до состоянія троглодитовъ, потому что періодъ потопа продолжался бы, конечно, не одну сотню лѣтъ. Почва послѣ такой катастрофы стала бы дѣйствительно лучше, но ей быстро развернулась бы самая роскошная растительность, но человѣчеству-то пришлось бы начинать съ азавъ, когда-то пройденные и давно забытые уроки. Гдѣ же тутъ пропорціональность между совершенствомъ верхнихъ слоевъ земли и прогрессомъ человѣческаго рода? Нѣтъ, люди не грибы. По качествамъ почвы, на которой живутъ они, нельзя судить правильно о ихъ сравнительныхъ качествахъ. Да и не рано ли основывать на геологій какія бы то ни было слишкомъ широкія теоріи? Хотя эта наука сдѣлала огромные успѣхи въ очень короткій періодъ ея существованія, но она бѣдна еще данными относительно тѣхъ мѣстностей, которыя по разнымъ причинамъ ускользаютъ отъ ея изслѣдованій. Если въ Европѣ есть страны, почти нетро-

* *Origine et transformation de l'homme et des autres êtres, par P. Tremo.* 1865.

путя ея, то что же сказать о других частях свѣта? Геологія Азій определена вообще неудовлетворительно, а Южная Америка и три четверти африканскаго материка почти совсѣмъ неизвѣстны геологамъ. Стало быть, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о большей части земли, нельзя заключать по ней о всемъ чело-вѣчествѣ. Если нѣтъ данныхъ для основанія такой широкой гипотезы, то, разумѣется, она и не можетъ быть основательна. Вотъ, напримѣръ, какъ рассуждаетъ г. Тремо: «Гдѣ же — спрашиваетъ онъ — та страна, въ которой развились первые люди? Другими словами — гдѣ былъ земной рай, потому что таково должно быть названіе этого мѣста?» Руководствуясь преданіемъ, авторъ ищетъ его въ Азій. «Еслибы — продолжаетъ онъ — у насъ были геологическія и топографическія карты земнаго шара (еслибы — въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ ихъ), мы съ большимъ правдоподобіемъ могли бы положить палецъ на эту точку». На какую же? Основываясь на одномъ мѣстѣ «Зендавесты», гдѣ упомянуто о счастливой странѣ «аріанской по происхожденію» saiguana vaege, онъ полагаетъ, что колыбелью чело-вѣческаго рода была Бухара или Туркестанъ, родина теперешнихъ турокъ, откуда переселились они въ Румелію, и такъ-какъ «столица ихъ находится на очень дурной почвѣ, то они незамедлили утратить отчасти свои прежнія качества и способности». Слѣдовательно авторъ дѣлаетъ землю на ключи, и потому съ качествомъ одного ключа соединяетъ отличный характеръ всего народа. Турки живутъ и въ Малой Азій, и въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, гдѣ почва превосходная, отчего же всѣ они стоятъ на одномъ уровнѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ? Отчего остановился прогрессъ тѣхъ народовъ, которые были представителями цивилизаціи древняго міра, хотя и остаются они на прежней почвѣ? Говоря преимущественно о людяхъ, Тремо не забываетъ и животныхъ. «Очевидно — говоритъ онъ — что лошади и быкъ шли разными путями развитія, по крайней мѣрѣ, очень долгое время; но если сравнить четвероногое съ птицею, то надобно углубиться въ очень отдаленное время, когда они, какъ позвоночныя, принадлежали вѣроятно къ одному и тому же виду». Ему возражали, что на определенной почвѣ долженъ былъ бы существовать одинъ только определенный видъ животныхъ, еслибы физическое устройство ихъ зависѣло отъ нея. Но онъ сослался на притокъ разнородныхъ субъектовъ изъ сосѣднихъ странъ и на медленный процессъ превращенія, указывая на чело-вѣка. «Не настаивая — говоритъ онъ — на мысли, чтобы выродившимися представителями самой усовершенствованной расы, которая предшествовала чело-вѣку, были именно orang-утангъ и горилла, замѣтимъ однакоже, что эти животныя удерживаются только въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ сравнительно низшіе по своей природѣ люди». Тремо не принимаетъ въ соображеніе даже климата и другихъ физическихъ условий — всѣ метаморфозы, весь прогрессъ природы объясняетъ онъ почвою. Нельзя сказать,

чтобы въ его книгѣ отвергалось рѣшительно вліяніе личныхъ усилій человѣка на развитіе умственныхъ способностей, чтобы въ ней не было свѣтлыхъ мыслей и признаковъ основательной эрудиціи, но преобладающая идея почвы заставляетъ автора вытягивать и сжимать насильно факты, для того, чтобы подвести ихъ подъ одну общую мѣрку. Никто не отвергаетъ, конечно, вліянія физическихъ условій на прогрессивное развитіе цѣлыхъ массъ человѣчества, но никто же не ограничиваетъ ихъ почвою. Эта мысль принадлежитъ исключительно Тремо, который поэтому и можетъ быть названъ главою всевозможныхъ почвенниковъ.

Вторая имперія и новая реставрація, Шарля Дюноие*.

Дюноие игралъ во время реставраціи довольно важную роль. вмѣстѣ съ Шарлемъ Контомъ онъ издавалъ «Le Seneur Eugène» и при Лудовикѣ-Филипѣ былъ префектомъ Сомскаго департамента. Отъ обязанностей общественнаго дѣятеля онъ уклонился послѣ coup d'état 1851 г., и на досугѣ, въ Англии, написалъ эту книгу, которая издана теперь сыномъ его, Анатолемъ Дюноие. Событія, случившіяся во Франціи въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, объясняются, конечно, многими писателями очень невѣрно и не совсѣмъ безпристрастно. Придетъ время, когда историческая критика оцѣнитъ ихъ съ должной справедливостью. Но пока невозможно она, сочиненіе Дюноие надобно отнести къ числу тѣхъ немногихъ книгъ, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на очень темныя факты. Авторъ съ замѣчательнымъ искусствомъ объясняетъ взаимную связь между непонятными событіями, и сводитъ причины съ ихъ слѣдствіями; языкъ его возвышается иногда до истиннаго краснорѣчія. Цѣлымъ рядомъ неоспоримыхъ данныхъ доказываетъ онъ рѣзкую противоположность въ двойственномъ характерѣ политики Луи-Наполеона, какъ президента республики, и какъ императора французовъ. Превосходно объяснены также средства, какими Наполеонъ III, готовясь къ войнѣ съ Россією, умѣлъ завлечь въ свои планы Англию, и потомъ подстрекнуть ее, въ видахъ поддержанія военной чести, произвести нападеніе на Кронштадтъ, или совершить другой подобный подвигъ. Авторъ, среди серьезныхъ размышленій о будущей судьбѣ своего отечества, не скупится на тонкіе сарказмы, направленные то противъ Франціи, то противъ англичанъ, которые льстятъ ей. Дюноие убѣжденъ въ дѣйствительному упадкѣ своего отечества и видитъ единственный исходъ изъ него въ будущемъ восшествіи на французскій престолъ старшей линіи Бурбоновъ. Нѣчто въ родѣ гороскопа, объясняющаго возможность такого событія, занимаетъ немало страницъ въ книгѣ Дюноие. Но такъ-какъ этимъ грезамъ едва-ли суждено сбыться, то ихъ и можно оставить безъ внима-

* LE SECOND EMPIRE et une Nouvelle Restauration, par Charles Du-noyot. 1865.

ніа. Легитимисти любять, впрочемъ, предполагать разныя комбинаціи въ этомъ родѣ, и если сами не вѣрятъ своимъ мечтамъ, то, по крайней-мѣрѣ, утѣшаются ими. «Ceci ne peut pas durer!» (Это не можетъ продолжаться!) сказалъ одинъ, очень важный французъ Сениору въ 1861 г. «Mais vous m'avez dit la même chose en 1856». (Но вы мнѣ говорили то же самое въ 1856 году), отвѣчалъ Сениору. «Eh bien, oui, c'est vrai, mais cela nous console». (Да, правда, но это утѣшаетъ насъ). Неоспоримо, что на Францію обращено отвсюду слишкомъ много вниманія. Можно сказать даже, что вся новая исторія вращается вокругъ исторіи этой націи, какъ-бы около центра своей тяжести. Однакоже, несмотря на общее желаніе видѣть въ ней такую форму правленія, которая устраняла бы по возможности всѣ поводы къ внутреннимъ потрясеніямъ, никто, конечно, не пожалѣетъ тѣхъ фазъ, съвозъ которыхъ прошла Франція на памяти настоящаго поколѣнія. Даже Дюноие согласенъ съ этимъ. «Частная собственность и свобода — говорить онъ — подвергались всевозможнымъ нападкамъ. Законная власть, въ видѣ искренняго и систематическаго возмутителя, подавала самый опасный примѣръ для замысловъ этого рода, и ея административныя доктрины такъ прямо вели къ социализму, что когда февральскія событія вызвали на сцену социальныя сетвы, то имъ для осуществленія своихъ утопій оставалось почти только идти путемъ, подготовленнымъ тогдашнимъ административнымъ порядкомъ. По даннымъ образцамъ народнаго образованія, публичныхъ работъ и другихъ менѣе важныхъ отраслей дѣятельности, временное правительство, на другой же день послѣ революціи, задумало сосредоточить въ общественныхъ мастерскихъ разныя промышленныя производства, бывшія до тѣхъ поръ предметомъ занятія частныхъ лицъ.» Въ самомъ дѣлѣ, трудно рѣшить, которое изъ двухъ прежнихъ правительствъ обнаружило большее незнаніе политико-экономическихъ началъ, несмотря на то, что нигдѣ не занимались этой наукою такъ прилежно, какъ во Франціи. Приложенія ко второй части этой книги богаты любопытными фактами изъ временъ первой и второй имперій. Очень драматично рассказанъ процессъ, происходившій въ 1861 г. въ судѣ присяжныхъ, по поводу принудительнаго удаленія изъ улицы Сен-Дени извѣстнаго фабриканта г. Марсо. Адвокатъ старается доказать, что онъ извлечетъ значительныя выгоды изъ этого перемѣщенія, что городъ платитъ всегда дороже, чѣмъ бы слѣдовало, и что ему назначено щедрое вознагражденіе.

МАРСО. — Но скажите, пожалуйста, когда же долженъ я переѣхать?

ПИКАРЬ. — Боже мой, что же мнѣ отвѣчать на это? Если вы не будете готовы къ 15-му числу, то выѣдете 16-го, или 17-го. Я могу сказать только, что вашъ хлопокъ не будетъ выброшенъ на улицу. Городъ дѣйствуетъ всегда обстоятельно.

МАРСО. — Да, рассказывайте! Развѣ не знаю я, какъ распорядились вы недавно? Съ одной улицы все было перевезено въ шесть часовъ.

Пикарь. — По закону вы должны перебраться 15-го октября, или около этого.

Марсо. — Такъ объявляю вамъ, что я не буду готовъ ни къ 15-му, ни къ 16-му, ни даже къ 17-му октября. Я принадлежу къ промышленнымъ знаменитостямъ Франціи — извольте же понять это. Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно вышвырнуть ногою. Я выйду, когда можно будетъ мнѣ выехать — можетъ быть, и 15-го января. Вы встрѣтите сопротивление, и вамъ придется выгнать меня *manu militari* (вооруженной рукою). Вы много позволяли себѣ — посмотримъ, осмѣлитесь ли вы это сдѣлать.

Хищническая обработка, или нѣтъ? *Арнима графа Липпе-Вейсенфельда* *.

Результаты новѣйшихъ изслѣдованій подтверждаютъ теорію Либиха, который давно уже доказывалъ, что всякій способъ земледѣлія, при которомъ больше берется изъ почвы, нежели возвращается ей минеральныхъ веществъ, долженъ необходимо рано или поздно истощить ея производительныя силы. Такую неправильную систему сельскаго хозяйства онъ назвалъ хищническою обработкою полей. Хотя научныя доказательства его взгляда неопровержимы, однакоже эта истина принимается въ соображеніе очень немногими правтвками. Причина невниманія понятна. Производительныя силы почвы слабѣютъ такъ медленно, что ихъ истощеніе бываетъ почти незамѣтно впродолженіе очень многихъ лѣтъ. Авторъ названной выше книги оправдываетъ теорію Либиха практическими доказательствами. Объяснивъ коротко условія, необходимыя для поддержанія плодородія полей, онъ переходитъ къ спеціальнымъ примѣрамъ, которые обнаруживаютъ, что съ каждой жатвою берется изъ земли гораздо болѣе самыхъ дорогихъ иплательныхъ средствъ, нежели вводится въ нее при помощи искусственнаго удобренія навозомъ, известью, гуано и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ важнѣйшій для сельскаго хозяина вопросъ: сколько, какого рода и для какихъ продуктовъ должно класть удобренія, чтобы пополнить отнятые у земли минеральные элементы? Опредѣливъ качество и количество удобреній, авторъ вычисляетъ расходы сельскаго хозяина и выводитъ заключеніе, что, несмотря на значительныя издержки, правильное земледѣліе все-таки должно приносить хорошій доходъ.

Жизнь Дон-Жуана, австрійскаго, *Вилъ Гаасмана* **.

Имя Дон-Жуана окружено такимъ фантастическимъ ореоломъ, что нѣсколько поэты и художники, но даже историкъ, враждебно настроенные противъ династіи Карла V, не могли противиться обаянію этого блестящаго, рыцарскаго характера. Самъ Мотлей

* *Raubbau oder nicht? von Arnim Graf zur Lippe-Weissenfeld. 1865.*

** *Das Leben des Don-Juan d' Austria, von Pr. Dr. Wilh. Haasmann. 1865.*

поддался его чарамъ. Казалось бы, что человекъ, способный возбуждать такіа чувства и воспоминанія, долженъ быть непременно счастливъ, однакоже не такъ распорядилась судьба. Военная слава и жизнь, полная романтическихъ приключеній, не спасли Дон-Жуана отъ разочарованій. Недолго жилъ онъ, но все же успѣлъ пережить свои мечты, свои надежды, и умеръ съ убѣжденіемъ, что ему не суждено было достигнуть той цѣли, къ которой стремился онъ. «Какъ не желать мнѣ переселиться въ безпредѣльную ширь неба, когда здѣсь нѣтъ клочка земли, который принадлежалъ бы мнѣ?» сказалъ онъ, уходя изъ этой жизни. Странно подумать, что до сихъ поръ никто не позаботился написать исторію жизни этого человека. Ранке, Прескотъ, Мотлей и множество другихъ историковъ говорили о его подвигахъ, занимались оцѣнкою его характера, но все это имѣло чисто-эпизодическій характеръ. Была составлена довольно полная біографія Дон-Жуана на испанскомъ языкѣ еще въ XVII столѣтіи, и вотъ только теперь является его жизнеописаніе, основанное на историческихъ источникахъ. Гавеманъ не можетъ стать наряду съ Прескотомъ. Рассказъ его объ инквизиціи, о борьбѣ мавровъ съ испанцами порою слишкомъ вялъ, но вообще онъ пишетъ хорошо и остерегается увлекаться предположеніями, не имѣя положительныхъ доказательствъ. Обвиненіе Филиппа II въ убійствѣ Дон-Жуана онъ признаетъ совершенно неосновательнымъ, тогда какъ другіе историки оставляютъ на немъ по-крайней-мѣрѣ тѣнь подозрѣнія. Никто не сомнѣвается, что отцомъ Дон-Жуана былъ Карлъ V, но насчетъ его матери дѣлались очень ошибочныя предположенія. Теперь извѣстно, что мать его была Варвара Бломбергъ. Мотлей называетъ ее прачкою и дѣлаетъ другіе намеки, но все это неправда. Она принадлежала къ одному изъ хорошихъ семействъ свободнаго имперскаго города. Сынъ былъ взятъ у нея въ самый день своего рожденія, и она встрѣтилась съ нимъ только одинъ разъ въ жизни, когда онъ управлялъ уже Нидерландами. Воспитаніе Дон-Жуана было ввѣрено Лудовику Квядѣ, который такъ любилъ своего воспитанника, что во время пожара выхватилъ изъ огня сперва его, а потомъ уже свою жену. Когда подростокъ Дон-Жуанъ, его хотѣли удалить въ такой же уголокъ Испаніи, въ какомъ провелъ послѣдніе годы своей жизни Карлъ V. Но это намѣреніе было признано непрактичнымъ, и онъ занялъ при дворѣ мѣсто рядомъ съ Дон-Карлосомъ. Ихъ взаимныя отношенія были, конечно, нѣсколько натянуты, но Мотлей несправедливо говоритъ, что они глубоко ненавидѣли другъ друга. Дон-Жуанъ предупредилъ короля о задуманномъ бѣгствѣ инфанта, который сообщилъ ему свою тайну. Этотъ поступокъ признаютъ слѣдствіемъ затаенной неприязни, но Гавеманъ объясняетъ его долгомъ присяги, обязанностью, и говоритъ, что нескромность Дон-Жуана нисколько не вооружила противъ него инфанта, который отказалъ ему въ своемъ духовномъ завѣщаніи разныя вещи, доказывающія его расположеніе. Военные подвиги леопантскаго героя начались съ

предѣлахъ Испаніи. Ему было поручено изгнать изъ нея возмущившихся мавровъ. Но Филиппъ II такъ опасался будущей славы своего побочнаго брата, что даже и въ этомъ дѣлѣ не позволилъ ему распорядиться самостоятельно. Онъ подчинилъ Дон-Жуана юнѣ, велѣлъ остаться ему въ Гренадѣ и не принимать личнаго начальства надъ войскомъ. Дон-Жуанъ взялъ приступомъ Гвеаръ и отличился храбростію въ битвѣ при Галерѣ въ то время, когда изъ главнаго начальника этой кампаніи обратился въ подчиненнаго. Впрочемъ, изгнаніе мавровъ казалось ему варварскимъ распоряженіемъ, и надобно удивляться, какъ осмѣлился онъ отправить къ такому королю, каковымъ былъ Филиппъ II, письмо, гдѣ говорилъ, между прочимъ: «Сегодня двинулась послѣдняя толпа мавровъ во время сильной снѣжной вьюги. Надобно ожидать, что въ продолженіе дороги многія матери потеряютъ дочерей своихъ, и многія женщины останутся вдовами. Сердце мое ныло отъ горя, когда смотрѣлъ я на эту картину. Что же можетъ быть горестнѣе изгнанія народа изъ всего государства?» Наконецъ обстоятельства вызвали его на болѣе широкое поприще. Испанія, Римъ и Венеція заключили между собою священный союзъ противъ турокъ, которые, овладѣвъ Кипромъ, думали уже о покореніи Далмаціи. Дон-Жуанъ былъ назначенъ адмираломъ союзнаго флота. Но и тутъ испанскій король лишилъ его свободы дѣйствія, запретивъ ему распорядиться безъ согласія подчиненныхъ командировъ. Однакоже, несмотря на это запрещеніе, лепантская побѣда принадлежитъ лично Дон-Жуану. Извѣстіе о ней привело въ восторгъ все христіанство; но, къ сожалѣнію, зависть, вознившая между союзниками, не позволила воспользоваться пораженіемъ турокъ, и потому побѣда надъ ними не имѣла ровно никакихъ послѣдствій. Филиппъ II приказалъ прекратить военныя дѣйствія, и Дон-Жуанъ, повинувшись ему, поселился въ Месинѣ. Здѣсь впервые возникли въ душѣ его властолюбивые замыслы. Албанцы предложили ему корону, а родосскіе христіане молили его принять надъ ними начальство. Но такъ-какъ Венеція поспѣшила заключить съ султаномъ отдѣльный миръ, вслѣдствіе котораго союзъ трехъ державъ рушился, то обманутыя надежды Дон-Жуана перенеслись съ востока на западъ. Онъ началъ думать о возможности овладѣть престоломъ Франціи, гдѣ умеръ въ то время Карлъ IX. Впрочемъ, эта мечта была непродолжительна. Папа обратилъ его вниманіе сперва на Тунисъ, а потомъ на бракъ съ Марією-Стюартъ и на соединенные престолы Англіи и Шотландіи. Послѣдній проектъ особенно заинтересовалъ романическаго героя. Но когда мысли его были исключительно заняты имъ, изъ Мадрида пришло предписаніе сдать начальство надъ флотомъ и отправиться губернаторомъ въ Нидерланды. Хотя это назначеніе несовсѣмъ совпадало съ желаніемъ Дон-Жуана, но оно приближало его къ Маріи-Стюартъ и къ Англіи. Будучи плохимъ политикомъ, онъ слѣдовалъ по стопамъ Альбы, и потому не могъ конечно успокоить нидерландцевъ. Восстаніе снова вспыхнуло. Дон-Жуанъ безъ войска и безъ денегъ долженъ

былъ отстаивать права короны. Побѣда при Гемблурѣ напомнила о его прежней отвагѣ, но Филиппъ II опять велѣлъ прекратить войну. Два англичанина составили заговоръ противъ Дон-Жуана, однакоже имъ не удалось умертвить его, и онъ умеръ своей смертью, тридцати-двухъ лѣтъ отроду, совершенно разочарованный и окончательно обманутый коварными надеждами.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Замѣчательныя произведенія иностранной литературы 1865 г.

AUSFLUG nach Spanien im Sommer 1864, von Dr. H. K. Brandes. (Поѣздка въ Испанію лѣтомъ 1864 г., Г. К. Брандеса).

BILDER aus dem römischen Alterthum, von Dr. A. Wolterstorff. (Картины изъ римской древности, А. Волтерсторффу).

COMPENDIUM der höheren Analysis, von Dr. Oscar Schlömilch. (Сокращеніе высшаго анализа, О. Шлёмилха).

DAS DEUTSCHE HANDELSRECHT, von Pr. Dr. Wilh. Endeman. (Германское торговое право, В. Эндемана).

DEUTSCHES ARCHIV für klinische Medicin, redig. von Pr. Dr. H. Ziemssen und Pr. Dr. F. A. Zenker. (Нѣмецкій архивъ клинической медицины, изд. подъ редакціею Г. Цимсена и Ф. А. Ценкера).

DER GEIST, sein Entstehen und Vergehen, von Dr. Augustin Smetana. (Духъ, его происхожденіе и развитіе, А. Сметаны).

DER KOLOSS von Rhodos, von C. F. Lüders. (Колоссъ родосскій, К. Ф. Людера).

KRITISCHE FORSCHUNGEN im Gebiete der Malerei alter und neuester Kunst, von M. Unger. (Критическія изслѣдованія въ области древней и новѣйшей живописи, М. Унгера).

NATUR UND GEIST, von Dr. Louis Büchner. 2 Aufl. (Природа и духъ, Л. Бюхнера).

DIE PHILOSOPHIE DER GRICHEN, in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt, 3 Theil. Von Dr. Ed. Zeller. (Философія грековъ, представленная въ ея историческомъ развитіи, Эд. Целера).

DIE SÜßWASSERFISCHEN von Mittel-Europa, von Pr. F. v. Siebold. (Прѣсноводныя рыбы средней Европы, Ф. Зибольда).

ÜBER DIE ENTWICKLUNG der Naturschönheit bei den Alten, von H. Mois. (О пониманіи красотъ природы древними, Г. Моиса).

ÜBER WEIBLICHE ERZIEHUNG und Bildung, von Dr. L. Wiese. (О женскомъ воспитаніи и образованіи, Л. Визе).

DER UNTEROFFIZIER Sophia-Dorothea-Friederike Krüger, Ritter des eisernen Kreuzes und des russischen Georgen-Ordens. keine Novelle, sondern ein Lebensbild, nach Urkunden gezeichnet von Pastor H. A. Riemann. (Унтер-офицеръ Софія-Доротея-Фридерика Кригеръ, кавалеръ желѣзнаго креста и русскаго Георгія. Не романъ, но изображеніе жизни по документамъ, составленное пасторомъ Г. А. Римианомъ).

L'ANNÉE SCIENTIFIQUE et industrielle, ou Exposé annuel des travaux scientifiques, des inventions et des principales applications de la science à l'industrie et aux arts, par *Louis Figuier*. (Ученый и промышленный годъ, или годовой отчетъ объ ученых трудахъ, изобрѣтеніяхъ и главныхъ приложеніяхъ науки къ искусствамъ и промышленности, *Л. Фигье*).

DANTON. Mémoire sur sa vie privée, par M. le Dr. *Robinet*. (Дантонъ. Мемуаръ о его частной жизни, доктора *Робине*).

L'ELAGAGE DES ARBRES, par M. le C-te *Des-Cars*. (Подчистка деревьевъ, графа *Де-Каръ*).

ELISABETH FLAMANT, par M. *Lelion-Damiens*. (Елизавета Фламанъ, романъ *Лелюн-Дамьена*).

ENTRETIENS SUR L'HISTOIRE. Antiquité et moyen-âge, par *Jules Zeller*. (Бесѣды объ исторіи. Древность и средніе вѣка, *Ж. Целера*).

LA GRÈCE et les Iles Ioniennes, études de politique et d'histoire contemporaine, par M. *Fran. Lenormant*. (Греція и Ионическіе острова, *Фр. Ленормана*).

LES GUIDES-JOANNE, Grande collection de guides et d'itinéraires pour les voyageurs, par *Adolphe Joanne*. (Большое собраніе гидовъ для путешественниковъ, *Ад. Жоанъ*).

LA HAUTE-SAVOIE, récits d'histoire et de voyages, par *Fr. Wey*. (Верхняя-Савойя, рассказы изъ исторіи и путешествій, *Ф. Вей*).

L'HISTOIRE DES PLANTES, par M. *Figuier*. (Исторія растений, *г. Фигье*).

MOVALE EN ACTION, mouvement de propagande intellectuelle en Alsace, par M. *Mascé*. (Нравственность въ дѣйстви, движеніе интеллектуальной пропаганды въ Эльзасѣ, *г. Масе*).

NOUVELLES ÉTUDES sur la littérature contemporaine, par *Edm. Scherer*. (Новыя этюды о современной литературѣ, *Эдм. Шерера*).

PHILOSOPHIE DE L'ART, par M. *H. Taine* (Философія искусства, *М. Г. Тэна*).

LA PLANTE, par M. *Grimard*. (Растеніе, *г. Гримара*).

LES PLUMES D'OR, romans et nouvelles, par Ed. About, G. Aymard, Philibert Audebrand, A. Barbier, G. Bell, Champfleury, A. Dumas fils..., préface, par *Paul Féval*. (Золотыя перья, романы и повѣсти Эд. Абу, Эймара, Ф. Одебрана, А. Барбье, Ж. Велл, Шамфлеры, А. Дюма-сына и другихъ, съ предисловіемъ *Поля Феваля*).

QUELQUES réflexions à propos de l'enseignement professionnel, par J. A. *Cases*. (Размышленія по поводу технического обученія, *Ж. А. Казы*).

LE ROI VICTOR-EMMANUEL, par *Ch. de La-Varenne*. (Король Викторъ-Эммануэль, *Ш. де Ла-Варенна*).

THÉODORE PARKER, sa vie et ses oeuvres; un chapitre de l'histoire de l'abolition de l'esclavage aux Etats-Unis, par *Albert Reville*. (Теодоръ Паркеръ, его жизнь и литературныя произведенія; глава изъ исторіи отмиженія рабства въ Соединенныхъ-Штатахъ, *Альберта Ревилла*).

THE APPLICATION of geology to the arts and manufactures, by Pr. *D. T. Ansted*. (Примененіе геологій къ искусствамъ и промышленности, *Д. Т. Анстеда*).

THE MILITARY ARMS in North-China and Japan, by *D. F. Rennie*. (Военныя дѣйствія англичанъ въ сѣверномъ Китаѣ и Японіи, *Д. Ф. Ренни*).

THE SAMKIL, its anatomy, proportion and races, by *El. Walton*. (Верблюдъ, его анатомія, размѣры и породы, *Эл. Уэлтона*).

CAN YOU FORGIVE HER? a Novel. By *Anthony Trollope*. (Можете ли вы простить ей? романъ Ан. Троллопа).

THE SLEEVER WOMAN OF THE FAMILY, a novel, by *Miss Yonge*. (Умная женщина, романъ г-жи Йонджъ).

CONSIDERATION ON REPRESENTATIVE GOVERNMENT, by *J. S. Mill*. Third edition. (Мысли о представительномъ правленіи, Дж.-Ст. Милля. 3 издание).

ESSAYS ON WOMAN'S WORK, by *Bessie Rayner Parkes*. (О женскомъ трудѣ, Б. Р. Парксъ).

FROST AND FIRE, natural engines, tool-marks and chips, by *Mr. Campbell*. (Морозъ и огонь, естественныя машины, г. Кэмпбелъ).

THE GREAT SCHOOLS OF ENGLAND. An account of the foundation, endowment and discipline of the chief seminaries of learning in England etc., by *Howard Staunton*. (Главныя училища Англіи. Извѣстія объ основаніи, доходахъ и дисциплинѣ главныхъ ученыхъ семинарій въ Англіи и т. д., Г. Стаунтона).

ICE SAVERS OF FRANCE AND SWITZERLAND, by *G. F. Browne*. (Ледяныя пещеры Франціи и Швейцаріи, Дж. Ф. Броуна).

AN INTRODUCTORY LECTURE ON ARCHAEOLOGY, delivered before the university of Cambridge, by *Fr. Churchill Babington*. (Вступительная лекція археологій, прочтенная въ камбриджскомъ университетѣ профессоромъ Ч. Бабингтономъ).

RECENT BRITISH PHILOSOPHY, by *David Masson*. (Новая британская философія, Даида Массона).

RICHARD COBDEN, the apostle of free-trade: his political career and public services. A biography. By *John M'Gilchrist*. (Биографія Ричарда Кобдена, Джона Мак-Джилхриста).

THE UTTERMOST FARTING, a novel, by *Cecil Griffith*. (Послѣдній фартингъ, романъ С. Гриффита).

A WOMAN'S WAY; OR, THE CHELSEA SISTERHOOD, a novel. (Женскій путь, или Чельсійская женская община, романъ).

КУРЬОЗЫ.

МЫСЛЯЩІЙ РЕАЛИСТЪ О ГАМЛЕТѢ ШЕКОПИРА.

Офелія, ходи здѣсь!

Мы Гамлета сюда принимаемъ

Вроченно (въ переводѣ Гамлета).

I.

Извѣстно, что слова «мыслящій реалистъ», насколько имя обозначаетъ высшій сортъ сотрудинокъ «Русскаго Слова», имѣютъ совершенно условное значеніе. Они выражаютъ совсѣмъ не то, что должны бы выразать принимаемая въ буквальноймъ смыслѣ.

Точь въ точь какъ и само «Русское Слово». Почему оно «русское», когда въ немъ все, выражаемое порусски, не переводится съ французскаго (Жакъ-Лефрель и Релю), а что пишется не по-французски, то выражается потарабарски?... И почему оно «Слово», когда въ сущности это — слова, слова, слова, словомъ — безконечное множество словъ? Но условлено — признавать этотъ уважаемый журналъ за «Русское Слово», и онъ признается. Подобно тому допущено, чтобы главнѣйшіе сотрудники «Русскаго Слова» называли себя «мыслящими реалистами», и они называютъ. Но въ какой мѣрѣ это названіе условно, видно изъ того, что оно и усвоено-то сотрудниками «Русскаго Слова» только въ отличіе отъ дѣйствительныхъ и дѣйствительно мыслящихъ реалистовъ. Последніе, какъ извѣстно, посредствомъ преемственной связи находятся въ духовномъ родствѣ съ мыслителями, бывшими еще прежде Аристотеля (г. Зайцевъ несправедливо смѣшиваетъ этого философа съ извѣстнымъ Ла-Гарпомъ). Первые, напротивъ, еще въ январѣ нынѣшняго года были и назывались нигилистами; и ужь конечно нужно было совершиться чуду для того, чтобы въ ничтожный промежутокъ времени (если допустить даже, что есть такой промежутокъ) между послѣдней секундой 31-го января и первой секундой 1-го февраля они могли вдругъ преобразиться въ реалистовъ не условнымъ только образомъ, а дѣйствительнымъ; ибо кто же не знаетъ, не получивъ даже классическаго образованія, что нигилизмъ (отъ лат. *nihil*—ничто) и реализмъ (отъ *res*—вещь)—двѣ такия прямыя противоположности, какія только могутъ быть отысканы на свѣтѣ. Нигилисты, въ свою очередь, какъ это слишкомъ извѣстно, возникли изъ того, что болѣе или менѣе удачно, хотя тоже не весьма продолжительно, называлось «свистопляской». Вотъ и вся родословная «мыслящихъ реалистовъ». Повидимому, у этой родословной недостаетъ начала; однако никому еще въ голову не приходило объяснять происхожденіе «свистопляски» иначе, какъ теоріей «самопроизвольнаго зарожденія». Правда, французская академія въ извѣстномъ спорѣ между Пуше и Пастеромъ, соглашаясь съ послѣднимъ, объявила себя противъ этой теоріи, но «Русское Слово» (іюнь 1865), заступившись за перваго, справедливо укорило французскую академію, что ея члены получаютъ отъ казны на карандаши и бумагу (кажется, рублей по 300 въ годъ), и слѣдственно, не могутъ быть вполнѣ безпристрастны въ столь щекотливомъ вопросѣ. Такимъ образомъ, если «Русское Слово» и само рѣшается отстаивать фактъ своего «самопроизвольнаго зарожденія», то понятно, что его «мыслящіе реалисты» никакимъ образомъ не могутъ быть ни «реалистами», которыхъ происхожденіе гораздо произ-

вольнѣе и сложнѣе, ни «мыслящими», такъ-какъ самопроизвольное мышленіе едва-ли даже можетъ назваться этимъ именемъ. Но, какъ бы то ни было, мышленіе этого рода имѣетъ значительный ходъ; мыслителей въ этомъ родѣ называютъ легкими, популярными, очаровательными и, что еще лестнѣе, «душвами»: Можно ли устоять противъ такого соблазна? Не нужно ли быть для этого—если не Катонѣмъ, то, по-крайней-мѣрѣ, цензоромъ?

II.

Послѣ сказаннаго не должно казаться страннымъ, если «Отечественныя Записки» рѣшились завести у себя, въ лицѣ пишущаго эти строки, «мыслящаго реалиста». Нѣтъ ничего противостественнаго, если онѣ, для перваго же дебюта, поручили ему разобрать и оцѣнить ту шарлатанскую размазню, которую, въ стыду XIX столѣтія, называютъ «Гамлетъ, принцъ датскій». Конечно, со стороны «Отеч. Записокъ»—это еще не особенная добродѣтель, потому что онѣ рѣшились на этотъ смѣлый шагъ не по собственной инициативѣ. Послѣ извѣстныхъ статей «Русскаго Слова» (апрѣль и іюнь 1865) о Пушкинѣ, онѣ вызывались на подобный шагъ самою крайностію своего положенія. По крайней-мѣрѣ, какъ только тѣмъ статьями «Русскаго Слова» было утверждено и доказано, 1) что стихи Пушкина можно писать подъ строчку, какъ прозу, и хоть отъ этого заморгаютъ всѣ звѣзды на небѣ, но за то соблюдется экономія въ бумагѣ; 2) что Евгенийъ Онѣгинъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ сочиненій Фогта; 3) что, по своимъ убѣжденіямъ, онъ былъ второй экземпляръ Павла Кирсанова и такой же любитель отлично накрахмаленныхъ рубашекъ, щеточекъ, гребеночекъ и пилочекъ; 4) что онъ умѣлъ критиковать только балеты Дидло, отрицать—только брусничную воду да глупую луну на голупомъ небосклонѣ, и вообще вмѣсто дѣльныхъ статей реальнаго содержанія писалъ только свершиа эпиграммы въ альбомы; 5) что онъ, вромѣ того, изъ-за сущаго вздора дуэлировалъ съ пріятелемъ и убилъ его, тогда какъ между порядочными людьми дѣло могло ограничиться простой потасовкой; 6) что Татьяна, въ свою очередь, ходила не подъ кружаломъ и хотя, по-видимому, знала иностранные языки, но вмѣсто того, чтобы заготовлять переводы для «Иностраннаго Вѣстника», читала только северные романы г-жи Жанлисъ—словомъ, когда все это и неисчерпаемое множество другихъ вещей были доказаны самымъ легкимъ и популярнымъ образомъ, такъ что вся дѣятельность Пушкина была названа «навязываніемъ бумажки на хвостъ Зюшки», тогда «Отеч. Запискамъ» оставалось одно изъ двухъ:

или сдѣлать тотъ самый шагъ, на который онѣ рѣшаются, то есть напустить «мыслящаго реалиста» на «Гамлета» Шекспира, и черезъ то дать нѣсколько ходовъ впередъ самому «Русскому Слову», или съѣдаться безмолвною завистію къ неподражаемости означенныхъ статей «Русскаго Слова». «Отвч. Записки» избрали первое. Но изъ какихъ бы побужденій ни вытекалъ подобный шагъ, онъ все-таки имѣетъ свое значеніе: такъ или иначе, не «нашего полку», значить, прибыло. Пишущій эти строки, какъ «мыслящій реалистъ», не могъ не принять это въ расчетъ, и потому, рѣшаясь сотрудничать въ филистимскомъ журналѣ (такъ-называемомъ въ противоположность вавилонскимъ и тарабарскимъ), онъ только выговорилъ себѣ слѣдующія условія: вонервыхъ, говорить о себѣ не иначе, какъ Я, и говорить сколько душѣ угодно; вовторныхъ, г. Писарева, автора статей о «навазваніи бумажки на хвостъ Зюзюшки», нетолько цитировать и ссылаться на него, какъ это принято въ «Русскомъ Словѣ», но также и подражать ему, соперничать съ нимъ и, если возможно (хотя это невозможно), превосходить его; втретьихъ, говорить Я, непремѣнно Я, въ отличіе отъ говорящихъ такъ сотрудничковъ «Русскаго Слова»; вчетвертыхъ, излагать свои мнѣнія, подобно мсьѣ Реклю и г. Писареву, въ отдѣльныхъ главахъ, подъ римскими цифрами, какъ это и прилично относительно самопроизвольныхъ мнѣній; впятыхъ, говорить Я, постоянно Я, въ подражаніе сотрудничкамъ «Русскаго Слова»; наконецъ вшестыхъ, не утаивать отъ читателей рѣшительно ничего, а писать все, что ни придетъ въ голову, хотя бы то было — царь Навуходоносоръ или «базаровскій элементъ въ наукѣ и искусствѣ»... Впрочемъ, «базаровскій элементъ» далеко не въ той степени, какъ это кажется, долженъ быть чуждъ уму мыслящаго реалиста, когда ему приходится разсуждать о чудовищности, называемой «Гамлетомъ»...

«Офелія, ходи здѣсь!»

III.

«Гамлетъ», сколько извѣстно, былъ любимѣйшимъ произведеніемъ самого Шекспира. Роль Гамлета была любимѣйшею ролюю знаменитаго актера и друга Шекспира — Ричарда Бурбеджа, котораго современники иначе не называли, какъ Росція-Бурбеджъ. До насъ дошла элегія на смерть этого фигляра; и въ ней онъ оплакивается какъ актеръ, который былъ особенно великимъ именно въ этой роли. Изъ колоссальной чуши этой элегіи, гдѣ величайшія похвалы умершему фигляру такъ даже и выражаются стихами

изъ «Гамлета», я усматриваю, что «Гамлетъ» былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и любимѣйшею пьесою публики. «Онъ отлетѣлъ отъ насъ» — говорится въ этой элегіи о великомъ актерѣ въ великой роли Гамлета — и какой міръ исчезъ вмѣстѣ съ нимъ! *Онъ человекъ былъ въ полномъ смыслѣ слова.* Онъ недостижимъ для всѣхъ вѣковъ. Онъ самъ былъ міръ, и «Міръ» (названіе театра) былъ приличнымъ ему поприщемъ. Сожалѣніе объ «исчезнувшемъ мірѣ» здѣсь, очевидно, относится столько же къ актеру, какъ и къ пьесѣ, потому что дурацкое названіе шекспировскихъ пьесъ «мірами» вы можете встрѣтить даже и въ наше время въ любимомъ филистимскомъ журналѣ. Я могу поздравить съ этимъ нашихъ филистимлянъ*: критическіе термины, употребляемые ими послѣ Добролюбова, были въ полномъ ходу слишкомъ за два съ половиною столѣтія. Далѣе, къ Гамлету всѣ критики Шекспира всегда приступали и приступаютъ съ какимъ-то особымъ умиленіемъ, словно у нихъ въ зубу спирается при этомъ дыханіе, какъ у воронъ въ извѣстной баснѣ Крылова. Обер-филистимлянннъ и тайный совѣтникъ Гёте, открывшій новую методу толковать и объяснять Шекспира, напалъ, какъ извѣстно, на свое великое открытіе, именно изучая Гамлета. Короче, начиная отъ педантическаго Бен-Джонсона, современника и раскаившагося врага Шекспира, до послѣдней эстетической козявки благополучно умершей «Эпохи» и дышущей на ладонь «Библиотеки для Читенія», нѣтъ такого филистимлянина, который бы въ Шекспировомъ «Гамлетѣ» не видѣлъ Голіафа. Поэтому, поколебать колоссальную славу такъ-называемаго «царя поэтовъ» въ его самомъ царственномъ произведеніи, значитъ поколебать ее въ самомъ основаніи. Трудъ, стоящій всѣхъ усилій мыслящаго человѣка. Полу-филистимскому, полу-реалистическому Бѣлинскому подобный трудъ не могъ пригрезиться даже во снѣ. Покойный Добролюбовъ въ своихъ «Всероссійскихъ иллюзіяхъ», нападаая на автора «Вопросовъ жизни», кажется, имѣлъ уже въ виду эту задачу. Но въ своемъ безпощадномъ разрушеніи авторитетовъ онъ былъ скошенъ смертію на самыхъ первыхъ приготовительныхъ работахъ къ ней: злая чухотка подкралась къ его письменному столу въ то самое время, когда, вернувшись изъ заграницы, онъ только что успѣлъ

* Мой другъ г. Зайцевъ, по общновенію расходясь съ историками, полагаеть, что древній народъ этого имени, столь извѣстный въ исторіи своимъ вольнодумствомъ, правильнѣе называть *филистерами*. Я это понимаю, какъ понимаю и его «методы изложенія исторіи» и вообще всѣ его *salto mortale*. Но что касается до *Иффы*, то, по моему, въ избѣжаніе скандала, лучше сохрानять прежнее названіе этого города, тѣмъ называть его, съ моимъ уважаемымъ учителемъ, г. Влагосвѣтловымъ — *Жотт-Жорре*. — *Дост.*

окончательно переработать свою здоровую реалистическую натуру, только что успѣлъ вырвать изъ нея съ корнемъ послѣдніе остатки любострастныхъ эстетическихъ инстинктовъ и дописать послѣднюю строчку своей прекрасной статьи объ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» г. Достоевскаго. Глубокій поворотъ, очевидно совершившійся съ этою статьею въ желѣзной натурѣ Добролюбова, почти не оставляетъ сомнѣнія, что найдись въ «Современникѣ» достойный преемникъ ему, или не будь этимъ преемникомъ смиренномудрый г. Антоновичъ, и «Отеч. Запискамъ» едва-ли бы довелось, какъ теперь, давать «Русскому Слову» по нѣскольку ходовъ впередъ. Я хочу сказать, что при этомъ условіи, статья «о навязываніи бумажекъ на хвостъ Зююшки» теперь относилась бы въ «Русскомъ Словѣ» ужъ конечно не къ Пушкину, а по меньшей мѣрѣ къ самому Шекспиру; «базаровскій элементъ» не проводился бы только въ искусство, а «по возможности» и царилъ бы въ немъ, такъ что и предметъ настоящей статьи моей я не имѣлъ бы ни малѣйшаго права называть ни труднымъ, ни стоящимъ всѣхъ усилій мыслящаго реалиста. Впрочемъ, я долженъ признаться, что и теперь называю его такимъ только изъ уваженія къ двоюму курьному мозгу, мой доброхотный читатель. Прими этотъ комплиментъ отъ меня и познай изъ него, что меня изумляетъ не величіе моего предмета, а монументальная и выше пирамидъ возносящаяся гордыня твоей тупости. Вѣдь ты дѣйствительно убѣжденъ, что ерундисты «Отеч. Записокъ» нисколько не завираются, когда, напримѣръ, называютъ Шекспира «человѣчествомъ въ сжатомъ видѣ», такъ сказать человѣчествомъ въ коробочкѣ, а его драмы какими-то «законченными мірами», чтд, по моему, совершенно равносильно—«вселенной въ карманѣ» или «мірозданію въ кулакѣ». Но въ одномъ изъ этихъ мировъ я намѣренъ прослѣдить теперь за всѣми его явленіями шагъ за шагомъ. И я надѣюсь вполне доказать тебѣ, что если это дѣйствительно міръ, а не избушка на курьихъ ножкахъ, то развѣ міръ первостатейныхъ дураковъ и тунеядцевъ.

IV.

Я не буду, подобно моимъ уважаемымъ конкурентамъ и предшественникамъ на поприщѣ реальной критики, отказываться отъ оцѣнки эстетическихъ красотъ «Гамлета», если ихъ встрѣчу; я не буду даже цитировать стихи Шекспира подъ строчку, если мнѣ представится необходимость въ цитатахъ; но меня, разумѣется, какъ мыслящаго реалиста, прежде всего занимаютъ во-

просы: какую реальную цѣль имѣлъ въ виду Шекспиръ, какое положительное знаніе думать сообщить человѣчеству, какую дѣйствительную пользу хотѣлъ оказать ему, когда принимался за свою меланхолическую драму? Отвѣта на эти вопросы мы должны искать въ самой драмѣ, и именно въ словахъ, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ, словомъ—во всемъ направленіи ума и во всемъ поведеніи Гамлета, какъ средоточія всей драмы и главнаго дѣйствующаго лица въ ней. Согласившись относительно этого пункта, я вправѣ спросить еще: что за человѣкъ этотъ Гамлетъ? То-есть: гдѣ онъ росъ и получилъ первоначальное образованіе? чему его учили и какъ учили? какъ велика мѣра его начитанности и сколь обширенъ запасъ общепользныхъ свѣдѣній? У этого принца датскаго, почти съ языка не сходятъ многозначительные вопросы о жизни, какъ напримѣръ: «жизнь, что ты?» Въ такомъ случаѣ, любопытно знать: что онъ разумѣетъ подъ словомъ «жизнь», и почему она томить его, и какія у него права на то, чтобы ему жилось лучше, чѣмъ другимъ? На эти существенные вопросы я нахожу полные отвѣты у самого Шекспира. Такъ напримѣръ, изъ разныхъ мѣстъ драмы я узнаю, или, по крайней мѣрѣ, съ достовѣрностію заключаю, что первоначальное образованіе Гамлета было, можно сказать, самое шалопайское. Въ Эльсинорѣ, столицѣ датскаго королевства, въ то время не было не то что ни одного порядочнаго училища, а просто не было никакого; это видно изъ того, что Лаэртъ, сынъ Полонія и сверстникъ Гамлета, учился въ парижской гимназій; допустить, что недостатокъ училищнаго воспитанія въ Гамлетѣ могъ быть восполненъ воспитаніемъ домашнимъ я опять не могу, потому что для этого я долженъ предположить, что его мать, Гертруда, была образованная женщина, и что его отецъ, котораго даже самъ Шекспиръ называетъ неотесаннымъ трехсаженнымъ Геркулесомъ, не былъ обскурантъ. Этотъ Геркулесъ, кромѣ того, если не былъ отъявленнымъ пьяницей, то положительно былъ человекомъ буйнаго и сварливаго характера: такъ онъ ни за что ни про что обрубилъ уши доброму норвежскому королю Фортинбрасу и отнялъ у него королевство; въ другое время, катаясь послѣ обѣда съ какимъ-то благороднымъ полякомъ, онъ на всемъ скаку вывалилъ его изъ саней на льду. Что такой человѣкъ не могъ не быть семейнымъ деспотомъ, это весьма естественно, и я вполне понимаю, что должна была вынести бѣдная Гертруда въ сожителствѣ съ подобнымъ звѣремъ, и какихъ безобразныхъ сценъ не могъ наглядѣться Гамлетъ въ своемъ семействѣ, какихъ скандаловъ не могъ быть свидѣтелемъ, чего не могъ натерпѣться онъ, особенно въ раннемъ дѣтствѣ, если его родитель, при такомъ

благовоспитанномъ характерѣ своемъ, имѣлъ къ тому же двадцати-фунтовый кулачище. По крайней-мѣрѣ я ничѣмъ другимъ не могу объяснить себѣ ни того, что у Гамлета во всѣхъ его начинаніяхъ «румянецъ рѣшимости» никогда не переходитъ въ дѣйствіе, ни того, что Гертруда, женщина, очевидно, во всѣхъ отношеніяхъ добрая и смиренная, въ природномъ характерѣ которой никакъ не болѣе трагическаго элемента, чѣмъ у г-жи Простаковой, вдругъ рѣшается отравить своего мужа. Это—или психологическая невозможность, или отецъ Гамлета, какъ истинный неотесанный Геркулесъ, былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ экземпляровъ самодурства. Но мнѣ пріятно здѣсь замѣтить, что въ природѣ вещей есть сила, хотя тоже самодурная, но за то существенно прогрессивная, идущая на проломъ и устроющая дѣла этого міра по своему, несмотря ни на какое человѣческое самодурство. Силу эту г. Юркевичъ назвалъ бы «проявленіемъ абсолютнаго духа во времени», смиренномудрый г. Антоновичъ, когда писалъ свои трактаты въ родѣ Теодора Безы, называлъ ее «провиденціальнымъ домостроительствомъ», филистимскіе либералы называютъ ее просто силою «прогресса», а я назову, съ Карломъ Фогтомъ, «органическимъ развитіемъ мозга», или, что одно и то же, «накопленіемъ новыхъ идей». Если Гамлетъ не долженъ былъ остаться совершеннымъ Митрофанушкой (хотя и недалеко ушелъ отъ него), то благодаря лишь тому, что требованіямъ современности не въ состояніи противиться даже и такіа самодурная натура, какова была натура отца Гамлета. Неотесанный Геркулесъ видѣлъ, что его сыну, рано ли поздно ли, придется управлять довольно могущественнымъ государствомъ; а наука правленія, какъ бы мы на нее ни смотрѣли, кромѣ предметовъ камеральнаго факультета, требуетъ еще знанія, по крайней-мѣрѣ второстепенныхъ предметовъ, по факультетамъ физико-математическому и естественныхъ наукъ. Геркулесъ видѣлъ, кромѣ того, что его забитому и золотушному, притомъ же съ раннихъ лѣтъ страдавшему одышкой, наслѣднику придется соблюдать болѣе мирную политику съ сосѣдними королями, а не то чтобы обрубить имъ уши и отнимать у нихъ владѣнія; и слѣдственно, если онъ не хотѣлъ преднамѣренно, чтобы его сынъ слѣлся сумасшедшимъ отъ праздности, или горькимъ пьяницей отъ нечего дѣлать, то уже по одной этой причинѣ онъ обязанъ былъ предоставить ему хоть столько развѣтія, чтобы избавить его отъ той книгобоязни, которая была наслѣдственной болѣзнію въ родѣ Гамлетовъ. Далѣе Геркулесъ видѣлъ, что организмъ Гамлета, хотя и необѣщавшій особенно цвѣтущаго развитія, достигаетъ однако съ каждымъ днемъ предопредѣленной ему зрѣлости, такъ что царедво-

рець Полоній, отець прекрасной Офеліи, все чаще и чаще получает поводы, и все болѣе и болѣе справедливыя, приносить жалобы королю на слишкомъ нѣжное вниманіе принца къ его дочери; положимъ, что со стороны Полонія это была желаніе выказать свое чувство привязанности къ королю; однако здравая политика все же не можетъ не порицать неровныхъ браговъ; что же касается до женитьбы «по любви», «по страсти», то я уже не одинъ разъ выражалъ свое мнѣніе, что это такая эстетическая сладость, къ которой мыслящій реалистъ можетъ относиться только съ строжайшимъ осужденіемъ. Наконецъ, неотесанный Геркулесъ видѣлъ, что люди молодого поколѣнія, сверстники и товарищи Гамлета, какъ Лаэртъ, Бернардо, Марцелль, Гораціо— всѣ чему нибудь учились и даже приготовились поступить въ высшія учебныя заведенія: кто въ Collège de France, какъ Лаэртъ, кто въ виттенбергскій университетъ, какъ всѣ остальные; Геркулесъ видѣлъ это, и опять-таки не могъ не понять, что управлять такими людьми будетъ уже потруднѣе, чѣмъ, напримѣръ, такими одушевленными куклами, какъ Полоній. По всѣмъ этимъ причинамъ было рѣшено, что Гамлетъ, хотя и плохо приготовленный, но за то обезпеченный могущественной протекціей, поступить въ виттенбергскій университетъ, вмѣстѣ съ Бернардо и Гораціо. Сколько времени онъ провелъ въ университетѣ, я навѣрное не берусь опредѣлить. Полагаю, однако, что срокъ этотъ не былъ продолжителенъ; отравленіе его отца, вызвавшее его изъ Виттенберга, могло застать его на второмъ и ужь никакъ не далѣе какъ на третьемъ курсѣ. Достовѣрно же я могу утверждать только то, что курса онъ во всякомъ случаѣ не кончилъ, такъ какъ его не кончили даже ни Марцелль, ни Бернардо, ни Гораціо, поступившіе въ университетъ вмѣстѣ съ нимъ и оставившіе Виттенбергъ позднѣе его. А что и они не кончили курса, ясное указаніе на это я нахожу во второй сценѣ 1-го акта разбираемой драмы, гдѣ между Гамлетомъ и его университетскими товарищами, съ которыми онъ очевидно встрѣчается въ первый разъ послѣ разлуки въ Виттенбергѣ, происходитъ слѣдующій разговоръ:

Гораціо. Принцъ, здравствуй!

Гамлетъ. Очень радъ васъ видѣть: ты ли это, Гораціо?

Гораціо. Онъ самый, принцъ, твой покорный слуга.

Гамлетъ. То-есть—мой добрый другъ. Но какая нелегкая принесла васъ изъ Виттенберга—Гораціо? Марцелль?

Марцелль. Любезный принцъ!

Гамлетъ. Очень, очень радъ. Здорово! Но говорите же, какая нелегкая принесла васъ изъ Виттенберга?

Гораціо. Лѣнь одолѣла, любезный принцъ.

Полагаю, что Гамлетъ долженъ былъ хорошо знать срокъ, когда именно его товарищамъ приходилось, по расчету, окончить курсъ; потому, его разспросы о томъ, какая нелегкая принесла ихъ изъ Виттенберга, могли имѣть мѣсто только при томъ его убѣжденіи, что они оставили университетъ преждевременно. Последній отвѣтъ Горацио, въ приведенной выдержкѣ, тоже былъ бы совершенно другой, еслибы онъ и его пріатели вернулись въ Эльсиноръ съ кандидатскими дипломами. Такимъ образомъ, я отрываю въ Гамлетѣ, при началѣ драмы, студента второго или третьяго курса виттенбергскаго университета. По лѣтамъ, конечно, это—человѣкъ молодаго поколѣнія, и ему ничто не мѣшаетъ быть однимъ изъ представителей базаровскаго типа. Теперь я буду слѣдить за его направлениемъ.

V.

Въ Гамлетѣ Шекспиръ, очевидно, имѣлъ претензію представить передового человѣка своего времени, человѣка, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго ни въ области мышленія, ни въ сферѣ практической дѣятельности. Мотивомъ къ дѣйствию онъ избралъ мщеніе, которое сынъ долженъ совершить надъ отцомъ и своею матерью—мщеніе, если принять въ расчетъ утонченныя нравы времени королевы Елизаветы, дѣйствительно, почти невозможное; англійское общество въ это время (Гамлетъ написанъ въ 1601 году) лѣтъ шестьдесятъ уже жило исключительно идеями знаменитой «Утопіи» Томаса Мура, написанной въ тридцатыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія (въ 1534), и творецъ реалистической философіи, лорд-канцлеръ Беконъ былъ единственнымъ законодателемъ въ области мысли; извѣстно даже, что Беконъ въ 1587 году, слѣдственно при самомъ еще началѣ поприща Шекспира, участвовалъ въ представленіи драмы «Несчастіе Артура», сочиненной Томасомъ Югсомъ и представленной въ Гриничѣ; слѣдственно, я не ошибусь, если назову его и законодателемъ здраваго вкуса и вообще господствующаго направленія въ умственной сферѣ. Потому, указанный мною мотивъ къ дѣйствию въ разбираемой драмѣ я готовъ признать драматическимъ, и самое дѣйствіе не для всякаго возможнымъ. Если Гамлетъ совершить свое мщеніе, то Шекспиръ и считалъ бы свою идею вполне доказанной. Но при этомъ я не понимаю одного: какимъ образомъ мщеніе сдѣлать исключительной задачей всей жизни мыслящаго человѣка? Заставить его, ради мщенія, отказаться рѣшительно отъ всякой дѣятельности умственной и физической,

засыпать съ мыслию о мщеніи и просыпаться съ нею, подавлять лъ себѣ ради этой мысли самыя естественныя требованія организма, какъ напимѣрь, любовь къ милovidнѣй дѣвушкѣ, и наконецъ, говорить въ пяти актахъ трехсаженныя монологи на ту же тему? Я допускаю, что мстить можно, а относительно иныхъ скотовъ даже и должно, но я допускаю, что это позволительно дѣлать лишь между дѣлъ, пакостить своему врагу, такъ-сказать, между строками, не отказываясь въ то же время отъ полезной умственной дѣятельности. Базаровъ, я думаю, тоже не спустилъ бы своему врагу, еслибы таковой перешелъ ему дорогу; но онъ хватилъ бы его по мордѣ, и пошелъ бы на свое болото собирать лягушекъ, или, въ случаѣ дурной погоды, которой однако едва-ли боялась его желѣзная натура, принялся бы дразнить на досугъ Павла Кирсанова, и додразнилъ бы его до зеленыхъ чортиковъ. Въ романѣ «Что дѣлать?» Лопуховъ — при одномъ случаѣ, и его пріятель — при другомъ, поступили даже и на самомъ дѣлѣ именно такъ, какъ, я предполагаю, поступилъ бы въ томъ же положеніи Базаровъ. Эти люди очень хорошо знали дѣйствіе своего времени, и если передъ тѣмъ, какъ заѣхать въ фizioномію, не говорили стихами, то это по очень простой причинѣ, что у нихъ не было на то досуга; мыслящіе пролетаріи, они рано научились понимать, что жить значить — безустанно работать, что работа производитъ въ организмѣ извѣстныя потери, что потери вознаграждаются здоровою пищею, и что именно здоровая-то пища и текла бы только по усамъ, не попадая въ уста мыслящаго пролетарія, еслибы онъ, вмѣсто своей безустанной работы, вздумалъ объясняться со всякимъ животнымъ стихами. Кроме того, мозговое вещество у подобныхъ людей не разгорожено до такой степени разными перегородками, чтобы они могли долго останавливаться, какъ какой-нибудь филистимлянинъ «Отеч. Записокъ», на какой бы ни было исключительной мысли, хотя бы это была кровавая мысль о мщеніи. Но именно подобныя-то перегородки я какъ разъ открываю въ мозговой вашицѣ Гамлета; когда мысль объ этихъ перегородкахъ пришла, въ предъидущую секунду, мнѣ въ голову, я не думалъ примѣнять ее прямо къ Гамлету; но теперь я нахожу, что она примѣняется къ нему даже лучше, чѣмъ къ г. Аверкіеву; послѣдній, по крайней-мѣрѣ, глупъ довольно разностороннимъ образомъ: напишетъ «Дмитрія Донскаго» — глупъ, переведетъ «Атта-Троль» — опять глупъ, заговоритъ о Шекспирѣ — еще глупъ, заспоритъ съ нигилистами — и все-таки глупъ; однако, глупъ на разные манеры. Но Гамлетъ мало того что глупъ, а глупъ-то еще скучнѣйшимъ образомъ; забралъ себѣ въ голову, что отецъ его отравленъ и что на немъ

лежить обязанность поварать злодѣяніе, и готовъ вѣшать эту идею нетолько на длинныя уши всѣхъ своихъ пріятелей, но, вается, на каждый атомъ въ воздухѣ. Я не хочу заподозрѣвать подлинность самаго факта на счетъ единопредметнаго помѣшательства Гамлета; я не считаю невозможнымъ дойти чловѣку до того, чтобы съ такимъ ограниченнымъ упорствомъ преслѣдовать такую ограниченную цѣль, какъ мщеніе; напротивъ, мнѣ совершенно понятно, какъ это Гамлетъ по цѣлымъ днямъ ходилъ изъ угла въ уголъ по дворцовымъ сараямъ датскаго королевскаго дома, завывая свои монологи и потерявъ всякую способность къ какой бы ни было полезной работѣ. Но я объясняю возможность подобнаго психическаго настроенія пословицей: «съ жиру собака бѣсится». Извѣстно, что Бурбеджъ даже и представлялъ Гамлета, по указанію самаго Шекспира, значительно ожирѣвшимъ толстякомъ, слегка страдавшимъ одышкой. Извѣстно даже, что великій актеръ Бурбеджъ передачей этой одышки достигалъ какого-то непонятнаго для меня совершенства, которому очень дивились современники. Послѣ этого я понимаю, почему этотъ толстякъ, въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ своей каллунской личности, вопрошаетъ: «о, отчего такъ плотно это тѣло?» Да оттого, любезный принцъ, что это тѣло упитывается такой же жирной, какъ вы сами, поросятиной, оттого, что оно отпавается такимъ же горьковатымъ, какъ нечаль ваша, портеромъ, оттого, что послѣ дневнаго ничего-недѣланія оно передается ночному успокоенію на гагачьемъ пуху, наконецъ, просто оттого, что оно принадлежитъ такому туннеядцу и шалоцаю, какъ вы, любезный принцъ. Впрочемъ, эту главу я ничѣмъ такъ хорошо не могу закончить, какъ приведу здѣсь многозначительныя слова Самуэля Джонсона. Этотъ гениальный представитель бурсацкаго типа, всегда почему-то напоминающій мнѣ о гигантской натурѣ Помяловскаго, прохаживался однажды по Вестминстерскому кладбищу. Замѣтивъ одну знатную, недавно овдовѣвшую барыню, пришедшую постоять въ печальной позѣ подѣ кипарисами, надъ могильнымъ мраморомъ своего умершаго мужа, онъ сказалъ гулявшему съ нимъ Джемсу Томсону, автору прекраснаго національнаго романа «Rule Britannia»: «Еслибы эта барыня была прачка, и еслибы у нея бѣгали семеро голодныхъ ребятшекъ по лавзамъ, тогда она не пришла бы сюда представлять собою Ниобею, а стояла бы надъ своимъ корытомъ и стирала бы свое бѣлье». Я къ этому прибавлю отъ себя: еслибы Гамлетъ, ех-студентъ виттенбергскаго университета, былъ не датскій принцъ, а бѣдный своекоштный студентъ; еслибы онъ при этомъ жилъ уроками и былъ нахлѣбникомъ, за семь съ полтиной въ мѣсяцъ, у

какой-нибудь бабы-яги, которая бы кормила его тѣмъ самымъ, чѣмъ обыкновенно питаются, при началѣ своего поприща, всѣ мысляще пролетаріи, тогда, я увѣренъ, краснорѣчивѣйшій изъ его монологовъ не начинался бы словами: «о, отчего такъ плотно это тѣло»?...

VI.

Отъ основной идеи драмы перехожу къ подробностямъ исполненія. Гамлетъ, при открытіи драмы, только подозрѣваетъ, что его отчимъ могъ быть виновникомъ смерти его отца, но не убѣжденъ въ этомъ. Его первыя завыванія въ одпночку, то-есть когда онъ въ первый разъ остается одинъ на сценѣ (во второй сценѣ I-го акта), имѣють своимъ предметомъ единственно то, что мать его поторопилась выдти замужъ. Гертруда была женщина еще въ порѣ лѣтъ; несмотря на свою загнанность, она сохраняла еще остатки красоты, которая въ молодости была замѣчательна; траурныя цвѣта и наряды женщинамъ такого рода бывають особенно къ лицу. Меланхолическое воображеніе Гамлета такъ именно и представляло эту женщину, при его выѣздѣ изъ Виттенберга на похороны своего отца; по трудности тогдашнихъ путей сообщенія, онъ всю дорогу воображалъ себѣ, какъ онъ увидитъ свою царственную мамашу, картинно идущую въ слезахъ за гробомъ своего супруга, какъ-бы нѣбая Ниобea, какъ потомъ тихая грусть будетъ ей къ лицу, какъ она будетъ искать въ одномъ только въ немъ своего утѣшенія, а онъ будетъ считать наперстки, наполняемые ея слезами и сочинять ей элегія, которыя мать имѣла нѣкоторый природный даръ, разившійся въ Виттенбергѣ; къ тому же представлялся случай поинтересничать своей меланхоліей и предъ Офеліей, которую еще не забылъ, словомъ — извѣстныя картины эстетическаго свойства. Но вотъ онъ пріѣзжаетъ, и мечты его воображенія оказываются разбитыми въ дребезги; «дѣйствительная жизнь, столь суровая ко всякаго рода сантиментальностямъ, все повернула по своему, и его мамаша уже снова замужемъ, да къ тому же за своимъ деверемъ. Я считаю здѣсь умѣстнымъ высказаться объ этомъ поступкѣ, что онъ рекомендуетъ Гертруду, какъ женщину—не только правтическую, а еще высоко стоящую надъ предрассудками времени. Засиживаться во вдовахъ, и особенно женщинамъ еще нестарымъ, я рѣшительно не совѣтую. Въ наше время людьми нужно дорожить; рабочія силы на каждомъ шагу нужны, даже много такихъ силъ нужно; потому, увлонаться отъ чего бы то ни было, чтò можетъ восполнить этотъ недостатокъ, значить, по моему, зарывать таланты въ землю. Я даже молодымъ людямъ не совѣтую пренебрегать вдо-

вами, какъ въ статьѣ о Помяловскомъ не совѣтовалъ пренебрегать «кисейными барышнями». Потому, вступленіе Гертруды во второй бракъ, какъ оно ни поспѣшно, я нахожу вполне раціональнымъ. Не такъ однако взглянулъ на это дѣло ех-студентъ виттенбергскаго университета. Онъ поднимаетъ небо и землю, и всю преисподнюю. «Возможно ли, чтобъ до того дошло?» восклицаетъ онъ —

Едва прошелъ лишь мѣсяцъ... мѣсяцъ!
И эта женщина... О, небо! *звѣрь безъ смысла*
Не такъ бы скоро юре позабылъ!
Она же ужъ и замужемъ!—*за дядей!*...
Преступная поспѣшность!

Эстетическія красоты этого ржанія очень хорошо извѣстны посѣтителамъ александринскаго театра. Я обращаю здѣсь вниманіе читателя только на слова, обозначенныя мною курсивомъ. Ясно, что Гамлета возмущаютъ двѣ вещи: вопервыхъ, то, что его мать, по его мнѣнію, уже слишкомъ мало грустила объ его отцѣ, менѣе, чѣмъ могъ бы грустить звѣрь безъ смысла; вовторыхъ, то, что она вышла за родного брата своего мужа. Въ первомъ случаѣ она оскорбила приличія, во второмъ поступила, какъ онъ думаетъ, противъ обычая, освященнаго религіей. Но вѣдь приличія—дѣло условное. Въ Индіи, напримѣръ, приличія требуютъ, чтобы вдовы сгарали на тѣхъ самыхъ кострахъ, на которыхъ сжигаютъ тѣла ихъ мужей. И потому, если говорить о приличіяхъ, то развѣ отцу Гамлета прилично было дѣлать такіе семейные скандалы, что Гертуда рада-радешенька, что освободилась отъ его самодурства? А обрубить уши сосѣднимъ королямъ, или расвашивать на льду носы своимъ гостямъ, развѣ это прилично? Что касается до второго случая, то-есть что Гертуда приходилась заловкой своему второму мужу, то я съ изумленіемъ останавливаюсь передъ этимъ: разбираемая мною драма, какъ я уже замѣтилъ, написана въ 1601 году; слѣдственно, почти столѣтіе спустя послѣ реформациі, а болѣе двухъ столѣтій, какъ въ Англіи почти повсемѣстно были приняты идеи Виклефа о церковномъ значеніи различныхъ степеней родства. Чтó же я, послѣ этого, могу думать о Шекспирѣ, если онъ въ началѣ XVII-го столѣтія, въ эпоху полного господства раціонализма, заставляетъ еще возмущаться своего Гамлета тѣмъ, что его мать вышла замужъ за брата своего умершаго мужа? Хорошо это рекомендуетъ виттенбергскій университетъ. И хорошо же гусь послѣ этого и Шекспиръ.

VII.

Иду далѣе. Гамлету, во чтó бы ни стало, нужно быть вполне увѣрену въ дѣйствительности преступленія своего отчима. Я гово-

рю—Гамлету; но въ сущности это еще нужнѣе было самому Шекспиру, потому что какъ скоро у Гамлета отнять эту увѣренность, или не дать ему таковой, тогда онъ сколько угодно могъ бы допытываться «отчего такъ плотно его тѣло», но уже не имѣлъ бы никакого повода завывать въ пяти актахъ о мщеніи, такъ-какъ мстить тогда было бы и некому и не за что; слѣдственно, тогда была бы невозможна и самая драма. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы Гамлетъ рѣшился убить или надѣлать какихъ-нибудь другихъ пакостей своему отчиму за одно то, что онъ сдѣлался мужемъ его матери. Такимъ образомъ на увѣренность Гамлета въ отравленіи его отца, я смотрю какъ на исходный пунктъ драмы; на ней, по моему, вращается все ея дѣйствіе и ею же подогрѣвается вся игра страстей, въ ней бушующихъ. Но теперь, откройте, мой добротный читатель, ваши слуховые клапаны для воспріятія неслыханнаго изумленія. Гамлетъ получаетъ свою увѣренность изъ словъ привидѣнія. Я, разумѣется, не могу иначе относиться къ этому факту, какъ только въ шутовомъ тонѣ. Г. Дудышкинъ можетъ при сей оказіи сколько ему угодно свирѣпѣть на меня, это разрѣшается и всѣмъ его инкогнито и Incognito. Но я не считаю себя вправѣ укрывать отъ всеобщаго посмѣянія тотъ фактъ, что Шекспиръ, виѣстѣ съ деревенскими бабами, вѣрилъ въ привидѣнія. Его Гамлетъ не только видѣлъ привидѣніе, но и говорилъ съ нимъ, и это привидѣніе видѣлъ не только онъ, но и «ученый» Гораціо, и Марцеллъ, и Бернардо; его, наконецъ, при всякомъ представленіи, видятъ всѣ зрители на сценѣ говорящимъ пятиверстный монологъ гробовымъ голосомъ. И на этомъ рѣшительномъ мѣстѣ моей статьи я намѣренъ объясниться съ нашими доморощенными эстетиками. Они утверждаютъ, что у Шекспира всѣ характеры развиваются изъ ихъ внутренней природы, а всѣ явленія въ общемъ ходѣ драмы вытекаютъ, будто-бы, изъ такой глубочайшей необходимости, которая такъ же непреложна, какъ судьба. Этого мало; они дерзаютъ утверждать еще, что будто пока вы шекспировскую драму не задолбите такъ твердо, чтобы представлять себѣ безъ запинки, какая сцена за какою слѣдуетъ, то вы не можете сказать, что знаете или понимаете эту драму. Но вотъ, благодаря нѣсколькимъ часамъ досуга и счастливой памяти, я изучилъ Гамлета по четыремъ переводамъ русскимъ, двумъ французскимъ, одному нѣмецкому и по тремъ изданіямъ въ подлинникѣ. Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одна за другой сцены въ этой драмѣ, я могу рассказать, еслибы меня даже разбудили среди глубокаго сна. И что же? Я все-таки не нахожу, чтобы сцена съ привидѣніемъ была въ Гамлетѣ такою же непреложною необходимостію, какъ

судьба; а еще нахожу, напротивъ, что было бы гораздо естественнѣй и съ внутренней необходимостью всей пьесы гораздо сообразнѣе, еслибы исторію отравленія, рассказанную привидѣніемъ, возвѣстили, напимѣръ, трубные гласы, или еслибы ее передалъ домовый или вѣнмора. Между тѣмъ, я напомиу моему безтолковому читателю еще разъ: на фактѣ откровенія, сдѣланнаго привидѣніемъ, построена вся драма. Слѣдственно, уничтожая эту сцену съ привидѣніемъ, какъ бессмысленную, отвергая возможность этого факта, какъ имѣющаго не болѣе вѣроятія, чѣмъ распущенная надняхъ сказка о поступленіи г. Каткова въ драконы, я тѣмъ же дуновеніемъ разрушаю и весь, такъ-сказать, «законченный міръ», то-есть весь карточный домикъ, называемый «Гамлетомъ». Но уважу моему безтолковому читателю и еще на одно обстоятельство: до сихъ поръ мое мышленіе совершалось только самымъ легкимъ ходомъ, какъ-бы нѣкій самоватъ, заимствованный напрокатъ у г. Писарева. Пусть же онъ представитъ себѣ, чтб было бы съ судьбою «Гамлета», еслибы мнѣ вздумалось мыслить на манеръ г. Благосвѣтлова?

VIII.

Преслѣдую внутреннюю необходимость. Гамлетъ уже не подозреваетъ только, но почти вполне убѣжденъ, что Клавдій гнуснѣйшимъ образомъ обольстил его мать и умертвилъ отца; и стало быть «румянецъ—рѣшимости» долженъ бы былъ перейти въ Гамлетѣ въ благоуханный цвѣтъ дѣйствія. Онъ, можетъ быть, и перешелъ бы, но опять, какъ знать, что привидѣніе не было интригой самого чорта? The spirit that I have seen — разсуждаетъ Гамлетъ — may be the devil, то-есть «духъ, котораго я видѣлъ, можетъ быть дьяволъ». Этого мало; Гамлетъ высказываетъ даже основанія, почему это можетъ быть дьяволъ: всѣ — говоритъ — деревенскія старухи вѣрятъ, что если человѣкъ, и особенно женщина, очень тоскуетъ о любимомъ умершемъ человѣкѣ, то дьяволъ обыкновенно является тоскующему въ видѣ огненнаго змѣя. Я не буду входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса о дьяволахъ, предоставляя это великому Антоновичу, такъ блистательно отстоявшему необходимость домового въ «Воеводѣ» г. Островскаго; но для меня важно, что теченіе драмы, развивающейся по закону внутренней необходимости, опять предоставляется полнѣйшей случайности. Гамлетъ недоувѣряетъ привидѣнію, считая его за дьявола, желающаго заполучить его душу; ему, по этому случаю, нужны новыя доказательства предполагаемаго злодѣяства Клавдія; а такъ-какъ взять этихъ доказательствъ негдѣ, то онъ

и оставляетъ разъясненіе дѣла на русское авось. Дай, говоритъ, притворюсь сумасшедшимъ, авось «злодѣйства паръ кровавый» клубомъ выступитъ на сценѣ изъ внутренней необходимости. Такая необходимость, какъ извѣстно, является въ третьемъ актѣ въ видѣ странствующей труппы актеровъ. Гамлетъ заказываетъ имъ пьесу, подъ двусмысленнымъ заглавіемъ «Мышеловка», причиняетъ къ ней бессмысленную сцену о какомъ-то отравленіи, и велитъ представить ее при дворѣ. Съ Клавдіемъ во время представленія дѣлается дурнота; Гертруда, разумѣется, тоже при этомъ переполошилась, въ суматохѣ погасло нѣсколько лампъ, поднялась вонь, словомъ—произошелъ полнѣйшій скандалъ. И вотъ Гамлетъ, объяснившій все это внутреннею необходимостію, получаетъ уже окончательную увѣренность въ коварствѣ своего отчима. Но я опять спрашиваю: была ли какая внутренняя необходимость пріѣхать странствующимъ актѣрамъ въ Эльсиноръ? И если была, то почему она не существовала въ то же время для прибытія туда кочующаго табора цыганъ или издыхающаго звѣряца г. Замы? Кромѣ того: дурнота Клавдія не могла ли случиться, вмѣсто непонятной для меня внутренней необходимости, просто отъ угару, такъ-какъ сцена во времена Шекспира освѣщалась постнымъ масломъ? Мнѣ скажутъ, что въ такомъ случаѣ гораздо скорѣе могла бы заболѣть голова у Офеліи, какъ у организма болѣе нѣжнаго. Но я отвѣчу, что Офелія, какъ влюбленная дѣвушка, могла имѣть при себѣ пузырекъ съ конфарнымъ спиртомъ.

IX.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я назвалъ Шекспира гусемъ. Теперь я намѣренъ объяснить, почему я такъ выразился. Я замѣтилъ уже мимоходомъ о томъ, съ какимъ энтузіазмомъ принимались здравыя идеи Бекона передовою фалангою тогдашняго молодаго поколѣнія. Но было бы уже черезчуръ хорошо и не въ порядкѣ вещей, чтобы это увлеченіе было всеобщимъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ умственномъ направленіи произошло раздѣленіе, образовались партіи: во главѣ одной очутился Шекспиръ, хотя впрочемъ партизаны этого лагеря назывались «бурбеджистами», то-есть, по имени не Шекспира, а его пріятели Бурбеджа; во главѣ другой, конечно, Беконъ, котораго послѣдователи, по особой причинѣ, носили названіе «соборныхъ пѣвчихъ св. Павла.» Нетрудно понять, на какомъ пунктѣ загорѣлась прежде всего война между реалистами и эстетиками. Отверженіе искусства, даже въ ущербъ всѣмъ другимъ реальнымъ идеямъ, сдѣлалось паролемъ и лозунгомъ «пѣвчихъ». Чтобы бороться съ врагами ихъ

же оружіемъ, они рѣшились на отчаянное средство, именно: въ одномъ изъ заброшенныхъ зданій церкви св. Павла, они образовали театръ, гдѣ и стали представлять шекспировскія пьесы «насмѣхъ», то-есть доводя завываніе, ломаніе и всякій зубовой скрежетъ до послѣднихъ предѣловъ каррикатурности. Публика, разумѣется, повалила къ «пѣвчимъ». Тогда Шекспиръ, очутившись, такъ-сказать, въ положеніи автора «Взбаломученнаго Моря», пишетъ своего взбаломученнаго «Гамлета.» Разсчетъ его при этомъ былъ вѣренъ, хотя я не могу не замѣтить, что онъ такъ же былъ вѣренъ, какъ и подлѣ. Съ одной стороны, пьеса съ привидѣніями и огненными змѣями, благодаря вислоушеству человѣческаго рода, всегда можетъ считаться обезпеченной насчетъ своего успѣха; а въ другомъ отношеніи, и пасьвили, такъ щедро разсыпанные въ Гамлетѣ на молодое поколѣніе, тоже довольно пикантное блюдо. Поняли вы это, смиренномудрый г. Антоновичъ, упрекнувшій меня примѣромъ шекспировскихъ вѣдьмъ, когда я осмѣялъ домового въ пьесѣ г. Островскаго? Нѣтъ, вы еще не догадались, въ чемъ дѣло; потому я долженъ быть болѣе фактиченъ и доказателенъ. Когда Розенбрандъ докладываетъ Гамлету о прибытіи странствующей труппы актѣровъ, то между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

Гамлетъ. — Чтò это за актѣры?

Розенбрандъ. — Тѣ самыя, которыхъ вы такъ хорошо знаете, городскіе трагики.

Гамлетъ. — Все такъ же ли они любимы публикой, какъ въ мою бытность въ городѣ?

Розенбрандъ. — О, принцъ, далеко не такъ.

Гамлетъ. Отчего же? развѣ они избаловались?

Розенбрандъ. Нѣтъ, они усердствуютъ попрежнему; но у насъ появилось *иньдо безперыжъ птенцовъ, молокососовъ*, которые, передразнивая настоящихъ актѣровъ, ржутъ по-лошадному, даже спрашивая стаканъ воды. Они вошли въ такую моду, что на настоящихъ актѣровъ никто и смотрѣть не хочетъ.

Гамлетъ.—Какъ, это дѣти, молокососы? Какъ же это *можно терпѣть* и чего же смотритъ лорд-мэръ? Неужели это вмѣ все пропадетъ за ихъ *звонкіе голоса*?

Теперь я надѣюсь, что эту штуку можетъ раскусить уже великій Антоновичъ. Далѣе, въ «звонкихъ голосахъ», на которыхъ Шекспиръ съ такой открытой подлостью доноситъ лорду-мэру, присоединились представители современной юмористики, сотрудники тогдашнихъ «Искръ» и «Гудовъ», слышніе въ то время подъ общимъ именемъ «гороховыхъ шутовъ». Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, въ силу котораго безъ нихъ въ старой веселой Англій — old merry England—была невозможна ни одна

пьеса, хотя бы самого кровавого свойства, они старались гадить любимым публикою драматургамъ, и Шекспиру, разумѣется въ особенности, тѣмъ, что откалывали самыя неприличныя пакости среди самыхъ патетическихъ мѣстъ; это для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что «шуты», по тогдашнему обычаю, вовсе не сходили со сцены, во все время представленія. Шекспиръ въ своемъ доносѣ не погнушался указать и на это «современное зло». Такъ въ совѣтахъ Гамлета, даваемыхъ актерамъ, какъ они должны исполнять свои роли, я, между прочимъ, отмѣчаю слѣдующія безцѣпныя строки:

«Пусть сверхъ того «гороховые шуты» не говорятъ на сценѣ ни одного слова, не указанного имъ сочинителемъ: многіе изъ нихъ, желая насмѣшить раекъ, высовываютъ языки и оstrarя въ то время, когда вниманіе зрителей должно быть обращено на мѣсто, вытекающее изъ внутренней необходимости дѣла; *такія выходы позорны*; онѣ показываютъ, *сколь жалко честолюбіе глупцовъ*. Ступайте». (Актъ III сд. II).

Теперь, я полагаю, великій Антоновичъ уже вразумленъ окончательно, въ какой огородъ гениальный Шекспиръ бросалъ свои камешки. Далѣе, когда лорд-мэръ, вмѣсто того, чтобы обратить свой гнѣвъ на ненавистныхъ Шекспиру «пѣвчихъ», обратилъ его на самого Шекспира со всѣми его «бурбеджистами», и даже совсѣмъ приготовился закрыть скверный театръ ихъ, Шекспиръ отличился еще лучше. Сохранился документъ, или лучше сказать кляуза, въ которой Шекспиръ, съ подговоренными имъ актерами, подалъ на лорда-мэра жалобу, какъ на «открытаго по-творщика» мыслящихъ реалистовъ, при чемъ свои убытки, въ случаѣ закрытія театра, исчислилъ до огромной, по тогдашнему времени, суммы 7,000 фунтовъ стерлинговъ! Но по части доносовъ и кляузъ Шекспиръ отличался и не такимъ еще образомъ. При этомъ я имѣю въ виду его каверзу, затѣянную имъ противъ извѣстнаго любимца лондонской молодежи и отчаяннаго беконіаца Томаса Нэша. Этотъ остроумнѣйшій изъ тогдашнихъ «гороховыхъ шутовъ», въ одномъ своемъ юмористическомъ стихотвореніи, назвалъ Шекспира, какъ онъ того и заслуживалъ, «стрикулистомъ, который туда же суется быть жрецомъ искусства, а между тѣмъ столько знаетъ полатни, что едва-ли сдумѣетъ прочитать свою висѣличную молитву (*miserere*), когда ему придется быть повѣшеннымъ». Шекспиръ, не будучи въ состояніи отпарировать метко направленный ударъ, не нашелъ ничего лучше сдѣлать, какъ обратиться съ жалобой въ полицію. Такимъ же точно манеромъ онъ поступилъ съ уважаемымъ содержателемъ частной библиотеки запрещенныхъ сочиненій Четтлемъ. Въ этомъ случаѣ поводомъ къ кляузѣ послужило изданіе Чет-

тлемъ остроумной сатиры Грина, гдѣ Шекспиръ упрекается въ литературномъ вродоборствѣ, въ присвоеніи себѣ однажды уже обработанныхъ сюжетовъ и, между прочимъ, называется прямо «вороненкомъ, или вороньимъ выкидышемъ, мастеромъ на всѣ руки, но особенно искуснымъ украшать себя чужими перьями». Все-го этого было бы чрезчуръ довольно, хоть для самого г. Ключникова. Но какъ на вершину вляузныхъ отношеній Шекспира къ «городовымъ шутамъ» его времени я укажу на то мѣсто разбираемой драмы, гдѣ Полоній застаётъ Гамлета за чтеніемъ и между прочимъ спрашиваетъ: «Что вы читаете, принцъ?» Нетрудно понять, какой именно журналъ читалъ Гамлетъ, нетрудно—какъ потому, что онъ читалъ его, разыгрывая сумасшедшаго, такъ и потому, что названіе журнала довольно прозрачно сквозить въ пакостномъ отвѣтѣ принца. Но вмѣсто прямаго и краткаго названія почтеннаго изданія, онъ отвѣчалъ: «слова, слова, слова!» Надъ чемъ смѣтесь, любезный принцъ? Надъ собою смѣтесь!... Что Шекспиръ умеръ по дорогѣ изъ кабака, свалившись въ грязную канаву, и что онъ всю жизнь свою мерзвѣйшимъ образомъ обходился съ своею женою, это я считаю вполне общезвѣстными фактами. Вотъ тѣ резоны, которые я могъ привести въ поясненіе того, почему я сказалъ о Шекспирѣ, что это былъ — гусь. Въ заключеніе я могу прибавить, что онъ при томъ же — и лапчатый.

X.

Отъ огненныхъ змѣевъ перехожу къ вопросу о душѣ. Знаю, что вопросъ этотъ *щекотливый*; но безтолковый мой читатель, надѣюсь, пойметъ меня.
 Быть или не salto mor-
 tale Лаэртъ селитра * рефлексъ
 головного мозга мой другъ г.
 Зайцевъ лопухъ пропала *.

XI.

Въ предъидущей главѣ я старался, между прочимъ, показать читателю, почему впродолженіе этой статьи моей, всѣ мои отношенія къ Офеліи были самыя скромныя. Выражаю объ этомъ мысль мою еще яснѣе и проще, и на томъ, кстати, закончу. Впер-выхъ, я хотѣлъ доказать нашимъ филистимлянамъ, что всѣ ихъ каверзные наущенія про такъ-называемое «озорство» мыслящихъ реалистовъ, суть чистѣйшія враки; а вовторыхъ, главнѣйшая задача настоящей статьи моей, весьма впрочемъ безалаберной, была обозначена весьма ясно въ самомъ ея началѣ: это — дать «Русскому Слову» нѣсколько ходовъ впередъ, чего, надѣюсь, я вполне и достигнулъ.

* Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать *фосфоръ*.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

«АФРИКАНКА».

Опера въ 5-ти дѣйствіяхъ; музыка Г. МЕЙЕРБЕРА.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ большомъ форматѣ
Net 16 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ маломъ форматѣ (in 8-vo);
роскошное изданіе Net 12 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ маломъ форматѣ
(in 8-vo); обыкновенное изданіе Net 8 руб.

Отдѣльные нумера для пѣнія съ фортепьяно, и для
одного фортепьяно арранжированные «A. Croisez» и
одобренные Ф. И. Фетисомъ (approuvés par E. J. Fétis).

	для пѣнія съ фортепьяно	для одного фортепьяно
№ 1. Romance «Adieu mon doux rivage» (pour Soprano ou Mezzo-Soprano)	ц. р. 75 к.	ц. 60 к.
» 2. Terzettino «Ou par devoir»	» » 85 » »	60 » »
» 3. Choeur des évêques	» » 60 » »	60 » »
» 3-bis Quintetto, extrait du Final	» » 75 » »	— » »
» 4. Air du sommeil «Sur mes genoux»	» » 85 » »	60 » »
» 5. Air «Fille des roix, à toi l'hommage» pour Bariton, Tenor ou Basse à	» » 85 » »	60 » »
» 6. Duo «En vain leur impuissante rage», pour Soprano et Tenor	» 1 — » »	85 » »
» 7. Septuor, extrait de Final «Moi seul il m'aime»	» 1 — » »	60 » »
» 8. Choeur des femmes «Le rapide et leger navire»	» » 60 » »	60 » »
» 9. Quatuor et choeur de matelots «Debout matelots, l'équipage debout	» 1 — » »	60 » »
» 10. Prière (Double choeur) «O, grand saint Dominique».	» » 60 » »	60 » »
» 11. Ballade «Adamastor, roi des vagues profondes»; pour Basse, Bariton ou Tenor à	» » 75 » »	60 » »
» 12. Duo «Quel destin, ou plutôt quel aveugle délire»	» 1 15 » »	60 » »
» 13. Choeur des Indiens «Brahma, Brahma»	» » 60 » »	60 » »
» 14. Choeur de Sacrificateurs «Soleil qui sur nous t'élèves brûlant».	» » 60 » »	60 » »
» 15. Grand air, «O Paradis sorti de l'onde», pour Tenor ou Bariton. à	» » 75 » »	75 » »
» 15-bis Mélodie extraite de l'air, pour Tenor ou Bariton à	» » 60 » »	— » »

	Для пѣнія съ фортепьяно.	Для одного фортепьяно.
№ 16. Cavatine «L'avoir tant adorée», pour Bariton ou Basse. à	p. 60 к.	60 к.
» 17. Grand Duo «Eh bien fuis loin de nous»	1 30 »	75 »
» 18. Choeur dansé «Remparts de gaze, cachez l'extase». »	85 »	60 »
» 19. Arioso «Fleurs nouvelles, arbres nouveaux», pour Soprano et Mezzo-Soprano ou Contralto. à	» 75 »	60 »
» 20. Grand Duo «Avant que ma vengeance»	1 45 »	75 »
» 21. Grande Scène du mancenillier «D'ici je vois la mer immense». }	1 30 »	75 »
» 21-bis Cavatine extraite de la Scène précédente. «La haine m'abandonne», pour Soprano, ou Mezzo-Soprano . . . à	» 60 »	— »
» 22. Air extrait de la Scène précédente «O délices qui m'inondent», pour Soprano, ou Mezzo-Soprano. à	» 75 »	60 »
» 23. Choeur aérien «C'est ici le séjour de l'éternel amour» »	75 »	60 »

**Разныя сочиненія на мотивы, изъ оперы
«АФРИКАНКА».**

- A. JAELL, Trois paraphrases brillantes, pour piano à 1 r. 15 c.
 AUG. VINCENT, Fantaisie Transcription, op. 18. 1 r. 15 c.
 E. KETTERER, Fantaisie de Salon, op. 170. 1 r. 45 c.
 CRAMER, Bouquet de mélodies, mosaïque 1 r. 75 c.
 GRANDE marche Indienne, édition originale, pour piano 1 r. 45 c.
 La même, arrangée à 4 mains par E. Wolff 2 r. 30 c.
 MARCHÉ religieuse, arrangée pour le piano, par Vauthot 75 c.
 La même, arrangée à quatre mains, par Ed. Wolff 1 r. 15 c.
 Dernière pensée musicale de G. Meyerbeer: Prélude de la scène du Mancenillier, au 5-e acte de l'opéra «l'Africaine»; pour piano avec accomp. de Violon et Violoncelle ad lib. 50 c.

Для одного фортепьяно.

МЕЙЕРБЕРА, Г. «Африканка» полная опера въ маломъ форматѣ (in 8-vo) Net. 4 р. 80 к.

Въ томъ же магазинѣ можно получать *естъ музыкальныя сочиненія, идъ и тѣмъ би то ты было изданнныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ДЛЯ ФЛЕЙТЫ.

- ЧИАРДИ.** Новѣйшая теоретическая и практическая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 руб.).
- BERBIGUIER.** L'art de la flûte. Cours complet pour l'étude de la flûte (5 p. 15 к.).
- SOUSSMANN.** Méthode pratique de la flûte (9 p. 15 к.).
- TULOU.** Méthode de la flûte, progressive et raisonnée (8 руб.).
- BÖHM.** 24 caprices-études pour flûte seule (4 p. 60 к.). 24 Etudes avec piano op. 37. (6 p. 80 к.). Les mêmes pour flûte seule (2 p. 30 к.).
- BRICCIALDI.** Exercices journaliers et indispensables dans tous les tons (1 p.).
- KUMMER.** 24 Etudes mélodiques dans tous les tons majeurs et mineurs op. 110 (2 p.). 32 Etudes amusantes et instructives op. 129. (2 p.). Der einfache und besonders des Doppelzungenstoss bei dem Flötenspiel durch instructive Notenbeispiele mit erklärendem Text (1 p. 15 коп.). Méthode pratique pour la flûte op. 119. (2 p. 30 к.).
- SOUSSMANN.** 30 grands exercices ou études dans tous les tons. Liv 1. 2. (каждая 2 p. 85 к.).
- ARDITI.** Il bacio, la Stella et l'ardita. 3 vales (60 к.).
- ЧИАРДИ.** 125 любимыхъ русскихъ и цыганскихъ пѣсень для одной флейты (1 p.).
- DELASSEMENTS DE L'ÉTUDE.** Cent mélodies et airs favoris pour flûte seule. 4 тетради (каждая 1 p. 50 к.).
- DORUS.** Echos des lagunes. Seize airs variés, fantaisies, mélanges sur des mélodies de Donizetti. 4 тетради (каждая 75 к.).
- ЧИАРДИ.** Портфель любителя. Маленькія фантазіи для флейты съ фортепьяно, на любимые русскіе романсы. 3 тетр. (каждая 60 к.).
- KÜFFNER.** Répertoire de nouvelles danses favorites. 14 тетрадей (каждая 60 к.). Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles pour flûte seule sur des opéras favoris. 24 тетради (каждая 40 к.).
- КИНДИНГЕРЪ.** Музыкальные вечера. Собрание фантазій на любимые русскіе романсы и пѣсни для одной флейты. 9 тетр. (каждая 40 к.). Эти же фантазіи съ аккомп. фортепьяно 9 тетрадей (каждая 75 к.).
- STECKMEST.** Fleurs d'opéras. Potpourris élégants. 33 тетрадей (каждая 45 к.). 100 Récréations pour la flûte. 100 пьесъ для

отдохновения, составленные изъ любимыхъ мелодій для начинающихъ. 3 тетр. (каждая 85 к.).

ZIZOLD. Album des jeunes flûtistes. Fantaisies sur des thèmes d'opéras nouveaux. 5 тетрадей (каждая 75 к.).

ШКОЛЫ.

ГУНКЕ. *Руководство къ сочиненію музыки*. Отд. I. *О мелодіи*. Отд. II. *О контрапунктѣ*, содержащее въ себѣ: о гармонизаціи данной мелодіи, о контрапунктѣ, объ имитаціяхъ, о фигураціи хорала, о фугѣ, о канонѣ. Отд. III. *О формахъ музыкальныхъ произведеній*. Новое изданіе въ одной книгѣ съ портретомъ автора. Подписная цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Изданіе это выйдетъ 1-го ноября сего года. По выходѣ изъ печати этого руководства, цѣна будетъ значительно возвышена.

ГУНКЕ. *Руководство къ изученію гармоніи* (или генерал-басъ), приспособленное къ самоученію (Введеніе къ его руководству къ сочиненію музыки (3 р.). *Письма о музыкѣ* (40 в. за пересылку за 1 ф.).

КОНТСКІЙ. *Полная школа для фортепяно* съ изложеніемъ теоріи музыки, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихкихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генерал-баса. 3-е передѣланное и умноженное изданіе (3 р.).

ГЛЕЙХЪ. *Руководство къ новѣйшей инструментовкѣ*, или правила къ изученію всѣхъ употребляемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ (1 р., за пересылку за 1 фунтъ).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, вѣкъ бы они ни были изданы и объявлены, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пересылку ихъ слѣдуетъ приложить особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го сентября девятая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія для фортепяно *Смита, Вольфа, Ганца, Эгарда, Гунля, Бейера, Круа* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *ролли, ролино, скрипки, смычки, флейты, гармонифлейты, гитары, метрономы, канифоль*, и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дело лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1865 году

выходять два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

- ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРАГО, короля испанскаго. Соч. *Вильяма Прескотта*. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.
ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри*. 3 тома. Ц. 8 руб.; съ пересылкою 8 р. 50 коп.
ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Соч. *Гизо*. 3 тома. Ц. 8 руб.; съ пересылкою 8 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. Краевскій и С. Дудышкинъ.

Доволено цензурою. Санктпетербургъ. 29 августа 1865 года.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

Нов. 13 0 см.

1865

СЕНТЯБРЬ

КНИЖКА ВТОРАЯ

СТР.

I. Овожденные. Романъ въ трехъ частяхъ. <i>Часть первая.</i> Одна голова всѣмъ влается. Главы I—VII. М. СТЕВНИЦКАГО.....	173
II. Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи. К. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.....	243
III. Нашъ взаимный другъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Книга третья. Главы IX—XIII.....	256
IV. Критика критики. I. Смертельные скачки «Русскаго Слова». II. Обрѣзки идей Бѣлинскаго. III. Къ женщинамъ. IV. Къ литературной черни. П. И. СЛОЛОВЬЕВА...	283
V. Путешествіе Вамвери въ Среднюю Азію. <i>Статья вторая.</i> Хива и Бухара.....	314
VI. Безъ цензуры.....	75
VII. Политическая хроника. Министерство графа Белькреди.— Умиротвореніе сѣверо-американскихъ штатовъ и положеніе негровъ на Югѣ.....	86
VIII. Интересы литературы и науки на Западѣ. Индукція и дедукція, г. Либиха.— О прогрессѣ въ физиологическихъ наукахъ, г. Клодь-Бернара.— О движеніяхъ глазъ, г. Гельмгольца.....	99
IX. Литературная лѣтопись. Русская литература.....	116
X. Иностранная литература. Новыя книги политическія, экономическія и финансовыя.....	132

Продолженіе «Петербургскихъ Трущовъ» будетъ помѣщено въ слѣдующей книгѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краввскаго (Литейна, № 38).

ОБОЙДЕННЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ВАРВАРА ИВАНОВНА ТРЕСКИНОЙ.

Часть первая.

ОДНА ГОЛОВА ВСѢМЪ ВЛАНЯЕТСЯ.

Расположеніе женщинъ, какъ счастье вообще, есть свободный даръ, получаемый неизвѣстно какъ, неизвѣстно почему.

Герригъ Гейме.

I.

КРЮЧОКЪ ПАДАЕТЪ ВЪ ВОДУ.

Этотъ русскій романъ начался въ Парижѣ, и вдобавокъ, въ самомъ приличномъ, самомъ историческомъ зданіи Парижа — въ Луврѣ. Въ двѣнадцать часовъ яснаго зимняго дня, картинныя галереи Лувра были залиты сплошною и очень пестрою толпою добраго французскаго народа. Зала мурилевской Мадоны была непроходима; на зеленыхъ, бархатныхъ диванахъ круглой залы тоже не было ни одного свободнаго мѣста. Только въ первой залѣ, гдѣ слабые нервы поражаются ужасной картиной потопа, и другою, не менѣе ужасной картиной предательскаго убійства — было просторнѣе. Здѣсь передъ картиной, изображающей юношу и аскета, погребавшихъ въ пустынѣ молодую красавицу, тихо прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ господинъ лѣтъ тридцати, съ очень кроткимъ, немного грустнымъ и очень выразительнымъ, даже, можно сказать, съ очень красивымъ лицомъ. Закинутые назадъ волнистые, каштановые волосы этого господина придавали его лицу что-то такое, по чему у насъ въ Россіи отличаютъ художниковъ. Съ перваго взгляда было очень трудно опредѣлить національность этого человѣка, но, во всякомъ случаѣ, лицо его

не рисовалось тонкими чертами романской расы, и скорѣ всего могло напомнить собою одушевленные типы славянскаго юга.

Въ трехъ шагахъ отъ этого незнакомца, прислонясь слегка плечикомъ къ высокому табурету, на которомъ молча работала копировщица, такъ же тихо и задумчиво стояла молодая, восхитительной красоты дѣвушка съ золотисто-красными волосами, рассыпавшимися около самой милой головки. Эта стройная дѣвушка скорѣ напоминала собою заблудившуюся къ людямъ ундину или ниску, чѣмъ живую женщину, способную считать франки и сантимы, или вести домашнюю свару. Нарядъ этой дѣвушки былъ простъ до послѣдней степени; видно было, что онъ нисколько не занималъ ее больше, чѣмъ нарядъ долженъ занимать человѣка: онъ былъ очень опрятенъ, и надъ нимъ нельзя было разсмѣяться.

— Насмотрѣлась? произнесъ порусски тихій женскій голосъ сзади ниски.

Молодая дѣвушка не шевельнулась и не отвѣтила ни слова.

— Я уже два раза обошла всѣ залы, а ты все сидишь; пойдемъ, Дора! позважь черезъ нѣсколько секундъ тотъ же голосъ.

Этотъ голосъ принадлежалъ молодой женщинѣ, тоже прекрасной, но составляющей рѣзкій контрастъ съ воздушной Дорой. Это была женщина земная: высокая, стройная, съ роскошными круглыми формами, съ большими черными глазами, умно и страстно смотрящими сквозь густыя рѣсницы, и до синевы черными волосами, изящно отгнѣявшими высокій мраморный лобъ и блѣдное лицо, которое могло много разсказать о борьбѣ воли съ страстями и страданіями.

Дѣвушка привстала съ приножка высокаго табурета художницы, поблагодарила ее за позволеніе посидѣть и сказала:

— Да, я опять расфантазировалась.

— И что тебѣ такъ нравится въ этой картинѣ? спросила брюнетка.

— Вотъ поди же! Миѣ, знаешь, съ нѣкотораго времени кажется, что эта картина имѣетъ не одинъ прямой смыслъ: старость и молодость хоронять свои любимыя радости. Смотри, какъ грустна и тяжела безрадостная старость, но въ безрадостной молодости есть что-то ужасное, что-то... проклятое просто. Всмотрись, пожалуйста, Аня, въ эту падающую голову.

— Ты вездѣ увидишь то, чего нѣтъ и чего никто не видитъ, отвѣчала брюнетка, съ самой доброй улыбкой.

— Да, чего никто не хочет видеть, это, может быть; но не то, чего вовсе нѣтъ. Хочешь, я спрошу вотъ этого шута, что его занимаетъ въ этой картинѣ? онъ тутъ еще прежде меня прилипъ.

Та, которая называлась Анею, покачала съ упрекомъ головою и произнесла: тсс!

— Сдѣлай милость, успокойся, не забывай, что онъ ничего этого не понимаетъ.

Дамы вышли нагѣво; молчаливый господинъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, весело улыбнулся и тоже вышелъ. Они еще разъ встрѣтились внизу, получая свои зонтики, взглянули другъ на друга и разошлись.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой встрѣчи, извѣстный намъ человекъ стоялъ, съ маленькою карточкой въ рукахъ, у дверей omnibusнаго бюро, близъ св. Магдалины. На дворѣ былъ дождь и рѣзкій зимній вѣтеръ—самая неприятная погода въ Парижѣ. Изъ-за угла Магдалины показался высокій желтый omnibusъ, на имперіалѣ котораго не было ни одного свободнаго мѣста.

— Начинается нумеръ седьмой! крикнулъ кондукторъ.

Нашъ луврскій знакомый подалъ свою карточку, вспрыгнувъ въ карету и полный экипажъ тронулся снова, оставивъ всѣ дальнѣйшіе нумера дрогнуть на тротуарѣ, или грѣться около раскаленныхъ, желѣзныхъ печейъ безпріютнаго бюро.

Въ каретѣ, vis-à-vis противъ новаго пассажира, сидѣли двѣ дамы, изъ которыхъ одна была закрыта густымъ, чернымъ вуалемъ, а въ другой онъ тотчасъ же узналъ луврскую ундину; только она теперь казалась раздраженной и даже сердитой. Она двигала бровями, кусала свои губы и упорно смотрѣла въ заднее окно, гдѣ на сѣромъ дождевомъ фонѣ мелькала козлиная фигурка кондуктора въ синемъ кэпи и безобразныхъ вязаныхъ наругавникахъ, пзобрѣтеніе которыхъ, къ стыду великой германской націи, приписывается добродѣтельнымъ нѣмкамъ. Дама, закрытая вуалемъ, плакала. Хотя густой вуаль и не позволялъ видѣть ни ея глазъ, ни ея лица, а сама она старалась скрыть свои слезы, но ихъ предательски выдавало судорожное вздрагиванье неповиновавшихся ея волѣ плечъ. При каждомъ такомъ, впрочемъ, едва примѣтномъ движеніи, Дора еще пуше двигала брови и сердитѣе смотрѣла на стоящую въ воздухѣ моврадь.

— Это, наконецъ, глупо, сестра! сказала она, не вытеривъ, когда дама, закрытая вуалемъ, не удержалась и неосторожно вскрикнула.

Та молча прошепала подъ вуаль мокрый отъ слезъ платокъ и видимо хотѣла заставить себя успокоиться.

— Неужто и послѣ этихъ неслыханныхъ оскорбленій, въ тебѣ еще живетъ какая-нибудь глупая любовь къ этому негодяю! сердито проговорила Дора.

— Оставь, пожалуйста, тихо отвѣчала дама въ вуаль.

— Нѣтъ, тебя надо ругать: ты только тогда и образумливаешься, когда тебя хорошенько выбранишь.

— Извините, пожалуйста, отнесся къ ундинѣ пассажиръ, сѣвшій у Магдалины: — я считаю нужнымъ сказать, что я знаю порусски.

Дама, закрытая вуалемъ, сдѣлала едва замѣтное движеніе головою, а Дора сначала вспыхнула до самыхъ ушей, но черезъ минуту улыбнулась и, отворотясь, стала глядѣть изъ-за плеча сестры на улицу. По легкому, едва замѣтному движенію щеки можно было догадаться, что она смѣется.

Совершенно опустѣвшій омнибусъ остановился у Одеона. Пассажиръ отъ св. Магдалины посмотрѣлъ вслѣдъ Дорѣ съ ея сестрою. Онѣ вышли въ ворота люксембургскаго сада. Пассажиръ всталъ послѣдній, и выходя поднялъ распечатанное письмо съ московскимъ почтовымъ штепелемъ. Письмо было адресовано въ Парижъ, госпожѣ Прохоровой, *poste restante*. Онъ взявъ это письмо и бѣгомъ бросился по прямой алеѣ люксембургскаго сада.

— Не обронили ли вы чего нибудь? спросилъ онъ, догнавъ Дору и ея сестру.

Послѣдняя быстро опустила руку въ карманъ и сказала:

— Боже мой! чтѣ я сдѣлала? Я потеряла письмо и мой вексель.

— Вотъ ваше письмо, и посмотрите, можетъ быть, здѣсь же и вашъ вексель, отвѣчалъ господинъ, подавая поднятый конвертъ.

Вексель дѣйствительно оказался въ конвертѣ, и господинъ, доставившій дамамъ эту находку, уже хотѣлъ спокойно откланяться, какъ та, которая напоминала собою ундину или нянсу, застѣнчиво спросила его:

— Скажите, пожалуйста, вы русскій?

— Я русскій-съ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Скажите, пожалуйста, какая досада!

— Что я русскій?

— Именно. Я этого никакъ не ожидала, и вы меня, пожалуйста, прстите, проговорила она серьезно, и протянула ручку. — Сама судьба хотѣла, чтобъ я просила у васъ извиненія за мою вѣтренность, и я его прошу у васъ.

— Извините, я не знаю, чѣмъ вы меня оскорбили.

— Недѣли двѣ назадъ, въ Луврѣ... Помните теперь?

— Назвали меня что-то шутомъ, или дуракомъ, кажется?

— Да, что-то въ этомъ вкусѣ, отвѣчала, краснѣя, смѣясь и трясъ его руку удина.—Позволяю вамъ за это десять разъ назвать меня дурой и шуткой. Меня зовутъ Дарья Михайловна Прохорова, а это—моя старшая сестра Анна Михайловна, тоже Прохорова: обѣ принадлежимъ къ одному гербу и роду.

— Мое имя—Несторъ Долинскій, отвѣчалъ незнакомый господинъ, влкаясь и приподнимая шляпу.

— А какъ васъ по батюшкѣ?

— Несторъ Игнатьевичъ, пояснилъ Долинскій.

— Отлично! вы, Несторъ Игнатьевичъ, веселитесь или скучаете?

— Скорѣе скучаю.

— Безподобно! мы живемъ два шага отъ сада, вотъ сейчасъ нумеръ десятый, и у насъ есть свой самоваръ. Пожалуйста, докажете, что вы не сердитесь и приходите къ намъ пить чай.

— Очень радъ, отвѣчалъ Долинскій.

— Пожалуйста приходите, упрашивала дѣвушка.—Кромѣ гадкихъ французовъ, ровно никого не увидишь — просто несносно.

— Пожалуйста, заходите, попросила для порядка Анна Михайловна.

— Непремѣнно зайду, отвѣчалъ Долинскій, и повернулъ назадъ къ латинскому кварталу.

II.

Небольшая исторія, случившаяся до начала этого романа.

У каждаго изъ трехъ лицъ, съ которыми мы встрѣчаемся на первыхъ страницахъ этого романа, есть своя небольшая исторія, которую читателю не мѣшаетъ знать. Начнемъ съ исторіи нашихъ двухъ дамъ.

Анна Михайловна и Доружка, какъ мы уже знаемъ изъ собственныхъ словъ послѣдней, принадлежали къ одному гербу: первая была дочерью кучера княгини Сурской, а вторая, родившаяся пять лѣтъ спустя послѣ смерти отца своей сестры, могла считать себя безошибочно только дитемъ своей матери. Княгиня

Ирина Васильевна Сурская, о которой необходимо вспоминать, рассказывая эту исторію, была барыня стараго покроя. Доводилась она какъ-то съ родни князю Потемкину-Таврическому; куртизанка въ свое время на стоящихъ выше всякаго описанія его вельможескихъ перахъ; имѣла какой-то романъ, изъ рода романовъ, отличавшихъ тогдашнюю распудренную эпоху сѣверной Пальмиры, и наконецъ, вышла замужъ за князя Агея Лукича Сурскаго, человѣка стараго, небезобразнаго, но страшнаго съ вида, и еще болѣе страшнаго по характеру. До своей женитьбы на княжѣ Иривѣ Васильевнѣ, князь Сурскій былъ вдовъ, имѣлъ двѣнадцатилѣтнюю дочь отъ перваго брака, и самому ему было уже лѣтъ подь шестьдесятъ; когда онъ рѣшился осчастливить свою рукою двадцати-трехлѣтнюю Ирину Васильевну, и посватался за нее, черезъ свѣтлѣйшаго покорителя Тавриды. Впрочемъ, князь Сурскій былъ еще свѣжъ и бодръ; какъ истый аристократъ, онъ не позволялъ себѣ дрыхлѣть и разрушаться раньше времени, назначеннаго для его окончательной сломки; кафтаны его всегда были ловко подвачены, волосы выкрашены, лицо реставрировано всѣми извѣстными въ то время косметическими средствами. Но, разумѣется, не этотъ достатокъ силъ и жизни продиктовалъ крѣпкому старику мысль жениться на двадцати-двулѣтней княжѣ Иривѣ Васильевнѣ. Княжна не обѣщала много интереса для его чувственной любознательности, и князь вовсе не желалъ быть Раулемъ-Синей бородой. Дѣло было гораздо проще. Князь былъ богатъ, знатенъ и честолюбивъ; ему хотѣлось во что бы то ни стало породниться съ Таврическимъ, и княжна Ирина Васильевна была избрана средствомъ для достиженія этой цѣли. Совершилась пышная сватба, къ которой Ирину Васильевну, какъ просвѣщенную дѣвицу, не нужно было нимало ни склонять, ни приволивать; стала княжна Ирина Васильевна называться княгинею Сурскою, а князь Сурскій немножко еще выше приподнял свое бѣло-мраморное чело, и отращивалъ розовые ногти на своихъ длинныхъ, тонкихъ пальцахъ. Но вдругъ коловратное время пережвнило козырь, и такъ перетасовало колоду, что князь Сурскій, несмотря на родство съ Таврическимъ, былъ несказанно радъ, попавъ при этой перетасовкѣ не далѣе своей степной деревни въ одной изъ низовыхъ губерній. Здѣсь, въ сторонѣ отъ всякаго шума, вдали отъ далекаго, упонительнаго свѣта, очутилась княгиня Ирина Васильевна съ перспективой здѣсь же протануть долгіе-долгіе годы. А въ двад-

цать-четыре года жизнь такъ хороша, и жить такъ хочется, даже и за старымъ мужемъ... можетъ быть, даже особенно за старымъ мужемъ.

Князь Сурскій въ деревнѣ явился совершенно другимъ человекомъ, чѣмъ былъ въ столицѣ. Его мягкія, великосвѣтскія манеры, отличавшія вельможъ екатериненскаго времени, въ степномъ селѣ уступили мѣсто неудержимой рѣзкости и порывистости. Широкіе и смѣлые замыслы и планы князя рухнули; рамки его съузились до мелкой придирчивости, до тиранин, отъ которой въ домѣ страдали всѣ, начиная отъ маленькаго поваренка на кухнѣ до самой молодой княгини, въ ея образной и опочивальнѣ. Князь мстил за свое униженіе людямъ, которые при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могли ничего поставить въ свою защиту. Молодая княгиня не находилась, какъ ей вести себя въ ея печальномъ положеніи, и какой методы держаться съ своимъ грознымъ и неприступнымъ мужемъ.

Черезъ полгода послѣ переѣзда ихъ въ деревню, княгиня Ирина Васильевна родила сына, котораго назвали, въ честь дѣда, Лукою. Рожденіе этого ребѣнка имѣло весьма благотворное, но самое непродолжительное вліяніе на крутой нравъ князя. На первыхъ порахъ онъ велѣлъ выкатить крестьянамъ нѣсколько бочекъ пѣнаго вина, пожаловалъ по рублю всѣмъ дворовымъ, барски одарилъ бѣдный сельскій причтъ за его услышанныя молитвы, а на колокольнѣ велѣлъ держать трехдневный звонъ. Робкій, залуганный и задавленный нуждою священникъ не смѣлъ послушаться княжатаго приказа, и съ приходской колокольни три дня сразу торжественнѣйшимъ звономъ возвѣщалось міру рожденіе юнаго княжича. Но не прошло со дня этого великаго событія какой-нибудь одной недѣли, какъ старикъ началъ опять раздражаться. Въ цѣлой губерніи онъ не находилъ человѣка, достойнаго быть воспріимникомъ его новорожденнаго сына, и наконецъ, рѣшилъ крестить самъ! При всемъ своемъ смиреніи передъ грознымъ вельможей, сельскій священникъ отказался исполнить эту княжескую прихоть. Князь бѣсновался-бѣсновался, наконецъ одинъ разъ, грозный и мрачный, какъ градовая туча, вышелъ изъ дома, взялъ за воротъ зипуна перваго попавшагося ему на встрѣчу мужика, молча привелъ его въ домъ, молча же поставилъ его въ купели рядомъ съ своей старшей дочерью и велѣлъ священнику крестить ребѣнка. Трепещущій священникъ совершилъ обрядъ.

— А теперъ, любезный кумъ, сказалъ князь, тотчасъ же послѣ

крещенія:—вотъ тебѣ за твой трудъ по моей кумовской и княжеской милости тысяча рублей; завтра ты получишь отпускную, а послѣ-завтра чтобъ тебя, пріятеля, и помину здѣсь не было, чтобъ духу твоего здѣсь не пахло!...

Оторопѣвшій мужикъ повалился князю въ ноги.

— Но помни, куманекъ, что если ты станешь жить такъ, что хоть какой-нибудь слухъ о тебѣ до меня дойдетъ, такъ я тебя, каналью... за ребро повѣшу!

Князь заскрипѣлъ зубами и сильно закачалъ за воротъ своего кума.

Мужикъ опять упалъ ему въ ноги и закричалъ:

— Милуйте— жалуйте! милуйте, ваше сіятельство!

Приказаніе княжеское было исполнено въ точности. Семья несчастнаго воспріемника новорожденнаго княжича, потихоньку голоса и горестно причитывая, черезъ день оплаканная родственниками и свойственниками, выѣхала изъ роднаго села на доморощенныхъ, косматыхъ лошаденкахъ и, гонимая страшнымъ призракомъ грознаго князя, потянулась отъ родныхъ степей заволжскихъ далеко-далеко къ цвѣтущей задѣпровской Украинѣ, къ этой обѣтованной землѣ великорусскаго крѣпостнаго, убѣгавшаго отъ своей горегорькой жизни.

Потѣшивъ свой обычай, князь сдѣлался еще свирѣбѣе. Дня не проходило, чтобъ удары палками, розгами, охотничьими арапниками или кучерскими вѣвьями не отсчитывались кому-нибудь сотнями, и случалось зачастую, что самъ князь, собственной особой, присутствовалъ при исполненіи этихъ жестокихъ истязаній и равнодушно чистилъ во время ихъ свои розовые ногти. Народъ трепеталъ, и безмолвно-могильными тѣнями скользилъ около княжескихъ хоромъ. Съ годами, жестокость князя все усиливалась. Въ имѣніи князя случилось, что одинъ вѣшался, другой— рѣзался, третій бросался съ высокой плотины въ мутную, вонючую воду тинистаго, мелкаго пруда. Имѣніе князя стало мѣстомъ всяческихъ ужасовъ; въ народѣ говорили, что всѣ эти утопленники и удушенники встаютъ по ночамъ и бродятъ по князьимъ палатамъ, стоная о своихъ душахъ, погибающихъ въ вѣчномъ огнѣ, уготованномъ самоубійцамъ. Золова арфа, устроенная вверху большой башни княжескаго дома, при малѣйшемъ вѣтеркѣ, наводила цѣпенящій ужасъ повсюду, куда достигали ея прихотливые звуки. Люди слышали въ этихъ причудливыхъ звукахъ стонъ покойниковъ, падали на колѣна, трясаь

всѣмъ тѣломъ, молились за души умершихъ, молились за свои души, если Богъ не испошлетъ желѣзнаго терпѣнья тѣлу, и ждали своей послѣдней минуты. Князь не измѣнялся. Онъ жилъ одинъ, какъ владѣка Морвенн, никого не принималъ, и продолжалъ свирѣпствовать. Книгиня совершенно потерялась. Она ничего не умѣла предпринять: старалась только какъ можно рѣже оставлять свою комнату, начала много молиться, и вся отдалась сну.

Какая-то простодушная Коробочка того времени, наслушавшись столь много лестнаго объ умнѣнїи князя управляться съ людьми, приползла къ нему на подводнижѣ, просить вступить за нее, вдову беззащитную, поучить и ея людшекъ дисциплинѣ и уму-разуму. «Федька Лапотокъ вчѣромъ со мной прїѣхалъ, жаловалась Коробочка:—прикажи, государь-князь, хоть его поучить для острастки! Пусть прїѣдетъ и разскажетъ, какой страхъ дается глупому народу», молилась добравшаяся предъ княжьи очи помѣщица.

Вмѣсто того, чтобы оскорбиться, что его считаютъ образцовымъ сѣкуномъ, одичавшій князь выслушалъ Коробочку, только слегка шевеля бровями, и велѣлъ ей ѣхать съ своимъ Федькою Лапоткомъ къ конюшнѣ. Больно высѣли Лапотка, подняли отрезвоненнаго и посадили въ уголокъ у двери. «А ну-ка ее теперь», спокойно буркнулъ князь, и прежде чѣмъ Коробочка успѣла что нибудь понять и сообразить, ее разложили и пошли отзванивать въ глазахъ князя и всего его холопства.

Знали коробочкины людишки, что страшень, для всѣхъ страшенъ домъ княжескій! Дерзость и своевластіе князя забыли всякій предѣлъ. Князь разгнѣвался на вывезенную имъ изъ Парижя гувернантку своей дочери, и въ припадкѣ бѣшенства, бросилъ въ нее за столомъ тарелкой. Француженка вскипѣла: «я не крестьянка ваша; вы не смѣете»... сказала ему она. Князь, давно отвыкшій отъ всякаго возраженія, побагровѣлъ: «Не смѣю! я не смѣю!...» проговорилъ онъ, свиснулъ своихъ челядинцевъ, и, безъ всякаго стѣсненія, велѣлъ несчастную дѣвушку высѣчь. Гувернантка схватила со стола ножъ, и поднала его къ своему горлу; вѣрные слуги схватили ее сзади за руки. Сопротивляться приказаніямъ князя никто не смѣлъ, да никто и не думалъ.

Упавшую въ обморокъ гувернантку вырвали изъ рукъ молодой княжны, высѣли ее въ присутствїи самого князя, а потомъ спеленали, какъ ребѣнка, въ простыню, и отнесли въ ея комнату.

Здѣсь держали ее спеленатою, поза зажили рубцы отъ розогъ и, какъ ребѣнка же, кормили рожкомъ и соской, а наконецъ, когда слѣдствъ наказанія не было болѣе замѣтно, ее со всѣми ея пожитками отвезли на крестьянской подводѣ въ ближайшій городъ. Француженка обратилась къ кому-то съ жалобой, но ей посовѣтовали прекратить дѣло, такъ-какъ въ данномъ случаѣ, свои люди не могли быть свидѣтелями противъ князя. Могучій Орсадь не повелъ ни усомъ, ни ухомъ: равнодушный, какъ волтеріанецъ къ суду божескому, онъ знать не хотѣлъ ни о какомъ судѣ чловѣческомъ. По примѣру наказанной француженки, онъ вздумалъ высѣчь своего управителя, какого-то америванскаго янки, и это было причиною собственной гибели князя. Янки не дался. Ко всеобщему ужасу, онъ смѣло открылъ окно своего флигеля, окруженнаго княжескими людьми, краснорѣчиво выставилъ передъ собою два заряженныхъ пистолета, пробѣжалъ никѣмъ нетронутый черезъ оторопѣвшую толпу ликторовъ, и вскочивъ на стоявшую у коновязи осѣдланную лошадь земскаго, понесся на ней во всю мочь къ городу. Посланная погоня, угрожаемая убѣдительными поворотами пистолетовъ бѣглеца, рѣшилась оставить опасную погоню, и вернулась съ пустыми руками.

Князь задыхался отъ ярости. Передъ крыльцомъ и на конюшнѣ, наказывали гонцовъ и другихъ людей, виновныхъ въ упускѣ изъ рукъ дерзкаго янки, а князь, какъ дивій звѣрь, съ пѣною у рта и красными глазами, метался по своему кабинету. Онъ рвалъ на себѣ волосы, швырялъ и ломалъ вещи, ругался страшными словами.

Стоны, доносившіеся черезъ окно до его слуха, только разжигали его бѣшенство.

Среди такого ужаса, княгиня не выдержала, и вошла къ мужу.

— Князь! позвала она тихо, остановившись у порога. Близъ княгини, тутъ же на порогѣ, стоялъ отворившій ей дверь, весь блѣдный отъ страха, любимый доѣзжачій князя, восемнадцатилѣтній мальчикъ Михайлушка, котораго мѣстная хроника шопотомъ называла хотя незаконнымъ, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнно роднымъ сыномъ князя.

— А! чтѣ! Кто васъ звалъ? Кто васъ пустилъ сюда? закричалъ трясаясь и тоная старикъ.

— Я сама пришла, князь; я ваша жена, кто же меня смѣетъ не пустить къ вамъ?

— Вонъ! сейчасъ вонъ отсюда! бѣшено заоралъ безумный князь, и забарабанилъ кулаками.

— Князь! вы опомнитесь — Сибирь...

Княгиня не успѣла договорить своей тихой рѣчи, какъ тяжелая малахитовая щетка взвилась со стола, у котораго стоялъ князь, и молодой Михайлушка, зорко слѣдичшій за движеніями своего грознаго владыки, тяжело грохнулся къ ногамъ княгини, защитивъ ее собственнымъ тѣломъ отъ направленнаго въ ее голову смертельнаго удара.

Князь закачался на ногахъ, и повалился на полъ. Бѣшеннымъ звѣремъ покотился онъ по мягкому ковру; изъ его опѣренныхъ и посинѣвшихъ губъ выстало какое-то звѣрское рычаніе; всѣ мускулы на его багровомъ лицѣ тряслись и подергивались; красные глаза выступали изъ своихъ орбитъ, а зубы судорожно схватывали и теребили ковровую покрывку. Все, что отличаетъ человека отъ кровожаднаго звѣря, было чуждо въ эту минуту бѣснующемуся князю; самая слюна его вѣроятно имѣла всѣ ядовитыя свойства слюны разъяреннаго до бѣшенства звѣря.

Княгиня спросила черезъ порогъ воды, и подошла съ стаканомъ къ мужу.

«Рррбуу» рычалъ князь, закусивъ коверъ, и глядя на жену столбѣющими глазами; лицо его изъ багроваго цвѣта стало переходить въ синій, потомъ блѣдно-синій; пѣнистая слюна остановилась и рычаніе стихло. Смертельный апоплексическій ударъ разомъ положилъ конецъ ударамъ арапниковъ, свиставшихъ по приказанію скоропостижно-умершаго князя.

Бѣжавшій княжескій управитель умѣлъ заставить проснуться тяжелыя на подъемъ губернскаго власти; но судъ божескій освободилъ судъ людской отъ обязанности карать преступленіе опальнаго вельможи. Спѣшно-прибывшая изъ города комисія застала князя на столѣ, и откушала на его погребеніи.

Ни въ чемъ неповинная княгиня Ирина Васильевна осталась въ имѣніи, которое должны были наследовать ея сынъ и падчерица. Она не выѣзжала въ управленіе приставленнаго опекуна, цѣлмй рядъ лѣтъ никуда не выѣзжала, молилась, старилась, начинала чудить, и годъ отъ года все становилась страннѣе и страннѣе. Михайлушку, котораго молодая, хотя и весьма нѣжная натура вынесла жестокаго удара, назначавшійся княгинѣ, она считала своимъ спасителемъ, и пристрастилась къ нему всею душою. Михайлушка на всю жизнь остался немножко глухимъ, и

эта глухота постоянно не позволяла княгинѣ забывать объ оказанной ей этимъ человѣкомъ услугъ. Михайлушка сдѣлался избраннѣйшимъ любимцемъ и factotum старѣющей въ одиночествѣ княгини. Единственнымъ ея развлеченіемъ зимою и лѣтомъ, было катанье по гладкой и ровной степи, но, во множеству развивавшихся въ ней странностей, она питала неборимую боязнь къ лошадямъ, и могла ѣздить только съ Михайлушкой. Поэтому, Михайлушка главнымъ образомъ состоялъ выѣзднымъ кучеромъ при ея особѣ. Съ нимъ княгиня ѣздила сподойно, съ нимъ она отправляла на своихъ лошадяхъ въ Москву въ гимназію подросткаго князя Луку Агенча, съ нимъ наконецъ отправила въ Петербургъ къ мужниной сестрѣ подростшу падчерицу, и вообще была твердо увѣрена, что гдѣ только есть ея Михайлушка, оттуда далеки всѣ опасности и невзгоды. Грязные языки, развязавшіеся послѣ смерти страшнаго князя и незнакоміе исторіи малахитовой щетки, сочиняли на счетъ привязанности княгини къ Михайлушкѣ разныя небывалыя вещи, и не хотѣли просто понять ея слѣпой привязанности къ этому человѣку, спасшему нѣкогда ея жизнь и нынѣ платившему ей за ея довѣріе самую страстную, рабской преданностью.

Когда Михайлушкѣ минуло двадцать-шесть лѣтъ, княгиня вздумала женить своего фаворита, и не откладывая этого дѣла въ дальній ящикъ, обвинчала его съ писаной красавицей, сѣнной дѣвушкой Феней. Пять лѣтъ у молодого супружества не было дѣтей, а потомъ явилась дочь Аннушка, и вслѣдъ затѣмъ, Михайлушка умеръ отъ простуды, поручивъ свою дочь и жену работамъ и милостямъ совершенно состарѣвшейся княгини. Княгиня старалась какъ можно добросовѣстнѣе выполнить предсмертную просьбу своего любимца. Вдова его получала удобную квартиру и полное содержаніе, а маленькая Аня со второго же года была совсѣмъ взята въ барскій домъ, и не только жила съ княгинею, но даже и спала съ нею въ одной комнатѣ. Въ это время, молодой князь Лука Агенчъ счастливо женился, получилъ мѣсто по дипломатическому корпусу, и собирался за-границу. Онъ прѣхалъ къ матери съ женою и трехлѣтнимъ сыномъ Кирилломъ. Одинокая старушка еще болѣе сиротѣла, отпуская сына въ чужіе края; внизу тоже было жалко покинуть мать, и онъ уговорилъ ее ѣхать вмѣстѣ въ Парижъ. Княгинѣ жалко было и деревни, но все-таки она не захотѣла разстаться съ сыномъ, и все семейство тронулось за-границу. Аня княгиня, къ крайнему при-

скорбю ея матери, тоже увезла съ собою. Черезъ два года, княгиню посѣтило новое горе: ея сынъ съ невѣсткою умерли другъ за другомъ въ теченіе одной недѣли, и осиротѣлая, древняя старушка снова осталась и воспитательницею и главною опекуншею малолѣтнаго внука.

Княгиня Ирина Васильевна въ это время уже была очень стара; лѣта и горе брали свое, и воспитаніе внука ей было вовсе не по силамъ. Однако, дѣлать было нечего. Точно такъ же, какъ она нѣвогда неподвижно осѣлась въ деревнѣ, теперь она засѣла въ Парижѣ, и вовсе не помышляла о возвращеніи въ Россію. Одна мысль о какихъ бы то ни было сборахъ заставляла ее трестись и пугаться. «Пусть доживу мой вѣкъ, какъ живется» говорила она, и страшно нелюбила людей, которые напоминали ей о какихъ бы то ни было перемѣнахъ въ ея жизни.

Внука она отдала въ одинъ изъ лучшихъ парижскихъ пансіоновъ, а къ Аиѣ пригласила учителей, и жила въ полной увѣренности, что она воспитываетъ дѣтей какъ нельзя лучше.

Дѣти росли, княгиня старѣлась, и стала быстро подаваться къ гробу.

Восемнадцатилѣтній князь Кирила Луничъ смотрѣлъ молодцомъ, хотя и французомъ, Аня разцвѣла пышною розой.

Кромѣ того, чему Аню учили французскіе учителя и дьячокъ русской посольской церкви, она немало сдѣлала для себя и сама. Старая княгиня не могла имѣть сильнаго вліянія на всестороннее развитіе дѣвушки. Она учила ее вѣрить въ верховную опеку промисла; старалась передать ей небольшой запасъ сухихъ правилъ, замѣнявшихъ для нея самой весь нравственный кодексъ; любовалась красотою ея лица, очаровательною граціею стана, изяществомъ манеръ, и болѣе ничего. Анна Михайловна сама додумалась, что положеніе ея въ домѣ княгини фальшивое, что ей нужно самой обставить себя совѣмъ иначе, и что на заботы княгини во всемъ полагаться нельзя. Анна Михайловна была существо самое вроткое, нѣжное сердцемъ, честное до болѣзненности, и безпредѣльно-довѣрчивое. Начитавшись романтическихъ писателей французской романтической школы, она сама очень порядочно страдала романтизмомъ, но при всемъ томъ, она, однако, понимала свое положеніе, и хотѣла смотрѣть въ свое будущее не сквозь розовую призму. О семьѣ своей Анна Михайловна знала очень мало. Съ тѣхъ поръ, какъ ее маленькимъ дитемъ вывезли за-границу, разъ въ годъ, когда княгиня получала

изъ иждѣнія бумаги, прочитывая управительскіе отчеты, она обыкновенно говорила: «твоя мать, Аня, здорова», и тѣмъ ограничивались свѣдѣнія Ани о ея матери.

Когда дѣвочкѣ было шесть лѣтъ, княгиня, читая вновь-полученный ею отчетъ, сказала: «твоя мать, Аня, здорова, и...» и на этомъ и княгиня поперхнулась.

— И у тебя, Аня, родилась сестрица, добавила она черезъ нѣсколько времени съ досадою, и вмѣстѣ съ такимъ удивленіемъ, какъ будто хотѣла сказать: что это еще за моду такую глупую выдумали! А Аня была необыкновенно какъ рада, что у нея есть сестрица.

— Маленькая? спрашивала она у княгини.

— Очень, мой другъ, маленькая, и зовуть ее Доружкой, отвѣчала княгиня.

Аня такъ и запрыгала отъ этой радостной вѣсти.

— Ахъ, какая это должна быть прелесть — эта Доружка! размышляла дѣвочка цѣлый день, до вечера.

Ночью сквозь сонъ ей слышалось, что княгиня какъ будто дурно говорила о ея матери съ своею старой горничной; будто упрекала ее въ чемъ-то противъ Михайленьки, сердилась и обѣщала немедленно велѣть расчитать молодого, бѣлокурого швейцарца Траппа, управлявшаго въ селѣ заведенною княземъ ковровою фабрикой. Аня рѣшительно не понимала, чѣмъ ея мать оскорбила покойнаго Михайлушку, и зачѣмъ тутъ при этой смѣтѣ приходился бѣлокурый швейцарецъ Траппъ: она только радовалась, что у нея есть очень маленькая сестрица, которую вѣрно можно купать, пеленать, нянчить и производить надъ ней другія подобныя интересныя операціи. Черезъ годъ еще, княгиня сказала: «ты, Аня, будь умница — не плачь: твоя мать, мой дружечекъ, умерла.»

— Умерла! закричала Аня.

— Давно, мой другъ, не плачь, не теперь, она давно ужъ умерла.

Аня все-таки горько плакала.

— А сестрица моя? спрашивала она княгиню.

— Я велю, дружочекъ, твою сестрицу прибрать; велю, чтобы ей хорошо было, успокоивала княгиня.

Аня утѣшалась, что ея маленькой сестрицѣ будетъ хорошо.

А между тѣмъ, время работало свою работу. Маленькая сестрица Ани, взятая изъ состраданія очень доброю и просвѣщен-

ною женою новаго управителя, подросла, выучилась писать, и прислала сестрѣ очень милое дѣтское письмо.

Между сестрами завязалась живая переписка: Аня заочно при-страдалась къ Дорушкѣ; та ей взаимно, изъ своей степной глуши, платила самой горячей любовью. Преобладающимъ стремленіемъ дѣвочекъ стало страстное желаніе увидаться другъ съ другомъ. Книгиня и слышать не хотѣла о томъ, чтобы отпустить шеснадцатилѣтнюю Аню изъ Парижа, въ какую-то глухую степную деревню. «Послѣ моей смерти ступай куда хочешь, а при мнѣ не дѣлай глупостей», говорила она Аннѣ Михайловнѣ, не замѣчая, что та въ ея-то именно присутствіи и дѣлаетъ самую высшую глупость изъ всѣхъ глупостей, которыя она могла бы сдѣлать.

Анна Михайловна, невидавшая ни одного мужчины, кромѣ своихъ учителей и двухъ или трехъ старыхъ роялистскихъ генераловъ, изрѣдка навѣщавшихъ книгиню, со всею теплотою и дѣтскою довѣрчивостію своей природы привязывалась къ князю Кирилѣ Лукичу. Князь Кирилъ, выросшій во французской школѣ и пропитанный французскими понятіями о чести вообще и о честности по отношенію къ женщинѣ въ особенности, называлъ Аню своей хорошенькой кузиной, и былъ къ ней добръ и предупредителенъ. Аннѣ всегда очень нравилось вниманіе князя; ей съ нимъ было веселѣе и какъ-то лучше, пріятнѣе, чѣмъ съ старушкой-книгиней и ея французскими, роялистскими генералами, или съ дьячкомъ русской посольской церкви. Молодые люди вмѣстѣ гуляли, катались, ѣздили за городъ; книгиня все это находила весьма приличнымъ и естественнымъ, но ей показалось совершенно неестественнымъ, когда Аня, сидя одинъ разъ за чаемъ, вдругъ тихо вскрикнула, поблѣднѣла, и откинулась на спинку кресла.

Анна Михайловна не умѣла скрыть отъ книгини своей беременности. Книгиня, впрочемъ, ни въ чемъ не упрекала Анну Михайловну, и только страшно сердилась на своего внука. Родилось дитя, его свезли и отдали на воспитаніе въ небольшую деревеньку около Версаля. Прошло два мѣсяца; Анна Михайловна оправилась, а книгиня заболѣла и умерла. Кончаясь, она вручила Аннѣ Михайловнѣ давно-приготовленную вольную, для нея и Доры, банковный билетъ въ десять тысячъ рублей ассигнаціями, и долговое обязательство въ такую же сумму, подписанное еще покойнымъ княземъ Лукою и исполнѣ обязательное для его наследника.

Поведеніе князя Кирила, по отношенію къ Аннѣ Михайловнѣ, было весьма неодобрительно, какъ французы говорятъ: *онъ поступилъ какъ мужчина*. Аня теперь ясно видѣла, что князь никогда не любилъ ее, и что она была ни больше ни меньше, какъ одна изъ тысячи жертвъ, преслѣдованіе которыхъ составляетъ пріятную задачу праздною и пустою жизнью князя. Анна Михайловна была обижена очень сильно, но ни въ чемъ не упрекала князя, и не мѣшала ему избѣгать съ нею встрѣчь, которыми онъ еще такъ недавно очень дорожилъ, и которыхъ такъ горячо всегда добивался. Она не ненавидѣла князя. Въ ея нѣжной душѣ оставалось къ нему то теплое, любовное чувство, которое иногда навсегда остается въ сердцахъ многихъ хорошихъ женщинъ къ нѣкогда любимымъ людямъ, которымъ онѣ обязаны всѣми своими несчастіями.

Анна Михайловна просила князя только навѣдываться повременамъ о ребѣнкѣ, пока его можно будетъ перевезть въ Россію, и тотчасъ послѣ похоронъ старой внагини уѣхала въ давно оставленное отечество.

Тутъ же она взяла изъ деревни Дорушку, увезла ее въ Петербургъ, открыла очень хорошенькій модный магазинъ и стала работать.

Личныя впечатлѣнія, произведенныя сестрами другъ на друга, были самыя выгодныя. Дорушка не была такъ образована, какъ Анна Михайловна; она даже съ великимъ трудомъ объяснялась пофранцузски, но была очень бойка, умна, искренна и необыкновенно понятлива. Благодаря внимательности и благоразумію бездѣтной и очень прямо смотрѣвшей на жизнь жены управителя, у которой выросла Дора, она была развита не по лѣтамъ, и Анна Михайловна нашла въ своей маленькой сестрицѣ друга, уже способнаго понять всякую мысль и отозваться на каждое чувство.

Въ это время Аннѣ Михайловнѣ шелъ двадцатый, а Дорушкѣ пятнадцатый годъ. Труды и заботы Анны Михайловны вѣнчались полнымъ успѣхомъ: магазинъ ея прибрѣталъ день ото дня лучшую репутацію, здоровье служило какъ нельзя лучше; Амуръ щадилъ ихъ сердца и не шевелилъ своими мучительными стрѣлами: нечего желать было больше.

Такъ прошло три года.

Въ эти три года Анна Михайловна не могла добиться отъ князя трехъ словъ о своемъ ребѣнкѣ, существованіе котораго не

было секретомъ для ея сестры, и рѣшилась ѣхать съ Дорушкой въ Парижъ, гдѣ мы ихъ и встрѣчаемъ.

Онѣ здѣсь пробыли уже около мѣсяца прежде, чѣмъ столнулись въ Луврѣ съ Долинскимъ. Анна Михайловна во все это время никакъ не могла добиться аудіенціи у своего князя. Его то не было дома, то онъ не могъ принять ее. Къ Аннѣ Михайловнѣ онъ обѣщалъ заѣхать и не заѣзжалъ.

— Очень милый господинъ! Въжливъ какъ сапожникъ, говорила Дорушка, непомярно раздражалась на князя, котораго Анна Михайловна всякій день съ тревогою и нетерпѣніемъ дожидала съ утра до ночи, и все-таки старалась его оправдывать.

Наконецъ и Анна Михайловна не выдержала. Она написала князю самое убѣдительное письмо, послѣ котораго тотъ назначилъ ей свиданіе у Вашета.

Анну Михайловну очень удивляло, почему князь не могъ принять ее у себя и назначаетъ ей свиданіе въ ресторанахъ, но отъ него это была уже не первая обида, которую ей приходилось прятать въ карманъ. Анна Михайловна въ назначенное время отправилась съ Дорою къ Вашету. Дорушка спросила себѣ чашку бульону, и осталась внизу, а Анна Михайловна показала карточку, переданную ей лакеемъ князя.

Ее проводили въ небольшую, очень хорошо меблированную комнату въ бель-этажѣ.

Анна Михайловна опустилась на диванъ, на которомъ года четыре назадъ сидѣла веселая и довѣрчивая съ этимъ же княземъ, и вспомнилось ей многое, и стало ей и горько и смѣшно.

«Каково-то будетъ это свиданіе? подумала она съ грустной улыбкой.

«Поговоримъ о дѣлѣ, о нашихъ ребѣнкахъ, и пожелаемъ другъ другу счастливо оставаться.»

Въ дверь кто-то слегка постучался.

«Это его стукъ», подумала Анна Михайловна, и отвѣчала «войдите».

Вошелъ расфранченный господинъ, совершенно незнакомый Аннѣ Михайловнѣ.

— Вы госпожа Прохорова? спросилъ онъ ее чистѣйшимъ парижскимъ языкомъ.

— Я, отвѣчала она.

— Вамъ угодно было видѣть князя Сурсаго?

— Да, мнѣ нужно видѣть князя Сурсаго.

Т. CLXII. — Отд. I.

— Онъ не можетъ лично видѣться съ вами сегодня.

Анна Михайловна смѣшалась.

— Однако, надѣюсь, онъ пригласилъ меня сюда!

— Да, это онъ, который васъ пригласилъ сюда, но ручаюсь вамъ, шадате, онъ здѣсь не будетъ. Вы вѣрно знаете — князь помолвленъ.

— Помолвленъ! нѣтъ, я этого не знала и не намѣрена искать чести узнавать его невѣсты, говорила торопясь и мѣшаясь Анна Михайловна.— Скажите мнѣ только одно: гдѣ и когда наконецъ я могу его видѣть на нѣсколько минутъ?

— Говоря по истинѣ, я полагаю, *никогда*, отвѣчалъ вскидывая голову французъ.— Князь много дѣлъ такихъ повончилъ чрезъ меня, и теперь уполномочилъ меня переговорить и кончить съ вами. Я его камердинеръ—въ вашнмъ услугамъ.

Французъ развязно поклонился.

— Я вамъ не вѣрю, отвѣчала вся вспыхнувъ Анна Михайловна.

Камердинеръ развернулъ свою записную книжечку и показалъ листокъ, на которомъ рукою князя было написано: «я уполномочилъ моего камердинера, господина Рено, войти съ госпожею Прохоровою въ переговоры, которыхъ она желаетъ».

— Гдѣ мой ребѣнокъ? рѣзко спросила, роняя изъ рукъ записную книгу, Анна Михайловна.

— Умеръ, больше двухъ лѣтъ назадъ, отвѣчалъ спокойно господня Рено.

— Такъ вы скажите вашему князю, что я только это и хотѣла знать, твердо провзнесла Анна Михайловна и вышла изъ комнаты.

— Какая неслыханная дерзость! вослѣпенула Дора, когда сестра дрожа и даваясь слезами рассказала ей о своемъ свиданіи.

— Онъ пустой и ничтожный человѣкъ, отвѣчала краснѣя Анна Михайловна и заплакала.

— О чемъ же, о чемъ это ты плачешь?... Тебя, честную женщину, выписываютъ въ кабаки, въ трактиры какой-то, довѣряютъ твои тайны какимъ-то французикамъ, лакеямъ, а ты плачешь! Развѣ въ такихъ случаяхъ можно плавать? Такой мерзавецъ можетъ вызывать только одно пренебреженіе, а не слезы.

— Не могу пренебрегать равнодушно.

— Ну, мсти!

— Я не умѣю мстить и не хочу. Я гадаю сама себѣ, а онъ мнѣ просто жалокъ.

— Жалокъ!... Да, очень жалокъ... Я бы съ жалости ему разгнзала горло и плюнула бъ въ глаза его лакею.

— Дора, оставь меня лучше въ покоѣ!

Дорушка пожала плечами и они поѣхали въ томъ omnibusъ, въ которомъ встрѣтились у св. Магдалины съ Долинскимъ, когда встревоженная Анна Михайловна обронила присланный ей изъ Москвы денежный вексель.

III.

Исторія въ другомъ родѣ.

Дѣдъ Долинскаго, полуполякъ, полумалороссіянинъ, былъ кievскимъ магистратскимъ войтомъ незадолго до потери этимъ городомъ привилегій, которыми онъ пользовался по магдебургскому праву. Войтъ Долинскій принадлежалъ къ старой городской аристократіи, какъ по своему роду, такъ и по почетному званію, и по очень хорошему, честно нажитому состоянію пользовался въ заднѣпровской Украинѣ очень почтенною извѣстностью и уваженіемъ. Стойкость, строгая справедливость и дальновидный дипломатическій умъ можно ставить главными чертами, способными характеризовать личность стараго войта. Сынъ такого отца, Игнатій Долинскій не наслѣдовалъ всѣхъ родительскихъ качествъ. Онъ былъ человѣкъ очень честный въ буржуазномъ смыслѣ этого слова, и даже неглухой, но лѣнивый, вялый, безпечный и ко всему совершенно равнодушный. Жена Игнатія Долинскаго, сиротка, выросшая «въ племянницахъ» въ одномъ русскомъ купеческомъ домѣ, принадлежала къ весьма немалочисленному разряду нашихъ съ дѣтства забытыхъ великорусскихъ женщинъ, остающихся на цѣлую жизнь безответными, сиротливыми дѣтьми и молитвенницами за затолокшій ихъ міръ божій. Игнатій Долинскій неспособенъ былъ разбудить въ своей безответно-доброй женѣ ни смѣлости, ни воли, ни энергіи. Выйдя замужъ и рожая дѣтей, она оставалась такимъ же сиротливымъ и безхитростнымъ ребѣнкомъ, какимъ была въ домѣ своего московскаго дяди и благодѣтеля. Жизнь въ Кіевѣ, на высокому Печерскѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ златоверхой лавры, вѣчно полной богомольцами, стекающимъ къ родной святынѣ отъ запада, и сѣвера, и моря, рельефнѣе всего выработала въ характерѣ Долинской одну черту, съ дѣтства спавшую въ ней въ зародышѣ. Съ каждымъ годомъ Ульяна Петровна Долинская становилась все

религіознѣе; постилась все строже, молилась больше; скорбѣла о людской злобѣ и не выходила изъ церкви или отъ бѣдныхъ. Нищіе, странники и убогіе были любимую средю Долинской, и въ этой исключительной средѣ ея робкая и чистая душа старалась скриваться отъ мірскихъ суетъ и тревоженій.

Деньги для Долинской никогда не имѣли никакой цѣны, а тутъ, отдаваясь съ лѣтами одной мысли о житѣ по слову божию, она стала даже съ омерзеніемъ смотрѣть на всякое земное богатство. Ни одна монета не могла получаса пролежать въ ея карманѣ не перепрыгнувъ въ дыравую суму проползшаго тысячу верстъ мужичка или въ хату къ дѣтямъ пьянствующаго сосѣд-ремесленника. Рука Долинской давала и направо, и налѣво; мужъ смотрѣлъ на это филаретовское милосердіе совершенно спокойно. Онъ не только не удерживалъ ея безмѣрно щедрю руку, но даже одобрялъ такое распоряженіе пмуществомъ.

— Моя Ульяна Петровна ангель, говорилъ онъ, благоговѣнно поднимая глаза къ небу:—она истинная христіанка, безсребреница, незлобивая.

Такъ и шла дѣла, пока состоянія, оставленнаго войтомъ, доставало на удовлетвореніе щедрости его невѣстия; но наконецъ въ городѣ стали замѣчать, что Долинскіе «начали приупадать», а еще немножко—и семья Долинскихъ ужъ вовсе не считалась зажиточною. Ульяна Петровна все шла своею дорогою. Дѣтей у Долинскихъ было трое: два сына: Аристархъ и Несторъ и дочь Леокадія. Росли эти дѣти на полной свободѣ: мать и отецъ были съ ними очень нѣжны, но не дѣлали дѣтское воспитаніе своею главною задачею. Изъ дѣтей, однако, не выходило ничего дурнаго: они росли дѣтьми нѣжными, дружными и ласковыми. Ульяна Петровна любила ихъ всѣхъ ровно, одною чисто-евангельскою любовью, но ближе двухъ другихъ къ ней былъ Несторъ. Этотъ очаровательно-красивый мальчикъ былъ страшно привязанъ къ своей благочестивой матери и вслѣдствіе этой страстности самъ пристрастился къ ея образу жизни и занятіямъ. Торопливо протирая сонные глазенки, вскакивалъ онъ при первомъ движеніи матери о полуночи; стоя на колѣняхъ, лепеталъ онъ за нею слова вдохновенныхъ молитвъ Сиріана, Дамаскина, и шатаясь выставлялъ долгіи часы монастырской полунощницы. И такъ всякій день. Весь домъ, наполненный и истинными, и лубавыми «людьми божьими», спитъ безмятежнымъ сномъ, а какъ только раздастся въ двѣнадцать часовъ первый звукъ лаврскаго палеелейнаго колокола, Несторъ съ ма-

терью становятся на колѣна и молятся долго, тепло, со слезами молятся «о еже спастися людемъ и въ разумъ истинный видѣти».

Поддрѣпленная усердной молитвой, Ульяна Петровна въ три часа ночи снова уладывала Нестора въ его постельку, и сама спускалась въ кухню, и съ этой ранней поры тамъ начиналось страпанье ежедневно на сорокъ человѣкъ нуждающихся въ пищѣ. Съ шести часовъ утра въ домѣ Долинскихъ уже пили и ѣли, а Ульяна Петровна съ этого часа позволяла себѣ снова искать своей духовной нищи. Сходятъ они съ Несторомъ въ лавру, въ Великую церковь, или на Пещерахъ, поклонятся останкамъ древнихъ христіанскихъ подвижниковъ, найдутъ по дорогѣ кого нибудь немощнаго или голоднаго, возьмутъ его домой, покормятъ, приютятъ и утѣшатъ. Приходить къ чаю какой-нибудь странникъ, иногда немножко изувѣръ, немножко лгунъ, немножко фанатикъ, а иногда и этакой простой, чистый и поэтически вдохновенный русскій экземпляръ, который не помнитъ, какъ и почему еще съ самаго ранняго дѣтства —

Имъ овладѣло безпокойство
Охота въ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство
И многихъ добровольный крестъ.

Идутъ здѣсь рассказы о разныхъ чудесныхъ мѣстахъ и еще болѣе чудесныхъ событіяхъ. Горы, доли, темные лѣса дремучіе, подземныя пещеры, мрачныя и широкія безпредѣльныя степи съ бовилемъ-травой, легкимъ перевати-полемъ и божьей птицей аистомъ «змѣеистребителемъ», все это такъ и рисуется въ воображеніи съ рассказовъ обутаго въ лапотки «человѣка божія», а надо всѣмъ надъ этимъ серьезно возвышаются сухіе, строгіе контуры схимниковъ, и еще выше лучезарный ликъ св. Николая «скорого въ бѣдахъ помощника», Георгій на бѣломъ какъ кипѣнь конѣ, рѣющій въ высокомъ голубомъ небѣ, и наконецъ выше всего этого свѣтъ, тотъ свѣтъ невечерній, размышленіе о которомъ объимаетъ вѣрующія души блаженствомъ и трепетомъ.

Наслушавшись такихъ рѣчей, Ульяна Петровна велитъ себѣ заперчь одноколочку, садится съ Несторомъ и ѣдетъ въ Китаевъ, или въ Голосеевъ. Выѣдетъ Ульяна Петровна за городъ, пахнетъ на нее съ Днѣпра вѣчной свѣжестью, и она вдругъ оживится, почувствовавъ ласкающее дыханіе свободной природы, но влѣво пробѣжитъ по зеленой муравкѣ сѣрый дымокъ, раздастся взрывъ саперной мины, или залпъ ружей въ лѣтнихъ баракахъ—и Ульяна

Петровна вся такъ и замереть. Не слабонервный страхъ, а какой-то ужасъ духовный охватываетъ ее при мысли о враждѣ человѣческой, о силѣ и разрушеніи. То же самое чувствовала она при разсказѣ о всякомъ преступленіи. «Богъ съ ними! Богу судить зло человѣческое, а не людямъ. Это не нами, не нашими руками создано, и не нашимъ умомъ судится», говорила она, и никогда въ цѣлую свою жизнь не высказала ни одного осужденія, никогда не хотѣла знать, если у нея чтонибудь брали.

— Никто не укралъ; зачѣмъ обижать человѣка! Взялъ кому нужно было; ну, и пошли ему Богъ на здоровье, отвѣчала она на жалобы слугъ, доводившихъ ея о какой-нибудь пропажѣ.

Кончилось тѣмъ, что «припадавшій» домъ Долинскихъ упалъ и разорился совершенно. Игнатій Долинскій покушалъ сѣбѣмъ днѣв-дубовою, легъ соснуть, всталъ часа черезъ два съ жестокою болью въ желудкѣ, а къ полуночи умеръ. Съ него рѣпочалась въ городѣ шедшая съ сѣверо-запада холера. Ульяна Петровна схоронила мужа, не уронивъ ни одной слезы на его могилѣ, и дѣтлѣмъ нагазывала не плакать.

— Зачѣмъ, говорила она:—его друга нашего смущать нашими глупыми слезами? Пусть тихъ и миренъ будетъ путь его въ селенія праведныхъ.

Точно Офелія, эта шекспирова «божественная нимфа» съ своею просьбою не плакать, а молиться о немъ, Ульяна Петровна совсѣмъ забыла о мирѣ. Она молилась о мужѣ сама, заставляла молиться за него другихъ, ѣздила исповѣдывать грѣхи своей чистой души въ схимникамъ витаевской и голосевской пустыни, молилась у кельи извѣстнаго провидца Пароенія, отъ которой вдалекѣ былъ видѣнъ весь городъ, унывшій подъ тяжелою тучею налетѣвшей на него невзгоды.

Картина была непріятная, сухая и зловѣщая: стоявшая въ воздухѣ сѣрая мгла задергивала все небо чернымъ, траурнымъ крепомъ; солнце висѣло на западѣ безъ блеска, какъ ломоть печеной рѣпы съ пригорѣлыми краями и тускло мѣдной серединой; съ пожелтѣвшихъ заднѣпровскихъ луговъ не прилетало ни одной ароматной струи свѣжаго воздуха, и вмѣсто запаха чебреца, меруниви, богородицкой травки и горчавки, оттуда доносился тяжелый, пропаленный запахъ, какъ будто тамъ гдѣ-то тлѣло и дымилось несметное количество слегаго сѣна.

— Вудеть молиться, Ульянушка; пора тебѣ собираться въ

путь, сказалъ Ульянѣ Петровнѣ заставшій ее на вечерней молитвѣ старецъ.

Ульяна Петровна растолковала себѣ эти слова по своему. Она посмотрѣла въ угасшіе очи отшельника, поклонилась ему до земли, вернулась домой, отговѣлась въ лаврѣ, причастилась въ пещерѣ св. Антонія, потомъ особоровалась и черезъ день скончалась. Съ нею и прекратилась въ городѣ холера.

Дѣти Долинскихъ остались одни, съ однимъ деревяннымъ домомъ, обремененнымъ тяжелыми долгами. Аристархъ, шестнадцати лѣтъ, пошелъ служить къ купцу; сестру Леодадію взяла тѣтка и увезла куда-то къ Ливнамъ, а Нестора, имѣвшаго четырнадцать лѣтъ, призрѣлъ дядя, бѣдный братъ Ульяны Петровны, добившійся каедрн въ московскомъ университетѣ. Братъ Ульяны Петровны былъ человѣкъ и добрый, и ученый, но слабый характеромъ, а жена его была недобрая женщина, пустая и тщеславная. Въ этомъ домѣ Несторъ Долинскій только началъ учиться. Двадцати-одного года онъ окончилъ курсъ гимназіи, двадцати-пяти вышелъ первымъ кандидатомъ изъ университета и тотчасъ поступилъ старшимъ учителемъ въ одну изъ московскихъ гимназій, а двадцати-семи женился самымъ неудачнымъ образомъ.

Несторъ Игнатьевичъ Долинскій во многихъ своихъ сторонахъ вышелъ очень страннымъ человѣкомъ. Никто не сомнѣвался, что онъ человѣкъ очень умный, чувствительный, но никто бы не умѣлъ продолжать его характеристику далѣе этихъ общихъ опредѣленій.

— Мой Стора будетъ истинный инокъ божій, говаривала часто его мать, поглаживая сына по головѣ, обреваемой подъ черный клобукъ.

Можетъ быть, покойная Ульяна Петровна и не ошибалась. Можетъ быть, ея кроткій красавецъ-сынъ и точно болѣе всего обладалъ качествами, нужными для сосредоточенной, самосозерцательной и молитвенной жизни, которую нашъ народъ считаетъ приличною истинному иночеству. Онъ вѣроятно могъ быть хорошимъ проповѣдникомъ, утѣшителемъ и наставникомъ страдающаго человѣчества, которому онъ съ раннаго дѣтства привыкъ служить, подъ руководствомъ своей матери, и которое оставалось ему навсегда близкимъ и понятнымъ; къ людскимъ неправдамъ и порокамъ онъ былъ снисходителенъ не менѣе своей матери, но страстная религіозность его дѣтскихъ лѣтъ скоро

прошла въ домѣ дяди. Онъ былъ, что у насъ называется, «человѣкъ разноплетенный». Нарушаемый извнѣ мѣръ своего внутренняго я, онъ не умѣлъ врачевать молитвой, какъ его мать, но онъ и самъ ничего не отстаивалъ, ни за что не бѣлся вѣрнѣе. Онъ никогда не жаловался ни на что ни себѣ, ни людямъ, а огорченный чѣмъ нибудь только уходилъ къ общей нашей матери-природѣ, которая всегда умѣетъ въ мѣру успокоить оскорбленное эстетическое чувство, или возстановить разрушенный мѣръ съ самимъ собою. Жизнь въ одномъ домѣ съ придирчивой, мелочной и сварливой женой дяди заставляла его часто лечить свою душу, возмущавшуюся противъ несправедливыхъ и неделикатныхъ поступковъ ея въ отношеніи мужа.

Въ какой мѣрѣ это портило характеръ Нестора Игнатьевича, или способствовало лучшей выработкѣ однѣхъ его сторонъ насчетъ угнетенія другихъ — судить было невозможно, потому что Долинскій почти не жилъ съ людьми; но онъ самъ часто вздыхалъ и ужасался, считая себя человѣкомъ совершенно неспособнымъ къ самостоятельной жизни. Сильно поразившая его, послѣ чистаго права матери, вздорная мелочность дядиной жены, развила въ немъ тоже своего рода мелочную придирчивость во всякой людской мелочи, откуда пошла постоянно сдерживаемая раздражительность, глубокая скорбь о людской порочности въ постоянной борьбѣ съ снисходительностью и любовью къ человѣчеству, и наконецъ, болѣзненный разладъ съ самимъ собою, во всемъ мучительная нерѣшительность — безволие. Это послѣднее свойство своего характера, Долинскій очень хорошо сознавалъ, и оно-то приводило его въ совершенное отчаяніе. Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть сильнымъ господиномъ своихъ поступковъ и самымъ безжалостнымъ образомъ заставлялъ свое сердце приносить самыя тяжелыя жертвы не разуму, а именно рѣшимости выработать въ себѣ волю и рѣшимость. Эти экспериментальныя упражненія надъ собою до такой степени забили Нестора Долинскаго, что, классифицируя свое желаніе, онъ уже затруднялся разбирать, хочетъ ли онъ чего нибудь потому, что этого ему хочется, или потому, что онъ долженъ этого хотѣть. Это его страшно пугало. Два-три страшныхъ случая, въ которыхъ онъ, преслѣдуя свою задачу, въ одно и то же время поступалъ наперекоръ и своей волѣ, и своимъ желаніямъ, повергли его въ глубокую апатію—у него развивалась мизантропія.

Въ это время изъ самаго хлѣбороднаго уѣзда хлѣбороднѣй-

шей губерніи въ разлатомъ цыновочномъ возкѣ пришло въ Москву почтенное семейство мелкопомѣстныхъ дворянъ Азовцовыхъ. Новоприбывшая фамилія состояла изъ матери, толстоюсою барыни съ сѣдыми волосами, румянымъ лицомъ, черными корнетскими усиками и живыми черными же, барсучьими глазами, напоминающими, впрочемъ, болѣе глаза сваренаго рака. Потомъ здѣсь были двѣ дѣвушки, дочери, Юлія и Викторина. Викторинѣ всего шелъ пятнадцатый годъ, и о ней не стоитъ распространяться. Довольно сказать, что это было довольно милое и сердечное дитя, изъ котораго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла выйдти весьма милая женщина. Старшей ея сестрѣ Юліи было полныхъ девятнадцать лѣтъ. Это была небольшая, черненькая фигурка, некрасивая, неизящная, несимпатичная, такъ себѣ, какъ въ сказкѣ сказывается, «дѣвка-чернявка», или какъ народъ говорить, «птица-пиголица». Нравъ у этой чернявки былъ самый гнусный: хитра, предательски ехидна, самолюбива, жадна, мстительна, требовательна и жестокосерда. Притомъ каждая изъ этихъ почтенныхъ свойствъ въ ней находилось по самой крупной дозѣ.

При столь почтенныхъ свойствахъ характера, «дѣвица-чернявка» была довольно неглуша. Ее нельзя было назвать особенной умницей, но она несомнѣнно владела всѣми тѣми способностями ума, которыя нужны для того, чтобы хитрить, чтобы расчищать себѣ въ жизни дорожку и сдвигать съ нея другихъ самымъ тихимъ и незамѣтнымъ манеромъ. Справедливость требуетъ сказать, что у чернявки когда-то, хоть очень давно, хоть еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ натурѣ было что-то доброе. Такъ ова, напримѣръ, не могла видѣть, какъ бьютъ лошадей или собаку, и способна была заплакать при извѣстїи, что застрѣлился какойнибудь молодой человекъ, особенно если молодому человеку благоразумно вздумалось застрѣлиться отъ любви, но... но сама любить когонибудь, или что-нибудь кромѣ себя и денегъ... этого Юлія Азовцова не могла, не умѣла, и не желала. У нея бывали и друзья, которые не могли имѣть при ней никакого значенія. Одинъ такой ея другъ, нѣкая бѣдная купеческая дѣвушка Устинья, цѣлые годы служила Юліи Азовцовой для сбрасыванія на нее всякаго сору и гадостей, и благодаря ей невинно утратила репутацію, столь важную въ узенькомъ кружкѣ бѣднаго городища.

Обстоятельства, при которыхъ протекало дѣтство, отрочество

и юность Юліи Азовцовой, были таковы, что рассматриваемая нами особь, подходя въ данной порѣ своей жизни, не могла выйдти ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ она нынѣ рекомендуется снисходительному читателю. Она съ самаго раннаго дѣтства была полицею и кормилицею цѣлой семьи, въ которой, кромѣ матери и сестры, были еще гризуны въ видѣ разбитаго параличомъ и жизнью отца и двухъ младшихъ братьевъ. Состояніе Азовцовыхъ заключалось въ небольшомъ наследственномъ хуторѣ, въ которомъ, по мѣстному выраженію, было «два двора-гончара, а третій—тетеречникъ». Объ отцѣ Юліи Азовцовой съ гораздо большею основательностію чѣмъ о мужѣ слесарши Пошлепкиной можно было сказать, что онъ рѣшительно «никуда негодился». Мать ея, у которой, какъ выше замѣчено, были черные рачьи глаза навывкатѣ и щегольскіе корнетскіе усики, называлась въ своемъ уѣздѣ «матроской». Она довольно побилась съ своимъ мужемъ, опредѣляя и перемѣщая его съ мѣста на мѣсто, и наконецъ, произведя на свѣтъ Викторяночку, бросила супруга въ его хуторномъ тетеречникѣ и перевезла весь свой приплодъ въ ближайшій губернской городъ, гдѣ въ то святое и приспомятное время содержалъ винный откупъ человекъ, извѣстный нѣкогда своимъ богатствомъ, а нынѣ—позоромъ и безславіемъ своихъ дѣтей. Бабушка этого богача съ бабушкою «матроски», какъ говорятъ, на одномъ солнышкѣ чулочки сушили, и въ силу этого сближающаго обстоятельства «матроска считала богача своимъ дядинькой. Радостно срѣтая нѣкогда его комерческое восхождение, она упросила его быть восприимнымъ отцомъ Юлиньки. Комерческая двойка, влѣзавшая въ то время въ онѣрную фигуру, была честолюбива, какъ всѣ подобныя двойки, но еще не заѣлась поклоненіями, была, такъ-сказать, довольно ручна и великодушно снизошла на матроскину прос.бу. Въ фигурѣ валета эта добродѣтельная вартя сдѣлалась матроскинымъ дядей и кумомъ, а когда три ограбленныя валетомъ губерніи произвели его въ тузы, матроска, безъ всякихъ средствъ въ жизни, явилась въ его резиденцію. Главнымъ и единственнымъ ея средствомъ въ это время была «Юлочка», и Юлочка цѣною собственнаго глубокаго нравственнаго развращенія вывезла на своихъ дѣтскихъ плечахъ и мать, и отца, и сестру, и братьевъ. Маленькою, пятилѣтнею дѣвочкой, всю въ завиточкахъ, въ коротенькомъ платицѣ и обшитыхъ кружевами панталончикахъ, матроска отвела ее въ вертепъ откупного туза, и научила, какъ она должна плавать, какъ

притворяться слабой, какъ ласкаться къ тузу, какъ лстять его тузихъ, какъ уступать во всемъ тузенятамъ. Выпущенная къ рампъ, Юлочка съ перваго же раза обнаружила огромныя дипломатическія и спеническія дарованія. Она лгала, какъ историкъ, и вернулась домой съ тысячею рублей. Съ этихъ поръ Юлочка была запродана ненасытному мамону и, вѣрно, поработала ему до седьмого пота. Начавшееся съ этихъ поръ христорадничанье и нищобродство Юлочки не прекращалось до того самаго дня, въ который мы встрѣчаемъ ее въѣзжающую въ разлатомъ возкѣ съ сестрою, матерью и младшимъ братомъ Петрушей въ Москву. Много дѣвка-чернявка натерпѣлась обидъ и горя въ своей нищобродной жизни! Обижала ее и сухая, жествая тузиха, и надменные тузенята, и лакеи, и большая медеянская собака Выдра, имѣвшая привычку поднимать лапу на каждаго, кто боялся прогнать ее предъ очами самого туза. Юлочка глотала слезы, глядя на свое свѣженькое платьице, безопадно испорченное Выдрою, но все сносила терпѣливо. Благодѣтель замѣчалъ это и дарилъ Юлочкѣ за одно испорченное платьице пять новыхъ, но за то тузиха и тузенята называли ее *тумбочкой* и вообще дѣлали предметомъ самыхъ злобныхъ насмѣшекъ. Юлочка все это слагала въ своемъ сердцѣ, ненавидѣла надменныхъ богачей и кланялась имъ, унижалась, лизала ихъ руки, лгала имъ, лгала матери, стала низкою, гадкою лгуньею; но очень долго никто не замѣчалъ этого, и даже сама мать, которая учила Юлочку лгать и притворяться, ваетса, не знала, что она изъ нее дѣлаетъ; и она только похваливала ея умъ и расторопность. Духовнаго согласія у матери съ дочерью, впрочемъ, вовсе не было. Оба эти паразиты составляли плотный союзъ только тогда, когда дѣло шло объ томъ, чтобы тѣмъ или инымъ ловкимъ фортедемъ вымозжить что-нибудь у своихъ благодѣтелей. Въ остальное же время они нерѣдко были даже открытыми врагами другъ другу: Юла мстила матери за свои униженія — та ей не вѣрила, видя, что дочь начала далеко превосходить ее въ искусствѣ лгать и притворяться. Вообще довольно смѣлая и довольно наглая матроска была, однако, недостаточно дальновидна и очень изумилась, замѣчая, что дочь не только пошла далѣе ея, не только употребляетъ противъ нея ея же собственное оружіе, но даже самое ее матроску дѣлаетъ своимъ оружіемъ. Вдругъ туза стукнулъ кандрашка; все неожиданно перевернулось, съѣхавшіеся изъ Москвы и Питера сыновья и дочери откущива смотрѣли насмѣш-

ливо на неутѣшныя слезы матроски съ Юлою и отдѣлили имъ изъ всего отцовскаго наслѣдства остальные визитныя карточки покойнаго, да еще что-то въ родѣ трехъ стаметовыхъ юбокъ. Видя, что съ визитными карточками да тремя стаметовыми юбками на этомъ бѣломъ свѣтѣ немного можно подѣлать, матроска, по совѣту Юлочки, снарядила возокъ и дернула въ бѣлокаменную, гдѣ прочною осѣдлостью жили трое изъ дѣтей покойнаго благодѣтеля. Ъхали наши паразиты съ тѣмъ, чтобы такъ не такъ, а ужъ какъ-нибудь, что-нибудь да вымозжить у наслѣдниковъ, или по крайней-мѣрѣ, добиться, чтобы они пристроили Викториночку и Петрушу.

— Я скажу имъ: помилуйте, вашъ отецъ—мой дядя; вотъ его крестница; вамъ будетъ стыдно, если ваша тѣтка съ просительнымъ письмомъ по нумерамъ пойдетъ. Должны дать; не могутъ не дать, канальи! разсказывала она, собираясь идти къ тузовымъ дѣтамъ.

Юлочка молчала. Она вѣрила, что мать можетъ что-нибудь вымозжить, но ей-то Юлочкѣ въ этомъ было очень немного радости. Ей нужно было что-то совсѣмъ другое, болѣе прочное и самостоятельное. Она любила богатство и въ глаза величала тѣхъ богачей, отъ которыхъ можно было чѣмъ-нибудь пощетиться; но въ душѣ она не терпѣла всѣхъ, кто родомъ, племенемъ, личными достоинствами и особенно состояніемъ былъ поставленъ выше и виднѣе ея, а выше и виднѣе ея были почти всѣ. Юлочка понимала, что ей нуженъ прежде всего мужъ. Она знала, что въ своихъ мѣстахъ, на ней, «попрошайкѣ», нищей, не женится никто, ибо такого героизма она не подозрѣвала въ своихъ мѣстныхъ кандидатахъ на званіе мужей, да ей и ненужны были герои, точно такъ же какъ ей не годились люди очень мелкіе. Ей нуженъ былъ человѣкъ, которымъ можно было бы управлять, но котораго все-таки и не стыдно было бы назвать своимъ мужемъ; чтобы онъ для всѣхъ казался человѣкомъ, но чтобы въ то же время его можно было сдѣлать слѣпымъ и безответнымъ орудіемъ своей воли.

Такимъ человѣкомъ ей показался Несторъ Игнатьевичъ Долинскій, и она перевѣчала его съ собою.

Провишество это случилось съ Долинскимъ въ силу все той же его доброты и извѣстной, несчастной черты его характера.

Дѣла Азовцовыхъ устроились. Петрушу благодѣтели опредѣлили въ пансіонъ; на воспитаніе Викторинушки они же ассигнова-

ли по триста рублей въ годъ, и на житье самой матроски съ крестницей покойника назначили по шестисотъ. Азовцовы, заручившись такой благодатью, однако не поѣхали назадъ, а рѣшились оставаться въ Москвѣ. Онѣ знали, что «благодѣтели» отъ природы народъ разсѣянный, вѣтренный, забывчивый и требующій понужденія. Юлія Азовцова растолковала матери, что Викторинушка ужъ велика, чтобы ее отдавать въ пансіонъ; что можно найти просто какого-нибудь недорогого учителя далеко дешевле чѣмъ за триста рублей и учить ее дома. «Такимъ образомъ, говорила она, вы сдѣлаете экономію, и благодѣтели наши будутъ покойны, что деньги употребляются на то самое, на что онѣ даны.»

При этихъ соображеніяхъ вспомнили о братѣ Леонадіи Долинской, съ которой Юлія была знакома по губернской жизни. Нестора Игнатьевича отыскали; наговорили ему много милаго о сестрѣ, которая только съ полгода вышла замужъ; рассказали ему свое горе съ Викторинушкой, которая такъ запоздала своимъ образованіемъ, и просили посовѣтовать имъ хорошаго наставника. Вѣчно готовый на всякую услугу, Долинскій тотчасъ же предложилъ въ безвозмездные наставники Викторинѣ самого себя. Матроска было-начала жеманиться, но Юлія быстро встала, подошла къ Долинскому, съ одушевленіемъ схлала въ своихъ рукахъ его руку и съ глазами, полными слезъ, торопливо вышла изъ комнаты. Она казалась очень растроганною. Матроску это даже чуть-было не сбило съ такту.

— Такъ, моя милѣйшая, нельзя-съ держать себя, говорила она, проводивъ Долинскаго, Юлочкѣ.—Здѣсь не губернія, и особенно съ этимъ человѣкомъ... Мы знакомы съ его сестрой, такъ должны держать себя съ нимъ совсѣмъ на другой ногѣ.

— Не беспокойтесь, пожалуйста; знаю я, на какой ногѣ себя съ кѣмъ держать, отвѣчала Юлія.

Долинскій началъ заниматься съ Викторинушкой и понемногу становился близкимъ въ семействѣ Азовцовыхъ. Юлія находила его очень удобнымъ для своихъ плановъ и всачески старалась разгадать, какъ слѣдуетъ за него братья вѣрнѣе.

— Кажется, на поэзію прихрамливаетъ! заподозрѣла она его довольно скоро, разумѣя подъ словомъ *поэзія* именно то самое, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ практическіе люди, признающіе только то, во что можно пальцемъ ткнуть. Заподозрѣла Юлія этотъ порокъ за Долинскимъ и стала за нимъ приглядывать. Сидитъ Долинскій у Азовцовыхъ молча передъ топящеюся печкою, Юлія

тихо взойдет неслышными шагами, тихо сидеть и сидит молча, не давая ему даже чувствовать своего присутствія. Долинскій встает и извиняется. Это повторилось два-три раза.

— Пожалуйста, не извиняйтесь; я очень люблю сидѣть вдвоемъ и молча.

Долинскій конфузился. Онъ вообще былъ очень застѣчивъ съ женщинами и робѣлъ предъ ними.

— Этакъ я не одна, и между тѣмъ никому не мѣшаю, мечтательно досказала Юля.—Вы знаете, я ничего такъ не боюсь въ жизни, какъ быть кому-нибудь помѣхою.

— Этого, однако, я думаю, очень нетрудно достигнуть, отвѣчала Долинскій.

— Да, нетрудно, какъ вы говорите, но и не всегда: часто поневолѣ долженъ во что-нибудь вмѣшиваться и чему-нибудь мѣшать.

— Вы пожалуйста не подумайте, что эти слова имѣютъ какойнибудь особый смыслъ! Я, право, такъ глупо это сказала.

Юлочка улыбнулась.

— Нѣтъ, я... ничего не думаю, отвѣчала Долинскій.

— То-то, ужъ хоть бы намъ не мѣшали, а то гдѣ намъ грѣшнымъ! замѣчала съ тою женисходительною улыбкой Юлія.

Въ такихъ невинныхъ бесѣдахъ Юлія тихо и незамѣтно шла къ сближенію съ Долинскимъ, являясь ему особенно со стороны смиренства и благоповорности. Долинскій кромѣ матери и тѣтки да сестры не зналъ женщинъ. Юлочка была первая сторонняя женщина, обратившая на него свое вниманіе. Юлія и это обстоятельство было извѣстно, и его она тоже приняла къ свѣдѣнію и надлежащему соображенію. Тонкостей особенныхъ, значить, было не надо и онѣ могли оказать болѣе вреда, чѣмъ пользы. Нуженъ былъ одинъ ловкій подводъ, а затѣмъ смѣлыя варіаціи позфективѣ, и дѣло должно удался.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ со дня ихъ перваго знакомства, какъ Долинскій сталъ находить удовольствіе сидѣть и молчать вдвоемъ съ Юліей; еще долѣе они стали незамѣтно высказывать другъ другу свои молчаливыя размышленія и находить въ нихъ стройную гармонію. Долинскій, напримѣръ, вспоминалъ о своей благословенной Украинѣ, о старомъ Днѣпрѣ, о наклонившихся врестахъ Аскольдовой могилы, о набережной часовнѣ Видубецкаго монастыря и музыкальномъ гулѣ лаврскихъ колоколовъ. Юлочка тоже и себѣ начинала упражняться въ поэзіи: она взду-

шла о кисельных берегах своей мелкопомѣстной Тускарн и гнилоберегой Неручи, о ракишкахъ, подъ которыми въ полдневный жаръ отдыхаютъ идущіе въ отпускъ отечественные вонны; о кукушкѣ, кукующей въ губернаторскомъ саду, и бѣломъ купидонѣ, плачущемъ на могилѣ откупщика Сыропятова, и о прочихъ сямъ подобныхъ поэтическихъ прелестяхъ. Если истинная любовь въ природѣ рисовала въ душѣ Долинскаго впечатлѣнія болѣе глубока, если его поэтическая тоска о незабвенной украинской природѣ была на столько сильнѣе дѣланной тоски Юліи, на сколько грандіозныя и поражающія своимъ величіемъ картины его края сильнѣе тщедушныхъ, неизмѣчныхъ, черноземно-вязкихъ картинъ, по которымъ проводила молочныя воды въ кисельныхъ берегахъ подшпоренная фантазія его собесѣдницы, то за то въ этихъ кисельныхъ берегахъ было такъ много топкихъ мѣстъ, что Долинскій не замѣчалъ, какъ ловко тускарскіе пауки затягивали его со стороны великодушія, состраданія и ихъ непонятныхъ высшихъ стремленій. Юлочка зорко слѣдила за своею жертвою, и наконецъ, послѣ одной бесѣды о любви и о Тускарн, рѣшила, что ей пора и на приступъ. Вскорѣ послѣ такого рѣшенія, въ одинъ несчастливѣйшій для Долинскаго вечеръ, онъ засталъ Юлію въ самыхъ неутѣшныхъ, горькихъ слезахъ. Какъ онъ ее ни разспрашивалъ съ самымъ теплѣйшимъ участіемъ—она ни за что не хотѣла сказать ему этихъ горькихъ слезъ. Такъ это дѣло и прошло, и кануло, и забылось, а черезъ мѣсяць въ домѣ Азовцовыхъ появилась пожилая благородная дѣвушка Агсинья Тимофеевна, и тутъ вдругъ, съ рѣчей этой злополучной Агсиньи Тимофеевны озадалось, что Юлія давно благодѣтельствовала этой дѣвушкѣ втайнѣ отъ матери, и что горькія слезы, которыя мѣсяць тому назадъ у нея замѣтилъ Долинскій, были пролиты ею Юлією отъ оскорбленій, сдѣланныхъ матерью за то, что она, Юлія, движимая чувствомъ состраданія, чтобы выручить эту самую Агсинью Тимофеевну, отдала ей заложить свой единственный мѣховой салопъ, сданный ей благодѣтелями. Выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Съ этихъ поръ Долинскій сталъ серьезно задумываться о Юлочкѣ и измышлять различныя средства, какъ бы ему вырвать столь достойную дѣвушку изъ столь тяжелаго положенія.

Выпущенная по красному звѣрю Агсинья Тимофеевна шла верхнимъ чутьемъ и работала какъ нельзя лучше; заложенная шуба тоже служила Юліи не хуже, какъ Кречинскому его бычокъ, и тепло прогрѣвала безхитростное сердце Долинскаго. Юлія Азовцо-

ва, обозрѣвъ поле сраженія и сообразивъ силу своей тактики и орудій съ шаткою позиціею атакваннаго непріятели, совершенно успокоилась. Теперь она не сомнѣвалась, что какъ по нотамъ разыграетъ всю свою хитро-скомпанованную пьесу.

— Нашла дурака, думала матроска, и молчала выжидая, что изъ всего этого отродится.

— Это агнецъ вроткій въ стадѣ козлемъ, шептала Долинскому Аक्सинья Тимофеевна, указывая при всякомъ удобномъ случаѣ на печальную Юлію.

— И нѣтъ достойной души, которая исторгла бы этого ангела, говорила она въ другой разъ.—Подлые все нынче люди стали, интересаны.

Пятаго декабря (многими замѣчено, что это — день особенныхъ несчастій) вечеромъ Долинскій завернулъ къ Азовцовымъ. Матроски и Викторинушки не было дома, онѣ пошли ко всеобщей, одна Юлія ходила по залѣ, прихотливо освѣщенной краснымъ огнемъ разгорѣвшихся въ печи дровъ.

— Чтѣ вы это... хандрите, кажется? спросилъ ее садясь противъ печки Долинскій.

— Нѣтъ, Несторъ Игнатьевичъ... некогда мнѣ хандрить; у меня настоящаго горя...

Юлочка прервала рѣчь проглоченною слезою.

— Чтѣ съ вами такое? спросилъ Долинскій.

Юлія сѣла на диванъ и закрыла платкомъ лицо. Плечи и грудь ее подергивались, и было слышно, какъ она силится удержать рыданія.

— Да чтѣ съ вами? чтѣ у васъ за горе такое? добивался Долинскій.

Раздались рыданія менѣ сдержанныя.

— Не подать ли вамъ воды?

— Д... д... да... й... те, судорожно захлебываясь, произнесла Юлочка.

Долинскій пошелъ въ другую комнату и вернулся съ свѣчою и стаканомъ воды.

— Погасите пожалуйста свѣчу, не могу смотрѣть, простонала Юлія, не отнимая платка.

Долинскій дунулъ, и картина осталась опять при одномъ красномъ, фантастическомъ полусвѣтѣ.

— А, а, ахъ! вырвалось изъ груди Юлія, когда она отпила подставана и откинулась съ закрытыми глазами на спинку дивана.

— Вы успокойтесь, проронилъ Долинскій.

— Могла меня одна успокоить, Несторъ Игнатьичъ.

— Зачѣмъ все представлять себѣ въ такомъ печальномъ свѣтѣ?

Юлія плакала тихо.

— Полжизни, кажется, дала бы, говорила она тихо и не слѣша:— чтобъ только хоть годъ одинъ, хоть полгода... чтобъ только уйдти отсюда, хоть въ омутъ какой-нибудь.

— Ну, что же, подождите, мы поищемъ вамъ мѣста. О чемъ же такъ плакать?

— Никуда меня, Несторъ Игнатьичъ, не пустать: нечего объ этомъ говорить, произнесла, сдѣлавъ горькую гримасу, Юлія, и хлебнувъ глотокъ воды, опять откинулась на спинку дивана.

— Отчего же не пустать?

Юлія истерически засмѣялась и опять послѣшно проглотила воды.

— Отъ любви... отъ нѣжной любви... къ... къ... арендной статьѣ, произнесла она, прерывая свои слова порывами къ истерическому смѣху, и выговоривъ послѣднее слово, захохотала.

Долинскій сорвался съ мѣста и бросился къ дверамъ въ столовую.

— Ос... остань... останьтесь! торопливо процѣдила заикаясь Юлія.

— Это такъ... нич... ничего. Позвольте мнѣ еще воды.

Долинскій принесъ изъ столовой другой стаканъ; Юлія выпила его залпомъ и опять приняла свое положеніе.

Минуть десять дилась пауза. Долинскій тихо ходилъ по комнатѣ, Юлія лежала.

— Боже мой! Боже мой! шептала она... хоть бы...

— Чего вамъ такъ хочется? спросилъ остановившись передъ ней Долинскій.

— Хотъ бы будочникъ какой женился на мнѣ, докончила Юлія

— Какія вы нынче странности, Юлія Петровна, говорите!

— Чтò жъ тутъ, Несторъ Игнатьичъ, страннаго? Я очень хорошо знаю, что на мнѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ жениться, а другого выхода мнѣ нѣтъ... рѣшительно нѣтъ! отвѣчала Юлія съ сильнымъ напряженіемъ въ голосѣ.

— Отчего же нѣтъ? и отчего наконецъ порядочный человѣкъ на васъ не женится?

— Отчего? Гм! Оттого, Несторъ Игнатьичъ, что я нищая. Мало нищая, а побирашка, христорадница, *мунья*; понимаете—*мунья*,
Т. СLXII.— Отк. I.

презрѣнная, гадкая *лужа*. Вы знаете, въ чемъ прошла моя жизнь? — въ лганьѣ, въ лицебродствѣ, въ вымалываньѣ. Вы не съумѣете такъ поцаловать своей невѣсты, какъ я могу перецаловать руки всѣхъ откушниковъ... пусть только дають хоть по...пяти цѣлковыхъ.

— О, Господи! что это вы на себя за небылицы ввводите, говорилъ сильно смущаясь Долинскій.

— Что это васъ такъ удивляетъ! *Это мой честный трудъ*; меня этому только учили; меня этому теперь учать. Вѣдь я же дочь! *Жизнью обязана*; помиуйте!

Вышла опять пауза. Долинскій молча ходилъ, что-то соображая и обдумывая.

— Теперь пилить меня замужествомъ! начала какъ-бы сама съ собою полушопотомъ Юлія.—Ну, скажите, ну за кого я пойду? Ну, я пойду! ну, давайте этого дурака! пусть хоть сейчасъ женится.

— Опять!

— Да что жъ такое! я говорю правду.

— Хорошій и умный человекъ, начала Юлочка:—когда узнаеть насъ, за сто верстъ обѣзтитъ. Вѣдь мы *ложь*, мы, Несторъ Игнатьичъ, самая ноплощенная ложь! говорила она, трепеща и приподнимаясь съ дивана.—Вѣдь у насъ въ домѣ все жлетъ, на каждомъ шагу жлетъ. Мать моя жлетъ, я лгу, Викторина жлетъ, все жлетъ... мѣбель жлетъ. Вонъ, видите это кресло, вѣдь оно также жлетъ, Несторъ Игнатьичъ! Вы, можетъ быть, думаете, шелкъ или бархаты тамъ какіе закрыты этимъ чехломъ, а выйдетъ, что дерга. О, Боже мой! да я рѣшительно не знаю, право... Я даже удивляюсь, неужто мы вамъ еще не гадки?

Долинскій постоялъ съ секунду, и ничего не отвѣтивъ, снова заходить по комнатамъ. Юлинька встала, вышла и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ свѣчю и книгою.

— Темно совсѣмъ; я думаю, скоро должны придти ото все-нощвой, проговорила она и стала листовать книжку, съ очевиднымъ желаніемъ скрыть отъ матери и сестры свою горячую сцену и придать картинѣ самый спокойный характеръ.

Она перевернула нѣсколько листовъ и съ болѣзненнымъ усліемъ даже разсмѣялась.

— Послушайте, Несторъ Игнатьичъ, вѣдь это забавно —

Вообрази, я здѣсь одна,
Меня никто не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

— Нѣтъ, это не забавно, отвѣчалъ Долинскій, остановившяся передъ Юлинькой.

— Вамъ жаль меня?

— Миѣ прискорбна ваша доля.

— Дайте же миѣ вашу руку, попросила Юлинька, и на глазахъ ея замыгали настоящія, искреннія, художественныя слезы.

Долинскій подавъ свою руку.

— И миѣ жаль васъ, Несторъ Игнатьичъ. Человѣку съ вашимъ сердцемъ плохо жить на этомъ гадкомъ свѣтѣ.

Юлочка быстро выпустила его руку и тихо заплакала.

— Я и не желаю жить очень хорошо.

— Да, вы святой человѣкъ! Я никогда не забуду, сколько вы миѣ сдѣлали добра.

— Ничего ровно.

— Не говорите миѣ этого, Несторъ Игнатьичъ. Зачѣмъ это говорить! Узнавши васъ, я только и понала все... все хорошее и дурное, свѣтъ и тѣни, вашу чистоту, п. . все собственное ничтожество...

— Подноте, бога-ради!

— И полюбила васъ... не какъ друга, не какъ брата, а... (Долинскій совершенно смутился). Юлинька быстро схватила его снова за руку, еще сильнѣе сжала ее въ своихъ рукахъ и съ слезами въ голосѣ договорила: — а какъ моего нравственнаго спасителя и теперь еще, можетъ быть, въ послѣдній разъ, ищу у васъ, Несторъ Игнатьичъ, спасенія.

Юлинька встала, близко придвинулась къ Долинскому и сказала:

— Несторъ Игнатьичъ, спасите меня!

— Чтѣ вы хотите сказать этимъ? чтѣ я могу для васъ сдѣлать?

— Несторъ Игнатьичъ!... Но вы вѣдь не разсердитесь, какаа бы ни была моя просьба?

Долинскій сдѣлалъ головою знакъ согласія.

— Мы можемъ платить за уроки Викторины; вы не вѣрите, что мы такъ бѣдны... а вы... не ходите къ намъ; оставьте насъ. Я васъ униженно, усердно прошу объ этомъ.

— Извольте, извольте, но зачѣмъ это нужно и какой предлогъ я придумаю?

— Какой хотите.

— И для чего?

— Для моего спасенія, для моего счастья. Для моего счастья, повторила она и засмѣялась сквозь слезы.

— Не понимаю! произнесъ пожавъ плечами Долинскій.

— И ненужно, сказала Юлія.

— Я васъ стѣсняю?

— Да, Несторъ Игнатьичъ, вы создаете мнѣ новыя муки. Ваше присутствіе увеличиваетъ мою борьбу—ту борьбу, которой не должно быть вовсе. Я должна идти, какъ ведетъ меня моя судьба, не раздумывая и не оглядываясь.

— Что это за загадки у васъ сегодня?

— Загадки! Отъ нищенки благодѣтели долгъ требуютъ.

— Ну-съ!

— Я вѣдь вотъ говорила, что я привыкла цаловать откупщицыи руки... ну, а теперь одинъ благодѣтель хочетъ приучить меня цаловать его самого. Кажется, очень просто и естественно...
Подросла.

— Ужасно!... Это ужасно!

— Несторъ Игнатьичъ, мы—нищіе.

— Ну, надо работать... лучше отказать себѣ во всемъ.

— Вы забываете, Несторъ Игнатьичъ, что мы *ничего* не умѣемъ дѣлать и *ни съ чѣмъ* не желаемъ себѣ отказывать.

— Но ваша мать, наконецъ!

— Мать! Моя мать твердитъ, что я *обязана ей жизнью* и должна заплатить ей за то, что она внучила меня побираться и... да, наконецъ, вѣдь она же не слѣзна, въ самомъ дѣлѣ, Несторъ Игнатьичъ! вѣдь она-жь видитъ, въ какія меня ставять положенія.

Долинскій заходилъ по комнатѣ и вдругъ, круто повернувъ къ Юлинькѣ, произнесъ твердо:

— Вы бы хотѣли быть моею женою?

— Я! какъ-бы не понявъ и оторопѣвъ переспросила Юлинька.

— Ну, да; я васъ откровенно спрашиваю: лучше было бы вамъ, еслибы вы теперь были моею женою?

— Вашей женой! твоей женой! Это *ты* говоришь *мнѣ*! Ты—мое божество, мой геній хранитель! Не смѣйся, не смѣйся надо мною!

— Я не смѣюсь, отвѣчалъ ей Долинскій.

Юлинька взвизгнула, упала на его грудь, обняла его за шею и тихо зарыдала.

— Тс, господа! господа! заговорилъ за спиною Долинскаго подхалимственный голосъ Авсиньи Тимофеевны, которая какъ вы-
пускная вулка по пружинѣ вышла какъ разъ на эту сцену въ

залу. — Ставни незатворены, продолжала она въ мягко наставительномъ тонѣ:—подъ окнами еще народъ словяется, а вы этакъ... Нехорошо такъ неосторожно дѣлать, пошптала она какъ нельзя снисходительнѣе и опять исчезла.

Несмотря на то, что дипломатическая Юлочка, разыгрывая въ первый разъ и безъ репетиціи новую сцену, чуть не испортила свою роль перебавленнымъ театральнымъ эффектомъ, Долинскій былъ совершенно обмануть. Сконфуженный неожиданнымъ страстнымъ порывомъ Юлочки и еще болѣе неожиданнымъ явленіемъ Аксины Тимофеевны, онъ вырвался изъ горячихъ юлочкиныхъ объятій и прямо схватился за шапку.

— Боже мой! Аксины Тимофеевна все видѣла! Она первая сплетница, она всѣмъ все разболтаетъ, шптала между тѣмъ стоя на прежнемъ мѣстѣ Юлочка.

— Что жъ такое? это все равно, пробурчалъ Долинскій.—Прощайте.

— Куда же вы? Куда ты! Подожди минутку.

— Нѣтъ, прощайте.

Долинскій ничего не слушалъ и убѣжалъ домой.

По выходѣ Долинскаго, Юлинька возвратилась назадъ въ залъ, остановилась среди комнаты, заложила за затылокъ руки, медленно потянулась и стубнула каблучками.

— Вотъ ужъ именно, что можно чести приписать, заговорила, тихо выползая изъ темной комнаты, Аксины Тимофеевна.

Юлочка нервно вздрогнула и сердито оторвала:

— Фу, какъ вы всегда перепугаете съ своимъ ползаньемъ!

— Однако, сдѣлайте же ваше одолженіе; чтѣ же онъ обо мнѣ подумаетъ? говорила Юлинькѣ ночью матроска, выслушавъ отъ дочери всю сегодняшнюю вечернюю исторію въ сокращенномъ разсказѣ.

— А вамъ очень нужно, чтѣ онъ о васъ подумаетъ? отвѣчала презрительно, смотря черезъ плечо на свою мать, Юлинька.

— Нужно, или ненужно, но вѣдь я же однако не торгую моими дѣтьми.

— Не торгуете! Молчите ужъ, пожалуйста!

— Торгую! крикнула азартно матроска.

— Ну, такъ *затормозите*, если будете глупы, отвѣчала спокойно Юлія.

Однимъ словомъ Долинскій сталъ женихомъ и извѣстилъ объ этомъ сестру.

«Да спасеть тебя Господь Богъ отъ такой жены, отвѣчала Долинскому сестра. — Какъ ты съ ними познакомился? Я знаю эту фальшивую, лукавую и безсердечную дѣвчонку. Она вся ложь, и ты съ нею никогда не будешь счастливъ.»

Долинскому въ первый минутокъ показалось, что въ словахъ сестры есть что-то основательное, но потомъ показалось опять, что это какое нибудь провинціальное предубѣжденіе. Онъ не хотѣлъ скрывать этого письма и показалъ его Юленькѣ; та прочла все отъ строки до строки съ спокойнымъ, яснымъ лицомъ, и протко улыбнувшись, сказала:

— Вотъ видишь, въ какомъ свѣтѣ я должна была казаться. Вѣрь чему хочешь, добавила она со вздохомъ, возвращая письмо.

«Не умѣю высказать, какъ я рада, что могу тебѣ послать доказательство, что такое твоя невѣста — писала Долинскому его сестра черезъ недѣлю. — «Вдобавокъ ко всему она вѣчно была эффектица и фантазерка, и вотъ провралась самымъ достойнымъ образомъ. Прочитай ея собственное письмо и ради всего хорошаго на свѣтѣ, бога-ради не дѣлай несчастнаго шага».

При письмѣ сестры было приложено другое письмоцо Юленьки къ той самой пріятельницѣ, которая всегда служила для нея покойной ямой.

«Я наконецъ выхожу замужъ — писала Юленька между прочимъ. — Моя нѣжная родительница распорядилась всѣмъ по своему обыкновению и сама и безъ моего вѣдома дала за меня слово, не считая нисколько нужнымъ спросить мое сердце. Черезъ мѣсяць, для блага матеря и сестры, я буду *madame Долинская*. Будущій мужъ мой человѣкъ очень неглупый и на хорошей дорогѣ; по ужасно неразвитъ, и мы съ нимъ не пара, ни почему. Живя съ нимъ, я буду исполнять мой долгъ и недостатокъ любви замѣню заботою о его развитіи, но жизнь моя будетъ, конечно, одно сплошное страданіе. Любить его, увы, я, разумѣется, не могу. Какъ я понимаю любовь, такъ любить оданъ разъ въ жизни; но... я, можетъ быть, правыну къ нему, и помирюсь съ грустной необходимостью. Моя вся жизнь, вѣрно, жертва и жертва — и кому? Что онъ? Что видитъ въ немъ моя мать и почему предпочитаетъ его всѣмъ другимъ женихамъ, которые мнѣ здѣсь надѣдають, и между которыми есть люди очень богатые, просвѣщенные и съ прекраснымъ свѣтскимъ положеніемъ? Я просто не умѣю понять начево этого и иду яко овца на закланіе».

Долнскій запечаталъ это письмо и отослалъ его Юлинькѣ; та получила его за обѣдомъ, и какъ взглянула, такъ и остолбенѣла.

— Чтò это? спросила ее матроска, поднося въ своимъ рачьимъ глазамъ упавшее на полъ письмо.

— «Милая Уста!» прочла она, и сейчасъ же воскликнула:— А! вѣрно опять романтическія сочиненія?

— Оставьте, крикнула Юлинька и, вырвавъ изъ рукъ матери письмо, торопливо изорвала его въ лепесточки.

— Да ужь это такъ! Геронна!

Юлинька накинула на себя капоръ и шубку.

— Куда? крикнула матроска.—Къ милому? обниматься? Теперь прости, молю, голубчикъ!

— А хоть бы и обниматься! отвѣчала проходя Юлинька и исчезла за дверью.

— Ты у меня, Викторина, смотри! заговорила, стуча ладонью по столу, матроска.—Если еще ты, мерзавка, будешь похожа на эту змѣю, я тебя шельму пополамъ перерву. На одну ногу стану, а другую оторву.

Викторина молчала, а Юлинька въ это время именно обнималась.

— Это была шутка, я нарочно хотѣла попытать мою глупенькую Устю, хотѣла узнать, чтò она скажетъ на такое вовсе непохожее на меня письмо; а онѣ, сумасшедшія, подняли такой гвалтъ и тревогу! говорила Юлинька, весело смѣясь въ лицо Долнскому. Потомъ она расплакалась, упрекала жениха въ подозрительности, довела его до того, что онъ же самъ началъ просить у нее прощенія, и потомъ она его, какъ слабое существо, простила, обняла, поцаловала, и еще поцаловала и столь увлеклась своею добротою, что пробыла у Долнскаго до полуночи.

Матроска ожидала дочь и, несмотря на поздній для нея часъ, съ азартомъ вазала толстый шерстяной чулокъ. По сердитому стуку вязальныхъ прутиковъ и электрическому трепетанію сѣраго крысиного хвоста, торчавшаго на матроскиной макушкѣ, видно было, что эта почтенная дама весьма въ тревожномъ положеніи. Когда у подъѣзда раздался звонокъ, она сама отперла дверь, впустила Юлочку; не сказавъ ей ни одного слова, вернулась въ залу, и только когда та прошла въ свою комнату, матроска не выдержала и тоже явилась туда за нею.

— Ну, что жь? спросила она, тяжело разсаживаясь на шупленькомъ креслицѣ.

— Пожалуйста, не рвите чехла; его ужъ и такъ болѣе чинить нельзя, отвѣчала, мало обращая вниманія на ея слова, Юлія.

— Не о чехлахъ, сударыня, дѣло, а о вась самихъ, возвысила голосъ матроска, и крысиный хвостикъ завачался на ея макушкѣ.

— Пожалуйста, безпокойтесь обо мнѣ поменьше; это будетъ гораздо умнѣе.

— Да-съ, но когда-жь этотъ болванъ наконецъ рѣшится?

Юлинька помолчала, и спокойно свертывая косу подъ ночной чепецъ, тихо сказала:

— Дней черезъ десять можете потребовать, чтобы свадьба была немедленно.

Матроска, прищуривъ глаза, язвительно посмотрѣла на свою дочь и произнесла:

— Значить, ужъ спроворила, милая!

— Дѣлайте, чтó вамъ говорить, отвѣтила Юлинька, и бросивъ на мать совершенно холодный и равнодушный взглядъ, сѣла писать Устѣ ласковое письмо о ея непростительной легковѣрности.

— Готовъ Максимъ и шапка съ нимъ, ядовито проговорила, вставая и отходя въ свою комнату, матроска.

Черезъ мѣсяць Юлинька женила на себѣ Долинскаго, который, послѣ ночнаго посѣщенія его Юлинькой, уже не колебался въ выборѣ, чтó ему дѣлать, и рѣшилъ, что сила воли должна заставить его заглядить свое увлеченіе. Счастья онъ не ожидалъ, и его не послѣдовало.

Мѣсяца медового у Долинскаго не было. Юлинька сдерживалась съ нимъ, но онъ все-таки не могъ долго заблуждаться и видѣлъ бѣду неминуемую. А между тѣмъ Юлинька никакъ не могла полюбить своего мужа, потому-что женщины ея закала не терпятъ, даже презираютъ въ мужчинахъ характеры искренніе и добрые, и эффектный порокъ для нихъ гораздо привлекательнѣе; а о томъ, чтобы шадить мужа хоть не любя, но уважая его, Юлинька, конечно, вовсе и не думала: окончивъ одну комедію, она бросалась за другую и входила въ свою роль. Мать и сестру она оставила при себѣ, находя, что такъ будетъ приличнѣе и экономнѣе. Викторина дѣйствительно была полезна въ дождь, а матроска нужна. Первые слезы Юлиньки пали на сердце Долинскаго за визиты ея родственникамъ и благодѣтелямъ, которыхъ Долинскій не хотѣлъ и видѣть. Матроска влетѣла и опцпала Долинскаго какъ мокраго пѣтуха.

— Такъ, милостивый государь, съ своими женами одна мер-

завцы поступаютъ! врынула она, не говоря худаго слова, на зятя. (Долинскій сразу такъ и оторопѣлъ. Онъ сроду не слыхивалъ, чтобы женщина такъ выражалась).—Вашъ долгъ показать людямъ, продолжала матроска:—какъ вы уважаете вашу жену, а не поворачиваться съ нею какъ воръ на ярмаркѣ. Что, вы стыдитесь моей дочери, или она вамъ не пара?

— Я думаю, мой долгъ жить съ женою дружески, а не стараться кому нибудь это показывать. Не все ли равно, кто что о насъ думаетъ?

— Покорно васъ благодарю! покорнѣйше-съ васъ благодарю-съ! заматавъ головою разъярилась матроска. — Это значить, вамъ все равно, что моя дочь, что Любашка.

— Какая такая Любашка?

— Ну, что бѣлье вамъ носила; думаете, не знаю?

— Фу, какая грязь!

— Да-съ! А вы бы, если вы человѣкъ такихъ хорошихъ правилъ, такъ не торопились бы до свадьбы-то въ права мужа вступать, такъ это лучше бы-съ было, честнѣе. А и тебѣ дурѣ ништо, ништо, ништо, оборотилась она къ дочери.—Рюмь, рюмь теперь, а вотъ погоди немножко, какъ корсажи-то въ платьяхъ придется разставлять, такъ и совсѣмъ будетъ тебя прятать.

Долинскій вскочилъ и послалъ за каретой. Юлинька дѣлала визиты съ заплаканными глазами, и своимъ угнетеннымъ видомъ ставила мужа въ положеніе весьма странное и неловкое. Въ откупномъ мірѣ матроскиныхъ благодѣтелей Долинскій не понравился.

— Какой-то совсѣмъ неискательный, отозвался о немъ главный благодѣтель, котораго Юлинька повлепала ухаживаніемъ за нею.

Матроска опять дала зятю встрепку.

— Своихъ отряхъ учительшекъ умѣете привѣчать, а людей, которые всей вашей семьѣ могутъ быть полезны, отталкиваете, наступала она на Долинскаго.

Юлинька въ глаза всегда брала сторону мужа, и просила его не обращать вниманія на эти грубыя выходки грубой женщины. Но на самомъ дѣлѣ каждый изъ этихъ маневровъ всегда производился по непосредственной инициативѣ и подробнѣйшимъ инструкціямъ самой Юлиньки. По ея соображеніямъ, это былъ хорошій и вѣрный методъ обезличить кроткаго мужа на сколько нужно, чтобы распорядиться по собственному усмотрѣнію, и въ то

же время довести свою мать до совершенной остылицы мужу и въ удобную минуту немножко попустить его, такъ, чтобы не она, а онъ бы выгналъ матроску и Викториношку изъ дома. Роды перваго ребѣнка показали Юліи, что мужъ ея уже обшколенъ весьма удовлетворительно, и что теперь она сама, безъ материнаго посредства, можетъ обращаться съ нимъ какъ ей угодно. Дней черезъ двѣнадцать послѣ родовъ, она вышла съ сестрою изъ дома, гуляла очень долго, наѣлась султанскихъ финиковъ и, возвратясь, заболѣла. Тутъ у нея въ этой болѣзни оказались виноватыми всѣ, кромѣ ея самой: мать, что не удержала; акушерка—что не предупредила и мужъ, должно быть, въ томъ, что не вернулъ ее домой за ухо.

— Я же чѣмъ виноватъ? говорилъ Долинскій.

— Вы ничѣмъ невиноваты!... крикнула Юлинька.—А вы съѣздили къ акушеру? разспросили вы, какъ держаться женѣ? Посовѣтовались вы... прочитали вы! да прочитали вы, напримѣръ, что нибудь о беременной женщинѣ? вообще позаботились вы? позаботились? Кому-съ, а васъ спрашиваю, я всѣмъ этимъ обязана?

— Чѣмъ? удивлялся мужъ.

— Чѣмъ?... Ненавистный человѣкъ! Еще онъ спрашиваетъ: чѣмъ?... Только съ нѣжностями своими противными умѣетъ лѣзть, а удержать жену отъ неосторожности—не его дѣло.

— Я полагаю, что это всякая женщина сама знаетъ, что черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ нельзя дѣлать такихъ прогулокъ, отвѣчалъ Долинскій.

— Это у васъ, ваши вѣвскіи тихони все знаютъ, а я ничего не знала. Еслибъ я знала болѣе, такъ вы навѣрно со мною не сдѣлали бы всего, что хотѣли.

— О го-го-го! Забыли, видно, бабушка, ваши благородныя дѣланія-то! подхватила изъ другой комнаты матроска.

— Ахъ, убирайтесь вы всѣ вонъ! закричала Юліи.

Долинскій махалъ рукою и уходилъ къ себѣ въ каюрку, отвѣденную ему для кабинета.

Автономіи его рѣшительно не существовало, и жизнь онъ велъ прегорькую-горькую. Дома онъ сидѣлъ за работою, или выходилъ на уроки, а не то, такъ, или сопровождалъ жену, или занималъ ея гостей. Матроска и Юлинька, какъ тургеневская помѣщица, были твердо увѣрены, что супруги

Не другъ для друга созданы
Нѣтъ — мужъ устроенъ для жены,

и ни для кого больше, ни для міра, ни для себя самого даже. Товарищей Долинскаго принимали холодно, небрежно и наконецъ даже часто вовсе не принимали. Новые знакомства, завязанныя Юлинькою съ разными тонкими цѣлями, не нравились Долинскому, тѣмъ болѣе, что ради этихъ знакомствъ его заставляли быть «искательнымъ», что вовсе было и не въ натурѣ Долинскаго и не въ его правилахъ. Къ тому же Долинскій очень хорошо видѣлъ, какъ эти новые знакомые часто безцеремонно третировали его жену и даже нерѣдко въ глаза открыто смѣялись надъ его тещей; но ни остановить чужихъ, ни обрезонить своихъ онъ рѣшительно не умѣлъ. А матроскѣ положительно не везло въ гостинной; что она ни станеть рассказывать о своихъ аристократическихкихъ связяхъ—все выходитъ какимъ-то нелѣпѣйшимъ вздоромъ и къ тому же, въ этомъ же самомъ разговорѣ вздумавшая аристократничать матроска какъ нарочно стеариновую свѣчу назоветъ *стерлерминовою*, вмѣсто сиропа—*суротъ*, вмѣсто камфина—*кангинъ*. Съѣздила матроска одинъ разъ въ театръ и послѣ цѣлаго года рассказывала, что она была въ театрѣ на *Эспанскомъ дворяничъ*; желая похвалиться, что ея Петрушу примуть въ училище правовѣдѣнія, она говорила, что его примуть въ училище *Праловсденія*, и тому подобное, и тому подобное.

Прошелъ еще годъ, Долинскій совсѣмъ сталъ неузнаваемъ. «Брошу», рѣшалъ онъ себѣ не разъ послѣ тревокъ за неискательность и недостатокъ средствъ къ удовлетворенію расширявшихся требованій Юліи Петровны, но тутъ же опять вставалъ у него вопросъ: «а гдѣ же твердая воля мужчины?» Да въ томъ-то и будетъ твердая воля, чтобы освободиться изъ этой уничтожающей среды, рѣшалъ онъ, и сейчасъ же опять запрашивалъ себя: развѣ болѣе воли нужно, чтобы *уйти*, чѣмъ съ твердостью и достоинствомъ выносить свое тяжкое положеніе? А между тѣмъ, явился другой ребѣнокъ. Долинскій въ качествѣ отца двухъ дѣтей сталъ подвергаться сугубому угнетенію и наконецъ не выдержалъ и собрался ѣхать съ письмами женныхъ благодѣтелей въ Петербургъ. Долинскій собрался скоро, торопливо, какъ-бы боялся, что онъ останется, что его что-то задержать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ нигуда не пошелъ съ письмами благодѣтелей, но освѣжился, одумался и въ откровенную минуту высказалъ все свое горе одному старому своему дѣтскому товарищу, земляку и другу, художнику Ильѣ Макаровичу Журавкѣ, человѣку очень доброму, щелкому, суетливому и немножко смѣшному.

— Одно средство, братецъ мой, вамъ другъ съ другомъ разстаться, отвѣчалъ, выслушавъ его исповѣдь, Журавка.

— Это, Ильюша, легко, братъ, сказать.

— А сдѣлать еще легче.

Долинскій походилъ и въ раздумьѣ произнесъ:

— Не могу, какъ-то все это съ одной будто стороны такъ, а съ другой опять.

— Пф! да брось, братецъ, брось, вотъ и вся недолга, либо заплещишь, бабы ѣздить на тебѣ будутъ, восклицалъ Журавка.

Поживя мѣсяцъ въ Петербургѣ, Долинскій чувствовалъ, что дѣйствительно нужно собрать всю волю и уйти отъ людей, съ которыми жизнь мука, а не спокойный трудъ и не праздники.

— Ну, положимъ такъ, говорилъ онъ:—положимъ, а бы и рѣшился, оставилъ бы жену; а дѣтей же какъ оставить?

— Дѣтей обезпечь, братецъ.

— Чѣмъ, чѣмъ, Илья Макарычъ?

— Деньгами, разумѣется.

— Да какія же деньги, гдѣ я ихъ возьму?

— Пф! хочешь десять тысячъ обезпеченія, сейчасъ, хочешь?

— Ну, ну, давай.

— Нѣтъ, ты говори коротко и узловато, хочешь или не хочешь?

— Да, давай, давай.

— Стало быть, хочешь?

— Да ужь, конечно, хочу.

— Идетъ, и да будетъ тебѣ, яко же хоцещи! Послѣ-завтра у твоихъ дѣтей десять тысячъ обезпеченія, супругъ давай на дѣтское воспитаніе, а самъ живи во славу божию; ступай въ Италію, тамъ, братъ, итальяночки... уухъ, одними глазами такъ и вскипятить пна! Я тебѣ сважу, наши-то женщины, братецъ, вѣдь если по правдѣ говорить, все-таки вѣдь дрань.

— А я думаю, говорилъ на другой день Долинскій Журавкѣ:— я думаю, точно ты правъ, надо вѣдь это дѣло покончить.

— Да какъ же, братецъ, ненадо?

— То-то, я всю ночь продумалъ и...

— Ты пожалуйста ужь лучше и не раздумывай.

Черезъ два дня въ рукахъ Долинскаго былъ полисъ на его собственную жизнь, застрахованную въ десять тысячъ рублей, и предложеніе редакціи одного большаго изданія быть корреспондентомъ въ Парижѣ.

Долинскій, какъ всѣ несильные волею люди, старался исполнить свое рѣшеніе какъ можно скорѣе. Онъ перемѣнилъ паспортъ и уѣхалъ за границу. Во все это время онъ ни малѣйшимъ образомъ не выдалъ себя женѣ; извѣщалъ ее, что онъ хлопочетъ, что ему даютъ очень выгодное мѣсто, и только въ день своего отъѣзда вручилъ Ильѣ Маваровичу конвертъ съ письмомъ слѣдующаго содержания: «Я, наконецъ, долженъ сказать вамъ, что я нашелъ себѣ очень выгодное мѣсто и отправляюсь къ этому мѣсту, не заѣзжая въ Москву. Главная выгода моего мѣста заключается въ томъ, что вы его никогда не узнаете, а если узнаете, то не можете меня болѣе мучить и терзать. Я васъ оставляю навсегда за вашу дурной нравъ, жестокость и лукавство, которые мнѣ ненавистны и которыхъ я болѣе переносить не могу. Ссориться и браниться я не приученъ, а на великодушіе хотя бы даже въ далекомъ будущемъ я не надѣюсь, и потому просто бѣгу отъ васъ. На случай моей смерти оставляю моему извѣданному другу полисъ страховаго общества, которое уплатитъ мнѣ дѣтямъ десять тысячъ рублей; а пока живъ, буду высылать вамъ на ихъ воспитаніе столько, сколько позволятъ мнѣ мои средства.

«Не выражаю вамъ никакихъ доброжелательствъ, чтобы вы не приняли ихъ за насмѣшку, но ручаюсь вамъ, что не питаю къ вамъ, ни къ вашему семейству ни малѣйшей злобы. Я хочу только, чтобы мы, какъ люди совершенно несходныхъ характеровъ и убѣжденій, не мѣшали другъ другу, и вы сами вскорѣ увидите, что для васъ въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой потери. Я знаю, что я неспособенъ ни состронить себѣ служебную карьеру, ни нажить денегъ, съ которыми можно бы не нуждаться. Вы ошиблись во мнѣ, я—въ васъ. Не будете бесполезно упрекать ни себя, ни другъ друга, и проститесь, утѣшая себя, что передъ нами раскрывается снова жизнь, если и не счастливая, то, по крайней-мѣрѣ не лишенная того высшаго права, которое называется свободою совѣсти и которое, къ несчастію, людямъ такъ мало уважаютъ другъ въ другѣ.

«Н. Долинскій».

С.-Петербургъ.

Такъ покончилась семейная жизнь человѣка, встрѣченнаго Доружкою, уже послѣ четырехлѣтняго его житія въ Парижѣ.

Въ Россію Долинскій еще боялся возвращаться, потому что даже и изъ-заграницы ему два или три раза приводилось да-

вать въ посольствѣхъ непріятныя и тяжелыя объясненія по жалобамъ жены.

IV.

Главные лица романа знакомятся ближе.

Продолжаемъ прерванную повѣсть.

Домъ, въ которомъ Анна Михайловна съ своею сестрою жила въ Парижѣ, былъ изъ новыхъ домовъ Rue de l'Ouest. Въ немъ съ улицы не было воротъ, но тотчасъ, перешагнувъ за его красиво-отдѣланныя, тяжелыя двери, открывался маленькій дворикъ, почти весь занятый большою цвѣточною клумбою; направо была красивенькая клѣтка, въ которой жила старая concierge, а направо дверь и легкая спиральная лѣстница. Черезъ два дня послѣ свиданія съ Прохоровыми, Долинскій съ несомнѣннымъ довольнымъ лицомъ медленно взбирался по этой ажурной лѣстницѣ и позвонилъ у одной двери въ третьемъ этажѣ. Его ввели черезъ небольшой коридорчикъ въ очень просторную и хорошо меблированную комнату, передѣленную густою шерстяною драпировкою.

По комнатамъ, на диванѣ и на стульяхъ лежали кучи лентъ, цвѣтовъ, снѣжи, рюшу и разной другой галантерейщины; на столѣ были набросаны выкройки и узоры, передъ которыми, опустивъ въ раздумьѣ голову, стояла сама хозяйка. Немного нужно было имѣть пропыцательности, чтобы отгадать, что Анна Михайловна стоитъ въ этомъ положеніи не одну минуту, но что ее узоры и не выкройки занимаютъ ее голову.

При входѣ Долинскаго Анна Михайловна покраснѣла, какъ проститутка, и сказала:

— Ахъ, извините бога-ради, у насъ такой ералашный беспорядокъ.

Долинскій ничего не отвѣтилъ на это, но взглянувъ на Анну Михайловну, только подумалъ: а какъ она дивно хороша, однако.

Анна Михайловна была одѣта въ простое коричневое платье съ высокимъ лифомъ подъ душу, и ее черныя волосы были гладко причесаны за уши. Этотъ простой уборъ, впрочемъ, шельтъ ей необыкновенно и прекрасная наружность Анны Михайловны дѣйствительно могла бы остановить на себѣ глаза каждаго.

— Пожалуйста садитесь, сестры дома вѣтъ, но она сейчасъ должна вернуться, говорила Анна Михайловна, собирая со стола свои узоры.

— Я, кажется, совѣмъ не во время? началъ Долинскій.

— А, нѣтъ! Вы пожалуйста не обращайтесь на это вниманіе, мы вамъ очень рады.

Долинскій поклонился.

— Доружка еще вчера васъ поджидала. Вы курите?

— Курю, если позволите.

— Сдѣлайте милость.

Долинскій зажегъ папироску.

— Дора все не дождется, чтобы помириться съ вами, начала хозяйка.

— Это, если я отгадываю, все еще о луврской встрѣчѣ?

— Да, сестра моя ужасно сконфужена.

— Это пресмѣшной случай.

— Ахъ, она такая.

— Непосредственная, кажется, подсказалъ улыбаясь Долинскій.

— Даже черезчуръ иногда, замѣтила снисходительно Анна Михайловна.—Но вы не повѣрите, какъ ей совѣстно, что она надѣлала.

Долинскій хотѣлъ отвѣтить, что объ этомъ даже и говорить не стоитъ, но въ это время послышался колокольчегъ и звонкій контральтъ зашѣлъ въ коридорчикѣ:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись.
Въ день несчастія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

— Вотъ и она, сказала Анна Михайловна.

На порогѣ показалась Доружка въ легкомъ бѣломъ платьѣ съ своими оригинальными красноватыми будрами, распушенными по волѣ, съ снятой съ головы соломенной шляпой въ одной рукѣ и съ картонкой въ другой.

— А, а! произнесла она протяжно при видѣ Долинскаго и остановилась у двери.

Гость всталъ съ своего мѣста.

— Стар... Стар... нѣтъ, все не могу выговорить вашего имени.

— Несторъ, произнесъ разсмѣявшись Долинскій.

— Да, да, есть Несторъ лѣтописецъ.

— То-есть былъ; но это во всякомъ случаѣ не я.

— Я это ужъ сообразила, что вы, должно быть, совершенно отдѣльный, особенный Несторъ. Ахъ, Несторъ Игнатьичъ, я

передъ вами на колѣни сейчасъ опущусь, если вы меня не простите.

— Помилуйте, вы только заставляете меня краснѣть отъ этикъ вашихъ прссѣбъ.

— О, если вы это безъ шутокъ говорите, то вы просто покорите мое сердце своею добродѣтелью.

— Увѣряю васъ, что я ужъ забылъ объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, Полванушка, дай лапу.

Анна Михайловна неодобрительно качнула головою, на что не обратили вниманія ни Долинскій, ни Дорушка, крѣпко и весело сжимавшіе поданныя другъ другу руки.

— А моя сестра ужъ вѣрно морщится, что мы дружимся, проговорила Дора, и взглянувъ въ лицо сестры, добавила:

— Такъ и есть, вотъ удивительная женщина, никогда она, кажется, не будетъ вѣрить, что я знаю, что дѣлаю.

— Ты знала, что дѣлала и тогда, когда разсуждала о monsieur Долинскомъ?

— Это въ первый разъ случилось, но впрочемъ, вотъ видишь, какъ все хорошо вышло: теперь у меня есть русскій другъ въ Парижѣ. Вѣдь мы друзья, правда?

— Правда, отвѣчала Долинскій.

— Вотъ видишь, Аня. Я говорю, что всегда знаю, что я дѣлаю. Я женщина практичная — и это правда. Вы хотите мароновъ? спросила она Долинскаго, опуская въ карманъ руку.

— Нѣтъ-съ, не хочу.

— Тѣленькіе совѣмъ еще.

— Все-таки поборно васъ благодарю.

— Зачѣмъ ты покупаешь эту дрянъ, Дора? виѣшалась Анна Михайловна.

— Я совѣмъ ихъ не покупаю, это мнѣ какой-то французъ подарилъ.

— Какой это у тебя еще французъ завелся?

— Не знаю, глупый, должно быть, какой-то, далеко-далеко меня провожалъ и все глупости какія-то вретъ. Завтракать съ собой звалъ, а я не пошла, велѣла себѣ тутъ на этомъ углу въ лавочкѣ мароновъ купить и пожелала ему счастливо оставаться на улицѣ.

— Вотъ видите, какъ она знаетъ, что дѣлать, произнесла Анна Михайловна.—Только того и ждешь, что налетитъ на какую-нибудь исторію.

— Пустякъ это, съѣдомое всегда можно брать, особенно у француза.

— Почему же особенно у француза?

— Потому что онъ, во первыхъ, глупъ, а, во вторыхъ, это ему удовольствіе доставляетъ.

— И тебѣ тоже?

— Нѣкоторое.

— А если этотъ французъ тебѣ сдѣлаетъ дерзость?

— Не смѣетъ.

— Отчего же не смѣетъ?

— Такъ, не смѣетъ—да и только. Вы давно за границею? обратилась она опять къ Долинскому.

— Скоро четыре года.

— Ой, ой, ой, это одурѣть можно.

Анна Михайловна засмѣялась и сказала:

— Вы ужь, monsieur Долинскій, теперь насъ извиняйте за выраженія; мы, какъ видите, скоро дружимся и подружившись всѣ церемоніи сразу въ сторону.

— Сразу, серьезно подтвердила Дора.

— Да, у насъ съ Дарьей Михайловной все вдругъ дѣлается. Я того и гляжу, что она когда-нибудь пойдетъ два аршина лентъ купить, а мимоходомъ зайдетъ въ церковь, да съ кѣмъ нибудь обвѣнчается и вернется съ мужемъ.

— Нѣтъ-съ, этого, душенька, не случится, отвѣчала, сморщивъ носикъ Дора.

— Охъ, а все-таки что-то страшно, шутила Анна Михайловна.

— Во первыхъ, выкладывала по пальцамъ Дора:—на мнѣ никогда никто не женится, потому что по множеству разныхъ пороковъ я неспособна къ семейной жизни, а во вторыхъ, и сама ни за кого не пойду замужъ.

— Какое суровое рѣшеніе! провзнесъ Долинскій.

— Самое гуманное. Я знаю, что я дѣлаю, не беспокойтесь. Я увѣрена, что я вполгода или бы уморила своего мужа, или бы умерла сама, а я жить хочу—жить, жить и пѣть. Доруха подняла вверхъ ручку и пропѣла:

Золотая волюшка, мнѣ милѣй всего.

Не надо мнѣ съ волею, въ свѣтъ ничего.

— Вотъ, начала она:—я почти такъ же велика, какъ Шекспиръ. У него Гамлетъ говоритъ, чтобъ никто не женился, а я говорю, пусть никто не выходитъ замужъ. Совершенно справед-

ливо, что если выходить замужъ, такъ надо выходить за дурака, а я дураковъ терпѣть не могу.

— Почему же непременно за дурака? спросилъ Долинскій.

— А потому, что умные люди больше не будутъ жениться.

— Триста лѣтъ близко, какъ вашъ Гамлетъ положилъ зарокъ людямъ не жениться, а видите, все люди и женятся и замужъ выходятъ.

— Ну да, все потому, что люди еще очень глупы, потому что пошвыстываетъ у нихъ въ лбахъ-то, резонировала Дора.— Умный человѣкъ всегда знаетъ, что онъ дѣлаетъ, а дураки, дураки всегда охотники жениться. Вѣдь вы вотъ, полагаю, не женитесь?

— Нѣтъ-съ, не женюсь, отвѣчалъ немного покраснѣвъ Долинскій.

— А, а, то-то и есть. Даже вонъ въ краску васъ бросило при одной мысли, а скажите-ка, отчего вы не женитесь? оттого, что вы не хотите попасть въ дураки?

— Нѣтъ, оттого, что я женатъ, еще болѣе покраснѣвъ и засмѣявшись отвѣчалъ Долинскій.

Дорушка быстро откинулась, значительно закусилась своею нижнюю губку и, вспрыгнувъ съ своего мѣста, юрнула за драпировку.

Долинскій обтиралъ выступившій у него на лбу потъ и смѣялся самымъ веселымъ, искреннимъ смѣхомъ. Анна Михайловна сидѣла совершенно переконфуженная и ворочала что-то въ своей рабочей корзинкѣ. Щеки ея до самыхъ ушей были покрыты густымъ пунцовымъ румянцемъ.

Секунды три длилась тихая пауза.

— Нѣтъ, это ужъ чортъ-знаетъ что такое, крикнула изъ-за драпиро- Дорушка, голосомъ, въ которомъ звучали и насилу сдерживаемый смѣхъ и досада.

— Да, это все оттого, что ты всегда знаешь, что ты дѣлаешь! тихо проговорила съ упрекомъ Анна Михайловна.

Долинскій опять разсмѣялся и вслѣдъ затѣмъ послышался несдержанный смѣхъ самой Доры. Аннѣ Михайловнѣ тоже взбѣнила ея физиономія, она улыбнулась и съ упрекомъ проронила:

— Чудо, какъ умно!

— Что жъ, *«чудо какъ умно!»* заговорила, появляясь между полями драпировки, смѣющаяся Дора.

— Очень умно, повторила Анна Михайловна.

— Да развѣ же я виновата, оправдывалась Дора:— что насталъ

такой вѣтъ, что никакъ не наспасешься? Кто ихъ знаетъ, какъ они такъ женатся, что это по нихъ незамѣтно! Ну чего, ну чего это вы женились и не сказываєте объ этомъ пріятномъ происшествіи? обратилась она къ смѣющемуся Долинскому и сама расхохоталась снова.

— Да нѣтъ, это вы вышиваєте, продолжала она, махнувъ ручкой.

— Ну не вѣрите.

— И не вѣрю, отвѣчала Дора.—Мнѣ даже этакъ удобнѣе.

— Что это, не вѣрять?

— Конечно; а то, Господи, чтѣ же это въ самомъ дѣлѣ за напасть такая! Опять бы надо во второй разъ передъ однимъ и тѣмъ же господиномъ извиняться. Не вѣрю.

— Да совершенно не въ чемъ-съ извиняться. Вы мнѣ только доставляли искреннее удовольствіе посмѣяться, какъ я давно не смѣялся, отвѣчалъ Долинскій.

Хозяйки порусски оставили Долинскаго у себя отобѣдать, потомъ вмѣстѣ ходили гулять и продержали его до полночи. Дорушка была умна, рѣзва и весела. Долинскій не замѣтилъ, какъ у него прошелъ цѣлый день съ новыми знакомыми.

— Вы, Дарья Михайловна, бываете когда нибудь и грустны? спросилъ онъ ее, прощаясь.

— Ой, ой, и какъ еще! отвѣчала за нее сестра.

— И тогда ужъ не смѣетесь?

— Черной тучею смотреть.

— Гроза и величественна бываю. Приходите почаще, такъ я вамъ доставлю удовольствіе видѣть себя въ мрачномъ настроеніи, а теперь adieu mon plaisir, спать хочу, сказала Дорушка, и дружески взявъ руку Долинскаго, закричала портьеру: «отберите».

V.

Кое что о чувствахъ.

Прошелъ мѣсяць, какъ нашъ Долинскій познакомился съ сестрами Прохоровыми. Во все это время не было ни одного дня, когда бы они не видались. Ежедневно, акуратно въ четыре часа, Долинскій являлся къ нимъ и они вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ гуляли, читали, ходили въ театры и на маленькіе балны, которые очень любила наблюдать Дора. Анна Михайловна съ своими хлопотами о закупкахъ для магазина часто уклонялась отъ такъ-на-

зывается Дорою «шлянья» и предоставляла сестрѣ мѣкаться по Парижу съ однимъ Долинскимъ. Знакомство этихъ трехъ лицъ въ этотъ промежутокъ времени дѣйствительно перешло въ самую короткую и искреннюю дружбу.

— Чудо, какъ весело мы теперь живемъ! восклицала Дора.

— Это правда, отвѣчалъ необыкновенно повеселѣвшій Несторъ Игнатьевичъ.

— А все вѣдь мнѣ всѣмъ обязаны.

— Ну, конечно-съ вамъ, Дарья Михайловна.

— Разумѣется; а не будь вы такой пентюхъ, все могло бы быть еще веселѣе.

— Чтò жь я, напимѣрь, долженъ бы дѣлать, еслибъ не имѣлъ чина пентюха?

— Это вы не можете догадаться, чтò бы вы должны дѣлать? Вы, милостивый госудать, даже изъ вѣжливости должны бы въ которую нибудь изъ насъ влюбиться, говорила ему не разъ расшалившись Дорушка.

— Не могу, отвѣчалъ Долинскій.

— Отчего это не можете? Какъ бы весело-то было, чудо!

— Да вотъ видѣть чудесь-то, я именно и боюсь.

— Э, лучше скажите, что просто у васъ, батюшка мой, вкуса нѣтъ, шутила Дора.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно, Дора, уши право явнѣе слушать, чтò ты только врѣшь, останавливала ее въ такихъ случаяхъ скромная Анна Михайловна.

— Стыдно, мой другъ, только красть, лѣзнить да обманывать, обыкновенно отвѣчала Дора.

Мрачное настроеніе духа, въ которомъ Дорушка, по ея собственнымъ словамъ, была грозна и величественна, во все это время не приходило къ ней ни разу, но она иногда очень упорно молчала часъ и другой, и потомъ вдругъ разрѣшалась вопросомъ, показывавшимъ, что она все это время думала о Долинскомъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, вы въ самомъ дѣлѣ женаты? спросила она его однажды послѣ одного такого раздумья.

— Безъ всякихъ шутокъ, отвѣчалъ ей Долинскій.

Дорушка пожала плечами.

— Гдѣ же теперь ваша жена? спросила она опять послѣ нѣкоторой паузы.

— Моя жена? Моя жена въ Москвѣ.

— И вы съ ней не видались четыре года?

— Да, вотъ скоро будетъ четыре года.

— Чтò жь это значитъ? вы съ нею вѣроятно разошлись?

— Дора! остановила Анна Михайловна.

— Чтò жь тутъ такого обиднаго для Нестора Игнатьича въ моемъ вопросѣ? Дѣло ясное, что если люди по собственной волѣ четыре года къ ряду другъ съ другомъ не видятся, такъ они другъ друга не любятъ. Любя нельзя другъ къ другу не рваться.

— У Нестора Игнатьича здѣсь дѣла.

— Нѣтъ, что-жь Анна Михайловна, я вѣдь вовсе не вижу нужды себретничать. Вопросъ Дарьи Михайловны меня ни мало не смущаетъ: я дѣйствительно не въ ладахъ съ моей женою

— Какое несчастье, проговорила съ искреннимъ участіемъ Анна Михайловна.

— И вы твердо рѣшились никогда съ нею не сходиться? до-прашивала, серьезно глядя, Дора.

— Скорѣе, Дарья Михайловна, земля сойдется съ небомъ, чѣмъ я съ своей женою.

— А она любить васъ?

— Не знаю; полагаю, что нѣтъ.

— Чтò жь, она измѣнила вамъ, что-ли?

— Дора! Ну, да что жь это наконецъ такое! сказала, порываясь съ мѣста, Анна Михайловна.

— Не знаю я этого, и знать объ этомъ не хочу, отвѣчалъ Долинскій: — какое мнѣ до нее теперь дѣло, она вольна жить какъ ей угодно.

— Значить, вы ее не любите, продолжала съ прежнимъ спокойствіемъ Дорушка.

— Не люблю.

— Вовсе не любите?

— Вовсе не люблю.

— Это вамъ такъ кажется, или вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣренъ, Дарья Михайловна.

— Почему-жь вы увѣрены, Несторъ Игнатьичъ?

— Потому, что... я ее ненавижу.

— Гм! ну, этого еще иногда бываетъ маловато, люди иногда и ненавидать, и презирають, а все-таки любятъ.

— Не знаю; мнѣ кажется, что даже и слова *ненавидѣть* и *любить* въ одно и то же время вмѣстѣ не вьжутся.

— Да, разсуждайте тамъ, вьжутся или не вьжутся; что вамъ.

за дѣло до словъ, когда это случается на дѣлѣ; нѣтъ, а вы пробовали ли себя спросить, что еслибъ ваша жена любила когонибудь другого?

— Ну-съ, такъ что же?

— Какъ бы вы, напримѣръ, смотрѣли, еслибы ваша жена цѣловала своего любовника, или... такъ вышла что ли бы изъ его спальни?

— Дора! да ты наконецъ рѣшительно несносна! воскликнула Анна Михайловна и, вставши съ своего мѣста, подошла къ окну.

— Смотрѣлъ бы съ совершеннымъ спокойствіемъ, отвѣчалъ Долинскій на послѣдній вопросъ Дорушки.

— Да, ну если такъ, то это хорошо! Это, значить, дѣло капитальное, протянула Дора.

— Но смѣшно только, отозвалась съ своего мѣста Анна Михайловна: — что ты придаешь такое большое значеніе ревности.

— Гадкому чувству, которое свойственно только пустымъ, щепетильно самолюбивымъ людишкамъ, поддержалъ Долинскій.

— Толкуйте, господа, толкуйте; а отчего однако это гадкое чувство переживаетъ любовь, а любовь не переживаетъ его никогда?

— Но тѣмъ не менѣе, все-таки оно гадко.

— Да я же и не говорю, что оно хорошо; я только хотѣла попробовать имъ вашу любовь и теперь очень рада, что вы не любите вашей жены.

— Ну, а тебѣ что до этого? укоризненно качая головою спросила Анна Михайловна.

— Миѣ? Миѣ ничего, я за него радуюсь. Я вовсе не желаю ему несчастія.

— Какія ты сегодня глупости говорила, Дора, сказала Анна Михайловна, оставшись одна съ сестрою.

— Это ты о Долинскомъ?

— Да, разумѣется. Почему ты знаешь, какая его жена? Можетъ быть, она самая прекрасная женщина.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть; онъ не такой человѣкъ, чтобы могъ бросить хорошую женщину.

— Да откуда ты его знаешь?

— Ахъ, Господи Боже мой, развѣ я дура, что-ли?

— Ну, а богъ его знаетъ, какой у него характеръ?

— Дѣтскій; да впрочемъ, какой бы ни былъ, это ничего не значить; умъ и сердце у него хорошіе, это все, что нужно.

— Нѣтъ; а ты пресентиментальная особа, Аня, начала, укладываваясь въ постель, Дорушка.—У тебя все какъ бы такъ, чтобы и волею наѣлся и овца-бъ была цѣлюю.

— А конечно, это всего лучше.

— Да, очень даже лучше, только въ несчастію вотъ досадно, что это невозможно. Ужъ ты повѣрь мнѣ, что его жена—волею, а онъ—овца. Въ немъ есть что-то такое до непредѣльности мягкое, кроткое, этакое, знаешь, какъ будто жалкое, мужской умъ, чувства простыя и теплыя, а при всемъ этомъ, онъ дитя, правда?

— Да, кажется. Мнѣ и самой иногда очень жаль его почему-то.

— А, видишь! Мы чужія ему, да намъ жаль его, а ей не жаль. Ну, что жъ это за женщина?

Анна Михайловна вздохнула.

— Страшный ты человѣкъ, Дора, проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

— Повѣрь, Аничка, отвѣчала, приподнявшись съ подушки на локотокъ, Дора:—что вотъ этакое твое мягкосердечіе-то иной разъ можетъ заставить тебя сдѣлать болѣе несправедливости. А по моему лучше когонибудь спасти, чѣмъ надъ цѣлымъ свѣтомъ охать.

— Я живу сердцемъ, Дора, и, можетъ быть, очень дурно увлекаюсь, но ужъ такая я родилась.

— А я развѣ не сердцемъ живу, Аня? отвѣтила Дорушка и заслонила рукою свѣчу.

— А вѣдь онъ очень хорошъ, сказала черезъ нѣсколько минутъ Дора.

— Да, у него довольно хорошее лицо, тихо отвѣчала Анна Михайловна.

— Нѣтъ, онъ просто очаровательно хорошъ.

— Да, хорошъ, если хочешь.

— Какіе-то притягивающіе глаза, произнесла послѣ короткой паузы Дора, шуря на огонь свои собственные глазки и молча задула свѣчу.

— Люблю такія тихія, покорныя лица, досказала она, ворочаясь впотымахъ съ подушкой.

— Ну, что это, Дора, сто разъ повторять про одно и то же! Спи, сдѣлай милость, отвѣчала ей Анна Михайловна.

VI.

Романъ чуть не прерывается въ самомъ началѣ.

Доходилъ второй мѣсяцъ знакомству Долинскаго съ Прохоровыми и сестры стали собираться назадъ въ Россію. Долинскій помогать имъ въ ихъ сборахъ. Онъ сдалъ комисіонеру всѣ покупки, которыя нужно было переслать Аннѣ Михайловнѣ черезъ всѣ таможенныя мытарства въ Петербургъ; даже помогать имъ укладывать чемоданы; самъ напрашивался на разныя мелкія порученія и вообще разставался съ ними, какъ съ самыми добрыми и близкими друзьями, но безъ всякой особенной грусти, безъ горя и досады. Отношенія его къ обѣимъ сестрамъ были совершенно ровны и одинаковы. Если съ Дорушвой онъ себя чувствовалъ нѣсколько веселѣе и самъ оживлялся въ ея присутствіи, за то каждое слово, сказанное тихимъ и симпатическимъ голосомъ Анны Михайловны, вѣяло на него какимъ-то невозмутимымъ, святимъ покоемъ, и Долинскій чувствовалъ силу этого спокойнаго вліянія Анны Михайловны не менѣе, чѣмъ энергическую натуру Доры.

Дорушка не заводила болѣе рѣчи о бракѣ Долинскаго, и только разъ, при какомъ-то разсказѣ о бракѣ, совершившемся изъ благодарности, или изъ какого-то другого весьма почтеннаго но безстрастнаго чувства, сказала, что это ужъ изъ рукъ вонъ глуше.

— Но благородно, замѣтила сестра.

— Да, знаешь, ужъ именно до подлости благородно, до самоубійства.

— Самопожертвованіе!

— Нѣтъ, Аня—глупость, а не самопожертвованіе. Изъ самопожертвованія можно дать отрубить себѣ руку, отказаться отъ наслѣдства, можно сдѣлать самую безумную вещь, на которую нужна минута, пять, десять... ну, даже хоть сутки, но хроническое самопожертвованіе на цѣлую жизнь, нѣтъ-съ, это невозможно. Вотъ вы, Несторъ Игнатьичъ, тоже не изъ состраданія ли женились? отнеслась она къ Долинскому.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Долинскій, стараясь сохранить на своемъ лицѣ какъ можно болѣе спокойствія.

Анна Михайловна и Дорушка обѣ пристально на него посмотрѣли.

— Пожалуй, что и да, мой батюшка; отъ него и это могло стать, произнесла нѣсколько комическимъ тономъ Дора.

Долинскій самъ разсмѣялся и сказалъ:

— Нѣтъ, право нѣтъ, я не такъ женился.

За день до отъѣзда сестеръ изъ Парижа, Долинскій принесъ къ нимъ нѣсколько эстамповъ, вложенныхъ въ папку и адресованныхъ: *Ильѣ Макаровичу Журавкѣ по 11-й линіи, домъ Клементя.*

— Скажите, какой скромникъ! воскликнула Дорушка, прочитавъ адресъ.—Скоро два мѣсяца знакомы, и не разу не сказалъ, что онъ знаетъ Илью Макаровича.

— Развѣ и вы его знаете?

— Кого? Журавку? это нашъ другъ, отозвалась Анна Михайловна:—я его кума, дѣтей его крестила. У насъ даже есть портреты его работы.

— Какъ же онъ мнѣ ничего не говорилъ о васъ?

— Изъ ревности, вмѣшалась Дорушка. — Онъ вѣдь, бѣдный Ильюша, влюбленъ въ Аню.

— Право?

— По уши.

Послѣдній день Долинскій провелъ у Прохоровыхъ съ самого утра. Вмѣстѣ пообѣдавъ, они сѣли въ нѣсколько опустѣвшей комнатѣ, и всѣмъ имъ разомъ стало очень невесело.

— Ну, помните, дитя мое, все, чему я васъ учила, пошутила Дорушка, глядя Долинскаго по головѣ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Долинскій.

— Не хандрите, работайте и самое главное—непремѣнно влюбитесь.

— Послѣдняго только, самого-то главнаго, и не общаю.

— Отчего?

— Смысла не вижу.

— Какой же вамъ надо смыслъ для любви? Развѣ любовь сама по себѣ не есть смыслъ, смыслъ жизни?

— Я не могу любить, Дарья Михайловна, права не имѣю давать въ себѣ мѣста этому чувству.

— Это право принадлежитъ каждому живущему.

— Не совсѣмъ-съ. Напримѣръ, въ какой мѣрѣ можете пользоваться этимъ правомъ человѣкъ, обязанный жить и трудиться для своихъ дѣтей?

— А, такъ и эта прелесть есть въ вашемъ положеніи?

— У меня двое дѣтей.

— Да, это кое-что значить.

— Нѣтъ, это *очень* *много* значить, отозвалась Анна Михайловна.

— Н-н-ну, не знаю, отчего такъ ужъ очень много. Можно любить и своихъ прежнихъ дѣтей и женщину.

— Да, еслибы любовь, которая, какъ вы говорите, сама по себѣ есть цѣль-то, или главный смыслъ нашей жизни, не налагала на насъ извѣстныхъ обязанностей.

— Что-то не совсѣмъ понятно.

— Очень просто: всей моей заботливости едва достаетъ для однихъ моихъ дѣтей, а если ее придется еще раздѣлять съ другими, то всѣмъ будетъ мало. Вотъ почему у меня и выходитъ, что нельзя любить, слѣдуетъ бѣжать отъ любви.

— Да это дико! это просто дико!

— И очень честно, очень благородно, вмѣшалась Анна Михайловна. — Съ этой минуты, Несторъ Игнатьичъ, я васъ еще болѣе уважаю и радуюсь, что мы съ вами познакомились. Дора сама не знаетъ, что она говорить. Лучше одному тянуть свою жизнь, какъ ужъ Богъ ее устроилъ, нежели видѣть около себя кругомъ несчастныхъ, да слышать упреки, видѣть страдающія лица. Нѣтъ, Боже васъ спаси отъ этого!

— Нѣтъ, извините господа, это вы-то, кажется, не знаете, что говорите! Любовь, деньги, обезпеченія... фу, какой противоестественный винигретъ! Все это очень умно, звучно, чувствительно, а самое главное то, что все это се sont des пустыни. Кто ведетъ свои дѣла умно и рѣшительно, тотъ все это отлично уладить, а вы, миласечки мои, сами неудобъ какая-то, оттого такъ и разсуждаете.

— Дарья Михайловна смотритъ на все очень ужъ молодо, смѣло черезчуръ, снисходительно проговорилъ Долинскій, относясь къ Аннѣ Михайловнѣ.

— Крылышки у нея еще не поматы, отвѣчала Анна Михайловна.

— Именно; а пуганая ворона, какъ говорить пословица, и куста боится.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это—самое лучшее средство разрѣшать себѣ все пословицами, то-есть чужимъ умомъ! Ну, и поздравляю васъ, и оставайтесь вы при своемъ, что *ворона куста боится*; а я буду при томъ, что *соколу мяс нестрашнѣе*. Видь это тоже пословица.

Долинскій простился съ Прохоровыми у вагона сѣверной желѣзной дороги и они дали слово иногда писать другъ другу.

— Прощайте, пуганая верона! крикнула изъ окна Доружина, когда вагоны тронулись.

— Летите, летите, мой смѣлый совогъ.

Посмотрѣвъ вслѣдъ уносившемуся поѣзду, Долинскій обернулся, и въ эту минуту особенно тяжело почувствовалъ свое одиночество, почувствовалъ его сильнѣе, чѣмъ во всё протекшіе четыре года. Не тихая тоска, а какое-то вло на свое сиротство, желчная раздражительная скука, охватила его со всѣхъ сторонъ. Онъ захватилъ на старую квартиру Прохоровыхъ, чтобы взять оставленные тамъ книги, и пустыя комнаты, которыя мела француженка, окончательно его сдавили; ему стало еще хуже. Долинскій зашелъ въ кафе, выпилъ два грога и, возвратясь домой, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Опять онъ оставался въ Парижѣ одинъ-одинешенева, утомленный, разбитый и безотрадно-смотрящій на свое будущее.

— Вернуться бы ужъ, что-ли, самому въ Россію? подумалъ онъ, лежа на другое утро въ постели.

— Да какъ вернуться? того гляди, исторію сдѣлаешь. Нѣтъ ужъ, размышлялъ онъ, переворачивая по своему обыкновенію каждый вопросъ со всѣхъ сторонъ:— нужно имѣть надъ собою власть и мѣшать здѣсь свое горе. Все же это достойнѣе, чѣмъ не устоять противъ скуки и опять рисковать попасться въ какую нибудь гадкую исторію.

VII.

Дора знаетъ, что дѣлаетъ.

Такъ попрежнему скучно, тоскливо и одиноко прожилъ Долинскій еще полгода въ Парижѣ. Въ эти полгода онъ получилъ отъ Прохоровыхъ два или три малозначущія письма съ шутивными приписками Ильи Макаровича Журавки. Письма эти радовали его, какъ доказательства, что тамъ на Руси у него все-таки есть люди, которые его помнятъ; но читая эти письма, ему становилось еще грустнѣе, что онъ оторванъ отъ родины и, какъ изгнанникъ какой-нибудь, не смѣетъ въ нее возвратиться безъ опасенія для себя большахъ неприяностей.

Наконецъ въ одинъ прекрасный день, Несторъ Игнатьевичъ получилъ письмо, которое сначала его нѣсколько поразило, а

потомъ весьма порадовало и дало ему толчокъ, котораго давно ждала его робкая, нерѣшительная натура.

Письмо это сначала до конца было писано Доружкою, безъ всякой сторонней приписки.

«Несторъ Игнатьевичъ (писала Дора Доливиному)! Я нивагъ не могу себѣ опредѣлять, очень умно или до крайности глупо я поступаю, что пишу къ вамъ это письмо; но не могу удержаться и все-таки пишу его. Когда я сказала моимъ и вашимъ друзьямъ, то-есть Анѣ и Ильѣ Макаровичу, что васъ непременно надо немедленно извѣстить о томъ, о чемъ вы теперь узнаете изъ этого письма, то они подняли такой гвалтъ, что съ ними не стоило спорить и приходилось бы отказаться отъ всякаго намѣренія посвятить васъ въ ваши же собственные дѣла. Но мой грѣшный разумъ и тайный голосъ моего сердца, которыхъ я привыкла слушаться, склонили меня къ преступленію противъ Ани и Ильи Макаровича. Я пишу вамъ это письмо тайно отъ нихъ и прошу васъ это хорошенько запомнить.

«Дѣло идетъ, конечно, о васъ и заключается въ томъ, что вашихъ дѣтей, на воспитаніе которыхъ вы высылаете деньги, уже четвертый годъ не существуетъ на свѣтѣ, а жена ваша тоже около года живетъ въ Эмсѣ съ старымъ богачомъ, откушникомъ Штульцемъ. Дѣти ваши почти обомъ разомъ умерли отъ крупа, вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы, а у вашей жены за-границею родился новый ребѣнокъ, на котораго откушникъ Штульцъ (какой-то задушевный пріятель родственниковъ вашей жены) далъ очень серьезную сумму. Говорятъ, что этою суммою на дѣлюю жизнь прочно обезпечены и мать и ребѣнокъ.

«Всѣ эти аккуратно и достоверно собранныя свѣдѣнія привезъ намъ Илья Макаровичъ, который на дняхъ ѣздилъ въ Москву реставрировать какую-то вновь открытую изъ-подъ старой штукатурки допотопную фреску. Обстоятельства эти мнѣ показались очень важными для васъ и я настаивала, чтобы извѣстить васъ обо всемъ этомъ подробно; но и сестра, а за нею и милѣйшій другъ нашъ Журавка завопили: «нельзя; невозможно! это все нужно исподоволь, да другими путями, чтобы не сразить васъ и не попасть самимъ въ сплетники». Я не могла съ ними совладѣть, но и не могла съ ними согласиться, потому что все это, мнѣ кажется, должно имѣть для васъ очень большое и, по моему, не совсемъ грустное значеніе. А для того, чтобы на свѣтѣ не было сплетенъ, я думаю, самое лучшее дѣло—какъ можно

болѣ сплетничать. Это одно только можетъ отучить людей распускать запечные слухи. Хочу думать, Несторъ Игнатъевичъ, что я васъ понимаю и не дѣлаю ошибки, посылая къ вамъ это конфиденціальное посланіе.»

«Пребиваю къ вамъ благосклонная

«Дора».

«P. S. Нашъ независимый Илья Макаровичъ продолжаетъ все болѣ и болѣ терять независимость отъ своей Граціаллы и приходитъ къ намъ довольно рѣдко и то урывкомъ.»

Въ отвѣтъ на это письмо Долинскій написалъ Дорѣ: «Вы прекрасно сдѣлали, Дарья Михайловна, что послушались самихъ себя и извѣстили меня о происшествіяхъ въ моей семьѣ. Сразить меня это никакъ не могло. Дѣтей, разумѣется, жалко, но если подумать, что ихъ могло ожидать при семейномъ разладѣ родителей, то, можетъ быть, для нихъ самихъ лучше, что они умерли въ самыя ранніе годы. А что касается до моей жены, то я былъ всегда увѣренъ, что она устроится самымъ лучшимъ и выгоднымъ для нея образомъ. Я очень радъ за нее и не сомнѣваюсь, что она поведетъ свои дѣла прекрасно. Для меня же теперь исчезаютъ препятствія къ возвращенію на родину, и я черезъ мѣсяцъ надѣюсь лично поблагодарить васъ за оказанную мнѣ услугу».

— Да ты, стало быть, въ самомъ дѣлѣ иногда знаешь, что дѣлаешь, сказала Анна Михайловна, когда Дора, получивъ письмо Долинскаго, сама открыла свой секретъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ одинъ разъ густыми осенними сумерками, Журавва влѣвъ въ маленькую столовую Анны Михайловны, гдѣ сидѣли хозяйка и Дора, и закричалъ:

— Неудобъ наше пріѣхало.

— Долинскій! Гдѣ-жь онъ? спросили вмѣстѣ обѣ сестры.

Въ эту же минуту въ темной рамѣ дверей показалась фигура безъ обливка; но взглянувъ на эту фигуру, и Дорушка и Анна Михайловна разомъ закричали: Несторъ Игнатъевичъ! это вы?

— Я, Анна Михайловна, отвѣчалъ Долинскій, цалуя руки обѣихъ сестеръ.

— Когда пріѣхали?

— Сегодня въ четыре часа.

— А теперь шесть; это очень мило, похвалила Дорушка.— А мы васъ здѣсь, знаете, какъ прозвали? «Неудобъ».

Долинскій махнулъ рукой и сказалъ:

— Ужь это хоть не спрашивай, Дарья Михайловна выдужала.

— Пф! сразу, шельмецъ, узналъ, воскликнуть Журавка, и тотчасъ же, нагнувшись къ уху Анны Михайловны, прошепталъ:

— Вы намъ, кумушка, чайшка дадите, а я тѣмъ часомъ тутъ летаю; всего на одну минуточку летаю и ворочусь; дѣлишко есть у Пяти Угловъ.

— Летите, летите, отвѣчала ему Анна Михайловна, и художникъ юркнулъ.

Объ хозяевахъ были необыкновенно радушны съ Долинскимъ. Онъ его внимательно расспрашивали, какъ ему жилось, что онъ думалъ, что видѣлъ?

Долинскій давно не чувствовалъ себя такъ хорошо: словно онъ въ самымъ добрымъ, къ самымъ теплымъ роднымъ прїѣхалъ. Подали свѣчи и самоваръ; Доружка сѣла за чай, а Анна Михайловна повела Долинскаго показать ему свою квартиру.

Квартира Анны Михайловны помѣщалась въ одномъ изъ лучшихъ домовъ на Владимірскомъ проспектѣ. Эта квартира состояла изъ шести прекрасныхъ комнатъ въ бельэтажѣ, съ параднѣйшимъ подъѣздомъ съ улицы. Самая большая комната съ подъѣзда была занята магазиномъ. Здѣсь стояли шкафы, шифоньерки, подставки и два огромныхъ, дорогихъ трюмо. За большимъ орѣховымъ шкафомъ, устроеннымъ по размѣрамъ этой комнаты и раздѣлявшимъ ее на двѣ равныя половины, помѣщался длинный липовый столъ и около него шесть или восемь тавякъ же чистенькихъ, некрашенныхъ, липовыхъ табуреточекъ. Половина этого отдѣленія комнаты была еще разъ передѣлена драпировкою изъ зеленого каленкора, за которою стояли три кровати, закрытыя недорогими, сѣрыми, байковыми одѣялами. Здѣсь была спальня трехъ небольшихъ дѣвочекъ, отданныхъ ихъ родными Аннѣ Михайловнѣ, для обученія мастерству. Когда Анна Михайловна ввела за собою своего гостя въ это зашкафное отдѣленіе, на Долинскаго чрезвычайно благопріятно подѣйствовала представившаяся ему картина. Надъ чистымъ липовымъ столомъ, заваленнымъ кучею тюля, газа, лентъ и матерій, висѣла огромная мѣдная лампа, освѣщавшая весь столъ. За столомъ на табуреткахъ сидѣли четыре очень опрятныя, миловидныя дѣвушки и три дѣвочки одѣтыя, какъ институтки, въ одинаковыя листриновыя платья съ бѣлыми передниками. Въ одномъ концѣ стола, на легкомъ деревянномъ креслѣ съ рѣшотчатою деревянною спин-

еи, сидѣла небольшая женская фигура съ вѣбитымъ хохломъ и чертообразными махрами на переди сѣтви.

— Это моя помощница, mademoiselle Alexandrine, отрезомедовала Анна Михайловна эту фигурку Долинскому. Mademoiselle Alexandrine тотчасъ же, очень ловко и съ большимъ достоинствомъ удостоила Долинскаго легкаго поклона, и такъ произнесла свое bonsoir, monsieur, что Долинскій не вообразилъ себя въ Парижѣ только потому, что глаза его въ эту минуту остановились на невозможныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ трехъ другихъ дѣвушекъ, очевидно стремившихся, во что бы то ни стало, не только догнать, но и далеко превзойти и хохоль, и чертообразность сѣтки всегда столь ненавистой русской швеи «француженки». Дѣвочки были острижены въ кружокъ и не могли усвоивать себѣ заманчивой прически; но у одной изъ нихъ волосѣны на лбу были подрѣзаны и торчали, какъ у самого благочестиваго раскольника. Это пестриженіе надъ нею совершила Дора, чтобы освободить молодую русскую франтиху отъ воска, съ помощію котораго она старалась выстроить себѣ французскій хохоль на остриженной головкѣ. Въ другомъ концѣ стола, противъ кресла, на которомъ сидѣла mademoiselle Alexandrine, стояло точно такое же другое пустое кресло. Это было мѣсто Доры. Низкихъ атрибутовъ старшинства и превосходства не было замѣтно возлѣ этого мѣста, даже подножная скамейка возлѣ него стояла простая, деревянная, точно такая же скамейка, какія стояли подъ ногами дѣвушекъ и ученицъ. Единственное преимущество этого мѣста заключалось въ томъ, что прямо противъ него, надъ чернымъ карнизомъ драпировки, отдѣлившей спальню дѣвочекъ, помѣщались довольно большіе часы въ черной деревянной рамкѣ. По этимъ часамъ Даша вела рабочій порядокъ мастерской. Сестра Анны Михайловны не любила высказывать по дверному звонку и торчать въ магазинѣ, что, напротивъ, очень нравилось mademoiselle Alexandrine. Поэтому продажей и приѣмомъ заказовъ преимущественно завѣдывала француженка и сама Анна Михайловна, а Дора сидѣла за рабочимъ столомъ и дирижировала работою, и выходила въ магазинъ только въ крайнихъ случаяхъ, такъ сказать, на особенно важныя консилиумы. На ея же попеченіи были и три ученицы. Она не только имѣла за ними главный общій надзоръ, но она же наблюдала за тѣмъ, чтобы эти оторванные отъ семьи дѣти не терпѣли много отъ грубости и невѣжества другихъ женщинъ, но вѣтурѣ мота и везлыхъ, но утратившихъ

подъ ударами чужаго невѣжества всю собственную мягкость. Кромѣ того Дора по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ учила этихъ дѣвочекъ грамотѣ, счисленію и рассказывала имъ какъ умѣла о Богѣ, о людяхъ, объ исторіи и природѣ. Дѣвочки боготворили Дарью Михайловну; взрослая мастерица тоже очень ее любила и довѣряла ей всѣ свои тайны, требующія гораздо большаго секрета и вниманія, чѣмъ мистеріи иной свѣтской дамы, или тайны тѣхъ безплотныхъ нимфъ, которыя «такъ непорочны, такъ умны и такъ благочестія полны», что какъ мелкіе потоки текутъ въ большую рѣку, такъ и онѣ впадаютъ неуклонно въ одну великую тайну: добыть себѣ во что бы то ни стало богатаго мужа и роскошно пресмыцаться всѣми благами жизненнаго пира, бросая честному труду обглоданную кость и презрительное снисхожденіе. Изъ четырехъ дѣвушекъ этой мастерской особеннымъ расположеніемъ Дору пользовалась Анна Анисимовна. Это была та единственная дѣвушка, у которой надо лбомъ не было французскаго хохла. Аннѣ Анисимовнѣ было отроду лѣтъ двадцать-восемь; она была высокая и довольно полная, но весьма граціозная блондинка, съ голубыми, равно померкшими глазами и характерными углами губъ, которыя, въ сочетаніи съ немного выдающимся подбородкомъ, придавали ея лицу выраженіе твердое, честное и рѣшительное. Анна Анисимовна родилась крѣпостною дѣвочкою, выучена швейному мастерству на Кузнецкомъ мосту въ Москвѣ и отпущена своею молодою барыней на волю. Имѣя девятнадцать лѣтъ, она совсѣмъ близко познакомилась съ однимъ молодымъ, заматавшимся купеческимъ сыномъ и мѣсяца черезъ два привела своего милаго въ свою маленькую комнатку, которую нанимала неподалеку отъ магазина, гдѣ работала. Три года она работала безъ отдыха, что навязывается, не покладывая рукъ, денно и нощно. Въ эти три года Богъ далъ ей трехъ дѣтей. Анна Анисимовна кормила и дѣтей, и любовника, и ни на что не жаловалась. Наконецъ кончилъ ея милый курсъ вояжнія, получилъ радостное извѣстіе о смерти самодура-отца и удралъ, обѣщая Аннѣ Анисимовнѣ не забывать ее за хлѣбъ и соль, за любовь вѣрную и за дружбу. О женитьбѣ, или хотя о чемънибудь другомъ посущественинѣ словесной благодарности, и рѣчи не было. Анна Анисимовна сама тоже не сказала ни о чемъ подобномъ ни слова. Приходили съ тѣхъ поръ Аннѣ Анисимовнѣ не разъ крутыя времена съ тремя дѣтьми, и знала Анна Анисимовна, что забывшій ея милый живеть богато, губернато-

ровъ принимаетъ, чуть пару въ банѣ шампанскимъ не поддаетъ, но никогда ни за что она не хотѣла ему напомнить ни о дѣтихъ, ни о старомъ долгѣ. «Самъ не помнить, такъ и не надо; значить, совѣсти нѣтъ», говорила она и еще сильнѣе разрывалась надъ работой, которую и питала и обогрѣвала дѣтей своей отверженной любви. Просила у Анни Анисимовны одного ея мальчишка въ сыновья бездѣтная купеческая семья, общала сдѣлать его наслѣдникомъ всего своего состоянія—Анна Анисимовна не отдала. «Счастье у своего ребѣнка отнимаете», говорили ей дѣвушки. «Ничего, отвѣчала Анна Анисимовна: за то совѣсти не отниму; не вначу бѣдныхъ дѣвушекъ обманывать, да дѣтей своихъ пускать по міру». Этой Аннѣ Анисимовнѣ Дорушка оказывала полнѣйшее уваженіе и своимъ примѣромъ заставляла другихъ уважать.

Мертвая блѣдность нѣкогда прекраснаго, рано отпѣтаго лица и крайняя простота наряда этой дѣвушки невольно остановили на себѣ мимолетное вниманіе Долинскаго, когда изъ противоположныхъ дверей вошла съ свѣчю въ рукахъ Дорушка и спросила:

— Правда, хорошо у насъ, Несторъ Игнатьичъ?

— Прекрасно, отвѣчалъ Долинскій.

— Вонъ тамъ мой тронъ, или, лучше сказать, мое президентское мѣсто; а это все моя республика. Ани вѣрно уже познакомила васъ съ mademoiselle Alexandrine?

Долинскій отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, а я еще познакомлю васъ съ прочими: это—Полинъка, видите, она у насъ совсѣмъ перфская красна-дѣвица, и, если у васъ есть хоть одна капля вкуса, то вы въ этомъ должны со мною согласиться; Полинъка, нечего, нечего закрываться! Сама очень хорошо знаешь, что ты красавица. Это, продолжала Дора:—это Оля и Маша, отличающіяся замѣчательною неразрывностью своей дружбы и потому называемыя «симпатичными попугаями» (дѣвушки засмѣялись); это все мелкота, пока еще неуспѣвшая плѣтъ отличиться, сказала она, указывая на маленькихъ дѣвочекъ:—а это Анна Анисимовна, которую мы всѣ уважаемъ, и которую совѣтую уважать и вамъ. Она—самый честный человекъ, котораго я знаю.

Долинскій нѣсколько смѣшался и протянулъ Аннѣ Анисимовнѣ руку; дѣвушка торопливо положила на столъ свою работу и съ неловкою застѣнчивостью подала Долинскому свою исколотую иголкою руку.

— Ну, пойдемте дальше теперь, позвала Анна Михайловна.

Хозяйка и гость вышли за двери, которыми за минуту вошла Дора, и вслѣдъ за ними изъ мастерской послышался дружный, веселый смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Ужасныя сороки и хохотушки, проговорила, идя впереди се свѣчю, Дорушка: — а за то народъ все преисскрвенный и пресердечный.

Тотчасъ за мастерскою у Анны Михайловны шелъ небольшой коридоръ, въ одномъ концѣ котораго была кухня и черный ходъ на дворъ, а въ другомъ двѣ большія, свѣтлыя комнаты, которыя Анна Михайловна хотѣла кому нибудь отдать, чтобы облегчать себѣ плату за весьма дорогую квартиру. Посредній коридора была дверь, которою входили въ ту самую столовую, куда Журавка ввелъ сумерками къ хозяйкамъ Долинскаго. Эта комната служила сестрамъ въ одно и то же время и залой, и гостиной, и столовой. Въ ней были четыре двери: одна, какъ сказано, вела въ коридоръ; другая въ одну изъ комнатъ, назначенныхъ внаимы, третья въ спальню Анны Михайловны, а четвертая въ уютную комнату Доры. Вся квартира была мѣблирована нероскошно и небѣдно, но съ большимъ вкусомъ и комфортно. Все здѣсь давало чувствовать, что хозяйки устроивались тутъ для того, чтобы жить, а не для того, чтобы принимать гостей и заботиться выказываться предъ ними съ какой нибудь изящной стороны. Это жильѣ дышало тою сповойною простотою, которая сразу даетъ себя чувствовать и которую, къ сожалѣнью, все рѣже и рѣже случается встрѣчать въ наше суетливое и суетное время.

— Очень хорошо у насъ, Несторъ Игнатьичъ? спрашивала Дора, когда всѣ усѣлись за чай.

— Очень хорошо, соглашался съ нею Долинскій.

Здѣсь нѣтъ мебели богатой,
Нѣтъ ни бронзы, ни картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Здѣсь не знатный господинъ —

проговорила Дора и съ послѣдними словами сердечно поцаловала свою сестру.

— Дорого только, сказала Анна Михайловна.

— Э! полно, пожалуйста, жаловаться. Оглядимъ двѣ комнаты, такъ вовсе не будетъ дорого. За эти комнаты всякій охотно дастъ триста рублей въ годъ.

— Это даже дешево, сказалъ Долинскій.

— Но вѣдь подите же съ нами! говорила Дора.—Наняли квартиру съ тѣмъ, чтобы комунибудь эти двѣ комнаты уступить, а перешли сюда, и баста; вотъ третій мѣсяць не можемъ рѣшиться. Мужчинъ боимся, женщины еще болѣе, а дѣти на наше горе не нанимають; ну, кто же намъ виновать, скажите пожалуйста?

— Ты, отвѣчала Анна Михайловна.—Сбила меня. Послушалась ее, наняла эту квартиру; правда, она очень хороша, но велика совсѣмъ для насъ.

Изъ коридора показался Илья Макаровичъ.

— А какъ вы люди мыслите? Я... какъ бы это вамъ помудренѣе выразиться? началъ входа художникъ.

— Крошечку выпилъ, подсказала Дора.

— Да-съ... въ этомъ въ самомъ густѣ.

— Объ этомъ и говорить не стоило, сказала разсмѣявшись Дора.

Всѣ взглянули на Илью Макаровича, у котораго на щекахъ пылалъ румянецъ и волосы слиплись на потномъ челѣ.

— Нельзя, Несторка пріѣхалъ, проговорилъ икнувъ Журавка.

— Никакъ нельзя, поддержала серьезно Дора.

Всѣ еще болѣе засмѣялись.

— Да ужъ такъ-съ! лететалъ художникъ. — Вы сдѣляйте милость... не того-съ... не остриете. Я пду, баць на углаѣ этакій каламбуръ.

— Хорошій человекъ встрѣчается, сказала Дора.

— Да-съ, именно хорошій человекъ встрѣчается и...

— И говорить, давай, говорить, выпьемъ! снова подсказала Дора.

— И совсѣмъ не то! Денвера привазили, это... Журавка икнулъ и продолжалъ:—Денкера приказчи бѣ, говорить, просилъ тебя привести бѣ нему; портретченко, говорить, жени хочеть тебѣ заказать. Ну, вѣдь волка, я думаю, ножен кормить; такъ это я говорю?

— Такъ.

— Я, разумѣется, и пошелъ.

— И, разумѣется, выпилъ.

— Ну, и выпили, и работу взялъ. Вѣдь нельзя же!... А тутъ вспомнилъ, Несторка тутъ меня ждетъ! Другъ, говорю, ко маѣ пріѣхалъ неожиданно; позвольте, говорю, мнѣ бѣ долгъ пару бутылоченокъ шампанскаго. И ужъ извините, кумушка, двѣ бутылочены мы разопьемъ! Вотъ онѣ, канашки французскія! вос-

влиннулъ Журавка, торжественно вынимая изъ-подъ пальто двѣ засмоленные бутылки.

Всѣ глядѣли, посмѣиваясь, на Илью Магаровича, на лицѣ котораго выражалось полнѣйшее блаженство опьяненія.

— Хорошаго, должно быть, о васъ мнѣнія остался этотъ дьякерьовъ прикащикъ, говорила Дора.

— А что же такое?

— Ничего; пришелъ говорить о заказѣ, сейчасъ натянулся и еще въ долгъ пару бутылоченокъ выпросилъ.

— Да, двѣ; и вотъ онѣ здѣсь; вонъ онѣ, заморскія, засмоленные... Нельзя, Дарья Михайловна! Вы еще молоды; вы еще писанія не понимаете.

— Нѣтъ, понимаю, шутила Дора.—Я понимаю, что дома вамъ нельзя, такъ вы вотъ...

— Тсс! тс, тс, тс... нѣтъ, ей-богу же для Нестора. Нестора... вамъ вѣдь онъ ничего, а мнѣ онъ другъ.

— И намъ другъ.

— Ну, нѣтъ-съ, вы погодите еще! Я его отъ бѣды, отъ чорта оторвалъ, а вы... нѣтъ... вы...

— «А вы... нѣтъ... вы», передразнила, смѣшно кривляясь, Дора и добавила: — совсѣмъ пьянъ, голубчикъ!

— А это развѣ худо, худо? Ну, я и на то согласенъ; на то я художникъ, чтобъ все худое дѣлать. Правда, Несторъ Игнатьичъ? Канашка ты, шельмецъ ты! Журавка обнялъ и поцаловалъ Долинскаго.

— Вотъ видишь, говорилъ, освобождаясь изъ дружескихъ объятій, Долинскій:—теперь толкуешь о дружбѣ, а какъ я совсѣмъ разбитый ѣхалъ въ Парижъ, такъ небось не вздумалъ меня познакомиться съ Анной Михайловной и съ mademoiselle Дорой.

— Не хотѣлъ, братишка, не хотѣлъ; тебѣ было нужно тогда уединеніе.

— Уединеніе! Все вздоръ вретъ, просто отъ ревности не хотѣлъ васъ познакомиться съ нами, разбивала художника Дора.

— Отъ ревности? Ну, а отъ ревности, такъ и отъ ревности. Вы это навѣрное знаете, что я отъ ревности его не хотѣлъ познакомиться?

— Навѣрное.

— Ну, и очень прикрасно, пусть такъ и будетъ, отвѣчалъ художникъ налегая на букву «и» въ умышленно портимомъ словѣ «прекрасно».

— Да, и очень прикрасно, а мы вотъ теперь съ Несторомъ Игнатьичемъ вмѣстѣ жить будемъ, сказала Дора.

— Какъ это вмѣстѣ жить будете?

— Такъ; Аня отдаетъ ему тѣ двѣ комнаты.

— Да вы это со мною шутите, смѣтесъ или просто говорите? спросилъ съ эффектомъ Журавка.

— А вотъ отгадайте?

— Я и съ своей стороны спрошу васъ, Дарья Михайловна, вы это шутите, смѣтесъ, или просто говорите? сказала Долинскій.

Изъ шутки вышло такъ, что Анна Михайловна, послѣ нѣкотораго замѣнательства и нѣсколькихъ минутъ колебанья, уступила просьбѣ Долинскаго и въ самомъ дѣлѣ отдала ему свои двѣ свободныя комнаты.

— И очень прикрасно! возглашала художникъ, когда переговоры кончились въ пользу перехода Долинскаго къ Прохоровымъ.

— А прикрасно, говорила Дора:—по крайней-мѣрѣ будетъ хоть съ кѣмъ въ театръ пойти.

— Прикрасно, прикрасно, отвѣчалъ Журавка шутя, но съ тѣнью нѣкоторой, хотя и легкой, но худо скрытой досады.

Послѣ уничтоженія принесенныхъ Ильею Макаровичемъ двухъ бутылоченогъ, онъ началъ высказываться нѣсколько яснѣе:

— Еслибъ я былъ холостой, заговорилъ онъ: — ужъ тебѣ-бъ братишку тутъ не жить.

— Да вы же развѣ женаты?

— Пфъ! не женаты! да вѣдь я же ей вексель выдалъ.

Этого событія между Ильею Макаровичемъ и его Граціаллою до сихъ поръ никто не вѣдалъ. Извѣстно было только, что Илья Макаровичъ былъ помѣшанъ на свободѣ любовныхъ отношеній и на итальяночкахъ. Счастливый случай свелъ его, гдѣ-то въ Неаполѣ, съ довольно безобразной синьорой Луизой, которую онъ привезъ съ собою въ Россію и долго не переставалъ встать и нехстать кричать о ея художественныхъ талантахъ и страстной къ нему привязанности. Поэтому извѣстіе о векселѣ, взятомъ съ него итальянкою, заставило всѣхъ очень смѣяться.

— Фу, Боже мой! да вѣдь это только для того, чтобъ я не женился, оправдывался художникъ.

Дорогою, по пути къ Васильевскому острову, Журавка все твердилъ Долинскому:

— Ты только смотри, Несторъ... ты, я знаю... ты человекъ честный...

- Ну, ну, говори яснѣе, требовалъ Долинскій.
- Онѣ!.. вѣдь это я тебѣ говорю... пфъ! это божественныя души!... чистота, искренность... довѣрчивость...
- Да ну, что ты сказать-то хочешь?
- Не... обезпкой какъ нибудь, не оскорби.
- Полно, пожалуйста.
- Не скомпрометируй.
- Ну, ты, я вижу, въ самомъ дѣлѣ пьянъ.
- Это, другъ, ничего, пьянъ я, или не пьянъ—это мое дѣло; пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ, а ты имъ... братомъ будь. Минуть пять пріятеля проѣхали молча и Журавка опять началъ:
- Потому-что, что-жъ хорошаго...
- Фу, надоѣлъ совсѣмъ! что я самъ будто не знаю, отговорился Долинскій.
- А знаешь, братъ, такъ и помни. Помни, что кто за довѣріе заплатитъ нехорошо, тотъ подлець, Несторъ Игнатьичъ.
- Подлець, Илья Макаровичъ, шута отвѣчалъ Долинскій.
- Оба пріятеля весело разсмѣялись, и распростылись у гостиницы, тотчасъ за Николаевскимъ мостомъ.
- На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Долинскій переѣхалъ къ Прохоровымъ и прочно водворился у нихъ на жительство.
- Вчера Илья Макаровичъ цѣлую дорогу все читалъ мнѣ нотацию, какъ я долженъ жить у васъ, рассказывалъ за вечернимъ чаемъ Долинскій.
- Онъ большой нашъ другъ и, къ несчастію его, совершенно слѣпой Аргусъ, отвѣчала Дора.
- Онъ рѣдкій человѣкъ и любитъ насъ чрезмѣрно, проговорила Анна Михайловна.

М. Стѣвницкій.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

ЧИТАНАЯ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 2 СЕНТ. 1865 г.

Удостоенный лестнымъ для меня и еще незаслуженнымъ мною до-
вѣріемъ университета высокой чести преподавать русскую исторію
въ этихъ стѣнахъ съ кафедръ, которую до сихъ поръ занимали
люди, получившіе почетную извѣстность въ наукѣ, я употреблю всѣ
свои силы на то, чтобы, насколько съумѣю, стать не вполнѣ не-
достойнымъ этого довѣрія. Прежде, чѣмъ приступить къ изложе-
нію науки, я считаю своею обязанностью высказать свѣй взглядъ
на исторію, какъ на науку, чтобы тѣмъ объяснить, какою методъ
избираю я при изложеніи ея, какіе вопросы должны, по моему мнѣ-
нію, входить въ это изложеніе, и почему именно.

Исторія появилась давно: въ самомъ началѣ гражданскихъ об-
ществъ мы встрѣчаемъ изустныя преданія, героическія пѣсни —
вотъ начатки исторіи, порожденные естественнымъ желаніемъ
знать, что сдѣлали предки, естественною потребностью восста-
новить въ собственномъ воспоминаніи дѣла минувшихъ лѣтъ и
сообщить ихъ дѣтямъ и внукамъ. Но отъ этихъ первобытныхъ
преданій, отголоски которыхъ и теперь искусный глазъ замѣ-
чаетъ въ произведеніяхъ народной словесности, несмотря на мно-
говѣковныя наслоенія, до исторіи въ смыслѣ науки еще очень да-
леко, какъ далеко до нея и отъ надписей царей египетскихъ и ва-
вилонскихъ. Въ свое время все это было исторіею. Для насъ ма-
ло знать, что было; мы хотимъ знать, почему именно было; да
еще мало того: при всякомъ разсказѣ, у насъ возникаетъ во-
просъ: такъ ли оно было, какъ мы слышали, могло ли оно такъ
быть? Когда появился этотъ духъ пытливости, тогда собственно
началась наука. Сначала отвѣты на всѣ эти вопросы были очень
легки: каждый разсказъ, подтвержденный довѣріемъ къ лицу раз-
сказчика, пользующагося бѣльшимъ авторитетомъ въ силу своего
старшинства или особаго мужества, или особой мудрости или на-
копецъ стоявшаго, по простодушной вѣрѣ того простодушнаго вре-

мени, въ особенной близости къ божеству, казался священнымъ и такъ переходилъ изъ рода въ родъ. Со сколькими апокрифическими рассказами, прикрытыми авторитетомъ уважаемаго имени, встрѣчается историкъ въ литературѣ среднихъ вѣковъ вообще, между прочимъ, и въ русской. Какъ плодъ извѣстнаго душевнаго настроенія, какъ результатъ извѣстныхъ вѣрованій, сами эти рассказы служатъ предметомъ историческаго изученія: они тоже источникъ исторіи, но конечно, не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ тотъ, кто первый ихъ передалъ, и тѣ, которыя такъ долго ими довольствовались. Наконецъ является наука (мы здѣсь, разумѣется, не имѣемъ времени, да и нужды слѣдить за ея развитіемъ: наше дѣло въ настоящемъ случаѣ—установить понятіе). Наука относится критически къ накопившемуся матеріалу; здѣсь новое явленіе: матеріалъ этотъ касается прошедшей жизни человѣчества, а прошедшее тѣсно связано съ настоящимъ; всѣ важнѣйшіе вопросы времени: религіозные, политическіе, общественные, которые волнуютъ человѣка въ настоящемъ, непремѣнно имѣютъ свои корни въ прошедшемъ; человѣкъ, по самой своей природѣ, не можетъ безразлично относиться къ этимъ вопросамъ; онъ непремѣнно рѣшаетъ ихъ для себя такъ или иначе, и вслѣдствіе того такъ или иначе смотритъ на прошедшее. Это—коренное начало различія во взглядахъ, отъ котораго трудно отдѣлаться; перенесенное на почву науки, это страстное отношеніе къ предмету немало вредило его успѣхамъ, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться, что въ немъ же было и начало многихъ блистательныхъ успѣховъ: увлеченный мыслью, что въ новѣйшее время развязываются отношенія, порожденныя завоеваніями варваровъ на римской почвѣ, что новѣйшіе перевороты суть не что иное, какъ возстаніе побѣжденныхъ противъ побѣдителей, Огюстенъ Тьерри занялся исторіею Франціи и Англіи въ средніе вѣка, и оставилъ два замѣчательныя историческія сочиненія: *Lettres sur l'Histoire de France* и *l'Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, которыя, конечно, переживутъ мысль, ихъ вызвавшую. Результатомъ ихъ было сознаніе особенности каждой эпохи—важное приобрѣтеніе для науки. Такимъ образомъ, парадоксальность основной мысли прошла безслѣдно, а то, что должно было остаться, осталось. Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, когда историческое сочиненіе остается только памятникомъ эпохи, его вызвавшей, завоевываетъ себѣ мѣсто въ исторіи общества, и остается совершенно безплоднымъ въ исторіи науки. Таковы, напримѣръ, исторіи французской революціи, вызванныя броженіемъ умовъ 40-хъ годовъ. Таковы большею частію всѣ, такъ-называемыя, философіи исторіи. Даже въ исторіи русской историографіи, какъ

ни молода она, не разъ встрѣчаются—мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ—примѣры пристрастія въ ту или другую сторону, увлеченія любимой мыслью. Я не безъ намѣренія остановился прежде всего на этой чертѣ: мнѣ хотѣлось заранѣе указать вамъ на ту трудность, съ которою долженъ бороться самъ въ себѣ каждый занимающійся исторіей, чтобы по возможности приблизиться къ истинѣ, и за чѣмъ онъ долженъ зорко слѣдить въ другихъ. Оттого уже давно существуетъ правило въ наукѣ, что каждый по возможности долженъ передѣлать самъ все, что касается до занимающаго его вопроса, и не прежде полагаться на чужіе выводы, какъ тщательно провѣривъ ихъ. Рядомъ съ заблужденіями, корень котораго въ различіи воззрѣній на вопросы общественные, политическіе и т. п., можно указать еще на заблужденія другаго рода, происходящія отъ увлеченія любимой ученой мыслью, нерѣдко предвзятою: одному хочется видѣть чуть не во всѣхъ народахъ міра бельтовъ, другому—славянъ и т. д. Все это очень понятно: едва-ли въ области человѣческаго вѣдѣнія найдется болѣе сложный, научный предметъ, связанный столькими нитями со всѣмъ, что есть у человѣка самаго дорогаго, самаго близкаго къ сердцу: самыя возвышенныя вопросы, и самыя простыя общественныя отношенія, такъ или иначе соприкасаются съ исторіею, входятъ въ нее, въ ней находятъ оправданіе, или осужденіе; всѣ учрежденія общественныя, и всѣ наиболѣе отвлеченныя вопросы умозрѣнія имѣютъ свое мѣсто въ исторіи, должны опираться на нее. Пренебреженіе къ исторіи не разъ было причиною непрочности человѣческихъ учрежденій, и та же исторія однимъ краснорѣчивымъ указаніемъ на нихъ свидѣтельствуетъ будущимъ вѣкамъ, какъ важно помнить ея уроки. Да, самыя ошибки и заблужденія человѣчества суть порожденія извѣстнаго состоянія общества, извѣстнаго настроенія умовъ, и въ этомъ отношеніи она тоже достояніе исторіи, и едва-ли не самое дорогое ея достояніе: исторія не даетъ прямыхъ уроковъ, она не учитъ добродѣтели, не отвращаетъ отъ пороковъ, какъ думали древніе и многіе изъ новыхъ; но изъ всѣхъ ея сказаній выходитъ одинъ торжественный урокъ: воли и энергіи человѣка положенъ предѣлъ, и предѣлъ этотъ—нравственное и умственное состояніе того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Трагическая судьба какаго-нибудь *Майоріана*, который въ лучшія времена могъ бы быть украшеніемъ рода человѣческаго, и которому въ печальное время паденія римской имперіи оставалось только погнѣвуть, громко говоритъ за эту мысль. Другой столько же важный урокъ тотъ, что каждый народъ, каждая историческая эпоха имѣютъ свой самостоятельный характеръ,

свои собственные потребности и идеалы, что учреждения пересаженные никогда не могут быть прочны; сколько разъ Франція хотѣла походить на Англію, и что же изъ того вышло? а славянскіе народы? впрочемъ, и къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, и въ сосѣдней аудиторіи вы услышите подробный, краснорѣчивый очеркъ ихъ судьбы. Итакъ самая важность, самая сложность исторіи служатъ препятствіемъ развитію ея, какъ науки, тѣмъ не менѣе наука эта развивается и успѣхи ея, особенно въ настоящемъ столѣтіи, значительны. Разумѣется, развитіе это, какъ и всякое развитіе, совершается частями и въ разныхъ мѣстахъ: нерѣдко рядомъ съ шагомъ впередъ дѣлается однимъ и тѣмъ же лицомъ шагъ назадъ; но это ничего не значитъ: наука существуетъ помимо лицъ, хотя и двигается ихъ усиліемъ: что сдѣлано, то остается, тѣмъ воспользуются другіе; что негодится, то погибнетъ, забудется и какъ въ памяти потомства, такъ и въ глазахъ умныхъ современниковъ заслуга останется заслугою. Это размышленіе приводитъ насъ еще къ одному важному уроку исторіи: она учитъ насъ терпимости, повзываетъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ много слабого и непрочнаго и даже дурнаго, но что если съ дурнымъ смѣшано хорошее, и особенно если это хорошее въ общемъ ходѣ дѣлъ важнѣе дурнаго, то мы должны умѣть цѣнить хорошее и помнить, какъ нерѣдко дурное коренится въ прошломъ, въ обстоятельствахъ, окружающихъ дѣателей настоящаго, что борьба съ дурнымъ при слабости человѣческой природы и при упорствѣ заблужденія—самая трудная изъ задачъ человѣческихъ.

Какъ различны воззрѣнія на прошедшее, такъ различны и формы историческаго изложенія; при всемъ разнообразіи ихъ можно однако подвести подъ четыре разряда, появляющіеся въ различныхъ соединеніяхъ: одни историки имѣютъ цѣлью просто воспроизвести въ живомъ образѣ то, что было, это—*исторія художественная или повѣствовательная, историческій разсказъ*; другіе хотятъ судить дѣателей прошедшаго, это—*исторія субъективная*; третьи—желаютъ понять прошедшее въ немъ самомъ, это—*исторія научная*; четвертые ищутъ общаго начала, изъ котораго исходитъ вся дѣятельность рода человѣческаго, и этимъ началомъ объясняютъ историческія событія, это—*исторія философская или философія исторіи*. Спѣшу прибавить, что въ послѣдующей характеристикѣ разныхъ способовъ изложенія исторіи, я имѣю въ виду ихъ современное положеніе, а не тѣ идеалы, осуществленіе которыхъ можно ожидать въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ; такъ, наприимѣръ, когда наука достигнетъ до вполне отчетливаго пониманія прошлаго, художественная картина его въ

его существенныхъ сторонахъ, а не въ случайностяхъ будетъ болѣе возможна и т. д. Сдѣлавъ это ограниченіе, я считаю возможнымъ указать на теперешнее недостаточное состояніе того или другаго способа изложенія.

Исторія художественная—самый привлекательный родъ исторіи, какъ для читателя, такъ и для писателей. Ея интересъ сосредоточивается около людей, около событій; что поражаетъ прежде всего вниманіе каждаго наблюдателя, то переносится на ея страницы, болѣе или менѣе художественно воспроизведенное. Образы, созданные настоящимъ художникомъ-историкомъ, безсмертны, подобно образамъ, созданнымъ великими поэтами. Тиверій Тацита, Вильгельмъ III—Маколея, Иоанна Д'Аркъ—Мишле, Филиппъ II—Прескотта, Иванъ Васильевичъ Грозный—въ девятомъ томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» будутъ жить такъ же долго, какъ Гамлетъ и Оттелло. На нихъ, на этихъ безсмертныхъ образахъ будетъ воспитываться нравственное чувство не одного поколѣнія, надъ ними не разъ задумаются люди, которыхъ только художественное представленіе и можетъ заставить задуматься, которые не прочтутъ никакого разсужденія, никакого изслѣдованія; въ нихъ исторія сходится съ поэзіею и изъ изображенія лица дѣлаетъ изображеніе извѣстнаго типа, почти переходитъ ту межу, которую положили нѣкогда величайшій изъ всѣхъ философовъ—Аристотель: «Поэзія—говоритъ онъ—представляетъ возможное, исторія—дѣйствительное». Одинъ изъ величайшихъ художниковъ въ исторіи, Маколей, признается гдѣ-то, что для историка, каковымъ онъ себя его представляетъ, необходима извѣстная доля поэзіи, и точно нѣмецкая критика открыла эту долю въ его Вильгельмѣ III. То же наша русская историческая критика въ изображеніи ужасовъ времени Грознаго: еще Арцыбашевъ указывалъ на излишнее довѣріе къ сказаніямъ Таубе, Крузе, Одерборна и др. Причина этого ясна: извлекая художественный образъ изъ различныхъ показаній источниковъ, историкъ-художникъ придаетъ ему художественную дѣлность при помощи своего воображенія. Чтобы избѣжать произвола, играющаго болѣшую или меньшую роль въ историческихъ произведеніяхъ этого рода, французскій историкъ Баррантъ, нѣкогда славный, провозгласилъ знаменитое квинтилианово правило: *Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum*, рѣшился быть простымъ передатчикомъ того, что находитъ въ лѣтописяхъ. Такой приемъ, имѣющій значеніе для ознакомленія съ источниками людей, съ ними незнакомыхъ, не имѣетъ никакой научной цѣны: лѣтописцы были люди своей эпохи, съ ея воззрѣніями. Эти воззрѣнія должны быть предметомъ особаго изученія и доля пристрастія, необходимое слѣдствіе *злыхъ дѣлъ*, должна быть

указана въ историческомъ изложеніи и оцѣнена. Историкъ долженъ понять изображаемое время, мѣрить его его же мѣркою; но вмѣстѣ съ тѣмъ и отнестись къ нему безпристрастно и критически: безъ критики историкъ немислимъ. Есть еще другой недостатокъ исключительно художественнаго представленія исторіи: на первомъ планѣ стоитъ изображеніе характеровъ и событій, того, что непрерывно смѣняется на сценѣ міра, а то, что болѣе постоянно: учрежденія, вѣрованія, бытъ—отходятъ на второй планъ. Все это не такъ удобно вмѣщается въ картину, оттого и выходитъ перестановка въ исторической перспективѣ и составляетъ ложное понятіе—понятіе, впрочемъ, раздѣляемое большинствомъ, для котораго весь интересъ въ имени и въ приключеніи. Оттого даже у наиболѣе талантливыхъ историковъ этого разряда исторія нерѣдко переходитъ въ сборникъ анекдотовъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для героя, смотря по настроенію автора. Самыми блистательнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ послѣдніе томы «Исторіи Франціи» Мишле. Отъ этого способа изложенія исторіи является и поклоненіе героямъ, какъ у Карлейля и Наполеона III, и такъ-называемое низведеніе съ пьедесталей. Болѣе покойный и, быть можетъ, болѣе глубокій взглядъ на дѣло покажетъ зависимость дѣятельности отдѣльныхъ лицъ отъ умственнаго, нравственнаго и политическаго состоянія общества, приведетъ къ распознаванію нѣкоторыхъ общихъ законовъ, которыхъ если нельзя теперь схватить въ ихъ дѣлности и взаимодѣйствіи (быть можетъ, и всегда подобная задача будетъ превышать силы человѣческаго ума), то можно замѣтить въ отдѣльности. Конечно, законы суть не что иное, какъ формулы отношеній между извѣстными силами, конечно, личность есть одна изъ этихъ силъ; но одна, а не единственная. Говоря это, я далеко отъ фатализма: я не думаю, напримѣръ, чтобы Петръ родился въ 1672 г. потому, что долженъ былъ родиться именно въ этомъ году; но убѣжденъ въ томъ, что успѣхъ многого изъ того, что имъ сдѣлано, зависѣлъ отъ причинъ общественныхъ: въ самомъ обществѣ онъ нашелъ потребность, хотя и бессознательную, во многомъ, что онъ считалъ необходимымъ; предшествующее развитіе было таково, что сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ, не было дѣятельнымъ. Успѣхъ Наполеона также объясняется тѣмъ состояніемъ французскаго общества, въ какое погрузило его и сильное напряженіе, произведенное конвентомъ, и бездарная поддеупность директоріи. Военная диктатура была неизбѣжна.

Въ прямой, непосредственной связи съ исторіею художественной, иногда даже и слитно съ нею является исторія субъективная или скорѣе нравоучительная, историкъ принимаетъ на себя

роль судьб: *Weltgeschichte ist Weltgericht*. Древніе очень любили этот способ изложенія исторіи: *Historia est magistra vitae*, сказалъ Цицеронъ. Особенно въ ходу была такая исторія у французовъ XVII и XVIII вѣка; тогда очень добродушно вѣрили, что примѣры великихъ людей поощряютъ къ добродѣтели, примѣры злодѣевъ отвращаютъ отъ порока; тогда все получало нравоучительный отгвѣногъ и даже самую миселогію сдѣлали школою нравственности, указывая на легкомысленность Юпитера и Венеры, какъ на поучительный примѣръ того, до чего доводятъ людей страсти. Въ наше время суровый Шлюссеръ возобновилъ такое изложеніе: передъ его нравственнымъ трибуналомъ немногіе изъ дѣятелей прошлаго оказываются правыми; при всемъ своемъ глубокомъ знакомствѣ съ источниками исторіи, онъ какъ-то упускалъ изъ виду различіе эпохъ и судилъ историческихъ дѣятелей, какъ нашихъ современниковъ, иначе онъ былъ бы къ нимъ снисходительнѣе. Такая метода многимъ нравится и въ то время, когда думали, что вся разница между людьми различныхъ эпохъ состоитъ въ томъ, что римлянинъ ходилъ въ тогѣ, а французъ XVII вѣка въ кафтанѣ и парикѣ, римлянинъ вѣрилъ въ Юпитера и Юнону, а французъ — членъ католической церкви, когда не видѣли, какое глубокое различіе происходитъ отъ одной этой разницы — тогда подобное заблужденіе было понатно; но оно становится вовсе непонятнымъ въ XIX вѣкѣ. Его обыкновенно прикрываютъ такимъ разсужденіемъ: и тогда, какъ и теперь, были люди передовые, были ретрограды; такъ будемъ превозносить тогдашнихъ передовыхъ и карать тогдашнихъ ретроградовъ. На это есть простой отгвѣтъ: многіе изъ лучшихъ людей XVIII и даже начала XIX вѣка въ Россіи стояли за крѣпостное право, а были и противники его; стало быть, въ обществѣ, хотя и слабо, появлялось сознаніе его неправоты; имѣемъ ли мы, однако, право такого человѣка, какъ И. В. Лопухинъ, засудить только на томъ основаніи, что онъ не считалъ крѣпостное право вреднымъ? Думаю, что нѣтъ. Вообще съ обвиненіями дѣятелей прошедшихъ временъ надо быть очень осторожнымъ. Мнѣ приходится на память блистательный примѣръ всей шаткости подобныхъ сужденій: послѣ побѣды при Аргинускихъ островахъ аѳиняне казнили побѣдоносныхъ полководцевъ за то, что они бросили въ море тѣла своихъ убитыхъ соотечественниковъ. Сколько риторическихъ возгласовъ о народной неблагодарности прозвнесено было по этому случаю въ теченіе многихъ вѣковъ, а между тѣмъ Гротъ только припоминаніемъ того религіознаго значенія, которое соединялъ древній грекъ съ понятіемъ о погребеніи мертвыхъ, опровергъ все зданіе этихъ обвиненій. Примѣръ, положимъ,

и частный; но такихъ частныхъ чрезвычайно много, и изъ соединенія ихъ выходитъ ложное представленіе исторіи, а ложное отношеніе къ прошедшему ставитъ въ ложное отношеніе и къ настоящему: привинувъ смотрѣть на Брутовъ и Регуловъ, какъ на людей вообще, французы XVIII вѣка вздумали сами обрататься въ грековъ и римлянъ. Этотъ историческій маскарадъ слишкомъ дорого стоялъ Франціи.

Не менѣе этого историческаго метода вреденъ и ненаученъ другой — философскій. Заключить все движеніе историческое въ немногія формулы, найдти верховное начало, изъ котораго истекали бы всѣ эти формулы, заранѣе опредѣлять все будущее развитіе—такова горделивая задача философіи исторіи. Но откуда же взять эти формулы? Новыя открытія, столь дѣятельныя особенно въ послѣднее время, постоянно указываютъ на новыя міры исторической жизни, но именно только указываютъ, часто оставляя даже безъ руководящей нити, не только безъ дальнѣйшихъ указаній: Египеть, Вавилонъ, Ниневія и Персеполисъ только что начинаютъ выходить изъ тьмы; наконецъ недавно попали на слѣдъ цѣлаго слоя доисторической жизни въ свайныхъ постройкахъ, бухонныхъ остаткахъ, пещерахъ, могилахъ и т. д., а что еще ждетъ впереди? А тутъ наука сравнительнаго языкознанія открываетъ возможность ближе узнать бытъ аріидцевъ въ самую первоначальную эпоху. Все это свидѣтельствуетъ, что до послѣднихъ выводовъ далеко; а выводы, сдѣланные прежде фактовъ, оказываются чрезвычайно шаткими: вѣдь не болѣе тридцати лѣтъ назадъ, всемогущая тогда философія исторіи провозгласила, что только три цикла человѣческаго развитія и что мы теперь въ этомъ третьемъ циклѣ, и не оставила въ своемъ построеніи никакого мѣста для насъ, славянъ. А прежде другая система хотѣла заключить все развитіе въ образъ колеса: возстанія и паденія, паденіе и возстаніе. Не забудемъ встать новѣйшую философію міеологіи, для которой былъ ясенъ весь процессъ первоначальнаго религіознаго развитія и весь сосредоточивался въ немногихъ ступеняхъ, одинаковыхъ у всѣхъ народовъ, причѣмъ взяты были во вниманіе одни греки. Всѣ подобныя попытки, несмотря на громадныя умственныя силы ихъ творцовъ—довольно назвать имена Гегеля, Вико, Шеллингга—несмотря на все ихъ значеніе въ умственномъ развитіи, состоящее въ возбужденіи дѣятельности мысли—несостоятельны и несостоятельность ихъ оказывается скоро. Вредъ же ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ приучаютъ мысль къ отвлеченному однообразію, къ вѣрѣ въ безусловныя формулы. Въ настоящую минуту нужны выводы посредствующіе, второстепенные; основныя законы, верховныя начала (если только когда

нибудь они будут доступны уму человеческому) придуть сами собою, они явятся логическимъ послѣдствіемъ сочетанія ближайшихъ выводовъ. Этимъ я не думаю уничтожать дѣятельности человеческой мысли: ей слишкомъ много дѣла и не забывая далеко впередъ, не строя воздушныхъ замковъ; а между тѣмъ, видно, сильна потребность въ философіи исторіи: несмотря на всѣ старія неудачи, въ наше время являются новыя попытки построить ее на этотъ разъ уже не на отвлеченно-идеалистическомъ началѣ, а на такомъ же отвлеченно-реалистическомъ. Едва-ли отъ этихъ попытокъ можно ждать большаго успѣха.

Четвертый способъ изложенія исторіи я назвалъ научнымъ и характеризовалъ его стремленіемъ понять прошлое въ немъ самомъ. По моему мнѣнію, это—единственно возможный для университетскаго преподаванія. Присмотримся же въ нему поближе. Воспроизведенію прошлаго, суду надъ нимъ и тѣмъ болѣе опредѣленію общихъ законовъ развитія должно предшествовать строгое и внимательное изученіе источниковъ—такова именно дѣль этого изложенія. Я не хочу сказать этимъ, чтобы подобной работы не предпринимали и для изложенія исторіи въ другомъ родѣ: мы знаемъ, какой огромной предварительной работы стоила «Исторія государства Россійскаго»; мы знаемъ также, что старѣйшій изъ живущихъ теперь и одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ историковъ—*Погодинъ*, посвятилъ всю свою жизнь подготовительной работѣ къ художественному изложенію, начало котораго онъ теперь печатаетъ; я имѣлъ въ виду только общій характеръ того и другаго изложенія, а они существенно между собою различаются: въ строго-научномъ изложеніи на первомъ планѣ стоитъ тщательное и внимательное изученіе источниковъ, сличеніе ихъ между собою, если это возможно, объясненіе источника обстоятельствами времени, если не съ чѣмъ его сличаеь, стараніе опредѣлять степень достовѣрности источника, что иногда бываетъ нужно даже со сказаніями современниковъ, даже съ официальными актами: многое говорится не такъ, какъ происходило, по разнымъ причинамъ; указать на эти причины, если онѣ могутъ быть найдены, указать на ихъ возможность, если раскрытіе ихъ трудно по недостатку источниковъ—вотъ важная забота при такомъ изложеніи. Въ такомъ изложеніи не только возможны пробѣлы, но даже желательны, если ихъ нечѣмъ пополнить. Можно, конечно, сказать: этого мы не знаемъ, но это могло быть такъ-то и по такимъ-то соображеніямъ. Положимъ, что я считаю варяговъ норманами; но окончательно въ этомъ не убѣжденъ; тогда я привожу свои соображенія; но не выдавая ихъ достовѣрными, долженъ указать и на другія мнѣнія, если только за этими мнѣ-

ніями есть какое-либо вѣроятіе. Вообще разборъ чужихъ мнѣній, особенно спорныхъ, составляетъ необходимую принадлежность научнаго изложенія; если дѣло ясно, если ниня мнѣнія не имѣютъ за себя нивагого вѣроятія, то слѣдуетъ ограничиться изложеніемъ догматическимъ.

Таковъ въ главныхъ чертахъ методъ, котораго я намѣренъ держаться; но что же составить самое содержаніе, какія стороны прошлой жизни должны составить предметъ научнаго университетскаго изложенія? Я держусь опредѣленія исторіи, сдѣланнаго профессоромъ, котораго нѣкогда я имѣлъ честь слушать: «исторія есть народное самосознаніе», говоритъ г. Соловьевъ. Если это такъ, если это вѣрно, то предметъ нашъ очерчивается самъ собою: только болѣе постоянное, болѣе прочное можетъ быть предметомъ народнаго самосознанія, только въ немъ выражается народная фізіономія, только его движенія, измѣненія составляютъ сущность народной жизни, опредѣляютъ ея ростъ и развитіе; все же случайное, личное, какъ обусловливаемое общимъ, можетъ входить только эпизодически и должно отойти на второй планъ. Если вѣрно это опредѣленіе, то на первый планъ должны выступить вѣрованія, учрежденія, быть — то, чѣмъ преимущественно характеризуется общество, народъ, а на второй планъ должны отступить лица и вся виѣшняя исторія. Конечно, лицо можетъ имѣть огромное значеніе во внутренней исторіи, являясь представителемъ того или другаго начала, нерѣдко внося въ народную жизнь начало новое, благотѣльное или вредное: тогда оно должно получать свое опредѣленное мѣсто. Такъ въ русской исторіи нельзя миновать Ярослава, Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Ивана III, Грознаго, а тѣмъ болѣе Петра-Великаго или Екаторину II; какъ Гизо въ «Исторіи французской цивилизаціи» — однимъ изъ величайшихъ произведеній новаго времени — не миновалъ Карла-Великаго; но онъ взялъ именно съ тѣхъ сторонъ, которыми его значеніе важно въ исторіи цивилизаціи. Подробныя картины виѣшнихъ событій не дѣло научнаго изложенія исторіи, точно такъ же какъ не его дѣло генеалогія удѣльных князей. Я предполагаю, что въ университетъ приносятся достаточныя свѣдѣнія во виѣшной исторіи, по крайней-мѣрѣ, твердое знаніе учебника и знакомство хоть съ нѣсколькими общими сочиненіями: ихъ всего-то немного.

На чемъ же мы остановимся во внутренней исторіи? (Употреблю это выраженіе потому, что выраженіе «исторія цивилизаціи» не вполне обнимаетъ понятіе, по крайней-мѣрѣ, въ нашемъ обыденномъ употребленіи, а слово *культура*, которое хотѣли-было ввести, занявъ его у нѣмцевъ, получило у насъ слишкомъ огра-

виченное значеніе, говорятъ: *культура льна*). Все, въ чемъ выразилась жизнь народа: вѣрованія, учрежденія, бытъ — все должно занять мѣсто въ нашемъ изложеніи. Но, могутъ сказать намъ, бѣльшая часть изъ этихъ вопросовъ, если не всѣ, составляютъ или могутъ составлять предметъ особыхъ наукъ: исторія права, исторія церкви, исторія литературы, и къ чему же еще исторія цивилизаціи? Отвѣтъ на это простъ: каждая изъ этихъ наукъ рассматриваетъ выбранный ею предметъ въ отдѣльности — таково условіе ея спеціальности; иначе она обращается въ исторію цивилизаціи съ точки зрѣнія преобладанія одного элемента; только порядъ, при столкновеніи съ вопросомъ другого порядъ, касается она другихъ сторонъ. Взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ сторонъ — вотъ содержаніе исторіи цивилизаціи. Ея предметъ — общество въ его нравственномъ и матеріальномъ развитіи. Для нея успѣхъ или неудача той или другой стороны жизни важны лишь только какъ указаніе на то или другое состояніе общества. Которой же изъ этихъ сторонъ жизни дадимъ главное значеніе? Вопросъ вовсе непустой: бывали попытки придать особое, преимущественное значеніе какой-нибудь одной изъ этихъ сторонъ: юристы увѣряютъ, что характеръ общества опредѣляется исключительно его учрежденіями; мнѣологи все выводятъ изъ народныхъ вѣрованій, какъ основанія народнаго міросозерцанія; многими изъ насъ извѣстно то новѣйшее воззрѣніе, по которому самый существенный вопросъ — состояніе знаній въ народѣ. Мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ этихъ взглядовъ потому, что только изъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ сторонъ складывается народная жизнь; если мы обратимъ преимущественное вниманіе на одну изъ нихъ, то получимъ весьма неполное понятіе: бывали случаи, что одна изъ этихъ сторонъ стояла на высшей степени развитія, чѣмъ другая. Вообще къ изученію внутренней жизни нелегко прилагается дѣленіе на періоды, которое такъ удобно для исторіи внѣшней: перевороты въ сознаніи — единственно вѣрное основаніе подобнаго дѣленія — совершаются весьма медленно, и далеко неодновременно обнимаютъ собой всѣ стороны быта, всѣ слои общества. Еще въ началѣ обращенія Руси въ христіанство, духовенство принесло къ намъ римское понятіе о монархической власти и византійское право, а какъ долго не осуществлялось ни то, ни другое, находясь въ борьбѣ съ туземными представленіями; борьба не съ язычествомъ, которой у нихъ почти не было, а съ языческими представленіями продолжалась и еще долѣе, да кончалась ли и теперь? Давши преимущество одной сторонѣ быта, мы невольно поставимъ въ ложномъ свѣтѣ другую, и впадемъ въ ошибку, подобную той, въ какую впадалъ нѣкогда кн.

М. М. Щербатовъ, человекъ, бесспорно, умный: онъ придаѣ слишкомъ большое значеніе рассказамъ о страстномъ желаніи нѣкоторыхъ князей постричься въ монахи, распространилъ его на всѣхъ, нашелъ въ нихъ излишнее благочестіе, и этимъ благочестіемъ и смиреніемъ объяснилъ завоеваніе Россіи татарами; онъ забылъ только то, что самъ за нѣсколько страницъ рассказывалъ о постоянныхъ княжескихъ усобицахъ. Вотъ какъ опасно придаѣ излишнее значеніе одной какой-нибудь сторонѣ быта.

Курсъ свой я начну изложеніемъ исторіи нашей науки; надо же знать, что уже сдѣлано, познакомиться хотя съ главными трудами и возвращеніями, существующими въ нашей наукѣ. Здѣсь мы помянемъ добрымъ словомъ благородные и добросовѣстные труды, замѣтимъ и ошибки: знать ошибки, въ которыхъ впадали труженники добросовѣстные, чрезвычайно полезно. Это изложеніе ближе познакомитъ насъ съ кругомъ вопросовъ, въ которыхъ обращалась русская историографія, и мы увидимъ степень помощи, которую можетъ оказать въ предстоящемъ курсѣ существующая литература; съ источниками же мы будемъ знакомиться по мѣрѣ надобности въ нихъ и по возможности не съ одними письменными.

Вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ земли русской, заманчивый, какъ по многимъ уже сдѣланнымъ раскопкамъ, такъ и по своей необработанности, въ нынѣшнемъ году будетъ оставленъ въ сторонѣ не потому, чтобы я считалъ его чуждымъ исторіи Россіи—напротивъ, мы не разъ будемъ встрѣчаться съ указаніями, свидѣтельствующими объ его тѣсной связи съ вопросами послѣдующаго времени—но потому, что, при значительномъ навопленіи матеріала, онъ еще такъ мало разработанъ, что взюженіе его должно было бы отнять у насъ слишкомъ много времени и увлечь въ слишкомъ спеціальныя розысканія.

Собственно курсъ начнется очеркомъ быта древнихъ славянъ на основаніи домашнихъ и иноземныхъ источниковъ; съ нимъ соединимъ очеркъ народовъ иноплеменныхъ, жившихъ въ предѣлахъ тогдашней Руси, кромѣ, впрочемъ, Литвы, которой мѣсто будетъ въ другой части курса. Впрочемъ, главное наше вниманіе сосредоточится на славянахъ, не исключительно русскихъ, ибо основы быта у всѣхъ славянъ одни и тѣ же, разницу произвела уже историческая судьба: одни развились прежде, прежде столнувшись съ иноплеменниками, развившимися государственно, другіе—сталкивались не съ европейскими, а съ азіатскими народами, что даже и въ то время представляло значительную разницу.

Къ нашимъ славянамъ пришла дружина и образовала изъ разрозненныхъ племенъ одно государство — то былъ варяги. Здѣсь мы не будемъ долго останавливаться на вопросѣ объ ихъ происхожденіи, хотя и укажемъ на главные мнѣнія, такъ же какъ и на мнѣнія объ ихъ вліяніи. Здѣсь же укажемъ на характеристическія черты дѣятельности первыхъ князей.

Взоръ является христіанство. Здѣсь остано­вить насъ вопросъ о томъ, ка­кимъ путемъ заходило къ намъ христіанство, и что оно намъ принесло: мы должны будемъ коснуться здѣсь и римскаго права, явившагося къ намъ въ формѣ византійской, и ду­ховно-церковной письменности, и значенія монашества.

Въ XI вѣкѣ изъ этихъ трехъ элементовъ слагается общество. Оно въ первое время сосредоточивается около нѣсколькихъ центровъ: въ началѣ по крайней-мѣрѣ трехъ: Кіева, Новгорода, Полоцка, потомъ къ нимъ прибавляется Владимірь. Около этихъ центровъ соберемъ мы характеристическія черты быта въ его главныхъ проявленіяхъ: посмотримъ на управленіе того времени, на раздѣ­леніе народа на сословія, на дружину, духовенство, города, тор­говлю и т. д.

Курсъ настоящаго года я надѣюсь закончить XIV вѣкомъ: въ этомъ вѣкѣ, какъ извѣстно, образовалось на сѣверо-востокѣ го­сударство московское, а на юго-западѣ—государство литовское. Въ бытѣ произошло значительное измѣненіе, сказавшееся во всѣхъ почти проявленіяхъ народной жизни. Ясно, что начинается новый историческій періодъ, который завершается для Москвы началомъ XVII вѣка, для Литвы — половиною, когда окончательно созрѣли дагубные плоды ея соединенія съ Польшею и когда на­чинается поворотъ къ соединенію обѣихъ частей Руси воедино, послѣднія явленія котораго видимъ уже мы.

Таковъ планъ и объемъ моего курса; характеръ его вы могли понять изъ предшествующихъ разсужденій; своего общаго взгля­да на русскую исторію я не считалъ нужнымъ высказывать уже потому, что если онъ не выйдетъ изъ всего изложенія, тогда напрасно бы сталъ я развѣивать его въ одну лепцію, а если онъ явится въ заключеніи курса, какъ прямое его послѣдствіе, тогда онъ, конечно, будетъ и доказательнѣе и полезнѣе. Эти же немно­гія разсужденія о самомъ планѣ и способѣ изложенія я почелъ нужнымъ предпослать затѣмъ, чтобы вы заранѣе знали, ка­кимъ путемъ мы пойдемъ къ общей цѣли всякаго историческаго изслѣ­дованія—отысканію исторической истины. Только къ этой цѣли и стоитъ идти; ставить другую, постороннюю цѣль—значитъ уни­жать достоинство науки, значить безсовѣстно играть довѣріемъ, съ которымъ относится къ преподавателю всякій желающій чему­нибудь научиться. Соединимся же въ одномъ общемъ чувствѣ— чувствѣ любви къ наукѣ, къ родной сторонѣ и русскому народу, судьбы которыхъ мы готовимся изучать. Безъ любви ничего не дѣлается хорошаго, но любовь не должна быть слѣплымъ пристра­стіемъ, да будетъ она разумнымъ чувствомъ, которое питается сознаніемъ, требуетъ истины и ею только удовлетворяется.

Е. Вистужевъ-Рюминъ.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

XI.

Во мракъ.

На до сна было Брэдлею Гедстону въ ту ночь, когда Юджинъ Вре-бурнъ такъ покойно потягивался въ своей постелѣ; не спалось и маленькой миссъ Пичеръ. Брэдлей до самаго утра проходилъ взадъ и впередъ вокругъ дома, гдѣ его легкомысленный соперникъ спокойно отдыхалъ; маленькая миссъ Пичеръ до самаго утра металась въ постелѣ, со стороны на сторону, съ замира-ніемъ сердца прислушиваясь къ каждому шуму на улицѣ и страш-но беспокоясь, не случилось ли какого несчастія съ ея милымъ, такъ долго невозвращавшимся домой. Да, съ нимъ случилось, и уже давно, несчастье, но такое, какого миссъ Пичеръ, съ ея маленькимъ рабочимъ ящичкомъ обыденныхъ мыслей, никогда и вообразить себѣ не могла. Предметъ ея идеальной, платони-ческой любви находился въ самомъ отчаянномъ и убійственномъ положеніи.

Положеніе его было самое отчаянное и убійственное, и онъ это зналъ. Болѣе того, онъ самъ еще подливалъ масла въ огонь, съ тѣмъ дикимъ удовольствіемъ, съ которымъ раненый иногда рас-травляетъ свои раны. Связанный весь день условіями приличія, принужденный исполнять свою педагогическую рутину и всегда окруженный шумной толпой, онъ ночью срывался съ цѣпи, какъ дивій, неприрученный звѣрь. Сдерживаемый дѣлнй день тяже-лой уздой, онъ съ удовольствіемъ, а не съ грустью вспоминалъ о своей ночной свободѣ. Еслибъ великіе преступники говорили правду—чего они, какъ великіе преступники, никогда не дѣлаютъ, то намъ рѣдко пришлось бы слышать объ ихъ внутренней борь-бѣ съ преступленіемъ. Нѣтъ, они борются со всеми преграда-ми, чтобы достячь преступленія, а не избѣгнуть его. Брэдлей

Гедстоуъ понималъ очень хорошо, что онъ ненавидитъ своего соперника со всею силою своихъ злыхъ страстей, и что еслибъ онъ, всюду слѣдя по его стопамъ, наконецъ наврылъ бы его въ обществѣ Лизи Гексамъ, то это ни мало бы не возвысило его въ ея глазахъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, не жалѣлъ ни труда, ни усталости, очевидно съ одной цѣлью—привести себя въ бѣшенство зрѣлищемъ своего ненавистнаго соперника въ обществѣ Лизи, въ ея тайномъ убѣжищѣ. Онъ зналъ точно такъ же очень хорошо, что послѣдуетъ вслѣдъ за этимъ, если ему удастся ихъ накрыть, зналъ такъ же вѣрно, какъ то, что родился отъ своей матери. Положимъ, что онъ не давалъ себѣ яснаго, опредѣленнаго отчета, но сознаніе этихъ истинъ не могло не гнѣздиться въ его умѣ.

Онъ зналъ одинаково, что самъ подливалъ масла къ своей злобѣ и ненависти, дѣлалась добровольно каждую ночь потѣхой дерзкаго Юджина. Зная все это и все же упорствуя, не смотря на всѣ переносимыя муки и терзанія, могъ ли онъ сомнѣваться въ томъ, куда стремится.

Взбѣшенный и усталый онъ остановился близъ темпльскихъ воротъ, послѣ того, какъ въ нихъ исчезли Юджинъ и Лайтвудъ; онъ теперь колебался, не знаа воротится ли ему домой или остаться еще покараулить. Преслѣдуемый постоянно одной мыслью, что Вребурнъ былъ замѣшанъ въ тайнѣ исчезновения Лизи, Брайлей былъ твердо убѣжденъ, что онъ наконецъ его поборетъ своимъ упорствомъ и постоянствомъ; онъ такимъ образомъ же преодолевалъ всѣ трудности въ своей педагогической карьерѣ и считалъ это средство самымъ вѣрнымъ и побѣдоноснымъ.

Стоя на улицѣ и устремивъ глаза на темпльскія ворота, онъ вдругъ ударилъ себя по головѣ, ибо въ немъ зашевелилось подозрѣніе, не была ли скрыта Лизи въ его квартирѣ. Это было тѣмъ вѣроятнѣе, что тогда очень естественно объяснились бы всѣ прогулки Юджина, хотѣвшаго только спутать и смутить Брайлея. Послѣ долгаго размышленія, онъ наконецъ рѣшился взобраться на лѣстницу Вребурна, и, если его пуститъ караульный, подслушать у дверей своего врага, не выдадутъ ли роковой тайны какіе нибудь звуки. Онъ перешелъ улицу и остановился передъ караульнымъ.

Тотъ взглянулъ съ удивленіемъ на изнуренное блѣдное лицо учителя, походившаго болѣе на призрака, чѣмъ на человѣка, и спросилъ:

— Вамъ кого?

— Мистера Вребурна.

— Поздненью.

— Я знаю, онъ воротился не болѣе двухъ часовъ назадъ съ мистеромъ Лайтвудомъ. Но если онъ уже легъ, то я положу въ ящикъ письмо. Меня ждуть.

Караульный молча отворилъ ворота, но посмотрѣлъ ему въ слѣдъ довольно подозрительно; однако видя, что странный по-сѣтитель пошелъ прямо къ двери твердыми шагами, обнаруживая полное знакомство съ мѣстностью, онъ совершенно успокоился.

Брадей осторожно взобрался по темной лѣстницѣ, и остановившись у двери вребурновой квартиры, нагнулся и припалъ къ полу своимъ изнуреннымъ, блѣднымъ лицомъ. Изъ-подъ двери видѣлась полоса свѣта, проникавшего изъ внутреннихъ комнатъ, и слышались шаги и чьи-то два голоса. Словъ нельзя было разобрать, но оба голоса были мужскіе. Черезъ нѣсколько минутъ шаги и голоса замерли, а вскорѣ исчезъ и свѣтъ. Еслибъ Лайтвудъ увидѣлъ, какъ то лицо, которое его преслѣдовало во снѣ, прильнуло во мракъ къ его двери и съ трепетомъ прислушивалось къ каждому звуку, то онъ вѣроятно уже во всю ночь болѣе не заснулъ бы.

— Ея тутъ нѣтъ, пробормоталъ Брадей:—но она могла быть.

Съ этой мыслью онъ всталъ на ноги, сошелъ съ лѣстницы и направился къ воротамъ. Передъ нимъ стоялъ какой-то человекъ и разсуждалъ съ караульнымъ.

— Да, вотъ онъ, воскликнулъ караульный, указывая на Брадея.

Учитель съ изумленіемъ взглянулъ прежде на караульнаго, потомъ на незнакомца.

— Этотъ человекъ принесъ письмо къ мистеру Лайтвуду, продолжалъ караульный въ видѣ объясненія:—и я замѣтилъ ему, что сейчасъ кто-то еще понесъ письмо тоже въ квартиру Лайтвуда. Можетъ быть, вы оба по одному дѣлу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Брадей, взглянувъ на незнакомца, котораго онъ никогда прежде не видывалъ.

— Нѣтъ, подтвердилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ:— мое письмо, хотя и писано моею дочерью, но оно мое, и касается моего дѣла, а въ мои дѣла я никому не позволяю вмѣшиваться.

Не успѣлъ Брадей еще выдти за ворота, какъ онъ услышалъ за собой торопливые, но нерѣшительные шаги.

— Извините, провзнесъ незнакомецъ, набѣгая на Брадея и едва не сшибая его съ ногъ:—вы, можетъ быть, знакомы съ другимъ господиномъ.

— Съ кѣмъ? спросилъ Брадей, обидывая взоромъ незнакомца, котораго неволью принялъ за пьянаго.

— Съ другимъ господиномъ, повторилъ онъ, показывая назадъ.

— Я не понимаю, что вы говорите?

— Ну, смотрите, продолжалъ незнакомецъ, выкладывая на правой рукѣ пальцами лѣвой.

— Вѣдь тамъ два господина, не такъ ли? Одинъ и одинъ два. Стряпчій Лайтвудъ, это мой первый палецъ, не такъ-ли? Хорошо, ну, а вотъ и второй, такъ не знакомы ли вы съ моимъ среднимъ пальцемъ?

— Я знаю о немъ достаточно, отвѣчалъ Брайлей, вздрогнувъ.

— Страхъ! воскликнулъ незнакомецъ:—страхъ что это за человѣкъ другой господинъ. Я совершенно съ вами согласенъ.

— Не шумите такъ ночью на улицѣ; но о чемъ вы говорите?

— Вотъ видите, отвѣчалъ незнакомецъ тономъ отвращенности:— другой господинъ все издѣвается надо мною, вѣроятно потому, что я честный человѣкъ, зарабатывающій кусокъ хлѣба въ потѣ лица своего, а онъ—нѣтъ.

— Что же мнѣ до этого?

— Если вы не желаете болѣе слышать, то не слушайте, возразилъ незнакомецъ, словно обидѣвшись:— но вы вѣдь начали и сказали ясно, что его недолюбливаете. Впрочемъ, я не навязываю никому насильно ни своего общества, ни своихъ мнѣнй. Я честный человѣкъ—вотъ что. Отдайте меня подъ судъ— мнѣ все равно какой, и я скажу въ судѣ: милордъ, а—честный человѣкъ. Пosaдите меня на скамью свидѣтелей, все равно— гдѣ, и я скажу то же милорду и буду цаловать книгу. Я не поцалую полу своего сюртука, а поцалую книгу.

— Вамъ нечего обижаться, я нимало не хотѣлъ васъ остановить, сказалъ Брайлей, движимый скорѣе жаждой воспользо-ваться всякой помощью къ открытiю тайны, чѣмъ убѣжденный въ честности незнакомца, приводимыми имъ доводами:— вы слишкомъ громко кричали на улицѣ, я вамъ это замѣтилъ. Вотъ и все.

— Я знаю, что громко и что тихо, таинственно промолвилъ Ридергудъ, значительно успокоенный:— и какъ мнѣ не знать, я вѣдь крещеный. А зовутъ меня Роджеромъ по имени отца, который получилъ это имя въ честь своего отца, а тотъ наследовалъ имя отъ своего и т. д.; но, конечно, я не берусь сказать, кто изъ нашего семейства первый назывался этимъ именемъ. Я не хочу васъ обманывать. А какой вы страшный, прибавилъ онъ:— надѣюсь, что ваше здоровье лучше, чѣмъ можно предположить, смотря на ваше лицо.

Пораженный вѣстью, что его лицо выдаетъ слишкомъ ясно то, что онъ чувствуетъ, Брайлей сдѣлалъ усилie надъ собою и раздвинулъ нахмуренныя брови. Быть можетъ, черезъ этого чело-

вѣка *они* переписываются, блеснуло въ его головѣ, и онъ рѣшился развѣдать обстоятельно, зачѣмъ этотъ странный человекъ приходилъ въ такой поздній часъ къ Лайтвуду или Вребурну или къ нимъ обоимъ.

— Вы позднеенько приходили въ Темплъ, сказалъ онъ, стараясь придать своему тону какъ можно болѣе равнодушнаго и спокойствія.

— А я только что хотѣлъ вамъ сказать то же самое, воскликнулъ Ридергудъ съ грубымъ хохотомъ.

— Такой вышелъ случай, отвѣчалъ Брайлей, съ безпокойствомъ озираясь по сторонамъ.

— И со мной то же. Но я вамъ скажу, въ чемъ состоялъ этотъ случай. Зачѣмъ мнѣ вамъ не сказать? Я—помощникъ шлюзняка на рѣкѣ, и вчера былъ мой свободный день, а завтра я дежурный.

— Ну, такъ что же?

— Погодите, я пришелъ въ Лондонъ по своимъ частнымъ дѣлишкамъ. А эти дѣлишки состоятъ въ томъ, чтобы выхлопотать себѣ мѣсто шлюзняка, и начать процессъ съ однимъ пароходомъ, который меня потопилъ. Я не позволю, чтобъ меня топили даромъ, пускай заплатятъ.

Брайлей взглянулъ на него подозрительно, словно онъ выдавалъ себя за призракъ утопленника.

— Пароходъ набѣжалъ на меня и потопилъ, продолжалъ упрямо Ридергудъ: — нашлись люди, которые меня ворожили къ жизни, но я ихъ не просилъ дѣлать этого и пароходъ тѣмъ менѣе, потому я намѣренъ взять съ него деньги за то, что онъ лишилъ меня жизни.

— Такъ вы за этимъ-то пришли къ мистеру Лайтвуду въ глухую часть ночи? спросилъ Брайлей, подозрительно поглядывая на него.

— Да, и еще затѣмъ, чтобъ онъ мнѣ далъ рекомендацію: чтобъ быть назначеннымъ въ шлюзняки, надо имѣть писанную рекомендацію. А кто же другой обязанъ мнѣ ее дать? Я такъ и пишу, то-есть рукой своей дочери въ вѣсмыѣ-то: «кто другой, кромѣ васъ, страпчій Лайтвудъ, обязанъ дать мнѣ рекомендацію? Кто кромѣ васъ долженъ взять на себя издержки по моему процессу съ пароходомъ? Ибо (такъ написано) я много вынесъ горя во вашей милости и по милости вашего друга. Еслибъ вы, страпчій Лайтвудъ, постояли за меня и другой господинъ записалъ бы мои слова правильно, то я былъ бы уже теперь богатый человекъ, а не терпѣлъ бы всякаго рода ругательства и не былъ бы принужденъ вѣсть свои слова, что очень неприятно для желудка!...»

Что же касается до того, что теперь ночь, прибавилъ Ридергудъ: — то посмотрите на мой узелъ и не забывайте, что я шель домой на шлязы мимо Темпла.

Пока Ридергудъ излагалъ свои жалобы, въ лицѣ Брайда произошла быстрая перемена, и онъ сталъ смотрѣть съ большимъ вниманіемъ на своего страннаго собесѣдника.

— Знаете, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія: — мнѣ кажется, я бы могъ назвать васъ по имени, еслибъ захотѣлъ.

— Докажите свои слова, отвѣчалъ Ридергудъ, останавливаясь и бросая удивленный взглядъ на Брайда.

— Васъ зовутъ Ридергудомъ.

— Чортъ-возьми, вы угадали. Но я не знаю, какъ васъ зовутъ.

— Это совсѣмъ иное дѣло. Никогда и я не предполагалъ, чтобъ вы это знали.

Сказавъ это, Брайда погрузился въ глубокую думу и продолжалъ молча идти рядомъ съ Ридергудомъ, который бормоталъ себѣ подъ носъ: «какая ты скотина, Ридергудъ! Твое имя стало общественнымъ достояніемъ, и прости господи, всякій человѣкъ смѣетъ его произносить какъ и когда захочетъ!» Брайда между тѣмъ думалъ: вотъ представляется способъ; слѣдуетъ ли имъ воспользоваться и какъ?

Между тѣмъ они прошли весь Страндъ и Поля-Моль и повернули въ углу Гайд-Парка; Брайда во все это время послушно слѣдовалъ за Ридергудомъ, который указывалъ ему дорогу. Онъ такъ медленно обдумывалъ свои намѣренія, что они прошли добрую полмили, прежде чѣмъ онъ снова заговорилъ.

— А гдѣ ваши шлязы? спросилъ онъ неожиданно.

— Миль двадцать отсюда, можетъ — и поболѣе, вверхъ по рѣкѣ.

— А какъ ихъ называютъ?

— Пяшвотерскими.

— Положимъ, что я предложу вамъ пять шиллинговъ, что вы на это скажете?

— Что скажу? да ничего, просто возьму.

Брайда молча вынулъ изъ кармана двѣ полкроны и положилъ ихъ въ руку Ридергуда; тотъ очень хладнокровно остановился у ближняго подъезда и ступнулъ монетами по приоткрѣ двери, чтобъ узнать не фальшивыя ли онѣ, и только убѣдившись въ ихъ добротности, опустилъ ихъ въ карманъ.

— Въ васъ есть одно отличное качество, сказалъ онъ, обращаясь къ Брайду: — вы очень щедры на деньги и имѣете при себѣ ихъ въ наличности. Но для чего вы мнѣ ихъ дали?

— Для васъ.

— Это-то я знаю, отвѣчалъ Ридергудъ: — и никто нкъ теперь у меня не отыметъ. Но что вы хотите взять съ меня за нихъ?

— Я самъ не знаю, что я хочу, и хочу ли я что-нибудь, произнесъ Брайдей кажимъ-то страннымъ голосомъ, и словно разговаривая самъ съ собою: — вы не очень жалуете Вребуна, прибавилъ онъ, вдругъ переходя къ предмету, занимавшему вѣчно его мысли.

— Нѣтъ.

— И я также.

Ридергудъ мотнулъ головою и спросилъ:

— Такъ вы мнѣ за это?

— Пожалуй, и за это, если за что-нибудь. Мнѣ надо съ вами переговорить и условиться кое-о-чемъ, занимающемъ всѣ мои мысли.

— Это кое-что, я вижу, васъ очень терзаетъ, и нечего вамъ представляться! воскликнулъ Ридергудъ:—я вамъ говорю прямо, что у васъ есть кое-что гнетущее васъ и отравляющее вашу жизнь.

— А если и такъ, отвѣчалъ Брайдей дрожащимъ голосомъ:—то развѣ на это не могутъ быть причины?

— Могутъ, и очень важна, буду биться объ закладъ на что хотите! воскликнулъ Ридергудъ.

— Вы сказали, что этотъ человѣкъ издѣвался надъ вами и оскорблялъ васъ, ну—онъ то же дѣлалъ и со мною. Онъ весъ съ головы до пятокъ состоитъ изъ ядовитыхъ насмѣшекъ и оскорбленій. Развѣ вы такъ глупы, что не знаете, что онъ и Лайтвудъ закурятъ сигары вашимъ письмомъ и не обратятъ на него никакого вниманія?

— Я бы нимало этому не удивился, клянусь св. Георгомъ! произнесъ съ сердцемъ Ридергудъ.

— Да, это вѣрно. Позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ. Я знаю не только ваше имя, но еще кое-что о васъ и о Гаферѣ Гексамѣ. Когда вы въ послѣдній разъ видѣли его дочь?

— Когда я видѣлъ въ послѣдній разъ его дочь? повторилъ Ридергудъ, какъ-бы не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да, не только когда вы въ послѣдній разъ съ ней говорили, но когда видѣли ее—хоть гдѣнибудь издали?

Ридергудъ началъ соображать теперь, въ чемъ дѣло, но ему еще не все было ясно.

— Я ее не видалъ ни разу со времени смерти Гафера, сказалъ онъ, пристально смотря на Брайдея.

— Вы хорошо ее знаете?

— Еще бы.

— И его также?

— Кого, его? спросилъ Ридергудъ, снимая шапку и потирая лобъ.

— Вамъ, должно быть, очень нравится его проклятое имя, что непремѣнно требуетъ вамъ его повторить.

— О! его! отвѣчалъ Ридергудъ, ловко подводя подъ фонарь Брайда, чтобъ лучше рассмотреть буруеваемое страстями лицо учителя:—*его* я узнаю изъ тысячи.

— Не видали... ли вы когда нибудь ихъ вмѣстѣ? продолжалъ школьный учитель, стараясь побороть свое волненіе, но совершенно тщетно.

— Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ самый день смерти Гафера, сказалъ Ридергудъ, смекнувъ теперь совершенно ясно, въ чемъ дѣло.

Брайде замолчалъ на минуту, но Ридергудъ ясно видѣлъ по его лицу, чего онъ хотѣлъ и не рѣшался у него спросить.

— Но я не стану забѣгать впередъ, произнесъ мысленно Ридергудъ:—пускай прямо спросить, коли хочетъ знать.

— Ну, а какъ, наконецъ, промолвилъ Брайде послѣ жестокой внутренней борьбы: — былъ онъ съ ней такъ же дерзокъ, какъ со всѣми другими или старался быть любезнымъ?

— Онъ выказывалъ къ ней удивительное вниманіе, отвѣчалъ Ридергудъ:—кланусь св. Георгомъ, что теперь... (видя, какъ въ ревнивы, хотѣлъ онъ сказать, но удержался), вспоминая обо всемъ случившемся, мнѣ кажется, что онъ нарочно списалъ невѣрно мое показаніе, чтобъ поддѣлаться къ той, за кѣмъ онъ ухаживалъ.

Брайде не сталъ доказывать справедливости его подозрѣнія, онъ не дошелъ еще до такой низости, хотя немногимъ честиѣе было входить въ близкія, дружескія сношенія съ человѣкомъ, который хотѣлъ нѣкогда опозорить имя его ученика и его сестры.

Продолжая молча идти далѣе, Брайде раздумывалъ, какую пользу онъ могъ извлечь изъ своего новаго знакомаго. Человѣкъ этотъ недолюбливалъ Юджина—это было важно; но онъ, увь, не питалъ къ нему дикой ненависти; подобной той, которая клокотала въ его собственномъ сердцѣ. Человѣкъ этотъ зналъ Лизи и могъ случайно увидѣть ее или услышать о ней—это было очень важно, ибо не мѣшало имѣть лишніе два глаза и два уха. Человѣкъ этотъ былъ низкій, подлый, готовый все сдѣлать за деньги—это было всего важнѣе, такъ-какъ теперешнее положеніе и намѣренія самого Брайда были какъ нельзя болѣе низки и подлы, и ему было бы большой поддержкой имѣть подъ рукою человѣка, равного себѣ, если еще не ниже.

Посреди этихъ размышленій, онъ вдругъ остановился и спросилъ: «Знаетъ ли Ридергудъ, гдѣ теперь Лизи»? Конечно, тотъ

отвѣчалъ, что не знаетъ. Потомъ онъ спросилъ: «Согласенъ ли Ридергудъ за извѣстную плату сообщить ему, если онъ случайно узнаеть, гдѣ она или что Вребурнъ имѣеть съ ней какія нибудь сношенія?» Ридергудъ отвѣчалъ, что съ большимъ удовольствіемъ исполнить его желаніе, ибо онъ имѣеть зубокъ противъ ихъ обонхъ, а за чтó? За то, что они помѣшали ему нажать кусокъ хлѣба въ потъ лица своего.

— Такъ мы скоро увидимся, сказалъ Брэдлей: — вотъ ваша дорога и смотрите, уже разсѣло.

— Но, я не знаю, гдѣ васъ найти, замѣтилъ Ридергудъ.

— Это совсѣмъ излишне; я знаю, гдѣ васъ найти и приду къ вамъ на шлюзы.

— Но, снова замѣтилъ Ридергудъ:—никакого добра не выйдетъ изъ нашего знакомства, если мы такъ разстанемся въ сухую. Сприснемъ-ка нашу дружбу молочкомъ съ ромомъ.

Брэдлей согласился, и они вошли въ скромный, сельскій кабакъ, откуда несло гнилымъ сѣномъ и соломой и гдѣ толпились вокругъ буфета поселяне, извозчики и всякого рода ночныя птицы.

Выпивъ рому, Ридергудъ взобрался на возъ съ корзинами одного полупьянаго извозчика, отправлявшагося съ нимъ по одной дорогѣ, а Брэдлей пошелъ домой, пробираясь самыми отдаленными закоулками. Когда взошло солнце, онъ уже былъ въ своей школѣ, умытый, причесанный, въ приличномъ черномъ скюртукѣ, такомъ же жилетѣ, сѣрыхъ панталонахъ, въ приличномъ галстукѣ и съ приличными серебряными часами въ жилетномъ карманѣ—однимъ словомъ представлялъ образецъ приличнаго педagogическаго охотника, окруженнаго своей лающей и прыгающей сворой.

XII.

ЗЛОЕ НАМѢРЕНІЕ.

Солнце, взошедшее надъ Лондономъ, освѣтило съ своимъ вѣчнымъ, торжественнымъ безпристрастіемъ всю подноготную; оно даже заиграло въ бакенбардахъ мистера Альфреда Ламля, сидѣвшаго за утренній завтракъ. И нуждался бѣдный мистеръ Альфредъ Ламль въ какомъ-нибудь вѣншнемъ блескѣ, ибо, судя по выраженію его лица, у него на сердцѣ было очень мрачно и печально.

Мистрисъ Альфредъ Ламль сидѣла противъ своего мужа и господина. Счастливая чета мошенниковъ, соединенная несокрушимыми узами убѣжденія, что каждый изъ нихъ обмануль дру-

гого, сидѣла молча, опустивъ глаза на скатерть. Нѣчто-столь мрачное было въ атмосферѣ этой столовой, несмотря на то, что она находилась на солнечной сторонѣ, что еслибъ кредиторы Ламлей могли взглянуть въ нее сквозь опущенныя шторы, они тотчасъ бы поняли въ чемъ дѣло, и въ тотъ же день представили бы свои счета къ уплатѣ. Впрочемъ, уже и безъ этого большая часть лавочниковъ, отпускаявшихъ имъ въ кредитъ, прибѣгла къ самымъ крайнимъ мѣрамъ для взысканія съ нихъ денегъ.

— Миѣ кажется, сказала наконецъ мистрисъ Ламль: — что ты никогда не имѣлъ своихъ денегъ, съ самой нашей женитьбы.

— То, что тебѣ кажется, можетъ быть, и дѣйствительно было, отвѣчалъ мистеръ Ламль: — но вѣдь это къ дѣлу не относится.

Было ли это особенностью въ домѣ мистера и мистрисъ Ламль, или это такъ бываетъ со всѣми любящими, юными четами, только разговаривая между собою, они никогда не обращались прямо другъ къ другу, а къ кому-то неизвѣстному, присутствовавшему невидимо между ними.

— Я никогда не видывала другихъ денегъ въ домѣ, кромѣ моихъ, продолжала мистрисъ Ламль: — въ этомъ я поклонюсь.

— Не трудись вѣстаться, отвѣчалъ Ламль:—это точно такъ же не идетъ къ дѣлу. Твои деньги никогда не шли на такое хорошее, полезное дѣло.

— Хорошее, полезное дѣло! На какое? спросила мистрисъ Ламль.

— Да на то, чтобъ заслужить кредитъ и жить хорошо, отвѣчалъ Ламль.

Вѣроятно, неизвѣстный невидимка, къ которому счастливые супруги обращались съ такими странными вопросами и отвѣтами, презрительно захохоталъ, но крайней-мѣрѣ мистеръ и мистрисъ Ламль показали бы ему въ этомъ прикѣрѣ.

— А чѣмъ же это кончится? спросила мистрисъ Ламль.

— Совершеннымъ разореніемъ, отвѣчалъ мистеръ Ламль.

Послѣ этого мистрисъ Ламль взглянула съ презрѣніемъ на неизвѣстнаго невидимку, но не на своего мужа, и опустила глаза; мистеръ Ламль сдѣлалъ то же самое. Наступило молчаніе, продолженіе котораго слуга, подавъ тарелку съ жаренымъ хлѣбомъ.

— Софронія, провядетъ наконецъ мистеръ Ламль, когда слуга вышелъ изъ комнаты: — Софронія, центериль оня гораздо громче.

— Ну?

— Выслушайте меня, хорошенько, продолжала мистеръ Ламль: — я хочу съ вами посоветоваться. Будетъ намъ перекидываться колкостями. Вы знаете очень хорошо нашъ контрактъ. Мы должны

работать вмѣстѣ для достиженія одной общей цѣли, и вы такой же ловкій работникъ, какъ и я; иначе мы бы никогда не женились. Вопросъ теперь въ томъ, что намъ дѣлать? насъ совсѣмъ прижали. Что намъ дѣлать?

— Развѣ у васъ нѣтъ въ виду никакого плана, никакой выгодной аферы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Ламль:—мы, какъ искатели приключеній, обязаны играть въ смѣлую, рискованную игру, которая бы обѣщала намъ большую добычу, а въ послѣднее время счастье отвернулось отъ насъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ... начала-было Софронія, но мистеръ Ламль перебилъ ее:

— У насъ, Софронія, у насъ!

— Развѣ у насъ нѣтъ ничего, что бы мы могли продать?

— Чорта съ два. Я заложилъ одному жиду всю нашу мебель, и онъ можетъ ее взять, когда ему угодно. Я даже увѣренъ, что онъ бы давно это и сдѣлалъ, еслибы не Фледжеби.

— Что жь имѣетъ съ нимъ общаго Фледжеби?

— Онъ съ нимъ знакомъ, и уже давно предостерегалъ меня попасться въ его руки, ибо самъ тщетно уговаривалъ его пожалѣть какого-то пріятеля.

— Такъ вы думаете, что Фледжеби успѣлъ расположить его въ вашу пользу?

— Въ нашу, въ нашу, Софронія.

— Ну да, въ нашу.

— Я ничего не думаю, а знаю только, что жидъ не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать, и что Фледжеби хвалится своимъ вліяніемъ на него въ нашешъ дѣлѣ.

— А вы вѣрите Фледжеби?

— Софронія, я никому не вѣрю и никогда не вѣрилъ съ тѣхъ поръ, какъ повѣрилъ вамъ; но вліяніе Фледжеби тутъ очень вѣроятно.

Сказавъ это, мистеръ Ламль всталъ изъ-за стола, и пройдя раза два по комнатѣ, остановился перець замкомъ.

— Еслибъ намъ тогда удалось повѣнчать эту скотину съ Джорджіаной; но, это дѣло прошлое, нечего о немъ и говорить!

Услыхавъ эти слова и чувствуя, что взглядъ ея мужа устремленъ на нее, Софронія поблѣднѣла и опустила глаза въ землю. Сознавая свою измѣну общему дѣлу и боясь своего мужа, она поспѣшила очистить себя передъ нимъ.

— Еслибъ мы могли занять денегъ, Альфредъ...

— Запать, выпросить милостыню, или украсть—это все равно для насъ, Софронія.

— Еслибъ намъ это удалось, то мы были бы спасены.

— Безъ сомнѣнія, это такъ же вѣрно, какъ дважды-два четыре.

Но видя, что она обдумывала какой-то планъ, онъ, подобрывъ одной рукой полы своего халата, а другой поглаживая бакенбарды, сталъ молча смотрѣть на нее.

— Очень естественно, Альфредъ, сказала она: — въ подобную минуту вспомнить о самыхъ богатыхъ и глупыхъ нашихъ знакомыхъ.

— Вѣрно, Софронія.

— О Бофинахъ.

— Такъ, Софронія.

— Нельзя-ли чегонибудь съ ними сдѣлать?

— Но что можно сдѣлать съ ними, Софронія?

Она снова задумалась, и онъ снова пристально уставился на нее глазами.

— Конечно, я не разъ думалъ о Бофинахъ, Софронія, продолжалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія:—но рѣшительно ничего не придумаешь. Этотъ дьявольскій секретарь стоитъ между нами — и достойными людьми.

— Еслибъ мы могли отъ него отдѣлаться, сказала она, вдругъ просіявъ.

— Подумай хорошенько, Софронія, покровительственнымъ тономъ замѣтилъ ей мужъ

— Еслибъ удаленіе его отъ мѣста мы могли выставить какъ услугу, оказанную нами мистеру Бофину.

— Подумай хорошенько, Софронія.

— Мы замѣтили, Альфредъ, что старикъ въ послѣднее время сталъ очень недоувѣрчивъ и подозрителенъ.

— И скупъ, моя милая, что для насъ всего хуже. Все же подумай хорошенько, Софронія.

Она подумала и снова продолжала:

— Положимъ, что мы стали бы дѣйствовать на его слабую струну; положимъ, что моя совѣсть...

— И мы знаемъ, какая это совѣсть. Ну, дальше.

— Положимъ, что моя совѣсть не позволитъ мнѣ долѣе скрывать то, что ихъ выскочка-дѣвчонка сказала мнѣ о предложеніи, сдѣланномъ ей секретаремъ. Положимъ, что моя совѣсть заставитъ меня открыть все это мистеру Бофину.

— Это мнѣ правится, замѣтилъ Ламль.

— Положимъ, что я такъ рассказала бы это мистеру Бофину, что дала бы ему почувствовать мою деятельность и благородство...

— Какія славныя слова, Софронія, замѣтилъ ее супругъ.

— Я дала бы понять, что *наша* деликатность и благородство, продолжала она съ горечью: — не позволяют намъ быть безмолвными свидѣтелями такой безчестной и низкой интриги со стороны его секретаря, столь подло измѣнившаго своему благодѣтелю. Положимъ, что я рассказала бы своему добродѣтельному мужу о желаніи очистить мою совѣсть, и онъ въ своемъ благородствѣ воскликнулъ: «Софронія, вы должны тотчасъ ѣхать къ мистеру Бофину и все ему отереть».

— Еще разъ, Софронія, мнѣ этотъ планъ очень нравится, замѣтилъ Ламль, переминаясь съ ноги на ногу.

— Если намъ удастся спихнуть съ мѣста этого секретаря, то Бофини будутъ совершенно обезоружены.

— Продолжайте развѣивать свой планъ, онъ мнѣ чрезвычайно нравится.

— Мы окажемъ ему громадную услугу, отеревъ ему глаза и указавъ на измѣну его самого довѣреннаго лица, и тѣмъ самымъ привлечемъ на себя все его довѣріе. Можно-ли будетъ что изъ этого извлечь—это покажетъ время, но вѣроятно мы не упустимъ случая и сдѣлаемъ все, что только возможно.

— Вѣроятно, подтвердилъ Ламль.

— Какъ вы думаете, есть ли возможность, чтобы вы замѣнили секретаря?

— Нѣтъ ничего невозможнаго. Это надо только ловко подготавливать.

Она наеловила голову въ знакъ согласія и устремила глаза на огонь.

— Мистеръ Ламль, начала она снова, слегка иронически тономъ: — мистеръ Ламль былъ бы такъ счастливъ сдѣлать для мистера Бофина все, что только онъ можетъ; мистеръ Ламль, человекъ практическій, занимающійся дѣлами и капиталистъ; мистеръ Ламль, который привыкъ вести самыя деликатныя, самыя трудныя дѣла; мистеръ Ламль, который такъ отлично управляетъ моимъ состояніемъ; мистеръ Ламль, котораго репутація выше всякаго подозрѣнія или сомнѣнія.

Мистеръ Ламль улыбнулся и даже потрепалъ по головѣ свою суфрулу—такъ пришелся ему по вкусу ея планъ. Послѣ минутнаго размышленія, выродолженіе котораго Софронія глядѣла на огонь, невольно вспоминая о томъ, какъ по ея милости не удался ихъ первый ловкій планъ, мистеръ Ламль произнесъ:

— Мнѣ кажется, Софронія, что вы упустили одну важную сторону этого дѣла. Быть можетъ, я ошибаюсь, ибо женщины лучше понимаютъ женщинъ. Развѣ мы не можемъ спихнуть и самую дѣлочку?

— Нѣтъ, она имѣетъ страшную силу, Альфредъ, отвѣчала Софронія, качая головой: — ея вліаніе на обонхъ нельзя сравнить съ вліаніемъ нанятаго секретаршики.

— Но вѣдь это милое дитя, продолжалъ Ламль съ улыбкой: — должно бы вывазывать полную откровенность и довѣріе къ своимъ благодѣтелямъ и не скрывать отъ нихъ ничего.

Софронія снова закачала головой.

— Ну, женщины лучше понимаютъ женщинъ, съ неудовольствіемъ произнесъ Ламль: — я не настаиваю, хотя дѣло было бы отличное избавиться отъ нихъ обонхъ. Я бы заправлялъ состояніемъ, а моя жена людьми, а что вы на это скажете!

— Они никогда не поссорятся съ дѣвчонкой, отвѣчала Софронія, продолжая качать головой: — они никогда съ ней не разстанутся. Мы должны помириться съ этимъ.

— Ну, такъ и быть, воскликнулъ Ламль, пожимаая плечами: — только помни, что мы въ ней не нуждаемся.

— Теперь остался только одинъ вопросъ для обсужденія, сказала мистрисъ Ламль: — когда мнѣ начннать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; какъ я вамъ уже сказалъ, наше положеніе убійственное и каждую минуту мы можемъ лопнуть совершенно.

— Я должна переговорить съ мистеромъ Бофиномъ наединѣ; если его жена будетъ тутъ, то она станетъ его уговаривать. Я увѣрена, что при ней мнѣ не удастся привести его въ бѣшенство. Что же касается до самой дѣвчонки, то такъ-какъ я намѣреваюсь выдать тайну, повѣренную мнѣ ею, то ее также надо удалить.

— Попросить его назначить вамъ свиданіе?

— Нѣтъ, нельзя. Они стали бы ломать себѣ голову, зачѣмъ это мнѣ нужно, а я хочу застать его врасплохъ.

— Заѣзжай и скажи, что хочешь видѣть его одного.

— Нѣтъ, и это негодится. Впрочемъ, не безпокойтесь. Положитесь на меня и оставьте мнѣ маленькую вазетку на сегодня и на завтра, если я въ одинъ день не устрою дѣла. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что его подкараулю и обдѣлаю дѣльце.

Не успѣли они такимъ образомъ порѣшить объ образѣ своихъ дѣйствій, какъ мимо окна прошла какая-то фигура и позвонила у ихъ дверей.

— Вотъ Фледжеби, произнесъ Ламль: — онъ очень высокаго объ васъ мнѣнія. Постарайтесь его уговорить, чтобъ онъ подѣйствовалъ на жида. Я же уйду; скажите, что меня нѣтъ дома. Жида-то зовутъ Ріа изъ дома Пубсей и К^о.

Сказавъ все это вполголоса и сдѣлавъ знакъ слугѣ, отворяв-

пему парадную дверь, мистеръ Ламль на ципкахъ удалился наверхъ.

— Мистеръ Фледжеби! воскликнула Софронія, принимая очень любезно вошедшаго: — какъ я рада васъ видѣть! Мой бѣдный Альфредъ вышелъ съ самаго утра, онъ ужасно занятъ дѣлами. Присядьте, дорогой мистеръ Фледжеби.

Дорогой мистеръ Фледжеби сѣлъ и послѣшивъ убѣдиться съ грустью, что съ тѣхъ поръ какъ онъ обогнулъ уголъ Альбани, у него на щекахъ не прибавилось растительности.

— Дорогой мистеръ Фледжеби, вы не повѣрите, какъ бѣдный Альфредъ озабоченъ теперь дѣлами. Впрочемъ, что же я говорю вамъ объ этомъ, не вы ли оказали ему огромную услугу и явились на помощь въ этомъ случайномъ разстройствѣ его дѣлъ?

— О! произнесъ Фледжеби.

— Да, произнесла мистрисъ Ламль.

— Я думалъ, что Ламль никому не рассказываетъ своихъ дѣлъ, замѣтилъ Фледжеби.

— Кромѣ меня. Вѣдь я его жена.

— Конечно, я въ этомъ никогда не сомнѣвался.

— И какъ жена Альфреда, могу ли я, милый мистеръ Фледжеби, попросить васъ оказать намъ еще новое одолженіе и уговорить мистера Ріа потерпѣть еще немного? Кажется, я говорю такъ; бѣдный Альфредъ цѣлыя ночи бредитъ о какомъ-то Ріа. Вы видите поэтому, что я обращаюсь къ вамъ только по наущенію своего сердца, а мужъ объ этомъ ничего не знаетъ.

— Вашего кредитора зовутъ Ріа, произнесъ мистеръ Фледжеби: — Пубсей и К^о, подлѣ церкви св. Маріи.

— Да, да! воскликнула Софронія: — Пубсей и К^о.

— Просьба женскаго... началъ Фледжеби, и такъ долго подыскивалъ слово, что мистрисъ Ламль, желая ему помочь, подсказала съ очаровательной улыбкой: — сердца?

— Нѣтъ, продолжалъ Фледжеби: — пола... всегда должна быть исполнена мужчиной, и какъ бы я радъ былъ, еслибъ дѣло касалось въ этомъ случаѣ только до меня. Но этотъ Ріа — прескверный человѣкъ, мистрисъ Ламль.

— Но не тогда, когда вы замолвите ему словечко, дорогой мистеръ Фледжеби.

— Честью клянусь, онъ — прескверный человѣкъ!

— Попробуйте, дорогой мистеръ Фледжеби, попробуйте еще разъ. Вы все можете, если только захотите.

— Очень вамъ благодаренъ за комплиментъ. Я съ большимъ удовольствіемъ исполню вашу просьбу и поговорю съ нимъ,

но не отвѣчаю за послѣдствія. Ріа когда сказала, что сдѣлаетъ что-нибудь, то ужъ непремѣнно поставитъ на своемъ.

— Да! воскликнула мистрисъ Ламль:—значить, если онъ общается вамъ ждуть, то онъ будетъ ждуть.

«Чертовски умная баба», подумалъ Фледжеби: «такъ тебя и ловить на словѣ».

— Дѣло въ томъ, дорогой мистеръ Фледжеби, продолжала мистрисъ Ламль:—н это отъ васъ, нечего скрывать—горизонтъ Альфреда проясняется.

Это фигуральное выраженіе показалось совершенно непонятымъ очаровательному Фледжеби, и онъ переспросилъ:

— Что—какъ вы сказали?

— Альфредъ, милый мистеръ Фледжеби, прежде чѣмъ выйдти нынче изъ дома, открылъ мнѣ свои планы, которые вскорѣ совершенно измѣнятъ теперешнее положеніе сго дѣла.

— Неужели?

— Да! И вы знаете, дорогой мистеръ Фледжеби, вы—который изучаете свѣтъ и человѣческое сердце—какое несчастье было бы потерять кредитъ, положеніе въ свѣтѣ—все изъ-за какихъ нибудь нѣсколькихъ дней.

— О! возразилъ Фледжеби:—такъ вы полагаете, мистрисъ Ламль, что еслибъ Ламлю дали немного времени, то онъ не лопнулъ бы. Простите, прибавилъ онъ:—это у насъ на биржѣ такъ говорится.

— Да, я въ этомъ убѣждена.

— Въ такомъ случаѣ дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, и я тотчасъ отправлюсь къ Ріа.

— Да благословитъ васъ Богъ, добрейшій, милѣйшій мистеръ Фледжеби.

— Нимало, возразилъ Фледжеби, взявъ руку Софроніи, которую та протянула ему съ очаровательной улыбкой:—ручка прелестной женщины служить полнымъ вознагражденіемъ...

— За благородное дѣло, подсказала мистрисъ Ламль, стараясь поскорѣе отъ него отдѣлаться.

— Нѣтъ, я не это хотѣлъ сказать, возразилъ Фледжеби, который никогда не позволялъ себѣ подсказывать:—но вы уже слишкомъ любезны. Позвольте запечатлѣть на этой ручкѣ... и пожелать вамъ добраго дня.

— Я рассчитываю на вашу поспѣшность—помните это, милѣйшій мистеръ Фледжеби.

— Вы можете смѣло рассчитывать, произнесъ Фледжеби, оглядываясь во всѣ стороны и почтительно цалуя ея руку.

Дѣйствительно, мистеръ Фледжеби такъ поспѣшно направился

къ церкви св. Маріи, что можно было предположить, что его несеть на своихъ крыльяхъ геній человѣколюбія. Быть можетъ, этотъ геній находился теперь и въ его сердцѣ, ибо тамъ было особенно свѣтло и весело. Чѣмъ-то свѣжимъ, совершенно необычнымъ звучалъ его голосъ, когда онъ, не найдя въ конторѣ стараго Ріа, вышелъ на лѣстницу и закричалъ во все горло:

— Эй, жидъ, что ты тамъ дѣлаешь!

Старикъ тотчасъ явился со всегдашней своей покорностью.

— Эй! Ты тамъ что-то недоброе затѣваешь! продолжалъ Фледжеби.

Старикъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія.

— Да, да, старый грѣшникъ! Плуть іерусалимскій! Ты представляешь сейчасъ вексель Ламла къ уплатѣ? Не такъ ли, и ни за что на свѣтѣ не подождешь ни одной минуты?

Понявъ, что въ послѣднихъ словахъ его хозяина заключалось приказаніе, старикъ молча подошелъ къ конторкѣ и взялъ свою шляпу.

— Тебя увѣряли, что онъ поправитъ свои дѣла, если ты подождешь, но ждать тебѣ не расчесть, не такъ ли, старый плуть? Ты знаешь, что у нихъ и теперь хватить чѣмъ тебѣ заплатить, такъ ли я говорю, старый жидъ?

Старикъ на минуту остановился въ нерѣшительности, не зная, не будетъ ли еще новыхъ приказаній.

— Иду я, сэръ? спросилъ онъ, наконецъ, вполголоса

— Онъ меня спрашиваетъ: идетъ ли онъ! воскликнулъ Фледжеби:—точно онъ не знаетъ самъ своихъ намѣреній! Спрашиваетъ меня, точно онъ уже не надѣлъ шляпы! Спрашиваетъ меня: точно его глаза не устремлены на его посохъ!

— Иду я, сэръ?

— Идешь ли ты? съ улыбкой произнесъ Фледжеби:—Вѣстимо идешь! Убирайся да поскорѣй, старый жидъ!

XIII.

Не дѣла губятъ человека, а дурная слава.

Оставшись одинъ въ конторѣ, очаровательный Фледжеби сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, открывая всѣ ящики въ столахъ и конторкахъ, въ надеждѣ найти какое нибудь доказательство, что его обманываетъ старый жидъ. Всѣ его старанія однако оказались тщетными, и онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Ріа не обворовываетъ его не по своей честности, а по невозможности убраться отъ его бдительнаго взора. Окончивъ свою неудачную

ревизию, онъ подошелъ къ огню, выказывая по дорогѣ свои хозяйскія права, ударяя палкой по мебели и шлюя во всѣ стороны, но недолго смотрѣлъ на улицу: ему вдругъ пришла въ голову мысль, что онъ одинъ былъ въ конторѣ, а дверь открыта, такъ что всякій, взойдя, могъ признать въ немъ хозяина. Поспѣшными шагами направился онъ къ двери, но уже было поздно: кто-то въ эту самую минуту подходилъ къ ней съ улицы—это была вукольная швея съ своей маленькой корзинкой и костылями. Ея лукавые глазки завидѣли Фледжеби гораздо прежде, чѣмъ онъ ее замѣтилъ, и она издали стала ему кивать головой, такъ что ему невозможно было закрыть ей подъ носомъ дверь. Она даже не дала ему времени сказать, что въ конторѣ нѣтъ никого, и въ нѣсколько прыжковъ очутилась уже въ комнатѣ.

— Какъ вы поживаете, сэръ? воскликнула она: — а мистеръ Ріа дома?

— Я полагаю, что онъ скоро воротится, отвѣчалъ Фледжеби, лѣниво опускаясь въ кресло:—онъ совершенно неожиданно ушелъ отсюда и просилъ меня его подождать. Мнѣ кажется, я васъ видѣлъ гдѣ-то?

— Здѣсь же, отвѣчала мисъ Ренъ и прибавила вполголоса: — видно, у васъ память-то отшибло, что вы этого не помните.

— Ахъ, да, припоминаю! вы предавались какимъ-то играмъ наверху на крышкѣ. А какъ здоровье вашего друга?

— У меня не одинъ другъ, а поболѣе, я надѣюсь; о которомъ изъ нихъ вы спрашиваете?

— Все равно, произнесъ Фледжеби, подмигивая глазомъ. — Какъ поживаетъ вашъ другъ или всѣ ваши друзья?

Немного смущенная этой шуткой, мисъ Ренъ ничего не отвѣчала, и усѣвшись въ углу за дверью, погрузилась въ молчаніе.

— Простите, сэръ, что я васъ беспокою, сказала она наконецъ: — но я всегда въ это время заставляла мистера Ріа и потому явилась сюда; ждать же его мнѣ, право, не время, и такъ-какъ мнѣ нужно только купить отрѣзковъ матерій на два шиллинга, то не будете ли вы такъ добры отпустить мнѣ товаръ.

— Я отпустить товаръ! воскликнулъ Фледжеби, оборачиваясь къ вукольной швеѣ: — неужели вы думаете, что я имѣю чтонибудь общее съ этимъ жидомъ и его торговлей?

— Я ничего не думаю; но онъ въ первый разъ какъ я васъ здѣсь видѣла, прямо назвалъ васъ хозяиномъ.

— Кто, этотъ жидъ? Да онъ, пожалуй, все готовъ сказать.

— Но вы подтвердили его слова, то-есть не перечили ему и приняли на себя гордый видъ хозяина.

— Все это хитрия штуки, сказалъ Фледжеби съ холоднымъ

презрѣніемъ: — онъ мнѣ тогда предложилъ показатъ на крышкѣ своего дома красавицу, но только съ уговоромъ, что будетъ величать меня хозяиномъ. Я, конечно, согласился, пошелъ наверхъ, посмотрѣлъ на красавицу (дѣйствительно ее стоило посмотрѣть) и позволилъ себѣ назвать хозяиномъ. Но для чего это дѣлалось — я рѣшительно не знаю, да и Ріа, я думаю, не знаетъ. Онъ любить хитрость ради одного искусства, ибо хитрѣ этого животнаго я никогда ничего не видывалъ.

— О, голова моя, голова, воскликнула кукольная швея, схватывая себя за голову обѣими руками: — неужели вы серьезно говорите?

— Да, отвѣчалъ Фледжеби:—увѣряю васъ, я говорю серьезно.

Отреченіе Фледжеби отъ званія хозяина конторы Пубсей и К^о сдѣлано было не только изъ политическихъ видовъ на случай того, что явятся какой-нибудь посятитель и застанетъ его распоряжающимся въ конторѣ, но и изъ желанія ошѣнить слишкомъ колючую кукольную швею. Кромѣ того, какъ мы уже не разъ видѣли, онъ находилъ большое удовольствіе взваливать на стараго жидя дурныя качества, которыми тотъ никогда не отличался. Онъ, какъ старый жидъ, пользуется нехорошей славой, думалъ Фледжеби, и потому все равно, если я его представлю немного худшимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; къ тому же я ему плачу хорошія деньги и имѣю право выручать ихъ сполна. Подобными разсужденіями Фледжеби всегда извинялъ передъ самимъ собою свое обращеніе со старикомъ Ріа.

Снова наступило продолжительное молчаніе; мисъ Ренъ съ смущеннымъ выраженіемъ лица сидѣла за дверью, задумчиво опустивъ глаза въ землю; Фледжеби же смотрѣлъ прямо противъ себя на парадную дверь. Вдругъ выраженіе лица его измѣнилось и можно было ясно прочесть въ немъ, что онъ увидѣлъ сквозь стеклянную верхушку двери, какую-то фигуру, поднимающуюся по лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько секундъ раздался за дверью шорохъ и потомъ легкій толчокъ. Фледжеби не обратилъ на это никакого вниманія и вскорѣ дверь тихо отворилась; на порогѣ появилась сухая, маленькая фигура пожилого джентльмена.

— Мистеръ Ріа? сказалъ очень учтиво вошедшій.

— Нѣтъ, я самъ его жду, сэръ, отвѣчалъ Фледжеби:—онъ вышелъ ненадолго и я ожидаю его каждую минуту. А куда вы присѣли бы, сэръ.

Джентльменъ сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо рукой, какъ-бы находясь въ грустномъ настроеніи. Фледжеби искоса поглядывалъ на него и съ наслажденіемъ замѣчалъ его смущеніе.

— Отличная погода, сэръ, провянесь онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

Маленькій, сухощавый джентльменъ былъ такъ занятъ своими горькими размышленіями, что не слышалъ вдругъ словъ Фледжеби, и только когда уже голосъ его давно замеръ, онъ вдругъ встрепенулся и воскликнулъ:—извините меня, сэръ; вы, кажется, что-то сказали?

— Я сказалъ, что отличная погода, повторилъ Фледжеби гораздо громче.

— Извините, пожалуйста. Да, я съ вами совершенно согласенъ.

Сказавъ это, маленький, сухощавый джентльменъ закрылъ лицо руками и снова мистеръ Фледжеби сталъ смотрѣть на него съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ, незнакомецъ перемѣнилъ свое положеніе съ тяжелымъ вздохомъ, Фледжеби произнесъ съ улыбкой:

— Вы—мистеръ Твемло, если не ошибаюсь?

Маленькій сухощавый джентльменъ, казалось, очень удивился этимъ словамъ.

— Я имѣлъ удовольствіе обѣдать съ вами у Ламлей, продолжалъ Фледжеби:—я даже имѣю честь находиться съ вами въ родствѣ, хотя и въ очень отдаленномъ. Кто бы подумалъ, что мы здѣсь съ вами встрѣтимся? Но когда попадешь въ Сити, право, не знаешь, на кого тебя натолкнетъ судьба. Я надѣюсь, что вы въ добромъ здоровіи и пріятно проводите время.

Послѣднія слова его могли быть приняты за дерзость, еслибъ не всѣмъ была извѣстна природная любезность очаровательнаго Фледжеби. Онъ сидѣлъ на стулѣ, положивъ ноги на сосѣдній стулъ и не снимая шляпы; мистеръ же Твемло, какъ вошелъ въ комнату въ шляпѣ, такъ и оставался до сихъ поръ.

Честный Твемло чувствовалъ себя какъ-то неловко въ присутствіи Фледжеби, зная очень хорошо, что онъ помѣшалъ успѣху плановъ очаровательнаго. Онъ сознавалъ, какъ истый джентльменъ, что ему необходимо держаться на приличномъ разстояніи отъ Фледжеби, и потому очень сухо и принужденно ему поклонился. Фледжеби, замѣтивъ это, еще болѣе обыкновеннаго прищурилъ глаза. Кубольная швея, между тѣмъ, сидя въ своемъ углѣ за дверью и опустивъ глаза въ землю, казалось, не обращала вниманія ни на того ни на другаго.

— Однако, онъ очень долго неидетъ, сказалъ Фледжеби, поглядывая на часы:—теперь который часъ по вашему, мистеръ Твемло?

Мистеръ Твемло посмотрѣлъ на свои часы и отвѣчалъ:

— Десять минутъ перваго, сэръ.

— Минуту въ минуту съ моими, возразилъ Фледжеби:—я надѣюсь, мистеръ Твемло, что вы пришли сюда за болѣе пріятнымъ дѣломъ, чѣмъ я.

— Благодарствуйте, сэръ, отвѣчалъ Твемло.

Фледжеби снова прищурилъ глаза, посматривая съ внутреннимъ удовольствіемъ на Твемло, который въ большомъ смущеніи постукивалъ объ столъ вдвое сложеннымъ письмомъ.

— То, что я знаю о мистерѣ Ріа, началъ онъ:—заставляетъ меня думать, что въ его конторѣ бывають только непріятныя дѣла. Я убѣжденъ, что онъ самый жестокій скрига въ Лондонѣ.

Твемло молча поклонился, очевидно соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ.

— Еслибъ я не пришелъ сюда ради одного пріятеля, продолжалъ Фледжеби:—то, право, меня бы сюда ничѣмъ не заманили. Но когда есть у тебя друзья въ несчастьѣ, то стой за нихъ горой. Это мое мнѣніе, и я его держусь.

Справедливый Твемло почувствовалъ, что эти слова, все равно кѣмъ бы они ни были высказаны, заслуживали полного сочувствія и потому произнесъ поспѣшно:

— Вы совершенно правы, сэръ, и ваше мнѣніе благородно и достойно званія человѣка.

— Очень радъ, что вы со мной согласны, отвѣчалъ Фледжеби:—а какая странная случайность, мистеръ Твемло, что друзья, о которыхъ я теперь хлопочу—тѣ самые, въ домѣ которыхъ я васъ встрѣтилъ, именно Ламли. Она очень пріятная и обворожительная женщина.

Укоры совѣсти заставили Твемло поблѣднѣть.

— Да, сказалъ онъ:—да.

— И когда она сегодня утромъ просила меня урезонить ихъ кредитора, мистера Ріа, и называла меня: мой дорогой, мой милѣйшій мистеръ Фледжеби и горько плакала — то, что же мнѣ было дѣлать?

— Прийти сюда, болѣе ничего, промолвилъ Твемло.

— Я такъ и сдѣлалъ. Но зачѣмъ Ріа, узнавъ отъ меня о просьбѣ Ламлей подождать немного должны ими деньги и не представлять векселя къ взысканію, вдругъ выбѣжалъ изъ конторы, говоря, что онъ скоро воротится и прося его подождать—этого я, право, не могу понять.

Рыцарски благородный Твемло былъ не въ состояніи въ настоящую минуту предложить какую-нибудь догадку. Его слишкомъ терзали укоры совѣсти за единственное непрямое, нечистое дѣло, которое онъ сдѣлалъ въ своей жизни. Онъ чувствовалъ теперь, что дурно сдѣлалъ, ставъ поперегъ дороги этому довѣрчи-

вому молодому человѣку, единственно потому, что тотъ не поступалъ такъ, какъ онъ поступалъ.

Но довѣрчивый молодой человѣкъ продолжалъ собирать горящія уголья на чувствительную голову старика.

— Извините меня, мистеръ Твемло, но я коротко знаю всѣ дѣла, производящіяся въ этой конторѣ. Не могу ли я быть вамъ чѣмъ полезенъ? Вы получили воспитаніе истаго джентльмена и провели всю свою жизнь джентльменомъ, потому вѣроятно не знаете всѣхъ практическихъ уловокъ.

— Да, отвѣчалъ Твемло:—я вовсе непрактическій человѣкъ и даже, сказать правду, не понимаю ясно дѣла, по случаю котораго пришелъ сюда. Но есть причины, которыя не дозволяютъ мнѣ воспользоваться вашимъ содѣйствіемъ. Я не могу принять вашей помощи, я недостойнъ ея.

Доброе, милое дитя! И, увь, ему суждено было идти такими узкими и мрачными путями въ жизни!

— Вы, быть можетъ, слишкомъ горды, какъ джентльменъ, замѣтилъ Фледжеби:—чтобъ говорить о такомъ дѣлѣ съ чужимъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Твемло:—совсѣмъ не то. Я надѣюсь, что я умѣю распознавать между настоящей гордостью и фальшивой.

— Я не имѣю никакой гордости, продолжалъ Фледжеби:—и потому не умѣю распознавать ея оттѣнковъ. Но я знаю, что въ этой конторѣ и самый практическій человѣкъ долженъ вести себя осторожно, потому предлагаю вамъ помочь своей смекалкой.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Твемло нерѣшительнымъ голосомъ:—но, право, я не...

— Вы понимаете, я нимало не претендую, чтобы моя смекалка могла послужить вамъ къ чему-нибудь въ свѣтѣ, но здѣсь дѣло совсѣмъ иное. Вы знаете свѣтъ и свѣтъ васъ знаетъ, но вѣдь мистеръ Ріа не свѣтъ. Его въ свѣтѣ не вѣдаютъ, не такъ ли, мистеръ Твемло?

— Да, вы совершенно правы, отвѣчалъ Твемло въ большемъ смущеніи, проводя рукою по лбу.

Довѣрчивый молодой человѣкъ просилъ его настоятельно рассказать свое дѣло. Невинный Твемло, ожидая привести въ ужасъ Фледжеби и не подозревая, что его несчастье самое обыкновенное, случающееся ежедневно, рассказалъ наконецъ, въ чемъ было дѣло. Много лѣтъ назадъ, онъ поручился за одного изъ своихъ пріятелей, занявшаго въ тяжелыхъ обстоятельствахъ большую сумму денегъ, и послѣ смерти его, къ величайшему своему удивленію, Твемло былъ принужденъ выплатить тѣ деньги, которыя онъ никогда не получалъ. Виродолженіе многихъ лѣтъ онъ

акуратно выплачивалъ проценты, и даже уменьшилъ немного капиталъ — ибо, прибавилъ Твемло: — я всегда наблюдаю самую строгую экономію, живя на опредѣленный пенсіонъ, отпускаемый моимъ важнымъ родственникомъ. Мало-по-малу онъ сталъ смотрѣть на этотъ единственный свой долгъ только какъ на постоянную цифру въ своемъ ежемѣсячномъ расходѣ, какъ вдругъ получаетъ увѣдомленіе отъ мистера Ріа, въ чьи руки попалъ вексель, объ уплатѣ всей суммы вдругъ, или онъ подвергнется самымъ жестокимъ послѣдствіямъ.

Вотъ въ чемъ состояла сущность разсказа Твемло, переполненнаго различными подробностями о томъ, какъ его таскали въ какую-то контору, и застраховали его жизнь въ интересѣ одного барона, торговавшаго виномъ и предлагавшаго продать ему настоящаго Страдивариуса и дорогую Мадонну. Кромѣ этого во всемъ разсказѣ просвѣчивалъ грозный образъ лорда Сингеворта, поручительства котораго добивались кредиторы, но рокового гнѣва котораго такъ опасался бѣдный Твемло.

Все это Фледжеби выслушала очень серьезно, какъ подобаетъ довѣрчивому молодому человѣку, который все уже давно зналъ.

— Нехорошо, мистеръ Твемло, сказала онъ, наконецъ, качая головой: — плохо, что мистеръ Ріа требуетъ уплату всего капитала. Если онъ рѣшился его потребовать, то, дѣлать нечего, надо отдать.

— Но, если, сэръ, это невозможно? отвѣчалъ Твемло, опустивъ глаза въ землю.

— Въ такомъ случаѣ вы должны идти, знаете, куда.

— Куда? спросилъ Твемло, едва слышнымъ голосомъ.

— Въ тюрьму, отвѣчалъ Фледжеби.

При этомъ роковомъ словѣ Твемло закрылъ голову руками и тяжело застоналъ.

— Однако, продолжалъ Фледжеби, стараясь утѣшить его: — будемъ надѣяться, что есть какой-нибудь выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Если вы мнѣ позволите, то я скажу мистеру Ріа, что вы мой пріятель и переговорю съ нимъ вмѣсто васъ объ этомъ дѣлѣ. Я, быть можетъ, сдѣлаю это болѣе практически, чѣмъ вы, то-есть если вы не имѣете ничего противъ?

— Благодарю васъ еще разъ, сэръ, сказалъ Твемло: — но, право, я не желалъ бы воспользоваться вашей любезностью, хотя исполнѣ чувствую свою слабость и непрактичность. Я сознаю, что ничѣмъ не заслужилъ вашей любезности, чтобъ не сказать болѣе.

— Однако, куда онъ пошелъ? промолвилъ Фледжеби, поглядывая снова на часы: — и зачѣмъ это онъ пошелъ? Вы его видали когда-нибудь, мистеръ Твемло?

— Нѣтъ, никогда.

— Онъ истинъ жидъ на взглядъ, но душа его еще болѣе жи-довская. И чѣмъ онъ спокойнѣе, тѣмъ хуже. Посмотрите на него пристальнѣе, когда онъ воротится, и если онъ спокоенъ, ничѣмъ не волнуется, то все пропало. — Ну, вотъ и онъ. — И страшно спокоенъ.

Произнеся эти слова, которыя привели бѣднаго Твемло въ страшное положеніе, Фледжеби преспокойно занялъ свое прежнее мѣсто.

— Я думалъ, что вы пропали, мистеръ Ріа, сказалъ онъ, когда старикъ вошелъ въ комнату.

Ріа, вида передъ собой чужого человѣка, тотчасъ догадался, что его господинъ хочетъ дать ему незамѣтно свои приказанія, и потому остановился въ ожиданіи посреди комнаты.

— Я, право, думалъ, продолжалъ Фледжеби: — что вы совсѣмъ пропали, мистеръ Ріа. Вѣдь не могли же вы... нѣтъ, конечно, вы не могли этого сдѣлать.

Держа шляпу въ рукѣ, старикъ взглянулъ на Фледжеби, стараясь узнать, въ какомъ еще новомъ злѣ онъ долженъ принимать на себя всю отвѣтственность.

— Вы не могли же броситься стремглавъ отсюда и представить вексель Ламлей ко взысканію? Скажите, вѣдь вы этого не могли сдѣлать? воскликнулъ Фледжеби.

— Да, я это сдѣлалъ, отвѣчалъ старикъ слабымъ голосомъ.

— О, Господи! воскликнулъ Фледжеби: — я зналъ, что вы тугой, жестокой человѣкъ, но никогда не воображалъ, чтобы до такой степени.

— Сэръ, отвѣчалъ старикъ съ замѣтнымъ безповойствомъ: — я дѣлаю то, что мнѣ велятъ. Я здѣсь не хозяинъ, а только агентъ моего господина и не имѣю никакой власти.

— Не говорите этого, возразилъ Фледжеби, внутренно радуясь, когда старикъ развелъ руками, какъ-бы защищая себя въ глазахъ обоихъ безмолвныхъ свидѣтелей этой сцены: — не морочьте насъ, мистеръ Ріа. Вы имѣете полное право требовать уплаты должныхъ вамъ денегъ, если уже вы такъ жестоки, но не надѣвайте на себя маску; это уже такъ избито, всѣ ваши братья это дѣлаютъ. Главное, не привидывайтесь при мнѣ. Вы хорошо знаете, что мнѣ давно извѣстны всѣ эти штуки.

Старикъ запахнулъ полу своего длиннаго сюртука и бросилъ умоляющій взглядъ на Фледжеби.

— Не принимайте на себя такого смиреннаго вида, мистеръ Ріа, продолжалъ Фледжеби: — я знаю, что вы за человѣкъ и что значитъ ваше смиреніе. Посмотрите, мистеръ Ріа, этотъ джентльменъ, мистеръ Твемло.

Старикъ обернулся къ Твемло и низко поклонился. Бѣдный, убитый Твемло отдалъ поклонъ, но съ очень смущеннымъ, испуганнымъ видомъ.

— Такъ-какъ всѣ мои старанія умилоствитъ васъ въ отношеніи моихъ друзей Ламлей, принесли имъ только вредъ, продолжалъ Фледжеби:—то я не имѣю ни малѣйшей надежды успѣть въ моемъ ходатайствѣ въ пользу моего друга и родственника, мистера Твемло. Но я полагаю, что если вы комунибудь окажете одолженіе, то именно мнѣ, и потому я хочу попытать еще разъ счастья. Вотъ, мистръ Ріа, представляю вамъ мистера Твемло. Онъ всегда акуратно платилъ и платитъ проценты. Зачѣмъ вамъ притѣснять такого человѣка? Вы не можете имѣть никакой злобы противъ мистера Твемло? Зачѣмъ не оказати снисхожденіи мистеру Твемло?

Старикъ взглянулъ прямо въ глаза Фледжеби, стараясь прочесть въ нихъ позволеніе быть дѣйствительно снисходительнымъ; но ничего подобнаго въ нихъ не было видно.

— Мистръ Твемло, вѣдь вамъ не родственникъ мистръ Ріа, продолжалъ Фледжеби:—вы не можете ненавидѣть его за то, что онъ джентльменъ и презираетъ всѣхъ занимающихся торговлей. Вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Простите, произнесла смиреннымъ тономъ бѣдная жертва:—я никогда не питалъ такихъ чувствъ. Это было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны.

— Вотъ видите, мистръ Ріа, воскликнулъ Фледжеби:—какой онъ отличный человѣкъ. Ну, живо согласитесь на какуюнибудь сдѣлку.

Старикъ снова сталъ искать какогонибудь знава, который дозволилъ бы ему пощадить бѣднаго старика, но лицо Фледжеби говорило ясно: будь безжалостенъ.

— Мнѣ очень жаль, мистръ Твемло, сказалъ Ріа:—но я не могу отойти ни на шагъ отъ данныхъ мнѣ приказаній. Деньги должны быть выплачены,

— Споина и тотчасъ на столъ, вы хотите сказать, мистръ Ріа? спросилъ Фледжеби, чтобы совершенно уяснить Твемло его роковое положеніе.

— Споина, и тотчасъ, отвѣчалъ Ріа.

Фледжеби съ отчаяніемъ покачалъ головой и взглянулъ на Твемло, какъ-бы говоря: какой злодѣй этотъ жидъ.

— Мистръ Ріа, торжественно произнесъ Фледжеби послѣ минутнаго молчанія.

Старикъ опять устремилъ свой взоръ на маленькіе глазки

своего господина, съ надеждой, хотя и очень слабой, что не случится ли онъ наконецъ.

— Мистеръ Ріа, мнѣ нечего скрывать, что въ такомъ дѣлѣ на заднемъ планѣ рисуется очень важная особа. Вы вѣдь это знаете.

— Знаю, подтвердилъ старикъ.

— Ну, спрошу васъ, какъ практическій человѣкъ, вы твердо намѣрены или получить деньги этой важной особы, или добиться его поручительства?

— Твердо намѣренъ, отвѣчалъ Ріа, ясно прочитавъ это твердое намѣреніе въ глазахъ своего господина.

— Не обращая вниманія и, быть можетъ, еще радуясь, продолжалъ Фледжеби, особенно упирая на послѣднее слово:—если отъ этого произойдетъ сора и непріятность между мистеромъ Твемло и важной особой?

Эти слова не требовали отвѣта, и потому старикъ промолчалъ. Бѣдный же Твемло, выказывавшій признаки ужаса и отчаянія съ самой той минуты, какъ упомянуто было имя его грознаго родственника, поднялся съ тяжелымъ вздохомъ и сталъ прощаться.

— Очень вамъ благодаренъ, сэръ, сказалъ онъ, обращаясь къ Фледжеби:— вы мнѣ оказали услугу, которой я нимало не заслуживалъ. Очень-очень вамъ благодаренъ, сэръ.

— Не говорите о благодарности, когда я ничего не сдѣлалъ, отвѣчалъ Фледжеби:—но не отчаявайтесь, я останусь послѣ васъ и еще попробую уговорить его, авось удастся.

— Не тѣшите себя пустой надеждой, мистеръ Твемло, сказалъ Ріа, впервые обращаясь прямо къ нему:— ваше дѣло пропавшее и не ждите снисхожденія въ этой конторѣ. Вы должны заплатить сполна, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше, или дорого за это заплатитесь. Для меня нѣтъ довѣрія на свѣтѣ. Деньги, деньги, и одни деньги.

Прозвнеся эти слова торжественнымъ тономъ, онъ поклонился Твемло, который въ отвѣтъ прилично наклонивъ голову, вышелъ изъ комнаты, въ самомъ отчаянномъ положеніи.

Очаровательнаго Фледжеби такъ позабавила вся эта сцена, что когда ушелъ бѣдный Твемло, онъ прямо направился къ огню, и повернувшись спиною къ своему подчиненному, долго внутренно хохоталъ. Наконецъ принявъ свое прежнее, спокойное выраженіе, онъ отошелъ отъ огня. Ріа стоялъ все на томъ же мѣстѣ, а кукольная швея съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Эй! воскликнулъ Фледжеби:—вы забываете, мистеръ Ріа, что эта барышня васъ давно ждетъ. Продайте ей лоскутки, да не обсчитайте ее, если способны хоть на какую-нибудь щедрость.

Випроженіе нѣсколькихъ минутъ онъ смотрѣлъ, какъ старикъ набивалъ различными обрѣзками корзинку кукольной швен, но потомъ снова его одолѣлъ хохоть и онъ опять отвернулся къ окну.

— Вотъ тебѣ, моя милая сандрильонка, сказалъ Ріа шопотомъ:—корзинка полна верхомъ, христось съ тобой.

— Не называйте меня своей милой сандрильонкой, отвѣчала мисъ Ренъ:—гадая, злая крестная!

Съ этими словами она погрозила ему пальцемъ съ тѣмъ же торжественнымъ, презрительнымъ видомъ, какъ она всегда грозила дома своему нехорошему ребѣнку.

— Вы недобрая крестная! прибавила она: — а волкъ, злой волкъ! И если мою милую Лизи выдадутъ и продадутъ, то я буду знать, кто ее выдалъ и продалъ.

КРИТИКА КРИТИКИ.

Смертельные скачки «Русскаго Слова». — Обрѣзки идей Бѣлинскаго. — Къ женщинамъ. — Къ литературной черни.

I.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ СКАЧКИ «РУССКАГО СЛОВА».

Возвратная горячка безсмыслия и безобразія, такъ долго свирѣпствовавшая въ нашей литературѣ, близится къ концу. Все показываетъ, что это патологическое явленіе нашей общественной жизни прошло всѣ фазисы своего развитія. «Современникъ», произведшій эту теорію, заговариваетъ уже о значеніи эстетическаго воспитанія въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Шиллеръ. «День», никогда незанимавшійся изящной литературой, печатаетъ критическія статьи; а въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ является даже грозой враговъ искусства. «Русское Слово» же и другіе литературные индивидуумы, около него жмущіяся, хватаются за самыя рѣшительныя средства. Что положеніе не совсѣмъ надежно, что они стараются только заговорить себя и читателей, ясно доказываютъ тѣ смѣлые и блистательные, по замѣчанію г. Писарева, *salto mortale*, въ которыхъ упражнялся его уважаемый сотрудникъ г. Зайцевъ и которыми намѣренъ удивить теперь почтеннѣйшую публику самъ г. Писаревъ. Исхода передъ встрѣтившимися препятствіями нѣтъ, лазейки, какую оставилъ себѣ «Современникъ», они не имѣютъ, ну, разумѣется, и прыгаютъ одинъ выше другого, не понимая всей опасности подобныхъ прыжковъ. Одинъ говоритъ: «Магометъ оказалъ человѣчеству услугу, запретивши скульптуру и живопись»; другой за нимъ — «искусство Рафаэля, Микель-Анджело, Данте, Шекспира потому имѣло успѣхъ, что произошло во времена варварства». Первый, махнувши напрапалую, кричитъ: «Грановскій — сирена, Бѣлинскій — нигилистъ, а Пушкинъ — кретинъ!» Второй восклицаетъ: «Да за поэта вообще нельзя ручаться, чтобы онъ не утащилъ изъ кармана платокъ!» А публика что же? Публика молчитъ.

Тихо всюду, глухо всюду, что-то будет, что-то будет? — А может быть штука очень плохая или, по крайней-мѣрѣ, нѣчто подходящее къ тому, что бываетъ отъ слишкомъ большихъ скачковъ. Известно, что вывихъ шеи случается, когда прыгаютъ неосторожно черезъ ровъ или съ высоты, а повихнутіе мысли и до очевидности ясная нелѣпость — когда пускаются въ припрыжку черезъ факты и логическіе выводы.

Вторая статья «Русскаго Слова» о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ есть одинъ изъ такихъ смертельныхъ скачковъ. Имѣя видъ чего-то серьезнаго, статья эта въ сущности курьозная и полемическая; и вся она со всѣми прыжками, вольтами, отчаянными па и веселыми антраша направлена противъ «Отечественныхъ Записокъ», хотя въ ней и произносится только разъ имя этого журнала, да еще разъ псевдонимъ одного изъ сотрудниковъ; намекамъ же и конца нѣтъ. Ужъ по одному тому только, что въ статьѣ этой извращается и третируется невыносимѣйшимъ образомъ Белинскій — одинъ изъ главнѣйшихъ основателей «Отечественныхъ Записокъ» — статья не можетъ быть терпима! Но есть еще причины и болѣе важныя: не противъ предразсудковъ и заблужденій возстаютъ теперь «Русское Слово» въ этой и въ другихъ статьяхъ, а противъ самыхъ непоколебимыхъ истинъ и вполне сложившихся въ литературѣ убѣжденій. Общество долгимъ трудомъ выработывало эти убѣждения, усиліями лучшихъ людей узнало имъ цѣну, склонилось съ ними, какъ съ своею собственностію, и какъ собственность же хотѣло передать по наслѣдству; а теперь вдругъ всѣ эти убѣждения и идеи проматываются на звонкія фразы и нелѣпые парадоксы!...

Но, какъ-бы не довольствуясь порицаніемъ крупныхъ идей и великихъ именъ, «Русское Слово» обращается еще и къ простымъ смертнымъ, чтобы облегчить себѣ душу и выругаться въ свое удовольствіе. Журналъ этотъ нападалъ когда-то съ безпримѣрнымъ негодованіемъ на авторовъ, скрывающихъ свои имена подъ псевдонимами, и опирался при этомъ на Шопенгауэра; любопытно было бы узнать, на чей авторитетъ опирается оно теперь, относясь къ разнымъ лицамъ такъ, чтобы публика объ этомъ не знала, а лишь бы только противникъ чувствовалъ и вѣдалъ. Новый приемъ этотъ былъ изобрѣтенъ, впрочемъ, не вдругъ, а только послѣ долгихъ упражненій въ яростной полемикѣ, напугавшей всю читающую публику. Имъ нѣтъ дѣла, что возраженія, намени и прозвища останутся для большинства непонятны; имъ главное, чтобы камень, пущенный изъ-за угла, дошелъ по назначенію. Въ настоящей статьѣ нашей, вмѣсто предисловія къ главной идеѣ, мы намѣрены обнаружить этотъ приемъ литературнаго лицемѣрія и выгнать господъ фразѣровъ изъ ихъ послѣднаго убѣжища.

Съ особенной настойчивостію, если не забыть читатель, мы всегда проводили мысль, что нигилизмъ, называющій теперь себя реализмомъ, уничтожилъ не только всякую преемственность въ прогрессѣ и связь между поколѣніями, но и произвелъ совершенный разладъ какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. И вотъ, сообразивши все это, многогѣчивый сотрудникъ «Русскаго Слова» говоритъ: «Нѣтъ, мысль о необходимомъ разладѣ между различными поколѣніями существовала въ нашемъ обществѣ задолго до появленія реальной критики и базаровскаго типа. Суровая и злобная реальная критика не только не старается усилить этого разлада, а напротивъ того, указываетъ единственно вѣрное средство противъ этой болѣзни». Какъ же это такъ? Злобная критика, и старается примирить?! Развѣ злость можетъ думать о мирѣ, или раздраженіе, ссора могутъ уничтожить разладъ? Это совсѣмъ не въ интересахъ злости, чтобы поддерживать миръ. Злую собаку можно пустить на злого человѣка, но ее нельзя употребить на водвореніе спокойствія въ домѣ. «Реальная критика (то-есть злобная-то) доказываетъ, что любовь къ идеѣ можетъ образовать неразрывную связь между поколѣніями». Видите, уже и о связи поколѣній заговорили! А давно-ли еще было вамъ сказано: «Едва сошелъ со сцены дѣятель, какъ вы уже кричите: мы не онъ, мы его не признаемъ, мы съ нимъ ни въ чемъ несогласны, не съ него, а съ насъ ведите свое лѣтосчисленіе.» И потомъ еще прежде: «Подумайте объ участи того общества и того поколѣнія, за которое держался Добролюбовъ, превозносившій Бѣлинскаго, и за которое теперь уцѣпился г. Писаревъ, объявившій, что Бѣлинскій принесъ свою долю вреда и что съ Добролюбовымъ онъ ни въ чемъ несогласенъ!» Все это было сказано очень недавно, а «Русское Слово» поетъ уже другое. «Критика Добролюбова—говоритъ уже г. Писаревъ—и теперешняя критика «Русскаго Слова» по своему основному принципу совершенно соотвѣтствуетъ стремленіямъ Бѣлинскаго. Критика Бѣлинскаго, критика Добролюбова и критика «Русскаго Слова» оказываются развитіемъ одной и той же идеи». — Какая стойкость убѣжденія и каковъ скачокъ! Понятно послѣ того, почему г. Писаревъ, разсердившись, называетъ людей, заставившихъ его такъ отчаянно прыгнуть, молодыми и свирѣпыми орангутангами, жалкими пигмеями. Последнее лестное названіе (лестное потому, что у «Русскаго Слова» все великое — мало, а малое — велико) пришлось намъ опять за Помяловскаго, у котораго мы когда-то нашли любопытный фактъ, какъ одинъ мальчишкѣ получилъ пять копеекъ за то, что онъ назвалъ свою мамку чертовкой.

Вообще желаніе доказать свою преемственность съ кѣмъ нибудь, овладѣло «Русскимъ Словомъ» въ сильнѣйшей степени; и оно

пресерьёзно доказываетъ теперь, «что нигилизмъ есть законное дитя очень почтенныхъ родителей въ прошедшемъ періодѣ нашей умственной жизни... И что для искорененія нигилизма необходимо (будто-бы) убить во мнѣніи общества и самаго Вѣлинскаго». Вѣлинскій черезъ этотъ маневръ оказывается нигилистомъ и становится даже во главѣ ихъ. Неправда-ли, отчаянное *salto mortale*? Ужь подлинно, что сотрудники «Русскаго Слова» являются храбрыми рыцарями противъ тѣней умершихъ писателей и настоящими Зайцевыми предъ живущими. И сколько лицемерія кроется подъ этимъ мнимымъ уваженіемъ къ дѣятельности нашего замѣчательнаго критика. Всѣхъ крайне рѣзкихъ и обидныхъ выраженій, относящихся къ нему, мы приводить не будемъ. Довольно сказать, что г. Писаревъ, въ добавленіе къ прежнему, называетъ его пѣвцомъ недѣльных днѣрамбовъ во славу жаренныхъ буропатогъ и человѣкомъ, предающимся какому-то эстетическимъ оргіямъ. Да и вся статья его вообще проникнута насковъ желаніемъ доказать, что Вѣлинскій былъ до того непроницаемый критикъ, что принялъ за гениальнаго человѣка личность, отличающуюся внутренней пустотой, духовной нищетой, умственнымъ безсиліемъ, узкостію ума и дряблостію чувствъ—личность, говорящую плоскіе и живые комплименты и дающую рясняски въ собственномъ ничтожествѣ, страдающую колоссальною неразвитостію и даже кретинизмомъ—словомъ, Пушкина. Да, Пушкина называютъ кретиномъ! Воля ваша, тутъ недоразумѣніе... Что нибудь да не такъ... Либо Пушкинъ, либо Вѣлинскій, либо г. Писаревъ, а кто нибудь да былъ виѣ всякой нормы, когда писалъ. И съ какой стати говорится вдругъ, что Вѣлинскій къ оцѣнкѣ Пушкина долженъ былъ бы «еще прибавить, что стихъ Пушкина красенъ, какъ вареный ракъ; сладокъ, какъ сотовый медъ; пнтателенъ, какъ гороховый кисель; вкусенъ, какъ жареная тетерка; упоятеленъ, какъ рижскій балзамъ, и ѣдокъ какъ сарептская горчица». (1) Это вѣдь ни съ чѣмъ несообразно заговорить ни съ того, ни съ сего о съѣдомомъ... «Если можно сравнить—продолжаетъ авторъ, какъ-бы въ припадкѣ лалѣмавіи—стихъ съ волною, съ смолою, съ молніей, съ кристаломъ, съ весною, съ ударомъ меча, то я не вижу резону, почему не сравнить его съ варенымъ ракомъ (1), съ гороховымъ киселемъ (1), съ сарептской горчицей (1)». Опять ракъ, кисель, горчица!... Странно, очень странно!

Но вотъ еще болѣе печальныя фразы, которыми г. Писаревъ думаетъ поправить Вѣлинскаго для того, чтобы можно было назвать его своимъ. «Вѣлинскій полагаетъ—говорится на 7 страницѣ статьи—что немудрено было бы создавать поэтическія произведенія, еслибы для этого надо было только придумать какую нибудь мысль, да и втиснуть ее въ придуманную же форму. На самомъ дѣ-

лѣ всѣ поэтическія произведенія создаются именно такимъ образомъ: тотъ человѣкъ, котораго мы называемъ поэтомъ, придумываетъ какую нибудь мысль, и потомъ втискиваетъ ее въ придуманную форму. Это втискиваніе поэту обыкновенно стоитъ большого труда; сначала онъ набрасываетъ планъ своего будущаго произведенія, потомъ придумываетъ отдѣльныя сцены, картины и подробности, потомъ шлифуетъ языкъ или стихъ... Поэтъ, какъ плохой портной, кроитъ и перекраиваетъ, урѣзываетъ и приставляетъ, спиваетъ и утюжитъ до тѣхъ поръ, пока не получится въ окончательномъ результатѣ нѣчто правдоподобное и благообразное. Если поэтъ дѣйствительно придумываетъ и втискиваетъ, то, стало быть, всякій, кто умѣетъ хорошо придумать и хорошо втиснуть, можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ поэтомъ. Это несомнѣнно; но слѣдуетъ ли изъ этого заключеніе, что поэтомъ сдѣлаться мудрено? — Нисколько не слѣдуетъ!»

И такъ поэтомъ сдѣлаться очень легко, а бельетристомъ, разумѣется, и подавно. Секретъ открыть; «Русское Слово» болѣе уже не будетъ нуждаться ни въ художникахъ, ни въ бельетристахъ, въ которыхъ теперь такъ нуждается... Самъ г. Писаревъ можетъ теперь, если захочетъ, исправлять должность поэта; и тѣмъ болѣе, что онъ въ свое время уже утюжилъ Месіаду Клопштока и Атта-Троль — Гейне. Послѣднее было напечатано въ томъ самомъ «Русскомъ Словѣ», которое нынче отвергаетъ стихотворную форму. Да ужъ тотъ ли это Писаревъ? Не два ли ихъ въ «Русскомъ Словѣ»? Одинъ, который печаталъ стихотвореніе и эстетически разбиралъ г. Тургенева (женскіе типы), а другой, который отвергаетъ стихотворенія, смѣется надъ эстетическими разборами и открываетъ теперь свѣту вѣрное и легкое средство для произведенія поэтовъ и художниковъ. Теперь только поняли мы, какъ кстати когда-то выразились, говоря о нашихъ критикахъ-фразѣрахъ, какъ о людяхъ съ узкопортяжкимъ взглядомъ на жизнь. Они дѣйствительно не болѣе, какъ портные литературы; и тѣмъ болѣе, что произведенія искусства они сравниваютъ съ приличнѣй, опрятной и неизорванной одеждой. Какъ бы только не пришлось имъ отдавать въ починку того платья, которое они приготовили для молодого поколѣнія. Хотя въ настоящее время швы ихъ вездѣ и лопнули, но они все еще продолжаютъ перекраивать, урѣзывать и утюжить; и выходятъ изъ этого какое-то одѣяніе не то франта, не то скомороха. Франтами мы ихъ называемъ потому, что они дѣйствительно только франтятъ, а не стараются развить тѣ идеи, которыя они взяли напрокатъ у великихъ людей, ими теперь порицаемыхъ. Бросаясь безъ разбора на авторитеты, они не понимаютъ, что между настоящими прогрес-

спстами и щеголями прогресса—большая разница. Для первых неважно, къ какой партіи или къ какому поколѣнію ихъ будутъ причислять, какимъ моднымъ эпитетомъ станутъ награждать за ихъ дѣятельность: для нихъ главное, чтобы идеи не пропали даромъ; для щеголей же прогресса необходимо, чтобы и малѣйшаго сомнѣнія не существовало насчетъ того, къ какой партіи или къ какому поколѣнію они причислены; а о томъ, идутъ ли ихъ идеи въ ходъ или производятъ только шумъ и забавляютъ мелкоту—нимъ и дѣлать не вѣтъ. Ставя выше всего самолюбіе, они, можно сказать, его не имѣютъ; потому что льстятъ и этой лестью тормозятъ всякаго, кто только слышалъ и поддакъ на эту приманку. Но всему этому будетъ конецъ: молодѣжь когда нибудь да пойметъ, что этимъ путемъ пользы ей не принесутъ.

II.

Обрѣзки идей Бѣлинскаго.

Но нѣтъ худа безъ добра; такъ и всѣ эти, повидимому, несвязныя рѣчи наводятъ на слѣдъ, по которому легко добратъся, откуда эти портные литературы и щеголи прогресса добыли себѣ лоскуты и обрѣзки, изъ которыхъ сшили платье для моднаго направленія. Обрѣзки эти были вырваны изъ тѣхъ самыхъ идей Бѣлинскаго, котораго они еще продолжаютъ извращать. Появивъ всю слабость опоры, до сихъ поръ поддерживавшей «Русское Слово», сотрудники его рѣшились теперь пристягнуть себя къ Бѣлинскому; но этотъ поистинѣ злополучный приѣмъ обнаруживаетъ, какъ увидятъ читатели, только то, что вся связь и солидарность нигилистовъ, и старыхъ и новыхъ, съ Бѣлинскимъ заключается только въ литературномъ плясатѣ и крайнемъ извращеніи его идей. Чтобы какой нибудь писатель подѣйствовалъ на жизнь, нужно непременно, чтобы кто нибудь последовалъ за нимъ, потому что и одной даже гениальной личности недостаточно для проведенія идеи въ жизнь. А многіе ли пошли за Бѣлинскимъ? Не ограничивалось ли большинство только тоже извращеніемъ и обрѣзваніемъ его идей? Но обратимся лучше къ самимъ выраженіямъ и идеямъ великаго критика, которыя людская хитрость захотѣла обратить въ свою пользу.

«Гѣте гдѣ-то сказалъ — пишеть Бѣлинскій — какого читателя я желаю? — Такого, который бы меня, себя и цѣлый міръ забылъ и жилъ бы только въ моей книгѣ». — «При нѣмецкой апатичной терпимости ко всему, что бываетъ и дѣлается на бѣломъ свѣтѣ,

* «Отечественныя Записки» даже жаловались когда-то на этотъ плясатъ.

при нѣмцкой безразличной универсальности, которая, признавая все, сама не можетъ сдѣлаться ничѣмъ—мысль, высказанная Гёте, поставяетъ искусство цѣлью само себѣ и чрезъ это самое освобождаетъ его отъ всякаго соотношенія съ жизнью, которая всегда выше искусства, потому что есть одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни». — Какъ вамъ это правится, господа читатели?—замѣчаетъ на эти слова Бѣлинскаго г. Писаревъ. — Уже въ 1844 году была провозглашена въ русской журналистикѣ та великая идея, что искусство не должно быть цѣлью самому себѣ, и что жизнь выше искусства. А слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, тотъ самый журналъ, который бросилъ русскому обществу такія блестящія и плодотворныя идеи, съ самодовольствомъ возстаетъ противъ «Эстетическихъ отношеній».

Такъ-какъ противъ «Эстетическихъ отношеній» имѣлъ удовольствіе возставать и я въ «Отечественныхъ Запискахъ», то мнѣ же, конечно, придется теперь и вразумить «Русское Слово»; мнѣ же слѣдуетъ и разочаровать этотъ журналъ въ кажущемся сходствѣ между критикою Бѣлинскаго и «Эстетическими отношеніями». Сходство въ словахъ не доказываетъ еще сходства мыслей. Бѣлинскій, въ указанномъ мѣстѣ, говоритъ, что искусство ниже жизни, которой оно есть одно изъ явленій: искусство выставляется тутъ, какъ частное явленіе жизни вообще. О сравненіи—и помину нѣтъ. Въ «Эстетическихъ же отношеніяхъ» авторъ, на множествѣ страницъ, занимается этимъ сравненіемъ, несостоятельность котораго нами уже доказана, и прибавлено даже къ этимъ доказательствамъ, что искусство и жизнь не могутъ быть сравниваемы; что искусство есть не какой нибудь сверхъестественный феноменъ, а напротивъ, самое естественное явленіе жизни. Говоря, что искусство ниже жизни, Бѣлинскій только указывалъ на необходимость знакомства таланта съ жизнью и сближенія вымысла съ дѣйствительностію (371 стр. XI т.); требовалъ, чтобы искусство стремилось къ естественности, народности, натуральности. Авторъ же «Эстетическихъ отношеній», повторяя слова Бѣлинскаго (искусство ниже дѣйствительности), старался только обрѣзать крылья творчества и унижить значеніе всего, что не подходитъ подъ разрядъ копій и карикатуры. Бѣлинскій, ставя искусство ниже жизни, стремился его возвысить, натурализировать; авторъ же «Эстетическихъ отношеній» этимъ сопоставленіемъ хотѣлъ только унижить искусство. Бѣлинскій писалъ въ «Современникѣ», что красота есть сущность искусства (360 стр. XI томъ); въ «Эстетическихъ же отношеніяхъ» утверждали, что «красота есть жизнь». Бѣлинскій всею своею дѣятельностію старался доказать, что искусство есть плодъ вдохновенія и таланта; авторъ же «Эстетическихъ отношеній» съ

его послѣдователями ни въ то, ни въ другое не вѣрилъ, черезъ что искусство и очутилось у нихъ ремесломъ. Въ томъ-то вѣдъ и заключается нигилизированіе искусства, что талантъ былъ непризнанъ; а безъ таланта, безъ врожденныхъ способностей искусство, конечно, вышло не болѣе, какъ слабымъ намѣкомъ на дѣйствительность. Какъ бы то ни было, слова Бѣлинскаго о значеніи жизни были поняты отрицателями искусства по своему. Взявши только одну половину или только часть, дополнение къ главной мысли, они вывели изъ нея извѣстный тезисъ безобразія — искусство ниже дѣйствительности—боя и слабое подражаніе ея.

Но Бѣлинскій, какъ-бы предчувствуя, говорить въ одномъ мѣстѣ, что разбирающій автора долженъ понимать его не въ томъ значеніи, какое ему придетъ въ голову, а въ томъ, въ какомъ понимаетъ поэтъ или авторъ. «Русское Слово», по примѣру предшественниковъ, не замѣтило этихъ словъ. Утверждая, напримѣръ, что еще въ 1844 году была провозглашена идея, что искусство не должно быть цѣлью самому себѣ, что жизнь выше искусства—оно дѣлаетъ это такъ, что Бѣлинскій выходитъ только порицателемъ гётевой мысли. Но гётевское желаніе такого себѣ читателя, который бы себя, его и весь міръ забылъ, и жилъ бы въ его книгѣ, Бѣлинскій не отвергаетъ, а предостерегаетъ только отъ преувеличенія. «Мысль Гёте — говорить Бѣлинскій — имѣеть, съ другой стороны, глубокой смыслъ, если ее принимать безусловно, но какъ первый необходимый актъ въ процессѣ критики». Слышите, первый необходимый акты! «Чтобы произнести сужденіе о какомъ нибудь поэтѣ, а тѣмъ болѣе о великомъ — продолжаетъ Бѣлинскій—должно сперва изучить его; а для этого должно войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ его, себя и все на свѣтѣ... Всякая личность есть истина въ большемъ или меньшемъ объемѣ, а истина требуетъ изслѣдованія спокойнаго и безпристрастнаго, требуетъ, чтобы въ ея изслѣдованію приступили съ уваженіемъ къ ней, безъ принятаго заранѣе рѣшенія найти ее ложью». Слышите! Точно съ того свѣта упрекаетъ васъ Бѣлинскій, что вы съ ребяческимъ легкомысліемъ стали играть именованъ Пушкина (344—347 стр.).

А вотъ неугодно ли нашимъ мнимымъ реалистамъ, такъ шаловливо обращающимся съ именованъ Гёте, послушать, чтó о немъ говоритъ нашъ лучший критикъ. Упрекнувши Гёте за личные недостатки его характера и равнодушіе къ политическимъ вопросамъ, Бѣлинскій прибавляетъ: «Тѣмъ не менѣе, Гёте, какъ художникъ, какъ поэтъ, былъ вполне сынъ своей страны, сынъ своего вѣка, вполне выразилъ собою, если не всё, то многія изъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Это доказываетъ его отвраще-

ніе ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, ко всякой, какъ называетъ ее Губеръ, не здѣшной поэзіи. Это же доказываетъ его стремленіемъ ко всему простому, ясному, опредѣленному, здѣшнему, земному, дѣйствительному, реальному, положительному, его страстнымъ сочувствіемъ природѣ, которое отразилось пантеистическимъ міросозерцаніемъ въ его поэзіи... И вотъ причина, почему теперь, въ наше время, скептической, холодной Гёте въ самой Германіи, въ такомъ же содержаніи пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ читателей и почитателей... Онъ не могъ бы сдѣлать искусство вспомогательнымъ орудіемъ для какойнибудь эфемерной партіи, но весь гений свой отдалъ онъ на помощь великой партіи великаго вѣка» (300 стр.). Догадываетесь ли вы теперь, какого страшнаго врага имѣете вы въ Бѣлинскомъ, къ которому хотите себя пристягнуть?...

Другой лоскутъ, вырѣзанный изъ идей Бѣлинскаго, проглядываетъ въ слѣдующихъ, повидимому, незначительныхъ, но на многое намекающихъ, фразахъ. Не оставя той страницы изъ Бѣлинскаго, по которой «Русское Слово» доказываетъ свою злополучную съ нимъ солидарность, г. Писаревъ съ великимъ торжествомъ указываетъ на мысль Бѣлинскаго, не разъ имъ повторенную, что поэтический талантъ одинъ самъ по себѣ не составляетъ всего необходимаго для дѣятельности поэта, что невѣжество художника, дурное направленіе заслуживаютъ въ немъ самаго строгаго порицанія, что критика Бѣлинскаго требовала отъ поэта широкаго умственнаго развитія. Это все такъ, съ этими мыслями нельзя не согласиться и нельзя даже не порадоваться, что «Русское Слово» такъ хорошо поняло эту половину мысли Бѣлинскаго: если гений, талантъ пойдетъ съ ножомъ, то онъ, разумѣется, больше сдѣлаетъ вреда, чѣмъ посредственность; даровитая личность одинаково способна и къ дурному и къ хорошему и подготовка рѣшаетъ направленіе ея дѣятельности. Жаль только, что однимъ этими мыслями, являющимися у Бѣлинскаго, какъ дополненіе къ главнымъ идеямъ, и ограничивается вся ваша солидарность съ нимъ; всѣ эти мысли и наставленія критика пробуждающемуся обществу вы не переварили, а гипертрофировали, такъ-сказать, то-есть не вы даже—извините, пожалуйста, а тѣ, которые показали вамъ дорогу. Говоря о необходимости образованія и развитія, Бѣлинскій въ то же время говорилъ и о значеніи таланта, врожденныхъ способностей. Зачѣмъ же вы затыкаете уши отъ одного и слушаете другое? Или уже вы, въ самомъ дѣлѣ, одною половиною вашего существа ничего не слышите и не воспринимаете?

«Каждое поэтическое произведеніе—говорить Бѣлинскій—есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Еслибы мы допустили,

что эта мысль есть только результат дѣятельности его разсудка, мы убили бы этимъ не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудренаго было бы сдѣлаться по-этомъ по нуждѣ, по выгодѣ, или по прихоти, еслибы для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втиснуть ее въ придуманную же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ; пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята—произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, несмотря на всю ея справедливость. Но, между тѣмъ, такъ-то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ. Придумайте ей надосугѣ мысль получше, да потомъ обдѣлывайте ее въ какой-нибудь вымыселъ, словно брилліанты въ золото. Вотъ и дѣло съ концомъ». — «Здѣсь Бѣлинскій — замѣчаетъ на это превосходное мѣсто великій защитникъ бездарности, г. Писаревъ—платить очевидно богатую дань тому эстетическому механизму, который проводитъ рѣзкую раздѣлительную черту между поэтами и простыми смертными. Поэтомъ надо родиться, поэтъ — высшая натура, на его высокомъ челѣ горитъ печать его высокаго призванія, процессъ творчества составляетъ непостижимую тайну — всѣ эти глупыя фразы принимаются эстетиками за чистую монету, и даже острый умъ Бѣлинскаго не всегда умѣетъ устоять противъ одуряющей атмосферы подобныхъ фразъ». За этимъ слѣдуетъ у г. Писарева длинное разсужденіе о портняжескомъ искусствѣ, о чемъ мы уже упоминали. Вы думаете, любезный читатель, что все это говорится съ ясно опредѣленною мыслью въ головѣ? Ничуть не бывало: тотъ же самый г. Писаревъ, который пишетъ это, недавно писалъ, что если народится гений въ родѣ Моцарта или Рафаэля, то онъ наплыветъ на всѣ реалистическія критики и ни за какія ковришки не пойдетъ въ медики или машинисты. Опять оказывается, что у г. Писарева есть двойникъ, сильно компрометирующій его реалистическую дѣятельность.

Но чтобы повести дѣло на чистоту, мы не ограничимся только тѣми мѣстами изъ Бѣлинскаго, которыя «Русское Слово» приводить въ доказательство своей солидарности съ нимъ; мы постараемся указать еще и на другія, болѣе соблазнительныя выраженія, которыя собственно и сбили съ толку многихъ. Вотъ образчики этихъ мѣстъ: «Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ — говорить Бѣлинскій — значитъ не возвышать, а унижать его; потому что это значитъ лишать его самой живой силы, то-есть мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія» (362 стр. XI т.). «Разница между ис-

куствомъ и наукой вовсе не въ содержаніи, а только въ способахъ обрабатывать данное содержаніе». За этимъ много еще говорится о содержаніи поэзіи (363 стр.). «Романъ—пишетъ тоже Вѣлинскій—какъ всякое художественное произведеніе есть воспроизведеніе явленій дѣйствительнаго міра во всей ихъ истинѣ. Истина также есть предметъ и цѣль искусства, какъ и философіи, вся разница въ средствахъ и приемахъ. Иначе чѣмъ бы искусство было выше игры въ карты? Нѣтъ, оно было бы ниже всякаго ремесла, потому что ремесло полезно» (130 стр. IX т.). «Искусство—замѣчаетъ далѣе Вѣлинскій—есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ-бы вновь созданный міръ» (354 стр. IX т.).

Всѣ эти, и другія имъ подобныя выраженія, взятая вмѣстѣ, поддерживаютъ повидимому сильно и прежнихъ и теперешнихъ отрицателей; но въ томъ-то и бѣда, что понимать отдѣльно выраженій этихъ нельзя; поставленные особо, такъ, какъ мы это сдѣлали теперь, или перетолкованныя, такъ, какъ сдѣлали авторы, непонявшіе Вѣлинскаго, выраженія эти имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ въ статьяхъ самого критика. Въ томъ же самомъ журналѣ (въ «Современникѣ»), на тѣхъ же самыхъ страницахъ, гдѣ Вѣлинскій разсуждалъ о служеніи искусства общественнымъ интересамъ, онъ же не забывалъ прибавить, что красота есть (все-таки) существенный элементъ искусства (360 стр. IX т.). И тамъ же, гдѣ говорилъ о сходствѣ или соприкосновеніи искусства съ наукой, Вѣлинскій замѣчалъ, однако, «что въ искусствѣ фантазія играетъ самую дѣятельную, первенствующую роль, а въ наукѣ умъ и разсудокъ» (354 стр.). Эта послѣдняя мысль у него, напримѣръ, высказана на той же самой страницѣ, гдѣ онъ называетъ искусство—воспроизведеніемъ дѣйствительной жизни. Понятно послѣ того, какая разница между тѣмъ, какъ понималъ Вѣлинскій воспроизведеніе жизни, и тѣмъ, какъ разумѣлъ это воспроизведеніе авторъ «Эстетическихъ отношеній». Послѣдній требовалъ отъ искусства только копировки; Вѣлинскій же говорилъ прямо, «что, не умѣя вѣрно писать съ природы, нельзя быть поэтомъ; но и одного тоже умѣнія мало».—«Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи—въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что можно замѣтить въ немъ, это развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное» (351 стр.). Самое даже выраженіе Вѣлинскаго въ упомянутомъ соблазнительномъ мѣстѣ, что искусство безъ идеи было бы ниже ремесла, потому что ремесло полезно—показываетъ, что Вѣлинскій требовалъ отъ искусства чего-то большаго, чѣмъ польза. Чего же онъ требовалъ отъ искусства? Творчества. «Твор-

чество — говорит Бѣлинскій, въ XI же томѣ своихъ сочиненій— требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предмстовъ не только отъ критика, но и отъ самаго художника. Ни ему никто не вправе задавать сюжетовъ, ни онъ самъ не въ правѣ направлять себя въ этомъ отношеніи. Онъ можетъ имѣть опредѣленное направление, но оно у него тогда только можетъ быть истинно, когда безъ усилія, свободно сходится съ его талантомъ, его натурою, инстинктомъ и стремленіемъ» (234 стр.). Наконецъ, защищая въ одномъ мѣстѣ Гоголя, Бѣлинскій говоритъ, «что въ оцѣнкѣ таланта какія-нибудь личныя прихоти непримѣнимы. Одни не признаютъ особеннаго таланта въ Пушкинѣ на томъ основаніи, что имъ очень нравится Гоголь. Это значитъ только, что они не понимаютъ ни Гоголя, ни Пушкина и восхищаются въ нихъ вовсе не тѣмъ, что составляетъ сущность и красоту ихъ твореній. Какъ выраженіе личнаго частнаго вкуса, это было бы справедливо и основательно; но какъ взглядъ на искусство вообще, это — ложь; это все равно, какъ еслибы кто, любя березу больше всѣхъ другихъ деревьевъ, сталъ доказывать, что дубъ — дерево некрасивое и дрянное» (235 — 236 стр.).

Мы нарочно привели выписки только изъ тѣхъ статей Бѣлинскаго, которыя были напечатаны въ «Современникѣ», чтобы показать, какъ не забывалъ онъ тѣхъ идей о великомъ значеніи искусства, которыя онъ высказывалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Если Бѣлинскій придавалъ такое значеніе поэтическому дару, то понятно, какое значеніе въ его статьѣ имѣли страницы о содержаніи искусства и необходимости науки для поэта. Бѣлинскій хотѣлъ доказать только, что дарованіе обязываетъ человѣка быть свѣдущимъ, что искусство, чѣмъ у него шире горизонтъ, тѣмъ могущественнѣй; а изъ словъ его вывели, что образованіе можетъ замѣнить природныя средства, а ученость или начитанность дѣлаетъ ненужнымъ даже талантъ. Сверхъ всего этого не нужно забывать, что Бѣлинскій, говоря о воспроизведеніи дѣйствительности и сближеніи искусства съ жизнью, боролся противъ напыщенно-риторической поэзіи, воспѣвавшей великихъ міра сего и противъ славянофильско-туманныхъ грезъ, стремившихся въ надзвѣздный міръ и темное прошедшее. Какъ противъ тѣхъ, такъ и противъ другихъ, Бѣлинскій до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни отстаивалъ натуральную школу; но ни тѣхъ, ни другихъ уже нѣтъ, или они только въ абстрактѣ; значитъ, противъ кого же сберегаются эти выраженія, заимствованныя у Бѣлинскаго авторомъ «Эстетическихъ отношеній»? А противъ натуральной же школы. Противъ послѣдователей Гоголя, противъ нихъ теперь направлены тѣ идеи, которыя когда-то бросалъ Бѣлинскій противъ романтиковъ и мистиковъ.

Сражаясь такимъ образомъ съ вѣтренными мельницами, отрицатели искусства составили мало-по-малу цѣлую анти-эстетическую теорію. И мы утверждаемъ положительно, что всѣ разсужденія о ничтожности изображеній искусства, о превосходствѣ надъ нимъ жизни, о смѣшеніи художественности съ копированіемъ, объ опредѣленіи прекраснаго—общинтереснымъ, словомъ все, о чемъ такъ много говорилось въ «Эстетическихъ отношеніяхъ», все это есть не что иное, какъ обрѣзки идей Бѣлинскаго, соединенныя съ выжимками изъ политической экономіи и разбавленныя примѣсью до абсурда доведеннаго матеріализма. Никто въ самомъ дѣлѣ изъ нигилистовъ не отдѣлялъ себя никогда отъ Бѣлинскаго; всѣ болѣе или менѣе на немъ были воспитаны, на немъ выучились, что взяли у него — это другое дѣло. Не понявши всей сущности дѣятельности Бѣлинскаго, видѣвшаго въ искусствѣ орудіе прогресса, они схватились за аксесуары, за прибавленія.

Мы касаемся здѣсь предмета очень важнаго — до способа, какимъ образовалась пресловутая теорія воспроизведенія. Теорія эта или «Эстетическія отношенія» искусства къ дѣйствительности, суть не что иное, какъ обрѣзки идей Бѣлинскаго, и въ особенности тѣхъ идей, которыя были высказаны въ трудную пору общественной жизни. Не нужно забывать, что время дѣятельности Бѣлинскаго въ «Современникѣ» совпадаетъ съ тяжелыми для Европы годами. Въ политической жизни былъ кризисъ, который не могъ не отразиться и на нашей литературѣ: она была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи и самъ, наконецъ, Бѣлинскій былъ тогда подъ бременемъ болѣзни. Всѣ эти тяготы, давившія его, заставили наконецъ произнести слово о большемъ сближеніи искусства съ жизнью, съ ея бѣдами и невзгодами и потребовать болѣе широкаго служенія современнымъ интересамъ, даже отъ первоклассныхъ поэтовъ. И вотъ эту-то мысль у насъ и утрировали и обезобразили послѣ. А между тѣмъ, она въ сущности была вѣрна: когда дому угрожаетъ пожаръ или другое какое бѣдствіе, то тогда не только чернорабочіе принимаются спасать вещи, но и самые тѣ люди, умственнымъ трудомъ которыхъ содержался домъ, начинаютъ имъ помогать. Бѣлинскій писалъ именно въ то время, когда нужно было набирать ратниковъ даже изъ тѣхъ людей, которые не умѣли держать никакого другаго орудія, кромѣ пера или кисти. Люди, народившіеся или воспитывавшіеся при этихъ дурныхъ обстоятельствахъ, вообразили, что такое распредѣленіе труда нормально, что поэтъ и даже ученый не долженъ быть ничѣмъ болѣе, какъ поденщикомъ, что люди всѣ поденщики, ремесленники и торговцы, и что они должны жить исключительно для себя и для настоящаго времени. Отсюда-то и началось то обрѣзываніе идей нашего замѣчательнаго критика, къ кото-

рому приступилъ сначала авторъ «Эстетическихъ отношеній», потомъ продолжалъ Добролюбовъ, и въ которомъ подвизаются теперь сотрудники «Русскаго Слова». Въ этомъ, если хотите, вся преемственность, которую можно уступить послѣднимъ. Ключки и обрѣзки, оборванные и измятыя — ваши, а самыя идеи принадлежать не вамъ! Вы ихъ не поняли и даже не въ силахъ были понять.

III

Къ женщинамъ.

Подобно вопросу объ искусствѣ, извращенному и запутанному послѣ Бѣлинскаго, извращенъ и запутанъ у насъ тоже былъ и вопросъ женскій, затронутый также Бѣлинскимъ и имѣющій самую тѣсную связь съ вопросомъ объ искусствѣ: еслибы женщина была нравственно обезобразена, то тогда бы, конечно, не существовало и границъ безобразію. «Русское Слово», какъ сборникъ всевозможнѣйшихъ парадоксовъ, содержитъ въ себѣ много патологическихкихъ явленій въ этомъ родѣ. «Женскія Немощи», и «Женское Бездѣлье» могутъ считаться образчиками этихъ аномалій. Авторъ статьи о «Пушкинѣ и Бѣлинскомъ», въ pendant къ этимъ вещамъ, дѣлаетъ тоже много мудрыхъ наставленій относительно обращенія съ женщинами и любви къ нимъ. «Лучшее изъ всѣхъ добрыхъ чувствъ, пробуждавшихся при звукахъ лиры Пушкина — говоритъ авторъ — есть, разумѣется, любовь къ красивымъ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ дѣйствительно нѣтъ ничего предосудительнаго, но, во первыхъ, можно замѣтить, что оно достаточно сильно само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій, а во вторыхъ, должно сознаться, что учредители новѣйшихъ петербургскихъ танцклассовъ умѣютъ пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успѣшнѣе, чѣмъ звуки лиры Пушкина». И господа, выкидывающіе такія фразы, силятся еще доказать, что они солидарны съ Бѣлинскимъ по женскому вопросу. Выдернувъ изъ восьмого тома его сочиненій нѣсколько цитатъ о любви, вѣрности и ревности, они направляютъ ихъ противъ кого-то. Противъ кого именно — неизвѣстно: говорится по обычаю глухо о комъ-то, оставшемся недовольнымъ Мотивами русской драмы. Кто бы ни былъ эта таинственная особа, съ которою секретно полемизируетъ «Русское Слово», мы съ нею одинаковаго мнѣнія; и потому не упустимъ случая, чтобъ уничтожить недоразумѣніе, которое можетъ произойти отъ кажущагося несходства между идеями Бѣлинскаго о женщинѣ, и тѣмъ, что мы говорили. «Русское Слово» хвалится, что оно нашло у Бѣлинскаго мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что

человѣкъ, которому измѣнила любимая женщина, не имѣть права стѣснять ея любви, и что ревнивый Отелло, несмотря на всю гениальность его изображенія, есть все-таки лицо варварскаго времени. Мы тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ» говорили недавно, что преслѣдовать женщину за измѣну, позорить дѣвушку за увлеченіе—варварство; и потомъ еще гораздо прежде, что измѣна допустима, но измѣна открытая, сопровождаемая разводомъ. И самъ Бѣлинскій говорить въ одномъ мѣстѣ, что если отъ человѣка, которому измѣнили, будутъ скрывать, то любовь его перейдетъ въ презрѣніе... Если же ему скажутъ, что его болѣе не любятъ, то подозрѣнія тѣмъ менѣе могутъ имѣть смыслъ» (459 стр. VIII т.). «Женщина—привлекаетъ Бѣлинскій—поступаетъ беззавѣстно, принадлежа вдругъ двумъ мужчинамъ, одного любя, а другого обманывая. Противъ этой истины не можетъ быть никакого спора» (603 стр.). Понимаете ли теперь, читатель, какая разница между взглядомъ на женщину Бѣлинскаго и взглядомъ «Русскаго Слова», совѣтующаго прибѣгать ей къ *маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ*, необходимымъ для наслажденія любовью? Не нужно также забывать, что Бѣлинскій не разъ говорилъ, что всякая личность обязана остерегаться, чтобы своею измѣною не разбить своего существованія: и въ самомъ, наконецъ, чувствѣ ревности Бѣлинскій не допускалъ главнѣйшимъ образомъ мщенія и деспотизма. Если въ статьяхъ его и попадаются иногда фразы, нѣсколько противорѣчащія тому, что мы сейчасъ изъ него выписали, то ненужно забывать, что Бѣлинскій писалъ еще подъ вліяніемъ идей Жорж-Занда: требованіе безграничной свободы въ любви отъ имени такой талантливой женщины, не могло не отразиться на немъ, не могло не помѣшать полному выраженію его идей о женскомъ вопросѣ. Но теперь, когда Жорж-Занда никто уже не принимаетъ догматически, когда и европейскіе критики поняли хорошо недостатки ея мировоззрѣнія, теперь мы имѣемъ возможность и развить идеи Бѣлинскаго. Бѣлинскій, говоря о женщинѣ, столько же мыслитъ, сколько и протестовалъ, заступаясь за нее: положеніе женщины въ то время было все-таки худшее, чѣмъ теперь. Наши мнимые прогрессисты вмѣсто того, чтобы развить и дополнить идеи Бѣлинскаго о женщинѣ, ухватились тоже за слова, выражавшія его протестъ, приняли ихъ за абсолютную истину и мало-по-малу дошли до того, что стали совсѣмъ отвергать ея женственность, ея неизмѣнность и чистоту.

Чтобы поддержать свое вѣрученіе, «Русское Слово» печатаетъ повѣсти, гдѣ женщина является лишенной всѣхъ главныхъ своихъ качествъ. Всѣ «Женскія Немощи», по мнѣнію новаго сотрудника «Русскаго Слова», возвращаются въ сферѣ растительныхъ

позывовъ; бѣда женщинъ не отъ нѣжнаго сердца, а отъ страстнаго. Всѣ героини г. Федоровича не влюблены, какъ водилось до сихъ поръ въ романахъ, а просто *раздражены* до высочайшей степени (его терминъ). Одна, одержимая бѣсомъ, ушла къ своему предмету, отъ заутрени; другая — уткнула отъ побоевъ; на послѣднюю побой подѣйствовали такъ дурно, что у нея развилась въ высшей степени рѣдкая женская болѣзнь. Симптомы этой послѣдней женской немощи описаны, для большаго эффекта, на концѣ повѣсти. Съ самымъ героическимъ цинизмомъ передаются тамъ подробности, не встрѣчающіяся и въ терапіяхъ; что я говорю—въ терапіяхъ! Въ терапіяхъ о такихъ вещахъ и рѣчи не можетъ быть; наука смотритъ на сущность явленій, а не на внѣшніе мелкіе факты, неимѣющіе другой цѣли, кромѣ порчи воображенія. Мы говорили когда-то, что воображеніе можетъ быть наполнено и образами прекрасными, совершенными, и образами уродливыми, безобразными; «Русское Слово» взялось, нажется, за послѣднее. Авторъ «Женскихъ Немощей» говоритъ даже въ заключеніе, что женщины, подобныя его героинямъ, совсѣмъ не рѣдкость, не исключеніе. При этомъ, въ видѣ оговорки и для нѣ котораго благообразія, поминаетъ и о воспитаніи. Но фразы эти не спасаютъ его повѣсти отъ крайне-циническаго впечатлѣнія. Общій выводъ изъ нея все-таки слѣдующій: если женщины таковы, то какъ же можно искать въ нихъ женственности и чистоты.

Но къ счастью женщинъ, все, что ни говорятъ повѣствователи-публицисты «Русскаго Слова» и отчасти «Современника», основано на положительномъ незнаніи женской природы, какъ въ физиологическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Женщина вовсе не такое существо, какимъ она представляется петербургскимъ литераторамъ. Какъ въ положеніи женщинъ на Востоку, такъ и въ нашихъ трущобахъ она одинаково невиновата. Эмансипаторы наши наблюдали женщину только въ столицахъ, гдѣ перевѣсъ мужского народонаселенія ставитъ ее въ нѣсколько исключительное положеніе и отчасти, быть можетъ, тревожитъ ея нервы. На самомъ дѣлѣ, пѣтушинаго свойства въ насъ несравненно болѣе, чѣмъ въ женщинахъ. И женщина всегда и была и будетъ консервативнѣй въ дѣлѣ любви, чѣмъ мужчина. Это утверждаетъ и наука. Физиологъ Лонже говоритъ, что живость страстнаго ощущенія у женщинъ много слабѣе, чѣмъ у мужчинъ, хотя и есть женщины, которыя имъ не уступаютъ*. Гигиенистъ Леви утверждаетъ (что доказано уже), что не страстность, не сила темперамента толкаетъ женщину къ проституціи; она приходитъ

* *Traité de physiologie.* Longet. T. II p. 125.

въ разврату вслѣдствіе нужды, лѣности, непредусмотрительности, оставленія любовникомъ или родными и т. д. * . Но вотъ еще болѣе краснорѣчивая страница изъ сочиненія знаменитаго врача, которая, намъ кажется, лучше всего выставляетъ положеніе женщины въ отношенія мужчины. Страница эта заключается въ опредѣленіи посредствомъ цифръ значенія причинъ, доводящихъ женщину до крайняго паденія. Изъ 5,183 такихъ несчастныхъ субъектовъ въ Парижѣ оказалось:

1441 — жертвъ крайней нищеты.

1425 — женщинъ, покинутыхъ любовниками.

1255 — потерявшихъ родителей, изгнанныхъ изъ дома и оставленныхъ на произволь судьбы.

404 — приведенныхъ въ Парижъ и брошенныхъ тамъ офицерами, студентами, прикащиками.

289 — служанокъ, соблазненныхъ господами и выгнанныхъ.

280 — пришедшихъ изъ провинціи, чтобы найти средства къ существованію.

37 — чтобы поддержать бѣдныхъ и балѣкъ родителей путемъ паденія.

29 — старшихъ изъ семейства, чтобы содержать братьевъ и сестеръ этимъ же путемъ.

23 — вдовъ, поддерживающихъ дѣтей **.

Ко всѣмъ этимъ фактамъ можно прибавить еще извѣстное всякому наблюденіе, что у мужчины обыкновенно страсть сама по себѣ, чувство само по себѣ; у женщины же, настоящей женщины чувство переходитъ въ страсть, чувство предшествуетъ страсти, идеализируетъ, такъ сказать, ее. Сверхъ всего этого, періодъ страстности сокращается еще беременностію, родами, кормленіемъ грудью дѣтей и ухаживаніемъ за ними. Самое наконецъ дѣвичество кладетъ препятствіе для проявленія страсти.

Итакъ въ вѣрности, въ неизмѣнности женщины заключается принципъ, требуемый отъ нея природою. Настоящее материнство немисливо безъ вѣрности. Тамъ, гдѣ вѣрность нарушена до послѣдней крайности, всякая возможность быть матерью уничтожается и общество не даромъ этихъ несчастныхъ женщинъ называетъ потерянными. Пусть не забываютъ, что мы говоримъ только о принципѣ, а не о примѣненіи; худо, если мы не исполняемъ принципа, но въ тысячу разъ хуже, если совсѣмъ въ него не вѣрить. Мы утверждаемъ, что вѣрность есть не роковой или юридическій законъ, а святой принципъ, который по мѣрѣ разви-

* *Traité d'hygiène*. Michel Jéve. T II. p. 750.

** *Parent-Duchâtelet: «De la prostitution dans la ville de Paris»*. 108 p.

тія и уравненія образованія мужчинъ и женщинъ будетъ болѣе и болѣе распространяться. Отъ женщины требуетъ вѣрности сама природа; мужчина же вѣренъ потому, что этого требуетъ справедливость; если она вѣрна, то и онъ долженъ быть вѣренъ. Женщина въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ нравственныхъ движеніяхъ, имѣетъ инициативу. Назначеніе ея не раздувать страсти, а укрощать ихъ!

Да не подумаютъ читатели, чтобы женщина въ дѣйствительности намъ казалась тѣмъ, чѣмъ она представляется намъ въ идеѣ. Нѣтъ; она еще въ періодѣ невѣжества, рабства и зависимости и отъ этого представляется многимъ не болѣе, какъ самою. Мужчина, взявши на содержаніе, купилъ ее у общества. Теперь, когда освободили рабовъ, эмансипаторы принялись и за женщину. И что же они съ ней дѣлаютъ? Одни совѣтуютъ ей просто передразнивать мужчину во всемъ безъ исключенія, касается-ли это прически, манеръ или органическихъ потребностей; другіе же предлагаютъ вмѣсто труда игру въ бирюльки: она, на примѣръ, прежде вязала чулокъ или шила у себя въ семьѣ; ей теперь говорятъ — вы вяжите и шейте, да только не у себя въ семьѣ, а въ мастерской, гдѣ вамъ будетъ и веселѣй и гдѣ вы наконецъ скорѣе отвыкнете отъ нелѣпыхъ семейныхъ началъ и войдете въ болѣе тѣсное сближеніе съ своими эмансипаторами.

Третьи, наконецъ, болѣе смиренныя благодѣтели женщинъ, пускаются читать имъ проповѣди на тексты политической экономіи. Къ числу такихъ принадлежитъ г. Шелгуновъ. Мы, признаемся, имѣли терпѣніе прочесть его «Женское бездѣлье». Авторъ обладаетъ удивительною способностію много говорить и ничего не высказать; онъ представляетъ собою замѣчательный примѣръ того, какъ, твердя на каждой страницѣ о пользѣ, можно ровно ничего не сказать полезнаго. Великодушно соглашалась, что всѣ его идеи и разсужденія — не что иное, какъ выжимки изъ политической экономіи, положенной подъ прессъ прежняго Современника, г. Шелгуновъ предлагаетъ противникамъ нападать не на него, а на науку, самъ же ограничивается только мелкими камешками, которые швыряетъ въ какихъ-то злючекъ не женскаго пола. И что же приводитъ г. Шелгуновъ изъ политической экономіи на поученіе женщинъ? жеванный и пережеванный примѣръ Адама Смитта о приготовленіи булавокъ, и скучившія, растянутыя разсужденія о Робинзонѣ и Пятницѣ. Какъ мнется, какъ боятся онъ сдвинуться съ этого примѣра, взятаго у Кери — и сказать нельзя. Статья, посвященная прекрасному полу, проникнута такимъ тономъ, какъ будто она написана для самыхъ маленькихъ дѣвочекъ. И не зная, кому изъ женщинъ, не въ первый разъ взявшихся за

книгу, понадобятся совѣты, что дѣвушкамъ не слѣдуетъ мечтать по ночамъ, что рано выходить замужъ не должно, а лучше всего выходить не ранѣе двадцати-двухъ лѣтъ, что приданое вообще при дѣвужкѣ вещь нелишняя, что трудиться полезно и т. д. «Общій выводъ изъ того, что я сказалъ—продолжаетъ г. Шелгуновъ (сказалъ онъ очень немного)—заключается въ томъ, что ни въ одной части свѣта и ни у одного народа нѣтъ такихъ садовъ, въ которыхъ бы росли готовые обѣды, шляпки, бурнусы, зонтики и все то, что нужно человѣку. Только трудъ обращаетъ солому въ шляпку и т. д.» (85 стр., 1 ст.) *.

Что же все это значитъ? Ужели мужчина не можетъ таки дать никакого порядочнаго совѣта женщинѣ? Кажется, что такъ, по крайней-мѣрѣ въ отношеніи ея будущей роли. Мужчина могъ сказать, что женщина свободна, могъ убѣдиться изъ сношеній съ нею, что основы ея природы нѣсколько иныя, но куда пойдетъ и какую роль въ мірѣ она создастъ—это должно быть опредѣлено самой женщиной. Американскія женщины поступили необыкновенно умно, когда для разрѣшенія своего вопроса образовали свои самостоятельныя собранія. У насъ же дѣлается наоборотъ: у насъ женщины, стремящіяся впередъ, состоятъ большею частію при мужчинахъ и потому только плетутся за ними, подражая имъ въ мелочахъ. И мы думаемъ, что главная причина, препятствующая женщинѣ ея развитію, заключается не въ ея натурѣ и положеніи въ обществѣ, а въ ея отношеніяхъ къ мужчинамъ: мужчина не оставляетъ своихъ агонистическихъ позывовъ даже и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе женщины. Женщина—натура нетронутая; отъ нея можно столько же ожидать, какъ и отъ народа. Человѣчество до сихъ поръ жило, можно сказать, одною только половинною своего существа. Если этой нетроннутой половинѣ суждено играть большую роль въ мірѣ, то она сама должна сказать, чего она хочетъ?

* Но вотъ еще образчикъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. «Когда вы, воспылавъ любовью — говоритъ Шелгуновъ, обращаясь къ своимъ несчастнымъ читательницамъ — имѣете случай съ нимъ видѣться и говорить, развѣ вы не чувствуете, что въ васъ совершается какой-то особенный, внутренній процессъ, по которому все ваше умственное, сердечное и нравственное содержаніе распадается на двѣ части? Все, что можетъ имѣть магнитныя свѣства и привлечь того, кто вамъ нуженъ, выдѣлится впередъ, и все, что можетъ вредить вашимъ стремленіямъ, отстываетъ на второй планъ. Первое—ваша артиллерія, второе—жалкій гарнизонъ. Выставивъ впередъ всю свою лучшую силу, вы дѣствуете только ею одной, и оттого вы кажетесь любимому вами человѣку не тѣмъ химически-нравственнымъ тѣломъ, а болѣе утонченнымъ, когда составные ваши элементы находятся въ нормальной, равно-мѣрной свѣси. Процессъ этого выдѣленія лучшихъ силъ и дѣйствіе ими есть то, что называютъ обыкновенно желаніемъ нравиться». (См. «Русское Слово» въ отдѣлѣ Мужского бездѣля, называемаго женскимъ).

Мы уже и прежде говорили, что если въ чемъ женщины до сихъ поръ отличались, то это преимущественно въ сферѣ искусства и литературы; это можно сказать не только о женщинахъ иностранцахъ, но и о нашихъ; и потому, почему бы имъ не основать самостоятельнаго женскаго листа или газеты, въ которой бы и редакторъ и сотрудники были бы женщины? При этомъ, конечно, необходимы и женскія собранія—собранія, на которыхъ не должно быть допущены ни одинъ мужчина, особенно сначала. Это мы говоримъ не изъ пуризма, а въ интересахъ женщинъ; только наединѣ сами съ собой онѣ поймутъ вполне свое положеніе и весь эгоизмъ мужчинъ. И наконецъ, если бывають исключительно мужскія собранія, то почему бы не быть такимъ собраніямъ изъ женщинъ? Когда такимъ образомъ литературно-образованныя женщины заговорятъ отъ имени своего пола, половина вопроса будетъ уже рѣшена и даже часть дѣла сдѣлана. Все, что вводить теперь въ кругъ женскаго вопроса, все бы могло войти въ женскій журналъ. Вопросъ о дѣтяхъ; вопросъ о воспитаніи и вопросъ о женскихъ учителяхъ тоже долженъ войти сюда; потому что женщины должны не только учить, но и учиться у самихъ себя. Теперь же мужчины на столько вѣлики, что позволяютъ женщинамъ быть только тувернантками, да няньками. Чтобы женщины получили большій доступъ въ дѣла воспитанія, выгодный для нихъ въ денежномъ и во всякомъ другомъ отношеніи зависитъ не столько отъ правительства, сколько отъ мужчинъ вообще, то-есть отъ того, чтобы мужчины немного посторонились сами отъ мѣстъ, занятыхъ ими въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воля же всего зависитъ отъ того, чтобы женщина сама пробудилась и сама заговорила о своемъ положеніи и нуждахъ.

IV.

Къ литературной чернѣ.

Къ числу литературныхъ вещей, разобранныхъ Вѣликинскимъ и извращенныхъ нашими фразерами, принадлежитъ тоже и стихотвореніе Пушкина «Чернь». Въ этой небольшой пьесѣ высказана была, какъ извѣстно, мысль о положеніи, которое занимаетъ иногда поэтъ въ отношеніи людей съ узко-практическимъ, ремесленнымъ взглядомъ на жизнь. Чтобы имѣть случай назвать Пушкина критикомъ и осипать другими, не менѣ лестными именами, «Русское Слово» стихотвореніе это отнесло къ простому народу. Но что подѣ «Черню» тутъ нельзя понимать нашихъ мужиковъ, хорошо зналъ еще Вѣликинскій: выписавши послѣднія строки этой пьесы, Вѣли-

скій говорить: «Дѣйствительно смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ разбитыя ренныя строчки съ приемами разнаго правоучительнаго мысли» (399 стр., VIII томъ). Понятно, что критикъ тутъ говорить не о глупцахъ изъ простаго народа, которые и слышать не могли Пушкина! Въ XI же томѣ Бѣлинскій прямо называетъ тотъ сортъ людей, къ которымъ относился Пушкинъ, свѣтскою чернью. Мы выразимся еще точнѣе: Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ говорилъ не о простонародной и не о свѣтской, а о черни литературной

«Петербургскія Вѣдомости» придаютъ еще болѣе обширное значеніе стихотворенію Пушкина. Газета эта озаглавлена, подобно «Искрѣ» и «Вулканику», тоже въ числѣ прислушавшихся нигилистамъ; съ приносомъ этой, впрочемъ, не воздорится послѣднимъ. Движущій насъ, придумывающій считаютъ, съ одной стороны, даровитымъ писателемъ гг. въ родѣ Зайцева, а съ другой — объявляютъ, что несогласны съ тѣми взглядами на искусство, противъ которыхъ мы писали, опровергая г. Зайцева. Значитъ, что мы оны даровиты, дамы тѣмъ, а себя безъ убѣжденій, явно безразличное. Далѣе, упрекаютъ насъ, что мы повторяемъ иногда свои выраженія, и не удивляются нисколько, что уважаемые ими писатели противорѣчатъ себѣ на каждомъ словѣ; утѣряютъ также оны своихъ читателей, что мы считаемъ Добролюбова бездарностью, и не читая нашихъ первыхъ статей, гдѣ мы говорили, что оны даровиты, дамы тѣмъ, а себя безъ убѣжденій, явно безразличное. Далѣе, упрекаютъ насъ, что мы будто бы поставили на одну доску съ г. Курочкинымъ автора «Эстетическихъ отношеній», тогда какъ мы говорили, что съ послѣднимъ наравнѣ нельзя поставить и г. Антоновича съ Писаревымъ. (Первая статья «Вопросъ объ искусствѣ»). Что же это такое? Это фельетонъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», любезные читатели. Упрекаютъ насъ также газета эта, зачѣмъ мы, разбирая Добролюбова, не приняли въ расчетъ невыгодныхъ обстоятельствъ, заставлявшихъ иногда его выражаться темно въ некоторыхъ мѣстахъ; но мы до мѣстъ этихъ не дотрогивались. Особенное состояніе печати дѣйствительно принуждало многихъ выражаться темно; но правда также и то, что это состояніе прессы побуждало иногда читателей искать значенія въ ничего незначащихъ фразахъ и уважать даже писателей, которые кроме фразъ ничего не говорятъ. У Добролюбова мы брали выраженія не темныя, не двусмысленныя, а такія, которыя теперь даже повторяются, какъ текстъ многими; мы потому-то и взяли за нихъ, что ихъ уже черезчуръ затвердили, и что ихъ пора забыть. «Пет. Вѣд.», сознавая, что буквальный смыслъ выраженій Добролюбова о пораненіи юношами шестидесятилѣтнихъ старцевъ есть явнѣйшій абсурдъ (подлинныя слова), говорятъ, что выраженія эти надо понимать какъ-то иначе; хотя проговариваются, что еще до насъ былъ распространенъ слухъ о негодности людей зрѣлаго возраста. И какая была надобность Добролюбову, говоря о принципахъ и поколѣніяхъ, набрасывать на свои мысли полупрозрачный вуаль, какъ выражаются Вѣдомости? Что же касается до той важности, которую старается выпустить на себя у насъ всякая литературная ничтожность, въ родѣ гг. относящихся къ намъ, насъ этимъ не удивишь. Мы знаемъ хорошо, что какъ въ службѣ, такъ и въ литературѣ, важности стараются выиграть только посредственные люди. И многіе изъ теперешнихъ литературныхъ ничтожностей намъ напоминаютъ тѣхъ господъ, которые нешествоуютъ иногда для поддержанія своего достоинства. Жалкіе и смѣшныя люди!

Только при этомъ взглядѣ «Чернь» Пушкина получаетъ глубокій и вѣрный смыслъ.

Поэтъ на лирѣ вдохновенной
 Рукой разсыпанной брадалъ,
 Онъ пѣлъ—а холодной и надменной
 Кругомъ народъ непосвященной
 Ему бессмысленно внималъ.

Ужели Пушкинъ могъ быть такъ опрометчивъ, чтобы назвать простой народъ своего времени, забытый и униженный — толпою надменною да еще холодною. Пушкинъ не могъ не знать, что положеніе этого народа не совсѣмъ-то завидно: и почему нибудь его Онягининъ освобождаетъ народъ отъ тяжелой барщины. Если Пушкинъ не сдѣлалъ въ отношеніи народа того, что, напримѣръ, сдѣлалъ писатели, занимавшіеся исключительно жизнью простолюдиновъ, то можно-ли его въ этомъ упрекать? Г. Тургеневъ нисколько не виноватъ передъ обществомъ, что изображалъ болѣе всего образованный классъ. Что Пушкинъ не былъ достаточно смѣлъ — винить строго нельзя: быть можетъ, ему совсѣмъ бы пришлось замолчать, еслибы его страстный лиризмъ принялъ болѣе раздражительный характеръ. Пушкинъ остановился на исключительно художественной дѣятельности не безъ причины: онъ созналъ, что для исхода силъ таланта есть еще другой путь — путь чисто-художественной дѣятельности, которая хоть и невиднымъ образомъ, но тоже подкапывается подъ тѣ перегородки, которыя человѣческій эгоизмъ наставилъ въ обществѣ. Жаль только, что окружающее общество его не поняло. «Самый неумѣренный восторгъ — говорить Бѣлинскій—возбудили его самія слабыя въ художественномъ отношеніи пьесы». Болѣе же совершенныя толпа не поняла, да и трудно было бы ожидать, чтобы она могла ихъ понять, когда все было полно тревоги и все неразвито въ умственномъ и эстетическомъ отношеніи. Еще тогда, подъ прессомъ далекаго прошедшаго начали выжиматься изъ нашего общества нравственные и эстетическіе инстинкты; еще тогда, съ лѣтъ воспитанія, люди мало-по-малу стали терять свои высшія, природныя влеченія и воспринимать только то, чего требуютъ животныя потребности. Тамъ, гдѣ прессъ этотъ нажимался сильнѣе, тамъ и человѣкъ оказывался болѣе обнаженнымъ отъ всѣхъ чисто-человѣческихъ позывовъ.

Пушкинъ не могъ отнестись такъ рѣзко къ простолюдинамъ, какъ говорилъ онъ въ своемъ стихотвореніи о литературной черни. Простой народъ, живя посреди своихъ деревень, полей и лѣсовъ, никогда не заглушалъ въ себѣ того, что вызывало въ немъ сама природа; никогда не переставалъ пѣть, когда было ему тяжело; плясать, когда ему становилось весело, и говорить пословицы, когда

западала ему въ голову дума. Ремесленный взглядъ на жизнь, уничтожающій всякое проявленіе эстетическаго начала, и мѣшающій видѣть въ красотѣ нравственный элементъ, развивается обыкновенно не въ высшихъ классахъ, которыхъ нужда и схоластическое воспитаніе не калечатъ, и не въ простомъ народѣ, который по близости къ природѣ, сохраняетъ, хотъ и въ грубомъ видѣ, натуральное чувство. Горожане или мѣщанство, преслѣдуемые нищетой, и удаленные отъ природы, производятъ обыкновенно изъ своей среды людей, непонимающихъ высокаго значенія поэзіи. Настоящіе ученые, не стремясь никогда расширять своей дѣятельности насчетъ поэтовъ и художниковъ, тоже не причастны въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, удаленное отъ природы мѣщанство, ничему ненаучившееся буршество, и забитый сухимъ формализмомъ служащій людъ, производятъ у насъ массу людей, отрицающихъ искусство. Къ нимъ-то и должны быть отнесены теперь слова поэта:

И толковала чернь тушал:
 «Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
 Напрасно ухо поража
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бренчатъ? Чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучить
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣтеръ и безплодна:
 Какая польза намъ отъ ней?»

Не заключено ли въ этихъ строкахъ почти все, что говорится теперь людьми, видящими прогрессъ въ отрицаніи искусства? Стихи эти — чистая пародія на нашихъ безобразниковъ. И какъ тонко угадалъ Пушкинъ то мѣсто, тотъ слабый пунктъ, на которомъ они всѣ помѣшались теперь:

Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
 Кумиръ ты дѣлишь Бельведерскій,
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь,
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Всѣ, непонимающіе искусства, дѣйствительно хотятъ, какъ-бы по тяжести, узнать о достоинствѣ его произведеній; и неудивительно, что огромный домъ вѣсится у нихъ тяжелою. Для нихъ рѣшительно немислимая вещь смотрѣть на міръ со всѣхъ сторонъ; ихъ понятію доступна была только одна сторона — сторона примѣненія предметовъ природы; сущность же и форму, ихъ чувства не воспринимаютъ. Жизнь представляется имъ не

многостороннимъ явленіемъ, а какою-то плоскостію въ объемъ смыслахъ этого слова. Нивакой мѣры они не знаютъ, кроми степеней полезности. Но можно-ли, скажите, ощущать ушами свѣтъ, а глазами звонъ? Можно-ли узнать вгустъ кѣбы по его химическому составу? И онамъваются они такимъ образомъ не экономистами, а экономами, и даже кухарками, потому что печной торжокъ имъ провазалея выше кумира бѣльведерскаго!

Полезна вовсе не такое всеобъемлющее слово, какъ кажется многимъ. Желаніе быть полезнымъ есть не болѣе, какъ желаніе не жить даромъ на свѣтѣ, не быть обремененіемъ для общества. Въ жизни на чужой счетъ, въ различныхъ эксплуатаціяхъ чужого имущества, чужого труда, заключается то, что называется вредною или бесполезною жизнью. Кто не эксплуатируетъ, и за услуги, полученныя отъ общества или за добро, доставшееся по наслѣдству, платитъ людямъ тою же монетою, тотъ приноситъ пользу. Обиѣнъ полезностями и служба людей другъ другу, есть необходимое условіе для сохраненія общества въ настоящемъ его моментѣ. Но люди съ одной этой дѣятельностію остановиться не могутъ: производя потомство, они должны еще производить нѣчто такое, что бы могло служить наслѣдствомъ. Большинство обыкновенно ограничивается тѣмъ, что оставляетъ дѣтямъ имущество; передовые же люди должны стараться оставить послѣ себя нѣчто другое — плодотворныя идеи и факты. Будущее не можетъ жить тѣмъ, чѣмъ живетъ настоящее: сущность организмовъ — прогрессъ и вѣчное движеніе. Но какъ же теперь выбрать, что нужно для будущаго времени, для будущаго поколѣнія? Мы его не видимъ, да и видѣть нельзя: хоть бы больше ста лѣтъ проживалъ каждый человекъ, никто бы не могъ разгадать, чего хочетъ выступающее поколѣніе. Перегородокъ нѣтъ между ними: старики, взрослые и юноши мѣ-

* «С.-Петербургскія Вѣдомости», замѣтивъ наше выраженіе: что если счастье, какъ дѣлаютъ утилитаристы, соединить съ понятіемъ пользы, а пользу нельзя отдѣлать отъ богатства, то и самое счастье соединяется съ понятіемъ богатства — замѣтивъ, говорю эти слова, «С.-Петербургскія Вѣдомости» прибавляютъ, что богатство есть только большое скопленіе полезныхъ вещей, а не просто скопленіе. Но что одному кажется мало, то для другого можетъ быть велико. Относительныя понятія тутъ не идутъ. И дѣйствительно, политическая экономія, говоря о богатствѣ, выражается не относительно, а абсолютно; то есть о всакомъ богатствѣ, и о большомъ, и о маломъ, лишь бы только имѣлись въ виду полезныя вещи, образующія капиталъ. Значитъ, мы не ошиблись, говоря, что утилитаристы взяли на себя слишкомъ много, задумавши рѣшить задачу человѣческаго счастья, указаніемъ на богатства. «П. Вѣд.» сами отчасти убѣдились нашими доводами, потому что, противорѣча себѣ, говорятъ, что состояніе, въ которомъ стремленіе утилитаризму, слѣдуетъ называть кѣмъ нибудь. именованъ, не счастье! ...

шаются, какъ деревья въ лесу. Какимъ же образомъ люди живутъ и дѣйствуютъ для будущаго, оставляютъ послѣ себя умственное и нравственное наследство? — Они уходятъ въ глубь фактовъ и идей; и прилагаютъ ихъ не къ временнымъ только нуждамъ, обнимаютъ во всей ихъ вѣчности. Только такимъ путемъ открываются плодотворные факты и идеи; полезное же находится проще. Человѣкъ останавливается на временныхъ потребностяхъ; изъ этого рождается прямая польза, безъ которой не можетъ быть спокойнаго настоящаго. Между полезными фактами и идеями плодотворными, значить, есть разница. Одни — есть явленіе первой необходимости, другіе — явленіе необходимости высшей.

Тогда такъ же непонятно у насъ и значеніе слова «красота». Самый смыслъ этого слова, на какомъ бы человѣческомъ языкѣ мы его ни произнесли, выражаетъ глубокую идею. Такъ и должно быть. Слова образовывались не съ вѣтру; звуки, изъ которыхъ они складывались, были выраженіемъ субъективныхъ или объективныхъ явленій. Отъ этого зависѣла и степень ихъ выразительности. Нѣтъ, быть можетъ, болѣе выразительнаго слова, какъ «красота». Когда мы приносимъ его, то намъ прежде всего рисуется представленіе красоты человѣческой, красоты лица и формъ женщины и мужчины, такъ-какъ это есть самая непосредственная и близкая намъ красота. Смыслъ людей, мало думающихъ, такъ обыкновенно на этомъ и останавливается; развѣ еще присоединяетъ сюда понятіе о красотѣ природы. Но кромѣ формъ и наружнаго вида, предметы природы имѣютъ еще движеніе и жизнь; кромѣ красоты лица и тѣла, есть еще красота въ самихъ проявленіяхъ мысли, чувства и воли. Красота тѣла предполагаетъ физическое совершенство и гармонію частей. Почему же проявленіе ума, чувства и воли тоже не могутъ быть совершенны, докончены и вполне выражены? И вотъ эта-то доконченность, полнота выраженія, животворность идей или чувства, и образуетъ ихъ красоту. И пришли мы такимъ образомъ опять къ прежнему выводу, противорѣчащему «эстетическимъ отношеніямъ», что стремленіе къ красотѣ, есть стремленіе къ совершенству.

И чѣмъ бы, въ самомъ дѣлѣ, мы могли руководиться при развитіи нравственныхъ движеній, какъ не ощущеніемъ красоты? Какую другую мѣрку можемъ мы найти для оцѣнки этихъ движеній? Еслибнъ мы, по примѣру утилитаристовъ, ограничились бы только тѣмъ, что стали бы примѣривать эти нравственные движенія къ обстоятельству, стали бы взвѣшивать по степенямъ надобности и пользы, то тогда бы мы думали не о развитіи ихъ, а о скорѣйшемъ примѣненіи, предполагая, что они уже развиты. Но такъ-какъ этого предположенія утвердить неподожгательно нельзя, то и выхо-

дить отсюда требованіе разума, чтобы эти нравственныя движенія росли, улучшались и совершенствовались сами по себѣ. Этого человѣкъ достигаетъ инстинктивно, стремясь къ прасотѣ путемъ высшаго наслажденія. Эту послѣднюю приманку, природа повидимому употребляетъ вездѣ, гдѣ производитъ не временное только вліяніе; для происхожденія индивидуумовъ, существуетъ половая любовь, для осуществленія образцовъ и идеаловъ — наслажденіе красотой.

Истина достигается уже инымъ путемъ: тутъ природа мучитъ человѣка любопытствомъ. Человѣкъ хочетъ знать потому, что въ знаніи свѣтъ, а въ незнаніи — темнота; въ темнотѣ же человѣку страшно. Умъ нашъ, дѣйствительно, какъ-бы озаряетъ окружающее. Человѣкъ ищетъ истины, какъ и ищетъ свѣта. Любопытство, любознательность зависятъ отъ степени воспріимчивости его мозга или ума. Если послѣдній схватываетъ тупо, нечувствительно къ кажущейся необъяснимости и видимой запутанности явленій природы, то онъ, разумѣется, и не требуетъ истины. Но въ комъ воспріимчивость эта развита, въ томъ сейчасъ же является и страхъ невѣжества, и неудобство незнанія. Узнавши что-нибудь, человѣкъ все-таки не успокоивается, потому что поле знанія — безгранично. Безпокойство иногда еще сильнѣе овладѣваетъ человѣкомъ; отсюда мука знанія, о которой говорилъ Байронъ. Италъ, въ знаніи человѣкъ стремится не къ успокоенію и не къ наслажденію. И то, и другое онъ находитъ въ врасотѣ.

Самая недоконченность и вѣчное несовершенство знанія, пріобрѣтаемаго человѣкомъ, показываетъ, что человѣкъ, идя впередъ, долженъ еще руководиться внутреннимъ влеченіемъ, которымъ опредѣляется талантъ или сила природы. Въ древности, люди въ дополненіе къ пріобрѣтаемымъ свѣдѣніямъ, ждали прорицаній свыше. Нынче ищутъ этого дополненія въ самихъ себѣ, въ своихъ природныхъ стремленіяхъ. Поверхностные люди, не найдя ничего въ себѣ, ограничились одними виѣшними фактами. Со стороны человѣка было бы слишкомъ много брать на себя, чтобы все плодотворное приписывать своему труду и навыку. Нѣтъ, въ прогрессивномъ движеніи человѣчества, многое зависитъ отъ природы самой, которая разсыпаетъ въ видѣ даровъ различныя таланты.

Понимая, что никакая опытность и наблюдательность не дадутъ поэту или мыслителю средствъ видѣти изъ хаоса противорѣчащихъ свѣдѣній и мнѣній, Вѣлинскій говоритъ, «что единственнымъ вѣрнымъ указателемъ можетъ быть его инстинктъ, темное бессознательное чувство, часто составляющее всю силу гениальной натуры: нажеться, идетъ на удачу, вопреки общественному мнѣнію, наперекоръ всѣмъ принятымъ понятіямъ и

здравому смыслу, а между тѣмъ, идетъ прямо туда, куда надо идти— и вскорѣ даже тѣ, которые громче другихъ кричали противъ него, волею или неволею, а идутъ за нимъ, и уже не понимаютъ, какъ можно было не идти по этой дорогѣ. Вотъ почему иной поэтъ только до тѣхъ поръ и дѣйствуетъ могущественно, даетъ новое направленіе цѣлой литературѣ, пока просто, инстинктивно, бессознательно слѣдуетъ внушенію своего таланта, а лишь только начнетъ разсуждать и пустится въ философію—глядь и споткнулся, да еще какъ! И обезсилѣетъ вдругъ богатырь, точно Самсонъ, лишанный волосъ, и онъ, который шелъ впереди всѣхъ, тащится теперь въ заднихъ отсталыхъ рядахъ.»

Наши quasi-Фохты и quasi-Молешоты утверждаютъ, что свободной воли нѣтъ, и въ то же время доказываютъ, что творчество всегда свободное, сознательное движеніе. Мы думаемъ, что въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы свободны; тамъ же, гдѣ вслѣдствіе одушевленія идеей или страстью къ ней, человѣкъ теряетъ возможность самонаблюденія — тамъ онъ несвободенъ, тамъ онъ рабъ идей, орудіе природы. Идея владѣетъ имъ, какъ какая-нибудь органическая сила. И истинный художникъ не обрѣзываетъ идею, или втискиваетъ ее въ форму, какъ думаютъ и дѣлаютъ портные литературы, а сперва она, эта идея, въ немъ начинается въ минуту наслажденія или вдохновенія, потомъ, какъ мать, онъ ея вынашиваетъ, мечтаетъ о ея будущемъ рожденіи, затѣмъ болѣе или менѣе трудно рождаетъ, и наконецъ, пускаетъ въ свѣтъ это дѣтище своей души.

Искусство отвергаютъ собственно не ученые, а только неучи. Значеніе таланта, сущность красоты и самодѣтельность творчества понимали одинаково и такіе всеобъемлющіе натуралисты, какъ Гумбольдтъ, и такіе глубокіе спеціалисты, какъ Гельмгольцъ. О послѣднемъ у насъ по наслышкѣ говорили немало господа нигилисты; а между тѣмъ, извѣстно ли имъ, какое важное значеніе придаетъ этотъ гениальный физиологъ эстетическому чувству? Ему, занимавшемуся изслѣдованіемъ органовъ чувствъ, скорѣй всего можно было бы отвергнуть эстетическій элементъ, еслибы этого требовала натура вещей; такъ нѣтъ же, вотъ въ послѣднемъ своемъ трактатѣ о звуковыхъ ощущеніяхъ, онъ старается обратить вниманіе читателя на связь вопросовъ естественно-историческихъ съ вопросами эстетическими, и въ концѣ книги послѣ физическихъ, математическихъ и физиологическихъ изслѣдованій, говоритъ о бессознательности акта творчества. «Что красота—говоритъ Гельмгольцъ—зависитъ отъ законовъ и правилъ, которымъ подчиненъ человѣческій разумъ, теперь не сомнѣвается никто изъ людей, думавшихъ надъ эстетическими вопросами. Трудность тутъ въ томъ, что эти законы и правила, отъ исполненія которыхъ зависитъ кра-

сота и ея одѣвка, исходятъ не изъ ума себя сознающаго: потому что ни художникъ, выполняющій произведеніе, и ни зритель или слушатель, при этомъ наслаждающійся, не создаютъ... Искусство дѣйствуетъ законосообразно безъ сознаемаго закона, психообразно безъ сознаваемой цѣли. Произведеніе чистаго разсудка, какъ бы оно ни соответствовало вполнѣ цѣли, не можетъ быть признано за произведеніе искусства»... Далѣе слѣдуетъ у Гельмгольца замѣчаніе на счетъ той трудности, съ какою современно объясненіе этой творческой дѣятельности, влавшей на воображеніи наши несознательно, такъ оказало нечувствительно, но гнѣвъ не менѣе могущественно; разумъ уже послѣ критикуетъ и разбираетъ то, что вошло въ его область незамѣтнымъ образомъ для него. Творческая сила выступаетъ въ художникѣ изъ границъ разсудочнаго и себя сознающаго мышленія. Такъ думаетъ Гельмгольдъ. .. Что же касается до Гумбольдта, то онъ несознаемость творчества признаетъ не только въ искусствѣ, но даже и въ наукѣ. «Множенно, идеальное соединеніе прежде дознаннаго часто почти безсознательно управляетъ нашей способностію угадывать и предчувствовать, и воаживаетъ ее какъ-бы вдохновляющею силой. Сколько у индусовъ и у грековъ, сколько въ средніе вѣка было высказано о соотношеніи между явленіями природы, сперва бездоказательно и смѣшано съ самыми неосновательными предположеніями, а послѣе подтверждено надежными опытами и потому дознано научнымъ образомъ! Предугадывающая фантазія, эта всемогущая дѣятельность духа, дѣйствовавшая въ Платонѣ, Колумбѣ и Коперникѣ, не должна быть обвиняема, будто бы въ области наукъ она ничего не создала, будто бы по своей сущности она необходимо должна отвлечать отъ изслѣдованія дѣйствительности» (124 стр. II ч. Космосъ). Въ искусствѣ изображать и описывать природу Гумбольдтъ придаетъ фантазіи и эстетическому чувству самое большое значеніе. Изъ ученыхъ путешественниковъ, одаренныхъ этимъ талантомъ, онъ указываетъ на Георга Фёрстера, рядомъ съ которымъ ставитъ и теперь прославившагося Дарвина. Такъ-то всѣ великіе умы ехидятся иногда на одномъ, хотя и начинаютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Отрицатели искусства, говоря противъ талантовъ и дарованія, стремятся какъ-бы осуществить мысль о безусловномъ равенствѣ и постановиѣ людей въ одну шеренгу, о чемъ мечтали утописты, но чего нѣтъ и слѣда въ природѣ. Въ этомъ вся сущность ихъ нападокъ на авторитеты! Они смѣшиваютъ неравенство отъ естественныхъ причинъ съ неравенствомъ отъ причинъ искусственныхъ; но между тѣми и другими—большая разница; Прогрессисты

Die Lehre von den Tonempfindungen, von Helmholtz: 1863: т. 3. 552—554.

XVIII столѣтіи вооружалось противъ неравенствъ искусственныхъ, сословныхъ и другихъ, но не противъ не равенства отъ природы. Самъ даже Сен-Симонъ признавалъ его, какъ единственно допустимое и неизбѣжное. Онъ, напримѣръ, говорилъ: *à chaque selon sa capacité et à chaque capacité selon ses oeuvres*, и мечталъ даже объ ассоціаціи человѣчества подъ тройнымъ управленіемъ наукъ, искусствъ и промышленности. Слѣдъ всего этого отчасти существуетъ и въ дѣйствительности; потому что, кто же изъ вполне развитыхъ людей не покоряется власти наукъ, искусствъ и промышленности. Только утилитаристы наши хотятъ, не сознавая того, чтобы міръ управлялся одной индустріей. И между тѣмъ, какъ Сен-Симонъ мечталъ чуть ли не объ іерархіи талантовъ, наши щеголи прогреса хлопочуть объ іерархіи бездарности. Только таланты, внутренне въ состояніи произвести плодотворное движеніе; посредственность же, хоть бы и самая честная, но большей части ограничивается собой. Можно даже сказать, что *все призваніе, вся сила таланта заключается ни въ чемъ другомъ, какъ въ способности служить и трудиться для многихъ*. Онъ, по большей части, плохой дѣятель въ отношеніи себя, но необыкновенно способный въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются цѣлаго общества.

Защитники бездарности говорятъ, что за идеи красоты и добра не было мучениковъ такъ, какъ за идеи науки. Нѣтъ, были, только ихъ не такъ видно. У людей, вполне преданныхъ этому дѣлу, чувство воспримчивости и стремленіе къ совершенству такъ иногда бываетъ развито, что они никогда не остаются довольны ни собою, ни своими произведеніями. Отсюда источникъ мученій, которыя Гоголя довели даже до сумасшествія. Говорить много о славіи поэта; но этотъ дымъ, носясь надъ головой писателя, идетъ издалека. Отъ близкихъ же онъ видитъ чаще другое: судя по множеству біографій, близкіе становятся нерѣдко въ положеніе непріязненное, и пророкомъ въ своемъ городѣ рѣдко кто былъ. Я вѣрю, что оклеветанныхъ великихъ людей умерло немало. А необезпеченность средствъ и пролетаріатъ между писателями: такъ-какъ все зависитъ отъ настроенія, отъ способности проявлять, иногда вдругъ оставляющей человѣка. Были поэты, какъ Байронъ, которые, чтобы дать полную свободу своему таланту, должны были разорвать не только всѣ связи, но и уйти изъ отечества. А сколько людей погибло за ихъ вѣрованія въ нравственныя идеи, за ихъ твердость убѣжденія, неуваженіе къ лицемѣрью и презрѣніе къ роскоши и разврату, которые они называли суетою міра! Скажутъ намъ, что это были герои нравственныхъ принциповъ; но начала нравственности и красоты однѣ и тѣ же, повторяю я, и буду повторять, пока хватитъ силъ.

Но возвратимся къ Пушкину. Когда на упреки, сдѣланные по-

этомъ литературной черни, послѣдняя потребовала отъ него наставленій, уроковъ и укоровъ въ коварствѣ, неблагодарности, злобѣ и другихъ порокахъ, Пушкинъ отвѣчаетъ этимъ любителямъ обличенія:

Подите прочь.—Какое дѣло
 Поэту марному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
 Не оживить васъ лиры гласъ;
 Душѣ противны вы какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры.

Къ кому относятся слова поэта?... Къ вамъ, отрицатели искусства. Кто противенъ душѣ поэта, какъ гробы?—Вы, непризнавшіе въ немъ великаго орудія прогресса. Кому нужны бичи, темницы, топоры?—Вамъ, вы въ нихъ нуждаетесь для просвѣщенія! Потому вы сказали, что палка лучше ласки, что побой развиваютъ чувство самоохраненія, въ которомъ будто бы источникъ прогресса. Вы утверждали, что рабство негровъ есть явленіе вполне нормальное. И потому примите на свой счетъ все это стихотвореніе, которое, не спохватившись, отнесли къ народу. Вы боретесь съ произволомъ въ различныхъ его видахъ; но что же вы ему противопоставляете? Тѣ же самыя орудія, которыя порицаете, тѣ же самыя средства, которыя вамъ повидимому противны. Только талантъ и знаніе могутъ побѣдить деспотизмъ.

Люди, непризнающіе въ искусствѣ орудія прогресса, дѣйствительно какъ-бы не считаютъ возможнымъ, чтобы общество обошлось безъ бичей и топоровъ. Они совсѣхъ не понимаютъ, что слово человѣческое есть сильнѣйшее изъ всѣхъ орудій. Мы не удивляемся, что авторы, потерявшіе отъ слишкомъ дурныхъ обстоятельствъ довѣріе къ слову, дошли мало-по-малу до заблужденія, что слово вообще не очень-то сильное орудіе. Они были собственно не писатели; у нихъ были крѣпкіе зубы, но не было языка. И это одно только оправдываетъ нѣсколько ихъ дѣятельность. Добролюбовъ, самый, быть можетъ, даровитый изъ этой партіи, приводитъ, какъ авторитетъ, слова одного писателя, который говорилъ: я пишу оттого, что я ни правитель, ни законодатель. Еслибы я былъ тѣмъ и другимъ, то не сталъ бы напрасно тратить время въ разговорахъ: я бы сдѣлалъ и молчалъ. Какъ будто нѣмне люди могутъ многое сдѣлать другъ другу? Какъ будто рѣчь человѣческая не есть орудіе дѣла и труда? Какъ будто законодательство можетъ замѣнить все, что дѣлаютъ посредствомъ слова науки, искусства и промышленности. Слово даже въ своихъ простѣйшихъ натуральных проявленіяхъ имѣетъ цивилизирующую силу, потому что смягчаетъ нравы; простой народъ, еслибы не пѣлъ своихъ пѣсень, не говорилъ пословицъ и не заслушивался сказокъ, могъ бы совсѣмъ одичать.

Причины, задерживающія движеніе, заключаются не только во враждѣ племенъ и сословіи, но и отдѣльныхъ личностей, то-есть въ распространеніи этой вражды не въ ширину только, но и въ глубину обществъ. Вражду сословіи и государствъ могутъ уничтожить законами и лучшія международныя права; вражду же между индивидуумами и семействами можетъ искоренить только человѣческое слово. Оно въ высшемъ своемъ развитіи дѣйствуетъ противъ этой разъединенности, этой вражды между людьми. Зависть есть тоже одна изъ причинъ, мѣшающихъ уничтоженію этой жизненной дисгармоніи. Нисшіе слои, позади другихъ поставленные ряды челоуѣчества ею только и бываютъ одушевлены въ поступательномъ движеніи; самые даже прогресисты бываютъ ею не чужды: тогда-какъ въ душѣ истинно передового дѣятеля этого чувства не должно быть и слѣда. Но какъ же, скажутъ, не завидовать этимъ великолѣпнымъ дворцамъ, этимъ баснословнымъ удобствамъ жизни, этой роскоши и блеску? Имъ-то менѣе всего и можетъ завидовать вполне развитой челоуѣкъ. Счастіе не въ обстановкѣ, а въ насъ самихъ. Еслибы эта, старая какъ міръ, идея была болѣе распространена, то тогда бы и самое исканіе счастія въ сгуженіи продуктовъ и матеріаловъ потеряло бы свою цѣну. Это одинъ изъ величайшихъ предрасудковъ, что люди видятъ свое счастіе въ богатствѣ. Крайній утилитаризмъ много поддерживаетъ это вѣрованіе, и всѣ журнальныя разсужденія о пользѣ и полезности, совершенно подобны повседневному разговору о томъ, какъ хороши деньги, какъ пріятно получать ихъ, что лучше ихъ ничего нѣтъ, и за нихъ можно все пріобрѣсти. Какъ настоящая политическая экономія учитъ бережливости, такъ крайній утилитаризмъ развиваетъ чувство жадности. Чтобы имущество распредѣлилось равномерно между людьми, нужно, чтобы само оно не имѣло такой высокой цѣны, какую придавали до сей поры. Прудонъ говорилъ, что собственность есть воровство; мы думаемъ только, что оно есть *не самое большое благо или по крайней-мѣрѣ не такое, чтобы его стоило воровать*. Убѣдить въ этомъ общество есть прямая обязанность печатнаго слова, слова, разумѣется, лишеннаго главной силы—искуства. Скажутъ, слову могутъ быть поставлены препятствія. Нѣтъ, и не можетъ быть препятствій слову; его силы нельзя ничѣмъ остановить надолго. Какъ ртуть, оно рано или поздно пройдетъ вездѣ. Если нельзя мыслить—поютъ; нельзя пѣть—плачутъ, какъ плакалъ Байронъ... И эти слезы и смѣхъ, пѣснь и живая рѣчь, дѣлаютъ несравненно болѣе, чѣмъ всѣ другія орудія.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВАМБЕРИ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ.

REISE IN MITTELASIEN von Teheran durch die Turkmanische Wüste an der Ostküste des Kaspischen Meeres nach Chiwa, Buchara und Samarkand im Jahre 1863 ausgeführt von Hermann Vámbéry. — Deutsche Originalausgabe. Leipzig, Brockhaus. 1865.

Статья вторая.

ХИВА И БУХАРА.

Нетрудно вообразить себѣ, въ какомъ настроеніи духа вошелъ я 3-го іюня въ ворота Хивы, если вспомнить тѣ опасности, которымъ могъ я подвергнуться при малѣйшемъ ко мнѣ подозрѣніи, легко внушаемомъ моимъ европейскимъ лицомъ. Я зналъ, что хивинскій ханъ, жестокость котораго порицали даже татары, поступить со мною гораздо строже, чѣмъ турмены; онъ дѣлалъ невольникомъ всякаго подозрительнаго иностранца, и весьма недавно поступилъ такъ съ однимъ жителемъ Индостана, княжескаго притомъ происхожденія, на которомъ и возять теперь, вмѣстѣ съ прочими рабами, различныя артилерійскія повозки. Я былъ взволнованъ, но нисколько не трусилъ. Смерть, которая могла быть весьма легко послѣдствіемъ моего предпріятія, представлялась дѣлше три мѣсяца уже моимъ глазамъ и такъ меза съ собою освоила, что вмѣсто того, чтобы дрожать предъ подобною мыслью, я даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ придумывалъ средства какъ бы обмануть бдительность суровѣйшаго тирана.

Узнавъ дорогою, что въ Хивѣ живетъ нѣкто Шюкруллах-Бей, котораго я неоднократно видѣлъ въ Константинополѣ во время десятилѣтняго пребыванія его посланникомъ при дворѣ султана, я рѣшился немедленно къ нему отправиться, какъ только миновали мы городскія ворота, гдѣ встрѣтилъ насъ хивинцы съ хлѣбомъ и сушеными плодами. Среди восклицаній радости и удивленія со стороны народа при видѣ такого множества хаджи, явившихся за разъ въ Хиву, дошли мы до базара, снѣли тельявъ и

послѣ лобзаній народомъ не только нашихъ рукъ и ногъ, но даже и локотевъ нашей одежды, вошли въ тамошнюю, въ которой подвергали строжайшему осмотру людей и товары. Липъ только начался осмотръ, какъ уроженецъ Кандагара воскликнулъ: «ми привели трехъ замѣчательныхъ четвероногихъ и не менѣе любопытное двухногое животное», намекая этимъ на буйволовъ и жейя, что немедленно породило сомнѣніе въ моей личности и вызвало разныя вполголоса толки, среди которыхъ нѣсколько слышались слова: *диавлсиъ* (шпіонъ), *френги* (французъ) и *урусъ* (русскій). Я вамбериалса-было отвѣчать, но мои спутники, дервиши, внушавшіе къ себѣ необычайное уваженіе, удостовѣрили чиновниковъ въ неосновательности подобнаго сомнѣнія. Народъ пришелъ въ негодованіе на несправедливаго доносчика, осмѣля его ругательствами и проклятіями, чему я очень обрадовался, надеясь, какъ скоро сомнѣніе разсѣяно въ народъ, справиться уже подавно съ ханомъ, который, подобно своимъ предшественникамъ, имѣя особенное уваженіе къ султану, ожидаетъ, безъ сомнѣнія, свою благосклонность и первому изъ его константинопольскихъ подданныхъ, прибывшему въ Харесъ — политическое названіе Хивы. Въ тому же я былъ увѣренъ, что Шюкруллахъ-Бей, столько обрадованный, какъ и изумленный моимъ появленіемъ, не замедлитъ сообщить хану, что я, прежній эфенди, какимъ онъ меня зналъ въ Константинополѣ, поступилъ въ дервиши ордена *Нашибанди* и отправляюсь въ Бухару.

Моя предположенія не обманули меня. На другой день явился ко мнѣ ясауль — офицеръ отъ ханскаго двора, принесъ мнѣ подарокъ отъ хана и приказаніе вечеромъ же явиться къ его повелителю — хазрету, который очень желаетъ получить благословеніе отъ дервиша, пришедшаго изъ священнаго города. По правиламъ хивинскаго этикета, я долженъ былъ сперва побѣтить перваго министра, за отсутствіемъ котораго исправлялъ должность другой метеръ, то-есть министръ внутреннихъ дѣлъ, жившій недалеко отъ входа въ самому хану. Это былъ часъ, когда почти всякій день происходить *орса*, то-есть публичная аудіенція, а потому въ ханскомъ помѣщеніи была толпа всякаго рода просителей, всѣхъ возрастовъ и пола, въ самомъ домашнемъ простомъ одѣяніи; при этомъ никого не записываютъ и не соблюдаютъ никакой очереди: кто протокался, тотъ и представлялся. Метеръ сидѣлъ окруженный своими подчиненными, встрѣчавшими каждое его слово улыбками одобренія. По виду онъ былъ персіянинъ и огромная мѣховая шапка очень шла въ его грубому лицу. Я ему поклонился съ серьезнымъ видомъ и сѣлъ, какъ подобаетъ дервишу, на почетное мѣсто. Прочитавъ молитвы, обжѣнялись

мы обычными фразами вѣжливости, и метерь сказалъ мнѣ, что хазреть (при этомъ словѣ всѣ встали) желаетъ меня видѣть, что и ему очень будетъ пріятно, если я въ состояніи предъавить письмо отъ султана или его посланника въ Тегеранѣ. Замѣтивъ на это, что я путешествую безъ всякой земной цѣли, и ничего ни отъ кого не желаю, я передалъ ему *фирманъ* за печатью султана, взятый мною единственно для личной моей безопасности. Метерь взялъ этотъ печатный паспортъ въ руки, почтительно поцаловалъ подпись султана, потеръ ею лобъ и представивъ *фирманъ* хану, ввелъ меня въ аудіенц-залу. Два ясаула взяли меня, какъ дервиша, почтительно подъ руки, занавѣсь поднялась, и я увидѣлъ предъ собою *Сеидъ-Мамета ханъ Падишаха-Харемъ*, или говоря проще, хана хивинскаго, сидящаго на возвышеніи, съ короткимъ золотымъ скипетромъ въ правой рукѣ и положивъ лѣвую на круглый табуретъ. Согласно этикету, я поднялъ руки, что сдѣлалъ также ханъ и всѣ присутствующіе, прочелъ стихъ корана, два аллахуму-селла, обычную молитву и закончилъ все громкимъ аминъ и глаженіемъ бороды. Потомъ я подошелъ къ хану, который протанулъ мнѣ обѣ руки, и сдѣлавъ поклонъ, установленный кораномъ, отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чѣмъ вся церемонія и кончилась. Послѣ этого пошли разспросы о цѣли моего путешествія и впечатлѣніяхъ онаго, долго ли намѣреваюсь пробывать въ Хивѣ, имѣю ли необходимыя средства къ дальнѣйшей поѣздкѣ и т. д. Мои отвѣты, всѣ въ чисто-восточномъ стилѣ, повидимому, очень понравились хану, потому что онъ приказалъ выдать мнѣ 20 дукатовъ и здороваго осла.

Я отказался отъ первыхъ, потому что дервишамъ грѣшно имѣть деньги, но очень благодарилъ за осла, замѣтивъ при этомъ, что по закону лучше всего имѣть для странствованія *благое осла*. На просьбу мою выдать мнѣ таковаго, ханъ милостиво согласился, приказавъ вдобавокъ отпускать на мое содержаніе по 2 тенге, то-есть полтора франка въ день. Послѣ этого я вернулся домой и былъ вполне счастливъ, что ханъ, страшно тупой и свирѣпый на видъ, представлявшій собою самое точное изображеніе изнѣженнаго, свирѣпаго и сумасшедшаго тирана, былъ такъ ко мнѣ милостивъ, что давало мнѣ возможность вполне спокойно пребывать въ его владѣніяхъ. Какой счастливый для человѣчества случай, подумалъ я, что темное суевѣріе полагаетъ предѣлы кровожадности и могущества подобныхъ тирановъ.

Желая по возможности не терять времени, чтобы поскорѣе ознакомиться съ ханствомъ, я ужасно сердился на частыя приглашенія хана, а также сановниковъ и богатыхъ купцовъ, которые, узнавъ о милости и расположеніи ко мнѣ хана, желали не-

премѣнно имѣть меня своимъ гостемъ, чрезъ что отнимали у меня совершенно безполезно много времени. Я ужасаюсь вспоминая, что долженъ былъ принимать шесть и восемь приглашеній въ день и всякій разъ что-нибудь да ѣсть; часто до восхода солнца около 3—4-хъ часовъ утра сидѣлъ уже я предъ гигантскимъ блюдомъ риса, плавающего въ баравьемъ салѣ, и долженъ былъ ѣсть, ибо по среднеазиатскому обычаю, гость при всякомъ посѣщеніи (визитѣ) долженъ что-нибудь непремѣнно съѣсть. Выраженіе «не могу больше ѣсть», считается не только неправдоподобнымъ, но даже дерзкимъ и невѣжливымъ. Мои спутники при подобныхъ случаяхъ предъавляли блистательное доказательство въх воп топ, ибо поѣдали въ день по 2 фунта риса и даже 1 фунтъ сала, запивая все это огромными чашами зеленого чая, числомъ отъ 15 до 20. Я удивлялся только тому, какъ они не лопнуть; они повидимому паумлялись, что я, несмотря на мою книжную начитанность, въ половину только образованъ.

Не менѣе томиліи меня и хивинскіе ученые, то-есть городскіе ученые. Эти лица, предпочитавшіе Турцію и Константинополь всему остальному, хотѣли получить отъ меня, какъ представителя турецко-исламской учености, разъясненіе многихъ религіозныхъ вопросовъ. Они выводили меня изъ себя разсужденіями, какъ должно мыть руки, ноги и голову, какъ должно, согласно предписаніямъ закона, сидѣть, ходить, лежать, спать и т. д. Они считаютъ султана и его сановниковъ образцами исполненія всѣхъ этихъ важныхъ предписаній, и воображаютъ себѣ турецкаго султана мусульманномъ съ турбаномъ, по крайней мѣрѣ въ 50 локтей вышины, съ бородою до чреслъ и съ платьями до пятъ. Можно весьма легко поплатиться жизнью, сообщивъ имъ, что его величество императоръ турецкій носить волосы и бороду à la Fiesco и завязываетъ свое платье въ Парижѣ, что и воздержало меня отъ желанія во многомъ удовлетворить ихъ любознательности.

Дворъ, гдѣ мы остановились, содержавшій также мечеть и огромныя цитерны, былъ полонъ всякаго рода посѣтителями. Эвбеги, одни изъ главныхъ обитателей Хивы, носятъ круглую мѣховую шапку, большіе неуклюжіе юфтовые сапоги, и лѣттомъ одну длинную рубанку, въ которой смѣло можно и являться куда угодно, пока она не запачкана. Женщины же, несмотря на томительный жаръ, должны ходить за водою плотно закутанныя въ плотныя платья и въ неуклюжихъ сапогахъ. Многія изъ нихъ просили у меня немного *намъ здоровья*, собираемой пилигримами въ Мединѣ, въ домѣ, въ которомъ, какъ говорятъ, обиталъ Магометъ; пылъ эта считается правовѣрными лекарствомъ отъ многихъ болѣзней.

Назначеніе европейскихъ кофеенъ отправляютъ въ Хивѣ дворни при мечетахъ, осѣненные прекрасными деревьями и содержащіе всегда большую цистерну съ водою. Жара была невыносима, но тѣмъ не менѣе я предпочиталъ сидѣть у себя дома, ибо при малѣйшемъ моемъ появленіи на улицѣ, меня осипали самыми пустыми вопросами, какъ напримѣръ: правда ли, что султанъ получаетъ свой ежедневный обѣдъ и ужинъ изъ Мекки, которые и доходятъ въ Константинополь всего въ минуту времени? Что бы сказали эзбеки, узнавъ, что при Абдул-Меджидѣ французскія вина, лафитъ и марго, украсили роскошный столъ султана?

На дворѣ мечети познакомился я также съ Хаджи-Измаиломъ, который лѣтъ 25 пробылъ въ Константинополѣ, занимаясь различными промыслами, отъ ученія плаванію до колдовства включительно. Его соотечественники требовали отъ него всѣаго рода элексировъ, а также особенно сильно потребляемаго въ Турціи и Персіи *маджунъ*, то-есть декокта противъ безсилія. Хаджи-Измаилъ весьма долгое время пользовалъ и самого хана хивинскаго, который никогда не слѣдовалъ предписанной діетѣ по той причинѣ, что не въ силахъ былъ противиться стрѣламъ купидона. При наступленіи естественныхъ послѣдствій подобнаго образа жизни—подагры и безсилія, ханъ прогналъ этого доктора и опредѣлилъ на его мѣсто знахарку, пользовавшуюся большою извѣстностію. Она немедленно прописала больному хану 500 приемовъ такого лекарства, приготовленіе котораго, крайне затруднительное въ Европѣ, не встрѣтило препятствій въ Средней Азіи, и ханъ, принявъ уже до 60 пядюль, только тогда замѣтилъ совершенно противоположное дѣйствіе лекарства. Знахарка заплатилась жизнью, и незадолго до нашего пріѣзда ему прописано было молоко отъ буйволицъ, которыхъ мы и привели съ собою. Во время нашего пребыванія въ Хивѣ, ханъ опять хотѣлъ опредѣлить Хаджи-Измаила въ должность лейб-медика и колдуна, но онъ отказался и, безъ сомнѣнія, заплатилъ бы головою за подобную смѣлость, еслибы только суевѣрный тиранъ отважился причинить зло человѣку, творящему, по его понятіямъ, чудеса.

Наша торговля божественнымъ товаромъ — благословіемъ — шла очень хорошо; мы собрали этимъ немало подарковъ и денегъ, среди хивинскихъ эзбеговъ, самаго лучшаго народа средней Азіи, хотя нѣсколько хитраго и неотесаннаго. Пребываніе мое въ Хивѣ могло бы считаться самымъ пріятнѣйшимъ и спокойнымъ, еслибы меня не подвергло опасности соперничество между Шюкруллахомъ и метеромъ, который, желая каинъ бы то ни было образомъ досадить моему покровителю, сказалъ султану, что я

тайный эмисарь, посланный султаномъ въ Бухару. Зная о ходѣ подобныхъ интригъ, я принялъ спокойно приказаніе явиться къ хану на вторичную аудіенцію, въ которой онъ мнѣ сказалъ, что ему, слышавшему о моей учености и о моемъ цвѣтистомъ слога, будетъ очень пріятно получить нѣсколько отъ меня строкъ въ турецкомъ вкусѣ. Зная, что все это дѣлается по навѣстамъ метера, я тотчасъ же написалъ ихъ въ самомъ цвѣтистомъ слога, съ великолѣпнѣйшими титулами, плѣннѣйшими вполнѣ глухаго хана. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть, и повелъ разговоръ о полтигѣ, при чемъ, чтобы быть вѣрнымъ моему званію дервиша, а заставлялъ добиваться отъ меня каждаго слова путемъ страшныхъ усилій, и этимъ вполнѣ уже уничтожилъ въ ханѣ всѣ сомнѣнія о моемъ званіи. Поговоривъ со мною очень милостиво, ханъ приказалъ проводить меня въ казначейство, для полученія назначенныхъ мнѣ денегъ. Дорогою я былъ свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя едва ли когда-либо изгладятся изъ моей памяти. 300 плѣнныхъ шаудоровъ, въ лохмотьяхъ, мучимые нѣсколько дней уже голодомъ и страхомъ смерти, стояли на дворѣ въ двухъ группахъ. Одни — недостигшіе еще сорока лѣтъ, назначены были въ продажу, какъ невольники; другіе же, по своимъ лѣтамъ или положенію считавшіеся старшинами (аксакале), обречены были на казнь. Первые отправлены были партіями въ 10-15 человекъ, скованными между собою желѣзными ошейниками, а вторые — покорно повиновались своей участи; нѣкоторыхъ изъ нихъ отправляли на висѣлицу, а восемь старцевъ, стоявшихъ очень близко отъ меня, по знаку палача, легли совершенно спокойно на спину. Связавъ руки и ноги, палачъ выкололъ имъ глаза, обтирая при этомъ окровавленный ножъ объ ихъ сѣдую бороду. Трудно передать весь ужасъ той сцены, когда ослѣпленные старцы, освобожденные отъ узъ по окончаніи операціи, разводя руками, пытались встать; при этомъ они сталкивались головами другъ съ другомъ, и обезсиленные падали снова на землю, издавая жалобные, глухіе стоны. Строки эти, безъ сомнѣнія, приведутъ въ ужасъ и читателя; но мы считаемъ нелишнимъ замѣтить, что подобная жестокость была возмездіемъ за не менѣе варварскій поступокъ шаудоровъ, совершенный ими зимою надъ караваномъ эзбеговъ. Они напали на богатый караванъ въ 2,000 верблюдовъ, шедшій изъ Оренбурга, и не только совершенно его ограбили, но обобрали у сопровождавшихъ его эзбеговъ одежду и весь провіантъ, вслѣдствіе чего бѣлая часть ихъ погибла въ степи, отъ холода и голода.

Но вообще подобнаго рода наказаніе плѣнныхъ отнюдь не должно считать исключеніемъ. Въ Хивѣ, какъ и вообще во всей

Средней Азіи, не знаютъ, что такое *жестокость*; подобное обращеніе считается совершенно естественнымъ, вполнѣ согласнымъ съ религіею, законами и обычаями. Настоящій ханъ хотѣлъ просить охранителемъ религіи тѣмъ, что вздумалъ подвергать самыя незначительныя проступки противъ религіи самымъ страшнымъ наказаніямъ. Стоило только бросить взглядъ на типательно-закутанную, замужнюю женщину, чтобы быть осуждену по правиламъ религіи. Мужчину вѣшали, а даму — побивали каменьями, зарывъ ее по грудь въ землю, близъ висѣлицы. За неизбѣиємъ въ Хивѣ каменьею, побивали глыбами земли, которыя, покрывая несчастную толстымъ слоемъ пыли, увеличивали лишь продолжительность мучительной смерти. Ханъ приказалъ наказывать смертью и прочія нарушенія религіозныхъ предписаній, такъ что, въ первые годы его правленія, улемы нашли нужнымъ охладить пылъ его религіознаго рвенія; но и теперь даже не *про. одитъ дня*, чтобы кого-либо не увели съ ханской аудіенціи послѣ злополучныхъ словъ *alib barin* — возьмите его, то-есть казните.

Казначей загаль и за въ высшей степени оригинальнымъ занятіемъ: онъ сортировалъ *хилаты*, то-есть почетныя платья, которыя, какъ награды, предназначались къ отправленію въ армію. Было четыре сорта хилатовъ — то-есть шелковыхъ рубашекъ, яркихъ цвѣтовъ, съ большими золотыми, вытканными цвѣтами, извѣстными въ Хивѣ подъ именемъ четырехъ — двѣнадцати — двадцати — и *сорокаголовис хилаты*. Не видя на хилатахъ никакихъ головъ, я спросилъ о причинѣ подобнаго ихъ названія, и мнѣ сказали, что они раздаются въ награду каждому воину, смотря по числу отрубленныхъ имъ непріятельскихъ головъ, при чемъ прибавили, что завтра я самъ могу быть свидѣтелемъ раздачи подобной награды. Дѣйствительно, на другой день, увидѣлъ я на площади около 100 всадниковъ, прибывшихъ изъ лагера. Каждый изъ нихъ велъ съ собою плѣнныхъ всякаго возраста и пола, привязанныхъ или къ хвосту лошади или къ сѣдлу, а также имѣлъ еще и мѣшокъ, содержащій удостовѣренія его геройскихъ подвиговъ — то-есть отрубленныя непріятельскія головы. На площади мѣшковъ развязывали и высматывали бритыя головы, какъ картофель, предъ секретаремъ, слуги котораго хладнокровно считали ихъ, складывали въ одну груды, и каждому герою выдавали квитанцію въ приемъ отъ него извѣстнаго числа головъ, по предъявленію которой получалъ онъ и соответствующій его геройству хилатъ.

Познакомивъ такимъ образомъ съ нравами и понятіями жителей Хивы, Вамбери касается довольно подробно самой страны и ея столицы, сообщая при этомъ свѣдѣнія столь же малозвѣстныя, какъ и занимательныя.

Столицу хана, городъ Хиву, не только нельзя сравнить съ какимъ-либо европейскимъ городкомъ, но даже и съ персидскимъ послѣдняго разряда, отъ которыхъ она далеко отстоитъ еще. Вообразите себѣ 3 или 4 тысячи мазанокъ (глиняныхъ избушекъ), стоящихъ въ величайшемъ безпорядкѣ и окруженныхъ толстою стѣною также изъ глины, въ 10 футовъ толщиною—и вы будете имѣть понятие о Хивѣ, которая дѣлится притомъ на собственный городъ и цитадель, отдѣленную отъ города особенною стѣною съ воротами. Она не имѣетъ даже базаровъ, какіе встрѣчаются во всѣхъ почти восточныхъ городахъ, и можно упомянуть лишь объ одномъ небольшомъ рынкѣ, имѣющемъ 120 лавокъ и одинъ каравансерай, гдѣ встрѣчаются русскія издѣлія: суковныя, желѣзныя, полотняныя, бумажныя и галантерейныя, а также товары изъ Персіи и Бухары. Тутъ же встрѣчаются и разныя, другого рода лавки (для продажи хлѣба, мыла, свѣчъ, пряностей и сластей), и цирюльни, гдѣ брѣютъ однѣ головы, бритье же бороды сочли бы сумасшествіемъ, или наказали смертною казнью. Древнихъ и художественныхъ построекъ въ Хивѣ не состоитъ, равно какъ нѣтъ особенно замѣчательныхъ мечетей, чего нельзя связать о *медресалъ* или училищахъ, по числу и великолѣпному устройству которыхъ можно въ Средней Азіи судить о благосостояніи и религіозномъ образованіи народонаселенія. Принявъ во вниманіе ограниченность средствъ, должно признаться, что рвеніе и готовность дѣлать пожертванія, выказываемыя какъ государемъ, такъ и простыми работниками, при постройкѣ и устройствѣ училища, дѣйствительно достойны похвалы и изумленія.

Бухара, самая древняя страна мусульманской цивилизаціи въ средней Азіи, составляетъ образецъ въ этомъ отношеніи; Хива же имѣетъ пока нѣсколько училищъ, построенныхъ по преимуществу въ новѣйшее время. Составляя столицу всего ханства, Хива служитъ также главнымъ городомъ одного изъ тѣхъ округовъ, на которые раздѣлено все ханство. Имѣя своего отдѣльнаго бей или губернатора, въ Хивѣ каждый городъ съ большимъ или меньшимъ числомъ приписанныхъ къ нему деревень образуетъ особый самостоятельный округъ, которыхъ всего тридцать три во всемъ ханствѣ хивинскомъ, называемомъ также Харесмъ или Юргендшъ. Оставляя въ сторонѣ безполезныя попытки опредѣлить хотя сколько нибудь вѣрно величину поверхности этой страны, окруженной со всѣхъ сторонъ степями, и число находящихся тутъ жителей, мы замѣтимъ только, что предѣлы земли, удобной для обработки, доходятъ до городовъ Фитвека на юго-востока, Кунграда и Кѣне-Юргендша—на сѣверо-востокъ и Медмина и Кѣттега—на югъ. Плодородіе этой мѣстности, дѣйстви-

тельно изумительное, должно быть приписано не столько рациональному воздѣлыванію земли, сколько качеству почвы и хорошему орошенію благодатными водами Окуса, изъ котораго искусственно проведены въ разныя стороны широкіе каналы (апъ), покрывающіе какъ-бы водною сѣтью всю воздѣлываемую землю. Особенно хорошо провзрастаетъ тутъ рисъ, преимущественно въ Гёрленѣ, хлопокъ, ружанъ, изъ корней котораго добывается красная краска, фрукты всякаго рода, по качеству неизмѣющіе на землѣ соперниковъ, какъ на примѣръ, яблоки изъ Хесарепа, персики и гранаты — въ Хивѣ, и особенно очаровательныя дыни въ Юргендшѣ, извѣстныя даже за стѣнами Китая, повелитель котораго счелъ пріятнымъ для себя включать въ число ежегодныхъ подарковъ, присылаемыхъ ему изъ китайской Татаріи, также нѣсколько дынь изъ Юргендша. Сверхъ того, растущее въ изобиліи тутовое дерево даетъ прекрасный шелкъ въ Шаббадѣ.

Что же касается до обитателей ханства, то среди ихъ встрѣчаются слѣдующія народности:

1) туркмены, изъ племени шаудоровъ — между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, а въ сосѣдствѣ съ ними юмуты — недалеко отъ Газавата;

2) *каракалтаки* — числомъ 10,000 палатокъ, занимаютъ правый берегъ Окуса, отъ Гёрлена до Кунграда. Они не имѣютъ овецъ, и лишь очень мало лошадей, и судя по множеству рассказываемыхъ о нихъ анекдотовъ, считаются идиотами, обладающими самыми красивыми женщинами въ Туркестанѣ. Хотя они съ незапамятныхъ временъ подчинены Хивѣ, но весьма часто поднимаютъ знамя возстанія, и подвергаютъ страну сильнымъ опустошеніямъ;

3) *персы* — по преимуществу невольники, числомъ 40,000, или освобожденные отъ рабства, изъявившіе желаніе остаться въ странѣ, въ которой, благодаря ихъ хитрости и умственному превосходству надъ эзбегами, они скоро дѣлаютъ себѣ состояніе. Позоръ перенесеннаго рабства совсѣмъ исчезаетъ уже въ третьемъ колѣнѣ;

4) сарты, называемые въ Бухарѣ и Хокандѣ таджикъ — потомки первоначальнаго персидскаго населенія этой страны, встрѣчаются въ очень небольшомъ числѣ, и своимъ языкомъ и болѣе утонченнымъ обращеніемъ отличаются отъ эзбеговъ, которые ихъ не любятъ такъ, что до сего времени рѣдко завлчаются браки между сартами и эзбегами, несмотря на то, что они живутъ вмѣстѣ въ одной странѣ около 500 лѣтъ;

5) эзбеки (*ösbeg*) составляютъ господствующее населеніе всей Средней Азій, отъ южныхъ береговъ Аральскаго моря далеко за

предѣлы Китая; они ведутъ жизнь осѣдлую, занимаясь по преимуществу земледѣіемъ, и раздѣляются съ давнихъ временъ на тридцать-два главныхъ племени (тайфе), которыя иногда до того рѣзко отличаются другъ отъ друга, не только чертами лица, но и нравами, языками и обычаями, что ихъ можно принять за совершенно отдѣльныя народности. Большее число этихъ племенъ встрѣчается въ Хивѣ, гдѣ замѣтно вліяніе на нихъ иранскаго элемента. Такъ, напримѣръ, хивинскій эзбегъ носить бороду, чуждую туранскому племени вообще, откровеннѣе и добродушнѣе чѣмъ прочіе его соплеменники, и несмотря на дикость, свойственную всѣмъ окружающимъ его кочевникамъ, занимаетъ послѣ истиннаго османлиса въ Турціи второе мѣсто среди восточныхъ народовъ, изъ которыхъ можно что-нибудь еще сдѣлать. Распространеніемъ въ Хивѣ ислама, въ меньшей степени нежели въ Бухарѣ, объясняется то, что хивинскіе эзбеги удержали до сего времени многое отъ своихъ прежнихъ народныхъ обычаевъ времени язычества и также отъ религиозныхъ обрядовъ парсовъ (поклонниковъ огня), въ числу которыхъ принадлежали всѣ первобытные обитатели этой страны. Они любятъ, такъ же какъ и турмены, музыку и національную поэзію, и сохранили въ обычаяхъ много слѣдовъ прежней воинственной своей жизни, какъ напримѣръ, турниры, ристалища, борьбу, скачки и т. д.

6) Кромѣ этихъ племенъ встрѣчаются еще и киргизы (казаки) не въ большомъ числѣ, потому что въ послѣднее время бѣльшая часть изъ нихъ подчинилась Россіи. Объ этомъ кочевомъ народѣ мы скажемъ подробнѣе, говоря о пребываніи нашемъ въ Бухарѣ.

Излишне говорить, что всѣ эти народы состоятъ подѣ деспотическою властью хивинскаго хана, который безгранично, по своему усмотрѣнію и произволу, располагаетъ жизнью и имуществомъ подданныхъ. Представляя собою какъ-бы отца всего народа и главнаго владѣльца всей земли, который въ домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ нерѣдко слушаетъ совѣты рабовъ, ханъ точно также повременамъ слѣдуетъ представленіямъ своихъ министровъ. Единственный предѣлъ его произволу могутъ представить улемы, какъ скоро въ главѣ ихъ стоятъ люди, которые своею ученостію и безупречнымъ образомъ жизни снискиваютъ любовь народа и вселяютъ въ себѣ уваженіе и боязнь даже со стороны хана. Подобныя отношенія хана къ подданнымъ, встрѣчающіяся почти во всѣхъ азіатскихъ государствахъ, не должны быть приписаны недостаточности или полному отсутствію государственныхъ учрежденій. Напротивъ того, во всѣ времена и во всѣ историческіе періоды встрѣчались на Востоку учрежденія, направ-

ленные противъ произвола и деспотизма властителей, но недостигавшія никогда своей цѣли по той простой причинѣ, что слабость характера и недостатокъ всякаго возвышеннаго и благороднаго чувства въ массѣ восточныхъ народовъ не только не предотвращали преступленія повелителей, но, напротивъ того, всегда имъ благопріятствовали и до сего времени благопріятствуютъ.

Среди должностныхъ хивинскихъ лицъ, названія которыхъ мы не считаемъ нужнымъ передавать, встрѣчаются три категоріи, именно: 1) *которыя ханъ никогда не можетъ смѣнить*, 2) назначаемые лишь только въ военное время, по преимуществу начальники войска, 3) состоящіе на службѣ съ полученіемъ содержанія, которое состоитъ въ отводѣ для нихъ земель. Войско, числомъ 30,000 человекъ (въ случаѣ же опасности и болѣе), получая отъ хана оружіе и лошадей, освобождено отъ всякихъ податей и налоговъ.

Улемы, то-есть духовное сословіе, въ главѣ которыхъ стоитъ *накибъ*, первосвященникъ изъ сеидовъ, то-есть семейства Магомета, представляютъ собою шесть различнаго рода должностей, изъ коихъ первымъ тремъ отпускается содержаніе отъ хана, а послѣдніа довольствуются благочестивыми приношеніями, хотя по обычаю ханъ дѣлаетъ имъ также подарки въ большіе праздники. Они также завѣдуютъ и судебными дѣлами жителей, хотя каждый по своему усмотрѣнію можетъ обращаться съ просьбою къ губернатору города или провинціи, который рѣшаетъ въ такомъ случаѣ дѣла по своему усмотрѣнію и разумѣнію. Каждый губернаторъ, точно также и ханъ, долженъ ежедневно часа четыре дѣлать *азнъ*, то-есть публично выслушивать просителей и ихъ жалобы, куда допускаютъ всѣхъ безъ различія, такъ-что нерѣдко ханъ занимается разборомъ самыхъ мелочныхъ семейныхъ дразгъ и находитъ въ этомъ немалую для себя потѣху.

Доходы хана, кромѣ получаемыхъ отъ его земель и стадъ, происходятъ еще изъ *салыкта* — поземельной подати, которую обложена всякая удобная къ обработкѣ земля, и *секіата* — таможенной пошлины, взимаемой съ привозныхъ товаровъ, а также съ каждой головы домашняго скота. Такъ-какъ нѣтъ возможности пересчитать всякій разъ всѣхъ животныхъ у различныхъ кочевыхъ народовъ, то обыкновенно сборщикъ податей вступаетъ съ ними въ сдѣлки, въ ущербъ, конечно, интересамъ ханской казны.

Что же касается до политической исторіи Хивы, то изъ сдѣланнаго Вамбери краткаго очерка оной въ XIX столѣтіи можно вывести то заключеніе, что ханы хивинскіе постоянно находятся въ войнѣ какъ съ различными кочевыми племенами, подвластными

ми или сосѣдними съ ними, такъ и съ сосѣдними державами. Такъ ханъ Мехмед-Рехимъ (1804 — 1826), счастливо воюетъ съ Бухарою и опустошаетъ ее, а преемникъ его, Аллакули-Ханъ (1826 — 1841), продолжая ту же войну, но только несчастнымъ образомъ, узнаетъ, что русскія войска подъ начальствомъ Перовскаго идутъ по направленію къ Хивѣ изъ Оренбурга въ числѣ 80,000 человекъ, имѣя 100 пушекъ, что, однако, было очень преувеличено. Русскіе имѣли не болѣе 12,000 человекъ, и не дойдя шести миль до Кунграда, отступили; въ благодарность за подобное избавленіе, ханъ построилъ особенно богатую медресу. Послѣ войнъ съ джемшидами, кочевниками персидскаго племени, и сариками въ правленіе Рехимкуль-Хана (1841 — 43 г.), наступаетъ новый рядъ войнъ, веденныхъ его преемникомъ, Мехмедъ-емихсъ-ханомъ (1843—55). самымъ знаменитымъ хивинскимъ монархомъ новаго времени. Онъ восстановилъ прежнія границы ханства, утраченныя уже лѣтъ 400 тому назадъ, покорилъ много сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, и этимъ возвысивъ значеніе ханства, увеличилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его доходы. Въ нѣсколько походовъ Мехмедъ покоряетъ сариковъ, жившихъ близъ Мерва, текковъ—между этимъ городомъ и Ахаломъ, а также юматовъ, и пославъ войско противъ русскихъ, приближавшихся въ то время къ Хивѣ съ восточныхъ береговъ Аральскаго моря, отправляется самъ въ Мервъ, чтобы однимъ ударомъ покончить со всѣми туркменами. Въ этомъ походѣ онъ былъ убитъ въ своей палаткѣ во время внезапнаго ночнаго нападенія непріятелей, оставивъ Абдуллахъ-хану (1855 — 56), провозглашенному войскомъ его преемникомъ, тѣ же самыя войны, которыя онъ и самъ велъ. Сверхъ того теперь начинаются междоусобныя войны за ханскій престолъ, въ которыхъ погибаетъ Абдуллахъ; братъ же его, Кутлукъ-Мурадъ, правившій Хивою три мѣсяца, былъ вѣроломнымъ образомъ зарѣзанъ своимъ вотчимомъ, стоявшимъ во главѣ туркменовъ, во время нѣжныхъ объятій при торжественномъ свиданіи по случаю заключенія съ нимъ мира. Раздраженное населеніе Хивы взялось за оружіе и беспощадно истребляло туркменовъ, погибавшихъ отъ страха и ужаса даже подъ ножомъ женщинъ. Кровь лилась ручьями въ улицахъ Хивы, и цѣлыхъ шесть дней занимались уборкою труповъ. По прошествіи восьми дней послѣ этой рѣзни, впродолженіе которыхъ Хива оставалась безъ правителя, избранъ былъ наконецъ нынѣ царствующій ханъ Сайд-Мехметъ (1856 г.), съ тупоуміемъ котораго Вавверн познакомился во время своихъ съ нимъ аудіенцій. Междоусобія снова опустошаютъ Хиву и совершенно уничтожили поселенія, основанныя прежними ханами. Въ то время, какъ юмуты и эз-

бегн истребляли другъ друга, и обращали въ рабство женъ и дѣтей, вторгаются снова джемшиды, опустошаютъ всю Хиву и возвращаются безнаказанно домой, подтверждая этимъ справедливость изрѣченія: *inter duos litigantes tertius est gaudens*.

Наконецъ казалось, что холера, чума, всеобщая бѣдность и даже уменьшеніе населенія повидимому водворили тишину и спокойствіе, какъ вдругъ является въ Кунградѣ *претендентъ* на этотъ, еще завидуемый ханскій престолъ. Отправивъ чрезъ Мангишлакъ въ Астрахань пословъ къ русскому правительству съ просьбою о помощи, онъ начинаетъ новую съ ханомъ войну. Но посольство это, однако, было зарѣзано дорогою по приказанію хана, а вскорѣ и самъ претендентъ былъ умерщвленъ своими приверженцами; главнымъ же зачинщикамъ возстанія привязали плотно руки къ тѣлу, обшивъ ихъ моврою кожею, и въ такомъ видѣ отправили въ Хиву, гдѣ ихъ ожидала страшная казнь.

Подобныя внутреннія обстоятельства очевидно не могутъ способствовать развитію въ Хивѣ промышленности и торговли. Съ Персією и Гератомъ торговля ея незначительна, потому что ведущія въ эти страны дороги находятся въ рукахъ хищныхъ туркменовъ. Съ Астрабадомъ и Хивою торгуютъ одни іомуты, отправляющіе ежегодно около 100—150 верблюдовъ съ буквенимъ деревомъ для гребней и нефтью. Торгъ съ Бухарою значительнѣй, куда отправляютъ плотно и халаты, получая за это чай, пряности, бумагу, галантерейныя вещи и т. д. Но наиболѣе значительную торговлю производитъ Хива съ Россією, отправляя ежегодно весною—въ Оренбургъ, а осенью—въ Астрахань, караваны въ 2,000 верблюдовъ, съ хлопчатой бумагою, шелкомъ, шкурами, кожею, платьями для ногайцевъ и татаръ, фруктами и т. д., и получая за это разныя желѣзныя издѣлія, каленкоръ, парусину, сукно, сахаръ, плохія ружья и галантерейныя вещи. Вывозится также немало сушеной рыбы, за которою, впрочемъ, русскіе купцы сами прѣзжаютъ подъ покровительствомъ трехъ пароходовъ, находящихся на Аральскомъ морѣ, которые, на основаніи послѣдне-заключеннаго трактата, имѣютъ право ходить до Кунграда—города, расположеннаго, какъ извѣстно, на Окусѣ или Аму-Дарьѣ, въ немаломъ разстояніи отъ Аральскаго моря.

Что же касается внутренней торговли страны, то въ каждомъ городѣ бываетъ еженедѣльно одинъ или два торговыхъ дня. Даже въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ исключительно кочевниками, гдѣ нѣтъ ни одного зданія, возводится *базарм-джай*, то-есть рынокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ глиняныхъ избушекъ, чтобы производить торгъ, который въ этихъ мѣстахъ принимаетъ всег-

да особенно праздничный видъ. Житель Средней Азіи посѣщаетъ такой рынокъ иногда миль за 10 или 20 съ тѣмъ, чтобы купить перѣдво нѣсколько иглокъ или тому подобныя бездѣлицы—что, конечно, одианъ только предложить; главное же—показать свое щегольство, потому что, отправляясь на торгъ, онъ надѣваетъ лучшее платье и оружіе и садится на отличнѣйшаго коня.

Пробывъ почти цѣлый мѣсяцъ въ Хивѣ, Вамбери вмѣстѣ съ прежними своими спутниками отправляется 27-го іюня въ Бухару, напутствуемый безконечными объятіями, лобзаніями и благословеніями хивинскихъ жителей, благочестіе и набожность которыхъ имѣли весьма выгодное вліяніе и на матеріальное положеніе нашихъ странствующихъ бѣдняковъ. Жалкія лохмотья можно было увидѣть теперь только развѣ у самаго бережливаго; разорванную мѣховую шапку, которая служила имъ до Хивы, замѣнилъ бѣлый какъ снѣгъ тюрбанъ, всѣ сумки были плотно набиты разными вещами, и пріятно было видѣть, что даже самый бѣднѣйшій хаджи имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи осла. Вамбери же сверхъ осла пользовался въ половинѣ съ другимъ дервишемъ еще и верблюдомъ, навьюченнымъ разною одеждою, нѣкоторыми рукописями и въ особенности провіантомъ, который состоялъ не изъ одной грубой муки, какъ до этого было, но изъ блага хлѣба, испеченнаго на бараньемъ салтѣ, изъ риса, масла и даже сахара и чая. Впрочемъ, Вамбери не хотѣлъ надѣвать рубашки, хотя и имѣлъ таковую, опасаясь чтобы эта роскошь не изнѣжила его, что было преждевременно.

Подвигаясь среди непрерывныхъ, хорошо воздѣланныхъ полей, по дорогѣ, осѣненной тутовыми деревьями, путешественники, пройдя Годше, достигли Ханка, незначительнаго мѣстечка недалеко отъ Оксуса, на правый берегъ котораго надлежало имъ переправиться. При высокой, вслѣдствіе весеннихъ дождей, водѣ, Оксусъ съ своими быстро несущимися желтыми волнами представлялъ картину столь же оживленную, какъ и привлекательную, чему немало способствовали его берега, изъ которыхъ лѣвый былъ покрытъ деревьями и многочисленными сельскими дворами (хавіисъ); правый же, представлявшій лишь слабые признаки земледѣлія, окаймленъ былъ теряющимися въдали горами Овейс-Каравиъ. Вода Оксуса, по причинѣ быстроты теченія, содержитъ очень много песку, но отстоявшись, имѣетъ очень пріятный вкусъ, не встрѣчающійся въ прочихъ рѣкахъ и источникахъ, какъ Азіи такъ и Европы. Рано утромъ началась переправа, которая здѣсь, равно какъ при Гёрденѣ и Хесареспѣ, составляетъ монополію государства и сдается имъ частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ съ ихъ стороны не перевозить на другой берегъ чужеземцевъ, неимѣющихъ установлен-

наго для проѣзда и перевоза вида (*нетекъ*). Выдаваемый ханомъ, видъ этотъ содержитъ общезнакомыя намъ слова: «чтобы смотрители на пограничныхъ заставахъ и перевозахъ, не задерживая такого-то, чинили бы ему свободный пропускъ и проѣздъ». Переправа на другой берегъ продолжалась не болѣе получаса, но поемы пристали къ желемому мѣсту, прошелъ цѣлый день отъ 10 часовъ утра до вечера подъ страшно палящимъ солнцемъ, по той причинѣ, что лодку теченіемъ снесло очень далеко и она должна была разными протоками то подыматься, то снова спускаться, причемъ весьма часто садилась на песчанья отмели. Переправивъ потомъ и верблюдовъ, наши путешественники, послѣ длиннаго въ восемь миль оазиса (Яккенари), хорошо воздѣланнаго эзбегами, достигли края большой степи, при которомъ кербан-баши и Вамбери съ двумя спутниками, оставивъ караванъ, направились за разными покупками, собственно для развлечения, въ Шураханъ на ежедневлю происходящій въ этомъ мѣстѣ торгъ.

Шураханъ, обруженный землянымъ валомъ, имѣя очень малое число обитаемыхъ домовъ, состоитъ преимущественно изъ 320 небольшихъ кладовыхъ, которыя, открываемыя два раза въ недѣлю, посѣщаются кочевниками и мѣстными жителями. Недалеко отъ городскихъ воротъ находится *калентерхане*, то-есть притонъ (подворье) для дервишей, въ которомъ нѣсколько дервишей, странно исхудалые и изнеможенные отъ смертоноснаго употребленія опиума, бенга и дшерса, лежали, словно скелеты, на сыромъ полу темной каморки. Впрочемъ, они приняли ласково Вамбери, принесли ему хлѣба и плодовъ и засмѣялись надъ намѣреніемъ его дать имъ нѣсколько денегъ; многіе изъ нихъ, какъ оказалось, лѣтъ около двадцати не брали денегъ въ руки, находясь на полномъ содержаніи сосѣднихъ эзбеговъ. Можно замѣтить при этомъ, что въ Хивѣ, гдѣ употребленіе вина и прочихъ хмѣльныхъ напитковъ, запрещенныхъ кораномъ, наказывается правительствомъ смертною казнію, бенгъ, приготовляемый изъ коноплянаго сѣмени, составляетъ любимое наркотическое средство, къ которому очень многіе прибѣгаютъ. На рынкѣ была толкотня страшная, причемъ всѣ, то-есть продавцы и покупатели, были *верхомъ на лошадахъ*, что казалось столь же страннымъ, какъ и смѣшнымъ, особенно когда биргизка, сидя верхомъ, подставляла лежащій на ея плечахъ большой мѣхъ, наполненный кумсомъ, къ губамъ желавшаго напиться, причемъ ловкость, выказываемая обѣими сторонами, была такъ велика, что капли этого любимаго напитка рѣдко пропадали даромъ, падая на землю. Кстати замѣтимъ, что напитокъ въ жаркое время жаждущаго путешественника, считается высшею степенью гостеприимства, и что доставивъ киргизу случай выполнить подобную обязан-

ность, предписанную одинаково религіею и обычаемъ, дѣлаютъ ему — этимъ самымъ истинное благодѣяніе. Поэтому нисколько не удивительно было, что дорогою изъ всѣхъ изрѣдка встрѣчавшихся киргизскихъ палатокъ, немедленно выбѣгали на встрѣчу каравану женщины съ мѣхами, и едва не начинали между собою драки, какъ скоро одной изъ нихъ не удавалось кого-либо напоить. Караванъ, по случаю сильныхъ жаровъ, шелъ только ночью и представлялъ собою при лунномъ свѣтѣ въ степи очаровательную картину, особенно если присоединить къ тому же съ лѣвой стороны — страшную пустыню, а съ правой — шумящія волны Оксуса, по берегу котораго, поросшему высокою травою и кустарникомъ, пролегла пока дорога каравану, считавшаяся сильно посѣщаемою, хотя намъ никто не попадался на встрѣчу ему, кромѣ пограничныхъ сторожей и гочующихъ киргизовъ. Однажды, въ продолженіе десяти часовъ, видѣли мы, говоритъ Вамбери, три киргизскія семейства, которыя одно за другимъ прожили недалеко отъ насъ на одномъ мѣстѣ не болѣе 3 часовъ каждое, и отправились далѣе, представивъ мнѣ вполне вѣрную картину кочевой жизни. На мое замѣчаніе о подобной кочевой жизни одна киргизка, смѣясь, сказала мнѣ: «мы не будемъ же столь лѣнны, какъ муллы (священники), оставаясь по цѣлымъ днямъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Человѣкъ долженъ быть въ движеніи, потому что все его окружающее движется, какъ на примѣръ, солнце, луна, звѣзды, вода, звѣри, птицы, рыбы и т. д., только земля и мертвецы пребываютъ въ покоѣ». Я хотѣлъ уже сдѣлать нѣсколько замѣчаній на эти философскія воззрѣнія киргизки, занятой уборкою палатки, какъ вдругъ она стремглавъ пустилась бѣжать къ недалекому находившемуся стаду, услышавъ крики «бюри, бюри» (волкъ)! Вскорѣ однако она вернулась, но очень опечаленная тѣмъ, что волкъ, несмотря на ея крики, похитилъ барана, и я не хотѣлъ увеличивать ея горя разспросами о пользѣ волчьихъ движеній.

Отдыхая днемъ на берегу Оксуса, воды котораго хотя нѣсколько умѣряли палящій жаръ іюля мѣсяца, мы были однажды подвержены большой опасности, отъ которой спаслись единственно въ силу особенной покорности судьбѣ, свойственной восточнымъ народамъ и оказавшейся на сей разъ вполне основательною. 4-го іюля, предъ самымъ восходомъ солнца, завидѣли мы двухъ полуодѣтыхъ людей, которые съ крикомъ: «хлѣба, хлѣба», пали предъ нами на землю. Оказалось, что это лодочники изъ Хесареспа, до-чиста ограбленные туркменами изъ племени текковъ, которые, въ числѣ 150 человекъ, намѣревались напасть на кочующихъ въ этихъ мѣстахъ киргизовъ: «ради Бога, бѣгите и спрячьтесь какъ знаете, говорили они, но только скорѣе, потому что въ нѣсколько часовъ вы повстрѣ-

чае тебковъ, которые, обобравъ васъ до-чиста, оставить въ степи, будь вы даже всѣ набожные путешественники». Нашъ керван-баши, уже два раза ограбленный хищниками и съ трудомъ оставшійся въ живыхъ, услыхавъ только слова: «текки, ассаманъ» (набѣгъ), немедленно приказалъ каравану идти назадъ какъ можно скорѣе. Бѣжать на тяжело навьюченныхъ верблюдахъ отъ быстрыхъ туркменскихъ всадниковъ было совершенно безумно; но сообразивъ, что они могутъ настичь насъ переправившись чрезъ рѣку не ранѣе утра, мы надѣялись достигъ снова мѣстечка Тюнюклу (на Оксусѣ), въ которомъ мы бы запаслись водою и свернули на другую дорогу, именно чрезъ песчаную степь Ханата. Предположеніе наше вполнѣ оправдалось, но тутъ встрѣтилось новое обстоятельство. Многіе изъ нашихъ спутниковъ, не желая пускаться въ лѣтніе жары чрезъ степь, въ которой легко погибнуть отъ жажды или тебада (знойный восточный вѣтеръ), рѣшились ѣхать на лодей назадъ. Возвращеніе въ Хиву могло разрушить весь планъ моего путешествія; жизнь моя подвергалась вездѣ одинаково опасности, и предпочитая сдѣлаться жертвою стихій нежели истязаній здѣшнихъ деспотовъ, я рѣшился съ немногими другими послѣдовать за нашимъ керван-баши, немедленно выступившимъ въ степь Халату, соблюдая самую глубокую тишину, чтобы не быть замѣченными туркменами. Мы опасались только, чтобы насъ не выдали осли наши, показавъ не во время и совершенно не кстати свой голосъ, намъ и безъ того уже слишкомъ знакомый. Зная уже изъ опыта, что такое путешествіе въ степи, мы съ ужасомъ вступали въ это новое необозримое пространство, несодержашее даже и соленой воды. Съ невыразимою грустію обращали мы наши взоры на болѣе и болѣе скрывавшійся отъ насъ Оксусъ, очаровательно освѣщенный лучами заходящаго солнца, и даже верблюды, вдоволь напившіеся, долго глядѣли въ томъ же самомъ направленіи, въ то время какъ ноги ихъ вязли по колѣно въ тонкомъ пескѣ. Название первой станціи—адамкирилганъ, то-есть гибель людей, вполнѣ соответствовало мѣстности. Представьте себѣ необозримое песчаное море, которое или подобно тихому озеру представляетъ лишь слегка волнистую поверхность, или же, подобно бурному океану, вздымаетъ при порывахъ вѣтра страшные волны песка. Кругомъ васъ — полное отсутствіе жизни; ни одной птицы въ воздухѣ, ни малѣйшаго насѣкомаго или растенія на землѣ; вы видите одни лишь слѣды угасшей жизни, остовы погибшихъ тутъ людей и животныхъ, собранные въ груды съ тѣмъ, чтобы служить указаніями въ этомъ опасномъ пути. Мы были вполнѣ спасены отъ туркменовъ, потому что нивакажъ лошадь въ мѣрѣ не въ состояніи сдѣлать здѣсь даже одного перелома; но были ли мы спасены отъ опасности со стороны стихій —

вотъ вопросъ, который разрушалъ даже всякое восточное равнодушіе, лучшимъ доказательствомъ чему служило мрачно-задумчивое выраженіе лицъ моихъ спутниковъ во все время нашего путешествія въ этой степи.

Переходъ изъ Тюньюку до Бухары продолжается обыкновенно шесть дней, причѣмъ послѣ трехдневнаго пребыванія въ песчаной степи встрѣчалась уже плотная поверхность земли, поросшая мѣстами травой. Взятой съ собою воды было достаточно намъ дней на пять, такъ что мы бы остались безъ воды день или много полтора, но въ первый же день мы замѣтили, что несмотря на всю нашу бережливость, она значительно уменьшается, немалою причиною чему было испареніе ея отъ солнца. Нужно было увеличить бережливость и охраненіе, которое дошло до того, что мы даже стали держать мѣхи съ водою въ нашихъ рукахъ, представляя такимъ образомъ весьма смѣшное зрѣлище. Желая поскорѣе выбраться изъ песковъ, чтобы чрезъ это въ меньшей степени опасаться губительнаго теббада, который здѣсь могъ насъ въ одну минуту похоронить заживо, мы дѣлали даже переходы въ 5 и 6 часовъ въ продолженіе дневнаго жара, чѣмъ немало истомили нашихъ верблюдовъ, изъ коихъ двое скоро и околѣли. Но и безъ теббада томительный жаръ въ продолженіе трехъ дней до того лишилъ всѣхъ насъ силъ, что двое изъ нашихъ спутниковъ, шедшихъ по слабости своихъ верблюдовъ пѣшкомъ, захворали и мы должны были привязать ихъ на верблюдахъ, потому что они не въ состояніи были сидѣть на нихъ. Прикрытые отъ непосредственнаго вліянія солнечныхъ лучей, они тѣмъ не менѣе не переставали произносить единственно слова «воды, воды», пока имѣли еще на столько силы. Но даже самые искренніе друзья, къ сожалѣнію, отказывали имъ въ этомъ и одинъ изъ нихъ былъ скоро избавленъ смертію отъ страшныхъ мученій, причиняемыхъ жаждою. Языкъ его былъ совершенно черенъ, небо—сѣро-бѣлое, черты лица довольно спокойныя и только однѣ губы сильно сморщены, оттого ротъ его оставался открытъ. Въ этомъ состояніи едва-ли помогла бы ему и вода уже, да причѣмъ кто же обязанъ былъ ему ее дать? Страшно смотрѣть, какъ отецъ прячетъ отъ сына, а братъ отъ брата свою воду потому, что каждая капля ея—составляетъ жизнь; при мученіяхъ отъ жажды не встрѣчается, какъ это мы видимъ при другихъ опасностяхъ жизни, ни самопожертвованія, ни возвышеннаго чувства состраданія.

Усталость нашихъ животныхъ заставила насъ пробить лишній день въ пескахъ. У меня осталось уже не болѣе шести стакановъ воды, которую я пилъ по каплямъ, страшно страдая отъ жажды. Къ моему ужасу языкъ мой сталъ чернѣть посерединѣ и я разомъ выпилъ половинное количество моей воды, надѣясь этимъ спасти

себя. Надежда эта оказалась тщетною. Внутренній жаръ, сопровождаемый сильною головою болью, все усиливался, и когда на пятый день (9-го іюни) стали показываться вдали слабыя очертанія горнаго хребта Халата, силы мои понемногу измѣняли уже мѣ. По мѣрѣ приближенія къ горамаъ песокъ уменьшался и всѣ искали глазами стада или какой-нибудь палатки, какъ вдругъ нашъ верван-баши обратилъ вниманіе на приближающееся облако пыли и велѣлъ слѣзать съ верблюдовъ. Животныя, чуя уже приближеніе тебада, съ громкимъ и сильнымъ ревомъ пали на колѣна, выгнули длинныя свои шеи по землѣ, и старались спрятать головы въ песокъ. Едва укрылись мы за ними, какъ за стѣною, какъ вихрь съ глухимъ воемъ пролетѣлъ надъ нами, осыпавъ насъ пальца на два пескомъ, первыя зерна котораго жгли какъ искры. Случись это съ нами миль за шесть ранѣе въ степи — мы всѣ бы погибли.

Къ вечеру достигли мы колодца, вода котораго оказалась негодною для людей; мы могли только поить ею нашихъ животныхъ и хотя нѣсколько оживить ихъ; сами же мы ходили на полумертвыхъ, которыхъ оживляла надежда на спасеніе, имѣвшая теперь достаточное основаніе. Я самъ не могъ слѣзать съ сѣдла; внутренность моя горѣла, а отъ сильной головной боли я словно оглохъ. Перо мое не въ силахъ изобразить картину тѣхъ мученій, которымъ подвергала насъ жажда; я полагаю, что нѣтъ болѣе мучительной смерти, какъ вслѣдствіе жажды: я думалъ, что мои послѣднія минуты уже наступили. Въ полночь мы тронулись далѣе; я заснулъ и очнулся на другой день въ глиняной избѣ, окруженный людьми съ длинными бородами. Я не имѣлъ силъ отвѣчать на ихъ замѣчанія: «вѣдь ты не хаджи», и только подкрѣпивъ себя кислымъ молокомъ съ водою и солью, узналъ я, что нахожусь въ гостяхъ у персидскихъ невольниковъ, которые среди степи, въ разстояніи десяти миль отъ Бухары, стерегутъ стада своихъ господъ и скучно снабжены хлѣбомъ и водою, съ тою цѣлю чтобы отвратить попытки съ ихъ стороны къ бѣгству на родину чрезъ степь, что было бы возможно при достаточномъ провіантѣ. Но тѣмъ не менѣе эти бѣдные невольники изгнанники были на столько великодушны, что дали намъ, своимъ заклятымъ врагамъ суннитамъ, воды и особенно были милостивы ко мнѣ, говорившему съ ними на родномъ ихъ языкѣ.

Миновавъ вскорѣ всю степь со всѣми сопряженными съ нею опасностями погибнуть отъ жажды, вѣтра, разбойниковъ и тому подобныхъ несчастныхъ случаевъ, мы достигли наконецъ границъ ханства бухарскаго, и дойдя часа чрезъ два до Хакемира, небольшой деревни, очутились уже среди очень порядочно воздѣланной

мѣстности, орошенной посредствомъ множества каналовъ водами Карасу.

Въ Хавемірѣ, недалеко отстоящемъ отъ Бухары, должны мы были ночевать съ тою цѣлю, чтобы согласно постановленіямъ страны, сборщикъ мыта (таможенной пошлины) и докладчикъ, опрашивающій прїѣзжающихъ, имѣли возможность произвести внѣ города подробный намъ осмотръ и опросъ. Въ тотъ же самый день былъ отправленъ нарочный въ городъ съ извѣстіемъ о приходѣ каравана, а на другой день очень рано утромъ явились три офицера отъ эмира съ весьма важными бюрократическими фізіономіями, чтобы получить съ насъ пошлину и собрать въ особенности свѣдѣнія какъ о насъ самихъ, такъ и о сосѣднихъ странахъ. Хаджи по преимуществу имѣли съ собою святыя вѣщи изъ Мекки, финики изъ Медины, гребни изъ Багдада, ножи, ножницы, наперстки, небольшія зеркала изъ Френгистана и т. д., и увѣряли, что съ нихъ пошлины никогда не берутъ, но это нисколько не смутило офицера, который записалъ каждую малѣйшую вещь отдѣльно. Послѣ этого начался опросъ. Особый офицеръ записывалъ съ необычайною подробностію всѣ предметы и наружные признаки каждаго прїѣзжаго и всѣ новости, которые сообщались. Необычайно смѣшны были подробные разспросы о Хивѣ, странѣ родственной Бухарѣ по языку, религіи и племенному происхожденію жителей, которая сотни лѣтъ уже какъ граничитъ съ нею и столица которой отстоитъ всего только на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Бухары.

Выполнивъ все это, мы направились далѣе, и пройдя не болѣе получаса по мѣстности, украшенной садами и тщательно воздѣланными полями, увидѣли вдали неуклюжія башни благородной Бухары (Бохара-Шерифъ, какъ называютъ этотъ городъ жители Средней Азіи), покрытыя всѣ безъ исключенія гнѣздами аистовъ. Не вдалекѣ отъ города переправились мы чрезъ быстрый, хотя и мелкій Сераршанъ, по берегу котораго виднѣлись развалины красиваго, высокаго, каменнаго моста, а съ нимъ рядомъ каменнаго дворца, составляющіе почти единственные остатки прежняго величія Бухары, обружности которой не болѣе четырехъ миль, хотя, по сказаніямъ жителей, едва можно обойти ее въ день. Но это очевидно-хвастовство со стороны бухарцевъ, увѣряющихъ также, что въ ихъ столицѣ находится до 360 всякаго рода мечетей, вслѣдствіе чего набожный мусульманинъ можетъ посѣщать будто бы почти въ теченіе года всякій день какую либо другую; на дѣлѣ едва оказывается и половина этого числа мечетей, изъ коихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ не болѣе *пяти*. Точно такъ же преувеличено число медресъ; ихъ не болѣе 80, хотя бухарцы увѣряютъ опять, что ихъ 360, въ томъ числѣ одна построена по приказанію императ-

риды Екаторины II, ея посланикомъ. Эти училища Бухары и Самарканды были причиною того, что не только въ мусульманскихъ странахъ, но даже и въ Европѣ долгое время существовало очень выгодное мнѣніе о высокомъ уровнѣ образования, получаемомъ народомъ посредствомъ этихъ дикшикъ учебникъ заведеній Средней Азіи. Готовность и пожертвованія, дѣлаемыя на сооруженіе подобныхъ учреждений, легко могли быть приняты и въ европейскихъ государствахъ за признаки возвышеннаго стремленія къ успѣхамъ образования. Но, къ сожалѣнію, въ основаніи этого лежатъ слѣпой фанатизмъ, и какъ въ средніе вѣка, такъ и теперь, въ этихъ высшихъ училищахъ, за исключеніемъ основныхъ понятій логики и философіи, занимаются единственно кораномъ и религіозными вопросами. Если и встрѣчается весьма рѣдко кто либо занимающійся поэзіею или исторіею, то онъ дѣлаетъ это въ тайнѣ, потому что заниматься подобными мелочными предметами считается постыднымъ на Востоцѣ. Общее число учениковъ доходитъ до 5,000, которые стекаются сюда не только со всѣхъ странъ Средней Азіи, но также изъ Индіи, Кашмира, Афганистана, Китая и даже Россіи, при чемъ бѣднѣйшіе изъ нихъ получаютъ ежегодно отъ эмира пособіе. Этими медрессами и необычайно строгимъ соблюденіемъ корана Бухара имѣетъ могущественное вліяніе на соседнія земли.

Мнѣ отвели комнату въ главномъ притонѣ мусульманскаго фанатизма въ Бухарѣ, именно въ текиѣ — правильномъ четырехугольномъ близъ мечети зданіи, осѣненномъ деревьями, въ нижнемъ этажѣ котораго было 48 каморъ. Этими я былъ обязанъ докладу офицера, снимавшаго съ насъ допросъ, который почему-то считалъ мой пріѣздъ за особенно важное обстоятельство. Меня считали за самаго истаго и ученаго муллу, что мнѣ было, конечно, очень пріятно, ибо только благодаря этому, а также совѣтамъ моихъ спутниковъ, со мною не случилось никакого несчастья въ странѣ, которая, по печальной судьбѣ всѣхъ моихъ предшественниковъ, представляется опасною не только для европейцевъ, но также и для всѣхъ иностранцевъ вообще, потому что шпіонство правительства этой страны достигло самаго полного совершенства, вмѣстѣ съ полнымъ развращеніемъ народонаселенія.

Въ сопровожденіи нѣкоторыхъ деревнишей, пошелъ я осмотрѣть городъ и базары. Бѣдность и нищета домовъ, превосходящая даже самыя жалкія помѣщенія въ персидскихъ городахъ, въ особенности неимоверная пыль дали мнѣ весьма неблагоприятное понятіе о благой Бухарѣ, но тѣмъ не менѣе я былъ совершенно пораженъ, очутившись въ первый разъ среди пестрой толпы на базарѣ, между рядами цѣлой массы торговыхъ палатокъ. Встроенныя по

преимуществу, какъ дерева, причемъ жерѣдка встрѣчаются обтянутыя платанимъ тростникомъ, зданія эти по величинѣ, красотѣ и великолѣпію далеко уступаютъ базарамъ въ Тегератѣ, Таврисѣ и Испагани, но представляютъ поразительное и своеобразное зрѣлище для иностранца разнообразіемъ типовъ, различіемъ въ нравахъ и дестротою одежды своихъ посѣтителей.

Большинство присутствующихъ принадлежало иранскому племени, при чемъ муллы и благородные были въ бѣлыхъ турбанахъ, а бушцы, слуги, ремесленники — въ синихъ. Затѣмъ всего болѣе выдавались всякаго рода татарскія лица, отъ азбига до дивана киргиза включительно; впрочемъ, этихъ туранцевъ можно также отличить отъ иранцевъ по одной ихъ неуклюжей походкѣ. Среди этихъ двухъ главныхъ азіатскихъ племенъ встрѣчались также индѣйцы (мултани, какъ ихъ тутъ зовутъ), которые съ красною чертою на лбу, и съ желтымъ отталкивающимъ лицомъ, могли бы служить прекрасными пугалами для птицъ; евреи, съ прекрасными чертами лица и очаровательными глазами, имѣя нѣчто въ родѣ польской шапки на головѣ, и съ веревкою вокругъ пояса; туремени, съ смѣлымъ взглядомъ, соображавшіе повидимому о томъ, какъ должно быть выгодно сдѣлать алмазь (набѣгъ); афганцы въ длинной рубашкѣ, съ грязными растрепанными волосами, съ кажимъ-то полотномъ, накинутымъ на плечи на манеръ римской тоги, и очень походившіе на людей, выскочившихъ ночью изъ дома, объятаго пламенемъ и т. д. Всѣ они суетлились, ходили изъ угла въ уголъ, но базаръ тѣмъ не менѣе нисколько не представлялъ той шумной жизни, которая встрѣчается на базарахъ въ Персіи. Въ лавкахъ находилось очень мало западно-европейскихъ товаровъ, доставляемыхъ сюда чрезъ Оренбургъ, но множество русскихъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ издѣлій, которыхъ въ этомъ отдаленномъ городѣ имѣютъ тотъ лишь интересъ для путешественника, что при видѣ катушки съ бумагою и наклеенной на ней вадлисы, онъ ощущаетъ нѣчто такое, какъ будто онъ встрѣтился съ своимъ землякомъ. Сердце мое билось отъ радости, читая слова «Манчестеръ», «Бирмингамъ» и т. д., но въ то же самое время, я страшно боялся выдать себя однимъ лишь чтеніемъ этихъ словъ.

Несмотря на то, что хлопчато-бумажныя издѣлія продаются не только въ 284 лавкахъ этого базара, но и во многихъ другихъ, можно тѣмъ не менѣе сказать, что въ Таврисѣ мой пріятель Ханхартъ и К., одинъ продаетъ ихъ на столько же, на сколько продается ихъ во всемъ городѣ Вухарѣ, несмотря на то, что она по всей справедливости считается главнымъ городомъ Средней Азіи. Для меня былъ гораздо занимательнѣе базаръ, предназначенный для продажи произведеній туземной промышленности, среди кото-

рыхъ отличались полосатыя двухцвѣтныя бумажныя твани, довольно узкія, называемыя аладша, различными шелковыя издѣлія отъ самыхъ тончайшихъ, какъ паутина, платковъ до тяжелой матеріи — атресь, и въ особенности различные кожаныя вещи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно отличаются сапожники и башмачники. Нельзя не упомянуть также о базарѣ, гдѣ продаются готовыя платья, по преимуществу свѣтлыхъ цвѣтовъ, блестяшія и изобилующія складками. Житель Востока, котораго только тутъ и можно видѣть во всей его оригинальности, очень любитъ тшахт-шухъ, то-есть звукъ шумящаго платья, и потому весьма смѣшно смотрѣть, какъ примѣривъ платье онъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ, чтобы испытать также и силу этого любимаго имъ звука. На этомъ рынкѣ встрѣчаются издѣлія одной лишь туземной промышленности, до крайности дешевыя, вслѣдствіе чего Бухара снабжаетъ модными платьями всѣхъ правовѣрныхъ Средней Азіи, даже за предѣлами китайской Татаріи; ихъ раскупаютъ киргизы, кипчаки, калмыки и даже полудикіе татары, считающіе Бухару апогеею цивилизаціи; это ихъ Парижъ или Лондонъ.

Желая отдохнуть, направились мы чрезъ чайный базаръ къ извѣстному въ Бухарѣ правильному четырехугольнику, посреди котораго находился глубокій и широкій прудъ. На берегу выложенномъ камнями, росли прекрасныя вязы, подъ тѣнію которыхъ стояли неизбѣжныя чайныя лавки съ колоссальными самоварами, нарочно изготовляемыми въ Россіи для Бухары. На трехъ сторонахъ площади продавались въ лавкахъ и навѣсахъ сласти, фрукты, хлѣбъ, различнаго рода кушанья и представляли собою очень оригинальный видъ, если присоединить къ этому праздную и голодную толпу людей, окружавшихъ какъ мухи всѣхъ этихъ продавцовъ. Съ четвертой, западной стороны, веда возвышался терраса къ мечети, подъ деревьями которой дровиши и сказачики (меддахъ) со страшною мимикою повѣствовали въ стихахъ и прозѣ о подвигахъ знаменитыхъ пророковъ и государей предъ любопытною толпою, всегда жадно слушающею ихъ сказанія. Для довершенія любопытнаго зрѣлища, около пятнадцати чловѣкъ дровишей изъ ордена накишбенди, мѣстомъ первоначальнаго основанія и главнымъ центромъ котораго считается этотъ городъ, отправились на еженедѣльную свою процесію. Я никогда не забуду этихъ дико-воодушевленныхъ людей, съ высокими, конусообразными шапками и распущенными волосами, которые съ длинными палками въ рукахъ прыгали словно одержимые бѣсами, распѣвая во все горло какой-то гимнъ, отдѣльныя строфы котораго предварительно запѣваль ихъ сѣдой предводитель.

Несмотря на то, что я до того измѣнился отъ солнца, что меня

съ трудомъ узнала бы моя мать, толпа любопытныхъ немедленно окружала меня на площади, и надоѣдала страшно объятіями и рукопожатіями. Я слышалъ нерѣдко, какъ вокругъ меня замѣчали: «Какую нужно имѣть набожность и благочестіе, чтобы придти изъ Константинополя въ Бухару единственно съ тою цѣлію, чтобы поклониться нашему Ваведину». (Это — имя знаменитого въ мусульманскомъ мірѣ аскета и святого, основателя ордена накиншбенди, послѣдователи котораго встрѣчаются въ Индіи, Китаѣ, Персіи, Аравіи и Турціи; онъ умеръ въ 1388 году).

Да, говорилъ другой, мы, правда, съ трудомъ также посѣщаемъ Мекку—самое святѣйшее мѣсто на землѣ; но эти люди (при этомъ указывали на меня), всю жизнь ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ молитвою, благочестіемъ и хожденіемъ къ святымъ мѣстамъ. Я радовался, что мое инокство пользуется такимъ успѣхомъ въ Бухарѣ. Во все время моего пребыванія въ главномъ городѣ Туркестана, народъ, который тутъ очень хитеръ и коваренъ, никогда не смотрѣлъ на меня подовригательно, приходилъ за благословеніемъ, слушалъ мои рассказы на площадяхъ о великомъ шейхѣ Багдада, хвалилъ меня, но никому изъ насъ никогда не далъ даже полущки, чѣмъ кажущаяся набожность здѣшнихъ жителей очень отличалась отъ встрѣчаемаго у хивинскихъ эзбоговъ истиннаго благочестія и особенной склонности къ благодѣаніямъ. Справиться съ правительствомъ было нѣсколько труднѣе. Ко мнѣ постоянно подсылали шпионовъ, которые своими длиннѣйшими разговорами о Френгистанѣ (Франціи) надѣялись, что я какимъ нибудь замѣчаніемъ себя наконецъ да выдамъ. При этомъ разсказывали они мнѣ о недавно прибывшихъ и посаженныхъ въ тюрьму французахъ (итальянцахъ), которые привезли съ собою нѣсколько ящиковъ съ чаемъ, обсыпаннымъ брилліантовою пылью, съ цѣлію отравить всѣхъ обитателей города, могутъ обращать день въ ночь и дѣлать тому подобныя адскія штуки. Шпионы эти были большею частію хаджи, жившіе долгое время въ Константинополѣ, которые, видѣвъ съ тѣмъ, хотѣли повѣрить мое знакомство съ языкомъ и обстоятельствами Турціи. Видя всю безполезность подобныхъ попытокъ, ко мнѣ подослали начальника книгопродавцевъ, который показалъ мнѣ нѣсколько англійскихъ и итальянскихъ бумагъ, а также списокъ книгъ, оставленныхъ ему за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ русскимъ посольствомъ. Кинувъ презрительный взглядъ на все это, я воскликнулъ: «Слава Аллаху! моя память не запятнана еще французскою ученостію и чужестранными книгами, какъ это, въ сожалѣніи, часто встрѣчается между константинопольскими турками!»

Наконецъ, управлявшій ханствомъ за отсутствіемъ самого эми-

ра (который въ то время участвовалъ въ походѣ противъ Канда-
 нель), пригласилъ меня къ себѣ очень вѣжливо на шипавъ, при-
 чемъ былъ собранъ цѣль бухарскихъ улемовъ. Я замѣтилъ, что
 мнѣ предстоитъ самое тяжкое испытаніе, и чтобы не быть замѣ-
 нутымъ разными съ ихъ стороны вопросами, мнѣ оставалось при-
 нять на себѣ роль крайне любознательнаго мусульманина. Я на-
 чалъ разспрашивать ихъ о различныхъ релігіозныхъ вопросахъ и
 постановленіяхъ такъ удачно, что въ непродолжительное время
 возникъ страшный споръ между улемами о священныхъ книгахъ
 и ихъ содержаніи, причѣмъ я принималъ самое умѣренное и остро-
 рожное участіе, высказывая, однако, совершенно ясно ясное пре-
 восходство бухарскихъ улемовъ: нѣтъ, надо мнѣ, но и жадн
 всѣми улемами Константинополя.

Послѣ благополучнаго окончанія этого испытанія, я жилъ уже
 совершенно спокойно въ Бухарѣ.

Совершивъ утромъ всѣ обязанности, налагаемыя на меня моимъ
 званіемъ дервиша, отправлялся я на базарный базаръ, имѣвшій 26
 лавочъ, въ которыхъ печатная книга принадлежить къ числу рѣд-
 костей. Впрочемъ, я нѣрѣдко встрѣчалъ тутъ истинныя драгоцен-
 ности, въ высшей степени важныя для исторіи и филологіи Востока;
 и рѣшительно не могъ ихъ пріобрѣсти, потому что не имѣлъ до-
 статочнохъ на то средствъ, а главное — до крайности повреждалъ
 бы своему нѣкогда подобнымъ сочувствіемъ свѣтскимъ дѣ-
 ламъ. Съ большимъ трудомъ привезъ я съ собою кое-что изъ
 вышнихъ лавочъ Бухары (а потомъ и Самарканды), и не могу не
 вспомнить съ крайнею сожалѣніемъ о книгахъ, которыя должны
 я былъ оставить на рынкѣ, несмотря на то, что онѣ пополняли бы
 важныя пробѣлы въ знакомствѣ нашемъ съ Востокомъ. Съ этого
 базара отправлялся я въ Ригистанъ — такую же площадь съ дру-
 домъ, какъ описанная выше, но менѣе привлекательную; хотя и
 болѣе обширенную и пространную. Какъ разъ черезъ прудъ
 находится высокій замокъ, резиденція эмира, имѣющій стою
 грозный и неприятный видъ; что, проходя мимо, я невольно
 ужаснулся, вспомнивъ о томъ, сколько изъ моихъ предшествен-
 никовъ было умерщвлено въ этомъ же замкѣ мѣстѣ, въ которомъ
 въ настоящее время томилась несчастные три итальянца. Великъ
 верою жемани трофей неблагодарнаго похода эмира противъ Канда-
 нель, а именно 14 мѣднѣхъ пушекъ. Хотя Ригистанъ находится
 предъ глазами самого эмира, но во всей Бухарѣ, а можетъ быть,
 и въ цѣломъ Туркестанѣ нѣтъ мѣста, въ которомъ совершали бы
 болѣе мерзкіе грѣхи и преступленія, нежели встрѣчаемыя на этой
 площади. Извѣстный, отвратительный грѣхъ восточныхъ наро-
 довъ, который, начиная съ береговъ Евфрата, распространяется все

самыя и замѣтныя, но мѣръ удаченія на Востоку, достигается здѣсь своего высшаго развитія. О предметъ, въ высшей степени возмущающемъ и оскорбляющемъ чувство всякаго европейца, говорить тутъ совершенно нуте, смѣясь, и даже сама религія, подвергающая наказанію смертію за легкое отступленіе отъ установленнаго порядка омовенія или отъ какаго либо другаго правила, смотритъ свозы пальцы на это отвратительное преступленіе противъ челоуѣческой природы. Можно же судить о моемъ изумленіи, когда я въ каждой тайной лавкѣ на Ригистанѣ видѣлъ жертву свойственнаго Востоку порока, которую спекулятивный духъ, нередко родного отца, выставлялъ напоказъ для привлеченія прохождящихъ.

Во время моего пребыванія въ Бухарѣ жара стояла невыносимая, вслѣдствіе чего я долженъ былъ пить очень часто теплую воду или чай, опасаясь очень получить болѣзнь, которой лѣтомъ подвержены одинаково какъ туземцы, такъ и пріѣзжіе. Болѣзнь эта, называемая *filaria medineensis*, обнаруживается зудомъ на лѣкомъ либо мѣстѣ всего тѣла, потомъ образуется небольшое красное пятно, изъ котораго выходитъ денточный червь; его и должно вытаскивать осторожно, не оборвавъ, чрезъ что рана увеличивается и очень разбаливается. Бухарскіе цирюльники довольно ловко разсѣбаютъ красное пятно и вынимаютъ черви прежде, нежели онъ самъ начнетъ вылѣзать. Сверхъ того обитатели Бухары страдаютъ и другими злобачественными ранами, происходящими по преимуществу отъ худого климата и еще болѣе худой воды; въ особенности сильно подвержены имъ женщины, собственно довольно красавицы, отъ постояннаго сидѣнія дома и на одномъ мѣстѣ.

Бухара, замѣтныя уже ксатѣи, снабжается посредствомъ канала водою изъ рѣки Серешана, дно которой находится ниже нежели самый городъ, вслѣдствіе чего лѣтомъ, при малой водѣ въ рѣкѣ, Бухара терпитъ въ оной недостатокъ. Къ тому же каналъ, довольно глубокой впрочемъ, содержится очень нечисто. Вода доставляется въ городъ *одна разъ* въ восемь дней или четырнадцать, смотря по состоянію рѣки, и появленіе довольно грязныхъ волнъ въ каналѣ считается жителями радостныхъ событійемъ. Сперва всѣ начинаютъ купаться въ каналѣ и резервуарахъ, потомъ тутъ же купаютъ животныхъ, и послѣ того какъ и собиры уже усильно оживиться, преиращаютъ великія вичель въ воду. Чтобы сдѣлать воду эту годною для питья, ей даютъ споконно отстояться; чрезъ что она хотя и становится свѣтлою и прозрачною, но, безъ оживленія, содержитъ въ себѣ всякаго рода мязвы и нечистоты. Такого водоснабженія благородной Бухары, въ которой тысяча учениковъ

знакомятся съ основами религіи, гласящей, что «чистота происходитъ отъ религіи».

Бухара считаетъ себя главною опорою ислама, хотя по моему мнѣнію справедливѣе сказать, что это Римъ исламизма, въ отношеніи котораго Мекка и Медина представляютъ собою Іерусалимъ. Бухара сознаетъ это превосходство и гордятся имъ предъ всѣми мусульманскими народами и даже предъ султаномъ, хотя и признаваемымъ официально главою магометанской религіи, но которому однако не могутъ простить того, что многое въ его земляхъ извращено вліяніемъ французовъ. Меня часто спрашивали, почему султанъ не истребитъ всѣхъ французовъ, которые, живя въ его владѣніяхъ, не платятъ ему дани; почему онъ ежегодно не предпринимаетъ религіознаго похода противъ невѣрныхъ, окружающихъ его владѣнія; почему турки не носятъ тюбана, платья до пяты, длинной бороды, короткихъ усовъ; почему не всѣ они дѣлаются хаджи, живя такъ близко къ священному мѣсту, и т. д. Я старался по возможности извинить добрыхъ османлисовъ, п если долженъ былъ иногда согласиться, что они заблуждаются, то не могъ мысленно не поздравить турокъ съ тѣмъ, что находясь подъ вліяніемъ извращеннаго ислама, они тѣмъ не менѣе имѣютъ нѣкоторыя хорошія качества и достойныя черты характера, тогда какъ ихъ единовѣрцы, пользующіеся самымъ источникомъ чистой вѣры, могутъ гордиться только самою гнусною ложью, притворствомъ и ханжествомъ. Въ Бухарѣ все вниманіе обращено на внѣшность, на формы. Я нерѣдко, напримѣръ, присутствовалъ на *халкасъ*, то есть размышленія, которому послѣ молитвы предаются лица особенно благочестивыя, сѣвъ тѣсно въ кружокъ; предметомъ созерцаній бываетъ обыкновенно величіе Бога, дивность его пророка, ничтожество нашей жизни и особы и т. д. Глядя со стороны на этихъ лицъ, съ низко опущенными глазами, сидящихъ задумчиво, съ сложенными на колѣнахъ руками, можно ихъ принять за ками-нибудь высшія существа, которыя хотятъ покинуть земное существованіе, слѣдуя арабскому изрѣченію, что «здѣшній міръ—чудовище, а кто за нимъ слѣдуетъ — собака». Но при внимательномъ наблюденіи нетрудно замѣтить, что многія изъ нихъ отъ глубокаго размышленія перешли къ еще болѣе глубокому сну и храпятъ, какъ гончія собаки, чему однако удивляться отнюдь нельзя. Лица эти, по мнѣнію бухарцевъ, дошли уже до того, что даже храпятъ на всѣ лады, они тѣмъ не менѣе размышляютъ о Богѣ и безсмертіи души. Въ каждомъ городѣ есть свой надзиратель религіи (дере), который проходитъ по улицамъ и площадямъ съ плетью о четырехъ концахъ, экзаменуетъ проходящихъ изъ религіи; при чемъ несвѣдущихъ, будь это даже 60-лѣтній старикъ, отсылаетъ

въ школу и всякаго встрѣчнаго гонить въ молитвенное время въ мечеть. Учится ли старикъ въ школѣ или спитъ, молится ли кто нибудь въ мечети или думаетъ о прерванномъ занятіи — до этого никому дѣла нѣтъ. Правительство хочетъ, чтобы выполняли вѣщность, да и дѣлу конецъ.

Едва-ли нужно упоминать, что подобное направленіе, проявляющееся въ отношеніи религіи, имѣетъ сильное вліяніе на общество и правительство. Невообразимо, какое однообразіе и какая тоска господствуютъ въ домашней жизни; малѣйшій признакъ веселости и остроумія изгоняются изъ среды, въ которой такъ деспотически проявляютъ себя религія и надзирательная система правительства. Шпіоны эмира проникаютъ даже до священнаго семейнаго очага, и горе уличенному въ проступкѣ противъ религіозныхъ обрядовъ или авторитета самого эмира. Вѣчная тиранія до того напугала людей, что даже мужъ и жена съ глазу на глазъ никогда не произнесутъ слова *эмиръ*, не прибавивъ тотчасъ же: *дай ему Богъ прожить сто-дедюцать лѣтъ*. Эти бѣдные люди нисколько не ненавидятъ своего повелителя, потому что деспотическій его произволъ нѣтолько не поражаетъ ихъ, но напротивъ того считается атрибутомъ, необходимою принадлежностію княжескаго достоинства. Настоящій эмиръ, къ счастью, добродушный человекъ, хотя въ отношеніи религіи и нравовъ гораздо строже, чѣмъ былъ его отецъ, суровый деспотъ. Слѣдуя строго политическимъ принципамъ своего отца и къ тому же мудла и благочестивый мусульманинъ, онъ является противникомъ всякаго нововведенія, хотя бы и былъ вполне убѣжденъ въ его пользѣ. Поставивъ девизомъ своего правленія «править съ справедливостію», онъ до сего времени строго это выполняетъ. Но самое *понятіе о справедливости* покажется намъ очень преувеличеннымъ, какъ скоро мы видимъ, что одинъ изъ главныхъ придворныхъ сановниковъ былъ казненъ эмиромъ за то, что подарилъ сомнительнымъ взглядомъ одну изъ придворныхъ невольницъ. Конечно, подобный приговоръ извиняется бухарскому эмиру, который очень строгъ въ отношеніи высшихъ сановниковъ, но шадитъ низшіе классы, почему народъ и далъ ему названіе «нстребитель слововъ и покровитель мышей». Изумительно, какъ онъ всячески старается воспрепятствовать всему, что могло бы хотя нѣсколько вывести народъ изъ его современнаго положенія, въ которомъ онъ, по мнѣнію эмира, совершенно счастливъ. Ввозъ предметовъ роскоши или дорогихъ товаровъ запрещенъ, равно какъ и всякое щегольство въ одеждѣ и постройкахъ; въ этомъ отношеніи нѣтъ ни для кого исключенія. Его главнокомандующій, родомъ изъ царствующаго дома въ Персіи, желая жить тутъ на персидскій ладъ, выстроилъ себѣ одноэтажный домъ, въ

которомъ между различными предметами роскоши были стекла въ окнахъ. Когда домъ былъ выстроенъ, сардаръ былъ вдругъ обвиненъ въ какомъ-то религиозномъ проступкѣ, заключенъ въ тюрьму, а посланъ въ изгнаніе, домъ же его взятъ въ казну, и хотя являлись желающіе его купить за настоящую его цѣну, но эмиръ приказалъ разрушить его до основанія и уничтожить даже развалины.

Въ домашней своей жизни эмиръ очень скромнъ и бережливъ, чѣмъ также отличается отъ своего отца. Онъ держитъ не болѣе половиннаго числа слугъ, и имѣеть по религиозному обычаю *четыре* законныхъ женъ изъ туземокъ и *двадцать* незаконныхъ изъ невольницъ, приставленныхъ, какъ говорятъ, для присмотра за дѣтьми. Вообще гаремъ его имѣеть извѣстность по своей образцовой нравственности и дисциплинѣ. Простому смертному подъ страхомъ смертной казни запрещено не только входить или заглядывать въ гаремъ, но даже и *воображать* себя среди онаго, куда допускаются только шейхи и муллы, извѣстные своимъ благочестіемъ. Расходы по гарему на платья, кушанья и такъ далѣе крайне незначительны. Дамы шьютъ платья не только себѣ, но даже и для эмира, который очень бережливъ и ведетъ всему подробный контроль. Мнѣ говорили, что расходы на столъ эмира въ день не превышаютъ 16—20 тенге (каждый тенге составляетъ около 75 сантимовъ), что очень правдоподобно, потому что его обѣдъ состоитъ изъ одного пилава. Выраженіе *царскій столъ* въ Бухарѣ немислимо: тутъ всѣ, отъ эмира до ремесленника и крестьянина, имѣють одно и то же кушанье.

Послѣ продолжительнаго странствованія въ степяхъ Средней Азіи, можно найти въ Бухарѣ, несмотря на ея бѣдность, нѣчто собственное большому городу. Я имѣлъ тутъ хороший, свѣжій хлѣбъ, чай, плоды, варенья и кушанья, заказалъ себѣ двѣ рубашки, и подобныя удобства жизни до того мнѣ понравились, что я очень легко сталъ собираться снова въ дорогу съ моими спутниками желавшими до зимы вернуться въ свою родину. Я хотѣлъ дѣйствъ съ ними до Самарканда, гдѣ ихъ общество могло быть мнѣ полезна при свиданіи съ эмиромъ, и тамъ уже рѣшить вопросъ: идти ли съ ними въ Бухаръ и Камгаръ, или одному вернуться чрезъ Керки и Гератъ. Меня очень привлекало вѣстоимствіе въ Камгаръ, Абу-Хотенъ, обильный мускусомъ, въ страны, въ которыя до впрочемъ еще ни одинъ европеецъ, но я на всякій случай воспользовался предложеніемъ моихъ спутниковъ, познать меня съ Керкабани по имени Сематъ, съ которымъ я, въ случаѣ моего возвращенія изъ Самарканда, могъ встрѣтиться чрезъ три недѣли на берегу. Осуся въ Керки и отправиться въ Гератъ.

... Съ Семаномъ познакомился я въ Мервансарѣ, предназначенномъ для торга невольниками. Все зданіе было сдано тремя, одними торговцами частію для ихъ собственнаго товара, составляющаго предметъ этого постыднаго промысла, или же частію для належащаго у нихъ на комисію. Читатель помнитъ, что туркменскіе караджи (рабойники), не имѣя возможности сами заниматься этою торговлею и ждать покупателей, продаютъ своихъ цѣбныхъ болѣе зажиточнымъ туркменамъ, которые, отправляя ихъ въ Бухару, выигрываютъ при этомъ болѣе всѣхъ, какъ получающіе товаръ изъ верныхъ рукъ. Кого успѣютъ, они продаютъ сами во время своего кратковременнаго пребыванія въ Бухарѣ; остальныхъ же сдаютъ оптовымъ торговцамъ. На рынкѣ въ Хивѣ и Бухарѣ продаются лица всѣхъ возрастовъ отъ трехъ лѣтъ до шестидесяти, если только въ силу какого нибудь недостатка они не подходятъ подъ разрядъ каджѣ. По предписаніямъ корана, можно продавать въ невольники только однихъ невѣрныхъ, но лицемѣрные бухарцы преступили это правило, объявивъ невѣрными также мусульманъ-шіитовъ и разными жестокостями и побоями, заставляя даже сунитовъ, своихъ единовѣрцевъ, выдавать себя за шіитовъ съ цѣлю продать ихъ. Несостоятельными, то-есть недостойными быть рабами, считаются одни евреи, что немало радуетъ сыновъ израиля, ибо туркмены при встрѣчѣ обираютъ его дочиста, но не берутъ въ плѣнъ. Прежде подобною же привилегіею пользовались и индусы, но недавно теки и сарыки придумали новое правило. Несчастный поклонникъ Вишну обращается смерна въ мусульманина, потомъ дѣлается шіитомъ, и послѣ этой двукратной перемѣны религіи, удостоивается чести сдѣлаться рабомъ, цѣлью того, какъ лишентъ уже всякаго имущества.

Назначенный въ продажу мужчина, осматривается публично во всей подробности, и продавецъ долженъ отвѣчать даже за тѣ дурныя или тѣлесныя недостатки, которые могутъ обнаружиться въ товарѣ впоследствии. Продажа, исторгавшая невольника изъ рукъ продавца, составляетъ событіе для него *сестма, счастливое*, потому что самое суровое обращеніе, которое ожидаетъ его въ услуженіи, далеко не такъ тягостно и мучительно, какъ время, проведенное имъ въ лавкѣ купца, какъ простой предметъ торговли. Цѣна на невольниковъ зависитъ отъ политическихъ отношеній туркменовъ, главныхъ поставщиковъ этого товара, въ силу которыхъ она и дѣлается или менѣе удачною, кабы не цѣна эта очень часто и значительно колеблется такъ, что достигая 40—50 талла (то 13, циндигговъ каджѣ) за здороваго мужчину, она упадаетъ до 4 и даже до 3-хъ талла послѣ пораженія персовъ при Мервѣ.

Возвращаясь домой, встрѣтилъ я начальника полиціи, который совершалъ свой дневной обходъ базаровъ и публичныхъ мѣстъ. Въ Бухарѣ полиція строже, чѣмъ гдѣ либо въ Азіи. Послѣ двухъ часовъ по захожденіи солнца, никто не смѣетъ показываться на улицѣ; сосѣдъ не можетъ уже навѣстить сосѣда и больной долженъ иногда умереть по невозможности достать лекарства, потому что эмиръ издалъ приказаніе задержать даже и его самого, какъ скоро миршебсы (ночные сторожа) встрѣтятъ его на улицѣ въ не дозволенное время.

Во время 18-ти дневнаго пребыванія нашего въ Бухарѣ, финансы наши очень истощились, мы истратили не только сдѣланными нами сборенія въ Хивѣ, но должны были даже продать нашихъ ословъ, потому что бухарцы ограничивались только одними рукопожатіями и не оказывали намъ ни малѣйшаго пособія. Мы съ трудомъ наняли вмѣстѣ телегу до Самарканда, и выславъ ее впередъ въ деревню Бавединъ, пошли сами пѣшкомъ въ это мѣсто поклоненія восточныхъ жителей, въ которомъ покоится прахъ вышеупомянутаго нами основателя, какъ ордена дервиней, такъ и прочихъ религіозныхъ крайностей, которыми отличается восточный исламъ отъ западнаго. Бавединъ считается какъ-бы вторымъ Магометомъ, и пользуются большимъ уваженіемъ; каждый бухарецъ убѣжденъ, что воззваніе: *о, Бавединъ, за побѣдителя!* спасетъ его отъ всякаго несчастія. Жители города Бухары отправляются почти еженедѣльно на поклоненіе въ деревню того же имени, куда приходятъ даже обитатели отдаленнаго Китая. Гробъ святого стоитъ въ саду, недалеко отъ мечети, окруженной толной всякаго рода нищихъ, нагlostію и неотвязчивостію своею превосходящихъ нищихъ Рима и Неаполя. Предъ гробомъ виситъ камень желаній (сенги-мурадъ), носящій ясные признаки того, что богомольцы сильно и часто трутъ объ него свои лбы; на гробѣ лежатъ бараньи рога, знамя и метла, долго служившая своему назначенію во храмѣ въ Меккѣ. Неоднократно старались сдѣлать сводъ надъ гробомъ, но онъ все обваливался по той причинѣ, что Бавединъ, подобно прочимъ туркестанскимъ святымъ, предпочитаетъ чистый, свѣтлый воздухъ, какъ это объясняютъ здѣшніе шейхи, потомки святого, по очереди исполняющіе дежурство при гробѣ. Они же рассказываютъ съ большимъ безстыдствомъ о необычайной любви ихъ предка къ цвѣткѣ *семъ*; въ седьмомъ мѣсяцѣ онъ родился, семи лѣтъ зналъ коранъ наизусть, а семидесяти лѣтъ умеръ; поэтому всѣ подарки и приношенія, которые кладутся ему на грудь, и дѣлаются потомъ собственностью шейховъ, должны быть по числу никакъ не менѣе семи

Исполнивъ всѣ обряды поклоненія, отправились мы далѣе въ первобытной, до крайности грязной телегѣ, которая, запряженная

въ одну лошадь, очень медленно тащилась на своихъ неуклюжихъ и даже не вполне круглыхъ колесахъ. Слышавъ еще прежде о прекрасномъ воздѣлываніи земли между Бухарою и Самаркандомъ, я не очень уже изумлялся, встрѣчая по обѣимъ сторонамъ дороги тщательно обработанныя поля и сады, и только миновавъ небольшую степь, встрѣтивъ въ округѣ Кермине нѣчто очень напоминающее собою воздѣланныя земли Западной Европы. Мы очень часто встрѣчали *базары-джаи*, то-есть мѣста для торгова, съ нѣсколькими лавками и постоянными дворами, въ которыхъ вѣчно кипящіе, колоссальныя самовары являлись крайнимъ предѣломъ (non plus ultra) цивилизаци и комфорта; самыя деревни имѣютъ совсѣмъ другой видъ, нежели персидскія и турецкія. Дорогою попадались намъ нерѣдко каменные столбы, для указанія разстоянія, существующіе со времени Тимура, что неудивительно, ибо Марко-Поло нашелъ въ Средней Азіи при Октаѣ, совершенно устроенныя почтовые дороги. Настоящій эмиръ, чтобы польстить лицемѣрной набожности народа, приказалъ во многихъ мѣстахъ дороги построить небольшія для молитвъ возвышенія, которыя должны напоминать каждому проходящему объ исполненіи его религіозныхъ обязанностей. Можно сказать при этомъ, что каждое поколѣніе имѣетъ свои особенныя стремленія. Вскорѣ встрѣтились намъ тенки-турмены, возвращавшіеся съ добычею изъ похода противъ Хоканда, куда они ходили вмѣстѣ съ эмиромъ. Желая ихъ нѣсколько цивилизовать, онъ роздалъ имъ нѣсколько бѣлыхъ турбановъ, съ тѣмъ, чтобы они оставили свои уродливыя мѣховыя шапки. Въ присутствіи эмира, они, дѣйствительно, носили турбаны, но оставивъ его, не замедлили ихъ продать.

Въ Кетте-Курганѣ (большая крѣпость, знаменитая своими сапожниками) нашли мы, по случаю войны Бухары съ Коканомъ, множество повозокъ всякаго рода, что очень оживляло весь городъ, въ которомъ всѣ толковали о своихъ политическихъ событіяхъ, и восхищаясь подвигами своего эмира, рассказывали, что онъ изъ Кокана проникъ въ Китай, и намѣренъ, покоривъ весь Востокъ, завоевать также Иранъ, Афганистанъ, Индію и Френгистанъ (то-есть Францію), считая это все сосѣдними между собою землями, и такимъ образомъ господствовать вмѣстѣ съ султаномъ надъ всею вселенною. Миновавъ послѣ этого мѣстечко Дауль, мы скорѣ замѣтили вдали, среди хорошо-воздѣланной мѣстности, столицу Тимура, которая своими разноцвѣтными куполами и башнями, ярко освѣщенными солнечными лучами, произвела съ перваго взгляда весьма пріятное на насъ впечатлѣніе. Но едва-ли нужно присовокуплять, что впечатлѣніе это исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ городу, и въ особенности съ вступленіемъ въ оный.

Пройдя неиагое пространство по кладбищу, мы остановились въ одномъ керван-сараѣ, гдѣ хаджи имѣютъ даже пристанище, но въ тотъ же вечеръ были приглашены въ частный домъ, находящійся близко отъ гробницы Тимура. Къ тому же, хозяинъ этого дома былъ чиновникъ эмира, и смотрѣлъ за дворцомъ въ Самаркандѣ. Въ ожиданіи возвращенія эмира съ похода, войскаутники стали осматривать достопримѣчательности города, который по числу оныхъ считается самымъ главнымъ въ Средней Азіи, несмотря на свою жалкую вѣшность. Какъ хаджи, мы начали осмотръ нашъ съ святыхъ, но какъ все, даже любопытное въ одномъ только историческомъ отношеніи, связано тутъ неразбъжно съ религиозно-легендоу, то должно было все смотрѣть, что, впрочемъ, очень радовало меня. Здѣсь насчитываютъ нѣсколько сотъ мѣстъ поклоненія, посѣщаемыхъ богомольцами въ извѣстной послѣдовательности и постепенности, въ основаніи которыхъ лежитъ важность самаго мѣста и лица, составляющихъ предметъ поклоненія.

Не утомляя читателей нашихъ подобнымъ перечисленіемъ и описаніемъ различнаго рода гробницъ, мечетей, медресъ и т. д., посѣщенныхъ Вамбери, мы укажемъ только на нѣкоторые, по его собственному замѣчанію, наиболѣе замѣчательныя. Таковыми, напримѣръ, считаются:

1) Хасрети шах-синде — это гробница корейшита Казима-бнъ Аббаса; перваго распространителя въ Самаркандѣ исламизма, украшенная необычайно яркою мозаикою; тутъ же показываютъ, какъ святыню, и даютъ целовать знамя, старую саблю и латы этого великаго эмира. Мечеть, въ которой эта гробница находится, ясно сохранила до сего времени слѣды прежняго своего великолѣпія. Невдалекѣ отъ этого стоитъ

2) великолѣпная мечеть Тимура, съ куполомъ, напоминающимъ дню, и съ множествомъ стиховъ изъ корана, написанныхъ на стѣнахъ золотыми буквами;

3) гробница Тимура. Въ юго-восточной сторонѣ города, находится небольшая, восьмиугольная, окруженная стѣною часовня, посрединѣ которой стоятъ рядомъ двѣ гробницы; головами обращенныя къ Меккѣ. Одна изъ нихъ, покрытая танкимъ, свѣтло-зеленымъ камнемъ, содержитъ въ себѣ останки Тимура, а другая — его учителя (Мир-Сеид-Верке), возлѣ котораго могущественный завоеватель, изъ благодарности и признательности, хотѣлъ быть погребенъ. Тутъ же, невдалекѣ, стоятъ гробницы многихъ изъ женъ и потомковъ эмира, собранныя уже позднѣе въ одно мѣсто изъ разныхъ частей города. Въ высшей степени изящныя и художественныя арабески, съ богатою позолотою и прекрасною лазурью, покрывающіе стѣны, дѣйствительно до того поразительны, что

трудно какими-либо описаніемъ дать кому и слабому ихъ понятіе. Прядь гробничіи жулки, постоянно, дѣны и вѣчь, читають коранъ, получая за это хорошее вознагражденіе. Узвак, длинная лѣстница ведетъ внизъ къ самымъ гробницамъ, очень рѣдко называемымъ даже правобѣрными; прядь гробомъ стоитъ жаловѣть кораномъ большоро формата. Утверждаютъ, что этотъ коранъ, написанный на кожѣ дикой козы, несомнѣнно, самимъ Османомъ, секретаремъ Магомета, бывшимъ впоследствии вторымъ халифомъ, взятъ былъ Тимуромъ изъ сокровищъ султана Балзета въ Врусѣ, и хранится какъ драгоценный кладъ въ глубокой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы турецкіе владѣтели не объявили Бухарѣ войны, узнавъ, что она теперь владѣеть рѣдкостью; прежде имъ принадлежавшею. На самомъ верху купола виситъ комокъ, заключающій въ себѣ волосы изъ бороды великаго пророка, которые, по преданію, сдерживаютъ въ дѣлности куполь, съ давнихъ временъ уже треснувшей по разнымъ направленіямъ;

4) аркъ, то-есть цитадель, содержитъ въ себѣ дворецъ эмира, въ которомъ особенно интересна бывшая приемная Тимура. Это не что иное, какъ узкій, но длинный, выложенный камнемъ крытый дворъ, на одномъ концѣ котораго стоитъ веленый камень, служившій основаніемъ для трона завоевателя. Камень этотъ въ $4\frac{1}{2}$ фута вышины и 10 длины, по преданію, привезенъ будто бы изъ Вруссы, такъ же точно, какъ и кусокъ желѣза, въ формѣ козосоваго оубна, вдѣланный въ стѣнѣ по правую сторону отъ камня; желѣзо это служило амулетомъ одному изъ первыхъ халифовъ. Васалы, стекавшіеся сюда изъ разныхъ странъ свѣта, ставились въ рядъ одинъ за другимъ, смотря по степени ихъ важности, кругомъ всего двора, тогда какъ посрединѣ его стояли верхомъ три герольда, обязанные передавать немедленно лицамъ, стоявшимъ вдали, многозначительныя слова самого эмира, который, влетая на высокой тронъ свой, становился ногою на спину одному изъ самыхъ именитыхъ плѣнниковъ, служившему подножкою (свამейною) для его трона. Нижніе эмиры садятся на этотъ тронъ только при принесеніи имъ въ первый разъ присяги, а затѣмъ его посѣщаютъ только набожные богомольцы, которые, прочитавъ три раза молитву, съ особеннымъ благочестіемъ трутъ свои головы о то мѣсто, съ котораго отдаваемыя нѣкогда приказанія одного изъ самыхъ знаменитыхъ повелителей Азій раздавались во всѣхъ отдаленныхъ ея концахъ. Въ Самаркандѣ говорятъ о Тимурѣ, какъ будто бы только вчера получено извѣстіе о его смерти, и мени спрашивали, съ какою чувствомъ подхожу я, какъ османлись, къ гробницѣ того, который нанесъ такіа тяжкія пораженія моему султану. А между тѣмъ, тешеръ надъ самымъ трономъ потомковъ

Тимура висять два золотыхъ фирмана, присланные бухарскимъ эмирамъ Саиду и Насрумаху султанами Махмудомъ и Абду-Меджидомъ, и содержащія въ себѣ *руксатнамасы*, то-есть позволеніе совершать по пятницамъ молитву, и патентъ (инвеституру), на должность придворнаго мунд-шенка, что съ давнихъ временъ считается выраженіемъ особеннаго восточнаго политическаго этикета въ отношеніи къ бухарскимъ эмирамъ;

5) *медрессы*, изъ коихъ бѣольшая часть или остаются безъ употребленія или, по выраженію жителей Востока, камори ихъ сдѣлались пристанищемъ совъ, а двери и окна затянуты не шелковыми завѣсами, а простою паутиною. При одной изъ нихъ, построенная страстнымъ астрологомъ Тимуромъ, внукомъ завоевателя, находилась знаменитая въ свое время обсерваторія, вторая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя въ Азій. Современному путешественнику весьма трудно отыскать нынѣ даже слѣды этого зданія, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ ни одного въ современной намъ Азій. Не менѣ замѣчательны развалины громадной медрессы, построенной женою Тимура, китайскою принцессою, на ея собственныя деньги. Медресса эта помѣщала въ себѣ до 1,000 человекъ учениковъ и хотя, быть можетъ, число это и преувеличено, но уцѣлѣвшія стѣны тѣмъ не менѣ свидѣтельствуютъ, какъ означительныхъ ея размѣрахъ, такъ и о великолѣпіи. Она вся покрыта земляною мозаикою, необычайно красивыхъ цвѣтовъ и столь крѣпко, что даже и теперь еще съ большимъ только трудомъ можно отломить отъ нея какой-нибудь кусочекъ.

Несмотря на все стараніе, Бамбери не удалось отыскать слѣдовъ той извѣстной греческой и армянской бібліотеки, которая, по общепринятому мнѣнію, перенесена была Тимуромъ въ Самаркандъ. Сказаніе это обязано своимъ происхожденіемъ патриотизму армянскаго священника, который во время пребыванія своего въ Самаркандѣ, увидавъ огромные фоліанты, приврѣбленные цѣпами къ стѣнамъ въ башняхъ, куда никто изъ мусульманъ не заглядывалъ изъ страха нечистаго духа, сочинилъ эту басню, рассказанную впоследствии какимъ-то французскимъ ученымъ въ исторіи армянъ. Подобно восточнымъ народамъ, охотно придерживаясь разныхъ темныхъ и непонятныхъ сказаній, повѣрили этому разсказу и европейцы, то-есть археологи, и допустили, что азіатскій завоеватель рѣшился отправить нѣсколько сотъ тяжело навьюченныхъ греко-армянскими рукописями животныхъ въ свою столицу за сто-двадцать отъ нея переходовъ съ тѣмъ, чтобы его дикіе татары могли изучить иностранныя языки и исторію.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

БЕЗЪ ЦЕНЗУРЫ.

12-го сентября редакція «Отечественныхъ Записокъ» получила разрѣшеніе на изданіе журнала безъ предварительной цензуры.

Заглавіемъ нашей статьи выражается такъ много, что ея содержаніемъ будетъ только объясненіе этого заглавія. Даже самое объясненіе, преднамѣренно съ нашей стороны, будетъ самое одностороннее, далеко неисчерпывающее всей тѣмы, выражаемой заглавіемъ. Именно, мы почти вовсе не будемъ входить въ подробности реформы, освободившей печатное слово изъ-подъ цензурнаго надзора; но намъ хотѣлось бы возбудить въ умахъ нашихъ читателей такое общее представленіе о ней, чтобы они понимали со всею непосредственностію чувства, какое это прекрасное явленіе и какая это великая и разумная льгота. Они, конечно, и понимаютъ это; но, безъ сомнѣнія, понимаютъ болѣе по принципу, чѣмъ по непосредственному ощущенію, понимаютъ безъ особой силы, глубины и живости, не такъ, напримѣръ, какъ сознаютъ они важность судебной реформы. Это можно считать вѣрнымъ; потому что несправедливыя рѣшенія судовъ, какъ скоро суды несправедливы, совершаются въ тысячу пунгтахъ и ведутъ за собою самия матеріальныя лишенія или страданія для многихъ тысячъ, для цѣлыхъ массъ, которыя, поэтому, и не могутъ смотрѣть на правый судъ иначе, какъ на предметъ первой необходимости; напротивъ, свобода печатнаго слова, хотя и есть необходимость такого же свойства, но стѣсненіе его, даже въ самомъ обширномъ государствѣ, всегда сосредоточивается въ весьма немногихъ центрахъ, и матеріальныя потери отъ этого стѣсненія испытываются только ограниченнымъ числомъ пишущихъ; потому, и чувствительность къ стѣсненію, пока существуетъ стѣсненіе, едва-ли можетъ развиваться въ массѣ читающихъ до особой живости и деликатности.

Т. СЛXII. — Отд. II.

сти: эти свойства приобретаются читающими только впоследствии, съ прекращеніемъ цензурнаго порядка и только черезъ привычку къ свободной рѣчи. Но по крайней-мѣрѣ намъ хотѣлось бы теперь, чтобы благодѣяніе освобожденія они почувствовали съ той же энергіей, какъ-будто и сами терпѣли отъ несвободнаго слова самымъ матеріальнымъ образомъ. Намъ хотѣлось бы этого потому, что, въ этомъ случаѣ, переселить чувства пишущаго въ душу читающаго есть, по нашему мнѣнію, возможно лучшій способъ заявить дань признательности за благодѣяніе. Въ свою очередь, для достиженія этой цѣли, мы не могли придумать лучшаго способа, какъ разсказать, съ возможною сжатостію, исторію подцензурнаго состоянія нашего слова. Этотъ способъ мы избираемъ, между прочимъ, и потому, что его можно признать единственнымъ, съ помощію котораго можно понимать, относительно новой реформы, насколько она, помимо доброй воли преобразователя, вызывалась еще и всѣми другими условіями нашего общественнаго быта. Благодѣяніе реформы, безъ сомнѣнія, велико; но оно, кромѣ того, еще разумно и необходимо, и мы не должны считать его упавшимъ съ неба. Глубоко-серьезное явленіе въ нашей умственной и гражданской жизни не можетъ быть встрѣчено иначе, какъ съ серьезнымъ чувствомъ, серьезной душой и серьезнымъ словомъ. Разставаясь съ цензурой, мы, конечно, должны осудить ее. Но, какъ сказано, мы хорошо сдѣлаемъ, если осудимъ ее только какъ контрастъ наступившему теперь лучшему порядку, и осудимъ лишь для того, чтобы съ одной стороны, глубже почувствовать цѣну этого порядка, и съ другой, чтобы лучше понимать его историческую разумность.

Наше отечественное законодательство о печати — какъ это и должно быть — возникло и развивалось изъ того же стариннаго и предубѣжденнаго взгляда на книги, съ котораго начиналось оно и во всѣхъ другихъ странахъ. Книга—ересь, книга—ядъ, книга—злумышленіе противъ существующаго порядка и предвѣчныхъ истинъ. Поэтому, книгу нужно преслѣдовать, и чѣмъ строже, тѣмъ енасилительнѣе для общества; всего же лучше устроить такъ, чтобы вовсе не давать ей ходу, по крайней-мѣрѣ не позволять ей являться на свѣтъ безъ предварительной повѣрки относительно ея безвредности для существующаго порядка и предвѣчныхъ истинъ.

Надзоръ за поведеніемъ книгъ у насъ явился съ открытіемъ первой типографіи. По самому свойству книгъ, выходившихъ изъ этой типографіи, наблюденіе за ними тотчасъ сдѣлалось принадлежностію духовной власти: первыми цензорами въ Россіи были митрополиты и патріархи. Свѣтская книга въ Россіи показала подъ могучей протекціей Петра-Великаго; она показала безъ всякой претензіи на какую бы то ни было доктрину, и довольно долгое время оставалась просто учебнявою. Разумѣется, при такихъ свойствахъ благонравія и полезности, ей нетрудно было сохранить добрыя отношенія къ государственной власти, или, по крайней-мѣрѣ, пользоваться безопаснымъ равнодушіемъ съ ея стороны.

Съ первымъ подозрѣнемъ этой власти противъ книги, мы встрѣчаемся при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и именно въ дѣлѣ Волынскаго. Этому замѣчательному человѣку, въ числѣ другихъ обвиненій, было поставлено въ преступленіе, между прочимъ, то, что онъ читалъ какое-то сочиненіе Юста Липсія (какое именно — неизвѣстно). Къ этому же времени относятся первыя формальныя запрещенія нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій.

При императрицѣ Елизаветѣ эти запрещенія перестали быть рѣдкостью; между ними мы встрѣчаемъ и такія (напр., отъ 19-го августа 1748 г.), которыя опредѣляютъ уже и характеръ самихъ запрещеній: «книги російскія и иностранныя, въ которыхъ упоминаются въ бывшихъ два правленія извѣстныя персоны, предъявлять въ де-сіансъ (des sciences) академію» (Пол. Собр. Зак. Т. XIII № 9805). Вслѣдъ за этимъ было запрещено печатать «артикулы о происхожденіяхъ при дворѣ ея императорскаго величества» (тамъ же № 9903).

Отношенія императрицы Екатерины къ книгамъ и типографскимъ станкамъ были, какъ извѣстно, довольно колебательны; они вполне опредѣлились только къ концу ея царствованія. До этой государыни, у насъ свѣтскія типографіи были только — старѣйшая изъ всѣхъ при академіи де-сіансъ (съ 1727 г.), и потомъ при нѣкоторыхъ гвардейскихъ полякахъ и казенныхъ вѣдомствахъ. Эта государыня, въ 1771 г., дала позволеніе на открытіе первой «вольной» типографіи. Дозволеніе это было, однако, ограничено исключительнымъ печатаніемъ однихъ только иностранныхъ книгъ, и то не иначе, какъ по полученіи каждый разъ разрѣшенія академіи наукъ и съ вѣдома полиціи. Когда потомъ вольныя типографіи распростирались, къ нимъ были приставлены особые смотрители, которыхъ обязанность состояла въ наблюденіи, «чтобы въ печатаемыхъ книгахъ и прочихъ сочиненіяхъ ничего противнаго, а особливо закону (божію), правительству и благопристойности не было». Въ 1783 году императрица издала даже указъ, которымъ опредѣлялось «типографіи для печатанія книгъ не раздѣлять отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того, какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи» (Пол. Собр. Зак. Т. XXI, № 15634). Надзоръ за благопріемъ и безвредностію книгъ предоставлялся, по этому указу, полиціи и управамъ благочинія; бывали случаи, что императрица и сама не чуялась обязанности цензора. Но типографская дѣятельность Новикова вспорѣ заставила императрицу придти къ другому взгляду на вольныя типографіи. Извѣстная книга Радичева, появившаяся въ 1790 г., окончательно утвердила ее въ этомъ новомъ взглядѣ. По поводу изданія знаменитаго типографскаго, императрица въ собственноручномъ письмѣ поручила московскому митрополиту Платону: «привезите поминутаго Новикова къ себѣ и прикажите испытать его въ законѣ (божіемъ), равно и книги его типографіи съвѣдѣтельно: не срывается ли въ нихъ умствованій, несконныхъ съ про-

стыми и чистыми правилами вѣрн нашей православной и гражданской должности»; типографіямъ въ то же время повелѣно было: «остерегаться издавать книги съ подобными мудрствованіями». По поводу книги Радищева, по крайней мѣрѣ, недолго спустя послѣ ея выхода, вольными типографіи были совершенно закрыты. Самъ Новиковъ былъ заключенъ въ крѣпость, а самъ Радищевъ—сосланъ въ Сибирь, съ содержаніемъ въ острогѣ, на десять лѣтъ. Послѣднимъ распоряженіемъ императрицы по дѣламъ книгопечатанія было, съ одной стороны, усиленіе внутренней цензуры, съ другой—учрежденіе иностранныхъ цензуръ въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ.

Положеніе книгопечатнаго дѣла во все царствованіе императора Павла достаточно характеризуется слѣдующимъ указомъ: «Такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣрн, гражданского закона и благонравія, то отнышѣ впредъ до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» (Пол. Собр. Зак. т. XXVI № 19,387).

При императорѣ Александрѣ I отношенія государственной власти къ книгамъ были болѣе неопредѣленны, чѣмъ когда-нибудь; общій характеръ этихъ отношеній былъ крайне стѣснителенъ для книги; но дѣло въ томъ, что самыя стѣсненія производились не по какимъ-нибудь опредѣленнымъ правиламъ, а безъ всякаго плана и порядка. Несмотря на созданіе особой цензурной власти и на то, что въ 1804 году былъ изданъ цензурный уставъ, въ наблюденіи за книгами не было никакой правильности и не соблюдалось никакой законности. Въ намѣренія власти входило, чтобы уставъ по возможности былъ либеральный; въ докладѣ о немъ государю тогдашній министръ просвѣщенія гр. Завадовскій выразился: «сими постановленіями нисколько не стѣсняется свобода мыслить и писать, но только взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной» (Сбор. постан. и расп. по цензурѣ съ 1720 по 1862, изд. 1862). Но съ одной стороны, въ уставъ вошло неизмѣнное правило о наблюденіи за книгами, «чтобы въ оныхъ ничего не было противнаго закону Божію, правленію и нравственности» (§ 15), и въ случаѣ представленія въ цензуру рукописей, противныхъ этому требованію, цензорамъ предписывалось даже, не допуская такихъ рукописей въ печать, «объявлять правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ» (§ 19); а съ другой стороны, несмотря на сосредоточеніе цензурной власти при министерствѣ просвѣщенія, въ цензурное дѣло входили всѣ, кто только чувствовалъ себя довольно авторитетнымъ для того, чтобы дѣлать внушенія. Слѣдствіемъ такихъ порядковъ было то, что ни цензоры, ни писатели рѣшительно не имѣли никакого точнаго понятія о томъ, что слѣдуетъ считать дозволеннымъ, и что недозволеннымъ. Высшая власть, въ свою очередь, въ лицѣ главныхъ начальниковъ по разнымъ частямъ управленія, въ своихъ сужденіяхъ

о вредности или безвредности известной статьи или книги, руководилась всеми возможными соображениями, какъ будто на этотъ счетъ не существовало никакихъ писанныхъ правилъ — потому что существовало правило: «чтобы въ книгахъ ничего не было противнаго закону Божію, правленію и нравственности». Правило, какъ это понятно для всякаго, слишкомъ широкое и эластичное, и одной только цензурной практикѣ изъ временъ Александра I достаточно для того, чтобы признать это правило отрицаніемъ, не то что свободы писать и мыслить, а просто возможности писать. Такъ, на основаніи этого правила такая-то политическая книга въ такихъ-то годахъ считалась дозволенной и «правленію» непротивной, потому что написана въ духѣ, благопріятномъ для союзаго съ нами государя, а въ такомъ-то году, вслѣдствіе переменъ международныхъ отношеній нашихъ, она считается уже строго запрещенной, и именно потому, что написана въ духѣ благопріятномъ для бывшаго нашего союзника. Такая именно исторія была у насъ съ французской книгой *Histoire de Bonaparte*, которая свободно обращалась въ продажѣ съ 1802 года по 1807, а въ этомъ году вдругъ подверглась страшной опалѣ, и авторъ ея признанъ человѣкомъ, который «вообще обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона» (Истор. свидѣнія о цензурѣ въ Россіи», стр. 13. Изд. 1862). То же самое случилось съ переводною книгою *Тайная исторія новаго французскаго двора*, которую въ 1806 году дозволили и одобрили для печати, а по заключеніи тильзитскаго мира «приказали истребить огнемъ», какъ враждебную для союзаго съ нами государя.

Когда потомъ, спустя лѣтъ десять послѣ изданія устава, русская мысль начала сколько-нибудь пробуждаться и ощущать дѣйствительную потребность въ нѣкоторой свободѣ, то ее, въ силу того же правила объ уваженіи предвѣчныхъ истинъ, называли «дерзкою», «безсмысленною», «недозволенною», «вредною», при всякомъ покушеніи освѣтить какой-нибудь внутренней вопросъ. И такъ обходился съ нею тѣ самые люди, которые совершенно чистосердечно говорили въ докладахъ государю «о свободѣ писать и мыслить». Заподозривъ искренность этихъ людей нѣтъ никакой возможности; но они разумѣли подъ свободой мысли что-то другое, какую-то идилію, нѣчто въ родѣ свободы «содѣйствовать видамъ правительства», на сколько оно позволяетъ. Только такимъ понятіемъ о свободѣ мысли и можно объяснить, почему эти люди относились не то-что неприязненно, а съ какимъ-то пугливымъ изумленіемъ ко всякому писанію, хоть сколько-нибудь задѣвавшему вопросы общественной жизни и управления. Такъ генералъ Вязмитиновъ, тогдашній министръ полиціи, разсматривая программу вновь открывшагося періодическаго изданія «Духъ журналовъ» и встрѣтивъ въ ней отдѣлъ «внутреннихъ обозрѣній», исключилъ его изъ программы съ замѣчаніемъ: «нахожу сію статью совершенно неприличною, ибо упоминаемые въ немъ предметы относятся до

попеченія самого правительства и отнюдь не могут подлежать сужденію частныхъ лицъ публично» (Ист. свѣд. о ценз.). Предприниматель «Духа журналовъ», Яценковъ, получалъ кромѣ того еще выговоръ.

Судьба этого журнала, существовавшего отъ 1814 до 1820 года, вообще даетъ самое вѣрное понятіе о тѣхъ взглядахъ, которыми очерчивался кругъ предметовъ для литературнаго обсужденія. Въ одной изъ первыхъ же книжекъ этого журнала, была помѣщена статья «*О стараніи императрицы Еватерины II о дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ*». По поводу этой статьи, тотъ же самый министръ полиціи — званію котораго съ 1811 года принадлежала высшая цензурная ревизія — относился къ министру просвѣщенія, гр. Разумовскому, такимъ образомъ: «Статья эта наполнена разсужденіями не только самими глупыми, бессмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народное. Какъ дерзнуть человѣку, неимѣющему (что все сплетеніе темныхъ его разсужденій доказуетъ) ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣчанія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ и приемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства?» (тамъ же, стр. 20). Въ слѣдующемъ году, министръ просвѣщенія самъ по себѣ начинаетъ находить «многія неприличности» въ «Духѣ журналовъ» и между прочимъ, открываетъ въ немъ «многія политическія статьи не въ духѣ нашего правительства». Напрасно періодическая литература того времени, переходя отъ предмета къ предмету, желаетъ напасть хоть на одинъ, который бы былъ дозволенъ для свободнаго осужденія; она пытается заговаривать о послѣднемъ тарифѣ, о запретительной системѣ торговли, о различныхъ частяхъ администраціи, о существѣ различныхъ формъ государственнаго управленія, о несовершенствѣ нашихъ судовъ и крѣпостномъ правѣ, и все это поочередно оказывается для нея недозволеннымъ, пока, наконецъ, министръ просвѣщенія вн. Голицынъ, въ 1818 году, не высказался категорически, въ видѣ наставленія цензоромъ, что «такковыя матеріи могутъ быть только печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, ибо ему одному можетъ быть извѣстно, что изъ такихъ матеріи, и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣній публики». Духъ критики пытался въ своей безысходности, касаться и религіозныхъ предметовъ, но духовная цензура, оставшаяся отдѣльной и независимой, оказывалась еще строже; онъ хотѣлъ устремиться на сценическія представленія — но и тутъ встрѣтилъ тѣ же самыя препятствія. Гр. Разумовскій еще въ 1815 году, по поводу нѣсколькихъ статей о театрѣ, представленныхъ въ цензуру, далъ отъ себя строго-опредѣлительный отзывъ, «что сужденія о театрахъ и актѣрахъ позволительны только тогда, когда бы оныя зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскихъ театрахъ и актѣрахъ, находящихся на службѣ его величества, онъ находитъ неумѣстными».

Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ для печати присоединилось еще то, что цензоры, еще неполучившіе навыка и опытности, обращали свое вниманіе, при цензурованіи рукописей, на такія вещи, до которыхъ имъ не было никакого дѣла, напримѣръ, на слогъ и чистодитературныя качества. Такъ въ 1808 году сочиненіе *Гирлянда миламъ женщинамъ* остановлено было, по причинѣ «недостатка въ смыслѣ»; такъ въ томъ же году гр. Завадовскій сдѣлалъ замѣчаніе петербургскому комитету за то, что въ пропущенной имъ книгѣ *Духъ великаго Суворова*, онъ «не уважилъ ни писанія не вездѣ смыслъ поддерживающаго, ниже нелѣпостей, коими книга наполнена» (тамъ же). Отъ такого вмѣшательства цензурной власти не въ свое дѣло, приходилось терпѣть даже такимъ извѣстнымъ для своего времени писателямъ, какъ кн. Вяземскій, и притомъ гораздо позднѣе, спустя пятнадцать лѣтъ. «Да позволено мнѣ будетъ — говорить этотъ писатель, когда въ 1823 году былъ вынужденъ принести жалобу на цензора Красовскаго за прижиму одной критической статьи его — да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе главнаго управленія училищъ на нѣкоторые примѣры. Въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто *задвѣсть*, г. Красовскій ставитъ *упрекаетъ*; въ другомъ — не позволяетъ мнѣ сказать, что Карамзинъ *смысломъ блаторазумію*; въ третьемъ — къ словамъ *строимъ притоворома* прибавляетъ *но справедливыиъ*. Далѣе, вмѣсто выраженія моего *полемической тактики*, ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной тактики*, которое едва-ли имѣетъ какой-либо извѣстный смыслъ» (тамъ же, стр. 28).

Но въ 1824 году въ министры просвѣщенія вступилъ адмиралъ Шишковъ и отношенія тогдашней власти къ книжному дѣлу сдѣлались гораздо опредѣленнѣй; строгость цензуры значительно возвысилась. Къ этому же времени относятся двѣ черты, вошедшія въ цензурную прагмату и удержавшіяся въ ней до сихъ поръ, именно — *секретныя* наставленія цензурѣ и запрещеніе обозначать точками мѣста, непропущенныя цензурою.

Въ царствованіе императора Николая I особыхъ, существенныхъ перемѣнъ въ отношенія государственной власти къ книжному дѣлу не произошло. Отношенія эти стремились только сдѣлаться все болѣе и болѣе опредѣлительными. Составленіе болѣе точныхъ и болѣе удовлетворительныхъ постановленій о цензурѣ было однимъ изъ первыхъ попеченій покойнаго императора, по восшествіи его на престолъ. Исполненіе этого дѣла было возложено на адмирала Шишкова, которое и было имъ окончено лѣтомъ 1826 года. *Духъ*, въ которомъ былъ составленъ новый уставъ, въ сущности оставался тотъ же самый, какъ и въ уставѣ 1804 года. Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ государю, по поводу этого устава, Шишковъ говорилъ: «благосостояніе государства утверждается на вѣрѣ и добрыхъ нравахъ; а потому правительства просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы въ разныя времена изыскивали всевозможныя средства къ сохраненію сихъ основаній общественнаго благоденствія невредимыми. къ числу таковыхъ средствъ принадлежатъ цензурныя постановленія». Съ другой стороны, подобно своему пре-

шественнику при Александрѣ I, составитель устава разсуждалъ: «цензурныя постановленія должны бытъ составлены съ великою подробностію и разсмотрительностію, дабы не только не отнимали у сочинителя свободы писать и разсуждать, но ободрили бы оную и пятами, преграждая въ то же время пути къ изданію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, облазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество» (тамъ же). Уставомъ предполагалось достигнуть именно этой цѣли. И точно, все, что въ александровское время было безпорядкомъ, злоупотребленіемъ, уклоненіемъ или произволомъ, въ новомъ уставѣ замѣнилось постояннымъ правиломъ. Такъ, на примѣръ, всякая инициатива общественной мысли въ правительственномъ дѣлѣ строго запрещалась (§§ 169 и 171); авторы неблагонамеренныхъ сочиненій, хотя бы и пропущенныхъ цензурой, подвергались строжайшей отвѣтственности, на томъ основаніи, что цензурный уставъ имъ долженъ быть извѣстенъ и что незнаніемъ закона никому не дозволено оправдываться (§ 213); запрещеніе обнаруживать руку цензора въ сочиненіяхъ выставленіемъ точекъ было обращено въ законъ (§ 152); отъ критики требовалось безпристрастіе, степень котораго опредѣлять предоставлялось цензору; рукописи, обнаруживающія въ авторѣ «нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго», вѣдно было, «въ видахъ общей пользы», какъ и въ уставѣ 1804 года, представлять правительству (§ 165); наконецъ, запрещалось допускать къ печатанію сочиненія, «въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей» (§ 154). Этимъ же уставомъ устанавливался и принципъ множественности цензуръ, который потомъ, развиваясь постепенно, подчинилъ литературу двадцати-двумъ цензурамъ.

Уставъ 1826 года, послѣ двухлѣтняго существованія, былъ замѣненъ новымъ — съ измѣненіемъ многихъ подробностей, особенно въ организаціи цензуры, но съ сохраненіемъ того же духа. Затѣмъ дальѣйшія дѣйствія власти, за все время царствованія покойнаго императора, состояли въ инструкціяхъ цензорамъ и организаторскихъ мѣрахъ по устройству цензуры. Изъ числа послѣднихъ можно указать на опредѣленіе, въ 1831 году, въ главное цензурное управленіе члена со стороны шефа жандармовъ и на учрежденіе въ 1848 году «негласнаго комитета», извѣстнаго подъ именемъ «комитета 2-го апрѣля», обязанности котораго состояли «изъ высшаго надзора, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, за духомъ и направленіемъ книгопечатанія, на какомъ бы языкѣ и по какому бы вѣдству сочиненія ни появлялись».

Чтобы судить о духѣ тогдашней цензурной практики, мы укажемъ на нѣкоторыя распоряженія, съ которыми должны были сообразоваться цензоры, независимо отъ устава. Такъ въ 91 № фельетона *Съверной пчелы* за 1848 годъ (28 апрѣля) былъ помѣщенъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ въ донесеніяхъ начальнику нерѣдко позволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно

дурнаго теченія дѣль и ошибочныхъ учреждений. Начальникъ, полусуто, полусерьезно, сказалъ ему: «любезный другъ, не пиши такимъ острымъ перомъ, не то мы должны будемъ его прятунить». «Что же? отвѣчалъ чиновникъ: «тогда я буду писать грубо».

По поводу этого анекдота было сдѣлано цензурному комитету общее замѣчаніе для руководства, что «подобные мнимо-остроумные-разказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности, и въ такомъ смыслѣ должны быть почитаемы вредными, а потому принять надлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повторяться».

Въ томъ же году (2-го іюня) та же *Съверная пчела* допустила въ своемъ фельетонѣ обличеніе легковыхъ извозчиковъ Царскаго-Села въ отступленіи отъ таксы. Это обличеніе дало поводъ къ такому руководящему замѣчанію: «каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ, каждому основательному извѣщенію о злоупотребленіи, указаны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, сами по себѣ, конечно, неважны; но важно то, что онѣ изъявлены не передъ подлежащею властію, а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественаго устройства». А потому: «не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Третьимъ распоряженіемъ, по поводу изданія книги: *Магазинъ всякъ увеселеній или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй*, цензурному комитету (въ 1852 г.) внушалось: «вздорныя и питающія суевѣріе гадательныя и т. п. книги впредь вовсе не разрѣшать къ печатанію».

Кажется, было бы излишне оговариваться, что мы указываемъ на подобные факты не для того, чтобы осудить систему дѣйствій, которую, конечно, никому не придется въ голову оправдывать, а только для того, чтобы показать, что эта система была дѣйствительно основана на такомъ взглядѣ, который былъ уже несвойственъ тому времени.

Въ настоящее царствованіе книжное дѣло вызвало гораздо болѣе организаторскихъ мѣръ, правительственныхъ распоряженій и законодательныхъ попытокъ, чѣмъ сколько ихъ было сдѣлано или предпринято во все предъидущее время. Пытались обращаться и къ *неласному комитету*, какъ въ 1848 году, и къ образованію отдѣльнаго учрежденія *главнаго управленія цензуры*, независимо отъ министерства просвѣщенія, и снова къ закрытію его—словемъ во всему, что было предпринимаемо прежде, и кромѣ того ко многому новому. Знакъ, что старая система, построенная на старинномъ, предубѣжденномъ взглядѣ противъ книги, стала оказываться несостоятельною и что это начинало становиться

яснымъ. Передъ концомъ исчезнувшаго теперь порядка, мы стояли на томъ, что цензурное вѣдомство было подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ, множественность цензуръ значительно ограничена, цензурный уставъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ распоряженія по цензурной части, начиная съ 1828 года, были отмѣнены, и для руководства цензорамъ предложены высочайше утвержденныя (12 мая 1862 г.) временныя правила, числомъ XIII, и вызываемыя случайностями инструкція. Переимѣны эти, конечно, и само правительство не думало считать сколько нибудь существенными. Впервыхъ, временныя правила все-таки были извлеченіемъ изъ отмѣненныхъ правилъ; вовторыхъ, вызываемыя новѣйшими случайностями инструкція рѣшительно не могли имѣть никакого превосходства передъ тѣми, которыми давались цензорамъ въ предъидущее время; втретьихъ, тѣ цензоры, которые были въ своихъ должностяхъ при дѣйствіи устава, необходимо дѣйствовали такъ, какъ будто онъ вовсе не былъ отмѣненъ, потому что духъ устава и правилъ одинъ и тотъ же; а тѣ, которые вновь опредѣлялись, вслѣдствіе образовавшейся между цензорами традиціи, заимствовали опытностію (какъ это намъ совершенно близко извѣстно) отъ своихъ старѣйшихъ товарищей.

Положеніе писателя во весь этотъ, едва кончившійся. періодъ времени, хорошо можетъ быть объяснено примѣромъ этой самой статьи нашей, посвящаемой цензурному дѣлу, но уже печатаемой безъ цензуры. Относительно ея во временныхъ правилахъ есть правило (III): «При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученые разсужденія, написанныя тономъ, приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружены уже на опытѣ». Принимая за эту статью, я руководствовался бы этими самыми правилами, которыми руководствовался бы и цензоръ при ея разсмотрѣніи. Очевидно, что на мое спеціальное знаніе предмета, о которомъ я говорю, на приличіе моего тона и на то, что несостоятельность учрежденія, составляющаго предметъ моей статьи, доказана опытомъ, мой цензоръ могъ смотрѣть совершенно иначе, чѣмъ какъ слѣдуетъ смотрѣть на все это по самому внутреннему убѣжденію моей собственной совѣсти, даже иначе, чѣмъ какъ могли бы смотрѣть всѣ другіе цензоры, потому что ученость, приличіе и болѣе или менѣе доказанная несостоятельность учрежденія—все это вещи условныя, имѣющія различныя степеня и допускающія различныя взгляды. Словомъ, на основаніи этого правила могло быть запрещено рѣшительно все, что только у насъ говорилось и еще говорится о судебной реформѣ и земскихъ учрежденіяхъ, и однако мы знаемъ, что на дѣлѣ допускались и допускаются самыя невѣжественныя разсужденія объ этихъ предметахъ, допускались даже въ газетахъ, которыхъ подписная цѣна съ пересылкою ниже семи рублей и которыми временными правилами (пр. V) рѣшительно запрещается обсуждать подобныя предметы, хотя бы съ

поднимъ здравомысліемъ и ученостію. Такимъ образомъ, по этому правилу, власть цензора, по всей справедливости, можетъ быть названа неограниченною. Каждодневный опытъ постоянно доказывалъ, кромѣ того, и писателямъ, и самимъ цензорамъ, и даже тѣмъ властямъ, которымъ подчинялись и писатели и цензоры, что то же самое слѣдуетъ сказать и объ всѣхъ XIII-ти временныхъ правилахъ. Неограниченный произволъ цензора, совершенная безправность книги, бесполезность частной инициативы по всему кругу предметовъ, обнимаемыхъ правительствомъ, то-есть по всѣмъ вообще предметамъ—эти непремѣнные условія старой системы оставались въ своей силѣ до послѣдняго врсмени. Если мы видѣли уклоненія отъ нихъ, то не потому, чтобы это дозволялъ духъ минувшей системы, а только потому, что это вымогала духъ времени.

Литература требовала исхода. Она требовала этого съ такой же настойчивостію, какъ наши суды, какъ крѣпостное право, какъ откупное зло, какъ управление земствомъ. Она требовала не то-что поправокъ или измѣненій въ старой системѣ, а совершенно новой системы. Правила, утвержденныя 6-го апрѣля и вступившія въ дѣйствіе съ 1-го сентября, имѣютъ своимъ назначеніемъ удовлетворить этому требованію. Мы не можемъ сказать, чтобы старая система вполне отбрасывалась ими. Но мы воздержимся пока опредѣлять, мѣрою и вѣсомъ, на сколько она и удержалась въ нихъ; потому что очень хорошо знаемъ, какъ много можетъ зависть отъ примѣненія ихъ къ практикѣ. Имѣтъ о нихъ истинное понятіе, мы, безъ сомнѣнія, научимся въ непродолжительное время; но все же это можетъ обнаружить только время. Достоверно, однако, что даже самое неблагопріятное примѣненіе ихъ все-таки должно быть неизмѣримо лучше самаго идеальнаго состоянія печати подъ цензурной властію. Если и можно сказать, что въ новыхъ правилахъ дано мѣсто произволу, то этотъ произволъ поставленъ въ необходимость обнаруживаться явно, долженъ при всякомъ проявленіи своемъ возбуждать общественное мнѣніе и уже по одному этому можно надѣяться, что онъ не будетъ такимъ неограниченнымъ, каковъ былъ тайный и безапелляціонный произволъ цензора. Потому мы встрѣчаемъ новыя правила съ совершеннымъ довѣріемъ, и не усомнились назвать ихъ благодареніемъ. Мало этого, мы даже всѣмъ содержаніемъ настоящаго очерка старались представить только мѣрку, которой нужно мѣрять это благодареніе. Глубоко сознавая цѣну его наряду со всѣми инициативами—по крайней-мѣрѣ, пишущими въ этомъ журналѣ—мы хотѣли, чтобы оно было сознано, въ мѣру своего истиннаго значенія, и читающими.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

МИНИСТЕРСТВО ГРАФА БЕЛЬКРЕДИ. — УМИРТОВРЕНІЕ СВѢРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ НЕГРОВЪ НА Югѣ.

Послѣ продолжительной борьбы австрійскаго правительства съ Венгріей, оно, начавъ сближеніе съ этою страной, намѣрено, по видимому, произвести въ организаціи имперіи коренныя преобразованія, противоположныя тѣмъ, которыя были задуманы и исполнены г. Шмерлингомъ. Преобладаніе въ настоящее время въ Вѣнѣ венгерской партіи совершенно измѣняетъ прежній образъ дѣйствій австрійскаго правительства. Если оно прежде силилось подвести Венгрію подъ одинъ общій уровень съ прочими провинціями монархіи, то теперь оно, наоборотъ, хочетъ заимствовать основныя начала внутренней администраціи изъ этой страны и примѣнить ихъ не только къ тѣмъ частямъ имперіи, которыя находятся въ соединеніи съ венгерской короной, но и къ славянскимъ и нѣмецкимъ землямъ.

Извѣстно, что Венгрія, въ силу своей древней конституціи, представляетъ собственно федерацію комитатовъ, такъ-что каждый комитатъ, сохраняя свою автономію и имѣя свою особую администрацію, сходствуетъ въ сущности съ швейцарскимъ кантономъ. Раздѣленіе Венгріи на комитаты существуетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и господство Габсбурговъ не могло уничтожить этого раздѣленія. При самостоятельномъ существованіи комитатовъ, венгерскіе муниципалитеты сохранили свою самобытную организацію, такъ-что къ подобному порядку никакъ непримѣнима та централизація, о которой столь усердно хлопоталъ г. Шмерлингъ, предшественникъ графа Белькреді. Нынѣшній государственный министръ Австріи, какъ сообщаютъ венгерскія газеты, не раздѣляя мнѣнія г. Шмерлинга о пользѣ централизаціи, намѣренъ предоставленіемъ самой широкой автономіи всѣмъ областямъ имперіи упрочить ея цѣлость и водворить въ ней спокойствіе. Онъ разсчитываетъ, что этимъ способомъ можно будетъ привязать къ императорскому правительству всѣ національности, входящія въ составъ Австрійской имперіи, и уничтожить главную причину неудовольствія—преобладаніе бюрократизма надъ мѣстными интересами областей.

Графъ Белькреді надѣется достигнуть этого, образовавъ повсюду представительные центры изъ городскихъ и сельскихъ общинъ съ общинными совѣтами. Такія общины должны будутъ составить изъ себя округа на подобіе венгерскихъ комитатовъ. Въ округахъ будутъ совѣты, которые получаютъ значительную степень самостоятельности, такъ-какъ имъ будетъ предоставлено право назначать для округа судью, нотаріуса и сборщика податей; имъ будетъ также ввѣрена исполнительная власть по дѣламъ округа. Венгерскія,

а слѣдомъ за ними французскія и нѣмецкія газеты говорятъ, что въ такой системѣ государственнаго устройства Австріи заключается программа графа Белькреді. Удастся ли ему осуществить подобныя предположенія—это еще неизвѣстно, но нельзя не согласиться, что исполненіемъ этой программы графъ Белькреді сблизитъ Венгрію съ правительствомъ и въ то же время удовлетворитъ въ значительной степени стремленіямъ прочихъ національностей къ мѣстной автономіи и, слѣдовательно, успокоитъ австрійское правительство какъ въ отношеніи Венгріи, такъ и въ отношеніи другихъ племенъ, населяющихъ имперію.

Между тѣмъ, при этомъ встрѣчается одно неудобство. Заимствуя систему государственныхъ порядковъ изъ Венгріи, графъ Белькреді возбуждаетъ этимъ заимствованіемъ опасеніе въ представителяхъ демократической партіи, которая опасается, что высшія мѣста въ общинахъ, устроиваемыхъ на подобіе венгерскихъ комитатовъ, займутъ представители мѣстной аристократіи. Взглядъ этой партіи относительно мысли графа Белькреді высказывается очень ясно въ вѣнской газетѣ «Neue Freie Presse».

«Уже много лѣтъ — говоритъ эта газета — слышатся заявленія ультра-консерваторовъ о томъ, что дворянство призвано, по преимуществу, управлять народами Австріи въ согласіи съ духовенствомъ и подъ защитою верховной власти. Развѣтіе венгерскаго вопроса, какъ вѣжется, привело этотъ взглядъ къ зрѣлости. Феодалная партія, убѣдившись, что аристократическій принципъ, несмотря на законы 1848 года, имѣетъ еще въ Венгріи глубокіе корни, хочетъ найти у венгерцевъ такихъ союзниковъ, которые служили бы ея цѣлямъ».

Допуская справедливость этого предположенія, упомянутая газета спрашиваетъ, какія будутъ послѣдствія, если дворянство, составивъ изъ себя тѣсно-сплоченную политическую партію, осмѣлится еще разъ захватить власть въ свои руки? По словамъ газеты «Presse», всякая политическая партія, достигнувъ преобладанія, стремится къ тому, чтобъ расширить кругъ своей дѣятельности. Поэтому, съ цѣлью упрочить свое господство, дворянство Австрійской имперіи будетъ домогаться привилегій сперва политическихъ, а потомъ и социальныхъ. Мало по малу—замѣчаетъ «Presse»—гражданская судебная власть обратится въ патримоніальную. Конечно, и при этомъ условіи можетъ существовать конституція, но какъ обширны будутъ избирательныя права, предоставленныя народу?

Затѣмъ газета «Presse» находитъ полезнымъ, чтобы выгоды децентрализаціи и автономіи, заявленныя въ циркулярѣ графа Белькреді, были пояснены причинами, вызывающими такую систему, и прибавляетъ, что истинныя конституціонныя принципы могутъ водвориться только тогда, когда выборы будутъ совершенно свободны. Нападая на систему Белькреді, газета «Freie Presse» сама впадаетъ въ ошибку, выставляя въ примѣръ Англію, гдѣ, по словамъ ея, хотя дворянство и имѣетъ много привилегій, но въ

сущности право народа гораздо обширнѣе этихъ привилегій. Мы имѣя уже случай представить однажды въ подробности о правѣ выборовъ въ Англіи, и потому считаемъ излишнимъ останавливаться на замѣчаніи, сдѣланномъ вѣнскою газетою.

Вообще же можно сказать, что графу Белькреди весьма трудно будетъ осуществить его програму, хотя чисто-федеральная партія и продолжаетъ еще надѣяться на его министерство, но такъ-называемые автономисты и демократическіе федералы уже отшатнулись отъ правительства. Въ виду настоящаго порядка дѣлъ въ Австріи, австро-нѣмецкія газеты подробно обсуживаютъ политику централистовъ и дуалистовъ, и полагаютъ, что политика ихъ можетъ привести Австрію къ раздвоенію и присоединенію части ея къ Германіи. По этому поводу онѣ прямо говорятъ, что земли чешской короны не могутъ считаться областями, безспорно принадлежащими къ Германскому Союзу. Газета «Graetz-Tagespost» высказываетъ, между прочимъ, такую мысль: строгая централизація пережила свое время въ Австріи. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы у насъ не было другой заботы, кромѣ той, чтобы впасть въ противоположную крайность и порвать тѣ связи, которыми соединены между собою различныя области имперіи, и водрузить на развалинахъ централизаціи знамя дуализма. Въ заявленіяхъ мадьяръ, касательно невозможности разсуждать о главныхъ государственныхъ вопросахъ, общихъ для всей имперіи, на одномъ, общемъ для всѣхъ земель, сеймѣ, мы видимъ признаки сепаратизма, слишкомъ далеко зашедшаго въ своихъ замыслахъ.

Отъ славянъ, по поводу централизаціи, слышится иное. Такъ, пражская газета «Narodni-Listy» говоритъ, что хотя нѣмецко-централистическая партія поражена, но что она, еще неуничтоженная совершенно, ожидаетъ благопріятнаго случая, чтобы снова овладѣть кормиломъ правленія. Одну изъ главныхъ надеждъ ея составляетъ непрочность министерства графа Белькреди, которое все еще представляется чѣмъ-то переходнымъ. Кромѣ того, министерство графа Белькреди, какъ замѣчаетъ упомянутая газета, не въ полномъ составѣ, такъ-какъ восточная половина имперіи представляется въ министерствѣ лишь мадьярскими государственными людьми. Придворные канцлеры трансильванскій и хорватскій не принадлежатъ къ числу членовъ министерскаго совѣта, который, по этой причинѣ, оказывается недостаточнымъ для представительства интересовъ разноплеменныхъ народовъ, составляющихъ население королевства венгерскаго. По этому самому, въ рѣшеніяхъ министерства должна господствовать односторонность, выгодная для венгерцевъ и невыгодная для національностей, присоединенныхъ къ коронѣ св. Стефана.

Между тѣмъ, устроить на прочныхъ основаніяхъ отношенія къ Венгріи хорватовъ, словаковъ, сербовъ, румыновъ не слишкомъ легко. Австрійское правительство можетъ вступить въ соглашеніе съ мадьярами не иначе, какъ принявъ исходною точкою законы 1848 года, противъ которыхъ съ оружіемъ въ рукахъ воз-

стали исчисленные здѣсь народы. Положительно можно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не захочетъ признать силу упомянутыхъ законовъ. Такимъ образомъ венгерскія дѣла, несмотря на замѣщенье г. Шмерлинга графомъ Белькреди, благопріятствующимъ Венгріи, и на вступленіе въ составъ новаго министерства графовъ Майлата и Эстергази, не приходятъ къ той окончательной развязкѣ, на которую рассчитывали въ виду совершившагося въ Вѣнѣ министерскаго кризиса.

Въ сущности задача министерства графа Белькреди заключается въ томъ, чтобы поправить ошибку, сдѣланную австрійскимъ правительствомъ въ прежнее время, когда оно допускало, чтобы Венгрія пользовалась огромными политическими правами, между тѣмъ, какъ прочія части имперіи не имѣли ихъ вовсе до 1860 года. Теперь, какъ мы видѣли, графъ Белькреди надѣется уравнять эти права, распространивъ систему самоуправленія Венгріи на всю монархію. Исполнить это не очень легко, вслѣдствіе разнородныхъ силъ и противоположныхъ національныхъ стремленій, господствующихъ между народами, подвластными Австріи. Этнографическія условія и историческая жизнь королевствъ и областей, вошедшихъ въ составъ имперіи, представляютъ сильную преграду, и всѣ усилія австрійскаго правительства утвердить въ Австріи государственное единство до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы министерству графа Белькреди удалось исполнить этотъ гигантскій подвигъ. Габсбурги упустили пору, благопріятную для того, чтобы слить всѣ области въ общемъ конституціонномъ представительствѣ. Политическая разрозненность различныхъ составныхъ частей имперіи пустила слишкомъ глубокіе корни, и исконныя политическія права Венгріи съ одной стороны и находеніе, съ другой стороны, прочіихъ областей подъ абсолютнымъ господствомъ провели рѣзкую черту между венгерскими и прочими національностями. Теперь Венгрія, въ виду политическихъ правъ, предоставляемыхъ другимъ областямъ имперіи, не рѣшится отказаться отъ выгодъ своего прежняго положенія, а прочіе народы, смотря на исключительное положеніе Венгріи, не успокоятся и будутъ домогаться уравнинія своихъ правъ съ правами, удерживаемыми Венгріей.

Министерству графа Белькреди тѣмъ труднѣе дѣйствовать одновременно и въ пользу мѣстнаго управленія отдѣльныхъ областей и въ пользу общаго государственнаго единства, что выигранъ истинный смыслъ февральской конституціи. Въ этой конституціи выразилась, подъ прикрытіемъ либеральныхъ формъ новѣйшаго времени, вся утонченность традиціонной политики Австріи по внутреннимъ дѣламъ. Конституціей этой, повидимому, предполагалось упрочить государственное единство, удовлетворить стремленіе къ самоуправленію отдѣльныхъ земель, подавленному нѣмедлкимъ преобладаемъ, и сблизиться съ Венгрією, упорно державшейся пассивной оппозиціи въ теченіе пятнадцати лѣтъ, то-есть со времени усмиренія послѣдняго возстанія. Конституціей этой предполага-

лось удовлетворить притязаніямъ австрійской аристократіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіямъ среднего сословія, начавшаго приобрѣтать все больше и больше значенія. Февральская конституція имѣла также въ виду согласить бюрократическую нѣмецкую централизацію, столь дорогую для австрійскаго правительства, съ условіями областного самоуправленія, овазавшагося необходимымъ для развитія мѣстныхъ интересовъ, безъ чего неизбѣжно долженъ былъ задерживаться успѣшный ходъ общихъ государственныхъ дѣлъ. Конституціей надѣялись доставить взаимныя соглашенія различныхъ національно-политическихъ партій, выступавшихъ въ послѣднее время съ большею энергіею и съ большею увѣренностію въ успѣхъ своихъ предпріятій. Въ этомъ отношеніи февральской конституціи предстояло примирить стремленія поклонниковъ централизаціи, преимущественно нѣмцевъ (которые, какъ чиновники, видѣли въ этой системѣ средство для обезпеченія не только политическаго преобладанія, но и матеріальнаго благосостоянія), съ стремленіемъ федералистовъ, преимущественно славянъ (которые хотѣли во многихъ областяхъ стать въ непосредственныя отношенія къ верховному правительству), и наконецъ съ стремленіями дуалистовъ — преимущественно венгерцевъ, видѣвшихъ въ этой системѣ залогъ своей національной самостоятельности.

Такимъ образомъ февральская конституція взяла на себя слишкомъ обширную и разностороннюю задачу. Но при этомъ выразилась обычная система австрійскаго правительства—дѣлать дѣло только въ половину, такъ чтобы, пользуясь неокончательной его установкой, можно было искать для себя преобладанія при каждомъ удобномъ случаѣ въ разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, особенно во взаимной враждѣ разнородныхъ племенъ. Между тѣмъ австрійская конституція слишкомъ односторонне взялась за дѣло и, заботясь о созданіи государственнаго единства, выпустила изъ виду необходимость національнаго единства, безъ котораго не могло осуществиться общее представительство для всей имперіи на одномъ общемъ сеймѣ.

Такая, конечно умышленная, односторонность февральской конституціи относительно единства имперіи, и предпоченіе, оказанное ею сближенію народовъ въ смыслѣ общей государственной организаціи, а не въ смыслѣ національнаго примиренія, не привели правительство къ желаемымъ результатамъ. Составители австрійской конституціи надѣялись достигнуть предположенной ими цѣли искусственнымъ путемъ и рассчитывали, при помощи изобрѣтеній нашего времени, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, создать изъ разноплеменной Австріи нѣмецкое государство, польстивъ входящимъ въ него національностямъ правами мѣстнаго самоуправленія. По удачному выраженію пражской газеты «Narodъ», октябрьскій патентъ былъ составленъ для Франкфурта, народы Австріи занимали при этомъ второстепенное мѣсто: ихъ исторія, ихъ взаимныя отношенія и современныя ихъ потребности оцѣнивались нѣмецкими воззрѣніями. Теперь не составляетъ уже никакой тайны

то обстоятельство, что предшественник графа Белькреди, г. Шмерлингъ, устроилъ земскіе выборы такъ, что славяне не могутъ высылать на сеймы того числа депутатовъ, какое слѣдуетъ имъ по праву. Такъ, напримѣръ, на далматскомъ сеймѣ 20,000 итальянцевъ имѣли несравненно больше депутатовъ, нежели 420,000 славянъ. Вообще система г. Шмерлинга состояла въ томъ, чтобы поднимать въ народномъ представительствѣ такія національности, которыя среди общей массы населенія, въ той или другой области, были ничтожны, и подавать національности, разселившіяся сплошно на большихъ пространствахъ. Конечно, этимъ прежде всего предполагалось вызвать племенную борьбу, то-есть въ сущности продолжить ту систему, которой Австрія держалась искони и которая препятствовала упроченію государственнаго единства, основаннаго не на правительственныхъ мѣрахъ, а на взаимномъ сближеніи національностей между собою.

Вообще избирательный законъ, составленный г. Шмерлингомъ, возбуждаетъ неудовольствіе между славянскимъ населеніемъ, и газеты, поддерживающія интересы этого населенія, настаиваютъ на необходимости новаго выборнаго устава, къ чему, какъ онѣ заявляютъ, склоняется нынѣ и министерство графа Белькреди.

Но кромѣ національной борьбы, финансовый вопросъ представляетъ для графа Белькреди весьма важную задачу. Можно положительно сказать, что едва-ли не финансовый вопросъ двигаетъ прежде всего партію федералистовъ. Представители этой партіи не желаютъ доставить вѣнскому министерству право располагать исключительно денежными средствами, поступающими въ общую государственную казну изъ различныхъ областей имперіи. При такомъ порядкѣ предвидится рядъ непроеводительныхъ и даже совершенно напрасныхъ издержекъ на армію и чиновниковъ. Здѣсь собственно идетъ рѣчь не столько о политическихъ правахъ націй, сколько о средствахъ предотвратить обѣднѣніе областей, въ пользу общей государственной казны, расходуемой безъ соображенія съ мѣстными интересами и мѣстными потребностями. Образъ дѣйствій г. Шмерлинга въ отношеніи финансовъ возбуждаетъ справедливыя опасенія на счетъ будущаго. Извѣстно, что предшественникъ графа Белькреди не сумѣлъ уменьшить расходы, организовать финансы и управлять страной безъ помощи громадной и алчной бюрократіи, поглощавшей значительную часть государственныхъ доходовъ. Его четырехлѣтнее управленіе дѣлами имперіи привело Австрію еще ближе къ банкротству, такъ-какъ дефицитъ увеличивался по 11 миліоновъ ежегодно, займы сдѣлались невозможны, прямыя налоги оказались столь тягостными, что верхняя палата, какъ мы уже объ этомъ говорили, стала требовать уменьшенія ихъ съ большею настойчивостію, нежели нижняя. Очень понятно, что такіе результаты по одному изъ первенствующихъ государственныхъ вопросовъ должны были убѣдить въ недостаточномъ развитіи конституціоннаго порядка, которымъ думали по-

ложить предѣлъ неразсчетливымъ тратамъ центральнаго правительства.

Министерству графа Белькреді предстоитъ въ этомъ отношеніи немаловажный трудъ и, конечно, первымъ приступомъ къ этому дѣлу должно быть созваніе имперской думы въ полномъ ея составѣ, такъ-какъ финансовый вопросъ касается не отдѣльно той или другой области, но равномерно относится ко всему государству. Можно сказать, что успѣшное разрѣшеніе этого вопроса представителями всѣхъ областей имперіи будетъ весьма много содѣйствовать, если не истинному, то все же хоть искусственному объединенію австрійской монархіи.

Въ числѣ различныхъ двигателей государственныхъ вопросовъ періодическая пресса занимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, не послѣднее мѣсто. Несмотря на существующую нынѣ въ Австріи свободу печати, Австрія не можетъ похвалиться успѣшнымъ развитіемъ политической журналистики, такъ-какъ строгія карательныя мѣры весьма много препятствуютъ такому развитію. Въ настоящее время министерство графа Белькреді затронуло этотъ вопросъ и, судя по циркуляру министра юстиціи, надобно полагать, что взглядъ новаго министерства на значеніе печати, сравнительно со взглядомъ г. Шмерлинга, оазывается болѣе либеральнымъ и болѣе основательнымъ.

Упомянувъ, что амнистія, данная императоромъ за всѣ проступки по дѣламъ печати, справедливо принята повсюду съ удовольствіемъ, какъ доказательство тому, что императорское правительство питаетъ полное довѣріе къ своему народу и требуетъ отъ него для себя такого же довѣрія, г. Комерсъ прибавляетъ: отъ здраваго смысла народовъ Австріи можно вполне ожидать, что амнистію всѣ будутъ разсматривать въ этомъ смыслѣ, а не будутъ считать ее признакомъ того, что правительство ищетъ дешевой популярности.

Далѣе министръ юстиціи замѣчаетъ, что судебной власти необходимо вести себя въ процессахъ противъ печати такимъ образомъ, чтобъ при существующихъ законахъ, примѣняемыхъ съ непоколебимою строгостію противъ нарушеній, совершаемыхъ ежедневною прессою и вредныхъ для общественнаго благосостоянія, тщательно избѣгать всякаго подозрѣнія въ одностороннемъ преслѣдованіи.

Министръ замѣчаетъ, что коль скоро въ конституціонной странѣ пробуждается политическая жизнь, то необходимыми послѣдствіями такого пробужденія бываетъ возникновеніе политическихъ партій взаимная ихъ борьба за установленіе началъ, принятыхъ каждою партією. Между этими партіями могутъ быть, однако, и такія, конечная цѣль которыхъ заключается въ преусиѣнаніи неприкосновенныхъ правъ династіи и въ процвѣтаніи народа, и которыя бываютъ несогласны между собою только въ способахъ и средствахъ для достиженія этой цѣли.

Въ Австріи—продолжаетъ г. Комерсъ—политическія воззрѣнія часто сходятся съ національными стремленіями и начало равно-

правности, часто вводимое императоромъ, могло бы остаться безъ содѣйствія прессы непроведеннымъ въ общественное мнѣніе вслѣдствіе осужденія политическихъ воззрѣній. Г. Комерсъ заявляетъ, что австрійское правительство вполне понимаетъ высокое назначеніе ежедневной прессы, которая, сознавая свою благородную обязанность, стремится къ просвѣщенію общественнаго мнѣнія, къ выраженію справедливыхъ желаній народа, и къ обращенію вниманія правительства на эти желанія. Далекое, по словамъ циркуляра, отъ всякой мелочной раздражительности, императорское правительство съ благодарностію приметъ основательную критику своихъ мѣръ, если въ этой критикѣ будетъ проявляться очевидное желаніе достигнуть общественнаго благосостоянія, если она будетъ проникнута духомъ цивилизаціи. На подобныя произведенія печати, говоритъ г. Комерсъ, должно смотрѣть съ безпристрастнымъ спокойствіемъ, и судить о нихъ должно не иначе, какъ съ точки зрѣнія нынѣшнихъ учреждений Австріи.

Но такіе благопріятные отзывы о значеніи прессы сопровождаются со стороны министра юстиціи замѣчаніемъ, что непремѣнною обязанностію правительственныхъ органовъ должно быть не только вмѣшательство и твердое преслѣдованіе проступковъ печати, изъ какого бы лагеря они ни происходили, но также употребленіе всѣхъ законныхъ средствъ для скорѣйшаго постановленія судебныхъ приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда періодическая печать, забывая свое высокое призваніе, осмѣливается направлять свои нападенія противъ высшихъ и самыхъ священныхъ учреждений, когда она относится непріязненно къ единству и цѣлости имперіи, старается потрясти основы всего общественнаго порядка и поколебать уваженіе къ существующимъ законамъ, когда она нападаетъ на государственные органы съ явною цѣлью унижить ихъ достоинство или отзывается объ нихъ такимъ образомъ, что возбуждаетъ противъ нихъ общую ненависть и насмѣшки.

Конечно, краснорѣчивыя фразы австрійскаго министра о высокомъ значеніи и свободѣ прессы можно считать общими мѣстами, но во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что послѣ неустанныхъ и придирчивыхъ преслѣдованій ея въ министерство г. Шмерлинга, ей, въ министерство графа Белькреди, официально напоминаютъ объ ея правахъ и о близкихъ ея отношеніяхъ къ развитію государственной жизни.

Хотя еще никакъ невозможно опредѣлить съ точностію того пути, по которому пойдетъ австрійское правительство, руководимое графомъ Белькреди, и даже сказать, долго ли просуществуетъ оно, но нельзя не замѣтить, что первые приступы его къ дѣлу объщуютъ иное направленіе какъ по дѣламъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Австрійское правительство, послѣ невыгоднаго для него сближенія съ Пруссіей, отказывается замѣтнымъ образомъ отъ союза съ велико-германскою партіей и отъ централистическихъ стремленій, которыя такъ энергически заявлялъ г. Шмерлингъ. Правда, что новое австрійское министерство не заявило своей

программы; да напрасно, кажется, и было бы подобное заявленіе, такъ-какъ въ сущности программа нетолько не сдѣлалась бы для него обязательною, но и при ней всегда открывалась бы возможность уклоняться въ сторону отъ заявленныхъ заранѣе плановъ. Доказательствомъ тому можетъ служить первый циркуляръ графа Белькреди. На основаніи этого циркуляра, славяне готовы были видѣть приближеніе той минуты, когда Австрія получить федеральное устройство. Между тѣмъ въ послѣднее время новое министерство повидимому все болѣе и болѣе начинаетъ склоняться на сторону объединенія всѣхъ земель венгерской короны, и теперь мадьяры приходятъ въ восторгъ отъ министерства графа Белькреди. Безъ всякаго сомнѣнія, внѣшняя политика не пройдетъ также безъ вліянія на систему дѣйствій новаго министерства и, кто знаетъ, быть можетъ, подъ ея вліяніемъ, графу Белькреди придется порадовать чѣмъ нибудь и нѣмцевъ, приунывшихъ на первыхъ порахъ при стремленіи къ децентрализаци. Такимъ образомъ, статья можетъ, поочередно будутъ возлагать свои надежды на министерство графа Белькреди и федералисты, и дуалисты, и централизаторы, такъ что на долю всѣхъ ихъ будетъ приходить утѣшеніе, и тогда вѣроятный результатъ таковой системы будетъ тотъ, что сплоченіе Австріи тѣмъ или другимъ способомъ придется поручить новому министерству.

Необыкновенные случаи, въ особенности же кровавыя битвы, привлекаютъ къ себѣ гораздо болѣе вниманія, нежели постепенный ходъ событій, развивающихся и упрочивающихъ внутренней бытъ государства. Вотъ почему извѣстія изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во время происходившей тамъ упорной борьбы, и потомъ подробности о смерти президента Линкольна постоянно наполняли столбцы европейской журналистики, тогда какъ теперь получаемыя оттуда извѣстія составляютъ уже предметъ второстепенной важности. Между тѣмъ нельзя не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за тѣмъ, какъ восстанавливается потрясенный организмъ великой американской республики, и какъ оканчивается дѣло, вивавшее продолжительную и истребительную войну. Послѣ военныхъ бѣдствій, для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ наступила двойная революція: экономическая и социальная и, безъ всякаго сомнѣнія, все, относящееся къ предмету, должно заслуживать особеннаго вниманія политиковъ и экономистовъ. Послѣ подавленія вооруженнаго возстанія, вашингтонскому правительству приходится умиротворять страну уже не силою оружія, но мѣрами мирнаго характера и съ помощью ихъ возстановить расторгнутую войною политическую связь между Сѣверомъ и Югомъ.

Вопросъ о военной силѣ получаетъ теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ второстепенное значеніе, такъ-какъ послѣ окончательнаго разбитія арміи южанъ, достаточно было нѣсколь-

но недѣль для того, чтобъ заставить покориться всѣхъ предводителей возстанія и разсѣять вооруженныя шайки, пытавшіяся оказывать бесполезное сопротивленіе. Вашингтонское правительство, тотчасъ же послѣ паденія Ричмонда, нашло возможнымъ распустить бѣльшую часть своей арміи и это доставило ему средство произвести сокращеніе расходовъ около 2 милліоновъ долларовъ въ день. Вообще спокойствіе было восстановлено гораздо скорѣе, нежели этого можно было ожидать, и уже къ половинѣ мая наличный составъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ограничивался 100,000 бѣлыхъ и 40,000 цвѣтныхъ солдатъ. Обстоятельства эти весьма важны для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, у которыхъ, не такъ какъ въ европейскихъ государствахъ, военная часть вообще не составляла никогда первостепенныхъ расходовъ.

Относительно правъ союза на покоренные силою оружія южные штаты, составились двѣ противоположныя теоріи.

Съ одной стороны, представители радикальной партіи и въ журналистикѣ и въ рѣчахъ обвиняють Югъ въ возстаніи противъ законной власти, и находятъ, что въ отношеніи къ южанамъ союзное правительство должно воспользоваться тѣми правами, которыми пользуются государи противъ своихъ мятежныхъ подданныхъ и побѣдители противъ побѣжденныхъ; что въ силу этихъ правъ оно можетъ примѣнить къ Югу всѣ строгости военныхъ законовъ, объявить негровъ свободными, лишить южные штаты государственнаго самоуправленія, и раздѣливъ обширныя плантаціи, принадлежавшія предводителямъ возстанія, на малые участки, раздать ихъ въ собственность другимъ лицамъ. Послѣдняя мѣра предлагается въ тѣхъ видахъ, что такимъ способомъ уничтожится на Югѣ вліяніе рабовладѣльческой аристократіи, и что бѣдное бѣлое населеніе сосѣднихъ штатовъ и лица, служившія подъ знаменами союза, получивъ плантаціи въ южныхъ штатахъ, уничтожатъ окончательно слѣды рабства.

Съ другой стороны умѣренная республиканская партія, въ главѣ которой находится государственный секретарь Сьюардъ, указывая на ту опасность, какой должны будутъ сопровождаться крайніе мѣры, предлагаетъ не только дѣйствовать снисходительно и великодушно, но и считать южные штаты неотглавшившимися отъ союза, относительно которыхъ, поэтому, справедливо принять только необходимыя, а не крайніе мѣры, и черезъ то облегчить восстановленіе прежнихъ отношеній Юга къ вашингтонскому правительству.

Повидимому, первая изъ этихъ теорій согласовалась съ личными взглядами президента Джонсона, ознаменовавшаго вступленіе свое въ бѣлый домъ энергическими рѣчами противъ южанъ. Въ этихъ рѣчахъ онъ грозилъ неумолимою карою извѣнникамъ и высказывалъ готовность не отступать ни предъ какими средствами, чтобъ подавить на Югѣ послѣдніе слѣды сепаратистическихъ стремленій, — но, во всеобщему изумленію, г. Джонсонъ оказался

на дѣлѣ не такимъ энергическимъ человѣкомъ, какимъ можно было его считать, судя по его словамъ.

«Мнимая строгость главы государства — говорить «New York Daily News» — сдѣлалась теперь предметомъ общихъ насмѣшекъ; не только ни одинъ изъ предводителей мятежа, исключенныхъ изъ амнистіи, не подвергся законной карѣ, но многіе изъ нихъ нашли доступъ къ президенту и теперь смѣло оспариваютъ ту политику, которую онъ принялъ первоначально въ отношеніи Юга». Не довольно энергическое преслѣдованіе южанъ возбудило сперва ропотъ въ той партіи, которая хотѣла дѣйствовать безошадно, но впоследствии этотъ ропотъ затихъ, невѣроятно только послѣдствіе ли того, что президентъ склонилъ недовольную имъ партію къ своимъ собственнымъ воззрѣніямъ, или же онъ самъ, поддавшись ея вліянію, рѣшился усвоить болѣе строгую политику? Дальнѣйшія распоряженія со стороны президента должны будутъ уяснить этотъ вопросъ.

Четырехлѣтняя борьба Юга съ Сѣверомъ произвела рѣшительный переворотъ въ экономическомъ быту южныхъ штатовъ, и этотъ переворотъ долженъ неизбѣжно отозваться на условіяхъ ихъ политическаго существованія. Прежде, на Югѣ господствовало убѣжденіе, что рабство негровъ должно служить основой нетолыко экономическаго благосостоянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основой политическаго могущества. Такъ полагали, что хлопотъ, воздѣлываемый руками невольниковъ, долженъ былъ доставлять огромныя финансовыя средства Югу и могъ, своимъ вліяніемъ на всемірную торговлю, заставить Сѣверъ признать необходимость существованія на Югѣ прежняго порядка дѣлъ, и тѣмъ самымъ упрочить самостоятельное бытіе вновь возникшей федерации невольничьихъ штатовъ. Исходъ войны долженъ былъ разсѣять прежнія мечты южанъ, и они могли теперь убѣдиться въ необходимости ввести себѣ иную систему труда, и слѣдовать инымъ политическимъ доктринамъ.

Если война подорвала въ значительной степени средства сѣверныхъ штатовъ, то она привела въ самое бѣдственное положеніе южные штаты. Теперь тамъ всюду, гдѣ прежде было замѣтно довольство, господствуютъ нищета и запустѣніе, но за то вмѣстѣ съ этимъ уничтоженъ тотъ источникъ, изъ котораго исходило это довольство, основанное на тяжеломъ рабствѣ. Изъ всѣхъ южныхъ штатовъ, особенно пострадала отъ войны Виргинія. Торговли ея не существуетъ, и несмотря на всѣ мѣры, принятія въ послѣднее время федеральнымъ правительствомъ, ничто не можетъ оживить ее. Остается одна только надежда, что обширныя земли, принадлежавшія обанкротившимся виргинскимъ капиталистамъ, перейдутъ въ руки европейскихъ эмигрантовъ и фермеровъ, отбывающихъ теперь въ значительномъ числѣ въ Виргинію, съ дѣлѣю сдѣлаться тамъ землевладѣльцами. Въ Южной Каролинѣ, гдѣ впервые вспыхнуло возстаніе, къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ войны присоединились раздоры между богатыми плантаторами и недостаточными классами блага населенія, къ которому здѣсь вообще негры ока-

зываются болѣе враждебными, нежели въ другихъ южныхъ штатахъ. Георгія грозить голодъ, и въ августѣ происходили уже волненія по случаю дороговизны жизненныхъ припасовъ. Въ Сѣверной Каролинѣ положеніе дѣлъ представляется въ лучшемъ видѣ и, кромѣ того, тамоннее население на громадныхъ митингахъ постоянно заявляетъ о своей преданности союзу, и о своей готовности подчиниться союзной конституціи. Затѣмъ во всѣхъ другихъ штатахъ расстройство дѣлъ достигаетъ большей или меньшей степени, такъ-что нужно немало времени и усилій, чтобъ загладить бѣдствія, нанесенныя Югу его возстаніемъ противъ Сѣвера.

Что касается негровъ, то прокламація президента Джонсона, объявившая амнистію, признала вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе правъ на собственности, за исключеніемъ правъ на негровъ. Такимъ образомъ, кровавая и продолжительная борьба достигла главнаго результата: вслѣдствіе ея рабство уничтожено, но недостаточно было уничтожить его въ принципѣ: необходимо было разрушить въ концѣ тѣ отношенія, въ которыя прежній порядокъ ставилъ негровъ, получившихъ личную свободу. Сломивъ юридическое право сторонниковъ невольничества, нужно еще поборотъ ихъ нравственное противодѣйствіе улучшенію быта негровъ. Въ настоящее время высшее завѣдываніе дѣлами по освобожденію негровъ сосредоточено въ конторѣ освобожденныхъ (freedmen bureau). Это учрежденіе, состоящее въ вѣдомствѣ военнаго министерства, обратило вниманіе на то обстоятельство, что еслибы къ освобожденнымъ невольникамъ были примѣнены тѣ законы, которые были изданы въ южныхъ штатахъ для свободныхъ негровъ, то положеніе ихъ сдѣлалось бы едва-ли не хуже того, въ какомъ они были прежде. Этими законами въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ воспрещалось жить свободнымъ неграмъ; если же они не удалялись оттуда, то ихъ сажали въ тюрьму или продавали съ аукціона въ полное распоряженіе плантаторовъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Очевидно, что такому порядку вещей необходимо было положить конецъ какъ можно скорѣе, потому что при подобныхъ условіяхъ освобожденіе невольниковъ не принесло бы имъ существенной пользы. Отмена законовъ, изданныхъ въ интересахъ рабовладѣльцевъ, послѣдовала первоначально въ Виргиніи, а затѣмъ и въ прочихъ штатахъ, гдѣ были введены таковаго рода законы. Частная дѣятельность людей, проникнутыхъ чувствомъ человѣколюбія, пришла также на помощь освобожденнымъ неграмъ. Эти люди съ полнымъ самоотверженіемъ отправляются теперь сотнями съ Сѣвера на Югъ и переносятъ тамъ самыя тягостныя лишенія, стараются просвѣтить бѣдныхъ, невѣжественныхъ негровъ, преобразовать ихъ въ людей самостоятельныхъ, а также внушить имъ силу и мужество для охраненія принадлежащихъ имъ человѣческихъ правъ, и сдѣлать ихъ способными пользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое они, рано или поздно, будутъ поставлены какъ равноправные граждане сѣверо-американскихъ штатовъ.

Но рядомъ съ доброжелателями освобожденныхъ рабовъ являются и ихъ противники, которые, не имѣя теперь возможности стоять открыто за существованіе рабства, стараются изподтишка, косвеннымъ образомъ, упрочить власть плантаторовъ надъ чернымъ населеніемъ, получившимъ личную свободу, но остающимся безо всякихъ средствъ для своего существованія.

Такъ, главный органъ сепаратистовъ, газета «New York Daily News», который дѣлаетъ четыре года явно и нагло представлялъ дѣло Юга дѣломъ свободы, дѣломъ правымъ и даже святымъ, началъ вдругъ энергически настаивать на томъ, чтобы неграмъ дано было право участвовать въ выборахъ, предполагая, что при этомъ болѣе важная часть негровъ, забывъ старыя обиды и притѣсненія и встрѣчая надобность въ поддержкѣ со стороны плантаторовъ, будетъ подавать голосъ заодно съ своими прежними господами, и что такимъ образомъ съ помощью голосовъ негровъ, бывшіе рабовладѣльцы приобретутъ политическое вліяніе въ союзѣ.

Происки этой партіи достигаютъ и президента Джонсона, которому она даетъ понять, что въ 1868 году кончится срокъ его президентства и что она готова будетъ поддержать его вторичный выборъ, если только онъ съ своей стороны согласится на нѣкоторыя уступки въ ея пользу.

Мало этого; закоренѣлые плантаторы, для поддержанія своихъ разрушенныхъ правъ, прибѣгаютъ къ хитрымъ уловкамъ. Такъ они, освобождая негровъ, накупаютъ ихъ на работы за условленную плату, но потомъ, подъ разными предлогами, уклоняются отъ платежа, обвиняя нанятыхъ ими работниковъ въ грубости, лѣнности и неисправности. Они пытались также заключать съ освобожденными неграми контракты, въ которыхъ влючали условіе, представлявшее имъ право наказывать негровъ плетьюми. Контора освобожденныхъ признала подобные контракты недействительными и уничтожила ихъ. Въ настоящее время это учрежденіе сдѣлало распоряженіе объ отдачѣ въ пользованіе негровъ такихъ участковъ, которые были оставлены прежними владѣльцами. Оно же дѣлательно заботится объ устройствѣ госпиталей, пріютовъ и школъ для чернаго населенія.

Если сообразить доходящія въ Европу посредствомъ болѣе безпристрастныхъ газетныхъ корреспондентовъ извѣстія о положеніи негровъ, то, какъ кажется, нельзя будетъ не признать того факта, что негры гораздо лучше понимаютъ измѣнившійся порядокъ вещей, нежели большинство немущихъ и даже полузамиточныхъ южанъ. Оказывается, что вредъ, который нанесло неграмъ невольничество, совсѣмъ не такъ великъ, какъ то пагубное вліяніе, какое оно имѣло на бѣлые, недостаточные классы населенія, бывшіе у богатыхъ плантаторовъ въ пренебреженіи и неизвѣстныя у нихъ заработковъ. Несмотря на тяготѣвшее рабство, негры сохранили страстную охоту къ просвѣщенію, они думали найти въ немъ исходъ своихъ бѣдствій, между тѣмъ какъ бѣдняки изъ бѣлыхъ не чувствовали ни малѣйшаго влеченія къ образованію и грязли въ самомъ

жалкомъ невѣжествѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что если неграмъ предоста-
вить возможность улучшить свой матеріальный бытъ и если не
случится какой-нибудь реакціи, которая вергла бы ихъ въ состоя-
нiе, только по имени отличающееся отъ рабства, то они уже въ
ближайшемъ поколѣнiи стануть выше низшихъ классовъ благаго
населенiя. По общиму отзывамъ, негры пѣнять училища болѣе
всѣхъ благъ свободы. Повсюду, гдѣ союзными властями устраи-
ваются новые порядки, негры просятъ прежде всего объ учрежденiи
школъ. Школы посѣщаются тысячами дѣтей, и нерѣдко можно ви-
дѣть старыхъ сѣдыхъ негровъ, которые учатся читать по складамъ
у своихъ внуковъ. Вообще негры отличаются передъ бѣлыми пре-
восходною памятью и въ школахъ успѣваютъ болѣе ихъ. При пе-
ресмотрѣ конституціи союза, было предложено постановить усло-
віемъ, что избирательныя права предоставляеть не пѣтъ кожи, а
умѣнье читать и писать. Съ полною увѣренностію можно сказать,
что если условіе это будетъ принято, то въ самое короткое время
большая часть негровъ прiобрѣтетъ право выбора, а большая часть
бѣлыхъ изъ низшихъ классовъ утратитъ это право.

По вѣншимъ признакамъ, умиротвореніе южныхъ штатовъ
можно считать оконченнымъ, тѣмъ не менѣе вашингтонскому пра-
вительству предстоитъ еще много нелегкихъ задачъ. Какъ оно
разрѣшитъ ихъ—это пока неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ нельзя
не радоваться, что война, стоившая столько потерь и крови, не
прошла безслѣдно, сокрушивъ рабство, лежавшее темнымъ пятномъ
на великой республикѣ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЪ.

Индукція и дедукція, г. Либиха. — О прогрессѣ въ физиологическихъ наукахъ,
г. Кюда-Бернара. — Стереоскопъ, какъ хирургическій инструментъ. — О движе-
нiяхъ глазъ, г. Гельгольца.

Въ сентябрьскомъ номерѣ «Cornhill Magazine» помѣщена ориги-
нальная статья Либиха, написанная имъ поанглійски: «Наведеніе
и выводъ» (Induction and Deduction). Этотъ знаменитый нату-
ралистъ почти всю свою жизнь занимался практическимъ изслѣ-
дованіемъ законовъ природы, на основанiи которыхъ создалъ онъ
новую и притомъ неопровержимо-вѣрную по своимъ началамъ
теорію сельскаго хозяйства; ему хорошо извѣстенъ путь, кото-
рымъ не разъ достигалъ онъ счастливыхъ результатовъ; сверхъ
того, исторiя открытiй въ области естествознанiя входитъ въ
кругъ его спеціальныхъ знанiй—слѣдовательно, онъ говоритъ не
а priori, и его голосъ въ дѣлѣ примѣненiя двухъ методовъ къ
изслѣдованіямъ природы не можетъ не имѣть серьезнаго значенiя.

Вообще усвоена мысль, что для этих исследований существуют два способа: индуктивный и дедуктивный, и что оба они ведут къ той же цѣли, но разными путями, которые отличаются другъ отъ друга своими исходными точками. Индукція идетъ отъ частныхъ фактовъ, а дедукція отъ общихъ началъ. Велѣдствіе этого говорится, что первый методъ всегда предшествуетъ второму. Но Либихъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ на томъ основаніи, что при объясненіи непонятныхъ, загадочныхъ фактовъ природы, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ бывають извѣстны всѣ ближайшія причины, изъ которыхъ можно было бы вывести эти факты, какъ необходимое слѣдствіе. Потому-то и практической исследователь природы, руководствующійся индуктивнымъ методомъ, и дедуктивный мыслитель должны прибѣгать къ помощи воображенія и задаваться гипотезами, характеръ которыхъ бываетъ вообще одинаковъ. Вотъ аристотелевская формула индукціи:

Люди, лошади, мулы и т. д. живутъ долго.

У людей, лошадей, муловъ и т. д. мало желчи.

Слѣдовательно — всѣ животныя, у которыхъ мало желчи, долговѣчны.

Очевидно, что здѣсь въ заключеніи сведены только два факта. Но такое голословное соединеніе нисколько не показываетъ, чтобы они относились другъ къ другу, какъ причина къ своему слѣдствію. Натуралистъ не долженъ дѣлать такихъ заключеній. Стремясь объяснить фактъ, или процессъ природы, онъ старается установить взаимную связь между тѣми признаками ихъ, которые подвержены его наблюденію. Замѣтивъ, что два факта постоянно сопутствуютъ другъ другу, онъ предполагаетъ, что одинъ изъ нихъ зависитъ отъ другого. Однакоже, такое предположеніе нисколько не основывается на самомъ фактѣ, это просто — мысль, порою наводящая на истину — мысль, которая могла и не возникнуть въ умѣ наблюдателя. Аристотель называетъ индукцію путемъ отъ частнаго къ общему, такъ-какъ въ натуральной философіи надобно сперва приобрести свѣдѣнія о фактѣ, а потомъ уже объяснять его. Но, усвоивъ такое понятіе объ индукціи, онъ принимаетъ ее, конечно, въ смыслѣ не метода, но общаго правила для руководства при изисканіяхъ. Еслибы всѣ силы и законы природы были совершенно извѣстны намъ, то при такомъ условіи исследование и объясненіе всѣхъ частныхъ процессовъ природы имѣли бы, конечно, чисто-дедуктивный характеръ. Каждый отдѣльный случай рѣшался бы тогда простымъ различеніемъ. Положимъ, наприимѣръ, что требовалось бы объяснить причину способности желѣза ржавѣть въ воздухѣ. Предварительныя исследования ржавчины обнаружили, что она содержитъ въ себѣ желѣзо, кислородъ и воду. Составъ воздуха также совершенно извѣстенъ. Слѣдовательно, всѣ данныя для объясненія ржавчины находятся повидному подъ рукою. Однакоже опять доказывають, что въ кислородѣ и водномъ пару желѣзо не ржа-

вѣсть. Ясно послѣ этого, что вмѣстѣ кислорода и водяныхъ испареній, въ атмосферѣ долженъ находиться другой элементъ, обращающій желѣзо въ ржавчину. Теперь извѣстно, что воздухъ содержитъ въ себѣ небольшое количество угольной кислоты, и что самая незначительная часть этого газа можетъ обратить въ оцѣнь огромныя массы желѣза, при свободномъ доступѣ къ нему кислорода. Но такъ-какъ въ ржавчинѣ не находится углекислоты, то встаетъ новый вопросъ: какое же участіе принимаетъ она въ этомъ процесѣ? На это отвѣчаетъ другой извѣстный фактъ, именно: при обращеніи желѣза въ ржавчину образуется сперва нѣкая оцѣнь, въ которой есть углекислота. Но потомъ, когда желѣзо совсѣмъ окислится, углекислота освобождается изъ ржавчины, и такимъ образомъ, какъ бы ни было мало ея количество, она, не трясая и не исчезая, можетъ возобновлять свое разрушительное дѣйствіе до безконечности. Позднѣйшіе опыты доказали, что желѣзо ржавѣетъ при влажной атмосферѣ, когда находится въ ней аміакъ; но въ такомъ случаѣ ржавость преобразуется, какъ скоро все количество аміака будетъ поглощено желѣзомъ. Наконецъ, узнали, что и электричество содѣйствуетъ образованію ржавчины. Подобныя замѣчанія, конечно, довольно пресны. Вѣщныя пренатствія не затрудняютъ ихъ. Они требуютъ только нѣкоторыхъ приготовительныхъ знаній и вѣрной оцѣнки тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождается опытъ. Но такіе случаи очень рѣдки; по большей части натуралистъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи необходимыхъ для логичнаго размышленія матеріаловъ. Философъ, при объясненіи новыхъ явленій, законы которыхъ неизвѣстны еще, также встрѣчаетъ затрудненія, которыхъ не можетъ преодолѣть онъ при всемъ своемъ глубокомысліи и учености. Для такого рода изслѣдованій оба они должны прибѣгать къ способности нашего духа, свойственной преимущественно поэтамъ, то-есть къ воображенію (*imagination, fancy, fantasy*). Надобно замѣтить, что Либихъ даетъ этому слову слѣдующее широкое значеніе. Всякую гипотезу естествоиспытателя онъ считаетъ продуктомъ воображенія. Но такъ-какъ онъ говоритъ о способахъ открытія причинъ, которыя сами по себѣ должны быть фактами, имѣющими чисто-матеріальный характеръ, и притомъ должны соединяться постоянно съ измѣненіемъ формы, то его мысль нельзя, кажется, назвать невѣрною. Преимущество современныхъ намъ изслѣдователей природы сравнительно съ ихъ предшественниками, продолжаетъ Либихъ, заключается не въ превосходствѣ нашего разума и утонченности чувствъ, но въ большемъ запасѣ объясненныхъ фактовъ, необходимыхъ для логическаго соображенія. Хотя эта истина такъ очевидна, что въ ней нельзя почти сомнѣваться, однакоже очень немногіе имѣютъ вѣрное понятіе о томъ способѣ, которымъ удалось человѣчеству собрать постоянно возрастающее количество положительныхъ данныхъ. Исторія такъ-называемыхъ индуктивныхъ наукъ доказываетъ, что онѣ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣ-

новъ были искусствомъ. Этотъ характеръ удерживали астрономія и механика до Ньютона, часть физическихъ наукъ до Галилея и химія до Бергмана. Либихъ относитъ значеніе слова «индукція» къ тому виду умственной дѣятельности, въ которой воображеніе играетъ главную роль. Весь процессъ мышленія эксперименталиста основанъ на соединеніи фактовъ или явленій, которые относятся другъ къ другу, какъ логическія понятія, ведущія въ заключенію. Открытые факты или реакціи указываютъ на существованіе другихъ, неизвѣстныхъ еще фактовъ. Заключение, выведенное изъ нихъ, есть также фактъ или реакція. Способъ мышленія химика Либихъ сравниваетъ съ особенной способностью композитора, который думаетъ звуками. Вслѣдствіе, читая исторію химическихъ или физическихъ изслѣдованій, замѣтить, что большее число фактовъ, которыми пользовались мыслители для объясненія природы, заимствованы ими изъ лабораторіи, гдѣ натуралисты сначала изобрѣли ихъ. Дальнѣйшій трудъ мыслителя заключается въ томъ, чтобы заставить средства или вещи, которыя считаетъ онъ годными для достиженія своей цѣли, дѣйствовать другъ на друга согласно съ правилами экспериментальнаго искусства, и потомъ вывести изъ результата своихъ опытовъ заключеніе о бытіи или небытіи предполагаемаго факта. Короче — онъ провѣдываетъ рядъ опытовъ, результатъ которыхъ опредѣляетъ направленіе его дедуктивнаго мышленія. Трудность заключается въ томъ, что путь, ведущій въ открытію недостающихъ фактовъ, совершенно неизвѣстенъ ему. Знай онъ его — тогда факты эти были бы найдены при помощи одного размышленія. Потому-то и обязанъ изслѣдователь ограничиваться наблюденіемъ явленій, доставляемыхъ ему опытами, и руководствоваться ими, блуждая въ лабиринтѣ гипотезъ, созданныхъ его воображеніемъ. Одинъ изъ простѣйшихъ примѣровъ индуктивнаго процесса мысли представляетъ открытіе Шенбейна. Онъ замѣтилъ, что атмосферный воздухъ, когда электрическія искры пройдутъ сквозь него, приобретаетъ особые качества. Въ немъ окисляются, напримѣръ, многія тѣла и въ томъ числѣ серебро, на которое кислородъ обыкновеннаго воздуха не производитъ никакого дѣйствія. Что же навело Шенбейна на мысль, что медленно горящій фосфоръ долженъ сообщать воздуху такіе же свойства, какъ электрическая искра? Онъ руководствовался обоняніемъ. Если, думалъ онъ, электризованный воздухъ нахвостъ подобно фосфору, то, слѣдовательно, и наоборотъ — медленно горящій фосфоръ долженъ быть подобенъ электризованному воздуху. Въроатно, существованіе одного и того же вещества, основа, въ двухъ совершенно различныхъ процессахъ не было бы открыто, еслибы руководство къ такому соединенію мыслей Шенбейнъ предоставилъ уму, а не физическому чувству. Электрическая машина, электрофоръ, лейденская банка, гальваническій столбъ, три закона Кенлера были найдены при помощи воображенія. Оно же помогло людямъ добыть изъ руды посредствомъ очень сложныхъ химическихъ процессовъ желѣзо, мѣдь, серебро

и другіе металы. Обращеніе желѣза въ сталь, мѣди въ бронзу, жира или сала въ мыло, соли въ соду и тысячи другихъ полезныхъ изобрѣтеній были сдѣланы людьми, или вовсе незнакомыми съ дѣйствительною природою этихъ тѣлъ и настоящимъ характеромъ тѣхъ процессовъ, при помощи которыхъ достигли они своихъ результатовъ, или по крайней-мѣрѣ знавшими и то и другое совершенно ошибочно. Для большаго поясненія индуктивнаго метода относительно техническихъ процессовъ, Либихъ указываетъ на изобрѣтеніе фотографіи. Мысль о ней подали два наблюденія: во-первыхъ, способность хлористаго, бромистаго и іодистаго серебра темнѣть отъ дѣйствія на него солнечныхъ лучей и, во-вторыхъ, растворимость этихъ солей въ сѣрнисто-яисломъ натрѣ, если неизмѣнены онѣ свѣтомъ. На этихъ двухъ фактахъ были основаны опыты Дагера въ Парижѣ и Тальбота въ Лондонѣ. Первый изъ нихъ старался получить свѣтописныя изображенія на посеребренныхъ мѣднихъ пластинкахъ, а второй на бумагѣ. Опыты ихъ были неудачны. Наконецъ, Дагеръ, утомившись ими, положилъ въ шкафъ нѣсколько металлическихъ пластинокъ, которыя хотя подвергались дѣйствию іодистыхъ паровъ и были въ намер-обскурѣ, однакоже не получили никакихъ изображеній. Въ шкафу пролежали онѣ около двухъ-трехъ недѣль, и Дагеръ совсѣмъ забылъ о нихъ. Наконецъ зачѣмъ-то пошелъ онъ въ шкафъ и, случайно замѣтивъ пластинки, увидалъ на одной изъ нихъ совершенно ясное изображеніе того предмета, который прежде напрасно старался онъ перенести на нее. Конечно, эта неожиданность удивила его. Не зная положительно, какимъ образомъ произошелъ этотъ фактъ, онъ понималъ однакоже, что причина его кроется въ шкафу, гдѣ находились разныя разности. Случай служилъ для него индукціею, навелъ его на открытіе самой причины. Но и тутъ онъ дѣйствовалъ оцупью. Дагеръ сталъ вынимать изъ шкафа одну вещь за другою, и каждую изъ нихъ мѣнять металлической пластинкою, которая побывала уже въ камер-обскурѣ. Оставляя ихъ на нѣсколько часовъ внутри шкафа, онъ постоянно получалъ фотографическія картинки. Когда всѣ предметы, которые, по его мнѣнію, могли производить это дѣйствіе, были вынуты, а таинственная живопись все-таки не прекращалась, Дагеръ началъ считать свой старый шкафъ какимъ-то заколдованнымъ замкомъ, въ которомъ поселился духъ незримаго художника. Онъ долго не обращалъ вниманія на чашку съ металлической ртутью. Наконецъ-то пришло ему въ голову спросить себя: ужь не ртуть ли рисуетъ эти картинки? Дѣйствительно было такъ. Она, улетучиваясь, наполняла всю внутренность шкафа своими испареніями, которыя въ видѣ микроскопическихъ шариковъ осаживались на металлической пластинкѣ, преимущественно на тѣхъ частяхъ ея, которыя были наиболѣе освѣщены, и постепенно менѣе тамъ, гдѣ тѣнь была гуще и гуще. Вслѣдствіе такого размѣщенія ртутныхъ частицъ, очерки снятыхъ предметовъ и всѣ оттѣнки ихъ означались чрезвычайно

ясно и правильно. Здѣсь, какъ мы видимъ, наведеніемъ или уважаніемъ на техническій способъ изготовленія свѣтописныхъ рисунковъ былъ совершенно непредвидѣнный случай. Но если Дагеръ дѣйствовалъ наавось, то, напротивъ, Тальботъ былъ *ублагоденъ*, что на его химически-приготовленныхъ бумажкахъ непременно должны отъ дѣйствія солнечныхъ лучей оставаться изображенія, хотя и не было видно ни малѣйшаго слѣда ихъ. Онъ искалъ средствъ, соответствовавшихъ его цѣли, и изъ тысячи разныхъ веществъ постоянно исключалъ тѣ матеріалы, которые не имѣли къ ней отношенія. Иодистое серебро темнѣетъ отъ подогрѣтой дубильной кислоты, но только гораздо болѣе, нежели отъ свѣта. Солнечные лучи, размышлялъ Тальботъ, производятъ въ камер-обскурѣ столь слабое дѣйствіе на мою бумагу, что признаки его незамѣтны. Нельзя ли продолжить и усилить это дѣйствіе посредствомъ дубильной кислоты? Опытъ удался, и такимъ образомъ вѣрность индукціи была фактически доказана. Въ наукѣ, какъ и въ жизни, разумъ дѣйствуетъ не по правиламъ логики. Мы вѣримъ вообще въ существованіе предметовъ, объясняя какъ-нибудь причину ихъ явленія, пока не объяснится она положительно. Въ процесѣ нашего мышленія то и дѣло нарушается форма силлогизма. Мы дѣлаемъ сначала заключеніе, а потомъ уже прискиваемъ послыли. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ математиковъ доказывалъ, что огромное большинство математическихъ истинъ добыто при помощи воображенія, или эмпирически, а не дедуктивно. Вообще безъ пособія артистической способности математикъ сдѣлаетъ такъ же мало, какъ и натуралистъ. Само собою разумѣется, что для успѣха индуктивныхъ и дедуктивныхъ изслѣдованій необходимы нѣкоторые свѣдѣнія. Дедукція требуетъ знанія всѣхъ извѣстныхъ уже законовъ, съ которыми могутъ познакомиться книги и лекціи. Для индукціи необходимо знать факты, производимые въ химическихъ, физическихъ и физиологическихъ лабораторіяхъ, которыя, какъ школы новѣйшаго происхожденія, оказываютъ неоспоримое вліяніе на развитіе всѣхъ отраслей естествознанія. Но все же оба изслѣдователя, индуктивный и дедуктивный, начинаютъ рѣшеніе проблемъ одинаково. Оба они идутъ отъ составленной умомъ и воображеніемъ сложной идеи, одна только часть которой биваетъ вообще вѣрна, тогда какъ все остальное основано на ошибочныхъ заключеніяхъ и комбинаціяхъ. Дедуктивный мыслитель, отыскивая истину, производитъ опыты съ мыслями, такъ же точно, какъ индуктивный изслѣдователь съ впечатлѣніями на его физическія чувства, которыми пользуется онъ, стремясь къ цѣли своихъ понсковъ. Оба они въ продолженіе работы покидаютъ неправильныя предположенія и постепенно пополняютъ ту мысль, съ которою принялись за дѣло. Часто самая идея, служившая для нихъ точкою отправленія, оказывается совершенно ложною, и другая, правильная, развивается въ ихъ головѣ во время уже процесса изслѣдованія. На этихъ-то фактахъ и основано мнѣніе

знаменитѣйшихъ изслѣдователей, что все дѣлается въ продолженіе работы, и что теорія побуждаетъ только къ труду, который ведетъ къ открытіямъ. Умъ и воображеніе одинаково необходимы для науки. Каждой изъ этихъ силъ нашего духа принадлежитъ своя доля участія во всѣхъ ученыхъ проблемахъ. Характеристическая черта прогресса заключается въ томъ собственно, что мысли, порожденныя воображеніемъ, уменьшаются пропорціонально увеличенію суммы положительныхъ знаній. Въ ранній періодъ науки ничто не стѣсняло фантазію, и она свободно разгуливала въ области мышленія; но теперь фантазія подчиняется уму и охотно оказываетъ ему полезныя услуги. Индукція, руководимая воображеніемъ, отличается творчествомъ, но бываетъ неопредѣленна и неограничена. Дедукція, повинуваясь разуму, анализируетъ и устанавливаетъ предѣлы; у нея есть границы и *мира*, которая составляетъ ея отличительное качество въ естественныхъ наукахъ, потому что конечная цѣль ихъ усилій заключается въ томъ, чтобы найти незамѣнныя числовыя выраженія для свойствъ вещей, процессовъ и явленій. Воображеніе не даетъ мѣры. Для измѣренія нужна постоянная единица, а ее можетъ создать только разумъ. Когда искусство превращается въ науку, оно теряетъ свой индивидуальный характеръ и подводится подъ правила, которыя могутъ быть поняты и выучены. Научныя знанія сообщаютъ даже бездарному человѣку силу самаго искуснаго, опытнаго и даровитаго праятвѣа; ихъ достигаютъ сравнительно кратчайшимъ, вѣрнѣйшимъ и болѣе экономическимъ путемъ. Этотъ фактъ мы видимъ въ земледѣліи, медицинѣ и разныхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности. Индивидуальную принадлежность нѣсколькихъ лицъ наука обращаетъ въ общую собственность всего человѣчества.

— Въ «Revue des deux mondes» (1-го августа) членъ французской академіи наукъ Клодъ-Бернаръ подробно высказалъ свои мысли объ условіяхъ «прогресса физиологическихъ наукъ». Опытный методъ все болѣе и болѣе примѣняется теперь къ изслѣдованію явленій, замѣчаемыхъ въ природѣ живыхъ существъ. Однакоже многіе изъ медиковъ и натуралистовъ сомнѣвались въ его дѣйствительной пользѣ. Они думали, что жизненная сила, находясь въ противорѣчій съ физико-химическими силами, преобладаетъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, подводя ихъ подъ совершенно особые законы и обращаая организмъ въ что живое, къ чему не можетъ прикоснуться изслѣдователь, не разрушивъ характера самой жизни. Кювье, раздѣлившій это мнѣніе, полагалъ, что физиологія должна ограничиться опытами и выводами чисто-анатомическими. «Всѣ части живаго тѣла — говоритъ онъ — соединены между собою и могутъ дѣйствовать только вмѣстѣ. Отдѣлить оди, часть изъ всей ихъ массы, значило бы перенести ее въ разрядъ мертвыхъ веществъ и, стало быть, совершенно измѣнить самую сущность ея». Впрочемъ, эти мысли, бывшія въ болышомъ ходу прежде, постепенно слабѣютъ теперь, вслѣдствіе

прогресса физиологіи. Клодъ-Бернаръ, желая содѣйствовать ихъ окончательному уничтоженію, доказываетъ, что явленія, замѣчаемыя въ живыхъ тѣлахъ, зависятъ—такъ же, какъ въ минераляхъ—отъ ближайшихъ причинъ, которыя обуславливаютъ ихъ. Эти ближайшія причины называетъ онъ *детерминизмомъ* и утверждаетъ, что физиологія должна быть основана на тѣхъ же началахъ и развиваться при помощи того же метода, какъ физика и химія.

Несмотря на произволь, свойственный живымъ существамъ, они все-таки зависятъ отъ условій внѣшняго міра, съ которыми неразрывно соединены ихъ отправления. Необходимо только, чтобы физіологъ и медикъ, при изслѣдованіи этихъ условій не задавались вопросомъ о начальной причинѣ жизни, но стремились бы исключительно къ открытію химическихъ и физическихъ условій, опредѣляющихъ жизненную дѣятельность. Надобно замѣтить, что независимость живыхъ существъ отъ окружающей ихъ среды принадлежатъ только высшимъ организмамъ. Инфузоріи, напримѣръ, обнаруживаютъ жизненные признаки не иначе, какъ при влияніи на нихъ влаги, теплоты и свѣта; какъ скоро удалены эти условія, онѣ впадаютъ, такъ сказать, въ состояніе *скрытой* жизни. Процессъ химическаго преобразованія прерывается въ нихъ, и это исчезновеніе видимыхъ признаковъ жизни можетъ длиться почти безконечно. Спалазвини оживлялъ каплею воды микроскопическихъ насѣкомыхъ, которыя, присохнувъ къ зернамъ испорченнаго хлѣба, оставались безжизненными триста лѣтъ. Въ этомъ случаѣ, вода, проникнувши въ тѣло, восстанавливала въ немъ утраченную способность къ химическимъ процессамъ и давала ему возможность возобновить жизненные отправления. Животное, вслѣдствіе своей высшей организаціи, поддерживаетъ въ свойственной ему *внутренней средѣ* условія теплоты и влажности, необходимыя для этихъ отправленій. Организмъ теплокровныхъ животныхъ входитъ не безъ большихъ затрудненій въ гармоническое соотношеніе съ *внѣшней средою*. Онъ прячетъ свои органы какъ-бы въ теплицѣ, и такимъ образомъ сберегаетъ ихъ жизненную дѣятельность. Паровая машина дѣйствуетъ независимо отъ физико-химическихъ условій внѣшней среды, потому что она работаетъ одинаково въ жаръ и въ холодъ, въ сухомъ и влажномъ воздухѣ. Но физикъ, заглянувши внутрь ея, пойметъ, что это такъ только кажется. Онъ увидитъ, что движенія всякой внутренней части этой машины опредѣляются необходимо физическими условіями, законы которыхъ извѣстны ему. Также и физіологъ, смотря во внутренность живой машины, убѣждается въ существованіи детерминизма, который долженъ быть для него дѣйствительною основою опытнаго изученія живыхъ тѣлъ. Бюффонъ предполагалъ, что въ нихъ находится особый органической элементъ, но потомъ была доказана неосновательность этой гипотезы. Теперь извѣстно, что въ составъ живыхъ тѣлъ входятъ простыя вещества, заимствуемыя изъ минеральнаго

царства природы. Жизнь опредѣляли до безконечности разнообразно, и, кажется, лучшее опредѣленіе сдѣлано энциклопедіею, которая наввала жизнь противоположностью смерти. Оно наввно, безъ сомнѣнія, но до сихъ поръ никто не опредѣлялъ жизни лучше этого, потому что мы никогда не узнаемъ, что такое она въ ней самой. Еслибы — говорить Клодъ-Бернаръ — мнѣ пришлось опредѣлять ее однимъ словомъ, я сказалъ бы: жизнь есть творчество. Въ самомъ дѣлѣ, физиологу представляется она начальной творческой причиною организма, которая всегда будетъ ускользать отъ насъ. Но такъ-какъ человекъ не можетъ представить себѣ слѣдствія безъ причины, то всѣ науки стремятся открыть начала явленій, возвышаясь отъ слѣдствій къ ихъ причинамъ. Однакоже философы и ученые различали всегда два рода причинъ; они дѣлили ихъ на отдаленныя или начальные и ближайшія или второстепенныя. Первыя, относясь къ происхожденію предметовъ, останутся навсегда неизвѣстны намъ; вторыя же, которыми объясняются условія внѣшняго проявленія фактовъ природы, могутъ быть открыты путемъ опытныхъ изслѣдованій. Еще Ньютонъ сказалъ, что человекъ, занимающійся изысканіемъ начальныхъ причинъ, не имѣетъ права называться ученымъ. Дѣйствительно, трудъ этотъ бываетъ всегда безплоденъ, потому что ведетъ къ проблемамъ, которыя недоступны для опытнаго метода. Начальная причина жизни создала организованную машину, дѣйствующую вслѣдствіе особыхъ свойствъ тѣхъ элементовъ, которые, войдя въ составъ ея, подвержены вліянію нѣкоторыхъ физико-химическихъ условій. Для физиолога и медика, когда занимаются они изслѣдованіями, живой организмъ — не болѣе, какъ удивительная машина, приводимая въ дѣйствіе чрезвычайно сложнымъ и деликатнымъ механизмомъ. Его-то и должны анализировать и опредѣлять они, для того, чтобы умѣть при случаѣ измѣнить ходъ составныхъ частей этой машины, неправильное дѣйствіе которыхъ можетъ быть причиною случайной смерти.

Итакъ, изысканія начальныхъ причинъ не входятъ въ область науки. Изслѣдователь долженъ ограничиваться открытіемъ ближайшихъ причинъ явленія, и въ этомъ смыслѣ предѣлы его знаній относительно живыхъ и безжизненныхъ тѣлъ одинаковы. Когда намъ извѣстно, что вода состоитъ изъ двухъ частей водорода и одной части кислорода, наши научныя свѣдѣнія о ея составѣ должны ограничиться этимъ, хотя они и отвѣчаютъ только на вопросъ *кака*, а не *почему*. Мы знаемъ, какъ дѣлается вода; но почему два помянутые газа, соединясь въ такой пропорціи, производятъ именно воду, а не другое что-нибудь — мы ничего не знаемъ объ этомъ, и не можемъ звать. Въ медицинѣ вопросъ «почему?» также не имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ученаго характера, потому что онъ заставлялъ бы медика блуждать въ лабиринтѣ предположеній, ни къ чему неприменимыхъ. Мольтеръ вѣроятно хотѣлъ подшутить именно надъ этими тенденціями,

заставивши своего кандидата въ мединѣ отвѣчать на вопросъ: почему усыпляеть опиумъ? «*Quia est in eo virtus dormitiva, cujus est natura somnus assurgere*» (потому что въ немъ есть усыпляющая сила, свойство которой заключается въ способности усыплять чувство). Пусть будетъ отвѣтъ этотъ пусть, или забавенъ, но дѣло въ томъ, что другого, лучшаго нельзя придумать. Въ живомъ тѣлѣ есть, конечно, особыя качества и способности, напримеръ, органическая пластичность, сокращаемость, чувствительность и т. д.; однакоже всѣ они безъ исключенія находятъ средства къ своему проявленію и дѣятельности въ физико-химическихъ условіяхъ внѣшней и внутренней среды организма. Но какъ въ живыхъ, такъ и минеральныхъ тѣлахъ условія обнаруживаемыхъ ими явленій ничего не говорятъ намъ о собственной природѣ своей. Если мы знаемъ, что внѣшнее раздраженіе нѣкоторыхъ нервовъ и, при извѣстной температурѣ, физико-химическое соединеніе крови съ нервными элементами головного мозга, необходимо для проявленія мысли, то наше знаніе, указывая на условія существованія этихъ фактовъ, не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о самой природѣ мыслящей способности. Такъ же точно, зная, что треніе и химическія соединенія развиваютъ электричество, мы знаемъ условія этого явленія, но все-таки не понимаемъ, что такое самое электричество. Опытамъ могутъ быть подвержены всѣ физическія тѣла и явленія, потому что изслѣдователь не создаетъ ихъ, но только дѣйствуетъ на нихъ физико-химическія условія. Охлаждая жидкое тѣло, для того чтобы заставить его кристаллизоваться, онъ содѣйствуетъ только кристаллизаціи, составляющей природное свойство минерала; онъ опредѣляетъ только условіе, при которомъ возможна кристаллизація. Когда владутъ шарики живыхъ дрожжей въ сахаристую жидкость, то при температурѣ ниже $+10^{\circ}$ она остается покойна, дрожжи не дѣйствуютъ на сахаръ, ни алкоголя, ни угольной кислоты не образуется. Но какъ скоро возвысятъ температуру до $+35^{\circ}$, броженіе совершается очень быстро. Въ этомъ случаѣ человекъ производитъ не самую способность броженія, свойственную дрожжамъ, но только условія, подъ вліяніемъ которыхъ прекращается или обнаруживается броженіе. Если отъ этого примѣра мы перейдемъ къ живымъ тѣламъ, то увидимъ, что наблюденія, изслѣдованія, опыты должны и тутъ имѣть такой же характеръ. Фан-Гельмонтъ, котораго можно назвать свѣтлымъ умомъ, блестящимъ въ средне-вѣковомъ сумрагѣ, думалъ, что въ яйцѣ находится *archeus faber*, или идея, управляющая движеніемъ. Въ новѣйшее время убѣдились, что главнѣйшая существенная часть яйца заключается въ микроскопической клѣткѣ, и что все остальное — бѣлокъ и желтокъ — составляетъ не болѣе, какъ питательные элементы, назначенные для доставленія внѣшнихъ средствъ къ развитію зародыша. И такъ мы должны съ крошечной органической клѣткою, которая составляетъ ядро всѣхъ живыхъ существъ, соединять чрезвычайно сложную мысль не только о характеристиче-

скихъ особенностяхъ одушевленнаго существа, сравнительно съ минераломъ, но сверхъ того и о всѣхъ его индивидуальныхъ признакахъ, которыми одинъ живой субъектъ отличается отъ другого. Если у совершеннолѣтняго человѣка обнаруживается наследственная болѣзнь, то начало ея заключается въ этой таинственной клѣткѣ, но проявленію и развитію ея должны способствовать необходимо физико-химическія условія. Яичная клѣточка, какъ шарикъ пивныхъ дрожжей, остается въ оцѣпенѣніи, пока температура яйца не достигнетъ $+35^{\circ}$, и только при этомъ условіи органическая идея обнаруживаетъ свою дѣятельность. Очевидно послѣ этого, что изслѣдователь долженъ искать въ явленіяхъ природы только ближайшихъ причинъ ихъ, не вдаваясь въ объясненія отдаленныхъ началъ, потому что такіа гипотезы, льстя нашей гордости, прикрываютъ только недостатокъ положительнаго знанія. Ни химикамъ, ни физиологамъ неизвѣстны первыя, отдаленныя причины какого бы то ни было явленія и факта природы. Ихъ невозможно знать потому уже, что пониманіе внутренней природы вещей, или безусловнаго, потребовало бы положительныхъ свѣдѣній о всемъ сущемъ для объясненія самаго простаго явленія, которое все-таки должно быть частью необъятнаго цѣлаго. Знаніе безусловнаго отрицаетъ всякій признакъ невѣдѣнія. Чувство влечетъ насъ къ этому всезнанію: но ясно, что намъ не суждено обладать имъ до тѣхъ поръ, пока что-нибудь неизвѣстное въ мірѣ останется для человѣка, а разумъ говорить, что неизвѣстное всегда будетъ. Но допустимъ, что человѣкъ сталъ наконецъ всевѣдущимъ; что же должно слѣдовать за тѣмъ? Безъ сомнѣнія, творчество. Мысль о знаніи первыхъ, начальныхъ причинъ чего бы то ни было ведетъ необходимо къ мысли о всевѣдѣніи, слѣдствіемъ котораго должно быть всемогущество, и притомъ практическое, потому что зная всѣ средства творчества, люди не могли бы удержаться отъ желанія повторить, а такъ-какъ начинать сначала незачѣмъ, то человѣкъ началъ бы, конечно, свой актъ творчества съ пересозданія самого себя, какъ высшаго органическаго существа, какое извѣстно ему. Хотя возможность всезнанія отрицается не только несовершенствомъ нашихъ духовныхъ силъ, но также и уединеннымъ положеніемъ нашей планеты, которая, составляя одну, и притомъ самую незначительную часть вселенной, отдалена на неизмѣримое пространство отъ другихъ частей ея — однако же, несмотря на это, человѣкъ, повинуваясь природѣ своей, постоянно стремится къ открытію первыхъ, далекихъ причинъ. Этимъ природнымъ стремленіемъ нашего духа объясняется необходимость умозрѣнія, которое старается привести къ единству всѣ разнообразныя, разрозненныя явленія и установить взаимную связь ихъ другъ съ другомъ. Отсюда обнаруживается отношеніе философіи къ положительнымъ наукамъ. Хорошо развитая гипотеза, основываясь на опытныхъ началахъ, простирается въ глубокую даль отвлеченнаго умозрѣнія и въ свою очередь повѣряется дальнѣйшими опытами,

вторые подтверждают или опровергают ее. Следовательно, философия даст толчок естественным наукам, прогресс которых влечет ум снова к умозрению — связь неразрывна, и польза ее неоспорима. Но дело в том, что опытная наука не должна дѣлать прыжковъ отъ положительныхъ началъ къ умозрительнымъ, конечнымъ выводамъ въ своей собственной сферѣ, которая должна быть строго ограничена изслѣдованіемъ только *ближайшихъ* причинъ физическихъ явленій, какъ бы ни изслѣдовались они, порознь другъ отъ друга, или въ сложныхъ группахъ. Такова мысль Кюда Бернара. Физикъ и химикъ, говоритъ онъ, могутъ еще изучать тѣла и явленія, не обращая вниманія на взаимную связь ихъ между собою, и не имѣя надобности понимать ихъ, какъ части одного цѣлаго. Но если физиологъ, при помощи опытнаго анализа, разлагаетъ живой организмъ на его составные элементы, то, конечно, это дѣлается не для того, чтобы понимать ихъ отдѣльно. Когда хотятъ уразумѣть настоящее физиологическое значеніе какой-нибудь тѣви или органа, то обязаны выводить заключенія, основываясь на отношеніи этой части къ цѣлому организму. Физиологъ долженъ опредѣлять путемъ опытнаго анализа элементарныя условія сложныхъ физиологическихъ явленій, и уяснять себѣ естественную подчиненность ихъ, для того чтобы имѣть возможность понять и прослѣдить различныя комбинаціи въ органическомъ механизмѣ живыхъ существъ. У древнихъ эмблемою жизни была змѣя, свернувшаяся кольцомъ и спрятавшая во рту хвостъ свой. Дѣйствительно, живой организмъ представляетъ замкнутый кругъ, который имѣетъ однакоже и хвостъ, и голову, въ томъ смыслѣ, что не всѣ жизненныя явленія важны одинаково, хотя и соединены между собою, какъ части окружности. Напримѣръ, мышечные и нервныя органы поддерживаютъ дѣятельность вырабатывающихъ кровь органовъ, или внутренней среды, но кровь въ свою очередь питаетъ ихъ. Такимъ образомъ, устанавливается органическая и социальная солидарность, поддерживающая въ животной экономіи движеніе, непрерывно тратимое и постоянно возобновляющееся до той поры, пока разстройство или прекращеніе дѣятельности одного необходимаго органическаго элемента не повлечетъ за собою неуправляемости въ работѣ всей живой машины, или не прекратитъ окончательно ея отправленій. Стало бытъ, медикъ-изслѣдователь долженъ стремиться къ открытію простого детерминизма въ сложномъ органическомъ механизмѣ нашего тѣла, то-есть задача его должна заключаться въ уясненіи условій внутренняго патологическаго явленія, которое составляетъ ближайшую причину болѣзни и сопровождающихъ ее слѣдствій. Она будетъ путеводною нитью для изслѣдователя, и дастъ ему возможность ориентироваться посреди этого лабиринта. Наконецъ, только знаніе физико-химическаго детерминизма сложныхъ физиологическихъ и патологическихъ явленій поможетъ ему дѣйствовать рационально на жизненныя явленія, и подчинять ихъ своей власти съ такой же увѣренностью,

какою отличаются дѣйствія физика и химика, когда имѣютъ они дѣло съ неодушевленными предметами. Однакоже мы не должны заблуждаться на счетъ своего могущества, потому что въ дѣйствительности мы повинѣмся природѣ, а не повелѣваемъ ей. Нашему разумѣнію доступны тѣ только явленія природы, которыхъ ближайшія причины понятны для насъ, и на столько, на сколько относятся они къ этимъ причинамъ — другими словами, мы можемъ управлять ими не иначе, какъ повинуваясь законамъ, которые господствуютъ надъ ними. Исслѣдователь не въ силахъ измѣнить этихъ законовъ. Вся его власть надъ природою ограничивается возможностью измѣнять созданные ею предметы. Въ концѣ прошлаго вѣка наука возвѣстила великую истину, именно, что относительно *вещества* ничего не теряется безслѣдно, и ничто не создается вновь изъ ничего въ природѣ. Всѣ тѣла, которыя безпрестанно мѣняются, составляютъ только разные центры перемѣщенія агрегатовъ, входящихъ въ составъ равномѣрныхъ по тяжести субстанцій. Въ послѣднее время явилась другая научная истина, какъ-бы въ дополненіе первой: доказываютъ, что и относительно *силы* ничто не пропадаетъ, и ничто не творится въ природѣ. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что всѣ разнообразія до безконечности формы явленій происходятъ вслѣдствіе равномѣрнаго превращенія силъ другъ въ друга. Эти двѣ истины всеобщы; онѣ обнимаютъ всѣ явленія, замѣчаемыя въ живыхъ и неодушевленныхъ тѣлахъ.

Детерминизмъ или ближайшая причина составляетъ дѣль опытнаго метода. Начало, на которомъ основывается онъ, есть *уверенность* въ существованіи детерминизма, въ изысканіяхъ влечетъ философское *сомнѣніе*, средство убѣдиться заключается въ *опытѣ*. Другими словами, ученый вѣрится безусловно въ бытіе ближайшей причины явленія, которую стремится открыть онъ, но сомнѣвается, дѣйствительно-ли та она, какую предполагаетъ онъ, а потому и прибѣгаетъ къ помощи опыта. Всякій человекъ, увидавъ или почувствовавши явленіе, старается объяснить его сначала гадательно. Опытный методъ превращаетъ эти понятія а priori въ свѣдѣнія а posteriori, основанныя на экспериментальномъ изученіи явленій. Потому-то и называется онъ методомъ а posteriori. Человѣческій умъ шель послѣдовательно по тремъ путямъ своего развитія. Сперва онъ подчинялся чувству, которое, подавляя его, создало фетишизмъ и идолопоклонство; потомъ, вступивши въ права свои, но не руководствуясь опытомъ, онъ сталъ сочинять схоластическія системы; наконецъ опытъ доказалъ человѣку, что знанія тогда только могутъ стоять на твердой почвѣ, когда умъ изъ заоблачныхъ странъ гипотезы спустится въ сферу внѣшней реальности и будетъ изучать ее при помощи чувства. Такимъ образомъ въ опытномъ методѣ соединились оба предшествовавшіе ему изгледа на природу. Инициатива и теперь принадлежитъ чувству, которое порождаетъ идею а priori. Умъ или размышленіе развиваются

ее и выводить логическія заключенія. Но если чувство уясняется умомъ, то и умъ въ свою очередь руководствуется опытомъ, безъ котораго невозможно заключеніе. Опытный методъ не допускаетъ личнаго авторитета, онъ рѣшительно отвергаетъ доктрины и системы. Однакоже это отрицаніе не есть слѣдствіе гордости. Напротивъ, изслѣдователь, отвергая индивидуальный авторитетъ, унижаетъ самого себя, потому что, не довѣряя своимъ собственнымъ знаніямъ, какъ бы ни были они обширны, онъ подчиняетъ вообще людской авторитетъ авторитету опыта и законовъ природы. И такъ, первое условіе изслѣдованія природы — не обращать вниманія ни на какую систему и сохранять полную свободу разума, основанную на философскомъ сомнѣніи. Одинъ только опытъ долженъ быть критеріумомъ изслѣдователя — опытъ, который, по выраженію Гёте, есть единственный посредникъ между ученымъ и окружающими его явленіями. Всѣ науки, употребляющія опытный методъ, должны быть анти-систематичны. Опытная медицина будетъ не новой системой этой науки, но отрицаніемъ всѣхъ системъ, или наукою, которая стремится дойти до ближайшихъ причинъ явленій въ больномъ и здоровомъ тѣлѣ. Опытная физиологія должна также искать истины, не подвергаясь контролю какой-либо философской системы. Когда физиологъ занимается ученымъ изслѣдованіемъ, опираясь на какую бы то ни было философскую систему, онъ непременно заходитъ въ область далекихъ, первоначальныхъ причинъ, и блуждаетъ тамъ ощупью. Ученому, для открытія истины, довольно стать лицомъ къ лицу съ природою и свободно спрашивать ее посредствомъ опытовъ и при помощи постоянно улучшаемыхъ способовъ изслѣдованія. Лучшая въ этомъ случаѣ философская система — не имѣть ровно никакой системы. И такъ, продолжаетъ французскій академикъ, будучи опытнымъ изслѣдователемъ, я избѣгаю системъ, но при всемъ томъ у меня нѣтъ желанія отвергать тотъ *философскій духъ*, который, не принадлежа никакой системѣ, долженъ господствовать не только надъ всякою наукою, но и вообще надъ всѣми человѣческими знаніями. Потому-то и люблю я философовъ. Философія, если смотрѣть на нее съ ученой точки зрѣнія, выражаетъ вѣчное стремленіе ума къ познанію безконечнаго. Вслѣдствіе этого, находясь всегда въ высшихъ сферахъ, въ крайнихъ предѣлахъ науки, она сообщаетъ ученой мысли движеніе, которое оживляетъ и облагораживаетъ ее. Философія укрѣпляетъ умъ, развивая его интеллектуальною гимнастикой, направляя его безпрестанно къ неисчерпаемымъ рѣшеніямъ великихъ проблемъ. Она поддерживаетъ въ немъ желаніе узнать неизвѣстное и тотъ священный огонь, который никогда не долженъ потухать въ душѣ ученыхъ изслѣдователей. Человѣкъ, незнакомый съ жуками, который порождаетъ незнаніе истины, не пойметъ радости, доставляемой ей открытіемъ. Но по странному капризу нашей природы, радость эта исчезаетъ очень скоро. Неизвѣдное, обратясь въ извѣстное, теряетъ привлекательность, тогда какъ то,

чего не знаемъ мы, сохранять для насъ всю свою таинственную прелесть. Потому-то истинно-великіе умы никогда недовольны свершенными подвигами, они постоянно стремятся къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ истины. Это чувство заставило Пристлея сказать, что сдѣланное открытіе влечетъ насъ къ новымъ трудамъ на поприщѣ открытій. Философія, колебля неизмѣримую массу нерѣшенныхъ вопросовъ, возбуждаетъ и поддерживаетъ спасительное движеніе въ наукахъ, потому что только ей принадлежитъ неопредѣленное. Но если она не должна предписывать границъ наукѣ, то и наука не должна посягать на уничтоженіе философскихъ истинъ, которыя должи ей по своему характеру. Истинная наука не уничтожаетъ того, чего не понимаетъ она, потому что отрицать непонятныя вещи значить — не уничтожать ихъ, но закрывать глаза и думать, что свѣта не существуетъ. Это—заблужденіе страуса, который, сунувъ голову въ песокъ, думаетъ, что онъ уничтожилъ опасность. Наука должна идти постоянно впередъ. Но ея прогрессивному движенію можетъ препятствовать систематизація знаній. Доступную намъ истину изслѣдователь можетъ открыть только въ то время, когда не стѣсненъ онъ никакою системою. Когда Бэконъ и другіе новѣйшіе мыслители хотѣли подвести ученые изслѣдованія подъ систематическія правила, то ихъ тенденціи могли казаться превосходными только тѣмъ людямъ, которые смотрятъ на науку издали. Для ученыхъ же изслѣдователей природы такія правила рѣшительно вредны, потому что они обременяютъ умъ множествомъ непримолжимыхъ къ дѣлу, голословныхъ требованій. Лабораторія есть условіе *sine qua non* прогресса всѣхъ опытныхъ наукъ. Очевидность этой истины должна необходимо провозвѣстовать обширную и радикальную реформу въ дѣлѣ ихъ преподаванія. Теперь признано повсюду, что всѣ физическія, химическія и физиологическія открытія зараждаются и зрѣютъ въ лабораторіяхъ, откуда проникаютъ они въ общество. Только лабораторія знакомитъ съ дѣйствительными трудностями опытной науки, показывая, что ученые открытія были всегда источникомъ реальныхъ богатствъ человѣчества и всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ нами надъ природою. Лабораторія — превосходная школа для образованія молодыхъ людей. Здѣсь только могутъ убѣдиться они, что всѣ блестящія примѣненія научныхъ истинъ къ практической пользѣ челоѣка, составляютъ слѣдствія предшествовавшихъ трудовъ, и что пользующеся ими современное поколѣніе обязано благодарностью своимъ предшественникамъ, которымъ не суждено было воспользоваться ихъ собственными открытіями.

— «The Ophthalmic Review» сообщаетъ, что стереоскопъ обращенъ въ превосходное средство для радикальнаго излеченія отъ косоглазія. На послѣднемъ офтальмическомъ конгрессѣ въ Гейдельбергѣ была прочтена подробная записка о хирургическомъ приложеніи этого инструмента. Стереоскопъ, какъ извѣстно, называется ящикъ, открытый съ одной стороны для освѣщенія помѣщаемыхъ на дно его чертежей или рисунковъ. Со стороны, противъ

положной дну, вставлены во внутрь ящика двѣ недлинные трубки съ плоско-выпуклыми стеклами, которыя зажимаютъ ихъ внутреннія отверстія. Выпуклыя поверхности этихъ стеколъ обращены ко дну, а плоскія наклонены нѣсколько къ осямъ трубокъ, въ противоположномъ направленіи другъ къ другу. Глаза смотрящаго приставляются къ выходящимъ наружу отверстіямъ трубокъ. Эта интересная игрушка для людей съ хорошо устроенными глазами обратилась теперь въ превосходное средство приобрѣсть хорошее зрѣніе. Методъ леченія направленъ къ тому, чтобы отучить испорченный глазъ отъ привычки косить зрачочъ, уклоняя его съ линіи зрѣнія, параллельной здоровому глазу. Въ первый день даютъ пациенту дощечку съ двумя на ней кружками. Одинъ изъ нихъ, черный и бѣльшаго діаметра, назначается для больного, расходящагося глаза; другой, меньшій, красный кружокъ долженъ находиться подъ той трубкою, свозъ которую смотритъ пациентъ здоровымъ глазомъ. Сначала бываетъ видимо только красное пятно, но когда зажмурится здоровый глазъ—большой черный кружокъ становится видѣть пациенту. Если здоровый глазъ осторожно раскроется потомъ, то пациентъ послѣ небольшого усилія начинаетъ видѣть оба кружка. Затѣмъ слѣдуютъ опыты надъ цѣлыми рядомъ дощечекъ съ двумя разноцвѣтными кругами на каждой изъ нихъ. Черные имѣютъ въ діаметрѣ два сантиметра. На одной дощечкѣ меньшее красное пятно находится надъ чернымъ, а на другой наоборотъ. Когда пациентъ будетъ видѣть *одинъ* только черный кружокъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что видитъ хорошо обоими глазами, если притомъ оба красные кружка будутъ представляться ему находящимися сверху и снизу черного на одной съ нимъ перпендикулярной, а не наклоненной линіи. Когда стереоскопъ назначается для излеченія сходящагося косоглазія (*convergence*), то онъ долженъ быть безъ стеколъ. Если же употребляютъ его противъ близорукости, соединенной съ расходящимся косоглазіемъ (*divergent squint*), въ такомъ случаѣ сперва смотрятъ свозъ пустя трубки, а потомъ свозъ стекла. Задолго до окончанія всего курса леченія съ дощечками, пациенту даютъ смотрѣть на буквы, потомъ на слова, и наконецъ на цѣлыя печатныя страницы, шрифтъ которыхъ уменьшается постепенно. Послѣ этого леченія оба глаза такъ привыкаютъ къ однообразной формѣ зрѣнія, что видимые предметы начинаютъ двоиться уже въ то время, когда бывшій больной смотритъ на нихъ, зажмуря одинъ глазъ. Нельзя не замѣтить превосходной стороны этого способа леченія, который будетъ, можетъ быть, приложенъ современемъ и къ другимъ глазнымъ болѣзнямъ. Онъ такъ легокъ и даже приятенъ, что ему съ удовольствіемъ говоритъ самый капризный ребѣнокъ.

— Въ «*Heidelberger Jahrbücher der Literatur*» помѣщенъ бюлетень г. Гельгольца «О движеніяхъ глазъ». При обыкновенныхъ обстоятельствахъ нормальныя глаза направляются всегда на одну точку и ясно видятъ ее. Они могутъ одновременно опускаться и подниматься, или поворачиваться параллельно направо и на-

лѣво. Иногда оба зрачка значительно сближаются другъ съ другомъ, если устремлены они на предметъ, находящійся между ними и близкій къ нимъ. Вообще они сходятся немного, но, при нормальныхъ условіяхъ зрѣнія, никогда не расходятся въ противоположныя стороны. Такъ-какъ движенія каждаго глаза производятся при помощи совершенно отдѣльныхъ мышцъ, то полагаютъ, что ихъ должно подчинить принципу принудительной совѣстности, то-есть допускали мысль, что нервы управляютъ мускулами такимъ образомъ, который допускается только поманутыя, опредѣленныя группы движенія. Рядъ новѣйшихъ опытовъ опровергаетъ эту гипотезу. Когда человекъ надѣваетъ очки, то, желая видѣть ясно предметъ, онъ бываетъ принужденъ удалить его на нѣкоторое пространство отъ глазъ, для того чтобы приспособить ихъ къ новымъ условіямъ зрѣнія, которыя требуютъ иной степени сближенія зрачковъ. Эта пережѣна условій сначала безпокоитъ глаза, но мы скоро привыкаемъ къ ней и чувствуемъ потомъ нѣкоторую неловкость, если начнемъ разсматривать предметы по-прежнему, безъ очковъ, сдѣлавши привычку къ нимъ. Нетрудно также заставить глаза расходиться въ разныя стороны посредствомъ стереоскопныхъ изображеній, удаляя ихъ мало-по-малу другъ отъ друга въ то время, когда взоръ нашъ устремленъ на нихъ. Дондерсъ и за нимъ самъ Гельмгольдъ убѣдились собственнымъ опытомъ, что можно приучить одинъ глазъ глядѣть вверхъ, когда другой направленъ внизу. Для этого надобно только держать передъ однимъ зрачкомъ призму и повертывать слабо-преломляющее ребро ея, обращенное сперва къ глазу, вверхъ или внизъ, но только какъ можно медленно. Это повертыванье должно прекращать, какъ скоро будетъ видимо двойное изображеніе предмета, и начинать его снова не прежде, какъ совершенно исчезнетъ оно. Отнявши призму, человекъ, производящій опытъ, видитъ уже простыми глазами, вмѣсто одного, два одинакіе предмета, находящіеся другъ надъ другомъ, которые черезъ нѣсколько секундъ опять сливаются. Это сліаніе доказываетъ возвращеніе къ обычному положенію того глаза, который принялъ ненормальное направленіе. Опытъ съ призмою обнаруживаетъ, что принудительная комбинація глазныхъ движеній зависитъ отъ того собственно, что мы можемъ направить нашу волю только къ ясному и однообразному созерцанію обоими глазами одного предмета, и что вслѣдствіе этого какъ скоро заставляемъ мы глаза свои видѣть при аномальныхъ условіяхъ, то должны давать имъ неестественное направленіе. Если смотрѣть сквозь прямоугольную призму параллельно площади ея гипотенузы, горизонтально протянутой, то находящійся за нею предметъ видится безъ цвѣтныхъ красокъ и въ настоящую величину его, но только перевернутымъ вверхъ ногами. Мы увидимъ его въ нормальномъ положеніи, помѣстивъ за одной призмою другую такую же. При соединеніи затетовъ ихъ, одна гипотенуза должна непременно уловиться нѣсколько отъ параллельнаго направленія къ оптической оси, и тогда,

держа эту двойную призму передь однимъ глазомъ и смотря обоими на далекій сложный предметъ, человекъ, производящій опытъ, видятъ сперва перекрещенное двойное поле зрѣнія. Но когда взоръ побродитъ недолго по разнымъ частямъ этой картины, при чемъ каждую отдѣльную черту ея можно хорошо видѣть, то перекрестность исчезаетъ, и двойная картина сливается въ одну видъ. Но какъ скоро сложная призма удалится отъ глаза, перекрещенными двойными чертами видятся опять въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ простыми глазами, и потомъ уже снова совпадутъ и совмѣщаются. Эти опыты доказываютъ, что смотрящій сквозь такія призмы глазъ принимаетъ мало-по-малу положеніе, позволяющее обоимъ тождественнымъ изображеніямъ предмета отразиться на однихъ пунктахъ обѣихъ сѣтчатыхъ оболочекъ, и что по удаленіи призмы глазъ, принявшій ненормальное направленіе, скоро возвращается въ своимъ обычнымъ, естественнымъ движеніямъ. Сверхъ того изъ этихъ опытовъ должно вывести заключеніе, что движеніе глазъ подчинено волѣ человека и можетъ быть производимо неоднобразно обоими глазами, если имъ надобно исполнить единственную тенденцію воли, какая возможна въ этомъ случаѣ, именно—ясно и однообразно видѣть предметъ вдругъ обоими глазами.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Собраніе сочиненій и писемъ святогорца въ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аеоноской, Палестинѣ и русскихъ святыхъ мѣстахъ. *Новое изданіе въ 2 томахъ. С.-Петербургъ. 1865 года. Въ типографіи Головина.*

Святогорецъ, авторъ лежащихъ предъ нами писемъ о св. горѣ Аеоноской, въ крещеніи Симеонъ, въ монашествѣ Серафимъ, а наконецъ, въ схимонашествѣ Сергій, былъ сынъ бѣднаго, но многосемейнаго дьячка Вятской губерніи Орловскаго уѣзда, села Пищальскаго, Вегнина. Родившись въ 1814 году, онъ, по общезаведенному порядку воспитанія для дѣтей духовнаго вѣдомства, отданъ было лѣтъ на 10 въ духовное училище, а потомъ въ вятскую семинарію, и пройдя съ успѣхомъ до конца реторику, философію и богословіе, выпущенъ оттуда, имѣя отроду 20 лѣтъ. Получивъ вѣсть съ согласіемъ невѣсты мѣсто священника, по сосѣдству отъ своей родины (въ селѣ Ацаѣжскомъ), онъ въ 1835 году оставляетъ въ священника, въ томъ же году овдовѣвъ, и чтобъ облегчать тоску, пустился въ странствованіе по разнымъ

святѣмъ мѣстамъ земли русской, какъ это и видно изъ различныхъ писемъ съ дороги, величественныхъ занимательности. Въ 1839 году онъ отрѣшается отъ міра, отъ всѣхъ отношеній и обязанностей къ нему, дѣлается инокомъ, и осуществляетъ свое давнее желаніе — отправляется на Востокъ въ Іерусалимъ и потомъ на Аѳонъ, и изучивъ всѣ обычаи этого единственнаго въ мірѣ мѣста, дѣлается святогорцемъ, принимаетъ схиму въ 1844 году; побывавъ и послѣ этого даже не разъ въ своемъ отечествѣ, онъ въ 1853 году декабря 17 повиннулъ уже совсѣмъ міръ сей, послѣ усиленныхъ занятій и подвижническихъ трудовъ, сильно разстроенныхъ его здоровье, и безъ того слабое и ненадежное.

Живя на Аѳонѣ, святогорецъ, кромѣ значительной переписки, нѣмъ напечатанной, занимался: а) составленіемъ аѳонскаго патерика, оконченнаго послѣ его смерти монахомъ Азаріемъ; б) историческимъ очеркомъ: *Русскіе иноки на св. горѣ Аѳонской съ X до половины XIX столѣтія*, который въ неоконченномъ видѣ и вошелъ въ собраніе его сочиненій; в) велъ келейныя записки, и обработывалъ свои палестинскія записки, также нѣмъ изданныя; г) составилъ описаніе эсфигмено-вознесенскаго монастыря, путеводитель по св. горѣ Аѳонской, и указатель ея святѣнъ и прочихъ достопамятностей.

Дивный Аѳонъ, его чудные сподвижники, уставы, обряды древности, рѣдкости, красоты мѣстоположенія и т. д., были неистощимымъ и всегда занимательнымъ предметомъ для его писемъ, которыя и въ глазахъ нашихъ имѣютъ большой интересъ, отличающійся простотою изложенія и, можно сказать, завлекательнымъ содержаніемъ, въ чемъ легко убѣдятся и сами читатели изъ нижеслѣдующаго описанія вообще св. Аѳонской горы, сдѣланнаго нами въ краткомъ изложеніи изъ различныхъ записокъ, описаній и писемъ святогорца.

На святой Аѳонской горѣ, омываемой съ одной стороны водами Архипелага, а съ другой — заливомъ Монтесанта (святой горы), находится около 20 монастырей, 10 свитовъ и многое множество одинокихъ велий Иночествующихъ полагаютъ до 10,000 человекъ, въ томъ числѣ до 200 русскихъ (томъ I стр. 51). Предоставляя читателямъ самимъ прочесть описаніе чудной природы и прекраснаго мѣстоположенія, гдѣ кругомъ — море и острова, на западъ — олимпійскія горы, и т. д. — мы сообщимъ, что правильнѣе называть *аѳонскія горы*, ибо весь небольшой мысъ, соединенный съ материкомъ лишь узкимъ перешейкомъ, имѣющій 100 верстъ длины, покрытъ цѣлымъ хребтомъ возвышенностей горъ, которыя заняты разными обителями, и состоятъ въ ихъ владѣніи по имѣющимся на то актамъ. Турецкое правительство не имѣетъ здѣсь никакой силы, хотя св. гора подъ тѣмъ же тяжкимъ рабствомъ, какъ и прочія части этого государства. Ага, состоящій въ вѣдѣніи и власти наши солунскаго, съ нѣсколькими вооруженными солдатами (сардарами), живетъ здѣсь для сбора дани съ каждаго монастыря, завѣдуетъ полицейскою

частью, самъ собою ни во что не входитъ, а исполняетъ рѣшеніе *протата* или *синода*, который находится въ Карѣѣ. Состоя изъ назировъ (старцевъ отъ всѣхъ монастырей), протатъ имѣеть деспотическое вліаніе на всю св. гору, и даже на права самого святѣйшаго патріарха константинопольскаго, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ политически ограничиваетъ, и даже не выполняетъ требованія вселенскаго владыки, по извѣстнымъ ему на то узаконеніямъ. Въ протатѣ засѣдательствуютъ съ превнущественными правами власти и полномочія четыре проэдра, каждагодно и поочередно перемѣняющіеся въ первосвѣдательствѣ. Какое бы дѣло ни было рѣшено синодомъ, первенствующему представляется исполненіе онаго (томъ I стр. 20). Назиры рѣшаютъ всѣ важныя дѣла святогорскія безъ малѣйшаго участія турецкаго аги; менѣе значительныя дѣла и разбирательства поручаются которому нибудь изъ членовъ синода, а чрезвычайно важныя, по особому предписанію патріарха, возлагаются всего болѣе на здѣсь пребывающихъ въ покоѣ владыкъ, или на нарочно командированныхъ изъ епархіи (проэдры), которые имѣютъ печать святогорскую (съ изображеніемъ знаменія пресвятыя Богородицы), раздробленную на 4 части; у каждаго проэдра по одному углу. Точно такъ же и назиры (старцы отъ 20 монастырей) имѣютъ свои печати, которыя и прикладываются ими къ рѣшенному дѣлу; не приложитъ одинъ—и дѣло (рѣшеніе) не имѣеть своей силы, и даже самъ патріархъ не признаетъ такого дѣла рѣшеннымъ. Всѣ назиры обязаны доносить своимъ монастырямъ своевременно о дѣлахъ синода, такъ-что настоятели монастырей, зная всегда о происходящемъ въ синодѣ, нерѣдко даютъ отъ себя наставленія назирамъ, въ какомъ духѣ, силѣ и образѣ дѣйствовать съ непремѣнною обязанностію не развогласить съ волею монастыря, и во что бы то ни стало стоять на полученномъ предписаніи. Первое мѣсто въ синодѣ занимаютъ проэстосы, то-есть старшины лавр-Ватопеда, Хилендаря, Ивера (отъ котораго въ Москвѣ подворье); остальные 16 настоятелей занимаютъ низшія мѣста узаконеннымъ порядкомъ. «Но самый судъ и засѣданіе происходитъ не такъ благообразно и чинно, какъ это можно было бы предполагать по благолѣпному лику святыхъ старцевъ» (т. I стр. 205). Въ числѣ монастырей находится и русскій, св. Пантелеймона, называемый обыкновенно Русскій. Основаніемъ своимъ онъ обязанъ благочестію князей нашихъ св. Владиміра и Ярослава, но отъ этого стараго храма осталось одно лишь чрезвычайно ветхое расиліе; зданіе развалилось давно. Монастырь приходилъ все болѣе и болѣе въ упадокъ, не могъ существовать безъ постороннихъ пособій, которыхъ не было и не имѣлось въ виду, такъ-что протатъ представилъ въ 1803 году патріарху Каллинику объ уиращденіи на св. горѣ русскаго монастыря, но не получивъ на это согласія, долженъ былъ обратится къ различнымъ сборамъ и пособіямъ, возложивъ это все на іеромонаха Савву, который успѣлъ возбудить особенно живое участіе

къ судьбамъ русскаго монастыря въ князѣ Скарлатѣ-Каллимахѣ. Сдѣлавшись изъ великаго драгомана (переводчикъ) господаремъ валахскимъ, Каллимахъ щедрою, неистощимою рукою сыпалъ деньги на возобновленіе и устройство монастыря до самаго 1821 г., когда былъ убитъ турками. Настали опять тяжкія обстоятельства для русскихъ, продолжавшіяся до 1835 года, когда явился въ немъ князь Шихматовъ-Ширинскій (впослѣдствіи іеромонахъ Анникита), старецъ Павелъ изъ ильинскаго скита и пр., которые много способствовали привлеченію на св. гору русскихъ денегъ и поклонниковъ, ищущихъ трудной, но вѣрной отшельнической стези въ небесную отчизну (т. II стр. 30). Оставляя въ сторонѣ весьма подробныя описанія храмовъ, церквей, и зданій Руссика, его библіотеки, мощей и хрисовулъ (граматъ) нашихъ царей Федора Іоанновича, Михаила, Алексѣя, и Іоанна и Петра, мы сообщимъ читателямъ свѣдѣніе о самой монастырской жизни.

Русскій монастырь, поддерживаясь собственно приношеніями и подаваніями добрыхъ людей, владѣеть также и землями, какъ на самой горѣ, такъ и выѣ ея подъ Солунемъ и на Кассандрѣ; владѣнія эти составляютъ жалкіе остатки значительныхъ жалованныхъ ему земель и селъ въ Сербіи и другихъ мѣстахъ; время и обстоятельства лишили его этихъ владѣній, оставивъ ему на память однѣ лишь царскія граматки на вѣчное владѣніе ими. Въ монастырѣ большая часть братства находится въ великой скумбѣ, несмотря на то, что много есть иноковъ въ цвѣтѣ только-что развернувшихся лѣтъ вѣжной юности. Святгорецъ замѣчаетъ, что скумбять юныхъ нетолько извинительно, но и похвально, ибо св. гора такъ тиха и безмятежна, такъ далека отъ соблазновъ и т. д., что для всѣхъ состояній возраста нѣтъ здѣсь предметовъ, могущихъ возмутить миръ подвижническаго сердца; здѣсь нетолько нѣтъ женъ, но и самый входъ имъ на св. гору совершенно невозможенъ; даже рабочій скотъ содержится для тяжелыхъ монастырскихъ послушаній только *мужескою* пола; коты безъ подругъ мурлычатъ и распѣваютъ свои пѣсни и т. д. (т. II. стр. 39). Въ глубокую полночь братія возставаютъ на келейное правило, заключающееся въ 1200 поясныхъ и 100 земныхъ поклонахъ; на совершеніе этого дается часъ. Въ часъ пополудни ударяютъ на утрени, впрочемъ, только въ зимнее время, а лѣтомъ она начинается въ 11 часовъ вечера; по короткости ночей и келейное правило оставляется на послѣ-обѣденное время. Послѣ утрени до литургіи братія покоятся часъ, а иногда и мѣше; литургія кончается, кромѣ праздниковъ, до восхода солнца; послѣ братія расходятся до обѣда на послушанія (разныя работы), совершаемыя общими силами всѣми безъ изыатія подѣ особеннымъ наблюденіемъ эконома, который въ этомъ особенно опытенъ и неуспяно дѣятеленъ. Вечерня бываетъ въ свое время, а повечерня отдѣльно отъ нихъ послѣ ужина, и всегда по закатѣ солнца, послѣ чего никто не въ правѣ нетолько что либо съѣсть, но

даже напиться; за несоблюдение послѣдняго должно положить въ простое время 100, а въ великій постъ 500 поцѣлунковъ съ молитвою, или вновь вычитать повечеріе. Трапеза поставляется здѣсь дважды въ день, кромѣ помятывника, среды, пятницы и св. сорокадесятиницы, когда ѣдятъ разъ въ день безъ масла и вина лозаго. Кушанье бываетъ одно: или изъ бобовъ и гороха, или изъ травъ и другихъ произведеній здѣшней природы; къ этому блюду добавляютъ маслину, стручковый перецъ въ укусу, лукъ, чеснокъ, а въ скоромные дни—сыръ и сельди. Въ великій постъ (сорокадесятиницу) подаются морскія животныя (не рыбы, а моллюски), какъ-то октопады, пинны или большія раковины, въ которыхъ образуется и находится жемчугъ, прекрасный черный песокъ и чрезвычайно мягкій пухъ. Спрашивается, какую травезу можно сравнить съ отшельническою, которая, взаменъ сластей изысканнаго вкуса, отъ самой природы приправляется цвѣтнымъ жемчугомъ и драгоценными перлами? (т. II стр. 49) Квасу нѣтъ, а въ извѣстные дни разрѣшенія даютъ растворимое водою виноградное вино. Братство обязывается ѣсть въ общей трапезѣ, а держать что либо съѣстное въ кельѣ, и ѣсть не въ свое время считается важнымъ грѣхомъ. Касательно келейнаго поведения въ Русскихъ наблюдается удивительная строгость, и точное исполненіе отеческихъ законоположеній; не позволяется оставаться внѣ кельи, и тѣмъ болѣе за монастыремъ, равнымъ образомъ собираться по кельямъ для бесѣды или угощеній. Никто не въ правѣ безъ позволенія настоятеля принять или подать милостыню изъ иночествующихъ, *не почему-нибудь иному, какъ только по направленію чрезъ это каждою къ отпущенію собственнаго своеволя*, какъ бы оно ни было само по себѣ безкорыстно, и хотя бы было основано на видахъ самыхъ благонамѣренныхъ. Не дозволяется засвѣчивать по кельямъ огня вечеромъ, развѣ только іеромонахамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно уважительныхъ; для простаго братства—свѣтильникъ—совершенное излишество, ибо келья, образуя собою не что иное какъ гробъ должна быть, какъ гробъ темна, и служить для инока только покоемъ и отдыхомъ. Не дозволяется даже теплить свѣчь неугасимыхъ предъ келейными иконами, ибо таковыя горять въ церквахъ монастыря за спасеніе всего братства, а слѣдовательно, и каждаго отдѣльно.

Въ русскомъ монастырѣ, какъ общежительномъ, наблюдается нестяжательность; никто изъ братіи не можетъ удерживать при себѣ никакой собственности. Съ большою строгостью и точностью соблюдаютъ правило—безъ крайней нужды не обнажать тѣла: бани, ванны и купальни исключены изъ быта монастырскаго (стр. 60); не мыть всего тѣла, и даже лица, здѣсь совершенно не полагаютъ въ грѣхъ, ни въ добродѣтель, ни въ непремѣнное правило для всякаго, а считаютъ все это поводомъ къ *удоду плоти*. Мойся, если хочешь, вопреки святогорскаго обычая, только не съ дѣлюю сдѣлать чрезъ то *лицо приложимъ*, какъ обыкновенно

водится въ міръ, а для смѣтія только гризи и оклажденія, или *божественныхъ* уже очей и головы, или въ предотвращеніе въ нихъ слабости (стр. 62). Братство, лежа съ спать, не раздѣвается до рубашки, а постоянно бываетъ въ подрясникѣ, и не отнимаетъ даже пояса для всегдашней готовности, куда угодно. О щегольствѣ здѣсь и понятія не имѣютъ: напротивъ того, въ особенное иноческое достоинство даже поставляютъ многозаплатное одѣяніе. Относительно бѣлья нѣтъ здѣсь особенныхъ правилъ, а каждому дана свобода—мыть, какъ и когда угодно, только собственными своими руками, и большею частію *однимъ* *щелокомъ*, который также долженъ быть предварительно заготовляемъ, или отъ услужливаго братства, или своими трудами. Также и печеніе хлѣбовъ не возлагается на особенныхъ братья, а въ извѣстное время, нѣсколькими ударами въ деревянную доску (или току), даютъ знать братіи о послушаніи хлѣбномъ; они собираются въ пекарню, и общими силами отправляютъ эту работу. Такимъ же точно образомъ приглашаются и на прочія послушанія. При этомъ мы считаемъ излишнимъ сообщать нашимъ читателямъ и о различныхъ родахъ подвижнической жизни на св. горѣ (томъ III стр. 202—70).

На самой нижней ступени иноческаго восхожденія къ небу стоять:

1) *монастыри штатные*, то-есть въ которыхъ между иноками нѣтъ рѣшительно почти ничего общаго; въ которыхъ каждый живетъ подлѣ собственнымъ руководствомъ и по своему произволу, такъ что если кто не хочетъ—не бываетъ въ церкви у службы и т. д. Нѣкоторые послушанія иногда бываютъ общими, но кто не хочетъ трудиться, тотъ нанимаетъ вмѣсто себя другого. Такимъ образомъ въ штатныхъ монастыряхъ, конхъ всего 12 на Афонѣ, трапезы общей нѣтъ, кромѣ какъ для проходящихъ и работниковъ; всякій получаетъ положенную порцію жизненныхъ припасовъ и готовитъ въ своей кельи—что и какъ хочетъ;

2) немногимъ выше ихъ стоитъ *жизнь келіотская*, которая дѣлится на а) отшельническую въ строгомъ значеніи этого слова и б) на вольную. Первая представляетъ умилительное единеніе, строгую воздержность, изумительные тѣлесные труды и безмолвіе; это—свѣтлое отраженіе высшаго отшельничества; во вторая—совсѣмъ не то уже. Отличительною и единственною чертою иноческаго характера остается у ней только *зависимость* нѣсколькихъ человѣкъ отъ старца, который обыкновенно снабжаетъ всѣмъ необходимымъ свое небольшое братство;

3) изъ третьей степени подвижнической жизни можно отнести *каменитовъ*, то-есть такихъ сиромыхъ (бѣдняковъ), у которыхъ предъ собою, ни за собою нѣтъ иногда ни гроша денегъ, ни куска хлѣба. Они не имѣютъ ничего положительнаго, заняты руководѣемъ дома или, что всего чаще, ходятъ по кельямъ и занимаютъ наемною работою; питаются подаваніемъ и испыты-

ваютъ много неприятностей и лишеній. Они не поступаютъ ни въ общешитіе, ни въ другое какое-либо мѣсто потому собственно, что этимъ стѣсняется ихъ воля; зависимость отъ власти должна подчинить ихъ строгости иноческихъ законоположеній,

4) *киновіи* или *общешитія*; ихъ на горѣ только 8; въ подобномъ братствѣ господствуетъ патриархальная простота нравовъ, взаимность любви, довѣрчивость и *райское безмолвіе*. Одежда и трапеза — для всѣхъ одинаковы; нѣтъ никому отличія. Ради Бога и своего спасенія предають волю свою какъ-бы на крестное распятіе, такъ что она вѣтально ограничена, но невозвратно отнята и выброшена. Такъ здѣсь церемнуть инока, переваливаютъ, стѣсняютъ и потопчутъ его волю въ разнообразіи вѣчныхъ послушаній, что онъ, пройдя киновіатъ, становится для всѣхъ образцомъ испытаннаго самоотверженія, легко можетъ вступать въ подвигъ скитскаго уединенія, строгаго воздержанія и совершеннаго безмолвія;

5) *скиты*, числомъ 10, отличаются строгостью уединенія и въ особенности воздержаніемъ. Кромѣ субботы, воскресенія и великихъ праздниковъ, не разрѣшается имъ въ прочіе дни ни рыба, ни вино, ни масло; даже сухояденіе имѣетъ свое ограниченіе, ибо хлѣбъ употребляется по вѣсу. Занимаясь руководіемъ, сердечною или умственною молитвою, въ скитахъ живутъ по два, а иногда и по три брата, въ отдѣльной кельи, подъ наблюденіемъ старца, и только на воскресные и праздничные дни безмолвники со всего скита приходятъ въ соборъ, совершаютъ литургію, а въ обѣду удаляются въ свои кельи;

6) признавъ, что люди рождены и созданы съ тѣмъ, чтобы въ неразрывномъ союзѣ любви дышать обществомъ и жить другъ для друга, можно себѣ представить, легко ли человѣку стать выше себя, выше своей собственной природы и творческаго назначенія, подавить въ себѣ чувство взаимнаго общенія, удалиться отъ всѣхъ, не по ненависти къ людямъ, а по внутреннему сердечному влеченію къ ангельской жизни, жить въ глубокой пустинѣ одному, среди звѣрей и *страхованій невидимаго бгса?* Афонскіе пустынники достигаютъ до такой степени самоотверженія. Они рѣшительно ничего не имѣютъ: ни надлежащей пищи, ни одежды, ни кельи, вѣтаются кореньями, живутъ въ пещерахъ при монастырскихъ виноградникахъ и дачахъ, иные занимаясь иногда руководіемъ, а другіе—только молитвою. Пищу и одѣяніе имѣютъ они отъ монастырей.

Кромѣ этихъ видовъ подвижнической жизни, есть еще два, по наружности совершенно отдѣльные отъ нихъ, именно:

а) *хородиты*; при святогорцѣ былъ только одинъ да и тотъ не дѣлалъ особыхъ *странностей* для прикрытія своихъ двинныхъ подвиговъ, потому что на св. горѣ это вовсе лишнее при безчисленныхъ образцахъ ангелоподобной жизни, и

б) *странники*, отличительною чертою которыхъ является необычайное терпѣніе; они проводятъ день и ночь подъ открытымъ

небомъ, переносить всякія лишенія и непогоды, и переходя съ мѣста на мѣсто, только на болѣзненномъ или смертномъ одрѣ находятъ успокоеніе и отдыхъ для своей истаскавшейся по горѣ плоти.

Прежде нежеди упоминуть объ обрядахъ погребенія, мы, по свидѣтельству святогорца, скажемъ, что доктора на Аеонѣ неумолимо суровы. У нихъ принято ставить по возможности часто шпанскія мушки, и по отнятіи оныхъ раздражать около недѣли болное мѣсто, растирая оное что есть мочи грецкою губкою, напитанною укусомъ, такъ что больной обливается кровью, какъ баранъ! Это—совершенная пытка, мученичество безъ вѣнца, замѣчаетъ, и вполне справедливо, святогорецъ.

Должно замѣтить, что русскій монастырь только что начинаетъ оправдаться и отагощенъ долгами, появившимися еще въ концѣ прошедшаго столѣтія. Въ исходѣ XVIII вѣка, онъ такъ былъ бѣденъ, что не могъ вносить за себя подати и законныхъ повинностей, которыми обложены всѣ монастыри Аеонской горы, а потому протать, въ предположеніи его упразднить, разложилъ причитающіеся на долю Русска денежныя сборы на прочіе монастыри. Когда же предположеніе объ уничтоженіи Русска не сбылось, то онъ долженъ былъ уплатить также и суммы, внесенныя за него разновременно святою горою правительству турецкому. Одной государственной подати, взимаемой турецкимъ правительствомъ, Русскъ уплачиваетъ ежегодно до 2,500 руб. асс.; но сверхъ того протать налагаетъ на каждый монастырь особенную повинность, на содержаніе охранителей святой горы, епитроповъ (повѣренныхъ) по дѣламъ протата, пребывающихъ неотлучно въ Солунѣ, Константинополѣ и другнхъ мѣстахъ, на случайные расходы и т. д. Эта повинность состоитъ изъ 34 р. съ каждаго, кто только внесенъ въ поголовные списки турецкаго подданства.

Что же касается до отношеній русскаго монастыря къ святой горѣ вообще, то не имѣя ни духу, ни силы, ни даже права стать наравнѣ съ прочими святогорскими монастырями, отъ которыхъ нѣкоторымъ образомъ зависятъ судьбы Аеона при предсѣдательствѣ въ протатѣ ихъ провостосовъ, Русскъ находится какъ-бы въ загонѣ. Онъ самъ собою ни во что не входитъ, не противится законнымъ и уважительнымъ требованіямъ властей, но при крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ тамошняго края временемъ несетъ крестъ многихъ огорченій.

Святогорецъ упоминаетъ также о нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ посѣтителяхъ Русска. Предоставляя самимъ читателямъ прочесть трогательное описаніе (томъ II, стр. 70—83) какъ самыхъ ожиданій, сомнѣвій, толковъ и т. д., порожденныхъ слухами, что въ 1845 году изволитъ прибыть на св. гору великій князь Константинъ Николаевичъ, такъ и самаго посѣщенія его высочествомъ этого мѣста, мы приведемъ здѣсь только слѣдующее мѣсто, характеризующее Аеонъ. Его высочество замѣтилъ шед-

Т. СЛXII. — Отд. II.

шимъ при немъ двумъ русскимъ іеромонахамъ: «У васъ въ царской фамиліи поминается великая княгиня Елисавета Михайловна, тогда какъ она уже скончалась, а между тѣмъ упущенъ новорожденный сынъ брата Николаевича, Александръ Александровичъ.»—«Простите насъ, отвѣчайте одинъ изъ нихъ:— «мы, русскіе, далеки отъ Россіи и безъ всякихъ сношеній съ нею и даже русскою константинопольскою миссіею, не получаемъ притомъ ни газетъ, ни частныхъ писемъ». Монастырь, въ чувствѣ важности высокаго посѣщенія, внесъ это событіе въ монастырскую лѣтопись, а между тѣмъ самъ великій князь увѣковѣчилъ свое царственное имя присылкою въ 1847 году прекрасныхъ церковныхъ сосудовъ. Нѣсколько ранѣе (въ 1842 году) посѣщалъ Аювъ князь Суворовъ (с.-петербургскій генералъ-губернаторъ), пробылъ довольно долгое время въ Руссикѣ, а солунскій паша, изъ уваженія и почтительности къ особѣ его свѣтлости, тотчасъ по отвѣздѣ его со Св. горы уничтожилъ съ монастырей сборъ десятины отъ всѣхъ произведеній святогорской природы! Въ заключеніе святогорецъ говоритъ о нѣкоторыхъ лицахъ русскаго монастыря, достойныхъ особеннаго вниманія. Эти біографическіе очерки не лишены занимательности. Вотъ одинъ образчикъ въ самыхъ краткихъ чертахъ. Воспитанникъ кадетскаго корпуса, по имени Михаилъ (фамилія не означена) дѣлается лихимъ гренадеромъ, отличается въ голландской экспедиціи нашей при Павлѣ I, случайно богатѣетъ, выдаетъ службу, достаетъ чужой нѣмецкій паспортъ, пробирается обратно въ Еватеринославъ, но уличенный въ самозванствѣ, ссылается на Кубань рабовымъ безъ выслуги. Его берутъ въ плѣнъ горцы и продаютъ какъ раба. Онъ бѣжитъ, но, къ несчастью, его ловятъ и снова перепродаютъ. Принужденія отречься отъ христіанства заставляютъ его снова бѣжать, и на этотъ разъ немного удачнѣе; его сватываютъ уже въ Анатолія турки, но онъ снова бѣжитъ изъ-за религиозныхъ преслѣдованій и опять ловится; пытается снова бѣжать, и опять неудачно, терпятъ пытки и палочные удары, но остается вѣрнѣе религіи, что приводитъ пашу въ ярость. Его вѣшаютъ; онъ теряетъ уже чувство, какъ вдругъ сынъ пашы проситъ, чтобъ ему подарилъ висящаго. Эту просьбу исполняютъ; Михаилъ остается, чтобъ испытать вновь различныя бѣдствія. Паша придумываетъ женить его на плѣнной грузинкѣ, которая, впрочемъ, магометанка. Послѣ сильнѣйшей пытки, растянутой на ярмо, онъ сущи оставался въ мучительномъ положеніи—обращается наконецъ въ исламизмъ. Теперь начинаются различныя угрызенія совѣсти за такое малодушіе; онъ бѣжитъ въ черноморскія русскія поселенія и попадаете къ раскольникамъ, которые начинаютъ его преслѣдовать за куреніе табака и доводятъ до того, что находятъ нужнымъ вкнутъ его въ Черное море. Добрые болгаре спасаютъ его и отвозятъ въ Константинополь, гдѣ онъ дѣлается драгоманомъ запорожскаго кошеваго и зажилъ важно. Но нѣтъ; чувство тяжкой грѣховности тревожило бѣднаго Михаила и онъ, пробѣдя на

своемъ вѣку и огонь и воду, рѣшается уйти на св. гору Аѳонскую. Посвятивъ себя въ 1826 году строгости покаянія, онъ изъ прежняго разгульнаго бродяги-святальца обратился въ скромнаго схимника святогорскаго Макарія, изъ устъ котораго и слышалъ всю полную его біографію нашъ святогорець, весьма подробно и живо намъ ее сообщающій (т. II, 92—105).

Не менѣе любопытны и «Аѳонскія Записки», въ которыхъ разсказана исторія и главнѣйшія событія каждаго изъ монастырей, находящихся на Аѳонѣ, какъ-то: Ксиропотама, Симонетра, Ковсокаливскаго скита, Эсфигмено-вознесенскаго монастыря, основаннаго еще императоромъ Θεодосіемъ-младшимъ и царицею Пульхеріею и замѣчательнаго тѣмъ, что здѣсь полагалъ начатки иноческихъ подвиговъ преподобный Антоній Печерскій, впоследствии — отшельникъ кievскій и первый основатель въ Россіи монашескихъ подвиговъ. Такимъ образомъ Аѳонская Гора, въ лицѣ первоначальника иноческой семьи, св. Антонія Печерскаго, передала намъ русскимъ таинства созерцательной жизни аскетизма и ея строгія законоположенія, находилась постоянно во взаимности духовнаго общенія съ нашимъ отечествомъ, чему немало доказательство представляетъ историческая, хотя и не вполне оконченная статья святогорца «Русскіе иноки на св. горѣ Аѳонской отъ исхода X до XVI вѣка». Къ сожалѣнію, предѣлы статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей нашихъ съ содержаніемъ какъ этой и многихъ другихъ, не менѣе любопытныхъ статей, такъ и съ поэтическими произведеніями святогорца, отличающимися, впрочемъ, преимущественно высоко-нравственнымъ содержаніемъ, а не литературно-беллетристическими достоинствами.

Разбирать какъ стихотворенія, такъ и вообще высказываемые святогорцемъ взгляды и стремленія, чисто-аскетическія, что объясняется уже вполне его саномъ — мы рѣшительно не въ состояніи. Принадлежа къ жителямъ міра сего, и не намѣреваясь какъ бы то ни было образомъ его преждевременно покинуть, мы, занятые, какъ говорятъ, суетою мірскою, можемъ только удивляться тѣмъ лицамъ, которыя, какъ святогорець, доходили до подобнаго отреченія отъ міра вишняго и предаются вполне жизни созерцательной, заботясь лишь о спасеніи душъ; мы можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на существа, рѣзко отъ насъ отличающіяся, и только слушать ихъ поученія, изумляться имъ.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Вигль.
Чарльза Дарвина. *Переводъ подъ редакціей А. Бекетова. С.-Петербургъ. Изданіе князя А. С. Голицына. 1865 г. Томъ I, стр. 540; цѣна 1 р. 25 к.*

Для окончательнаго осмотра Патагоніи и Огненной Земли, изученіе которыхъ было уже произведено капитаномъ Кингомъ съ 1826 по 1830 годъ, отіравленъ былъ пзъ Девонпорта, подъ командою капитана Фиц-Роя, десятипудечный англійскій бригъ

Биль, на которомъ находился и Чарльзъ Дарвинъ, пользующійся въ настоящее время такою громкою извѣстностію, какъ ученый естествоиспытатель, и авторъ, между прочимъ, сочиненія о происхожденіи видовъ. Экспедиція эта должна была также обозрѣть берега Чили, Перу, нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана и наконецъ провести цѣль хронометрическихъ измѣреній земного шара. Нѣтъ ничего естественнѣе, что во время этого столь же любопытнаго, какъ и продолжительнаго плаванія, такой проникающій наблюдатель велъ свой дневникъ, на основаніи коего и составилъ описаніе своего путешествія, появившееся въ настоящее время въ переводѣ на русскій языкъ. Имя Дарвина и положеніе, занимаемое имъ въ ряду современныхъ естествоиспытателей, избавляютъ насъ отъ необходимости говорить о томъ интересѣ, который представляетъ собою для всякаго занимающагося естественными науками это произведеніе Дарвина, наполненное множествомъ весьма любопытныхъ геологическихъ и зоологическихъ наблюденій и замѣчаній; мы съ своей стороны сдѣлаемъ только лишь нѣсколько общеинтересныхъ краткихъ извлеченій, съ цѣлію познакомить нашихъ читателей съ странами, мало посѣщаемыми отважными путешественниками и потому извѣстными лишь очень поверхностно, только по учебникамъ географіи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что сочиненіе Дарвина не лишено занимательности и для лицъ, не посвященныхъ въ подробности естествознанія.

Прибывъ въ Рио-Жанейро (столицу Бразильской имперіи, какъ извѣстно), Дарвинъ отправляется во внутрь страны по одной изъ главныхъ линій большихъ дорогъ въ Бразилію, но между тѣмъ дорога была въ такомъ плачевномъ состояніи, что ни одинъ колесный экипажъ, кромѣ неуклюжей телеги, запряженной волами, не могъ бы по ней проѣхать. Во все время пути онъ не встрѣтилъ ни одного каменнаго моста, а деревянные были большей частью въ такомъ видѣ, что нужно было брать въ сторону, чтобы объѣзжать ихъ (что можетъ удивлять Дарвина, замѣтимъ мы, но конечно не русскихъ его читателей). Разстоянія отъ мѣста до мѣста опредѣляются здѣсь крайне неточнымъ образомъ. Часто на дорогѣ вмѣсто дорожныхъ столбовъ попадаются кресты, обозначающіе мѣста, гдѣ была пролита человѣческая кровь (стр. 51). Гостиницы на дорогахъ (*верда* попортугалски) плохи, хотя и большія; онѣ построены изъ толстыхъ бревенъ, связанныхъ между собою переплетенными вѣтвями, и потомъ замазанныя штукатуркою. Полъ въ нихъ встрѣчается рѣдко, въ окнахъ никогда не бываетъ стеколъ; во крыши сдѣланы обыкновенно довольно хорошо. Спальни сообщаются между собою съ обѣихъ сторонъ, и тутъ путешественнику предоставляется спать, какъ заблагоразсудится, растянувшись на деревянной лавкѣ, покрытой соломенной рогожей. Хозяинъ гостиницы на просьбу, не будетъ ли онъ милостивъ дать вамъ чтонибудь съѣсть, отвѣчалъ обыкновенно: все, что вамъ будетъ угодно, сэръ; это ова-

звалось лишь фразою, на дѣлѣ — никогда ничего не было, и прождавъ часика два, путешественники добивались какой-нибудь домашней птицы, муки или рису; нерѣдко случалось, что они и сами убивали каменьями домашнихъ птицъ себѣ на ужинъ. Если же они осмѣливались представлять какия-нибудь требованія, имъ рекомендовали вѣхать далѣе, такъ-какъ они народъ безпокойный. Хозяева гостиницъ страшно неприятели и невѣжливы въ обращеніи; ихъ дома и собственныя особы часто отвратительно грязны; недостатокъ вилочекъ, ножей и ложекъ—вещь самая обыкновенная (стр. 41). Невѣжество обитателей, которые вѣдь все-таки *владеютъ тысячами головъ скота* и необозримыми пастбищами, пзумительно. Такъ въ Мальдонадо при устьѣ Ла-Платы особенное вниманіе возбуждала компасъ: спрашивалп, земля ли ходитъ вокругъ солнца пли наоборотъ; жители полагають, что Англія, Лондонъ, Сѣверная Америка суть различныя названія одного и того же мѣста; однако находились люди до того свѣдующіе, что считали Лондонъ и Сѣверную Америку за отдѣльныя, но сосѣднія между собою страны, а Англію за большой городъ въ Лондонѣ. Прометеевы спички публика считала такимъ чудомъ, что когда зажигали спичку, то вся семья сбѣгалась смотрѣть. Одинъ богатый купецъ подвергнулъ Дарвина подробному допросу по поводу страннаго его обыкновенія *каждый день умываться* и т. д. Населеніе страны такъ рѣдко, что въ цѣлый день едва встрѣтишь одного человѣка; оно состоитъ исключительно почти изъ земледѣльцевъ (гаухость), но вооруженію и одѣянію болѣе похожихъ на разбойниковъ; они вообще стройны, но имѣють какой-то надменный и распущенный видъ, хотя и очень вѣжливы въ обращеніи. Дорогою встрѣчались развалины нѣсколькихъ прекрасныхъ фермъ, разрушенныхъ немного лѣтъ назадъ индійцами, которые вторгаются нерѣдко изъ Чили. Потому начальство Буэнос-Айреса снарядило войско подъ командой генерала Розаса съ цѣлю истребить индійцевъ, который и приводитъ это въ исполненіе. Приведенный къ генералу Розасу для осмотра его паспорта, Дарвинъ имѣлъ случай видѣть и его армію. Трудно себѣ вообразить армію, составленную изъ такого отвратительнаго сброда разбойническихъ фізіономій; люди были большею частію какой-то смѣшанной породы; тутъ же встрѣчались и союзные индійцы, породистые, высочіе и очень красивые. Розасъ самъ человекъ съ сильнымъ характеромъ, увлекающійся въ разговорѣ, но умный и серьезный; онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ въ странѣ. Къ тому же онъ отличный наѣздникъ, а это качество имѣеть немалое значеніе въ странѣ, гдѣ войско выбираетъ себѣ военачальникомъ (генераломъ) того, кто съ перекладными надъ калиткою успѣетъ вскочить на пеѣзженнаго коня, стремительно выбѣгающаго чрезъ калитку, и будетъ въ состояніи нетолько проѣхать на немъ безъ сѣдла и узды, но еще и привести его обратно къ калиткѣ. Розасъ намѣренъ перерѣзать всѣхъ индійцевъ, бродящихъ отдѣльными толпами, и согнать остальныхъ въ

одинъ пунктъ, напасть лѣтомъ на всѣхъ вмѣстѣ. Индійцы теперь такъ напуганы, что не сопротивляются массой, каждый бѣжить въ одиночку; но если ихъ догнать, то они, какъ дикіе звѣри, дерутся до послѣдней крайности. Надо признаться, что все это очень мрачно, но несравненно хуже слѣдующій положительный фактъ: всѣхъ женщинъ свыше двадцати лѣтъ испанцы рѣжутъ послѣ сраженія совершенно хладпоровно. Когда Дарвинъ выражалъ свое негодованіе на такую безчеловѣчность, собесѣдники его отвѣчали: «что дѣлать! они тоже такъ дѣлаютъ! Всѣ здѣсь убѣждены въ законности этой войны, противъ *варваровъ*. Кто бы могъ повѣрить, что такіа вещи совершаются въ наше время въ цивилизованной христіанской странѣ? Дѣтей индійцевъ здѣсь не рѣжутъ, но продаютъ или разсылаютъ въ услуженій или вѣрнѣе въ рабство, гдѣ они и остаются въ насильственное неволѣ, пова владѣлецъ не внушить имъ, что они его рабы: Война столь кровопролитная долго продолжаться не можетъ. христіане убиваютъ каждаго попавшагося индіица, а индійцы платятъ тѣмъ же христіанамъ. Грустно даже видѣть, до чего поддались туземцы испанскимъ завоевателямъ, придерживающимся, какъ видно, все тому же плану дѣйствій, которымъ руководились еще Кортесъ и Пизарро. Ширдель (Collection of Voyages—by Purchase) рассказываетъ, что во время основанія Буэнос-Айреса въ 1535 году, здѣсь были индійскія селенія въ двѣ и три тысячи жителей; при Фальконерѣ въ 1750 году индійцы дѣлали набѣги въ значительныхъ массахъ, а теперь не только истреблены совершенно цѣлыя племена, но и оставшіяся впадаютъ мало по малу въ варварское состояніе; вмѣсто того, чтобы жить большими селеніями, они теперь кочуютъ по необдѣланнымъ полямъ, не имѣя ни домовъ, ни опредѣленныхъ занятій».

Желая вернуться въ Буэнос-Айресъ, Дарвинъ въ Ласъ-Кончасъ, къ величайшему своему изумленію, узналъ, что онъ въ плѣну. Въ его отсутствіе вспыхнула революція и всѣ порты были объявлены въ осадномъ положеніи. Послѣ долгихъ совѣщаній съ начальствомъ мѣста, его пустили ѣхать къ генералу, командовавшему инсургентами, который его и пропустилъ ѣхать далѣе. Революція эта была вызвана самымъ пустымъ мотивомъ, но въ государствѣ, гдѣ въ теченіе девяти мѣсяцевъ перебывало пятнадцать правителей, несмотря на то, что по смыслу конституціи каждый правитель избирается на три года, въ такомъ государствѣ странно было бы ожидать серьезныхъ мотивовъ. Дарвинъ отправляется въ Монтевидео, замѣчаетъ, что гаучосы (поселане) стоятъ гораздо выше горожанъ, но что разбоевъ и убійствъ случается здѣсь много. Главной причиной послѣднихъ, нужно считать обычай носить всегда при себѣ ножъ. Разбойничество представляетъ необходимое слѣдствіе постоянной игры въ кости и карты, *пьянства* и *непомѣрной любви* поселанъ. На вопросъ, почему они не работаютъ, одинъ отвѣчалъ совершенно серьезно, что дни *слишкомъ длинны*, а другой—что онъ *слишкомъ бѣденъ*.

Кромѣ того праздниковъ ужасно много, а по мнѣнію жителей не слѣдуетъ начинать никакого дѣла иначе, какъ когда *мыслишь на прибыли*. Развратъ, кощунство и самая грубая испорченность нравовъ здѣсь далеко не рѣдкость. Почти каждое официальное лицо можно подкупить; начальникъ почтовой конторы продаетъ фальшивую монету. Губернаторъ и первый министръ, общими силами, грабятъ страну. Какъ только въ дѣло замѣшивались деньги, никто ужь и не ждетъ правосудія. Полиція и судьи вполне бездѣйствуютъ. Если бѣдный человѣкъ совершить убійство и будетъ пойманъ, то его непременно засадятъ въ тюрьму и, можетъ быть, даже разстрѣляютъ. Но если убійца богатъ или имѣетъ друзей, то никакихъ дурныхъ послѣдствій для него не будетъ. Любопытно, что самые почтенные граждане всегда помогаютъ убійцѣ спастись отъ преслѣдованія; они, повидимому, думаютъ, что человѣкъ, убивая, грѣшитъ противъ правительства, а не противъ общества. При такомъ же совершенномъ отсутствіи всякихъ правилъ у большинства лицъ, управляющихъ страной, при огромномъ количествѣ дурно оплачиваемыхъ, безпокройныхъ чиновниковъ, народъ все еще надѣется, что демократическій образъ правленія можетъ удался (стр. 314)! Послѣ немалыхъ странствованій Дарвина, достигается одна изъ главныхъ цѣлей всей экспедиціи — Патагонія. Замѣтивъ весь глубокій ея интересъ въ геологическомъ отношеніи, но что фауна ея такъ же скудна, какъ и ея флора, Дарвинъ характеризуетъ всю страну весьма рѣзко и наглядно словами: «проклятіе безплодія тяготѣетъ надъ страной и вода, текущая по кремнистому руслу, подвержена тому же проклятію» (стр. 356). Но не думайте, чтобы страна эта ничего не представляла любопытнаго Дарвину: кондоры и другіе стервятники, пожирающіе вмѣстѣ съ пумою (видъ льва) несчастныхъ и беззащитныхъ гуанако (дикая лама), обращаютъ на себя вниманіе естествоиспытателя, который, восхуившись при этомъ и прочей фауны Патагоніи, переходитъ послѣ этого къ обитателямъ Огненной земли, составляющимъ особое племя пещересовъ, столь любопытное, что мы, несмотря на нашу длинную уже замѣтку о книгѣ Дарвина, не можемъ не сообщить читателямъ приводимыхъ Дарвиномъ свѣдѣній объ этихъ обитателяхъ отдаленнаго угла нашей планеты. Мы никогда—говоритъ Дарвинъ—не случилось видѣть болѣе страннаго и любопытнаго зрѣлища; я не могъ себя представить, какъ далеко разстояніе между дикаремъ и образованнымъ человѣкомъ; оно значительнѣе, чѣмъ между дикимъ и домашнимъ животнымъ, только въ человѣкѣ болѣе способности къ усовершенствованію. Единственная одежда пещересовъ состоитъ изъ плаща, сдѣланнаго изъ шкуры гуанако мѣхомъ вверху; этотъ плащъ они слегка набрасываютъ себѣ на плеча, съ грѣхомъ пополамъ прикрывая свою особу. Кожа ихъ грязнаго, мѣдно-краснаго цвѣта, лицо пересѣчено двумя широкими, поперечными полосами (бѣлою и ярко-красною), волосы всклокочены и на головѣ повязка изъ бѣлыхъ перьевъ. Словомъ,

они походили на чертей, являющихся на сценѣ театровъ. Вся фигура ихъ заключала въ себѣ нѣчто презрѣнное, а выраженіе лицъ было жалкое, изумленное и испуганное. Получивъ подарки, они стали нашими пріятелями, что выказывалось тѣмъ, что они насъ толкали въ грудь и издавали звуки, похожіе на удахтанье, какъ это дѣлается при кормленіи цыплятъ. Мы повторили подобное же странное доказательство дружбы. Языкъ ихъ едва-ли можно считать членораздѣльнымъ; капитанъ Кукъ сравниваетъ его со звуками при полосканіи горла; они отличные мимики и обладаютъ въ необыкновенной степени способностью перенимать. Жилище ихъ — вигвамъ — объемомъ и размѣрами походить на копы сѣна. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо прикрытыхъ вѣтвями травы и тростникомъ; оно не лучше заячьего логовища. Туземцы, питающіеся единственно слизнякомъ, вынуждены постоянно мѣнять свое мѣстопробываніе, но поврежденнымъ возвращаются въ старымъ мѣстамъ, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ, которыя бывають приблизительно въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ. Вообще, это—самыя низкія и жалкія твари, которыхъ когда-либо я видѣлъ; при видѣ ихъ едва можно вѣрить, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ съ нами мірѣ. У центральныхъ племенъ мужчины носятъ маленькій доскутокъ, величиной съ карманный платокъ, едва достаточный для прикрытія спины до пояса; онъ привязанъ черезъ грудь веревками и передвигается изъ стороны въ сторону, смотря откуда дуетъ вѣтеръ. Въ лодкѣ шерессы были нагіе, въ томъ числѣ и взрослая женщина, несмотря на то, что шелъ дождь со снѣгомъ. Ночью эти люди, скучившись по пяти или по шести, голые и едва прикрытые отъ дождя и вѣтра этого бурливаго климата, спятъ на сырой землѣ, свернувшись подобно животнымъ. Во время отлива они собирають раковины по утесамъ; женщины ныряють, чтобы достать *морскихъ яицъ*, или терпѣливо ловятъ рыбу на удочкѣ съ привадою, но безъ крючка. Если убить тюлень или открыть плавающій трупъ гиіющаго бита — то это праздненье; въ этой пицѣ присоединяется немного безвкусныхъ ягодъ и грибовъ, растущихъ во множествѣ на молодыхъ буквыхъ деревьяхъ; по вкусу и запаху грибокъ этотъ походить на шампиньоны, но только ярко-желтаго цвѣта и довольно упругій. Племена эти очевидно подвержены частому голоду, что зависитъ отъ болѣе или менѣе продолжительныхъ вѣтровъ; тогда племена воюють и дѣлаются людоедами. Понужденные голодомъ, они зимою убивають и пожирають *смерва* своихъ *старыхъ женщинъ*, а потомъ уже собакъ. Такая послѣдовательность объясняется тѣмъ, что собаки ловятъ выдръ, а старухи нѣтъ. Можно себѣ вообразить, какой мучительный страхъ овладѣваетъ старухами, когда начинается подступать голодъ; онѣ убѣгаютъ тогда въ горы, но мужчины ихъ преслѣдуютъ и приводятъ на бойню у собственнаго очага. Нѣкоторые изъ шерессовъ ясно показывали, что они хорошо понимаютъ мѣну. Вѣрать ли

они въ будущую жизнь — убѣдиться нельзя было; невозможно было ясно опредѣлить обязанности кождуна или знахаря, который находится у каждаго племени свой. На самыя стихіи они смотрятъ, какъ на мстительныхъ дѣятелей, и повидимому имѣютъ кой-какой намекъ на религиозное чувство. Общаго правительства или главы эти племена не имѣютъ; каждое окружено другими, ему враждебными племенами, отдѣленными другъ отъ друга пустынною полосою земли; средства къ существованію составляютъ, кажется, главную причину ихъ взаимной вражды. Имъ чужды наслажденія семейнаго очага, а семейная привязанность извѣстна имъ еще менѣе, ибо мужъ относится къ женѣ какъ грубый хозяинъ къ рабочему рабу. Сама страна представляетъ такъ мало простора для упражненія высшихъ духовныхъ способностей человѣка; какая здѣсь пища воображенію, какая работа соображеніямъ и выводамъ разсудка? Чтобы снять раковину съ утеса, не требуется даже *хитрости*, этой низшей способности духовной. *Совершенное равенство* (стр. 454) между пещересами одного и того же племени должно надолго отдѣлить отъ нихъ цивилизацію. Какъ тѣ животныя, которыхъ истинитъ побуждаетъ жить обществами и повиноваться главѣ, способности другихъ къ усовершенствованію, такъ и человѣческія племена. Будемъ ли мы на это смотрѣть, какъ на причину или какъ на слѣдствіе, но несомнѣнно, что наиболѣе цивилизованные народы имѣютъ наиболѣе искуственное управленіе. Пока на Огненной землѣ не возвысится какой-нибудь глава съ достаточной властью, чтобы упрочить за собою какое-либо пріобрѣтенное имущество, до тѣхъ поръ врядъли возвысится политическое состояніе страны. Въ настоящее время, даже кусокъ холста, данный кому-либо, разрывается и дѣлится такъ, что ни одинъ не становится богаче. Съ другой стороны трудно понять, какимъ образомъ можетъ возвыситься глава, пока не существуетъ какой-нибудь *собственности*, посредствомъ которой онъ могъ бы проявить свое превосходство и увеличивать свое могущество.

Осмотрѣвъ Магелановъ проливъ, портъ Фоминъ, ледники Огненной земли и т. д., Дарвинъ отправляется въ центральное Чили. Описаніемъ этой страны и особенно рудниковъ и золотыхъ россыпей близъ Вальпарайсо оканчивается первый томъ столь же ученаго, какъ и занимательнаго сочиненія Дарвина, который, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть успѣхъ и въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ подъ редакцію А. Бекетова, извѣстнаго уже читающей публикѣ своими трудами въ этомъ отдѣлѣ человѣческаго знанія. Намъ остается только сказать, что и самое изданіе хорошо, притомъ и дешево.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія наукъ въ Германіи въ новѣйшее время.
Томъ 1-й. Исторія общаго государственнаго права и политики съ XVI столѣтія по настоящее время. Сочиненіе Блунчли. 2 части. 667 стр. Мюнхенъ *.

Еще въ 1858 году въ засѣданіи комисіи для разработки нѣмецкой исторіи и ея источниковъ, состоящей при баварской академіи наукъ, знаменитый историкъ Ранке заявилъ о необходимости написать исторію наукъ въ Германіи, а чрезъ годъ представилъ на обсужденіе академіи подробный планъ и программу для осуществленія на дѣлѣ подобнаго предпріятія, которое встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ королею баварскимъ Максимилианомъ II, ассигновавшимъ въ 1861 году значительныя суммы на столь полезное изданіе. Для возможнаго отстраненія всѣхъ затрудненій, неизбѣжныхъ при подобнаго рода изданіяхъ, историческая комиссія, раздѣливъ все сочиненіе на 3 главныхъ отдѣла, именно 1) богословіе, философія и филологія, 2) науки историческія и политическія, 3) естествознаніе въ обширномъ смыслѣ—пригласила къ участію въ ономъ наиболѣе извѣстныхъ представителей наукъ въ Германіи, и поручила каждому изъ нихъ написать исторію какой либо отдѣльной науки, потому что необычайные успѣхи, сдѣланные науками въ послѣдніе два столѣтія во всѣхъ вообще отрасляхъ человѣческаго знанія, могли быть правильно оцѣнены, а также и ясно и основательно изложены только лицами, спеціально знакомыми съ каждою наукою отдѣльно. Но какъ самое *время* появленія и развитія отдѣльныхъ наукъ весьма разнообразно и не позволяетъ взять какой либо извѣстный годъ или періодъ исторіи за исходный пунктъ, общій для всего сочиненія, то комиссія нашла удобнымъ издавать отдѣльныя, самостоятельныя части всего изданія первоначально только со временъ *новой исторіи* и при томъ въ болѣе подробномъ видѣ, чтѣ объясняется также несравненно болѣе интересомъ и тѣмъ практическимъ характеромъ, которые въ глазахъ современнаго поколѣнія имѣетъ самое развитіе науки во времена болѣе близкія намъ, сравнительно съ развитіемъ въ вѣка весьма отдаленные. По приведеніи же къ концу исторіи наукъ въ новѣйшее время, будутъ изданы обзоры наукъ съ самаго ихъ существованія,

* GESCHICHTE DER WISSENSCHAFTEN IN DEUTSCHLAND. Neuere Zeit. Erster Band: Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik seit dem sechzehnten Jahrhundert bis zur Gegenwart, von Bluntschli. In 2 Abtheilungen. 667 p. München. Cotta.

въ болѣе сжатомъ видѣ, при чемъ раздѣленіе по наукамъ будетъ замѣнено раздѣленіемъ по извѣстнымъ отдѣламъ наукъ.

Такимъ образомъ опредѣливъ планъ изданія, коммиссія, при участіи такихъ извѣстныхъ ученыхъ какъ Раумеръ, Блунчли, Вирховъ, Целлеръ, Рошеръ, Иррингъ Жолли, Эвальдъ и т. д., быстро приступила къ работѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности въ короткое время привести къ оковчанію все изданіе. Въ 1864 году вышелъ уже первый выпускъ * предпринятаго изданія, именно «Исторія минералогіи»—Кобела (Geschichte der Mineralogie von Kobell), а потомъ и вышеназванное нами сочиненіе Блунчли: «Исторія общаго государственнаго права и политики съ XVI столѣтія по настоящее время». Извѣстно, что разсмотрѣніе государства въ отношеніи его организаци, учреждений, законовъ, короче—въ отношеніи существующаго уже строя составляетъ предметъ государственнаго права; между тѣмъ, какъ наука, извѣстная подъ именемъ политики, рассматриваетъ самую жизнь государства, то-есть движеніе и развитіе всѣхъ его учреждений, необходимость послѣдствія ихъ. Изъ этого видно, что государственное право и политика находятся между собою въ точно такомъ же отношеніи, какъ состояніе покоя и движенія. Какъ скоро идетъ рѣчь о правахъ, объ отношеніяхъ государства къ частнымъ лицамъ, уже сложившимся, то мы возвращаемся въ сферѣ государственнаго права; обращая же къ *идеямъ* общественной жизни и изыскивая средства, необходимыя для достиженія этихъ цѣлей—мы касаемся уже политики. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, государственное право и политика находятся въ томъ же самомъ отношеніи, какъ причина и ея послѣдствія. Въ государственной жизни получаютъ свое проявленіе послѣдствія государственнаго права, при чемъ оказывается польза или вредъ какого-либо учрежденія, а также то, на сколько какой-либо законъ способствуетъ общественному благосостоянію или, напротивъ того, препятствуетъ ему. Право всегда имѣетъ свое основаніе въ прошедшемъ, оно должно было прежде обнаружиться уже, чтобы быть признаннымъ людьми, какъ дѣйствительное, обязательное для нихъ право. Политика же, напротивъ того, направляетъ свою дѣятельность и вліяніе на будущность, потому что въ будущемъ скрываются тѣ цѣли, достиженія которыхъ она еще домогается. Согласившись однажды въ томъ, что государственное право рассматриваетъ государство, такъ сказать, въ состояніи покоя, а политика—въ состояніи движенія, жизни, нельзя не замѣтить, что обѣ эти науки имѣютъ взаимное другъ на друга вліяніе.

Движеніе стремится придти въ состояніе покоя, и являясь первоначально слѣдствіемъ какой либо причины, становится въ свою очередь также причиною другаго, какого либо дальнѣйшаго слѣдствія. Право не представляетъ собою чего-либо постоянно-не-

* Хотя и открыта подписка на полное изданіе Исторіи наукъ въ Германіи, но каждый томъ продается и отдѣльно по весьма умѣренной цѣнѣ.

измѣннаго, безусловно-неподвижнаго, какъ-бы окаменѣлаго; оно, напротивъ того, имѣетъ свое движеніе, свое развитіе, свою исторію. Поэтому, составляя главное но не исключительное основаніе политики, право подвергается ея измѣненіямъ и составляетъ ея достойное впродолженіе всего своего переходнаго состоянія, своего преобразованія, пока наконецъ снова принявъ форму, но совершенно опредѣленную и на время постоянную форму, оно перестанетъ быть предметомъ политики. Какъ извѣстно, прежде существуетъ, такъ-сказать, скрытое право, дѣйствующее какъ несознаваемая причина, право возможное, но несдѣлавшееся еще дѣйствительнымъ или, точнѣе, прежде существуетъ наклонность и необходимое основаніе для права, выснить и разработать которое составляетъ главную задачу политики. Такимъ образомъ политика указываетъ на то, что въ государствѣ должно быть сдѣлано и какими именно способами; она раскрываетъ задачи, назначеніе государственной жизни и способы ихъ достиженія. Изъ этого очевидно, что государственное право и политика, вслѣдствіе понятія о государствѣ соединенныя неизбѣжною необходимостію въ одно неразрывное цѣлое, не должны быть совершенно раздѣляемы и при научномъ ихъ разсмотрѣніи, какъ представляющія собою лишь двѣ различныя стороны одного и того же предмета, изъ коихъ ни одна не даетъ полнаго и надлежащаго понятія о цѣломъ. Только для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія и разработки различныхъ составныхъ частей государственнаго права и политики можно эти обѣ науки изучать отдѣльно, но нераздѣльно, и политика въ своемъ развитіи должна имѣть всегда въ виду границы, положенныя правомъ; безъ границъ и основъ права политика, заботясь объ измѣняющихся подробностяхъ жизни, погибла бы въ безпредѣльномъ эгоизмѣ и стремленіи къ разрушенію. Въ свою же очередь и право нуждается въ политикѣ, чтобъ охранить себя отъ застоя и идти рука объ руку съ развитіемъ жизни.

Въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи, отличающемся необычайною начитанностію, ясностію изложенія и прочими достоинствами, которые доставили такую извѣстность Блунчли, этотъ знатокъ государственнаго права имѣлъ цѣлію представить всякому образованному читателю ясное и сознательное изложеніе развитія въ новѣйшее время науки о государствѣ, какъ со стороны общаго государственнаго права, такъ и политики. При этомъ онъ не ограничился тѣсными предѣлами науки въ одной Германіи или неумѣстнымъ національнымъ тщеславіемъ, но сознавая, что важная связь различныхъ народностей всего болѣе, живѣе и тѣснѣе ощущается въ области науки, то-есть въ человѣческомъ стремленіи къ познанію истины, Блунчли разсматриваетъ вполне безпристрастно заслуги и вліяніе, оказанныя развитію государственнаго права всѣми и не нѣмецкими мыслителями, и выставляетъ весьма часто ошибки и заблужденія своихъ соотечественниковъ, которые довольно поздно обратили надлежащее и правильное

вниманіе на эту важную отрасль политическихъ наукъ. Въ XVI вѣкѣ главное мѣсто въ развитіи науки государственнаго права принадлежить италіянамъ и французамъ (Мавіавели и Боденъ), въ XVII вѣкѣ — англичанамъ и голландцамъ (Гроцій, Спиноза, Мильтонъ и Гоббсъ); въ XVIII—также англичанамъ и французамъ (Локъ, Монтескье и проч.), хотя замѣчательныя почтенія въ этомъ отношеніи видны уже и въ Германіи въ трудахъ Томазія, Вольфа, Хердера и т. д., послѣдователи которыхъ своими неутомимыми изысканіями, глубокими обсужденіями вопросовъ и возвышенностію взглядовъ занимаютъ вскорѣ главные мѣста и въ этомъ отдѣлѣ человѣческаго знанія. Но представляя такимъ образомъ развитіе науки о государствѣ, Блунчли не написалъ исторію литературы государственнаго права, представляющую вообще мало занимательности для лицъ, неспеціально занимающихся предметомъ, но весьма ясно и притомъ вполне научно представилъ исторію идей и направленій, которыя обнаруживались въ развитіи науки о государствѣ, вступали въ борьбу между собою, дополняли, а нерѣдко и вытѣсняли другъ друга. Сообразно этому онъ и говоритъ не о всѣхъ писателяхъ и ученыхъ въ сферѣ государственнаго права, но только о тѣхъ, которые могутъ считаться представителями извѣстныхъ идей и направленій, и по возможности приводитъ вездѣ ихъ подлинныя слова и наиболѣе рѣзкія и выдающіяся выраженія и замѣчанія. При этомъ Блунчли, не вдаваясь въ подробный разборъ каждаго ученія и взгляда, показываетъ достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ, на сколько это можно сдѣлать не нарушая плана цѣлаго изданія. Вообще нельзя не пожелать успѣха этому новому сочиненію Блунчли, которое повидимому имѣетъ цѣлю пробудить въ народѣ ясное представленіе о государствѣ и его значеніи, а также разъяснить тѣ многочисленныя и ложныя понятія, до сего времени нераздѣльно связанныя со словомъ *государство*.

О способности рабочихъ классовъ къ общественнымъ дѣламъ. *Сочиненіе Прудона* *.

За нѣсколько дней до своей смерти, Прудонъ поручилъ г. Шоду просмотрѣть съ издателемъ первые оттиски этого сочиненія, которому онъ придавалъ особенную важность, и тщательно свѣрять, какъ съ рукописью, такъ и съ сдѣланными имъ впоследствии исправленіями. Такимъ образомъ посмертное сочиненіе Прудона заключаетъ въ себѣ подлинный текстъ самого автора за исключеніемъ послѣдней главы, то-есть заключенія, которое, по своему обыкновенію, Прудонъ хотѣлъ написать по отпечатаніи уже всей книги, но внезапно наступившею болѣзнію лишенный возможности самъ это сдѣлать,

* DE LA CAPACITÉ politique des classes ouvrières, par Proudhon. Paris. Dentu, libraire éditeur. 1866. 1 v. prix 3 f. 50 c.

поручилъ исполнить этотъ трудъ также г. Шодэ. Сочиненіе это, разоблачая всю несостоятельность того экономическаго ученія, которое въ свое время намѣревались осуществить въ Люксембургскомъ дворцѣ, выставляетъ *начало взаимности* (mutualisme, l'idée de mutualité), столь же древнее, по мнѣнію автора, какъ и самый міръ, главнымъ и краеугольнымъ камнемъ всѣхъ общественныхъ отношеній. На предполагаемый, со стороны читателя, вопросъ, что же это за начало—Прудонъ (на стр. 101) говоритъ, что подъ этимъ онъ разумѣетъ *взаимность*, которая даетъ и обезпечиваетъ трудъ за трудъ, цѣнность за цѣнность, кредитъ за кредитъ, гарантію за гарантію, которая, замѣняя неумолимымъ правомъ слабое милосердіе, а точностью договора (контракта) случайность и произволъ мѣны, отстраняя всякую возможность спекуляціи и азіютажа и дѣлая рискъ общимъ, старается систематически организовать начало справедливости въ цѣломъ рядѣ положительныхъ обязанностей. Подобное, довольно темное объясненіе подтверждается примѣромъ общества взаимнаго страхованія, которое, по мнѣнію автора, можетъ служить типомъ для оцѣнки всего экономическаго міра (стр. 106). Современнымъ положеніемъ и условіями экономической жизни, Прудонъ недоволенъ, а потому и предлагаетъ ввести повсюду начало взаимности, даже и въ самое правительство, считая таковое системою гарантій (стр. 181). Тотъ же самый принципъ взаимности, то-есть взаимной гарантіи, который *долженъ* (почему и какъ это должно осуществиться—Прудонъ, конечно, не объясняетъ) обезпечить каждому обученіе, работу, свободное пользование своими способностями, управленіе своего ремесла, пользование своею собственностію, мѣну произведеній и услугъ—*обезпечить* (какимъ образомъ и почему—остается опять неизвѣстнымъ) равнымъ образомъ каждому порядокъ, справедливость, миръ и спокойствіе, равенство, умѣренность власти, вѣрность должностныхъ лицъ и всеобщую преданность!

Въ осуществленіи этого начала взаимности кроется, по мнѣнію Прудона, вся будущность народа и рабочихъ классовъ, которые встрѣгаютъ при этомъ прелестствія не только со стороны другихъ лицъ, но и въ своихъ собственныхъ, нравственныхъ и умственныхъ наклонностяхъ. Они пока раздѣляютъ почти всѣ ложные взгляды пастоящаго времени: любятъ воинство, склонны къ военной славѣ и военной одеждѣ, слишкомъ легко увлекаются въ дѣлахъ политическихъ, обожаютъ ораторовъ, краснорѣчіе и легко впадаютъ въ обманъ, тщеславны, любятъ лесть, роскошь и проч. и проч.

Необходимо возвысить наклонности народа и расширить умственное его образованіе, улучшить его нравы и развитъ въ немъ чувство собственнаго достоинства, какъ личнаго, такъ и коллективнаго. Милосердіе и состраданіе сдѣлали въ этомъ отношеніи свое дѣло, но обратившись въ привычку, они перестали быть добродѣтелями и должны уступить мѣсто справедливости, болѣе

ихъ могущественной и полезной. Въ настоящее время народъ долженъ извлекать изъ своихъ правъ облегченіе, которое онъ нѣкогда получалъ изъ состраданія, причесть, конечно, обнаружится, способна ли справедливость или нѣтъ дѣлать для улучшенія народной участи *чудеса*, тавія же или, пожалуй, и еще большія, чѣмъ тѣ, которыя совершало состраданіе. Народъ долженъ сознать свое положеніе и свою силу, и сообразно этому дѣйствовать, имѣя ясное представленіе о своихъ потребностяхъ и интересахъ. Необходимо, чтобы заодно съ народными массами была наука, право и справедливость въ самомъ строгомъ значеніи слова; необходимо, чтобы массы возвысились до сознанія законности, которая считается принципомъ правильнаго дѣйствія, и въ особенности сдѣлались бы способными къ осуществленію этой законности, обращенной въ рычагъ умственный и нравственный. При этихъ условіяхъ преобладаніе ихъ будетъ обезпечено.

Мы считаемъ едва-ли необходимымъ входить въ разборъ подобныхъ, совершенно отвлеченныхъ предположеній и соображеній, непредставляющихъ практической пользы и значенія не только для настоящаго времени, но даже и для вѣковъ больше отдаленныхъ. Мы хотѣли только хотя сколько нибудь познакомить читателя съ содержаніемъ послѣдняго сочиненія Прудона, и по возможности сдѣлавъ это, прекращаемъ нашу замѣтку, слѣдуя также древнему латинскому изреченію: *de mortuis aut bene aut nihil*.

Положеніе финансовъ во Франціи во время реставраціи (1814—1830). Сочиненіе барона Нерво. 1865 г. *

Издавъ послѣдовательно исторію финансовъ во Франціи во времена монархіи, республики, консульства и имперіи (съ 1780 по 1814 годъ), баронъ Нерво счелъ необходимымъ не остановиться на этомъ, а написать, въ видѣ продолженія, исторію финансовъ во Франціи во время реставраціи, первый томъ которой весьма недавно и появился въ печати. Въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи Нерво старается, по возможности, сохранить безпристрастіе историка, говоря о лицахъ и событіяхъ почти-что намъ современныхъ, и подвергаетъ подробному разбору всѣ дѣйствія и распоряженія лицъ, стоявшихъ въ то время во Франціи во главѣ управленія ея финансами, положеніе которыхъ было далеко нецвѣтущее съ самаго возстановленія Бурбоновъ.

Территорія Франціи была занята многочисленными иностранными арміями; источники не только доходовъ, государственной казны, но и всей народной жизни были очень пріостановлены; поля и селенія опустошены, и самое народонаселеніе значитель-

* LES FINANCES françaises sous la restauration (1814—1830). Par le baron de Nervo, receveur general. Tome premier, p. 582. Paris. 1865. Michel Levy frères.

но уменьшено войнами предшествовавшими, а также очень разорено различными налогами и реквизициями и т. д. Поэтому если мы удивляемся, что Сюлли, при содѣйствіи Генриха IV, могъ успѣхити и возстановить королевство, Кольбертъ — удовлетворить пышности и безумнымъ предприятіямъ Людовика XIV, а Молиенъ изыскивать средства для непрерывныхъ войнъ Наполеона I — то, въ свою очередь, должно удивляться и тому, что баронъ Луи, графы Корветто, Рой и Вилель успѣли возстановить финансы государства и тѣмъ спасти свое отечество.

На этомъ крайне затруднительномъ поприщѣ, первымъ по времени выступаетъ баронъ Луи, который, состоя на службѣ, еще во времена имперіи настаивалъ, чтобы всѣ кредиторы государства были сполна удовлетворены, высказывая при этомъ, что правительство никогда не разоряется, улачивая то, что они должны; кредитъ ихъ основывается строгою справедливостію. Вѣрный этому благородному принципу, баронъ Луи старался осуществить его во время первой реставраціи (1814 года), обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ все свое вниманіе на изысканіе источниковъ дохода, на возобновленіе торговли и промышленности, на сбытъ произведеній страны и т. д. Но появленіе Наполеона съ острова Эльбы и имперія ста дней значительно воспрепятствовали осуществленію на дѣлѣ всѣхъ надеждъ и предположеній барона Луи. Финансовое положеніе Франціи еще болѣе ухудшилось. Кромѣ потребностей самой Франціи, началось производство, одѣвать и содержать въ полномъ смыслѣ неприятельскую армію въ 150 тысячъ человекъ, на что требовалось 300 милліоновъ франковъ въ годъ, и сверхъ того заплатить еще 700 милліоновъ франковъ контрибуціи.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Талейрана, баронъ Луи уступилъ мѣсто графу Корветто, который, родомъ изъ Генуи, не могъ много сдѣлать полезнаго по случаю характера самой палаты, хотя и прозваннаго королемъ *chambre introuvable*. Встрѣчая во всемъ себѣ протыводѣйствіе со стороны ультра-роялистовъ, Корветто тѣмъ не менѣе успѣлъ заключить три займа въ 760 милліоновъ франковъ на условіяхъ весьма выгодныхъ для правительства, въ то время когда капиталисты, устрешенные войнами и отвыкнувъ отъ спекуляцій, неохотно рисковали вступать въ дѣла съ правительствомъ. Онъ учредилъ кассу для погашенія долговъ государственныхъ, ввелъ значительныя улучшенія въ отчетности и счетоводствѣ казначейства и банка, и значительно отстранилъ бѣдствія неурожаа 1817 года. Послѣ освобожденія страны отъ занятія ея иностранными арміями, что давало въ годъ 300 милліоновъ франковъ въ сбереженіи, Корветто, вскорѣ послѣ заключенія ахенскаго трактата, удалился отъ должности, которую и занялъ въ 1818 году снова баронъ Луи. Необходимо было расширить сферу кредита, развить ее, пригласивъ къ участію въ ономъ также мѣста болѣе или менѣе отдаленныя отъ центра правительственной дѣятельности, познакомить съ государствен-

ными рентами жителей департаментовъ и привлечь ихъ къ покупке ихъ. Баронъ Луи достигъ этого учрежденіемъ въ департаментахъ такъ-называемыхъ *petits grands-livres de la dette publique* (то-есть отдѣлений главнаго управленія государственнымъ долгомъ), существующихъ и по настоящее время. вмѣстѣ съ тѣмъ пользуясь уменьшеніемъ бюджета вслѣдствіе вывода двостороннихъ войскъ изъ государства, онъ уменьшилъ прямые налоги на 20 милліоновъ франковъ. Послѣдовавшій въ 1819 году министерскій кризисъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что мѣсто Луи занялъ графъ Рой (comte Roy), министръ по прегмуществу практической. Онъ былъ воплощенный порядокъ, и влѣдѣя самою значительною въ то время недвижимою собственностью во Франціи, управлялъ ею съ искусствомъ и рвеніемъ, представлявшими немалое ручательство въ успѣшномъ завѣдываніи имъ финансами государства. Для предстоящаго займа въ 60 милліоновъ, онъ въ первый разъ открылъ гласную подписку, доступную всѣмъ по ихъ желанію, чрезъ что имѣлъ огромный успѣхъ; подписка дала 205 милліоновъ на самыхъ выгодныхъ для государственной казны условіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ возможнымъ убавить прямые налоги еще на 27 милліоновъ и приступилъ дѣятельно къ кадастровымъ работамъ, подававшимъ надежду къ болѣе правильному въ скоромъ времени распредѣленію налоговъ между общинами, кантонами и департаментами. Но въ это время пало министерство Ришльё и въ управленіе финансами вступилъ *Вилель*, появленіемъ котораго и заканчивается пока вышедшій томъ сочиненія барона Нерво. При близкомъ и основательномъ знакомствѣ автора съ предметомъ, сочиненіе это отличается живымъ и яснымъ изложеніемъ, которое представляетъ читателю не только рядъ финансовыхъ мѣръ, слѣдовавшихъ одна за другою, и ихъ неизбежныя вліянія и послѣдствія, но также разборъ этихъ мѣръ и объясненія побудительныхъ къ тому причинъ. Говоря о финансахъ, Нерво излагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и весьма кратко, общій ходъ политическихъ событій во Франціи, придерживаясь, какъ видно, того мнѣнія, что въ исторіи финансовъ государства неизбежно-отражается вся политическая жизнь народа. Это придаетъ, и безъ того уже интересное, сочиненію еще болѣе большую занимательность.

Беккарія. Биографическій очеркъ, составленный по сочиненію Канту: «Беккарія и уголовное право». Ринальдини. Вѣна. 1865 *.

Спустя около ста лѣтъ послѣ того, какъ сочиненіе маркиза Цезаря Беккарія Бонесона о преступленіяхъ и наказаніяхъ доставило тридцатилѣтнему его автору европейскую знаменитость,

* BECCARIA — BIOGRAPHISCHE SKIZZE, nach Cesare Cantu's: «Beccaria e il diritto penale», von Rinaldini. Wien. 1865, in Commission bei Braumüller. 120 стр.

Канту, извѣстный своею исторією далеко за предѣлами Аппенинскаго полуострова, предпринялъ написать возможно полную картину жизни и вліянія своего знаменитаго соотечественника. Сочиненіе Канту появилось еще въ 1862 году во Флоренціи подъ заглавіемъ: «*Vessaglia e il diritto penale*» (Беккарія и уголовное право). Сочиненіе это занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду біографій, написанныхъ въ новѣйшее время. Канту въ полной мѣрѣ придерживается въ немъ того взгляда, что нельзя вѣрно и точно изобразить жизнь и вліяніе какаго нибудь извѣстнаго дѣятеля, не познакомивъ предварительно читателя съ взглядами, событіями, стремленіями той сферы и эпохи, среди которыхъ дѣятель вращался. Поэтому Канту очень подробно изображаетъ политическое положеніе Италіи и состояніе въ ней правосудія во времена Беккаріи, современное ему направленіе умовъ въ изученіи философіи, положеніе которое занимала въ тогдѣшнемъ обществѣ литература, народно-экономическія стремленія, даже чисто-бюрократическія отношенія того времени, и въ этой-то картинѣ, столь же вѣрно какъ и привлекательно написанной, выставилъ, такъ-сказать, на первомъ планѣ главнѣйшіе, наиболѣе замѣчательные моменты изъ жизни самого Беккаріи.

Изъ этой столь же интересной, какъ и пространной біографіи, Ринальдини сдѣлалъ очень удачное извлеченіе, представляющее собою немалую занимательность тѣмъ уже, что въ немъ говорится о человѣкѣ, который не только положилъ главныя начала совершеннымъ уже съ того времени измѣненіямъ и улучшеніямъ въ уголовныхъ законахъ, но и возбудилъ вопросъ о смертной казни, отміна которой, нетерпѣливо ожидаемая человѣчествомъ, будетъ, безъ сомнѣнія, вскорѣ включена въ число столь же замѣчательныхъ, какъ и благодѣтельныхъ успѣховъ цивилизаціи XIX вѣка.

Свобода труда, ассоціація и демократія. Сочиненіе Бодрильяра. *Парижъ. 1865 г. 1 томъ* *.

Извѣстно, что со словомъ «демократія» соединяють весьма различныя понятія, и что какъ ея приверженцы, такъ и противники, очень расходятся въ истинномъ значеніи и способахъ осуществленія на дѣлѣ настоящей демократіи. Разногласія эти многочисленны не только въ политическомъ отношеніи, но также и въ отношеніи примѣненія демократическихъ началъ къ разрѣшенію общественныхъ экономическихъ вопросовъ. Но всѣ различныя мнѣнія по этому послѣднему поводу могутъ быть сведены въ два главныя ученія, изъ коихъ одно, названное социализмомъ, старается достигнуть равенства путемъ централизаціи. Въ различныихъ

* LA LIBERTÉ DU TRAVAIL, l'association et démocratie, par Henri Baudrillard. Membre de l'Institut. Paris. Guillaumin et C. éditeur. 1865. 1 vol. 378 p. Prix 5 f.

отрасляхъ промышленнаго труда и торговли оно видитъ только различныя должности, которыя должны быть отправляемы для блага общества, подъ надзоромъ и контролемъ его представителей. Собственность въ глазахъ этого ученія—та же должность, порученіе (делегация), которое государство по своему усмотрѣнію можетъ ограничить, и даже совсѣмъ уничтожить, какъ скоро найдетъ необходимымъ это сдѣлать; всякое неравенство является узурпаціею (неправильнымъ присвоеніемъ), которое должно исчезнуть; его только временно терпятъ; отдѣльная личность является лишь частью цѣлаго общественнаго организма, личный интересъ которой уничтожается предъ интересомъ общественнымъ, и можетъ быть всегда принесенъ ему въ жертву. Основныя начала этого ученія, доведенныя до крайняго своего развитія, представляютъ собою коммунизмъ.

Ученіе, противоположное этому, раздѣляемое экономистами, имѣетъ идеаломъ своимъ *свободу*. Не желая приносить личный интересъ въ жертву интересу общественному, ученіе это не допускаетъ, чтобы общественное государственное богатство увеличивалось на счетъ частнаго достоянія отдѣльныхъ гражданъ; оно ожидаетъ всего отъ *частной* дѣятельности (личной инициативы) и ничего или очень мало отъ дѣятельности государства; оно допускаетъ всевозможныя виды ассоціаціи, но совершенно добровольно и свободно организованныя въ силу естественныхъ въ тому потребностей общества. Ученіе это стоитъ за свободу труда, капитала и торговли, видитъ въ собственности такое же ненарушимое право, какъ и въ самой свободѣ, и отстраняетъ необходимость всякихъ предупредительныхъ мѣръ, и вообще всякаго вмѣшательства государства въ предпріятія промышленныя и торговли, какаго бы рода и свойства они ни были.

Бодрильяръ, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и значительныхъ приверженцевъ этого ученія, которое обращается не къ грубымъ побужденіямъ невѣжественной толпы, какъ первое, но къ разуму всѣхъ искренно стремящихся къ правдѣ и справедливости. Вышеназванное нами сочиненіе представляетъ собою спокойное и ясное изложеніе и разсмотрѣніе одного изъ самыхъ занимательныхъ вопросовъ политической экономіи. Авторъ сперва, въ особомъ введеніи, рассматриваетъ отношеніе демократіи къ политической экономіи; пытаясь дать болѣе точное и основательное опредѣленіе понятія, соединяемаго со словомъ «демократія», онъ принимаетъ опредѣленіе, сдѣланное нѣкогда Ройе-Колларомъ, именно, что демократія означаетъ возрастающее участіе народа въ благосостояніи и образованіи (*la participation croissante des masses au bien-être et aux lumières*), и доказываетъ, что политическая экономія представитъ указанія, какъ удовлетворять потребностямъ и стремленіямъ такой демократіи. Какимъ же именно образомъ? Путемъ различныхъ, полезныхъ для демократіи регламентацій, централизацій и организацій? Нисколько; только просвѣщая оную, давая ей средства познать законы производства, распредѣленія и

потребленія богатства, а также существенныя условія благосостоянія и прогреса. Въ чемъ всего болѣе нуждается этотъ міръ труда, а также и демократія? Въ сознаніи *личной ответственности*, отвѣчаетъ Бодрильяръ, и съ этой возвышенной точки зрѣнія онъ разсматриваетъ свободу труда, въ обширномъ значеніи слова, новѣйшія примѣненія этого начала, а также необходимыя, дальнѣйшія его развитія, и въ главѣ, посвященной вопросу о прогресѣ, доказываетъ, что увеличеніе матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ должно считаться несомнѣннымъ предвѣстникомъ и нравственнаго ихъ улучшенія. Все, что возвышаетъ и облагораживаетъ душу, составляетъ необходимую принадлежность демократіи; человѣческая промышленность сама по себѣ имѣетъ лишь тѣмъ значеніе, что кроющейся въ насъ искрѣ божественнаго огня, помраченной и стѣсненной нуждою, даетъ возможность являться въ полномъ блескѣ и величіи. (*Tout ce qui élève et grandit l'âme est nécessaire à la démocratie moderne. L'industrie humaine n'a de valeur elle même que parce qu'elle permet à cette flamme divine, accablée et obscurcie par besoin, de briller davantage et de s'élever plus haut*).

Но какаѣ же участіе предстоитъ современной демократіи? Будетъ-ли она демократіею свободою (либеральною), просвѣщенною и на столько богатою, чтобы обезпечить каждому лицу достаточное благосостояніе, предположивъ при этомъ, какъ необходимое условіе, полезный съ его стороны трудъ и соблюденіе должной бережливости? Или же, подобно всѣмъ демократіямъ древняго міра, будетъ она являться намъ поочередно то угнетающею, то угнетенною, невѣжественною, нуждающеюся и требующею пособія отъ государства—короче, въ томъ видѣ, въ какомъ слишкомъ часто являлась демократія на попримѣ исторіи?

Вотъ вопросъ, который предлагаетъ себѣ Бодрильяръ въ выше-названномъ сочиненіи, разсмотрѣвъ предварительно тѣ экономическія условія, отъ которыхъ зависить рѣшеніе вопроса. Онъ прежде всего выставляетъ на видъ тѣ причины, по которымъ свобода труда должна преимущественно и исключительно интересоваться демократію и составлять цѣль ея стремленій, и указываетъ на различныя реформы, осуществленіе которыхъ въ экономической жизни народовъ необходимо для всесторонняго развитія какъ свободы труда, такъ и принципа ассоціаціи. При этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на народное образованіе, на избытокъ регламентацій со стороны государства и вредныя отъ этого послѣдствія, на бесполезность и вредъ опредѣленія величины процентовъ на капиталы и пр. и пр., а также приводитъ доказательства благодѣтельныхъ результатовъ весьма недавно послѣдовавшей во Франціи отмены различныхъ стѣсненій и ограниченій свободы промысловъ. Говоря о различныхъ стѣсненіяхъ, порожденныхъ законами для мужского труда, Бодрильяръ выражаетъ желаніе, чтобы обычаи, привычки и сила предрасудковъ перестали оказывать препятствія для примѣне-

нїя труда женщинъ, гдѣ и какъ только онѣ найдутъ это возможнымъ (*que les femmes travaillent où et comme elles peuvent*), и посвящаетъ этому вопросу цѣлую главу (X) столь же обстоятельно, какъ и занимательно написанную. Онѣ находятъ, и совершенно справедливо, что свобода работать (*la liberté de travailler*) составляетъ такое же естественное право для женщинъ, какъ и для мужчинъ. Онѣ должны пользоваться этимъ правомъ, потому что современное положеніе общества заставляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ искать средствъ къ существованію въ трудѣ внѣ семейства. Правда, работники находятъ для себя жестокимъ такое соревнованіе, причиняемое имъ трудомъ относительно болѣе дешевымъ; но что же дѣлать? Въ этомъ случаѣ, какъ и при другомъ — введеніи машинъ—они должны покориться общимъ условіямъ свободы труда.

Бодрильяръ полагаетъ впрочемъ, что пройдетъ еще достаточно времени, пока женскій трудъ представитъ собою обширную и значительную конкуренцію труду мужскому, который, по его мнѣнію, едва-ли подвергнется, вслѣдствіе этого, болѣе худшему положенію, такъ-какъ цѣна на мужской трудъ, неупавшая даже отъ введенія машинъ, безъ сомнѣнія, не подвергнется пониженію отъ примѣненія труда женскаго.

Указавъ такимъ образомъ читателямъ на самые вопросы, разсматриваемые Бодрильяромъ въ новомъ его сочиненіи со знаніемъ дѣла и основательностію, мы считаемъ уже совершенно излишнимъ прибавлять что-либо еще объ интересѣ и занимательности книги.

О народныхъ банкахъ въ Германіи. Е. Сенгерле. 1865*.

Сочиненіе это представляетъ собою общедоступное изложеніе вполне благотѣльнаго примѣненія принципа ассоціаціи, сдѣланнаго въ Германіи Шульце-Деличемъ. Какъ извѣстно, онъ основалъ *асоціаціи*: а) для кредита (то-есть банки народные), б) для покупки сырыхъ продуктовъ—первоначальныхъ матеріаловъ производства, в) для покупки предметовъ потребленія, то-есть жизненныхъ припасовъ и г) для самаго производства, то-есть фабрики и мастерскія.

Вдаваться при этомъ въ разныя разсужденія о пользѣ подобнаго рода ассоціаціи, мы считаемъ столь же излишнимъ, какъ неумѣстнымъ. Мы только скажемъ, что г. Сенгерле, свидѣтель не только первоначальнаго основанія Шульце-Деличемъ различныхъ вышеназванныхъ ассоціаціи, но и быстрыхъ въ самое короткое время ихъ успѣховъ, нашелъ весьма полезнымъ представить своимъ соотечественникамъ-французамъ весь механизмъ и всѣ мелочныя подробности перваго рода, сейчасъ нами названныхъ

* LES BANQUES DU PEUPLE EN Allemagne, par Eugène Seinguerlet. Paris. 1865. Librairie internationale. IV. 270 p.

учрежденій, то-есть народныхъ банковъ, и желая по возможности возбудить въ отечествѣ своемъ подраженіе имъ, печаталъ сперва рядъ необычайно-ясныхъ объ этомъ предметѣ статей въ газетѣ *Temps*; теперь же собралъ все это въ одно систематическое цѣлое, и присоединилъ немало новыхъ свѣдѣній, данныхъ и примѣровъ, во многомъ поясняющихъ сущность и основныя начала банковъ, устроенныхъ для народа Шультце-Деличемъ. Къ этому онъ присовокупилъ, въ видѣ особаго приложенія, уставы: учетной конторы въ Эйслебенѣ и общества взаимнаго кредита въ Мейсенѣ, а также краткій отчетъ о результатѣ дѣйствій 339 народныхъ банковъ этой системы за 1863 годъ, изъ котораго видно, что банки эти, состоя изъ 99,165 членовъ, выдали въ ссуды разновременно 33,917,948 милліоновъ талеровъ, при чемъ понесли потери, по несостоятельности заемщиковъ, только на 66,748 талеровъ, и образовали уже запасный капиталъ въ 218,967 талеровъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ЛЮБИМЫЯ И ИЗВѢСТНЫЯ ПЬЕСЫ ДЛЯ ОДНОЙ СЕРИПКИ.

ALARD, D. 24 *Méodies italiennes des opéras de Bellini, Donizetti, Mercadante, Rossini et Verdi, pour Violon seul, en 3 Suites* по 75 коп.

DANCLA. Ch., le *Méodiste*. 12 *Petites Fantaisies très faciles sur des mélodies connues, pour Violon seul, op. 86. en 3 Suites* по 75 коп.

DAVID. FERD., *Violin-Concerte neuerer Meister, zum Gebrauch beim Conservatorium der Music zu Leipzig genau bezeichnet: № 1. Beethoven, Concert Ddur. Op. 61. 1 p. 75 к.; № 2. Mendelssohn, Concert E moll Op. 64. 1 p. 45 к.; № 3. Ernst, Concert Fis moll. Op. 23. 85 к.; № 4. Lipinski. Concerto militaire D dur. Op. 21. 1 p. 75 к.; № 1—4. Complet 5 p. 15 к.*

GOUNOD. Ch., *Margarethe (Faust)*. *Oper; für eine Violin arrangirt. Heft 1, 2* по 85 к.

CHOIX d'airs et de romances des meilleurs Opéras français et allemands; pour violon seul: № 1. *Lucrezia Borgia* de Donizetti. № 2. *Lucia di Lammermoor* de Donizetti. № 3. *La Somnambula* de Bellini. № 4. *La Norma* de Bellini. № 5. *Nabucodonosor* de Verdi № 6. *Ernani* de Verdi. № 7. *La fille du régiment* de Donizetti. № 8. *Linda di Chamounix* de Donizetti. № 9. *I Puritani* de Bellini. № 10. *Belisario* de Donizetti. № 11. *Le Barbier de Séville* de Rossini. № 12. *Roméo et Julie* de Bellini. № 13. *Othello* de Rossini. № 14. *La Straniera* de Bellini. № 15. *L'élisire d'amore* de Donizetti. № 16. *La Favorite* de Donizetti. № 17. *Il Pirata* de Bellini. № 18. *Dom Sebastian* de Donizetti. № 19. *Rigoletto* de Verdi. № 20. *I Lombardi* de Verdi. № 21. *Beatrice di Tenda* de Bellini. № 22. *Il Travatore* de Verdi. № 23. *Tell* de Rossini. № 24. *Les Vêpres Siciliennes* de Verdi. № 25. *La Traviata* de Verdi. № 26. *Moïse* de Rossini. № 27. *La Semiramide* de Rossini. № 28. *Les faux monnayeurs* d'Auber. № 29. *Le Domino noir* d'Auber. № 30. *La muete de Portici* d'Auber. № 31. *Fra-Diavolo* d'Auber. № 32. *La dame blanche* de Boieldieu. № 33. *Le brasseur de Preston* d'Adam. № 34. *Gustave* d'Auber. № 35. *Le Postillon de Lonjumeau* d'Auber. № 36. *Robert le diable* de Meyerbeer. № 37. *Les Huguenots* de Meyerbeer. № 38. *Le Prophète* de Meyerbeer. по 1 p. 15 коп.

ŠPOHR, Louis. Concertos pour le Violon. Nouvelle édition, revue et corrigée strictement d'après les intentions de l'auteur par Ferd. David. № 2; Op. 2. № 7; Op. 38. № 11; Op. 70. по 1 p. 15 в. № 8; Op. 47. 1 p.

Любимые танцы для фортепьяно въ 4 руки;

STRAUSS. JOH., Nachtfalter. Walzer, op. 157. 1 p. 50 в.; Juristen-Ball-Tänze, op. 177. 1 p. 50 в.; Sans souci. Polka op. 178. 60 в.; Etwas Kleines. Polka, op. 190. 75 в.; La berceuse. Quadrille, op. 199. 1 p.; Künstler-Quadrille, op. 201. 1 p.; L'enfantillage. Polka, op. 202. 75 в.; Vibrationen. Walzer, op. 204. 1 p. 50 в.; Reussen-Polka, op. 215. 75 в.; Drollerie. Polka, op. 231. 75 в.; Orpheus-Quadrille, op. 236. 1 p.; Accelerationen. Walzer, op. 238. 1 p. 50 в.; Nouvelle Satanelle-Polka, op. 242. 75 в.; Trot-Polka, op. 244 75 в.; Wahlstimmen. Walzer, op. 250. 1 p. 50 в.; Hommage-Quadrille, op. 251. 1 p.; Sträusschen-Polka, op. 256. 75 в.; Rigolboche. Quadrille, op. 258. 1 p.; Colonnen. Walzer, op. 262. 1 p. 50 в.; Ballo in maschera. Quadrille, op. 269. 1 p.; Frühlingsbotschaft. Walzer, op. 270. 1 p. 50 в.; Morgenblätter. Walzer, op. 279 bis 1 p. 50 в.; Persischer Marsch, op. 288. Персидскій маршъ 75 в.; въ 2 руки 60 в., и концертная аранжировка 85 в.; Bauern-Polka, op. 276. 75 в.

Гармонифлейты въ 3 октавы съ педалемъ 58 руб.; На пересылку предлагается за 60 фунтовъ.

Гармонифлейты въ 3¹/₂ и 4 окт. съ педалемъ отъ 75 до 95 р.; На персылку предлагается за 90 фунтовъ.

Нѣмцы фортепьяно, новой конструкціи, извѣстнаго мастера Плейеля въ Парижѣ 30 р.; На пересылку предлагается за 20 фунтовъ, и на укущорку 1 руб.

Въ томъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, идѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, вромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другія инструменты вообще, также на новыя сигнальныя трубы съ вентиляемъ, и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТНЕРЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1866 году

будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключить въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голось»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» КНИЖКИ:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРАГО, короля испанскаго. Соч. *Вильяма Прескотта*. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гизб*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. КРАВЕЦКІЙ И С. ДУДЫНИНЪ.

